

Удмуртский государственный университет

**ПРОФЕССОР
ВАСИЛИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ МАЙЕР
В ВОСПОМИНАНИЯХ И ПИСЬМАХ**

**Ижевск
2012**

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«УДМУРТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Исторический факультет
Кафедра истории древнего мира и средних веков

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ
Ижевское отделение

**ПРОФЕССОР
ВАСИЛИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ МАЙЕР
В ВОСПОМИНАНИЯХ
И ПИСЬМАХ**

Ижевск
2012

УДК 94(470)(092)
ББК 63.3(2)6-8
П 841

Печатается по решению
кафедры истории древнего мира и средних веков,
ученого совета исторического факультета УдГУ

Составление текста **Б.П. Сысоевой**
Общая редакция **Н.Г. Шишкиной**

П 841 Профессор Василий Евгеньевич Майер в воспоминаниях и письмах / Сост. текста Б.П. Сысоевой / Общ. ред. Н.Г. Шишкиной. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2012. – 418 с.: ил.

Книга посвящена памяти профессора Василия Евгеньевича Майера (1918-1985), выдающегося советского медиевиста, крупного специалиста по аграрной истории Германии позднего средневековья, первого проректора УдГУ по научной работе (1972-1976). В ней содержатся воспоминания вдовы В.Е. Майера Б.П. Сысоевой, коллег и учеников, а также научные статьи, посвященные творчеству ученого.

Для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов и всех интересующихся историей науки и историей УдГУ.

Ил.: 53.

УДК 94(470)(092)
ББК 63.3(2)6-8

ISBN

© Сысоева Б.П., составление, 2012
© ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет», 2012

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО РЕДАКТОРА.....	5
ОТ СОСТАВИТЕЛЯ.....	6
ЧАСТЬ I. ДОРОГОЙ ВИЛЛИ.....	9
1. Начало совместной жизни.....	11
2. Трудные годы.....	22
3. Хочу научиться писать.....	36
4. Перед защитой.....	43
5. Праздники были.....	54
6. Вот бы пожить здесь!.....	68
7. С друзьями у моря.....	74
8. Родные.....	88
9. Вам будет трудно без меня.....	92
10. Сейчас работаю над очень сложной проблемой.....	108
11. Послушай как пчелы гудят.....	116
12. Несуществующие страны.....	125
13. Мой дедушка Вася.....	134
14. Лектор общества «Знание».....	139
15. Духовное родство.....	148
16. Встречи с прекрасным.....	158
17. Мы Вас не забудем никогда.....	165
18. Море, песок, сосны.....	178

19. Та зима была ... – лютой.....	189
20. С ним было легко работать.....	200
21. Не захочешь – откажемся.....	218
22. ФПК – 1977 год.....	220
23. В нашем саду пробудились тюльпаны.....	240
24. Этот день совершенно особенный.....	245
25. Всесоюзный симпозиум в Ижевске.....	254
26. В Северной Ривьере.....	259
27. Первые впечатления о Венгрии.....	264
28. Активно работаю над главой для «Истории крестьянства в Европе».....	269
29. Мудрые спутники жизни.....	274
30. Встречи с далекой юностью.....	282
31. Ветеран стройиздата.....	286
32. Последний день. Память.....	292
33. Из переписки с учителем и другом.....	302
ЧАСТЬ II. ВОСПОМИНАНИЯ ДРУЗЕЙ, КОЛЛЕГ, УЧЕНИКОВ.....	337
ЧАСТЬ III. ИЗ ИССЛЕДОВАНИЙ О В.Е. МАЙЕРЕ.....	381
<i>Шишкина Н.Г.</i> Василий Евгеньевич Майер: историк и его дело.....	383
<i>Черниенко Д.А.</i> Историк и время (из научной переписки профессора В.Е. Майера)....	408

СЛОВО РЕДАКТОРА

В этой книге вы прочтете о непростой судьбе удивительного человека – Василия (Вильгельма) Евгеньевича Майера – доктора исторических наук, профессора, заведующего кафедрой всеобщей истории (1964-1985), проректора по научной работе УГПИ-УдГУ (1972-1976), заслуженного деятеля науки Удмуртской АССР, члена президиума Удмуртского комитета защиты мира, председателя Ижевского отделения дружбы СССР – ГДР, члена президиума республиканского общества «Знания»; – человека несломленного, сумевшего пронести по своей жизни любовь к родителям, своей семье, сохранить свою душу от зла, неверия, лени, уныния... Именно поэтому ему удалось то, что удалось.

Автор книги – вдова Василия Евгеньевича – Борислава Петровна Сысоева. Очень хочется надеяться, что ей удалось проследить ту самую «времен и дней связующую нить», что переносится от наших учителей к нам и нашим студентам.

Первоначально, Борислава Петровна писала воспоминания лишь для своей семьи, поэтому в 2003 году книга увидела свет в одном экземпляре. Однако после появления книги стало очевидно, что этого единственного экземпляра явно недостаточно: не только семье, но и многим другим полезно и приятно прочесть томик воспоминаний и писем, посвященный Василию Евгеньевичу.

В.Е. Майер был незаурядной личностью и прожил незаурядную жизнь: люди и события, встречи и факты, оценки и опыт – все это нашло отражение в этой книге, что делает ее по-настоящему познавательной и полезной для всех, кому интересна судьба Человека.

Это одно из обстоятельств, которое побудило к изданию этой книги. И еще... Наша сегодняшняя жизнь необычайно сложна. А, может быть, напротив, предельно проста, особенно для тех, кто умеет приспособиваться, ловчить... Василий Евгеньевич Майер не желал жить примитивно, предпочитая борьбу приспособленчеству. Ему многим пришлось жертвовать, но и приобрел он немало. Он преодолел испытания, которыми «одарила» его судьба и остался самим собой. Книга дает представление о разных сторонах его многогранной личности. Читаешь – и понимаешь, что Василий Евгеньевич – человек, который умел бороться и преодолевать трудности.

Наверное, каждый, кто знал В.Е. Майера, считает своим долгом хранить благодарную память о нем. Борислава Петровна безгранично благодарна всем, кто откликнулся на просьбу написать воспоминания о Василии Евгеньевиче и времени, которое их познакомило и сдружило.

Редактор старалась максимально деликатно обращаться с текстом первоисточника, сохраняя стиль и авторские оценки.

2012 г.

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

В свои 77 лет, дерзнула взяться за ручку и записать то, что помню о Василии Евгеньевиче.

Нет, не думайте, я не замахиваюсь на что-то, реально осознаю свои малые возможности.

И все-таки меня что-то «толкнуло». Пытаюсь осмыслить, что же? Студентка-журналистка, бравшая у меня интервью о нем в 2001 году для юбилейного университетского сборника, заставила порыться в памяти.

Сын Валерий после выхода сборника неоднократно звонил из Глазова и говорил: «Мама, пиши». Он мало что знал о нашей жизни: маленьким не вникал, а после 7-го класса жил в основном самостоятельно.

Сама подумала: хорошо бы собрать разрозненные материалы Василия Евгеньевича: его рассказы, зарисовки, выдержки из записных книжек, статьи (не научные), заметки, письма – и о нем: отзывы, заметки, статьи, воспоминания, награды и т.д.

Для чего? Чтобы можно было и почитать, и вспомнить. Льщу себя надеждой, что и внуки, и правнуки (а их уже шесть), повзрослев, захотят подробнее узнать о жизни деда и прадеда.

И еще, дома весь день одна – разное лезет в голову. А так, на старости вспоминая и записывая, «я сызнова живу. Прошедшее проходит предо мною, волнуясь, как море-океан» (А. Пушкин). И живу не одна, а с ним. Два часа в день за столом писать, а потом «все думать, думать об одном»... (А. Пушкин).

Писать... Но как?

Василий Евгеньевич уже начинал писать о своих корнях «от Ромула» в общей тетради с голубыми корочками. На первой же половине страницы остановился: некогда, потом не успел. Внук Роберт собрал сведения и на их почве «вырастил» родословное древо, с довольно разветвленной кроной.

Нет, этот путь не для меня. Не мудрствуя лукаво, решила не задумываться ни над планом, ни над композицией и т.п., а просто описать события и эпизоды из жизни Василия Евгеньевича так, как высветит их память и как сохранившиеся документы лягут на стол. Дать ему самому сказать о себе, используя письма. Разрешить по ходу изложения экскурсы в прошлое и будущее, стараясь, где возможно, придерживаться хронологии. И не отступать от правды.

Автор-составитель Б.П. Сысоева. 2003 г.

1. НАЧАЛО СОВМЕСТНОЙ ЖИЗНИ

Наверное, так бывает только в молодости. Неожиданно для меня утром 30 марта 1946 года Майер Василий Евгеньевич, ассистент кафедры всеобщей истории УГПИ, сделал мне, студентке третьего курса филфака, предложение. В 12 часов мы расписались в Ижевском ЗАГСе, а на следующий день я, собрав свои немудреные вещички и простившись с подругами, перешла из студенческого общежития в преподавательское на улице Ленина, 180 (ныне ул. Сивкова). Так началась наша совместная жизнь. Ни у него, ни у меня – ни кола ни двора. Только молодость и желание быть вместе.

Комнатка маленькая и узкая, как пенал. Стол, стул, койка (не кровать, а именно, койка), маленькая плита. Дверь в коридор не на петлях, просто приставлена: тащить было нечего. «Прилагательной» ее сделали спустя некоторое время.

Но до чего же хорошо! Весной цветущая черемуха заглядывает в окно. Аромат! Потом зацветают липы. Не надышишься.

Василий Евгеньевич на работе. У меня лекции, педпрактика в школе и работа в вечерней школе за Сенной.

Время летит незаметно. Вот и сессия подходит к концу, сданы экзамены. Я опять Пушкинская стипендиатка. Каникулы. У Василия Евгеньевича отпуск 48 рабочих дней. Что будем делать? Подруга моя Эльза Фофанова, энергичная, хороший организатор и лучший в вузе декламатор (зал замирал, когда она читала военную лирику), приглашает нас поработать в пионерском лагере торфопредприятия: Василий Евгеньевич – воспитатель, я – физрук, Эльза – вожатая, ее мама – повар и две технички.

Два месяца в лагере, действительно, медовые. Отличный отдых и практика. Первая смена – тридцать мальчишек, детей начальства предприятия. Мы быстро нашли с ними общий язык: лагерную жизнь знали по своему многократному опыту отдыха в пионерских лагерях. Вторую партию составляли мальчишки и девочки, немцы, переселенные в начале войны с Украины. От пионеров первой смены – шумных, своевольных, дерзких – они отличались удивительным послушанием, застенчивостью, скромностью. Но к концу смены и они стали походить на обыкновенных детей. Только грустинка иногда туманила их глаза.

Кормили детей очень хорошо, даже не по меркам голодного 46-го года: на столах масло, яйца, пироги не порцией каждому, а сколько хочешь – бери и ешь.

Лес, река, воздух, костры, походы, 30 детей, шестеро взрослых и рядом близкий человек – что еще надо для полного счастья!

Но все кончается. Сентябрь. Как всегда, работа в колхозе. Василий Евгеньевич уехал со студентами истфака (он и впоследствии постоянно ездил с историками). Они не только работали на полях, но и читали лекции населению, готовили концерты.

Я же с литфаком в селе Юськи убирала картофель и овощи: заработала 2 пуда картошки. Богатство! В котомку ее – и на поезд. В проходящий московский нас не пустили, и мы ехали на подножках вагонов с тяжелыми котомками. Висели, как виноградные гроздья. Со мной на подножке – незнакомый парень, тоже с грузом. Когда подъехали к Ижевску, пришлось попросить его разжать мне пальцы: так крепко держалась за поручни вагона и так сильно хлестал ветер с изморосью, что пальцы окоченели.

Сейчас с ужасом думаю, как мне удалось дотащить тяжеленную котомку с картошкой с Увинского вокзала до дому, до центра города.

Василий Евгеньевич приехал тоже с картошкой. Живем!

Четвертый курс. Лекции, семинары, курсовая работа, научные конференции, спорт... Время летит.

Где-то в январе приехал Володя, мой младший брат, из Вязьмы. Там он в 1945-м похоронил маму, а брат мамы Петя попал в автокатастрофу и погиб. Уезжая в 43-м году после освобождения Вязьмы на родину, мама советовала мне окончить первый курс и приехать к ним. Но позднее в письме просила остаться в Ижевске до окончания вуза, так как в Вязьме все разбито, наш дом сгорел, они ютятся в землянке, ничего нет.

Володя видел, как мы живем, и согласился на предложение Василия Евгеньевича устроить его в ремесленное училище по специальности электрик.

Несколько слов надо сказать о дяде Пете. Он приходил к нам в Вязьме по праздникам. Однажды мне, дошкольнице, подарили красивый альбом. Я попросила дядю Петю нарисовать на первой странице лошадку – очень любила лошадей. Он охотно согласился и, не отрывая карандаша от бумаги, одним движением руки нарисовал нечто, лишь отдаленно похожее на лошадь, а больше – на расхристанную тряпку. Мне так было жалко испорченную первую страницу, что я горько плакала в другой комнате, пока не пришел папа и не нарисовал великолепного коня, аккуратно убрав ластиком безвольные линии дяди Пети. После этого я старалась как можно меньше общаться с ним.

На первом курсе института моя однокурсница Тася Овечкина сказала мне, что у их соседей живет тоже эвакуированный из Вязьмы Петрован, как его нарекли деревенские. Узнав, что ее подругу зовут Борислава, он попросил Тасю привести меня в деревню Смирново, что Тася и сделала. «Бориславка, да это же в самом деле ты!» – закричал дядя Петя, обнимая меня. Я тоже обрадовалась, забыв про лошадку. Он оглядел меня с головы до ног, велел снять валенки и поставить их сушить на печку. Мне же дал обувку, сшитую из овчины.

Мы долго разговаривали. Я дала ему адрес мамы. Дядя Петя рассказал, что колхоз в Смирново крепкий, трудовая дисциплина хорошая, люди сознательные, работают добросовестно, не как в других колхозах. Председатель – старый мудрый человек и настоящий хозяин. Он и пер-

вый в районе выполняет государственные хлебопоставки и сверх нормы прилично сдает государству. И армию кормит, и колхозников не забывает: выдает хорошо на трудодни, хотя это было строжайше запрещено. Народ его любит и не выдает властям.

И действительно, Рая, хозяйка, у которой жил Петрован, в пять утра топила печку и раным-рано, оставив троих маленьких детей на семилетнюю Гапку, шла по колхозным делам. Но ее на работы далеко от дома не посылали, чтобы она могла кормить маленькую.

Я пришла в субботу, а в понедельник утром валенки были подшиты и зашита дырка вверху у большого пальца, которую я тщетно пыталась заткнуть тряпицей. Рая испекла мне три каравая хлеба, настоящего, без примесей. Дали картошки. Я, обогретая, в шесть часов утра с оттягивающей плечи котомкой шла в Ижевск 5-6 км. Сейчас Смирново почти слилось с городом.

Надо же! Стоило ехать тысячу километров из Вязьмы, чтобы встретить и полюбить дядю Петю, заботливого, немногословного человека, мастерового, умеющего делать все по хозяйству, за что и колхозники ценили его.

Уезжая с мамой и Володей обратно в Вязьму, дядя Петя оставил мне у Раи муку и сколько-то денег. Картошку я зарабатывала сама, помогая копать Рае, и в соседней деревне Марасаны, где картошка была особенно вкусная, рассыпчатая. Хранила ее у Раи.

Я приходила в деревню раз в две недели, Рая пекла мне караваи, давала картошки, и я опять шла в институт.

Дядя Петя основательно поддержал меня во время учения. Жаль, что никак не смогла отблагодарить его.

Главными событиями 1947 года были: сдача мною госэкзаменов, получение диплома с отличием учителя русского языка и литературы средней школы и рождение ребенка. Из госэкзаменов я успела сдать философию, педагогику и русский язык. Литературу же сдавала после рождения сына с заочниками.

В билете – Грибоедов и еще что-то. Грибоедова я очень любила, знала много наизусть из комедии, цитировала.

«Блестяще, блестяще!» – говорила очень требовательная Л.И. Кулакова, любимый преподаватель всех студентов филфака, сыгравшая в моей жизни огромную роль, ставя мне «отлично» в зачетку на самом первом экзамене на первом курсе по теории литературы. Приятно это было слышать и на последнем экзамене в вузе. Пишу об этом не для самовосхваления, а потому, что мне очень дорога ее похвала.

Валерик родился 20 июня быстро и почти безболезненно. Большую часть времени в роддоме спал, тихонько посапывая носиком, почему-то с белыми точками.

Василий Евгеньевич приходил каждый день, приносил передачи и записки.

24.06.47.

Здравствуй, милая Боренька! Ты хочешь, чтобы я тебя забрал уже домой. Это сейчас, мне кажется, еще не нужно. Выйдешь ты 28 или 29 июня, то есть 4-5 дней еще осталось. Это уже немного. Мне хочется тебя видеть и хочется, чтобы ты была дома, чтобы я мог, как и ты, ухаживать за Валериком. Но сейчас еще подожди немного. Соблюдай тот режим, который предписывается. Неужели это сверх всяких сил? Дома ты, конечно, не будешь придерживаться режима. Я уже сейчас вижу, как ты лезешь мыть окно, как моешь пол и т.д. Все-му этому я не в состоянии буду оказать сопротивление, потому что это совершенно бесполезно. Возьми себя немного в руки, не читай лишнего. Чем лучше ты сейчас будешь соблюдать порядки, тем быстрее мы увидимся. Я тебя так люблю, и мне так трудно тебе об этом писать, что и представления не имеешь.

Относительно сдачи экзаменов не волнуйся: сдашь в июле. Потом еще отдохнешь. Не ставь себе никакого срока относительно сдачи, успеешь. Это не страшно. Обнимаю тебя крепко и целую. Желаю наилучшего здоровья тебе и Валерику.

Твой Вилли.

Меня очень обрадовала записка-поздравление Л.И. Кулаковой. Храню ее вот уже сколько лет: «Дорогую Бориславу, молодую маму, поздравляю от всей души».

Родился Валерик, и нам дали другую комнату, тоже южную, на первом этаже, с большой печкой-голландкой и нормальной дверью. Солнечная. Теплая.

Жизнь в этой комнате представляется мне сейчас светлой, радостной, счастливой, несмотря ни на что.

Здесь мы жили около двух лет. У нас появились свои вещи: кроватка-качалка, цинковая ванна, одежда для Валерика. Последнюю собирали чуть ли не две кафедры: истории и литературы. Л.И. Кулакова – одеяльце байковое, вещи своей подросшей дочери, кусок хозяйственного мыла (просто невиданное богатство!), А.Н. Зимина, доцент, читала русскую литературу XIX века, – пеленки, распашонки, Л.Н. Заболоцкая, заведующая кафедрой всеобщей истории, – пять метров белого ситца в голубой горошек. Я из него сшила себе первое послевоенное платье.

Валерик рос очень спокойным здоровым ребенком. Покушает и спит в кроватке. Я могла за это время, закрыв его в комнате, бегать пять-шесть раз за день проверять очередь в донорском магазине на Советской (сейчас «Светлана»). Кормящим матерям давали пол-литра молока в день. Но очередь надо было занять около 6-7 часов утра и караулить до 5-7 вечера, когда привезут молоко. Питание из детской кухни приносил Василий Евгеньевич. Он же вставал к Валерику по ночам. Мог очень быстро оригинальным способом успокоить его: несколько легких движений указательным пальцем по носику Валерика от лба к кончику –

и малыш спит. Лето было очень теплое, солнечное, и Валерик много спал у нас под окнами в своей кроватке.

В то лето и осень питались мы в основном свекольным листом. Во дворе жители разделили землю: всем по грядке. Нам досталась самая плохая, под кленами, у забора на улицу. Там всегда была тень. Что там вырастет? Трава – и то плохо. Василий Евгеньевич очень разумно посеял свеклу. Выросли листочки сантиметров 10-15, а о корнеплодах нечего было и думать! Эти листочки нас спасли: варили суп с ними, разумеется без мяса.

Именно здесь, в этой комнате, у нас часто и подолгу засиживался Т.Б., преподаватель УГПИ, живущий в этом же доме. Он, тоже окончивший исторический факультет МГУ, разговаривал с Василием Евгеньевичем о профессорах МГУ, как они читали, освещали острые вопросы, а больше он расспрашивал о довоенной жизни Василия Евгеньевича и жизни в первые годы войны. Т.Б. был человек простой, одинокий; часто держал Валерика на руках, говорил: «Ну, вставай скорее на свои палки (ноги), беги к папе!» Отношения с ним были товарищеские. Всегда приглашали его ужинать. Он не отказывался от дежурного свекольника, принимал приглашение с благодарностью: очень бедствовал. Мне запомнилось, как он бережно ел суп с фасолью, в другой раз – морского окуня с картошкой, приготовленного Василием Евгеньевичем. Да и для нас это тоже были редкие деликатесы.

Первое сентября. Надо идти на работу в литературный кабинет, где меня ожидала должность лаборанта. Декретный отпуск я не брала: нужны были деньги. Литкабинет солнечный, просторный, с огромной зеленой пальмой пользовался популярностью у студентов и всегда был заполнен до отказа. Работы много. Кроме того, приходилось вести семинарские занятия и читать лекции за временно отсутствующих преподавателей.

Почти всю эту зиму мы были с Валериком посменно: Василий Евгеньевич уходил на работу утром, я к часу дня кормила грудного ребенка, пеленала его и шла с ним на работу во вторую смену по Красногеройской улице. По дороге меня встречал возвращавшийся с работы Василий Евгеньевич, брал малыша и шел домой. Вечером в семь часов он приносил мне Валерика кормить. Красногеройская не освещена. Тротуары перекопаны, под ногами глина. Осенью в темноте ходить было очень трудно.

Но самое яркое впечатление принесет мне 1947 год. Я уже окончила вуз и работала лаборантом литературного кабинета в УГПИ. Воспитывала первенца, четырехмесячного малыша. В начале сентября Василий Евгеньевич сообщил мне, что с подачи парторга института Л.Н. Заболоцкой, я должна сыграть Зою Космодемьянскую в «Сказке о правде» М. Алигер. Драмкружок готовится к Республиканскому смотру самодеятельности коллективов республики. Я об этом не знала. «Ну, Боренька, ну, что тебе стоит», – уговаривал меня Василий Евгеньевич, не желая

усложнять моим отказом свое не очень прочное положение в УГПИ. Ну почему я? Ну, участвовала в 2-3 сценках с Эльзой Ф., подругой, ну, – стрижка короткая. Ну, и что? У меня малыш на руках. Няни нет. Работаю...

Нехотя согласилась, но потом не пожалела.

Ш. – руководитель кружка, талантливый артист русского драмтеатра, создал литературный сценарий на основе «Сказки о правде» и поэмы «Зоя» М. Алигер. И это, по-моему, во многом определяло успех, так как поэма значительно сильнее «сказки» и очень обогатила ее. В ее текст (замечательно читала ведущая Роза Войтус-Ломаева, студентка 4-го курса) были включены игровые сцены из «Сказки о правде».

Работа под руководством Ш. была трудна, но интересна и поучительна. Он не «натаскивал» исполнителей, не хотел навязывать своей интонации. Он добивался, чтобы исполнитель роли сам почувствовал происходящее, оценил его и выразил свое отношение.

Все шло неплохо. У меня получалось не хуже других. Камнем преткновения стала предпоследняя сцена – Зоя, избитая во время допроса и пыток, запертая в каком-то закутке, в ожидании казни. В ее сознании неожиданно всплывают строки из сказки Пушкина о спящей царевне. Королевич Елисей в поисках своей невесты обращается к солнцу, луне, ветру:

*Ветер, ветер, ты могуч,
Ты гоняешь стаи туч...
Ты волнуешь сине море,
Всюду веешь на просторе.
Не встречал ли где на свете
Ты царевны молодой
Я жених ей...*

В это обращение царевича к силам природы мне надо было вложить и выразить целую гамму чувств, охвативших Зою перед казнью: и отчаяние, и радость, и ненависть к фашистам, и надежду, и страх наступающего утра и еще многое другое. Но чувства Зои и королевича Елисея у меня никак не совмещались. «Иди отдохни», – сказал Ш. Повторю. Он не показывал, как я должна говорить. Упор на то, что я должна чувствовать перед казнью и донести до зрителей.

И я ушла в соседнюю аудиторию с кафельным холодным полом и не заклеенными окнами (праздничные транспаранты вывешивались). Сидела и думала, в каких местах монолога Елисея какие чувства выразить. В дверь постучали. Щелкнул выключатель. Вошел Василий Евгеньевич с трехмесячным Валериком на руках. Принес, чтобы я его покормила. Малыша даже не распеленываем.

- Ты что здесь сидишь, одна в темноте и холоде?

- Пытаюсь войти в роль. Не получается, – жалуюсь я.

- Получится, вот увидишь получится.

И такая уверенность звучит в его голосе. Затем они уходят, а я представляю, как Василий Евгеньевич идет по темной, перекопанной для прокладки водопровода Красногеройской улице. И это повторялось изо дня в день в течение всей осени.

Я возвращаюсь на репетицию.

На смотре три самодеятельных коллектива ставили «Сказку о правде». Первая премия была присуждена нашему драмкружку, студентам УГПИ. Пожелтевшая грамота оргкомитета смотра «За лучшее исполнение роли Зои» хранится у меня до сих пор. Но по совести она должна была бы принадлежать Ш.: он так основательно поработал со мной, особенно над отрывком из сказки Пушкина, и я ему очень благодарна. Научил работать над текстом. Старенький альбом далекого 1947 года хранит 4 фотографии, сделанные во время спектакля Юрой Верзаковым (играл партизана), тогда студентом физмата. Отмечены были и Варя Шумейко (В.А. Щапова, в будущем заслуженный учитель школы УАССР) и Роза Войтус (Р.И. Ломаева).

Пройдет два года, и мы трое Роза Иосифовна, Юрий Иванович и я станем учителями мужской школы № 22 г. Ижевска.

С первых лет нашей совместной жизни я узнала Василия Евгеньевича как человека, способного не только сочувствовать, сопереживать другому, но по возможности, помочь, будь то человек или животное. Только три примера.

Холодным январским вечером он ушел агитировать жителей Восточного поселка к выборам. Прошел час, другой, вот уже двенадцатый... Наконец-то! «Кого же ты так долго агитировал?» – «Не спрашивай, налей лучше горячего чаю».

Все объяснилось месяца через полтора. Я стояла за мукой в очереди в небольшом торговом зале магазина против нынешнего кинотеатра «Дружба». Василий Евгеньевич пошел к кассе отбивать чек. Вдруг вижу: какой-то довольно приличный мужчина дружески ударил его по плечу. Василий Евгеньевич обернулся. По его недоуменному взгляду поняла, что мужчина ему не знаком. «Да ты что, друг, разве не узнаешь меня? Да ты что, не помнишь разве, как тащил меня (не пью я... сволочи, напоили чем-то) с Восточного за Сенную? Дикий мороз. Не ты, замерз бы как пить дать» – и стал горячо благодарить Василия Евгеньевича. Тот стоял смущенный. Очередь определенно заинтересовалась происходящим.

Оказывается, в тот вечер у дверей частного дома, где жили избиратели, Василий Евгеньевич увидел пьяного мужчину, тщетно пытавшегося попасть в дом. Его не пускали. Василий Евгеньевич догадался спросить адрес – человек жил в противоположном конце города за Сенной. И Василий Евгеньевич, сам в старенькой шинельке, чуть подбитой ватой на груди и спине, повел его туда через базар по темным холодным улицам. О транспорте и думать было нечего. Он довел его до дома и

ушел, когда человеку открыли дверь и детские голоса радостно закричали: «Папка пришел!». Агитировать он ходил на следующий день.

В связи с этим вспомнился и другой эпизод, происшедший позднее. В дверь постучала вся в слезах очень уважаемая женщина. «Помогите! Пьяный муж изрубил мою одежду, шифоньер, разбил швейную машину...».

Василий Евгеньевич отодвинул рукопись, отложил ручку.

- Оставайтесь на своих местах, – бросил нам и поднялся на третий этаж к разбушевавшемуся мужчине с топором в руках.

Я замерла у двери. Несколько минут показались часами... Василий Евгеньевич спустился с невысоким человеком. Прошли в кухню. Часа через полтора заглянула к ним: пьют чай и мирно беседуют. Мужчина поднялся:

- Извиняйте, лешак попутал. Все понял. Спасибо, - произнес он, пожимая Василию Евгеньевичу руку. Дверь закрылась.

- Что же ты говорил ему, пьяному?

- Не важно что. Главное, он, кажется, понял. Завистники наплели на его жену. Он, трезвенник, и завелся. Для храбрости принял и ... Думаю, все наладится.

И еще ... Большая черная лохматая собака в свирепый мороз пыталась согреться на крышке канализационного люка недалеко от нашего дома. Мы с Василием Евгеньевичем возвращались откуда-то поздно вечером. Увидев собаку, он сказал: «Замерзнет». Сделал характерный жест рукой по ноге и пригласил: «Идем со мной». Собака послушно поднялась с нами на второй этаж. Насытившись, легла в коридоре на коврик и заснула. Когда Василий Евгеньевич выходил в коридор, она открывала глаза и благодарно била хвостом по полу. Утром, позавтракав, попросилась выйти и ушла навсегда.

Не громкие это слова, но душа Василия Евгеньевича, человека не робкого десятка, была чутка и сострадательна и к людям, и к животным.

В третьей нашей комнате мы прожили около семи лет. Как мы отважились туда въехать, не представляю сейчас. Она была в том же доме на первом этаже против нашей второй. Но как отличалась от нее. Это был уже не каменный дом, а деревянный пристрой к нему, низкий, мрачный, сырой и холодный. Три окна на уровне земли на север, полутемно. Солнце никогда не заглядывало сюда. Но мы вынуждены были туда въехать: ждали второго ребенка, а кровати для няни и малыша некуда было поставить в прежней комнате. Теперь у нас была одна комната и небольшая кухонька, в прошлом коридор. В предновогодний вечер, когда мы стряпали в кухне пельмени, я почувствовала сильный холод, подняла голову вверх и обмерла: на меня смотрело черное звездное небо. Пристрой отошел от каменного здания сантиметров на 15-20, если принимать во внимание второй этаж. Бросили пельмени, стали заторкивать дыру валерикиным матрасом, набитым соломой: ничего другого у нас не было. Мерзли мы здесь.

Однажды Василий Евгеньевич привел высокую, статную, красивую (величавую!) – язык не поворачивается сказать – старушку 82 лет. Он нашел ее у бани, не знала, куда идти. Ей негде было жить. Это была родственница, как потом узнали, одного из инженеров завода Ф. Она согласилась жить у нас за стол и жилье с одной обязанностью – присмотреть за Валериком. Она очень нам нравилась. Проводывать ее приходила сестра. Мы вздохнули свободнее. Валерик был присмотрен, спокоен. Филипповна (няня) нередко говорила мне: «Все хорошо, Борюшка, да стара я, боюсь упаду, придавлю робеночка». С этим надо было считаться. Василий Евгеньевич похлопотал и через некоторое время устроил ее в дом престарелых.

В бытность у нас Филипповны произошел очень неприятный случай. Как-то, когда я вернулась с работы, она сообщила мне: «Приходила какая-то женщина наниматься в няни. Сказала, что еще придет. Только ты ее не бери, она плохая. Все глазами зыркала по комнате. Спрашивала, много ли стирать приходится. Не бери ее, она так и зыркает, и зыркает во все углы». Мы с Василием Евгеньевичем не особенно обратили внимание на слова Филипповны, «зыркающая» оказалась наводчицей. Вскоре нас обокрали дочиста: утром на работу Василия Евгеньевича собирал весь дом: кто ботинки, кто брюки, кто рубашку, кто носки. У меня сохранилось только то, что лежало в чулане. Брать-то было особенно нечего. Правда, мы только завели две новые вещи. У Василия Евгеньевича – первый настоящий костюм (до этого ходил в гимнастерке). У меня – салатное очень модное летнее пальто и крепдешинный шарфик, который он подарил мне и который я очень любила. Воры выдавили стекла и, воспользовавшись тем, что я заснула над лекцией, которую готовила, и не выключила свет, обчистили нас. Я была косвенной виновницей несчастья, но Василий Евгеньевич никогда не напоминал о случившемся. А у меня это событие навсегда отбило охоту к очень красивой модной одежде. И всю последующую жизнь я одевалась так себе, да и денег и времени не было гоняться за красивой одеждой.

Вместо Филипповны (у нас уже родился Толя) появилась новая няня Шура – девочка-семиклассница удмуртка из деревни. Девочка тайком бежала в город: не отпускали тогда из колхоза. Шура добросовестная, спокойная хорошо ладила с Валериком. Она читала ему стихи, чтобы он знал их наизусть. И Валерик декламировал нам с Василием Евгеньевичем:

*Мой щенок веселый
За лето подрос.
Стал красивый, умный
И веселый пес.*

«Не пес, а пёс», – поправляла я его, но он всегда упорно читал по-своему, обязательно добавляя в конце: «И веселый не пес, а пёс».

С Толей же приходилось трудно, да и выпал ему на детские годы самый сложный и беспокойный период нашей жизни. Родился он в больнице соцгорода в октябре, куда я пришла сразу после чтения лекции на заочном отделении. Меня, за неимением мест, положили в коридоре на холоде и сквозняке. Шесть дней в холодной больнице и в холодную комнату домой. На седьмой день я вынуждена была идти на работу. Перминов В.М. – директор школы – предложил мне ставку учителя русского языка и литературы в школе работающей молодежи № 8 в полуквартале от нашего дома. Упустить этот момент нельзя было. С утра я работала в институте, вечером – в школе. Через некоторое время, когда Толя начал вставать на ножки, неожиданно сильно толкнул качалку и выпал из нее сломав при этом ключицу. Как я тащила его в больницу на руках в такую даль, сама не помню. В больнице мне указали на конец длиннющей очереди. К счастью, вышел профессор, бросил взгляд на меня и сказал: «Женщина с ребенком, проходите». Наложили на ключицы шины. Так он и ползал первое время с шинами на плечах.

Как-то покормила Толю в постели и через него потянулась к столу посмотреть время. Раздался необычный треск, что-то сильно ударило меня по спине (подо мною лежал ребенок), и все потонуло в клубах пыли. Оказывается, с потолка рухнула штукатурка большим монолитным куском, и продолжали падать другие куски. Открылась на потолке дранка. Василий Евгеньевич был в отъезде. Надо было видеть, как мы с Шурой заклеивали потолок газетами.

Но это были «ягодки». Вскоре выяснилось: ребятишки во дворе не понимают его речь. Ну, что такое «сыпляска» (чеплашка)? Мы с Василием Евгеньевичем думали, что подрастет и все само собой образуется. Но нет. Надо было действовать! Василий Евгеньевич привез из Москвы замечательные книги по преодолению заикания и по логопедии. Мы тщательно их изучили и начали работу. Занимались с Толей по 5-7 минут несколько раз в течение дня. Например, отрабатывали звук «к»: определяли положение языка. Одеваю его утром и говорю: ки - ку - ка – рубашка, трусики, чулки, носки, тапки, ботинки, ножки. Василий Евгеньевич за обедом. Ну-ка – ка, ки, ка – тарелка, вилка, ложка, кастрюлька. Спать ложится – и снова тренировка: – стенка, кроватка, простынка, табуретка, пипетка, таблетки и т.д.

Сами сумели справиться с сильным заиканием, сами поставили все звуки. Сложнее было с координацией движений. Но и тут Василий Евгеньевич не забывал о скакалках, «классиках», прыжках, беге. К школе эти проблемы были решены, кроме координации движений. Но к концу 1-го класса обнаружилась дилексия. Не быстро, но справились и с ней. Но сын немного отставал от сверстников. Я подхватывала действия Василия Евгеньевича, но ведущим был он, как и во многих других делах.

Старый двор дома по улице Ленина (одно из общежитий пединститута) вспоминается часто. Он был не очень большой, но места хватало для деревьев, цветов, грядок, ребячьих игр. Главное, он был не проход-

ной и калитка запиралась. Единственная неприятность – соседство с вендиспансером, окна которого выходили во двор. Из них больные бросали всякую дрянь. Мы строго-настрого запрещали детям подходить туда и – не дай бог! – что-нибудь поднимать. По просьбе жильцов врачи запретили больным открывать окна, и больше они нам не мешали. Часть двора, прилегающую к улице, занимали большие деревья: клены, липы, черемуха. В глубине двора кустарники: шиповник, акация (ну и свистулек же было сделано!). На солнечной стороне остались грядки, где сажали кто что хотел. У нас росла морковь и по ней самосевом мак. В солнечные дни сентября, возвращаясь из школы, я любила, набрав мак из коробочек в ладошку, высыпать его себе в рот. Однажды за этим занятием застал меня Василий Евгеньевич. Он сказал строго, что этого делать нельзя, оборвал все коробочки и выбросил. Я тогда еще никакого понятия не имела о наркомании.

Дальнюю часть двора завершали сараи, где хранили дрова и не нужные вещи. Стоит добавить еще старую засыпанную землей помойку, на которой Варвара Сергеевна Беляева, библиотекарь, выращивала огромные тыквы. Рядом – душ, построенный Н.А. Зелепухиным. И с краю под окнами Плющевских и Зелепухиных уютный цветник, посаженный Ириной Владимировной и охраняемый ею от набегов детей. Посреди двора большая цветочная клумба с бюстом А.М. Горького в центре, заботливо оберегаемая Варварой Сергеевной и цветы, цветы. Особенно благоухал двор в августе-сентябре, когда зацветали георгины разных сортов, размеров, расцветок, посаженные везде, где только было свободное место, Т.П. Бабиной.

На этом дворе Василий Евгеньевич нашел свободное место, чтобы посадить две яблоньки Боровинка. Одна вскоре погибла, а другая через несколько лет превратилась в аккуратное деревце, буйно цветущее весной. Василий Евгеньевич тщательно за ней ухаживал, полыл, подкармливал, рыхлил. Я видела, как он со второго этажа из нашей квартиры ведрами – по сорок ведер! что меня страшно удивляло – носил воду поливать ее. Первый урожай был невиданный. Яблоки разрешалось рвать всем, но не ломать ветки. Варили из яблок вкуснейшие компоты.

Во дворе было много детей: Бабины Ира и Володя, Соловьев Коля, Плехов Юра, Майеры Толя, Валерик и Виля, Коротаевы Галя и Витя, Толстых Сережа и Оля, Чазов Олег. В основном, играли дружно, но если возникали ссоры, родители старались не вмешиваться, давая детям возможность самим наладить отношения.

Случались и ЧП. Расскажу только о тех, что связаны с нашими детьми. Летним вечером, солнце уже садилось, во дворе было много жильцов: играли в шахматы, преферанс, разговаривали, вышивали, дети бегали тут же. Вдруг обнаружилось, что пропал трехлетний Валерик Майер. Все бросились искать его во дворах, по улице Красногеройской, но его нигде не было. Василий Евгеньевич позвонил в наше отделение милиции, находившееся у рынка, где сейчас «Дом быта». Ему ответил

милиционер, видно, пребывавший в хорошем настроении, что у них сидит мальчик лет трех, болтает ногами, рассказывает о приземистом доме лесной заставы, но адреса своего он не знает, зовут Валерик. Василий Евгеньевич опрометью бросился туда. Мне кажется, что он бежал всю дорогу. Оказывается, бдительный милиционер, возвращаясь с дежурства, задержал его у входа на рынок и привел в ближайшее отделение милиции. Ума не приложу, как маленький мальчик мог уйти так далеко, перейдя три улицы с большим для того времени движением. Все окончилось благополучно.

Второй раз напугал Толя. Взобравшись по лежащим во дворе бревнам на довольно высокий забор, отделявший двор от улицы, он прыгнул с него на улицу, чтобы, перелетев через широкий тротуар, приземлиться на пустующее заднее сиденье проезжавшего по дороге мотоцикла. Результат – вторая сломанная ключица.

2. ТРУДНЫЕ ГОДЫ

Часто Василий Евгеньевич ездил в Москву для работы в Ленинской библиотеке, почти все лето находился там. Он изучал «Вайстыумы» (Уставы), собирал материалы для кандидатской диссертации, сдавал кандидатский минимум.

В Москве он встречался со своим консультантом проф. МГУ Моисеем Менделевичем Смирным, крупным ученым-медиевистом, лауреатом Государственной премии, кавалером ордена «Трудового Красного знамени», автором учебника для вузов по средним векам. Василий Евгеньевич испытывал к нему величайшее уважение. Всю жизнь переписывался с ним, а после его смерти – с женой профессора Хасей Борисовной.

Письма Василия Евгеньевича этого времени говорят о его работе в аспирантуре.

Москва, 18.01.47.

Дорогая Боренька! Сегодня получил вторую спецтему. Вопросы очень сложные и щепетильные. Вопрос о прикреплении решен. ... За эти дни я обошел почти все начальство. Прием везде хорош, но свое право на научную работу надо сначала доказать. Доказать на деле, а не какими-нибудь обещаниями. О нашем выпуске сохранились наилучшие воспоминания. Работать придется очень серьезно и упорно... Москва воодушевляет и вселяет новую уверенность. Как хорошо чувствовать перед собою хорошую будущность! Но работать надо еще больше...

Москва, 06.02.49.

...Второй день усиленно занимаюсь в Исторической библиотеке. Чем больше занимаюсь, тем больше убеждаюсь, что еще больше следует заниматься...

Москва, 07.02.49.

В первый день этого полугодия я спокойно просидел весь день и до самого вечера. Сажу в Исторической библиотеке. Меня окружает гора книг. Мои дела движутся медленно, но к профессору пойду консультироваться не раньше, чем через два дня. Тогда и договорюсь о сроке.

...Встречаю с каждым днем все больше ребят и все больше убеждаюсь: я еще мало работал и работаю... Они здесь непрерывно находятся в библиотеке и что-то ищут. Жизнь у всех интересна. Боренька, ты не знаешь, как я тебя люблю и как я сейчас скучаю по тебе и по милым нашим ребятам. Когда мы вместе, у нас так мало времени быть ласковыми друг к другу. Мне теперь кажется, что я ничем не показал, что я тебя люблю, что уважаю, ценю, что ты стала самым близким мне человеком.

Что делают мои маленькие друзья Валерий и Анатолий? Я их всегда вижу то в кровати, то Валерия за столом, то с мышкой, то с громадной обгорелой палкой, рисует ею по стене, то выбегает в коридор, теряя там «рупь двадцать». Я их только не вижу, когда они плачут. Значит, правда, плохое забывается, хорошее остается на всю жизнь.

Я же рад, что на время променял ад на чистилище... Теперь главное здесь сдать. Тут опять комиссия будет принимать. Это самое паршивое. Хочу на этот раз отвечать на любом предоставляемом для этого языке. Чем черт не шутит!..

Да, почти забыл. Не забудь: либо дома на столе, либо в столе в деканате у меня блокнот (светло-синий). На обложке написано №5. Там, в конце блокнота, указана литература по другому спецвопросу. Книги все на французском языке. Если ты не поймешь, то знай – все книги о Людовике XI, там он значитесь либо Lohi XI, L XI. Вырви этот листок и пришли мне его в одном из писем. Прости, что я так много пишу. Думайте, что я с вами.

Москва, 16.02.49.

...Сегодня сдал на «пять». Приеду я только в середине марта. Пиши, как ты на это смотришь. Иначе не сдам еще один. Только так я смогу весною кончить.

Москва, 17.02.49.

...Сдача кандидатского минимума по общественному строю франков по «Салической правде» меня, как ты это знаешь, больше

всего пугала. К моему несчастью, пришла вся аспирантская группа б человек меня слушать. Хуже всего в таких случаях, когда люди сидят за твоей спиной, иногда теряешь ориентировку. Я, конечно, дрожал как студень. Но, втянувшись в ответ, забыл, что и кто в тылу у меня. Наступление велось быстро, и слава Богу, а то могли бы быть споры. Немного профессор меня покрутил. Получил «пять».

Признаюсь, последние три дня перед сдачей я уже занимался другим предметом. Аспиранты удивлялись, как я мог приготовить такой сложный вопрос один и где-то. Дети! Они не понимают, что они еще не умеют мыслить, что они еще зависимы от своего руководителя, стараются раболепно ему угождать.

Я вчера хотел лезть в драку, так как во многих случаях не согласен с моим патроном, но он так «удачно» меня спрашивал, что это было невозможно и даже очень рискованно. Вопросы со стороны членов комиссии хорошие. Если ничто не помешает, я еще один сдам. Потом – кошкелям до весны. Перед нашей заочной сессией надо закончить и получить инструктаж по диссертационной теме.

...Боже мой, как мы отстали от столицы. Работаем мы много, а толку мало. Мало мы растем. Хоть бы это каждый осознал. Это такая неприятная истина, что я ее преодолю в ближайшее время. Будем делать все, что возможно, но наш институт в этом вопросе должен заниматься по-другому. Здесь читают неимоверно много, но продукции мало. У нас же читают мало, а продукция безбожная по размерам. Если бы удалось каждого третьего профессора послать из Москвы на периферию, строго контролировать его деятельность там, чтобы не жульничал и не зазнавался, то можно было бы подготовить новые замечательные кадры для провинции. Но это такая же утопия, как Моровская о смене сельскохозяйственных жителей через каждые два года городскими. Пока не будут лучшие условия в провинции, до тех пор не увидишь профессора там. Теперь надо провинции их выдвигать...

Москва, 24.02.49.

...Я тоже соскучился. Но я хочу еще один сдать. Неужели вы меня отругаете, если задержусь? Во всяком случае после 01.03.49 я еще дней десять задержусь. Приеду и гулять буду с Вавой и Толей. Дайте мне только сейчас немного поработать.

Москва, 27.02.49.

...Мне кажется, что я сейчас совершаю невероятный подвиг, читаю по 10-12 часов в день французский текст. Невероятен он именно потому, что от такого обильного чтения у меня прошли головные боли. Моя вторая тема, если ты не забыла, называется «Людовик XI и города». Простудировал немало хорошей французской литературы. Ничего по этому вопросу на русском языке нет. Дали бы

мне последний вопрос по выбору, я, конечно, больше не стал бы выбирать какой-нибудь иностранный язык: либо же немецкий, или французский, которые теперь прочнее всех в моей голове. Мне кажется, голова болела от латинского...

Людовик XI – интереснейший и бесподобнейший тип на французском троне в XIV веке. Он всех так объегорил, что от них и духу не осталось. Да, я его вновь полюбил, как в ту ночь, когда читал Неймановского «Дьявол». Овчинка стоит выделки: сдавать надо, пусть меня там и будут ругать. Если я не сдам, буду чувствовать себя очень неважно, меня это будет всегда мучить. Нет, останусь и сдам.

Москва, 02.03.49.

...Был только что на консультации. Наверное, у меня ничего не выйдет. Во всяком случае, дела не из блестящих. Прочитал все. Писать надо. А тут и голова еще болит. Просто: кричи караул. М.П. телеграфировал два раза, чтобы он разрешил мне остаться до 10 марта. Он не отвечает.

Неужели без меня там горит? Все равно я отработаю свой пай и чужой воз вывезу, ибо на ослах воду возят. Я сегодня злой, злой потому, что даже 10 дней не могут дать. Посмеюсь я над Людовиком – лисой новейшей. Боренька, ты не волнуйся, если там шумят. Мне это сейчас нужно. Мне нужно с кем-нибудь подраться, а это немалый предлог.

Во многих местах живут гораздо лучше и культурнее. Почти все наши ребята, то есть мои однокурсники, уже защитились либо на днях защищают. Мне жаль, что у меня так плохо сложились обстоятельства. Все же я далек от Москвы, а то бы уже закончил эту историю.

Работаю теперь как бешеный. Сдавать буду 9 марта в 11 часов дня. Это будет довольно сложный экзамен особенно потому, что все же паршиво владею французским языком. Ежедневно читаю по 10-12 часов французские тексты, уже начал бредить на нем, но зато читаю в 10 раз лучше, чем раньше. Теперь никогда уже не заброшу... Ну, помни, что 9 марта сдаю. Это ровно через неделю

Твой Вилли.

И в дальнейшем Василию Евгеньевичу часто приходилось ездить в Москву. Но каждый раз он должен был отпрашиваться в МВД. Дело в том, что в 1949 году его поставили на спецучет как «переселенца-выселенца». Это означало, что он был лишен свободы передвижения и каждый раз должен был получать разрешение на выезд (маршрутный лист). Кроме того, надо было там же ежемесячно отмечаться. Это очень волновало, тяготило и унижало.

В бумагах Василия Евгеньевича сохранилась просьба о разрешении на выезд и два маршрутных листа.

РАЗРЕШЕНИЕ

Действительно по 01.06.54.

Настоящее выдано спецпоселенцу Майеру Вильгельму Евгеньевичу на право передвижения по городам Воткинск, Сарапул, Глазов, Можга УАССР по делам служебной деятельности.

Замминистра внутренних дел УАССР, полковник (подпись неразборчива)

25.11.53 Печать

Желая добиться снятия позорного статуса выселенца, Василий Евгеньевич пишет – верил в справедливость! – в правительство, подробно излагая ситуацию.

...Я, Майер Вильгельм Евгеньевич, немец по национальному происхождению, родился 6.12.1918 года в семье крестьянина-середняка Майера Евгения в селе Высокополье, Больше-Александровского района Николаевской области УССР. Отец в 1931 году переехал на Днепрострой, где он работал столяром в коммунальном отделе Коксохимического завода и проживал по адресу – Днепрострой, левый берег, 109 барак, квартира №1 до 1 октября 1941 года. Теперь он проживает в Новосибирской области Ордынском районе молокосовхозе №212, ф-1. Два года тому назад он потерял трудоспособность.

Окончив в 1937 году среднюю школу в г. Запорожье (на немецком языке), я в том же году поступил на исторический факультет Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Будучи студентом, я с 1 марта 1941 года работал в Институте Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК ВКПб в отделе Маркса-Энгельса.

7 июля 1941 ушел добровольцем в народное ополчение г. Москвы (по Киевскому району).

В середине января 1942 года был демобилизован из рядов РККА на основании приказа ГКО от 5 декабря 1941 и отправлен в трест «Ижлес» города Ижевска. Там меня поставили на счетную работу. Такая работа не могла меня удовлетворить тем более, что я переписывался со старыми товарищами, сражавшимися на фронтах Великой Отечественной войны. Я стал просить республиканский военкомат УАССР, чтобы меня направили либо в армию, либо на какой-нибудь другой трудный участок. В конце февраля 1942 года республиканский военкомат направил меня в 133 рабочий батальон. В мае 1942 года батальон был расформирован, и меня направили на лесозавод, где я работал десятником, потом экспедитором по снабжению, читал среди рабочих и активистов лекции о международном положении, выступал перед ранеными.

С 13 января 1943 года по приказу Наркомпроса Удмуртской АССР работал преподавателем в педучилище (Удмуртская АССР, Увинский

район, село Мултан). 20.6.43 года НКВД Удмуртской АССР мобилизовало меня на работу в лагерь военнопленных; до середины ноября 1943 года я работал политинструктором в лагере №75, а с этого времени – оперуполномоченным в лагере №155.

22.02.44 я был уволен на основании КЗОТ по статье 47, п. «В» (дело в том, что я по неопытности не указал в личной анкете, что мой брат Оскар Евгеньевич, не живший уже с 1927 года с родителями, был в декабре 1937 года арестован).

С 20.02.44 по июнь 45 года работал вновь в указанном педучилище. С июня 1945 до октября того же года я учился в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова и, окончив его, получил направление в Удмуртский пединститут, где я работаю до сих пор.

С 1936 года я член ВЛКСМ, номер билета №0338860.

28.4.1949 года отдел спецпоселения Удмуртской АССР взял меня на учет «спецпоселенца-выселенца» потому, что я немец.

Для меня это удар, от которого ни я, ни моя жена Сысоева Борислава Петровна, не можем оправиться.

Конечно, у меня нет никаких заслуг перед Советским правительством. Если я, тем не менее, Вам пишу, то я делаю это потому, что я надеюсь, что с Вашей помощью этот вопрос может быть положительно разрешен. При разрешении моего вопроса прошу учесть, что я учился в передовом нашем вузе, где имеются сильные партийная и комсомольская организации, что я и теперь продолжаю заочную учебу в аспирантуре МГУ (сдал уже специальный минимум по истории средних веков), что я никогда не порывал с комсомолом, что с самого детства я готовлюсь быть верным членом ВКПб, что в наше время исключительно важное значение имеет сознательность каждого человека индивидуально. Последним я не хочу игнорировать сознательность коллектива

С глубоким уважением

В. Майер.

Письмо вложено в подписанный конверт. Но не отправлено. Не решился? Скорее всего, понял, почувствовал бесполезность, а может, и опасность такого шага. Я же включила письмо, чтобы самой не излагать биографические данные этого тяжелого, порой нестерпимо горького периода, о котором Василий Евгеньевич не любил говорить.

Василию Евгеньевичу не всегда разрешали поездки. Однажды он пришел из МВД очень расстроенный и, не сказав, что его не отпустили, уехал в Москву. Через два дня пришло извещение, говорившее о том, что, если он не явится в такое-то время в такую-то комнату, его приведут под конвоем. С МВД шутки плохи. Я пришла в ужас, совсем растерялась, не знала, что делать, как сообщить ему. И посоветоваться не с кем. Пошла к директору школы (я уже работала в школе №22 и вечерней №8).

Он, выслушав, очень бережно отнесся ко мне, успокоил, сказал, что все обойдется, чтобы я не думала об этом. Он до школы работал в министерстве и, конечно, во всем этом понимал больше меня. Все действительно обошлось, если не считать головомойку Василию Евгеньевичу. Но у меня совсем пропало молоко. Кормить малыша стало очень трудно, пришлось перейти на искусственное кормление. Детская кухня не всегда работала четко. Спустя некоторое время, Василий Евгеньевич нашел женщину, жившую неподалеку от нас и державшую корову. Стали брать молоко у нее.

После войны в Ижевск были привезены немцы из Германии. Они работали на заводе. Василий Евгеньевич познакомил меня с семьей Ш., очень интеллигентной: жена, муж и дочка-пятиклассница. Мы ходили в гости друг к другу. Они жили на Советской в ИТР-овском доме, хорошая квартира на третьем этаже. Мы – в комнате с окнами у земли и потолком без штукатурки, оклеенным газетами. Контраст. Угощали нас кофе и канпе с разными наполнителями на огромном блюде. Стол покрывали красивейшей скатертью: букеты цветов, решетка, вышитая крупным крестиком, великолепным ирисом. После войны многие увлекались вышивкой. Хотелось как-то украсить бедный быт. У меня разгорелись глаза, и госпожа Ш. дала мне скатерть домой переснять рисунок, что я и сделала. Вышила ее на простынном материале нитками мулине. Не все цвета совпали. Я понимала, что моя скатерть получилась хуже, но она нас радовала – всякий раз стол расцветал букетами. Куски этой скатерти и сейчас хранятся у меня как память. Остались и фотографии Василия Евгеньевича и мои, сделанные господином Ш.

Разговаривали по-немецки, то есть Василий Евгеньевич с Ш.; мне переводили то он, то Ш. В 8 часов вечера их дочь входила в комнату, говорила всем «Спокойной ночи». И удалялась к себе. Ездили мы с Ш. и на природу.

В мужской школе №22 учились в то время сыновья привезенных в СССР немцев.

Как я сейчас понимаю, и в лагере для военнопленных, и в отношениях с Ш. задачей Василия Евгеньевича было установление дружеских отношений с немцами, что позднее нашло свое продолжение в его работе в Комитете защиты мира, где он был председателем секции СССР-ГДР.

На протяжении всей жизни Василий Евгеньевич уделял большое внимание педагогической деятельности. Новые курсы требовали большой подготовки. Но детей он не обделял вниманием. Играл с сыновьями. Они любили шумные игры. Когда Василий Евгеньевич занимался, один мог часами спокойно сидеть у него на коленях, а другому надо было обязательно влезть на плечи, шевелить волосы, дергать его за уши и т.д. Василий Евгеньевич никогда не говорил, что дети ему мешают, что ему некогда, не кричал на них. Когда же они наседали, давал им в руки какое-нибудь дело: он был горазд на выдумки.

И только один раз – это случилось позднее – Василий Евгеньевич наказал их. Увидев на крыше двухэтажного дома пяти-, шести- и двенадцатилетнего сыновей, он спокойно предложил им слезть. Потом во дворе вырезал небольшую вицу из акации, долго обстругивал ее на глазах у детей, велел спустить трусы, всех по одному разу стеганул и спокойно сказал: «Запомните на всю жизнь».

Человек очень терпимый, он никому в семье не навязывал своей воли, но почти всегда получалось как бы само собой так, как он хотел, как считал нужным. Требовал жестко только в крайних случаях.

Еще когда мы жили в маленькой комнате, с окнами у земли, в пяти минутах ходьбы до школы № 22, где я работала, я приглашала своих пятиклассников к себе домой. В школе трудно было найти место для внеклассной работы, да и семья – двое маленьких детей – требовала внимания.

Время было суровое, послевоенное, в классе 46 мальчишек (школа мужская), только у двоих есть отцы, у большинства – погибли на фронте. Матери заняты на работе и дома сверхголовы. Ребятам старались привлекать к себе преступные элементы. Правда, о наркомании, СПИДе и прочем мы не слышали. Свободное время ребят надо было занять полезным делом, чтобы не бегать за ними потом в милицию.

Мои мальчишки пятиклассники, потом шести-, семи- и десятиклассники приходили ко мне по 5-10 человек: выпиливали, клеили, рисовали, готовили костюмы, репетировали, проявляли фотопленки, печатали фотографии, выпускали еженедельную стенгазету. И все это не молча. Я, организовав ребячью деятельность, успевала постирать, сварить обед, просто побыть со своими детьми, которые крутились тут же. Конечно, часто отвлекалась: у кого-то сломалась пилка лобзика, кто-то, смешивая краски, получил не тот цвет, у кого-то из кассеты не вынимается пленка...

Я устраняла ребячьи неприятности и опять занималась своими делами. А рядом за тонкой перегородкой работал Василий Евгеньевич. Он ни разу не сказал, что ему мешают, что чужие ребята в нашей небольшой комнате – это уж слишком. Правда, мы собирались, как правило, в его отсутствие.

Замечу, что я приводила домой часто не самых благополучных ребят. Надо отдать должное тринадцатилетнему Вилику – старшему сыну Василия Евгеньевича, позднее приехавшему к нам с мамой и отцом Василия Евгеньевича, – он умел с ними ладить и даже дружить, не поддаваясь отрицательному влиянию, а наоборот, хорошо влияя на них, хотя и был озорником-выдумщиком, но не злостным, а скорее, изобретательным. У него в друзьях были и отличники Гриша С., сын профессора медицинского института, и Валерий П., хорошо воспитанный мальчик, и ребята-шалопайи. Уважали его и хулиганы.

Помню весну 1958 года. Мои бывшие пятиклассники теперь солидные выпускники. Школа уже смешанная. Наша квартира в этом же доме,

но уже на втором этаже. Я легла спать, намотавшись за день. Василий Евгеньевич еще работает. Вот он подходит ко мне и тихонько будит: «Вставай, твои ребята зовут тебя». Открываю глаза, слышу скандируют хором: «Бо-ри-сла-ва Петровна, идемте гулять!». На часах половина двенадцатого. Мы – человек 8-12, когда сколько – гуляем по спящему городу. Он так не похож на дневной. Спускаемся к пруду, к пристани, к памятнику Дерябину. Отдыхаем в сквере кинотеатра «Колосс» (теперь здание Собора Александра Невского). И о чем мы только не переговорим! Обо всем, о чем в стенах школы и думать не хочется. На рассвете они провожают меня домой, усталые, проголодавшиеся.

Заходим во двор нашего дома в беседку, говорим шепотом, стараясь не разбудить жильцов. Василий Евгеньевич, видно, всю ночь не спал, работал. Уловив наше возвращение, он спускается со второго этажа с сумкой, в которой стаканы, буханка хлеба, порезанная на куски, в другой руке – бидон с простоквашей. Лук уже кто-то успел нарвать с наших грядок, хорошо известных моим ребятам. Мы с удовольствием, стараясь не шуметь, с шутками и с приглушенным смехом с аппетитом поглощаем принесенное. Василия Евгеньевича приглашают с нами за компанию. Не отказывается. Подкрепившись, расходимся где-то около половины пятого утра.

А днем во дворе слышу, как соседка говорит: «Опять шпана приходила в беседку. Выпивали... У Майеров лук повыдергали. Но не матерились, не дрались». Я не раскрыла тайну ночных нашествий «шпаны», в числе которой были замечательные ребята Алеша Козаков, Алеша Попов, Володя Охтин, Таня Никитина, Люба Карнаухова и др.

Василий Евгеньевич хорошо знал всех моих ребят этого выпуска, читал им лекции, ходил с нами в походы, помогал некоторым в трудные моменты, а для двух-трех человек был старшим другом. Так, Александр Кирсанов, ученик 9-го класса и Василий Евгеньевич познакомились на одном из школьных вечеров и уже не теряли друг друга из вида без малого 30 лет.

Не длинные письма – открытки позволяли им сказать все, что хотели. Обменивались своими научными работами.

Три примера посланий А. Кирсанова, доцента Одесского университета, преподающего немецкий язык.

Одесса, 1978.

Уважаемый Василий Евгеньевич. С благодарностью и добрыми пожеланиями от одного из авторов книги, в некотором роде ученика (ст. «Формирование и развитие конструкции сложного существительного «прилагательное + существительное» в немецком языке». – Б.С.). А «ученик» много расспрашивал Вас и получил ответы о методологической роли марксистско-ленинской теории.

Одесса, 08.11.81.

Уважаемый Василий Евгеньевич! Спасибо. Утешили. Рад за Вас. Идет продукция Ваша. Дай бог здоровья и дальше так же. Одесса, по-видимому, и в ус не дует насчет Лютера. Но Вам спасибо, что надумили. Я пригляжусь. В истории немецкого языка XVI век был особой многозначительной эпохой. И мне немного повезло. Кое-что почитал из тех времен...

...Завидую: историк тексты XVI века лучше меня читает. Богаче содержанием. Но, конечно, не всякий историк. Я равняюсь на Вас. Подучиваюсь по возможности...

Ваш А. Кирсанов

Одесса, 20.02.85.

Уважаемая Борислава Петровна! Странно и горько не иметь возможности обратиться к Василию Евгеньевичу. Глубоко скорблю и соболезную. Он был мне хорошим учителем, советчиком, благожелательным старшим другом. Знаю, Вы стойкий человек. Желаю Вам и семье всего самого доброго в жизни.

Ваш А. Кирсанов.

Родным языком Василия Евгеньевича был немецкий. Язык детства, семьи, школы десятилетки в Запорожье. И он прекрасно им владел.

Время от времени читал на инфаке в УГПИ и УдГУ лекции на немецком языке. До меня неоднократно доходили лестные отзывы о них преподавателей и студентов. Отмечали богатство его словарного состава, великолепное берлинское произношение.

Свободно разговаривал он и с немцами из ГДР на вечерах встреч и в рабочей обстановке. Хорошо знал и ряд немецких диалектов, что помогало ему в работе над документами средневековой Германии. К нему время от времени обращались в письмах некоторые медиевисты других городов с просьбой перевести кусок средневекового текста или истолковать значение отдельных выражений.

Василий Евгеньевич преподавал латынь; владел английским, французским, голландский знал не очень хорошо, но читал и понимал. Любил украинский. Знания свои не афишировал. Русский язык стал для него вторым родным, знакомым с детства, языком МГУ, языком постоянного общения дома и на работе. Он хорошо освоил его, говорил и писал грамотно, правда, если уж быть совсем точной, ему иногда не удавалось с ходу справиться с глаголами совершенного и несовершенного видов. Но и здесь ошибки допускал в редких случаях.

Сам же Василий Евгеньевич считал, что ему еще надо много работать, чтобы по-настоящему легко владеть «великим, могучим, правдивым и свободным» (И. Тургенев).

Всю жизнь незаметно для окружающих, но с завидным упорством Василий Евгеньевич совершенствовал свой русский язык. Свидетельств-

вом этому являются тетради, записные книжки, куда, читая произведения, воспринимая речь других людей, он заносил слова, выражения, поговорки и поговорки, толкование отдельных слов, которые так или иначе остановили его внимание то интересным суждением, то меткостью, то мудростью, то поучительной сентенцией. Из разных лет строки, которые привожу ниже.

Вот листок из тетради далекого 1949 года, чудом оказавшийся у меня в новом тысячелетии. Брат из Москвы вместе со своими документами прислал его мне. Да это же мой знакомый!

Я видела, как Василий Евгеньевич, читая «Гаргантюа и Пантагрюэля» Рабле, время от времени делал какие-то записи, похожие на стихи.

Ф.Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль»:

- *день-деньской валялся в грязи,*
- *пачкал себе нос,*
- *бил баклуши,*
- *точил зубы о деревянный башмак,*
- *чесался стаканом,*
- *садился между двух стульев,*
- *совал нос, куда не спрашивают,*
- *по одежке протягивал ножки,*
- *дураков за версту видно,*
- *заруби себе это на носу... и т.д.*

Помню, как он вставлял некоторые выражения в наши повседневные домашние диалоги и иногда внимательно смотрел, как я на это реагирую: удачно ли он ввел выражение в свою речь. Тетрадей с подобными выписками было несколько. С начала 50-х годов Василий Евгеньевич перешел на записные книжки: удобно, всегда под рукой. В них – и шифр книг, которые он заказывал в Ленинской библиотеке и по МБА; много адресов людей, с которыми переписывался или просто общался, ученых, друзей. Но основное место занимал материал для обогащения языка.

Василий Евгеньевич выписал более 500 выражений из книги Эд. Вартаньяна «Из жизни слов» (Москва, 1963):

- *вернуться к своим корням (возвратиться на родину),*
- *в кильватере плыть (следовать за кем-нибудь),*
- *водить за нос (обещать и не выполнять),*
- *авилонское столпотворение (шум, гам, кавардак),*
- *вальпургиева ночь (разгул злых опасных существ, буйная пирушка),*
- *гомерический смех (хохот),*
- *дело – табак (дрянь),*
- *зуб иметь (держат злостью)...*

• *«Чтобы прийти к большому, надо начать с маленького»*
(В.И. Ленин).

• *«Мы все умрем, людей бессмертных нет,
И это всем известно и не ново,*

Но мы живем, чтобы оставить след:

Дом иль тропинку, дерево иль слово» (Р.Гамзатов).

• *Зажглась, загорелась, вспыхнула, засияла, горит, разгорается
огнем, заревом воспламеняется.*

• *Горшку на заварушку.*

• *Он пел, плясал, как топориком тесал.*

Хитроумные коленца выкидывал.

Да шутками-прибаутками

Всех гостей дивил, весь народ веселил.

• *Карр. Каррийский мрамор. Туда ездили Джотто и Микельандже-
ло за мрамором.*

• *Слова гремят громко, как мелочь в трамвайной кассе.*

• *Мальчик вместе с матерью смотрели «Войну и мир» по теле-
визору. Он страшно переживал, когда на балу долго никто не пригла-
шал Наташу. И когда, наконец, князь Андрей (артист В.Тихонов) при-
гласил ее, он с облегчением заявил: «Наконец-то Штирлиц догадался
ее пригласить».*

• *У счастливого и петух несется.*

Василий Евгеньевич всю жизнь сознательно и настойчиво работал над тем, чтобы говорить по-русски, как русский: точно, свободно, образно, убедительно. И хотя его речь уступала культурнейшей речи, скажем, Б.Г. Плещевского, ему удавалось доносить свои мысли не только до сознания, но и до сердца слушателей, причем никаких украшательств, внешних эффектов он не признавал.

Няня наших детей Шура по настоянию Василия Евгеньевича закончила восьмой класс вечерней школы, поступила в медицинское училище, получила место в общежитии. К этому времени в 50-м году он съездил в Сибирь и привез оттуда свою маму Матильду Федоровну, отца Евгения Вильгельмовича и младшего сына девятилетнего Вилли. Они были во время войны с Украины перевезены в Новосибирскую область.

С приездом родителей квартиру немного переделали: дверь из кухни в комнату перенесли ближе к входной двери. В образовавшуюся нишу между окном и печкой поставили кровать родителей. Кровать Виллика – напротив. Мы разместились в комнате.

Теперь жить стало легче – Матильда Федоровна взяла хозяйство в свои руки – и труднее: нас стало 7 человек. Пенсию родители не получали. Василий Евгеньевич вел не только свои курсы, но и временно отсутствовавших преподавателей. Правда, далеко не всегда эти часы оплачивались.

Я работала в три смены (22 школа первая и вторая смены и 8 вечерняя). Дедушка, в прошлом плотник на Днепрострое, слепой: глаукома, врачи уже помочь не могли. Это был седой благообразный малоразговорчивый человек. Он большую часть дня сидел на кровати или летом на скамейке на солнышке. Около него всегда был кто-то из детей. Вилка он просил читать вслух, что тот и делал: читал часами громко и несколько монотонно, но постепенно чтение его становилось все более выразительным, интонации богаче и разнообразнее. Малыши, тут же пристроившись, слушали его. Я жалею, что мало общалась с отцом Василия Евгеньевича. Некогда было. Уставала очень. Но это не оправдывает меня.

Умер дедушка в 1954 году. Провожать его в последний путь на кладбище пришли соседи по дому. Мы по непонятным для меня причинам долго не посещали кладбище. Только в последние годы Василий Евгеньевич и дети ходили искать могилки родителей (бабушка умерла в 1963 году), но не нашли. Раньше родительские дни не соблюдались, как теперь.

Матильда Федоровна стала центром семьи. Она готовила очень хорошо. «200 блюд из одной картошки», – как выразился Василий Евгеньевич. Но если бы картошки было больше! Володя, приезжавший к нам тогда из армии, много лет спустя вспоминал ее вкуснейшие борщи. Но с продуктами было нелегко. Нас выручали коровьи лытки, большие с мясом. Они стоили дешево. Василий Евгеньевич покупал лытку, бульон получался вкусный, наваристый.

Матильда Федоровна кормила детей, смотрела за ними, заботилась об их здоровье. Толю она буквально выходила: делала ему массаж со смальцем. И очень обижалась, когда Толя, хорошо поев, вечером говорил, что его не кормили.

Выходила Матильда Федоровна не только Толю. Напротив, в бывшей нашей комнате, у Ильиных – преподавателей УГПИ – умирал грудной (кожа да кости) мальчик, врачи отказались его уже лечить. Матильда Федоровна, осмотрев мальчика, сказала: «Он будет жить. Купите мне свиного сала». Она все «пользовала» смальцем, который держала в малюсеньком чугушке в холодильнике. Больше месяца она массажировала ребенка со смальцем. Сначала он дико кричал, она выпроваживала родителей из комнаты, а потом стал улыбаться во время массажа. Ребенок выздоровел. Ильин поклонился ей в ноги и сказал «Берите у меня, что хотите». – «Сделай мне лошадку-качалку для детей». Больше она ничего не просила.

Ильин своими руками ножом из полена выстругал лошадку-качалку, не такую красивую, как в магазине, но удобную, устойчивую. Она была одной из самых любимых игрушек. С фотографии, подаренной Ильиным Матильде Федоровне, смотрит, улыбаясь, молодая женщина с крепким малышом на руках. На обратной стороне слова благодарности.

Матильда Федоровна многое знала, умела. Она шила детям штанишки, рубашки. Я под ее неослабным руководством – сама она уже плохо видела для шитья черных вещей – по всем правилам сшила два зимних пальто детям в школу. Шила она на старой машинке «Зингер», которую возила с собой с Украины в Сибирь, оттуда – в Ижевск. После смерти Матильды Федоровны я по глупости во время очередного переезда отдала машинку играть детям во дворе, сняв предварительно опасные детали.

Виля пошел учиться в третий класс школы № 22 к старой (70 лет), но очень хорошей учительнице Евдокии Васильевне Обуховой. Он быстро освоился, учился на 4 и 5, по-детски озорничал. Евдокия Васильевна показывала Василию Евгеньевичу тетрадь Вилли. Он по заданию начертил в тетради план нашей комнаты, а в середине нарисовал мишку. «А мишка здесь для чего?» – строго спросила учительница. «А он валялся посреди комнаты», – последовал ответ. Дети между собой жили, в основном, дружно.

Иногда они шутили с Матильдой Федоровной (это уже на втором этаже): тихонько подкрадутся к ней, неслышно развяжут фартук сзади и убегают. Когда же ей надоедало, она говорила «Майн гот!» – или более существенное: «Крайц доннер веттер!» После этого их бдительность увеличивалась, они чуть ли не подползали к ней. Кульминация наступала, когда Матильда Федоровна снимала калошу и, изловчившись, шлепала ее Вилика по заднему месту. Но тут же в изумлении застывала: звук был значительно громче ожидаемого: Виля предусмотрительно подкладывал в штаны книгу потолще. И мальчишки с хохотом и визгом вихрем скатывались с лестницы во двор. Обе стороны смеялись и были довольны друг другом.

Москва, 08.10.53.

Здравствуйте, Валерий и Толя!

Большое вам спасибо за ваше письмо, а Валерию за фотокарточку. Я буду смотреть теперь на карточку и всех вас вспоминать.

Валерий! Я пошлю марки, а ты попроси маму, чтобы она купила тебе тетрадь, и ты в ней будешь наклеивать марки. Я постараюсь посылать красивые. Мальчик, которые собирает марки, называется филателистом. Письмо ты написал и нарисовал понятно, но грязновато. Старайся в следующий раз писать и рисовать чище.

Анатолий! Ты остался еще в младшей группе, это плохо. Надо смело играть в садике, учиться петь, плясать, рассказывать. Надо выучивать стихотворения наизусть. Пусть Валерий и Вилли тебя учат.

Кто вам теперь рассказывает сказки? Много ли вы бегаєте? Смотрите, не простудитесь: осенью надо одеваться теплее. В Москве сегодня шел мокрый снег, начинает быть холодно.

Передайте привет маме, дедушке и бабушке. Целую вас крепко.

Ваш папа.

3. ХОЧУ НАУЧИТЬСЯ ПИСАТЬ

Спустя некоторое время после смерти Василия Евгеньевича и немного отойдя от свалившегося на нас горя, я стала разбирать его бумаги. Среди них попадались газеты со статьями Василия Евгеньевича или о нем. Я собрала их, вырезала и, стараясь соблюдать хронологию, аккуратно вклеила в альбом. Для чего? Да просто для памяти.

Прошло 16 лет, и я вернулась к этому альбому. Перечитала сохраненные статьи. И многие люди, события, так или иначе соприкасавшиеся с ним, зримо встали передо мной.

Вот в начале 50-х годов Василий Евгеньевич принес небольшую книжку «О простом железе». И на мой вопрос, для чего он купил ее, ответил: «Попробую написать рецензию. Хочу научиться писать». Он радовался, увидев свою рецензию в газете «Комсомолец Удмуртии».

А я вижу сейчас весь длинный путь от первой незамысловатой рецензии в молодежной газете до солидных статей в академическом издании.

Статьи Василия Евгеньевича в периодической печати охватывают большой промежуток времени 50-х – середины 80-х годов прошлого века.

Всего в альбоме около 60 статей, помещенных в заводской газете «Буммашевец», в районной «Путь Октября» (Ува), республиканских «Советская Удмуртия», «Комсомолец Удмуртии», но больше в газетах «Удмуртский университет» и «Удмуртская правда».

Первые публикации в газете «Комсомолец Удмуртии» были небольшие, печатались под рубрикой «Прочти эти книги». Это «О простом железе», «Вьетнам – страна героев», «Там, где бежит Скупай», «Путешествие на Кон-Тики» – об удивительной экспедиции Тура Хейердала через Тихий океан; «Школьная парта», «Падение Теночтитлана», «Восстание под руководством Кондратия Булавина».

Советы Василия Евгеньевича прочитать эти книги просты, но в то же время вскрывают суть написанного авторами, побуждают к чтению.

В 1959 году «Удмуртская правда» в разделе «Критика и библиография» поместила его рецензию «Археологические памятники Удмуртии» на одноименную книгу В.Ф. Генинга.

И далее – «История родного края» на книгу А.И. Суханова «История нашего края»; отзыв «Программированный опрос на уроках истории в 5-м классе» на работу Ю.К. Чустузиана; большую рецензию «Образование и медицина Удмуртии» на сборник статей «Из истории культуры удмуртского народа» УдНИИ.

Иногда он писал отзывы на фильмы «Борьба за мир – дело каждого», «Европейская история» и др.

С 1958 года Василий Евгеньевич неоднократно поднимает в статьях вопросы преподавания истории в школе, показывает роль исторической науки в воспитании, пишет об организации педагогической практи-

ки: «Некоторые вопросы преподавания истории», «В исторической науке нуждаются все», «Как формируется учитель» и другие.

Как историк, он не проходит мимо знаменательных исторических дат: «Великое проявление творчества народных масс» (о Парижской коммуне), «Всемирно-историческое значение великой Победы».

Проректор по науке, Василий Евгеньевич рассказывает о становлении университета: «Наш университет», «Ступени нашего роста», «Университет и его перспективы»; о симпозиуме по аграрной проблематике, проводившемся кафедрой всеобщей истории («Конференция по аграрной проблематике»); о V международном конгрессе по экономической истории, где ему посчастливилось участвовать («В исторической науке нуждаются все»).

Он анализирует научную работу кафедр университета («Магистральные направления»), пишет ряд статей, в основном, для газеты «Удмуртский университет» об организации научно-исследовательской работы студентов (НИРС): «В поиске научное студенческое общество», «Видеть перспективу», «Научная работа студентов», «Совершенствовать подготовку специалистов». Организации УИРС (учебно-исследовательской работы студентов) посвящены статьи: «Новый этап научно-исследовательской работы студентов». Подготовка ко второй Всесоюзной олимпиаде студентов находит свое отражение в статье «Студенты и научно-технический прогресс».

Ректоры пяти вузов республики обсуждают вопрос создания премиальной системы общественно-политической практики (ОПП) студентов с 1 по 5 курсы, и Василий Евгеньевич откликается статьями: «Общественно-политическая практика студентов», «Ступени воспитания».

В небольших публикациях для газеты «Удмуртский университет» он обращается с приветственным словом к первокурсникам: «Годы познания», «Учиться педагогическому мастерству».

Напутствует и выпускников в статье «Великих тебе свершений».

...Учитель – это понятие широкое. Учитель – это тот, кто накапливает в своей памяти максимально много тех знаний, которые создаются гением человечества, и выковывает соответственный характер под влиянием лучших идеалов человечества с тем, чтобы все это безвозмездно отдать новому молодому поколению людей.

Брать максимум из того, что дается в лекциях, на семинарах и практикумах, на собраниях и заседаниях, в книгах, кино и по телевизору, учиться непосредственно у каждого преподавателя мастерству – вот к чему сегодня мы вас призываем.

...Хотелось бы дать нашим выпускникам некоторые напутственные советы. Прежде всего следует помнить старую народную мудрость: где бы ты ни находился, люди всегда окажутся не глупее

тебя. Именно поэтому не считай, что учеба в вузе – это предел; учишься дальше, учишься у народа. Народная мудрость всеобъемлюща.

Не думай, что твои знания и умения сразу будут замечены. Их надо применять на практике. Лишь тот достоин уважения, кто каждый день и час сам трудится и подает пример для подражания. Твоя инициатива, твоя работа и твои действия должны стать залогом собственного успеха и успеха твоего коллектива, в котором ты будешь трудиться.

Школа – центр культуры, откуда исходит все доброе, сильное, жизненное. Ты – главное лицо в ней. Это ты должен знать, что необходимо ученикам и их родителям, обществу в целом. Наблюдай и изучай их потребности, научись предвидеть то, что следует делать для будущего, для его успешного развития. Активно участвуй во всех общественных делах. Возглавляй вперед идущих.

Помни, твой опыт, который ты приобретаешь в школе и обществе, будет иметь большое значение для людей только тогда, когда ты научишься анализировать и обобщать его с научных позиций. Поэтому с первых дней становись исследователем. Твои наблюдения – главный строительный материал для создания статьи, брошюры, книги.

Мы, преподаватели университета, ваши наставники, полны надежды, что, какие бы трудности ни возникли перед вами, вы с достоинством и пользой их преодолеете.

В. Майер, профессор

Это звучит и сейчас очень современно!

Являясь пропагандистом общества «Знание», много пишет о В.И. Ленине. Это и статьи к 100-летию юбилею; к 55-летию его работы «Очередные задачи Советской власти»: «Выступает Ленин», «Программный документ строительства социализма», «Учиться у Ленина быть учителем», «Путь, указанный Лениным».

Председатель научно-методического совета по атеизму республиканской организации общества «Знание», Василий Евгеньевич часто выступает в печати на атеистические темы.

В 1982 году к юбилею Б.Г. Плющевского, коллеги и нашего доброго друга, он опубликовал статью «Верность принципам, верность идеалам». Привожу ее в сокращении.

Борису Григорьевичу Плющевскому исполнилось 70 лет. Из них 34 года он неразрывно связан с историческим факультетом, которому отдал лучшие годы своего труда и творчества. На этом факультете оформился он в ученого, педагога, общественника. Когда Борис Григорьевич пришел на факультет, за его плечами были студенческая и аспирантская жизнь в одном из лучших вузов страны – ЛГУ, жизненный опыт, почерпнутый в суровых условиях 30-40-х годов. Его

эрудиция и высокая языковая культура вызвали к нему интерес коллег и студентов.

Научный мир и партийное руководство республики высоко оценили его стремление быть полезным нашему краю – ему было предложено работать в архивах над тогда совершенно не разработанной темой истории главной трудовой силы во второй половине XIX века – крестьянства. О его успехах на этом поприще свидетельствует успешно защищенная в 1953 году кандидатская диссертация. Крестьянской теме он остался верен на всю жизнь: большинство научных работ и защищенная в 1974 году докторская диссертация посвящены истории крестьянства Вятского края России.

Диапазон его научного интереса, однако, шире. Мы знаем его блестящие лекции из истории русской общественной мысли, культуры, историографии.

Научный потенциал кафедры, возглавляемой Плющевским, формировался при непосредственном его участии и воздействии личного примера.

С другой стороны, научные взгляды нашего коллеги формировались, шлифовались и получили окончательный вид в результате творческих дискуссий на кафедре, в научно-исследовательском институте, на межвузовских и общесоюзных конференциях и симпозиумах.

... Борис Григорьевич – мастер научной дискуссии, умелый и опытный полемист, аргументы которого точно опираются на марксистско-ленинскую методологию и прекрасное знание фактов и событий. На истфаке всегда была сильная партийная организация. Одним из главных направлений ее деятельности была и есть пропаганда политики партии. Лекторский талант Плющевского был ею замечен вскоре после начала его работы в нашем вузе. По ее рекомендации и направлению Борис Григорьевич выступает как лектор-международник по линии общества «Знание», где потом много лет ему пришлось возглавлять секцию. Активное участие в пропаганде идей ленинизма, умение доносить политику партии в массы, мобилизовать их на выполнение больших задач, наряду с постоянной работой среди студентов и принципиальной позицией в науке свидетельствовали о бойцовском характере коммуниста. Со вступлением в ряды нашей партии для Плющевского начался новый этап жизни.

Обладая сравнительно мягким по природе характером, уступчивым на первый взгляд, Борис Григорьевич превращается в сгусток энергии, когда речь идет об отстаивании принципиальных позиций партии, разоблачении ренегатов и предателей в международном рабочем движении.

Научная и партийная принципиальность – главные качества нашего глубокоуважаемого профессора отечественной истории.

Его воспитательная работа, выступления на заседаниях кафедры, исторического кружка, в стенгазете и университетской многотиражке, на комсомольских и профсоюзных собраниях завоевали ему почет и уважение в нашем большом и дружном коллективе.

Его такт и забота о делах своих товарищей и студентов, умение быстро ориентироваться в любой учебной и общественной ситуации, ответственное отношение к поручениям, личная инициатива, исключительная чуткость поучительны и успешно перенимаются коллективом.

Восхищение вызывает последовательное отстаивание Плющевским университетского образования.

Он стоит за глубокие научные знания, педагогическое мастерство, освоение и внедрение в практическую деятельность новейших методов преподавания и воспитания, за теснейшую связь университетского образования со школой и производством.

Отмечая семидесятилетие со дня рождения Б.Г. Плющевского, мы видим в нем воплощение огромной воздействующей силы нашей современности, олицетворение личных качеств ученого и общественного деятеля.

В. Майер, профессор.

Как видно из краткого обзора, тематика публикаций Василия Евгеньевича довольно широка. Он выступает на страницах печати как ученый-историк, проректор по науке, пропагандист, общественный деятель, критик, участник крупных событий в научном мире и просто как человек, умеющий видеть и ценить достоинства других людей.

В день 60-летия Василия Евгеньевича коллектив «Удмуртской правды» тепло поздравил его.

Человек большого жизненного опыта, коммунист, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, член научно-методического совета республиканской организации общества «Знание», председатель общества Советско-германской дружбы, Вы многое делали и делаете по воспитанию молодого поколения в духе верности коммунистическим идеалам по пропаганде знаний среди населения.

Нам особенно приятно приветствовать Вас и как одного из лучших авторов «Удмуртской правды». Крепкого Вам здоровья, новых успехов в труде.

Коллектив «Удмуртской правды».

В октябре 2001 года студентка факультета журналистики брала у меня интервью для журнала «Вестник УдГУ», выпускаемого к семидесятилетию университета.

Ее интересовало, как Василий Евгеньевич, занимаясь большой научной и общественной работой, находил время для семьи. Я сходу ответила что-то не особенно вразумительное...

Потом время от времени мысленно возвращалась к этому вопросу. Всплывали в памяти какие-то эпизоды, детали, связанные с умением Василия Евгеньевича владеть временем и делами.

Да, помимо преподавательской и научной деятельности, он уделял много внимания общественной работе.

Он был членом Президиума Удмуртского комитета защиты мира (КЗМ), председателем общества дружбы СССР-ГДР, руководил секцией атеизма в обществе «Знание», сам читал массу лекций по линии общества.

Но семью своим вниманием не обделял. Никто из нас не чувствовал себя «позабытым, позаброшенным».

Он незаметно для нас мог так организовать свой день, что его дела не давили на семью, а порой мне даже бывало стыдно, что Василий Евгеньевич спокойно выполняет обычную домашнюю работу при всей своей занятости.

Дома, как правило, он не поощрял пустопорожние разговоры, хотя многие вопросы обсуждались вместе с детьми.

Не скажу, что у Василия Евгеньевича был какой-то строгий режим, которому он следовал неукоснительно. При ненормированном рабочем дне это, пожалуй, невозможно, да и не нужно. Но каких-то ключевых моментов – подъем, отход ко сну, прием пищи... – он, по возможности, придерживался.

Не видела я также, чтобы он письменно составлял план на день, неделю, месяц и т.д., как это рекомендуют отдельные пособия по НОТу или специально оформленные блокноты. Видимо, привык держать необходимые дела в уме или на работе имел перекидной календарь. Забывал что-нибудь очень редко.

Василий Евгеньевич всегда старался определить, на какое дело сколько времени уходит. И это давало ему возможность варьировать, сочетать виды работы, определять их последовательность, отдавать предпочтение тому или иному виду деятельности. И все это без торопливости, без нервозности.

Я уже писала, что иногда он готовил обед. Готовил с душой, хотя на кухне не задерживался ни одной лишней минуты. Поставит кастрюлю с мясом, посмотрит на часы – и за стол у себя в кабинете, пишет. Прошло минут десять – идет снимать пену и как раз вовремя: закипело. Уменьшает огонь и спокойно пишет полтора-два часа (в зависимости от сорта мяса). Заправил суп – опять пишет до тех пор, пока надо выключать огонь.

Не требующие большого времени дела не откладывал в долгий ящик, а выполнял сразу по мере их возникновения (ответить на письмо, позвонить по делу...).

Ежедневные бытовые рутинные дела составляли у него как бы цепочку. С ними он справлялся в определенной последовательности, почти машинально. Это касалось утреннего туалета, сборов на работу, мытья посуды, что он время от времени делал: сначала стаканы, потом тарелки, ложки-вилки-ножи, миски, кастрюли.

Порядок освобождал голову от излишней работы. Он старался в первую очередь выполнить то, что обещал другим людям: отрецензировать статью, написать отзыв на диссертацию и т.д.

Внимательный, Василий Евгеньевич умел видеть, когда мне трудно, и вовремя прийти на помощь: будь то накрыть на стол, утеплить окна, подмести около домика. Это занимало у него небольшое время, так как я тоже включалась в работу.

Но однажды, когда я в отчаянье от окруживших меня не начатых и неоконченных дел, совсем опустила руки, он, тоже очень занятый, но не опустивший рук, спросил: «Может, тебе поможет метод голландского сыра»? – «Как это?» – «Отдохни немного, а потом сделай одну дырочку – пусть маленькое, самое незначительное дело, а потом вторую, можно поменьше или побольше, потом сразу ковырни пошире и поглубже... и от сыра останутся одни дырки...». То ли от спокойного ласкового тона, то ли от предложенной игры я быстро взбодрилась и, постепенно втягиваясь, сама того не замечая, освободилась от многих дел. Довольно часто до сих пор я пользуюсь этим методом, особенно, когда неожиданно наваливается куча дел.

Время от времени я слышала от Василия Евгеньевича поговорку: и капля долбит камень. Я обратила на нее внимание однажды, когда он закончил рубить на мелкие кусочки большую кучу вырезанных смородиновых веток. Задним числом вспомнила, что справлялся он с ветками не сразу, в один день, а между делом, постепенно, в течение нескольких дней, уделяя этому 10-15 минут в день, когда сидячую основную работу надо было дополнить движениями.

И услышав в очередной раз: «И капля долбит камень», я знала, что окончена какая-то несрочная, трудоемкая, не особенно увлекательная работа, на которую отводить крупный кусок времени жалко.

В первые годы работы в школе меня очень затрудняла проверка тетрадей. Я отбирала тетради сильных учеников, проверяла их быстро, в первую очередь, тетради слабых откладывала и тянула с проверкой, подсознательно не желая огорчать их и себя плохими оценками. «Ну и чудачка же ты!» – увидев, как я спешу поверить хорошие работы, заметил Василий Евгеньевич. – «Я бы, наоборот, оставил их напоследок, на сладкое, на закуску». Взяв у меня тетради сильных учеников, отложил их в сторону, а остальные разделил на шесть тонких стопок по три-четыре тетради. Под низ каждой стопки положил по одной – две тетради сильных учеников, а в последнюю – лучшие работы. Теперь действуй!».

Я на деле увидела, проверив быстро первую стопку и улыбнувшись последней хорошей работе в ней, как важно срочное дело разделить на

мелкие части, в конце которых тебя ждет пусть небольшая, но радость; как быстро проверяются эти части, и хорошая концовка – венец дела.

Использую прием «а сладенькое на закуску» почти каждый день. Люблю вязать, а это и успокоение, и отдых. Сделаю какое-либо дело (поглажу белье) – пять-десять рядков провяжу. Еще одно дело – еще пять-десять рядков. И так весь день. Спешись побыстрее и качественнее выполнить работу, чтобы погонять петли на спице взад-вперед.

Еще один прием наблюдала и переняла у него. Я его про себя называю «землю попашет – попишет стихи» (В.В. Маяковский: «Сидят крестьяне. Каждый хитер: землю попашет – попишет стихи».)

Этот прием часто использовал Василий Евгеньевич. Он запомнился мне с тех времен, когда у нас в домике появился первый стол, подаренный Ниной и Вилей. Василий Евгеньевич писал, потом десять-двадцать минут занимался огородными делами, потом опять за стол. Чередуя дела, чередуя умственный и физический труд, он меньше уставал, а кроме того, была возможность совмещать умственный и физический труд, обдумывая во время прополки грядки следующую страницу рукописи.

Периодически повторяющиеся дела он выполнял в точно определенные дни (плата за квартиру и др.)

Сейчас мне кажется, что Василий Евгеньевич всю жизнь когда неосознанно, но больше сознательно овладевал экономными приемами умственного и физического труда, используя пример родителей и окружающих его людей, профессоров МГУ, обладавших завидной работоспособностью, «замечательных людей». Целая серия книг которых не пылилась у нас на полках, у своих коллег – товарищей по работе.

Он умел беречь время, но не жалел его ни для семьи, ни для своих коллег. При открытии аудитории «Памяти В.Е. Майера» в УдГУ его бывшие ученики, теперь доценты и профессора, рассказывали студентам о своем учителе, отмечая наиболее значимые стороны его личности. Н.И. Санников, профессор, особенно подчеркнул стремление Василия Евгеньевича помочь людям во всем, в чем только мог, не считаясь с затратами времени. Он отметил, что Василий Евгеньевич в течение полугодя по 4 часа в день занимался с ним, Николаем Ивановичем, немецким языком, помогая ему готовиться в аспирантуру.

Думаю, что я частично ответила на вопрос студентки, хотя, признаюсь, ощущение чего-то недосказанного, важного осталось.

4. ПЕРЕД ЗАЩИТОЙ

Я уже писала, что Василий Евгеньевич имел статус «переселенца», предписывавший ему не покидать Ижевск без разрешения и отмечаться ежемесячно в МВД. Ходить на коротком поводке было мало приятного. Но мы не сломались, не зациклились на этом, не приобрели

комплекса неполноценности, а приняли обстоятельства такими, как они есть. Как и все, работали и учились.

В 1953 году Василий Евгеньевич добился прикомандирования его к кафедре средних веков МГУ для получения квалифицированных консультаций и завершения диссертации.

Но обстоятельства обернулись так, что Василий Евгеньевич лишился и прикомандирования, и должности ассистента на историческом факультете УГПИ. На его место взяли кандидата наук.

Не хочу описывать все перипетии, шевелить документы, тем более не хочу называть конкретных участников этой неприглядной истории – их можно понять, учитывая обстановку того времени, – изложу только суть.

Причиной, мне кажется, чисто внешней, такого поворота событий послужило то, что Василий Евгеньевич в автобиографии для прикомандирования «скрыл» данные о своих родственниках, но для прикомандирования такие сведения и не требовались. Все подробные данные о родственниках Василия Евгеньевича были в отделе кадров УГПИ и в МВД.

Василий Евгеньевич подробно, основываясь на документах, рассказал о сложившейся ситуации в письмах в Президиум Верховного Совета СССР и к Н.С. Хрущеву. Опуская документы, привожу лишь те места, где Василий Евгеньевич говорит о своей «вине».

14.10.53.

В Президиум Верховного Совета СССР

... Мне было заявлено, что я откомандировываюсь обратно в Удмуртский госпединститут за то, что я скрыл некоторые автобиографические данные о своих родственниках.

Какие это данные? Во-первых, я скрыл, что я и мои родители находимся на учете, как спецпереселенцы-немцы. Министерство рассматривает этот факт как репрессивный. В МВД мне неоднократно заявляли, что эта мера не репрессивная.

Во-вторых, я скрыл о своих родственниках: старший брат, Майер Оскар Евгеньевич, 1907 года рождения, с 1929 по 37 годы работал учителем в селе Зеленое Поле Криворожского района Днепропетровской области УССР. 12.12.37 он был репрессирован. Мне неизвестно, где он, осужден или нет (Посмертно реабилитирован. – Б.С.).

Второй брат, Майер Альберт Евгеньевич, 1914 года рождения с 1928 по 1941 работал учителем в селе Сергеевка, Емилчинского района Житомирской области, УССР. До начала войны я с ним переписывался, а с того времени не знаю, где он.

Органы МВД, куда я неоднократно обращался в 1950 году, не могли мне дать какого-нибудь ответа о его местонахождении.

Сестра Гейн Антонина Евгеньевна, 1905 года рождения, находилась под оккупацией. В 1944 году была вывезена гитлеровцами в

Польшу, в 1945 репатрировалась в поселок Юг Верхне-Мулинского района Молотовской области, где работает портнихой. Взрослые ее сыновья рабочие.

Моя первая жена, Екатерина Францевна, с которой я не живу с 1941 года и с которой развелся, была в 1941 году перевезена в Новосибирскую область, Ордынский район молсовхоз №212. Сейчас она живет там же и вышла замуж за Федосеева П.А.

Решение Министерства просвещения РСФСР об отмене приказа о моем прикомандировании и откомандировании меня вновь в Удмуртский госпединститут фактически является приказом о моем увольнении из пединститута вообще.

В Удмуртском пединституте мое место занял кандидат исторических наук. По положению, он имеет больше прав на преподавание в пединституте, чем я.

Таким образом, встает вопрос, что я буду делать с семьей, в которой отец (1883 года рождения), совершенно слепой, мать (1886 года рождения) нетрудоспособная, трое детей, старшему 13-й год?

Я, несомненно, беру на себя вину, что я в автобиографии не указал о своих родственниках, но биография была подана для решения вопроса о прикреплении, где не требуется такой подробной автобиографии.

В Удмуртском пединституте и в МВД имеется моя подробнейшая автобиография. Работники Министерства просвещения РСФСР не беседовали со мной предварительно о моей автобиографии.

Что касается моего спецучета, то известно, что в Москве учится немало студентов, получивших на это разрешение.

Мне не кажется, что в моей автобиографии имеется действительно столь отрицательных черт, чтобы я не мог быть научным работником со степенью кандидата. Тема моей диссертации актуальная, она затрагивает вопросы жизни крестьянства, то есть большинства немецкого народа XV-XVI веков. Мне кажется, что я поднял огромный фактический материал и моя диссертация будет иметь научное значение.

В. Майер

23.10.53.

...С 1945 года я работаю преподавателем Удмуртского госпединститута. В 1948-49 году я сдал кандидатский минимум при кафедре истории средних веков Московского государственного университета. С этого времени я работаю над трудной диссертационной темой «Вайстюмер» (уставы) как источник изучения положения немецких крестьян в конце XV и начале XVI веков». Успешно разрешить все проблемы данной темы без квалифицированных консультаций почти невозможно. С 1951 года я просил дирекцию Удмуртского госпедин-

ститута прикрепить меня на год к кафедре истории средних веков МГУ для завершения и защиты диссертации... (Идет изложение существа проблемы. – Б.С.).

Василий Евгеньевич лишился прикомандирования, потому что «... скрыл некоторые биографические данные о своих родственниках». Якобы мои родители подвергались в 1941 году репрессии. На самом деле мои родители в 1941 году были переселены с Днепроostroя, где отец работал столяром, в Новосибирскую область. С 1950 года они живут со мной. Переселение было сделано на основе постановления Президиума Верховного Совета СССР, и родители не лишались права голоса или каких-либо конституционных прав.

Итак, в моей и без того неважной биографии появилась еще одна отрицательная черта: « в связи с сокрытием»!

Интересно, что во всей этой истории ни разу не вставал вопрос о качестве моей кандидатской диссертации, даю ли я действительно полезный материал для науки или нет, есть ли смысл в защите этой диссертации.

Товарищи совершенно не считаются с тем, что я все эти годы давал гораздо больше нормы часов, что я работал над диссертационной темой, требующей глубокого знания ряда германских диалектов XV-XVI веков, что речь идет об истории средневекового крестьянства, то есть большинства народа.

В конце-концов выходит, что мои родственники, которые даже не знают, над чем я работаю, определяют, могу ли я быть кандидатом или нет.

Я прошу Вас разобраться в этом сложном для меня вопросе и помочь мне в устройстве на работу и в восстановлении в правах прикомандированного аспиранта МГУ. К заявлению прилагаю автобиографию.

В. Майер

Ответов на эти письма я не видела и никогда не слышала об этом. Из переписки с М.М. Смириним.

25.09.53.

Многоуважаемый товарищ Майер!

...Деканат получил приказ и требует, чтобы Вы были здесь, когда нужно; конечно, аспиранты не обязаны являться в Университет очень часто.

...Вам будет трудно действовать одновременно и в качестве аспиранта МГУ, и в качестве преподавателя в Ижевске, но какой-то выход должен быть найден. Позиция Вашего начальства меня и всех нас здесь очень удивляет...

P.S. Мне сейчас сообщили в Университете, что порядок Ваших приездов должен быть согласован со мною, как куратором.

Если так, то раньше 1 ноября Вам приезжать нечего. Вы приедете к 1 ноября, к этому времени я прочту часть Вашей диссертации. Мы поговорим о дальнейшей работе, а затем договоримся о следующем приезде.

Жду Вашего ответа. С приветом

М. Смирин.

Ижевск

Здравствуйтесь, многоуважаемый Моисей Менделевич!

Вскоре после того, как я Вам написал письмо, Министерство просвещения РСФСР направило к нам в институт кандидата исторических наук С., и 25.09.53 я получил на руки приказ директора пединститута о моем прикомандировании. 27.09.53 я был уже в Москве. На факультете мне сказали, что Вы написали мне письмо, в котором пишете, что Вам удобнее встретиться со мною после 1.11.53. Я решил устроиться с квартирой и еще раз просмотреть «Вайстюмер» Гримма. Когда мною уже был просмотрен весь второй том и мне уже было предоставлено общежитие, вдруг сообщают, что мною были скрыты автобиографические данные при оформлении аспирантуры. В Министерстве просвещения РСФСР меня обвиняли, главным образом, в том, что я скрыл тот факт, что мои родители были репрессированы. Само по себе обвинение глупое. Мои родители в 1941 году по решению Президиума Верховного Совета СССР были с Днепроostroя переселены в Новосибирскую область, там отец работал столяром до 1948 или 1949 года, когда он совершенно потерял зрение. С 1950 года он живет со мной. В автобиографии, имеющейся в пединституте, я обо всем этом, конечно, указывал. Об этом и всех других вопросах, несомненно, знали все те органы власти, которые должны об этом знать.

Меня не беспокоили эти вопросы, ибо мне приходилось обо всем этом рассказывать очень много раз.

В Министерстве просвещения меня вообще не спрашивали о биографических данных. Я просил у них прикомандирования без отрыва от производства или, как они еще говорят, «прикрепления».

Подумать в какой-то мере, что я допустил где-то ошибку, мне не приходило в голову...

И вдруг такое дело. К несчастью, в Министерстве просвещения не было ни министра просвещения Каирова, ни его заместителя Арсеньева. Приказ об отмене прикомандирования был издан тем же замминистра З., которым был издан и первый приказ.

Мне тогда казалось, что я быстро сумею на месте здесь, в Ижевске, наладить все вопросы. Приказ мне был вручен 16.10, а 17.10.53 я уже был дома, но за три дня до этого уехал директор на курорт. Я понял, что от меня хотят избавиться.

Надо было выяснить, не является ли это мнением общественных организаций. Оказалось, нет. После моего возвращения замдиректора стал просить Министерство просвещения об отзыве С., но, к сожалению, там не находят для него места, хотя всем ясно, что он не подходит к этой работе.

Одним словом, меня перевели на заочное отделение. Времени больше для поездок в Москву. Обещают давать командировки.

Обо всех делах с прикомандированием я написал в ЦК КПСС, т. Хрущеву Н.С. Пока никаких ответов нет.

Дело, конечно, не в отмене прикомандирования, а в форме отмены. Меня обвиняют в том, в чем я меньше всего виновен. Такой формулировкой мне фактически закрывают вообще путь к образованию.

В. Майер

Не знаю, какие бури бушевали в душе Василия Евгеньевича. Внезапный переход от радости получения прикомандирования к разочарованию, лишению достигнутого Василий Евгеньевич переживал болезненно, но сдержанно: не отчаивался, не брюзжал, не срывал неудачу на семье. Был внешне спокоен, ровен, ласков с детьми. Дети и родители, думаю, ничего не заметили.

Обсудив один раз ситуацию, мы решили временно «забыть» о случившемся, не говорить об этом. Изменить ничего нельзя было, так как руководство УГПИ находилось в отпуске до сентября. Думаю, что первая и вторая наши беды имели между собой непосредственную связь – национальность Василия Евгеньевича.

Надо было жить и работать. Василий Евгеньевич получил разрешение заниматься в Москве. Меня пригласили летом в Институт усовершенствования учителей читать большой курс методики преподавания литературы в 5-7 классах. Согласилась: средств не хватало.

Спустя какое-то время, Василия Евгеньевича оформили на заочное и дали часы на кафедре педагогики и психологии: он вел семинары и практические занятия, педпрактику в школе. Преподавал латынь на факультете иностранных языков. Это опять были новые курсы и новая подготовка. И все это перед завершением диссертации.

В начале апреля 55-го Василий Евгеньевич уехал в Москву готовиться к защите, а 13-го утром по тонкому весеннему ледку, затянувшему лужицы, Виля отвел меня в роддом.

В семь часов вечера в школе № 22 на педсовете сообщили, что у Бориславы Петровны родилась девочка, которую называли Таней. В знак этого события мои шестиклассники вместе с поздравлением подарили мне две статуэтки: девочка-эскимоска с рыбой и олень на шоколаде. Они и сейчас у нас. Таня росла здоровым спокойным ребенком, «солнышко», как называли ее в семье. «Мушала» говорила Матильда Федоровна, я так и не знаю, что это такое. С Таней я впервые использовала положенный дородовой и послеродовой декретный отпуск.

Когда бы и куда ни уезжал Василий Евгеньевич, он всегда интересовался, как живут, чем занимаются дети, советовал им, как лучше поступить в том или ином случае, помогал наметить близкие перспективы. Подробно сообщал мне о своих делах.

10.06.55.

...Как здоровье Танечки? Мне очень жаль, что ее уже прикармливают. Нет еще и двух месяцев! Хотя бы ты скорее в отпуск ушла...

15.06.55.

Что делает Танечка? Ты уже в отпуске? Поцелуй Танечку в лобик...

10.06.55.

Что делают Вава и Толя весь день? Я рад, что Толя опять ходит в садик. Только необходимо следить, чтобы он там ел как следует. С ним всегда так получается, что дома он здоров, а в садике он через определенное время начинает себя хуже чувствовать и заболевает.

06.06.55.

... Я очень рад, что Вилик хорошо сдал русский. Пусть он по остальным предметам лучше постарается. После окончания ему следует сразу сдавать свои документы в техникум, а там видно будет. ... Я тоже очень скучаю и ежедневно вас всех вспоминаю и о вас думаю.

10.06.55.

...Как кончились у Вилика его экзамены? Какие у него отметки за год?

15.06.55.

... Вилли молодец, что помогает. Как он думает относительно техникума? Посещает ли он акробатический кружок?

Москва, 02.08.54.

Дорогая Боренька! Пишу с утра (с 9 часов) и до вечера (10-11 часов). Сажу в основном в фундаментальной библиотеке МГУ, сюда за день многие заглядывают, но меня пока еще никто не пересидел.

04.08.54.

...Все пока идет нормально, то есть я непрерывно работаю... На днях пойду к Смирину.

13.08.54.

...Сидел два дня дома и писал. Никто не мешал, мысли были собраны, и я успешно продвинулся вперед. Надеюсь кончить в срок.

30.05.55.

...Хорошо, что я приехал сюда теперь, а то могли дело отложить до осени. Теперь же назначили защиту на 22.06.55. Правда, у меня кончается отпуск 21.06.55, но я думаю, что из-за одного дня спору не будет.

Я думал, что автореферат уже давно сдан, оказывается, его сдала М.Р. только 27-го! Если бы он был сдан раньше, то и защита могла быть значительно раньше, в крайнем случае 18.06.55. Теперь главное, чтобы к этому сроку успеть.

Отзывов оппонентов еще нет. Жду и буду подталкивать. Чертовски сложно все это, я даже не думал.

...Там мне выслали автореферат и письма. Перешли все это по адресу: Москва, К-9, До востребования. Кроме того, прошу тебя взять ключ у бабушки от моего comodного ящика, найти там мой диплом, а в дипломе форму №6 с оценками о сдаче кандидатского минимума и послать ее мне ценным письмом. И не забудь, что у меня дурацкое имя Вильгельм...

01.06.55.

...Вчера был на кафедре истории средних веков, где я каждому вручил по экземпляру своего автореферата, так оно традиционно здесь водится. Кто его знает, где потом этот автореферат будет валяться! Но таков обычай.

Написал в трех экземплярах автобиографию, в трех экземплярах заполнил личный листок, требуется еще в трех экземплярах характеристика, а у меня только один. Написал в институт Залманову В.М., думаю, что вышлет.

У меня к тебе просьба. Зайди, пожалуйста, к Борису Григорьевичу, у него два экземпляра моей статьи, там в двух местах я в сносках не проставил том и страницы. Прошу тебя в сноске на стр.18 указать: т. II, стр. 589-591, а на стр.23 в четвертой сноске – т. III, стр. 585-593.

Если ты еще не выслала форму №6, то вышли ее, а то она здесь необходима. Сейчас пишу статью для сборника.

06.06.55.

...Авторефераты не жди, они также не были отправлены. Из института я уже получил копии характеристики.

Еще одна трудная просьба: сними с моего диплома копию в трех экземплярах. Занеси диплом без вложения к Евгении Дмитриевне, по-

проси, чтобы она сняла с него копии, потом сходи в нотариальную контору на улицу Горького и заверяй...

Статью писал каждый день с утра до вечера и таким образом написал большими листами, как тогда по переводам, 100 страниц. Только закончил. Договорился с машинисткой, что завтра она начнет печатать. На это она затратит пять дней, а потом я статью сдам.

М.М. Смирин поручил мне к переводам сделать некоторые комментарии, одним словом, работы хватает.

Напиши, пожалуйста, что говорит Б.Г. о моей статье. Годится или нет. Почитай его отзыв на нее, если он еще не написал, намекни ему, что пора.

07.06.55.

...Диссертантка, которая должна была защищаться вместе со мной, отказалась это сделать... Теперь мне в этот день первому защищаться. Это значит, после защиты два часа ждать результаты голосования...

Объявление в газету подадут только завтра, если ничего не случится.

Благодарю за форму №6! Вчера я тебе послал письмо, в котором прошу прислать копию с моего диплома, пожалуйста, быстрее. Да, копию в трех экземплярах.

С этим заявлением и отношением сходи к Б., пусть он мне продлит отпуск до 25.06.55, а то я пропаду. Лучше, чтобы ты мне выслала отношение о продлении отпуска. Но если они сами будут, то дай им мой адрес.

10.06.55.

...Полные отзывы будут только в середине той недели и то, кто его знает. Теперь занимаюсь каждый день в Ленинской библиотеке. Статью перепечатывают, но медленно, и я вновь и вновь вспоминаю Евгению Дмитриевну Манулаки и жалею, что ее нет здесь по соседству.

12.06.55.

...Осталось еще 10 дней до защиты! Вчера смотрел Дрезденскую галерею. Итальянская школа XV-XVI веков, особенно Джорджоне, и Испанская школа 16 века (Веласкес, Мурильо) превосходны. Краски сохранились великолепно. Конечно, наш XIX век несравненно лучше во всех отношениях. В целом поражает однообразие сюжета, навеянное католической церковью. Многого надо еще смотреть. Жалко выглядит немецкое искусство XV-XVI веков, за исключением картин Кранаха Старшего и Младшего. Дюрер почти совсем не представлен, также и Гольбейн. В то же время у них превосходные портреты, начиная с XV века. Немного обидно, что у нас негде больше выставлять собст-

венное и чужое, как в музее Изобразительных искусств имени Пушкина. Все экспонаты, относящиеся к самому музею, серьезно запущены. Все покрыто пылью древности.

15.06.55.

...Спасибо за копии и письмо... Кончил статью и сегодня сдал ее в Институт при Академии наук для сборника «Средние века». Один экземпляр оставил себе... Машинистка напечатала хорошо, грамотно. Статья получилась в 1/6 часть диссертации – глава! Теперь ее будут рецензировать и т.д. Посмотрим, что выйдет. Б. Гр. не написал еще отзыв?... Получила ли ты письмо, в котором я прошу тебя выслать мне Маурера (это конспекты Маурера в моем чемодане в тетрадах под знаком «Л-4», «Л-5» и «Л-6»). Они мне нужны.

На днях послал тебе тетради заочников. Отнеси их, пожалуйста, в заочное. Желательно передать им тетради до 20.07.55. Узнай, пожалуйста, мое расписание на один день, чтобы я мог ориентироваться.

Отзывов (полных) у меня еще нет, но скоро будут. Через неделю защищаю. Объявление было в понедельник. Хотел купить несколько газет, но прозевал это дело.

18.06.55.

...Присутствовал только что на двух защитах. Вообще, интересно, но страшновато. Защищались двое по новой истории. Было немало замечаний, но они как-то умело возражали. При голосовании у первого оказался один испорченный бюллетень. При голосовании у второго – один против. Даже жутко: никто против не выступал, а при голосовании оказался против. Это исключительно глупо.

...Отзыв получил от Данилова А.И. Приличный. С.Д. Сказкин еще не написал. Совет состоит из 12 человек, а сегодня присутствовало 10, и то их собрали с трудом. Совет даже опоздал на 30 минут. Я рад, что присутствовал, но все же я очень разволновался.

Вначале читают всю автобиографию, потом характеристику, после этого минут 15 необходимо говорить о своей работе. Вслед выступают оппоненты и желающие, наконец, заключительное слово. И все это длится 2 часа. Ну, если ничего не случится, то в среду буду защищаться. Очень боюсь, что с С.Д. Сказкиным что-нибудь случилось. Его сегодня не было на совете. Иногда все идет нормально, иногда – нет. Самое главное быть спокойным и уверенным в себе, в своей правоте.

В целом, пусть это письмо тебя не волнует: волков бояться – в лес не ходить.

Итак, осталось три дня. Теперь начну готовиться к выступлению.

21.06.55.

...Остались еще одни сутки до защиты. По-моему, я тебе писал, что Данилов уже дал полный отзыв, в основном, положительный. С.Д. Сказкин до сих пор не дал отзыва. Я звонил к нему сегодня два раза домой, но мне передали, что он на даче с моей диссертацией. Говорят, что бывают случаи, когда отзыв приносили за полчаса до защиты. Причем, даже неважный. Все меня успокаивают, что все будет нормально. Сергей Данилович даст хороший отзыв. Пусть даже так, но ты меня понимаешь, насколько все это волнует. Но еще больше меня волнует то, что перед защитой зачитываются все родственники. Зачем они нужны при защите, один аллах ведает. А ведь могут играть определенную роль. Завтра С.Д. Сказкин обязательно должен быть в университете в 10 часов, он принимает экзамены. Я думаю, что тогда у него уже все будет готово.

22.06.55. Телеграмма.

Защитил единогласно. Целую. Вилли.

Василий Евгеньевич возвратился с защиты окрыленный, счастливый. Защита прошла очень успешно. Кафедра истории средних веков МГУ подарила ему на память полное собрание сочинений Ф. Шиллера на немецком языке.

Как сейчас вижу: Василий Евгеньевич у кровати полуторамесячной Тани. Усыпляет ее. Вместо колыбельной вполголоса читает Шиллера. И немецкая речь его звучит необыкновенно мягко и напевно, как русская колыбельная.

Не помню точно, на исторический факультет Василия Евгеньевича возвратили то ли после защиты диссертации (1955 год), то ли после снятия со спецучета (1956 год).

С этого времени началась широкая светлая полоса нашей жизни, конечно, не без трудностей. Но узкие черные полосы лишь время от времени пересекали ее.

В этом же году директор УГПИ получил жилплощадь в новом доме. Освободилась его квартира в нашем же здании на втором этаже, «хоромина» в три комнаты с коридором-кухней. Многим ее предлагали. Но люди, увидев шесть огромных окон, комнаты с печным отоплением, очень высокие потолки и угол, снизу доверху покрытый инеем, отказывались. Так как семейство наше насчитывало уже 8 человек, «хоромы» предложили Василию Евгеньевичу, но не целиком, а только две комнаты и без коридора-кухни. Мы согласились на две комнаты и «кухню», за которую мне пришлось сражаться и в УГПИ, и в обкоме партии. Помог тогдашний второй секретарь обкома В.Н. Чирков: коридор-кухню нам отдали.

Итак, первая не комната, а квартира в этом же доме. Больше предыдущей, светлая, веселая, с телефоном. Но как много потребовала

она от нас ремонта! Печи переключивали не раз. Огромные окна основательно утепляли. А потолок?! Смыла я побелку, чтобы вновь побелить, а под ней оказалась масляная краска и букеты нарисованных цветов с разнообразными разводами, оставшиеся от проживавшего здесь ранее купца. Как мы ни ухитрялись, но до конца забелить их не смогли. Больше всего радовало солнце. Почти целый день: окна на юг и на запад. Липы, клены, черемухи шелестят под окном. Мы жили здесь около 8 лет.

5. ПРАЗДНИКИ БЫЛИ

Когда я думаю о нашей жизни в этой квартире, почему-то всегда в первую очередь вспоминаются праздники. Не все они обозначены в календаре как праздничные даты, но мы воспринимали их именно так.

Мы отмечали все советские праздники и дни рождения свои и детей. Гостей бывало немного, но все близкие: Зелепухины, Плющевские, Коротаевы, Соколовы и др. Постепенно сложилась традиция: 7 ноября праздновали у Плющевских, 1-е мая – у Зелепухиных, у нас – Новый год. Очень радостный, но хлопотный праздник: застолье с несколькими сменами блюд, с вечера и на всю ночь. Проводы старого года, встреча Нового. Великолепный «Огонек» по телевизору с любимыми артистами.

Готовились заранее. 29, 30, 31 декабря были расписаны у меня чуть ли не по минутам, что и когда делать. Составлялся список продуктов, которые закупал Василий Евгеньевич. Матильда Федоровна помогала во всем, особенно в кулинарии. Гости приходили к 9 часам вечера, веселые, нарядные, оживленные.

Не буду описывать смены блюд, но просто перечислю их. Закуски составляли сыр, разные колбасы, буженина, шпроты, крабы (удивительно пикантные консервы), обязательно любимый салат Оливье, приготовленный по всем современным правилам; помидоры соленые, сельдь по-шумски, свежая тертая морковь с редькой и сметаной и т.д.

На горячее подавали в зависимости от того, что удавалось купить: поросенка молочного или индейку, гуся начиненных яблоками и черносливом (изумительно готовила их Матильда Федоровна, а когда ее не стало, то Василий Евгеньевич – также хорошо). Два-три вида гарниров.

К Новому году делали 2-3 торта (дети же с друзьями приходили 1 января!): «Сметанный», «Евгений Онегин», «Наполеон», «Бедный студент» или «Бисквитный». Я училась делать торты у Ирины Владимировны Плющевской. До сих пор помню ее воздушный торт «Кружевной» – как я его называла: сверху он был несколько раз покрыт тонкими «спиралями» из крема, что придавало ему такой невесомый вид.

А Матильда Федоровна блистала стряпней: пироги рыбные, цукеркухе, вертуты, плюшки, закрученные особым способом. Тесто у нее выходило мягкое, пышное, долго не черствело.

На столе стоит батарея бутылок: сухое, шампанское, водка (1 бутылка – ее почти не пили), напитки, компоты тонкого вкуса, приготовленные Василием Евгеньевичем из абрикосов. За столом веселье, шутки, анекдоты исторические, экспромты прерывались серьезной беседой, танцы (хотя танцевали не всегда и немного), стихи, сюрпризы...

Примерно так же, но с определенной долей разнообразия проходили совместные праздники и у наших друзей: Зелепухиных отличали превосходные пироги и настольные игры (кроссворды и лото), Плющевских – оригинальные и красивые блюда и просмотр «Голубого огонька» по телевизору КВН с линзой, Соколовых – разнообразие гарниров и увлекательные рассказы о жизни растений.

Б.Г. Плющевский готовил стихотворные с юмором пожелания на листочках, сложенных вдвое, и каждый обнаруживал его у своего прибора. Помню до сих пор некоторые:

Василию Евгеньевичу:

*Коллега, нам теперь пора
Из кандидатов в доктора!*

Бориславе Петровне:

*Хотим, чтоб в будущем году
Вы лавры пожинали,
Питомцев буйную орду,
Готовя к жизни, и труду,
И золотой медали.*

Иногда их доставляла почта. «Дорогой Василий Евгеньевич! Недосуг было лично зайти, поздравить с Новым годом. Пришлось послать по почте. Поздравляю всех с Новым годом! Б. Плющевский».

Матильде Федоровне:

*Желаю бабушке здоровья.
Довольно Вам уже хворать!
Быть бодрой, радостной, с любовью
Вам правнуков своих качать.*

Василию Евгеньевичу:

*Ведь человек – должны Вы знать –
В одной поре застыть не может.
Старайтесь доктором Вы стать.
«Вайстюмер» в этом Вам поможет.*

Бориславе Петровне:

*Вас в школу привело призвание –
Ораву буйную учить.
Во всю старайтесь. В воздаянье
Желаю орден получить!*

Толе Майеру:

*Позволь мне, Толя, по секрету
Тебе на ушко прошептать:
Чтоб на Луну слетать в ракете,
Потом на Марсе побывать.*

Валерию Майеру:

*Пытливый ум, все это знают,
Тебя на опыты толкает.
Я, Дед Мороз, конечно, «за»,
Но... береги свои глаза!*

Виктору Коротяеву:

*Идешь с Валеркой в паре ты.
Влекут к науке вас мечты.
Но... в вычислении просчет, –
Того гляди – и дом взорвет!*

Не хочу, чтобы у читающего эти строки сложилось впечатление, что Борис Григорьевич был способен только на поздравительные четверостишья. Он был Поэт, настоящий Поэт. Но, скромнейший человек, он хранил свои творения в больших толстых тетрадях, и никто не подозревал, что его поэзия сделала бы честь любому издательству. Мне рассказала Ирина Владимировна о тайне Бориса Григорьевича спустя 5 лет после его смерти и, по моей просьбе, читала его стихи по телефону. Опубликованная в «Вестнике УдГУ» посмертно небольшая подборка не создает полного впечатления о творчестве Бориса Григорьевича. А теперь читаю представленную мне Ириной Владимировной первую тетрадь, и, казалось бы, хорошо знакомый человек открывается с новой неожиданной стороны. Я не критик и не в праве – да и не осмелилась бы – оценивать творчество Поэта. Скажу только: доктор исторических наук Б.Г. Плющевский отразил в своей поэзии историю страны XX века со многими плюсами и минусами.

Тематика его произведений обширна: довоенное детство, героизм советского народа в годы Великой Отечественной войны, стройки пяти-

леток, исторические события далекого прошлого и современные ему, города, где он бывал, авторы и герои любимых книг и т.д. Разнообразие жанров: от поэмы, баллады, элегии до эпиграммы, эпитафии. В стихах Бориса Григорьевича – острый сарказм и нежнейшая лирика, высокий патриотизм и беспощадная сатира, философские раздумья и лукавый юмор. А какой богатый язык! Очень жалко, если они не увидят свет. С разрешения Ирины Владимировны (спасибо большое, Ирина Владимировна!) включаю в свой текст короткое стихотворение Бориса Григорьевича сурового 43 года, близкое мне по силе духа и оптимизму, заключенному в нем.

*Глупо вздыхать да охать,
Черных бояться дней.
Если сегодня плохо –
Зубы сожми плотней.
Выдержи, выстой, выжди,
Не опуская глаз.
Выпадет нечет трижды,
Чет на четвертый раз.
Было и так, и этак,
Этак будет и так.
Выигрыш напоследок –
Общеизвестный факт.
Ночи на смену мгlistой
Светлый приходит день.
Значит, покамест, выстой,
Сердце в доспех одень.*

Б. Плющевский, 1943 г.

Согласитесь, ведь сильно сказано.

Но продолжу о праздниках.

Конечно, к Новому году наряжали елку. Василий Евгеньевич всегда сам ходил на рынок, долго выбирал и приносил пушистую красавицу. Вместе с детьми в магазине покупали елочные украшения.

1 января праздновали дети. Всем им готовили подарки, клали под елку, а Матильда Федоровна, по немецкому обычаю, в валенок или носок.

Первого же и в другие дни шли с детьми в город гулять. Нравился Летний сад в зимнем уборе со всевозможными аттракционами, горками, ледяными ракетами, кораблями, зверушками, с по-новогоднему разрисованными яркими щитами, разноцветной иллюминацией.

Остались фотографии этих дней.

Но иногда случались курьезы. Как-то перед праздником Матильда Федоровна болела. Лежала у себя в кровати. Помочь приготовить выпечку мне предложила Г.В. Зелепухина. «На каком количестве молока

будем ставить тесто?» – спросила она. «На трех литрах, – уверенно ответила я. И, видя ее изумленный взгляд, добавила: Бабушка всегда на трех литрах стряпает!» Месили тесто в четыре руки. Два раза топили печку. Я носила и носила листы с выпечкой на стол...

- Когда же ты кончишь носить? – спросила Матильда Федоровна.

- Это еще только половина, – отозвалась я.

- Main Gott! – воскликнула она. – Сколько же ты брала молока?

- Как и вы – три литра.

Тут она села на кровати, и ее большое плотное тело долго тряслось от смеха:

- Я же беру пол-литра, – наконец произнесла она.

- А почему вы всегда просили покупать три литра?

- Прибежит со двора Толя: «Бабушка, дай молочка». Я наливаю стакан. Затем Вилик, Валерик. И так не по разу. Вот и остается на стряпню пол-литра.

Но все эти плюшки, вертуты мы дружно съели, щедро угостив и Зелепухиных.

Праздники всегда оставляли светлую память. Мы частенько вспоминали шутки, остроты Бориса Григорьевича, страстные высказывания Н.Ал. Зелепухина, песни Матильды Федоровны на немецком языке.

В Новый год с пожеланием полного счастья

И ясного солнца мая.

Пусть не видят Ваш дом и семья ненастья,

Василий Евгеньевич Майер!

Пусть все на отлично и хорошо

Экзамены Ваши сдадут.

А двойки и тройки в порошок

Терпенье и труд перетрут.

За знанья,

За творческий труд

Студенты

За Вами

Идут!

Второй курс историков (Белова, Калашникова и др, 25 подписей)

Навсегда запомнился и другой праздник в давнем 1943 году – выпускной вечер в Ново-Мултанском педучилище. Наш курс – 24 человека – очень старательно готовились к нему: многочисленные репетиции, костюмы (из чего только мы их ни делали!).

Торжественная часть в небольшом зале педучилища, нарядно убранного. В первом ряду учителя, коллеги Василия Евгеньевича. В тяжелейшие годы войны они учили нас жить, быть стойкими, делились не только знаниями, но и единственным учебником на группу, бывшим только у них, а иногда и куском хлеба.

Вот милая, добрая А.А. Арафаилова, словесник, доверительно рассказывающая нам о русских писателях, как о своих добрых знакомых.

А.И. Микрюкова, методист, преподаватель выразительного чтения, умеющая невероятным образом перевоплощаться в героев басен Крылова.

А.А. Попов – увлеченный своим предметом биолог.

В.И. Зыкова – тонкий психолог, эвакуированная в Удмуртию из Москвы. Это она в будущем одной из первых откликнется проникновенным письмом на мое горе – потерю Василия Евгеньевича – и будет долгое время психологически поддерживать меня.

Директор Николай Иванович Соколов вручает аттестаты. Я за полтора года окончила трехлетнее педучилище с «отлично» по всем предметам. Часто мысленно благодарю незнакомого колхозника-удмурта, который так бесцеремонно повернул мою жизнь. Он зашел за хозяйской девочкой Нюрой (в деревне Вутно, куда нас эвакуировали, родители Нюры предоставили нам комнату), чтобы везти ее в педучилище на лошади, и, увидев меня, неприкаянную, сказал: «А ты чо сидишь-то? Одевайся, поедем. Учиться надо, да поскорей! Война не век будет». – «Мама, можно?» – спросила я и, получив утвердительный ответ, почти в чем была без документов уехала учиться...

И вот теперь я учительница начальных классов. Но вернемся к выпускному. После торжественной части – концерт своими силами. Выпускники выступали кто с чем мог: рассказами, пением, стихами, танцами, игрой на гитаре, балалайке, аккордеоне. Зал дружно аплодировал. Всю программу готовили мы сами без участия преподавателей. Для них это было неожиданностью.

Активными организаторами вечера были мои подруги: симпатичная Люба Рогачева-Красноперова, с русой косой до пояса, гордая (в лучшем смысле этого слова) и искренняя, и отличница Наташа Павлецова-Мальцева, отзывчивая и добрая, открытая душа.

Это к ним уже из вуза летом, когда пустело студенческое общежитие, приезжала я, бездомная, и они встречали меня, как родную, делясь всем, что у них тогда было.

И вот заключительный номер. Все выпускники в хоре на сцене. Звучит «Прощальная студенческая». Слова ее написаны мною и Клавой Булдаковой-Даниловой, моей подругой, девушкой с богатым воображением и рациональным подходом к решению конкретных дел. Пели на мотив популярной довоенной песни: «В далекий край товарищ улетает...»

*Родную школу скоро мы покинем.
Умчимся все в далекие края.
Прощай, Мултан, тебя мы не забудем,
Но как-то жалко покидать, родной, тебя.*

*Здесь мы учились, спорили, дружили,
Впервые в класс учителем вошли,
С колхозниками жали и косили,
Мальчишки наши защищать страну ушли.*

*Весной всем классом на луга ходили.
Цвела черемуха, летели песни ввысь.
Луга мы эти и леса любили,
Но жаль, что дни так быстро пронеслись.*

*Прощай, наш курс, и шумный, и веселый.
Быть может, встретимся, как кончится война.
Прощай, подруга, школьный дом знакомый,
Прощайте, милые друзья-учителя.*

*Вы дали нам путевку в жизнь большую,
Стремилась сделать нас достойными людьми.
И за тепло в годину роковую,
За все, за все благодарим вас мы!*

Многие учителя плакали. Мы сошли со сцены и вручили всем преподавателям букеты заранее приготовленных полевых цветов. Слезы, поцелуи, объятия, напутствия... Мне рассказывали, что эта песня прозвучала через 50 лет в 93-м году на встрече выпускников 1943 года.

Потом мы около трех часов слонялись; ожидало начальство, когда с Увы привезут на лошадях ящик с водкой. Наконец, нас пригласили в столовую. Перед каждым алюминиевая тарелка с пятью картофелинами, морковкой, соленым зеленым помидором, куском хлеба и... Это-то курсу, где среди девчонок был один парень Иван Стяжкин (в будущем директор школы в Старой Монье), остальные ребята воевали на фронте. Разумеется, большинство девчонок пить не стало. И некоторые работники педучилища хватили лишнего. Известно, какое «веселье», когда спиртное в избытке... Послышалось уже банальное: «Ты меня уважаешь?..»

И там, сидя за этим столом, я на какое-то время отключилась, и перед моими глазами предстал мой отец Петр Макарович Сысоев, человек добрый, покладистый, многое умел делать своими руками – всю мебель в доме. Был маляром, хорошим самодеятельным, как сказали бы теперь, художником, любил яблоневый сад и меня с Володей. Играл с нами и детьми соседних дворов в лапту, штандер, чижику, особенно любил прятки. Бывало, даже зимой в доме Котя (мы ласково называли его этим именем) мог спрятать меня так неожиданно, что находили только тогда, когда я, не выдержав, выдавала себя смехом. Так однажды он подвел меня к вешалке, приподнял на прибитую к стене планку и прикрыл висящими пальто. В другой раз, когда мама, завернув скатерть до

середины большого стола, стряпала на освобожденном месте пирожки, Котя положил меня поперек стола под загнутую скатерть. Никто не мог догадаться. Это было здорово!

Он учил нас с Володей рисовать, смешивать краски, правильно держать кисточку.

А первые елки моего детства... Их тогда только разрешило правительство. И елочных игрушек в магазинах еще не было.

Но были незабываемые предновогодние вечера, когда за обеденным столом, заваленным всякой всячиной, мы с отцом и Володей мастерили игрушки: покрывали бронзой грецкие орехи, красили вату акварельными красками в разные цвета, сушили ее, делали на проволочных каркасах фигурки Снегурочки, животных, обмакивали в очень жидкий крахмальный клейстер, обсыпали блестками и сушили. Да разве обо всем напишешь! Разве скажешь, сколько разнообразных навыков приобрела я тогда.

На следующий год отец нас удивил: среди зеленой хвои и самодельных игрушек – яблоки, чуть удлиненные, «заячьи мордочки», как мы их называли. Но какие! На румяной стороне четко выделяется зеленый силуэт то зайчика, то петуха, то лисицы с пышным хвостом.

Задолго до Нового года, летом, как только солнце собиралось окрашивать алой краской один бок яблока, отец втайне от нас наклеивал крахмальным клеем бумажные фигурки животных, и солнце рисовало. Я у порога восьмого десятка, но никогда в жизни не приходилось видеть таких яблок.

Но стоило отцу выпить, а запой длился и неделю, и две, как он превращался совсем в другого человека, капризного, буйного, бил всю посуду, зеркальный шифоньер, окна во двор и на улицу. Мы с мамой и Володей не знали, куда спрятаться, где ночевать.

Запой проходил, и отец, стыдясь смотреть нам в глаза, своими же руками чинил все, что порушил. Я любила отца трезвого и боялась пьяного. Отчего тогда все это так живо промелькнуло перед глазами?

Может быть, потому, что какой-то пьяный, сопливый и слюнявый, приглашал девчонку танцевать. Не желая нарушать волнующе-торжественное и трогательное впечатление первой части вечера и боясь увидеть некоторых работников педучилища в неприглядном виде, мы с подругой, тихонько покинув столовую, пошли в луга.

Неповторимые мултанские луга встретили нас разнотравьем, тишиной и летней прохладой. Светало. Мы по узкой тропке поднялись на угор. Брызнули первые лучи, показалось огромное огненное солнце. Лес, покрывавший нижнюю часть угора, ожил, заговорили, засвистели птицы. Это был первый восход солнца, который мне довелось увидеть. Посидев некоторое время, мы отправились в Мултан, сохранив в памяти лучшие моменты этого дня.

Василия Евгеньевича не было на этом вечере, как не бывало его и там, где любили «пировать», где кумышка не переводилась. Ни в Мул-

тане, ни потом в жизни я не видела его пьяного. И друзья его не были подвержены этому пороку.

Но и ханжой он не был. В праздники, в семейные торжества поднимал бокал и произносил тосты за здоровье, за успехи, за Победу. Принимали и угощали мы гостей из Мултана. Часто бывал учитель истории М.С. Бушков, впоследствии работавший в Пычасе; Иван Иванович Иванов, директор Увинского (Мултанское перевели на Уву) педучилища, студенты, окончившие УГПИ. Больше других мне запомнился Дерябин, молодой лейтенант, потерявший на фронте ногу, но не потерявший жизнерадостности, любви к жизни, горячо желавший все знать и понять. Нередко между ним и Василием Евгеньевичем возникали жаркие дискуссии.

И другой – собранный, немногословный офицер, внешне немного смахивающий на цыгана Ю. Чайников. Он принес и оставил Василию Евгеньевичу большой толстый том по истории средних веков на немецком языке с богатыми иллюстрациями, прикрытыми папиросной бумагой. Василий Евгеньевич использовал их в работе со студентами. Жаль, что некоторые иллюстрации были похищены каким-то не совсем совестливым студентом.

Чайников обычно после одной-другой рюмки просил убрать бутылку и однажды тихонько шепнул мне, неопытной хозяйке, что черную пленку внутри селедки надо убирать перед подачей на стол.

Вновь встретиться с Ю.А. Чайниковым довелось спустя почти полвека. Он, работавший на Севере, потом на Урале директором школы и оказавшийся единственным уцелевшим родственником (племянником) Кузебая Герда, спросил меня по телефону, помню ли его, сохранилась ли у нас его книга и не может ли он получить ее обратно. Я ответила положительно и пригласила его к нам... Два часа пролетели незаметно: остроумный, блестяще владеющий речью, сильно постаревший, он мало рассказывал о себе, но больше о хлопотах, связанных с празднованием юбилея К. Герда, в подготовке которого он принимал активнейшее участие. Очень благодарил за сохранность книги.

Через некоторое время к юбилею К. Герда вышла книга З.А. Богомоловой «Как молния в ночи», где на одной из страниц был помещен рисунок книги вразворот, а внизу читалось: «Эта книга на немецком языке – «История древнего мира и средних веков». Издана в Берлине в 1914 г., собственность К. Герда, единственная сохранившаяся из богатой библиотеки поэта, подаренная племянником К. Герда Ю.А. Чайниковым в 1957 г., тогда студентом УГПИ, профессору В.Е. Майеру. «История» 40 лет находилась у известного ученого, теперь снова вернулась к Ю.А. Чайникову. Рисунок книги художника Вяч. Костылева».

Особо, только в кругу своей семьи отмечали самый главный, самый любимый «праздник со слезами на глазах» – День Победы. Без пышного застолья, но с шампанским и тортом. Вспоминали фронтовики, родных, товарищей живых и погибших. Василий Евгеньевич – своих

университетских друзей, вместе с которыми добровольцем ушел на фронт, особенно Анатолия Мамонтова, с осиротевшей матерью которого регулярно переписывался до ее кончины.

Сохранилось письмо А. Мамонтовой Василию Евгеньевичу.

19.04.53.

Дорогой Вилля!

Большое Вам спасибо за письмо и за память. Поверьте, что Вы для нас являетесь близким человеком. Мы очень часто о Вас вспоминаем, и нам интересно было знать, как Вы живете и как Ваши родные. Я неоднократно порывалась написать Вам, но не знала, в Ижевске ли Вы. А то, что Вы долго не писали, это, пожалуй, хорошо. После такого горя, которое обрушилось на нас, я не могла долгое время никому писать, слишком было тяжело. Хотя и говорят, что время – лучший врач, но это не правда. Хотя немного утихла эта жуткая боль, которая была вначале, но в глубине души осталась тяжесть, не дающая покоя ни днем, ни ночью. Особенно тяжело бывает, когда приезжает молодежь на каникулы. В моем воображении он все еще студент. Поверьте, Вилля, иногда я дохожу до такого состояния, когда мне кажется, что вот откроется дверь – и Анатолий появится.

Трудно и невозможно забыть такого замечательного сына. С ним я забывала все горечи и невзгоды. Что мне больше всего в нем нравилось, это любовь к людям, в каждом человеке он находил что-нибудь замечательное. И как жить после этого без радости, без цели, жить и спокойно ждать смерти, ведь это ужасно. Мне больно еще и потому, что я не могу видеть его могилу. Мне кажется, что если бы я у него побывала, то мне легче бы было. Но, видно, такая уж наша судьба, но не только наша, а многих, ведь он погиб, защищая Родину. А как он ее любил и любил жизнь! Но довольно об этом. Вам тоже пришлось немало пережить... (далее вопросы о жизни Василия Евгеньевича и его семье, подробный рассказ о своей жизни. – Б.С.).

Согласитесь, так писать о своем горе можно только очень близкому человеку. Именем погибшего друга Василий Евгеньевич назвал своего младшего сына.

Я вспоминала любимых двоюродных братьев: Женю, бессменного капитана городской футбольной команды (бутсы, наколенники и другие принадлежности сына-футболиста тетя Маня увезла с собой в эвакуацию, надеясь, что Женя вернется и еще будет играть), и Леву, любившего реку, лодку и нас, дошколят.

Перед призывом в армию Лева почти целое лето катал нас, мелких, на лодке по спокойной извилистой речушке Вязьме, во многих местах почти сплошь покрытой белыми лилиями.

В моем сознании до сих пор сохранились четко отпечатанные картины: берега, поросшие кустарником, иногда крутые, но больше пологие,

стрекозы над тихими заводами, величественный соборный храм на высоком холме у самого берега.

До войны Женя и Лева служили в Каунасе. В их последнем письме говорилось, что 23 июня они, демобилизовавшись, – отслужили срок – возвращаются домой. Но Каунас бомбили на рассвете 22-го. Больше о братьях я ничего не слышала. Их старшая сестра Оля – моя двоюродная – с первых дней войны прослужила на фронте до ее окончания. Летом 43-го года она приезжала в Мултан увидеться со своей мамой.

...Вспоминали, как встретили День Победы в 45-м. Не помню, что рассказывал Василий Евгеньевич. Я же – тогда студентка 3-го курса – проснулась в общежитии на Верхнем от торжествующего вопля в коридоре. Девчонки!! Победа!!! Сразу сорвались с кроватей все: Зина Кальсина, комсорг факультета, Ира Суслопарова, фронтовичка, и я. Бросились во двор. Там студенты из других корпусов, восторженные крики, смех, радость. Гурьбой пошли в институт. Начался митинг. Взволнованные голоса выступавших. Громкое «Ура» от всего сердца. Счастливые глаза, счастливые улыбки. Всеобщее ликование. И радость, радость через край. Наконец-то!

...Уже в середине 60-х годов День Победы застал нас Василием Евгеньевичем в Москве. Парад смотрели по телевизору в семье у брата. Поздравляли друг друга за нарядным праздничным столом. Как водится, вспоминали... многое. Во вторую половину дня – на Красную площадь, где началось народное гулянье. По дороге купили большую охапку тюльпанов, сами не знали для чего. От хорошего настроения. Играют духовые оркестры. Площадь полна людей. Они танцуют, смеются, утирают слезы. Кое-где качают фронтовиков.

Как и другие, мы положили часть цветов к могиле Неизвестного солдата, где уже высились их аккуратные груды. Здесь же, у Вечного огня, и застала нас минута молчания. Одна минута по всей стране. А сколько боли и счастья людского вместила она в себя!

Подошли к скверу Большого театра – месту встречи фронтовиков. Блеск глаз, улыбок, орденов и медалей. То тут, то там приветственные возгласы, поздравления, объятия, смех. «А помнишь? А помнишь?» – звучит с разных сторон.

На ступенях Большого театра хор – не знаю, самодеятельный или профессиональный – исполняет любимые песни военных лет. Их подхватывают стоящие рядом люди. Нет, словами не описать этой встречи фронтовиков. Можно представить ее по военным фильмам, но надо быть здесь, в самой гуще победителей, чтобы почувствовать своей шкурой ту атмосферу безграничного счастья и горечи.

Женщина с фотографией молодого солдата в траурной рамке, у ее ног два небольших букета цветов. Мы положили несколько тюльпанов, молча поклонились.

Василий Евгеньевич глазами показал мне на солдата, одиноко стоявшего на отдаленной аллее. «Пойдем, поздравим и цветы подарим».

Подошли. Человек пожилой в солдатской гимнастерке с медалью «За отвагу» опирается на костыль. Поздоровались. Василий Евгеньевич поздравил его, пожелал здоровья и всего самого хорошего. Я протянула тюльпаны, какая-то детская улыбка чуть тронула его губы. «Благодарствуйте, – глухо сказал он и повторил. – Благодарствуйте, родные...».

Вечером Красную площадь озарили разноцветные огни победного салюта. В полночь мы возвратились домой. А ощущение неумемной радости, счастья и светлой грусти не стерлось в памяти, не потускнели его краски до сих пор.

«День Победы! Как ты был от нас далек...» В этот день Василий Евгеньевич поздравлял многих и многие поздравляли его.

На его приветствие отвечает сокурсница из МГУ.

06.05.75.

Дорогой Вилли!

Как хорошо поступили Вы, что написали мне. Читала и перечитывала сегодня Ваше краткое, но такое важное и радостное для меня письмо. Празднование нашей великой Победы стимулирует много хорошего, восстанавливает на время прерванные связи. И для меня атмосфера 1941 г. незабываема. Незабываем светлый день 9-го Мая 1945 г., когда весь народ стал как бы единой семьей... Вилли, напиши о своей теперешней жизни. Приглашаю Вас с Вашей семьей в гости. Буду искренне рада. Поговорим обо всем откровенно – как раньше...

Ваша Раиса П.

Дорогой Василий Евгеньевич! В этот самый счастливый день планеты мы бесконечно благодарны Вам за то, что Вы внесли свой вклад в дело Великой Победы. От всей души желаем Вам здоровья, бодрости, большого счастья и творческих успехов.

Ваши НИСовцы.

*Мы хотим, товарищ Майер,
Быть похожими на Вас,
Чтобы стать учителями –
Прямо скажем – экстра-класс.
В День Победы мы желаем
Вам удачи и побед,
Чтоб Вы прожили на свете,
Ну, положим, двести лет!*

Выпускники-заочники, 1984.

В 58-м году я успешно выпустила десятые классы. Меня включили в удмуртскую делегацию на Первый Всероссийский съезд учителей и поручили выступить там с докладом. Я очень волновалась, не могла говорить за республику. Но, к моему счастью, съезд на месяц отложили и

доклад поручили заведующему Сарапульским РОНО. Он волновался все дни съезда, но ему не дали слова.

Съезд проходил в Москве, куда мы и приехали с Валериком, а потом должны были отправиться в Ялту. В эти дни в Москве стояла теплая солнечная погода. Кремль был в зелени. Показав не раз пропуска, мы, делегаты, по широкой мраморной лестнице поднялись в зал заседаний Верховного Совета СССР. Все было торжественно: и обстановка, и ритуал открытия съезда. С докладами выступали видные ученые-педагоги, общественные деятели. Особенно запомнилось выступление А. Твардовского. Он говорил о недостатках преподавания литературы в школе, когда нередко все сводили к характеристике образов и идейному содержанию произведения. Не видно живых людей, их отношений, ускользает художественная прелесть произведения... Во многом он был прав.

Н.С. Хрущев, глава Правительства СССР, только что прибывший из заграничной поездки, ознакомил нас с международной обстановкой и положением внутри страны. Говорил горячо, напористо, отходил от текста. Его речь часто прерывали аплодисментами. Речи же делегатов почти всегда принимали форму отчетов, походили одна на другую. Было лишь несколько проблемных выступлений, взволновавших зал.

В перерывах обменивались впечатлениями, обедали в депутатской столовой, гуляли по Кремлевскому саду с его Царь-колоколом и Царь-пушкой, любовались цветущими газонами, фотографировались. Нас ознакомили с Царскими палатами, тесными комнатками с низкими сводчатыми потолками, с лестницей у окна, на которой стоял Иван Грозный, написанный Васнецовым на его известном полотне. Очаровал небольшой, но изящный Владимирский зал, где обычно подписывают различные международные соглашения. Но особенно поразил величественный беломраморный Георгиевский, зал Победы русского оружия. В дни съезда всю его площадь занимала выставка, посвященная образованию в стране. Там я много интересного приобрела для работы со школьниками.

Вечерами нас знакомили с культурной жизнью столицы: мы слушали концерт мастеров искусств в Колонном зале Дома Союзов, были в Большом театре, в музеях.

В конце съезда для делегатов был устроен прием в Тайницком саду Кремля. На изумрудном ковре газона под белыми скатертями длинные столы, уставленные хрусталем и яствами, названия которых я и не слышала. Учителя (в глубинке жили голодно-голодно: часто продукты возили из Москвы) быстро все опустошили. Конечно, поднимались бокалы, проносили тосты. Потом делегатов обносили мороженым (сколько хочешь! и такое вкусное, московское!). Последовали танцы. А. Микоян, член правительства, с нашей Тамарой Г. директором Глазовской школы – «оторвали» лезгинку. Веселье было искреннее и шумное.

Совсем невдалеке о чем-то беседовали Л.И. Брежнев и Н.С. Хрущев.

Когда веселье начало немного спадать, Н.С. Хрущев подошел к учителям и сказал: «Вот тут мы посоветовались с Леонидом Ильичом Брежневым и решили вас наградить». Раздались аплодисменты.

Так как съезд уже закончился, нас задержали еще на один день, чтобы подготовить наградные документы и вручить награды. Утро следующего дня. Грановитая палата, где в то время экскурсии не проводились. Награды вручает молодой еще Л.И. Брежнев, жмет каждому руку, прикрепляет ордена и медали.

Мне дали медаль «За доблестный труд» и звание «Заслуженного учителя РСФСР», знак «Отличник просвещения» и звание «Заслуженный учитель Удмуртской АССР» у меня уже были.

Получив награды, несколько человек нас сели на ступени какого-то храма и призадумались. «Как же теперь работать надо!» – выразил кто-то вслух общую озабоченность.

В заключение наша делегация в банкетном зале ресторана гостиницы «Украина» устроила прощальный ужин. Я пригласила на него Володю. Все были довольны, веселы.

Всероссийский съезд учителей – это большое событие в моей жизни.

Закончился съезд, и мы с Валериком (он жил у Кали и Володи) отправились на поезде в Ялту, куда должен был приехать Василий Евгеньевич с Толей и Таней, как только Василий Евгеньевич выйдет в отпуск.

В 1961-ом в нашей семье произошло большое событие: Василий Евгеньевич был принят в члены КПСС, о чем он мечтал еще со студенческих лет и что порой казалось совершенно неосуществимым. Но вот свершилось.

Прямо с порога: «Поздравь меня! Я в партии». Наверное, только теперь он почувствовал себя равным среди равных. Показал новенький партбилет, дал подержать в руках. А за вечерним чаем подробно рассказал, что и как происходило в райкоме.

В 1936 году вступил Василий Евгеньевич в комсомол. Уже выйдя из комсомольского возраста, продолжал платить членские взносы. До последних дней хранил «книжечку серого цвета» с силуэтом В.И. Ленина. Думаю, и внуки будут беречь ее как дорогую память о комсомольской юности деда.

Человек ответственный, он серьезно относился к выполнению комсомольских и партийных поручений. Не мне об этом судить. Но я видела, как он тщательно готовился к выполнению ряда поручений. Объективно же об этом говорят благодарности и почетные грамоты от ГК КПСС, комитета комсомола УдГУ, обкома комсомола Удмуртии, ЦК ВЛКСМ.

Не менее ответственно относился он к решению житейских вопросов. Взять хотя бы выполнение просьб соседей, товарищей, коллег, с которыми к нему обращались перед поездкой его в Москву. Привезти

или послать самые простые, казалось бы, вещи, которые трудно было приобрести в Ижевске: лезвия для бритвы, иголки для швейной машины, копировку, безразмерные носки, получить по доверенности в ВАКе и послать диплом, заказать на Арбате по рецепту очки и послать...

Не думайте, что я все это помню с тех пор. Просто перечитывая сейчас письма, почти в каждом нахожу приписки: «... в посылке два килограмма югославского чернослива для А. Передай, пожалуйста», «...за лентой для печатной машинки придет Б. Только позвони ему сразу же», «Сыр Рокфор передай, пожалуйста, и как можно быстрее, Г.», «Заказал из ГДР четыре тома протоколов 6-го съезда СЕПГ для С. Книги придут к нам домой. Если меня еще не будет, то выкупи их», «...как-то я послал для К. русско-английский разговорник. Отдали ли Вы его?», «Заходила ли ты к З. и предупредила их, что я не могу найти газовую плитку и баллоны. Может быть, они напишут, в каком магазине искать».

Однажды, перед отъездом Василий Евгеньевич, увидев подготовленный им список заказов, спросила: «Когда же ты будешь это делать?» – «Пустяки. Меня это совсем не затрудняет, все мимоходом».

Я же старалась до минимума свести свои заказы, часто совсем ни о чем не просила. Но в этом случае он сам знал, кто в семье в чем нуждается.

Человек слова, Василий Евгеньевич не давал пустых обещаний. Я не раз убеждалась в этом. Если же он не мог откликнуться на просьбу, предложение, говорил прямо: «Я сейчас не могу. И больше об этом не говорите». Или: «Сделайте, но без меня. Я занят». И я, и дети привыкли к тому, что сказано, то и сделано, что обещано, то и выполнено.

6. ВОТ БЫ ПОЖИТЬ ЗДЕСЬ!

В воскресные летние дни мы с Василием Евгеньевичем и детьми, иногда с друзьями ездили отдыхать на любимое многими ижевчанами место – Важнин ключ, в лес, за парк культуры и отдыха имени Кирова, на берег пруда. Это были изумительные по красоте места. Берег то полого спускался к поверхности пруда, образуя уютные зеленые лужайки, то крутым обрывом нависал над водой. И сосны на его вершине отражались в воде. Рыжая хвоя покрывала здесь землю. Дальше – опять низина, и опять над обрывом сосны. И так три-четыре километра.

На лужайке отдыхали семьями. Дети и взрослые – и мы в том числе – купались, загорали, играли в мяч, в воланчики, в прятки. Набегавшись, доставали привезенную в сумках провизию. Все было вкусно на воздухе.

Иногда я пристально вглядывалась в противоположный низкий берег и думала: «Бывает же такое!»

...Поздней осенью 1941 года нас везли эшелоном из Вязьмы через Ижевск на Уву. В приоткрытую дверь товарного вагона я увидела места

неповторимой красоты: ровная, заснеженная, сверкающая на солнце поверхность большого водоема – и противоположный берег, с обрывами и соснами на них, с низинами, покрытыми голубоватым снегом. На одном из обрывов – два длинных низких строения. «Вот бы пожить здесь», – мелькнула сумасбродная мысль. Но даже нигде не зацепилась, как совершенно нереальная.

После окончания педучилища в 1943 году мне и Наташе Павлецовой, как отличникам, была дана возможность, не отработав три положенных года в школе учителем, поступать в институт.

Наташа, местная, не могла себе позволить этого, стала учиться заочно. Меня же очень убеждали два человека: Н.И. Соколов, директор педучилища, и В.И. Алатырев, доцент, приехавший из Ижевска по набору абитуриентов в УГПИ, наш будущий любимый преподаватель. Когда он на лекциях излагал слишком заумные для нас вещи по Марру, мы про себя ласково говорили: «Сократушка, спустись на землю». Выслушав их доводы, я сказала маме, что поехала бы, но мне страшно жить одной в незнакомом городе. «Поезжай, поступай, не сможешь учиться – вернешься назад, но на помощь мою не надейся».

Все лето я сушила мелко порезанные овощи: морковь, свеклу, капусту, калегу, – чтобы было чем прокормиться в Ижевске. В институт приняли без экзаменов, но общежитие не светило. Институт сам ютился в разных местах вплоть до деревни Малая Пурга. Филфак же размещался в большом здании совпартшколы, угол Свердлова и Береговая – набережная Ижа.

Первое время мы с однокурсницей Вассой ночевали в котельной этого большого, кажется, четырехэтажного здания. Я и сейчас помню вход туда со стороны улицы Свердлова через двор в угловой подъезд, ведущий вниз, в подвал. Котельная – большое чистое подвальное помещение с кучей угля в углу. Три-четыре широкие лавки стояли у стен. Тусклая лампочка.

Худенькая женщина из деревни Вассы на вопрос последней, можно ли здесь ночевать подруге (мне), ответила: «А места хватить. Живите. Здесь тепло». Здесь и котомка моя оставалась, пока я слушала лекции. Здесь я «жила» (ночевала) с Вассой до середины зимы.

В институте мы как-то быстро подружились с Эльзой Фофановой. У нас была общая мултанская подруга Клава Булдакова. Узнав, что мне негде жить, Эля пригласила меня к себе, посоветовавшись предварительно с мамой, поваром столовой.

И вот мы идем из совпартшколы к Эльзе. Трамвай довез нас до Колтомы, конечной остановки у парка имени Кирова. Дальше – по узкой тропке через большое пустое заснеженное пространство куда-то в темноту к лесу (завода ЭМЗ, домов, телевышки, пляжа еще и в помине не было). Спускаемся в лог, поднимаемся и заходим в низкий длинный барак, где в крохотной комнатухе жила Эльза с мамой.

Утром я узнала эти места, этот обрывистый берег с соснами, два небольших здания, где мне так хотелось пожить. Бывает же такое!

Зимой в институт и домой мы ходили через застывший пруд. Спускаемся от совпартшколы к заводу до пристани и по льду по широкой тропе – рабочие из Колтомы ходили на завод и обратно – на другой берег к соснам.

Этим же путем весенним вечером я, как обычно, пошла через пруд, у пристани лед немного отошел от берега, но я, не задумываясь, прыгнула на него. На льду были затягивающиеся к вечеру тонким ледком лужицы. Темнело. Я уже дошла до середины пруда, когда услышала какой-то странный гул и треск, но продолжала идти дальше. Через несколько минут гул, шедший как бы из-под земли, повторился. Треск возник и прокатился вдаль. Я поняла: трещит лед и впереди что-то темной полосой отличается ото льда. «Вода! – мелькнуло в голове. – Назад!» Я мчалась назад, не чуя под собой ног, сопровождаемая гулом и треском просыпающейся грозной стихии. У пристани остановилась перевести дух. Но какой-то мужчина на берегу, протянув мне руку, поторопил. «Прыгай скорей: лед отходит от берега. Движение по льду запрещено». Схватив протянутую руку, прыгнула через полосу воды.

И только здесь, на берегу, мелькнула мысль, запоздало предупредившая об опасности: на льду тебя никто не обогнал и никто не попался навстречу. Можно было бы и сообразить...

Любила я пруд, но и боялась его. Боялась плыть на катере, что нередко приходилось делать, боялась кататься на лодке, боялась за детей и Василия Евгеньевича, выросшего на Днепре, когда они отправлялись в свои бесконечные путешествия по воде, стараясь не ставить меня об этом в известность...

Вспоминает один из детей.

Март, 1988.

Помнится, начались наши еженедельные тренировки по умению правильно управлять лодкой на Ижевском пруду. Захотелось постичь такое умение и заодно научиться плавать. Свободного времени у отца было мало, и поэтому лодочные походы всегда приходились то на утро, то на вечер, и только в выходные дни – в обед. Первое время мы только присматривались к отцу, к его искусному управлению нашим маленьким суденышком. Но уже на третий раз отец позволял выводить лодку с лодочной станции каждому из нас. А потом – управлять лодкой до определенного мысленно намеченного на пруду места. Первые мозоли и замечания отца по правилам управления лодкой закаляли нас и приучали искать выход из любого трудного положения. Постепенно все 14 километров пруда были преодолены нами уже не один раз. На пруду мы были так же спокойны, как и в лесу. Вот, видимо, тогда и зародилась мысль длительного лодочного похода по реке Каме от Перми через шлюзы Воткинской ГЭС до Ижа. Были проложены

маршруты по карте, продумано все до мелочей. Мы с братьями еще раз повторили весь маршрут, расписали все необходимое. К этому времени мы уже начали постигать основы фотографирования. Но работа отца отнимала у него время: поход так и остался в разработках и мечтах.

Спустя некоторое время мы побывали все вместе на Воткинской ГЭС, проплыли на катере по искусственному морю, прошли знаменитые шлюзы плотины.

Однажды Василий Евгеньевич подверг нас серьезному испытанию.

Наши добрые соседи по дому Серапион Алексеевич и Капитолина Потаповна Коротаевы – педагоги в высоком смысле этого слова – пригласили нас с детьми к ним на дачу, на Воложку. Можно было добраться за час на катере, но Василий Евгеньевич выбрал автобус. Мы сошли на 14-ом километре Якшур-Бодьинского тракта и через лес спустились к пруду. На далекий противоположный берег предстояло перебраться по узкому хлипкому мосточку, связанному из тонких жердочек, с односторонними, ненадежными, на мой взгляд, перильцами.

Василий Евгеньевич, первым переправляясь на другой берег, осторожно ногами прощупывал прочность настила, который местами то погружался в воду под его тяжестью, то поднимался на поверхность воды. Вслед за ним по одному, стараясь не потерять равновесие и не соскользнуть с мокрых жердочек в воду, прошли семилетняя Таня и Толя. Мне, по правде говоря, было страшно за них, да и сама без восторга вступила на настил, но прошла благополучно.

«Молодцы!» – сказал Василий Евгеньевич, вытирая Тане мокрые ноги.

На Воложке нас ждал отличный отдых: пруд, пляж, лес, вкуснейший салат и великолепная жареная рыба, пойманная Серапионом Алексеевичем на зорьке, и – что самое прекрасное – дружеское общение.

Около белоснежного ромашкового луга – мы не вошли в него: не хотели топтать красоту – объектив моего фотоаппарата запечатлел Серапиона Алексеевича с накинутым на левое плечо пиджаком, Капитолину Потаповну в косынке по моде комсомолок 20-х годов, Василия Евгеньевича, с двумя ромашками в руках, и Таню, с венком на голове.

Уже давно ушли из жизни Серапион Алексеевич, Василий Евгеньевич, Капитолина Потаповна...

Дочь наших друзей, Галина Серапионовна, преподаватель философии в УдГУ, доцент, душевно чуткая и отзывчивая, помнит Василия Евгеньевича с семилетнего возраста, не забывает и сейчас.

В день его рождения неизменно приходит к нам и приносит то, что сама любит, что ей дорого и что оценил бы Василий Евгеньевич: благородный цветок амарилиса – Василий Евгеньевич в шутку любовно называл его «амаралис», – сборник стихов своего талантливой, трагически погибшего сына Всеволода Галкина, лекции Л.С. Выготского, долгое

время хранившиеся его аспирантом Серапионом Алексеевичем. Стихи и лекции увидели свет благодаря большой, кропотливой работе Галины Серапионовны по их изданию.

О дружбе Вити Коротаева и Валерия Майера, украсившей детские, школьные и студенческие годы, я уже писала.

Много раз мы бывали на Воложке, но эта поездка запомнилась. С большой симпатией и уважением относился Василий Евгеньевич к этой дружной семье.

Пройдут годы. В 2008 году к 90-летию со дня рождения Василия Евгеньевича в библиографическом издании УдГУ будут опубликованы воспоминания преподавателей – коллег и его студентов, ставших кандидатами и докторами. И среди них – статья, написанная Г.С. Коротаевой «Мой сосед В.Е. Майер».

Ежегодно дети отдыхали в пионерских лагерях: на Областной, на Воложке, в Кыйлуде, в туристическом лагере. Раза два за смену мы ездили к ним. Особенно нравился лагерь на Каме, на высоком обрывистом берегу. Внизу река, а за ней такие дали в голубой дымке! Василий Евгеньевич спускался к реке, покупал рыбу у рыбаков, ее зажаривали в лагерьной кухне, она была бесподобна (одно из любимых его слов).

Пообщавшись с детьми и угостив их сладостями, мы часто возвращались домой по новой, незнакомой нам дороге, как это любил делать Василий Евгеньевич. Однажды, задержавшись в лагере, мы вошли в довольно густой, темный уже – солнце садилось – лес. Шли одни долго по едва различимой тропинке. Василий Евгеньевич вел меня за руку, так как я изрядно устала. Неожиданно лес загудел под порывом ветра. Началась гроза, ливень. А мы шли и шли, мокрые до нитки, усталые. Мне казалось, что конца не будет этому лесу, грозе и дождю. «Скоро выйдем», – подбадривал меня Василий Евгеньевич. И действительно, не так уж скоро, к рассвету, тропинка вывела нас к домику на опушке леса. На наш стук заспанная женщина открыла дверь и спросила: «И где это вас лешак-то носил?» Но, видя, что у меня зуб на зуб не попадает от холода и перенесенного страха, она впустила нас в избу, обсушила у горевшей уже печки, напоила молоком и показала дальнейшую дорогу. Раньше не боялись пускать в дом чужих. Что чувствовал Василий Евгеньевич? Он ничем внешне не выдавал себя. Так же спокоен и доброжелателен.

Жуткая лесная дорога закончилась восхитительной поездкой по Каме на катере.

Когда дети стали старше, Василий Евгеньевич ходил с ними в походы по окрестностям Ижевска, вокруг пруда. Учил детей плавать, разводить костер, печь картошку. Во время походов он о многом рассказывал им, в том числе и о греческих мифах, о средневековых рыцарях, о виденном на пути.

Из воспоминаний сына.

Март, 1988.

Я сейчас изучаю родной край. И все время вспоминаю отцовскую школу походов.

Летом выбирались дни, когда наш отец был свободным, и мы уходили в лес. С каждым новым походом маршрут лесных путешествий удлинялся, менялась цель.

Перед всеми участниками ставилась определенная задача. У каждого из нас был свой груз, за который мы отвечали. Мы сами его собирали и знали, что несем одежду, пищу, топор, веревку и т.д. для всех участников похода. Сначала отец сам выбирал маршрут и вел нас по нему, стараясь, чтобы мы запомнили пройденный путь. Он хотел, чтобы мы могли не просто идти по лесу, куда глаза глядят, а могли правильно ориентироваться, используя природные явления.

Отцовские походы по лесу не были бесцельной ходьбой. Лесные дороги служили нам только ориентиром, мы их оставляли в стороне.

Когда мы подросли немного, отец начал советоваться с нами о маршрутах очередных походов, о продолжительности во времени и расстоянии, о целях.

Зачастую мы с братьями настаивали на своем маршруте, выкладывали свои доводы и размышления. Зная, что предлагаемый нами маршрут всегда труден и интересен, отец поддерживал нас.

Во время пребывания в лесу отец старался рассказать знакомое о лесе, о зверях, о съедобных грибах и ягодах.

А сколько заброшенных, некогда больших деревень удалось нам увидеть и услышать рассказы отца о назначении многих предметов, облегчавших нелегкий крестьянский труд. Если мы попадали в деревни, в которых жили люди, отец учил нас уважительному общению с крестьянами.

Эта школа пригодилась впоследствии, когда уже взрослым приходилось выезжать в деревни на сельхозработы или участвовать в археологических экспедициях или разведках. Только с годами понимаешь значение отцовской учебы и школы, полученной в детстве.

У нас были грандиозные планы походов за пределы республики. Правда, в них не входили поездки в Крым, на Черное море, где отцовские походы по Черноморскому побережью по лесам и горам имели свое продолжение. Помнится, не было дня, чтобы мы оставались в Ялте на пляже целый день. Все время в ходьбе: или только мы, два брата и сестра с отцом, или с нами – и наша мама. Но в опасные, по нашему мнению, авантюрные походы – от Ялты до Никитского ботанического сада по берегу ночного моря - мы маму не брали.

Зато сестра наша в то далекое свое детское время стойко преодолевала все трудности пути.

...Я заканчивал 10 класс. Впереди были выпускные экзамены. Отец предложил свой особый способ подготовки к ним.

У него оставалось мало времени до защиты докторской диссертации, он усиленно работал и жил в сельском поселке в домике недалеко от города, если пользоваться автобусом.

Мне же было предложено исполнять две роли: посыльного между домом и отцом – с одной стороны и школьника, готовящегося к экзаменам – с другой. Необходимо было выучить пять-шесть билетов и, не пользуясь автотранспортом, выбирая более приемлемый пеший путь, добраться до Костиной мельницы, найти отца, передать все из дому и рассказать выученные билеты.

А следует заметить, что все это происходило рано утром и от меня зависел весь день отца.

Потом, уже в течение первой половины дня, я учил в поселке новые билеты. При пешем переходе до деревни Люли рассказывал выученное отцу. А до подхода к селу Завьялово, откуда мы на автобусе добирались до Ижевска, отец делал мне свои замечания, дополнял меня и назначал новые задания.

Отцовские походы вспоминаются всегда, когда приходится пешим порядком добираться до намеченного пункта.

Много мы со своими товарищами исходили в поисках колоколов. Где-то нас подвозили на машине или на телеге, но большую часть пути мы преодолевали пешком.

После первого длительного по времени и расстоянию похода я узнал, что мой коллега по изучению колоколов прошел в детстве ту же школу пеших походов, правда, со своим дедом.

А. Майер

7. С ДРУЗЬЯМИ У МОРЯ

В Крыму мы были два раза в 58-м и 60-м годах, и каждый раз он оставлял неизгладимое впечатление.

Не буду описывать день за днем, не буду делить на годы то целостное впечатление, какое оставили эти поездки, захватывавшие весь отпуск 48 рабочих дней.

Здесь мы оставляли позади все неприятности и заботы, общались, в основном, друг с другом, со своими детьми, с добрыми друзьями Ириной Владимировной и Борисом Григорьевичем Плющевскими, открывшими нам Крым с удивительной и разнообразной природой, морем, солнцем, горами, парками.

На столе фотографии из альбома, сделанные мною в Крыму. Первым бросается в глаза наш домик за каменной оградой с инжиром у окна, совсем близко от моря. Мы, пятеро, снимаем небольшую, уютную, светлую комнатку. Но только ночуем здесь. Весь день в движении. Все хочется увидеть, запомнить. Кажется, до сих пор чувствую тонкий запах

крупного белоснежного цветка магнолии, который хозяйка ставила нам в комнату.

В Крыму все поражало и все хотелось запечатлеть не только в памяти, но и на пленке.

В самом начале мы ознакомились с Приморским парком Ялты, красиво оформленным цветниками, многолюдным. Объектив фотоаппарата запечатлел Василия Евгеньевича с детьми на набережной. Подойдя вплотную к парапету, они с интересом смотрят на играющих в море дельфинов.

А вот на фото уголок парка в Мисхоре. Таня и Валерий сидят на бортике фонтана рядом со скульптурной группой белых медведей, Толя облюбовал место около оленя, а Василий Евгеньевич засмотрелся на огромные цветочные часы, желая постичь их устройство. Он хотел также записать названия некоторых незнакомых нам цветов, но спросить было не у кого. Похоже, в это время в парке были только мы.

Ущелье Уч Кош. Василий Евгеньевич, Толя и Ирина Владимировна преодолевают путь по узкой козьей тропе. Из-под ног у них срываются камни вниз в ущелье, где мы с Валериком и Борисом Григорьевичем идем по высохшему руслу горной речки.

Почти ежедневно мы гуляли с Плющевскими. Хорошо зная Крым, они старались показать нам самые интересные его уголки. Но и мы, и они не хотели стеснять друг друга. Поэтому условились: встречаемся утром в 9 часов у тенистого инжира недалеко от наших домов. Если кто-то из нас, скажем, Майеры, не придут, то Плющевские проводят время по своему усмотрению, и мы тоже. Если встречались под деревом две стороны, то совместно решали, как пройдет день. Такой порядок был очень удобен.

Мы не часто бывали на переполненных пляжах, больше нравилось бродить, открывая новые места.

Нередко, утром уезжали на катере, например, в Ливадию. Пройдемся по знаменитой Царской тропе до Ореанды, с этой высоты полюбуемся открывающимся внизу видом на правительственную дачу, где гуляют павлины, на море, осмотрим неповторимый Ливадийский дворец, летнюю резиденцию царской семьи, погреемся на Золотом пляже, а после полудня, как спадет жара, идем в Ялту по берегу моря. Вода плещется у ног. Тогда свободно можно было ходить так: только изредка встречались огороженные участки, уходящие забором в море.

Однажды вечером, возвращаясь таким образом в Ялту и обходя морем загороженный участок пляжа, Борис Григорьевич последним перелез через забор и на лай собаки, охранявшей участок, ответил таким оригинальным «лаем», что собака, проворчав что-то невразумительное, удалилась. Все были в восторге и долго вспоминали, как Борис Григорьевич «облаял» собаку. Борис Григорьевич! Деликатнейший человек!

Из записной книжки Василия Евгеньевича «Вопреки ожиданиям, папа по пути из Ливадии выдал из себя следующее четверостишие:

*Впереди – Плющевский Борис,
Стройный, как кипарис.
С ним рядом –
Майеры отрядом».*

А здесь фото запечатлело Василия Евгеньевича и Бориса Григорьевича, играющих в карманные шахматы. Это Массандра, большой тенистый парк, создающий впечатление нетронутого уголка леса. Здесь раскидистые деревья, дающие густую тень, и веселые солнечные полянки. Здесь мы любили отдыхать, детям было раздолье. Василий Евгеньевич читал Солоухина «Владимирские проселки», удивительно поэтичную книгу о неброской, но прелестной природе средней полосы, особенно трогательно воспринимаемой на фоне роскошной природы Крыма. Здесь подолгу беседовали Василий Евгеньевич и Борис Григорьевич о чем-то своем, историческом. Но отдыхали в Массандре нечасто: жаль было что-то интересное пропустить.

Беру в руки еще одну фотокарточку: Василий Евгеньевич на катере. Легкая рубашка в полоску с расстегнутым воротником, в руках соломенная шляпа от солнца. Ветер шевелит светлые волосы. Лицо спокойно, задумчиво. О чем он думает? Я редко спрашивала, боясь нарушить поток его мыслей. Рядом Плющевские, Н.А. Зелепухин. Мы возвращаемся из Гурзуфа, где гуляли по прекрасному парку, поздоровались с кипарисом Пушкина, побывали у подножия горы Аю-Даг. А Валерик успел взобраться на вершину огромной скалы в море. Об этом свидетельствует другая фотография: спокойное море, в нем – скала, уходящая острой вершиной высоко вверх, на самой вершине – маленькая фигурка одиннадцатилетнего Валерика, как символ первой покоренной им высоты.

Горы, нагромождение скал завораживали, притягивали ребят к себе. Но мы не очень-то позволяли им забираться высоко. Особенно после одного случая, когда два незадачливых молодых человека, поднявшись на вершину, не смогли спуститься вниз и застряли на крохотном выступе над пропастью, где и провели ночь. Чтобы они не заснули, с ними разговаривали с земли через мегафон. Утром их снял вертолет.

Мы не решились войти в неопишное Ласточкино гнездо, прилепившееся к скале, нависшей высоко над морем, и только вблизи осмотрели его.

А вот еще фотографии из Алупки. Крепостные стены Воронцовского дворца, сам дворец, знаменитая мраморная лестница к морю с просыпающимися львами, у ног которых на фотографии Ирина Владимировна, Таня, Толя, Валерик. Вот чудо паркового искусства: фонтаны и спокойное зеркало воды вровень с обрамляющими его мраморными бортиками. А с этой высоты – вид на море внизу с идущим вдалеке парходом. Василию Евгеньевичу и мне очень нравились эти места, и мы не раз приезжали сюда одни и с Плющевскими.

Поразил нас всех Хаос: будто какая-то неведомая сверхъестественная сила сыпанула на побережье груды огромных камней самой разнообразной формы в причудливом беспорядке. Чуть заметная тропинка, извиваясь между камней, то звала нас в глубь Хаоса, то выводила к небольшому живописному водоемчику в зелени, то направлялась к куще деревьев, то опять приближалась к камням. Несколько раз мы проходили по этой тропе, но почему-то всегда молчали: величие природы делало ненужными всякие слова.

А уж дети-то полазали по камням вволю! Отдыхали, поднявшись вверх к Алупке и уже с высоты смотрели на громоздившийся внизу Хаос.

Самым привлекательным в Крыму было, конечно, море. Много времени мы проводили у воды, а на городском пляже старались быть только утром и вечером, когда там немного народу.

Очень неприятно было слышать, как на многолюдном пляже истошно кричали матери, желая извлечь своих детей из воды. Наши выходили сразу, стоило только мне или Василию Евгеньевичу поднять руку. Правда, этому предшествовала неприятность для детей: в первый раз они упорно не замечали наши поднятые руки, но так как за этим последовал запрет купаться целый день, то сигнал поднятой руки замечался сразу (иногда даже бежали на чужую руку), и дети мгновенно были на берегу. Впрочем, купание Василий Евгеньевич не очень ограничивал.

А вот еще стопка фото. Таня и Ирина Владимировна на пляже у самой кромки воды. Море ласково накрывает их волной. Они о чем-то беседуют, рассматривают маленького краба и морские камушки.

Вот Борис Григорьевич в присущей только ему позе: ноги к морю, грудь и живот к солнцу, руки позади туловища в упоре. «Поплыл в Турцию», – небрежно бросает он нам и, не меняя позы, каким-то непостижимым образом движется к воде и так же входит в нее. Побултыхавшись недалеко от берега, возвращается со словами: «Вернулся. Не хотел нарушать дипломатические отношения».

А вот морской бой. Василий Евгеньевич и Борис Григорьевич оба молодые, загорелые по грудь в воде с трудом отбивают стремительные и шумные атаки ребятишек, с помощью рук и ног создающих каскад брызг, накрывающих противников: шум, визг, выкрики, смех. А сколько динамики в их движениях!

Нас больше привлекали не освоенные дикарями пляжи. Тихое местечко, у старого причала Никитского ботанического сада с прозрачной водой, водорослями вблизи, непугаными крабами нравилось больше. Впервые увидев краба, Таня в восторге закричала: «Вот микраб, микраб ползет!» В таких местах мы отдыхали, читали, загорали. Оно – на одной из моих любимых фото. Плоская поверхность овального в человеческий рост камня совпадает с поверхностью моря. На нем во всю длину камня лежит на животе Василий Евгеньевич, опершись грудью на согнутые в локтях руки, и, закинув голову назад, заразительно смеется. На его спине, свесив ноги на одну сторону, как амазонка, сидит Таня и тоже смеет-

ся. Солнце. Море чуть плещется, камень почти не виден. Кажется, Василий Евгеньевич лежит на поверхности моря в необычной для купальщиков позе метрах в пяти от берега.

Море редко бывало бурным. Обычно тихое и спокойное, оно однажды показало нам свой коварный нрав. Солнечное утро, слабый ветерок, небольшие барашки на море. Толя и Валерик на городском пляже у самой воды. Вдруг откуда ни возьмись большая волна накрыла их с головой и потащила... нет, к счастью, не назад, в пучину, а вдоль берега, метров на 20 и, на секунду остановившись, как бы раздумывая, отпрянула в море. Этой секунды хватило Василию Евгеньевичу, чтобы стремглав броситься к детям и вырвать их из волны. Все произошло так быстро, что я не успела по-настоящему испугаться, зато потом...

В заключение этой части эпизод, которого не было, но который вполне реально мог бы и должен произойти, но не произошел.

...Отдыхаем вместе с Плющевскими, набродившись в окрестностях Алупки, на большом обломке скалы, покрытой мхом, под прозрачной тенью невысокой сосны, искореженной морскими ветрами.

«А не почитать ли нам стихи?» – раздумчиво спрашивает Борис Григорьевич и, получив общее одобрение, вполголоса неторопливо читает о Гурзуфе, Мисхоре, Ялте, Ливадии, Алупке, о часовенке, затерявшейся в горах, об играх дельфинов в море, постоянно меняющем свой вид. Узнав, что автор их Борис Григорьевич, мы радостно изумлены. Просим еще. «Эпиграмма на графа Воронцова», – произносит он и читает:

*Владелец вотчин и дворцов,
Богач и граф, наместник края,
Великолепный Воронцов
Был вежлив, даже презирая.
А что такое Пушкин? – Ноль,
Какой-то ссыльный без мундира,
С такими нянчиться изволь –
Бунтарь, арфей, бретер, задира.
Однако графская жена,
Прелестная Елизавета,
Была – представьте – польщена
Интимной дерзостью поэта.
И полетел к царю донос,
Скрепленный дланью Воронцова,
Недаром Пушкин произнес
О нем пророческое слово:
«Полу-милорд, полу-купец,
Полу-мудрец, полу-невежда,
Полу-подлец, но есть надежда,
Что станет полным наконец».*

*Портрет искусной кистью дан,
Вельможа в полный рост изваян.
Был Воронцов и англоман,
И предприимчивый хозяин.
На беззаботных русских бар
Умом и нравом не похожий,
За море отпускал товар -
Пшеницу, вина, фрукты, кожи.
Хватал с налета ордена,
К именьям прикупал именья,
К тому ж красавица-жена
Высокого происхожденья.
Все так, а что в итоге – шиш!
Но непреклонно и упрямо,
Ты и теперь в веках звучишь,
Убийственная эпиграмма!
Полу-купец, полу-милорд,
Другим тебе гордиться нечем.
Так будь же тем посмертно горд,
Что Пушкиным увековечен.*

Чтение стихов Бориса Григорьевича могло бы стать явью. Но не стало... И сотни прекрасных произведений бережно хранятся Ириной Владимировной в трех толстых тетрадях, исписанных вдоль и поперек характерным почерком Бориса Григорьевича.

Из записок Василия Евгеньевича.

Первого августа мама болела и мы без нее купались в море. Был седьмой час вечера. Вдруг Валерик горячо принялся убеждать нас отправиться пешком по берегу в Никитский ботанический сад. Тут, мол, рукой подать, и мы успеем до темна вернуться на катере в Ялту. Вот удивится мама, когда мы ей об этом расскажем. Ведь до этого мы уже пытались добраться оттуда в Ялту, но шли по извилистой дороге и сильно устали. Да и на половине дороги мы встретили автобусную остановку и не устояли перед соблазном сесть на автобус.

Решение было принято в одно мгновение. И вот Валерик, взяв Таню за руку, уже шагает по шоссейной дороге вокруг пляжа для туберкулезных, чтобы выйти к морю.

Вначале мы двигались по каменистому берегу довольно быстро, так как пространство между морем и обрывистым берегом было довольно широким. Потом, однако, оно все более суживалось, и берег прямо нависал над нами. Местами нам казалось очень опасно. На отвесном берегу в сыпучей почве едва держались деревья. Кое-где на морской отмели валялись их корни и сучья.

Иногда море подходило так близко к скалам, что мы были вынуждены преодолевать небольшие расстояния по бушующему морю. Каждый раз было страшно начинать такую переправу. Волны бились о берег и рассыпались мелкими снежно-белыми брызгами, чтобы потом вновь отступить и кинуться с новой силой на берег.

Мы выбирали для перехода время между двумя ударами волн. Но расстояние было часто настолько длинным, что волны настигали нас, и мы окончательно промокли, особенно папа. Он в таких случаях брал Таню на руки и двигался довольно медленно, вот ему и доставалось. А мальчишки перебежали быстро трудное пространство, смотрели с удовольствием на то, как папа осторожно карабкается по подводным камням.

Таня собирала камушки для бабушки. Где увидит красивый разноцветный камушек, там и останавливается, рассматривает его и кладет папе в карман.

В одном месте нам преградило путь какое-то сооружение. Очевидно, там строился новый причал. Мы взобрались на толстую стену, ограждавшую низкий берег от моря, и шли по ней. Но Таня забоялась, и нам пришлось вернуться обратно, чтобы обойти скалу.

Встретился какой-то санаторный пляж. На нас там смотрели как на диких, сорвавшихся с цепи. Возле пляжа валялись две пары сандалий, много трусов и другой одежды. Все брошено. Возникла мысль, что это было сделано во время какого-то бедствия. Берег нам здесь не понравился.

Дальше опять было интересно. Нам попадались по пути огромные валуны, между которыми росла помятая трава и реденький тростник. Иногда над нами появлялись чайки. В одном месте слышался писк молодой чайки, спрятавшейся в прибрежных кустах. Птицы пролетали так близко над нами, что мы поражались размаху их крыльев и спокойному умному взгляду, направленному в течение нескольких секунд на нас.

Когда мы подходили уже близко к цели, нам преградил путь большой утес, рядом с которым возвышался обрывистый скалистый берег, на самом горбу его росла густая роща. Перед нами был выбор: перебраться через скалу или подняться по берегу вверх. Мы разделились: Валерий побежал на гору, а мы втроем карабкались по скале. Толья поднялся до первого выступа ее, потом он подтянул за собой Таню. Оставив Таню на выступе, он двигался выше, а к Тане влезал папа. Он подавал Таню на следующий выступ. Так мы добрались до вершины утеса. Спускались мы тем же способом, но спуск был значительно труднее.

С утеса мы увидели последний катер, отплывавший с Никитского причала. Если бы мы пошли вместе с Валериком, то, по его словам, мы успели бы на катер. Только теперь заметили, как быстро надвигался вечер. Из расписания узнали, что катера уже не будет. Теперь

мы впервые почувствовали голод и усталость. Но поесть и отдохнуть было негде и некогда.

Мы поднимались к Никитскому ботаническому саду. Днем здесь все было знакомо, а во внезапно нахлынувшей темноте трудно было ориентироваться. Где-то мы двигались по какому-то обрыву, потом переправлялись через балку по сваленному дереву, потом был прудик, мостик, извилистая тропинка, покрытая асфальтом, потом уже знакомые места и автобусная остановка. Мы стали ждать автобус. Таня устала, ее потянуло домой к маме, ей хотелось спать.

В это время из-за густых листьев высоких деревьев прорвался лунный свет. Полянка перед входом в Никитский сад то освещалась, то покрывалась тенью. Мы задумали играть в прятки. Долгое время прятались и искали друг друга. Главное же, мы бежали и шумели. Таня забыла, что она устала и что ей нужно домой. Был одиннадцатый час. Все сроки прибытия автобуса уже миновали. Нам грозило остаться здесь до утра. Тогда мы решили подняться до большой дороги, где круглые сутки движутся автобусы. Было бы ближе пройти через сад, но там уже были спущены собаки, охранявшие, как грозные Церберы, его богатства. Мы пошли по дороге, вливающей по самому берегу моря. Стало исключительно красиво. Внизу лежали необозримые просторы Черного моря, освещенные круглым диском луны, вокруг нас возвышались стройные аллеи кипарисов и высокие дубы, ивы, чинары. Так мы добрались до главного входа в сад.

Опять перед нами открылись две возможности: пойти по близкой, но неведомой тропинке или по широкой шоссейной дороге, знакомой нам. Мы выбрали последнюю, более длинную дорогу.

На этот раз нам повезло. За одним из ближайших поворотов показался свет фар автобуса. Мы подняли руки, и он остановился. Нас повезли обратно к входу в сад. И оттуда мы уже поехали в Ялту. В двенадцатом часу ночи мы были дома.

В Ялте мы посетили дом-музей Чехова.

Сейчас, по прошествии многих лет, вспоминая множество музеев, где мы бывали, могу с уверенностью сказать, что для нас это была большая школа. Василий Евгеньевич старался одним-двумя словами записать главные вопросы, которые у него возникали. Он не только слушал экскурсовода, но и обращал внимание на манеру общения его со зрителями-слушателями. Одно время его занимал вопрос, почему порой эффектный эмоциональный экскурсовод проигрывает по сравнению со спокойно-деловым другим. Пришел к выводу, что многое зависит от личности экскурсовода, его убежденности, аргументированности, умения устанавливать различные связи, от его личностного отношения к материалу и слушателям. Василий Евгеньевич часто задавал вопросы экскурсоводу, но, как правило, после окончания экскурсии. Так, в доме-музее Чехова он интересовался, как работал Чехов со своими записны-

ми книжками: систематизировал ли он их и записи в них, просто просматривал время от времени или еще как.

Экскурсовод, дав краткий ответ, сказала, что к более подробному освещению вопроса она не готова, но будет готова, если Василий Евгеньевич сможет зайти еще раз в музей в определенный день и время. Василий Евгеньевич пришел, получил нужные сведения.

Еще бы я отметила, что в музеи-квартиры художников, писателей и поэтов он входил не так, как, например, в Политехнический музей, а как-то внутренне собравшись, иногда взволнованно, как будто шел на встречу с большим уважаемым человеком.

Так мы без детей (им рано было) вошли в дом-усадьбу Чехова в Ялте. Не буду описывать известный музей. Скажу только: вот уже более 40 лет прошло, а я могу ясно представить прихожую с чемоданом, забытым немцами при поспешном бегстве от наших наступавших войск; столовую, кабинет Чехова, комнатку его сестры, картину Левитана. А сад, посаженный руками Антона Павловича и заботливо возвращенный им! Я рада, что на склоне лет могу воскресить в памяти и оживить такие вот впечатления.

После посещения музеев, галерей Василий Евгеньевич нередко описывал их. Предложу записи, сделанные им в Ялте в 1960 году после осмотра нами панорамы «Севастопольская битва» и диорамы «Взятие Сапун-горы советскими войсками».

1960 год. Из записей Василия Евгеньевича

Севастополь – город славы. Самые тяжелые дни 1941-42 годов он вдохновлял своим мужеством весь наш народ, всю нашу страну. А в 1944 году, когда наши славные воины овладели им штурмом, казалось, что это конец войне. Давно мы мечтали побывать там.

В первые дни пребывания в Ялте мы разузнали все, что нужно для того, чтобы попасть в Севастополь морем.

Выехали в час ночи с 26 на 27 июля на теплоходе «Василь Коларов». Это судно маленькое, оно поднимает 250 тонн. Третьего класса на нем нет. У нас поэтому были билеты 4 класса. На теплоход мы поднялись почти последними. На палубе не было ни одного свободного стула, но нам повезло. Рядом расположилась веселая группа физкультурниц в возрасте 15-17 лет, украинки. Они уступили нам четыре раскладных стула. И мы тут же на палубе расположились. Дочка лежала на двух стульях, а мама и папа занимали по одному. Сыновья бегали.

Нам было весело. Физкультурницы растелили большой брезент, легли на него, а другим укрылись. Сколько тут было шуток и шума! Разговаривали по-русски и украински. От этого все, что они говорили, казалось еще смешнее. Вспоминали они своих учителей, но больше всего учительницу русского языка, обзывали ее вредной за строгость проверки письменных работ. Но вспоминали добрым сло-

вом по литературе. Воспроизводили ее голос и интонацию, читали заученные отрывки из художественных произведений.

Как только мы тронулись из порта, вся эта веселая ватага постепенно уgomонилась и вскоре спала непробудным сном. Они, очевидно, плыли на теплоходе издалека, и им ничего уже не было страшно.

Нам же предстояли первые испытания. Подул сильный ветер с открытого моря. Мы боялись, что Таня простудится, поэтому с ветреной стороны поставили раскрытый зонт. Ее же укрыли папиным коричневым пиджаком. Мы больше беспокоились об ее ушках, чтобы их не простудить. А она не спала, потому что ее ноги оказались не под пиджаком. Иногда нам казалось, что она засыпает, но это было не так. Если бы она сразу же заснула, нам было бы легче.

Когда мы вышли в открытое море, поднялись большие волны. Нас начало сильно качать. Носовая часть теплохода то поднималась, то опускалась. Мы почувствовали себя как на качелях, которые нельзя остановить. Валерий и папа подошли к борту и стали смотреть вниз, на волны. Их скоро укачало и даже рвало. Хуже всех чувствовала себя мама. Она всю ночь не спала. Толя же был в своей стихии: уловив, что за ним никто не следит, он стал носиться по кораблю. Побывал везде. Даже в радиорубку забрался и видел, как там радист с какой-то девушкой обнимался и целовался. На палубе становилось все холоднее, и мы ради Тани решили зайти в трюм.

Остановились у центрального люка, по которому спускаются в каюту первого и второго классов. Там мы расставили свои раскладные стулья. Папа и Таня на них спали. Ночью папа вставал, чтобы проверить, где находятся ребята. Постоянного места у них не было, но большую часть пути они спали на ковровой дорожке, лежащей в коридоре.

С рассветом стало легче. С правой стороны был Крымский полуостров, слева – открытое Черное море. Ближе к берегу море казалось ниже. Это, очевидно, потому, что в открытом море были волны, а ближе к берегу тихо.

На южной оконечности Крыма, уже позади нашего теплохода виднелась высокая башня. Ночью с нее подавали сигналы зеленого света. Иногда нас освещали прожектором. Но мы вначале никак не могли понять, откуда исходит свет: с берега или еще откуда-нибудь. Но потом поняли, что это сторожевые корабли, находясь в открытом море, стерегут нашу страну.

С правой стороны между двумя грядками волн мы заметили белые городские строения. Никто не мог сказать, что это за город. Только потом мы поняли, что это Балаклава. Там до сих пор сохранились башни Генуэзской крепости, построенной 600 лет тому назад. (В 1475 году здесь уже господствовали турки).

Севастополь открылся перед нами панорамным полукругом. Справа и впереди виднелись высокие городские строения, слева – крепостные развалины, землянки и выше тоже городские строения.

В заливе стояли военные корабли, пароходы, шныряли катера, медленно ползли паромы.

Наш теплоход остановился около берега. Почти час мы стояли на якоре, ожидая, на чем подыдем к берегу. Наконец, подошел большой паром. Мы боялись, что нас не пустят в Севастополь, так как у нас не было с собой паспортов. Накануне мы их сдали на пропуску. Но наши опасения оказались напрасными. Никто не спрашивал документов.

Первым делом мы посетили рынок. Чего там только нет! Апельсины, груши, персики, сливы, яблоки, вишни, дыни, арбузы, помидоры, огурцы – и вообще все, что производит земля Крыма. Все дешево, свежо, вкусно и красиво.

Подкрепившись булками, помидорами, дынями и еще кое-чем, мы отправились на поиски знаменательных мест.

В автобусе папа, конечно, встретил знакомую студентку. Он их, наверное, везде, даже на Крайнем Севере, встретит. А все же приятно среди незнакомых встретить земляков!

К панораме мы пришли в 9 часов, и нам милиционер сказал, что билеты будут не раньше 5 часов вечера. Мы сели на скамейку, чтобы обдумать свои действия. В панораму непрерывно двигались группы экскурсантов. Для них и были резервированы все билеты. Тале первым удалось пристроиться к одной из групп и пройти кордон милиционеров и контролеров. Мы решили следовать его примеру. Когда мы уже пристроились к одной из групп экскурсантов, дежурный милиционер объявил, что пусть желающие купят билеты. Мы, конечно, поспешили приобрести их. По панораме нас водил экскурсовод-мужчина, от которого пахло спиртом, но объяснял он хорошо.

Панорама нарисована известным русским художником Ф.А. Рубо. Размеры ее – 115 х 14 м. Рисовал Рубо в Мюнхене с 1901 по 1904 годы. 27 мая 1905 г. панорама была открыта. В 1942 г. немцы разбомбили этот шедевр искусства. Благодаря самоотверженным действиям наших бойцов, были спасены отдельные фрагменты (до 86 штук). Их вывезли из Севастополя.

После войны панорама была фактически создана заново коллективом художников: Котовым, Шухменым, Беляевым, Гранди, Захаровым и многими другими.

Панорама – это круговая картина, переходящая в план-макет в середине. В самом центре находится круглое место для зрителя. Таким образом, создается впечатление, что ты находишься в центре боевых действий, среди участников их.

Рубо удалось показать героизм простого народа. В этом нельзя не видеть отражение эпохи, описанной М. Горьким в «Буревестнике». К сожалению, этого не знает экскурсовод.

После войны реставраторы внесли некоторую персонификацию: появились матрос Кошкин, Даша Севастопольская, хирург Пирогов, Федор Заика и др. Мы, конечно, хотим видеть этих героев, ставших нам близкими и дорогими, однако это уже не Рубо. В 1901-1904 гг. Рубо показывал другое, неповторимое, и это для нас погибло. Вот в чем вся подлость германского вандализма.

Панорама поражает своей грандиозностью, во все стороны видны необозримые горизонты: горы и долины, море и заливы. Вблизи землянки и укрепления, мешки с песком, пушки, разрывающиеся снаряды, телеги, бочки, брошенное военное имущество и т.д. Главное место занимают русские воины. Среди них мало молодых. Все они спокойные, дисциплинированные, смело идущие на верную гибель. Из начальства только Нахимов, Корнилов и два-три других.

Все дальние холмы усеяны французами и англичанами. Последние наступают по пересеченной местности, действуя по правилу – загребать жар чужими руками.

Мы купили путеводитель панорамы «Оборона Севастополя», но он издан на украинском языке, что затрудняет чтение.

Еще долго оставались мы в панорамном здании, где изучали отдельные детали самой панорамы и картины, выставленные в двух дополнительных залах. Долго стояли перед портретом Л.Н. Толстого. Этому писателя мы нынешним летом полюбили с новой силой. Виной тому – мама. Она была в усадьбе Толстого Ясная Поляна и осталась без ума от него. Эту любовь она передала всем нам. Папа уже прочитал биографию Толстого.

Осмотр панорамы окончательно уморил маму, которая всю ночь на спала. Поэтому мы отвели ее в укромное местечко парка, уложили на скамейке, от прохожих укрыли открытым зонтом и оставили папу сторожить.

Дети ушли на разведку. Толя побывал на четвертом бастионе, Валерий и Таня – у памятника Тотлебену и в других местах. Два часа мы давали маме спать. Зато она потом была добрая и охотно отправилась в дальнейшее путешествие.

Мы задержались на четвертом бастионе у памятника Л.Н. Толстому. Мама нас там фотографировала. Большое впечатление произвели пушки, отлитые еще в XVII веке на Урале. Среди них находится прабабушка пушек. Это такая массивная толстячка, что походит на раздувшуюся лягушку. На ней нет ни герба, ни даты. Она относится к тем произведениям, о которых говорят: «Сделано еще при царе Горохе». Перед бруствером тянется ров глубиной от 5 до 7 метров и шириной до 15 метров. Под рвом и за рвом велась минная война. Французы хотели прорыть туннель до Севастополя, а наши им

не давали. Русские производили тогда взрывы при помощи электричества, а французы простым способом. Благодаря передовой технике и мужеству русских, французы остались по ту сторону рва. Четвертый бастион разрушили во время войны, теперь он восстанавливается.

Севастопольцы любят свой город. Еще когда мы ехали в сторону панорамы, нам предлагали пройтись пешком от одной автобусной остановки до другой. Но мы так устали, что не решились последовать этому совету. Теперь, когда шли с четвертого бастиона, мы любовались исторической красотой города-героя.

Неизгладимое впечатление произвел памятник Тотлебену. Мы сфотографировали его, но это был уже последний кадр на пленке, и нам испортили его.

Было уже три часа, когда мы поехали на Сапун-гору. Здесь осмотрели диораму. Штурм этой горы происходил в начале мая 1944 года. Диорама создана по принципу панорамы: вначале макет, потом картина. Она, однако, не круговая, а полукруговая. Действие видно только с двух сторон.

Большое впечатление произвело изображение стремительного наступления наших войск.

Интересно, что один из участников штурма получил награду Героя Советского Союза только в 1954 году, то есть через 10 лет. Диорама исключительно персонифицирована. Жаль, что мы не знали имена всех известных героев. Даже теперь еще выясняются новые герои взятия этой горы.

Рядом с диорамой стояли пушки, танки и другое снаряжение современной войны. Перед диорамой находится обелиск «Павшим героям». Рядом с ним скамейки, подходы, различные памятники и т.д. Все это утопает в зелени молодых садов. Возле асфальтированных дорог посажены в 4 ряда акации и абрикосы. Почва между ними обрабатывается тракторными плугами.

После осмотра диорамы и других достопримечательностей нам хотелось, конечно, есть. Но все было закрыто. Все попытки найти такси, чтобы уехать в Ялту, успехом не увенчались. Мы прибегли к более верному способу: направились обратно в Севастополь, чтобы оттуда вернуться в Ялту. По пути мы видели бюст матроса Кошки, Малахов курган, где сейчас разбивается парк и многое другое.

В Ялту мы вернулись на такси. Мы ехали с бешеной скоростью по серпантину дорог, только тормоза скрипели. Казалось тогда, что гибель неминуема. Но, выходя из машины, мы заметили, что шофер – «родня» нашей мамы – отличник. Все успокоились.

Какой же у нас был аппетит и как мы спали!

Последняя ночь в Ялте. Завтра поезд умчит нас в Ижевск. Дети, набегавшись за день, спят. Василий Евгеньевич предлагает:

- Пойдем к морю.

Минуем небольшой каменный домик за низким ограждением. Короткий, пологий спуск к «дикому» пляжу, и мы у моря. Ночь. Черное небо. Яркие звезды. Переливающиеся лунные блики на волнах. И тишина, нарушаемая лишь шумом прибоя.

В сознании непроизвольно всплывают пушкинские строки о Музе поэта и море.

*Как часто по берегам Тавриды
Она меня во мгле ночной
Водила слушать шум морской,
Немолчный шепот Нереиды
Глубокий вечный хор валов
Хвалебный гимн отцу миров.*

Всплыли знакомые онегинские строки, слились с шумом волн и исчезли из сознания.

Прошел наряд пограничников. Василий Евгеньевич у скалы, выступающей из воды острой вершиной и ограничивающей с одной стороны пляж, не отрываясь смотрит на бегущие к берегу волны. Тишина. И мы слушали, молчали, запоминали.

И у меня как бы само собой, очень тихо, произносятся опять же пушкинские строки. «Прощай свободная стихия...». И замолчала, боясь нарушить очарование ночи.

- Прочти целиком, – тихо просит Василий Евгеньевич. И я так же тихо продолжаю, – оно очень созвучно нашему настроению.

*... В последний раз передо мной
Ты катишь волны голубые
И блещешь гордою красой*

Строфа за строфой... Звучат стихи поэта, сливаясь с говором волн.

Море ... Пушкин... его стихи: Василий Евгеньевич и я прощаемся с морем.

Утром поезд, постукивая на стыках колесами, везет нас в Ижевск
Мы всей семьей, стоя у окна, мысленно прощаемся с Крымом.

И Василий Евгеньевич, изменяя окончания двух глаголов на множественное число, тихо произносит.

*Прощай же море. Не забудем
Твоей торжественной красы
И долго-долго слушать будем
Твой шум в вечерние часы.
В леса, в пустыни молчаливы*

*Перенесу тобою полн
Твои скалы, твои приливы
И блеск, и шум, и говор волн.*

60 лет прошло, а как памятна эта ночь. Мы пятеро у окна. Проплывают мимо горы, блеснуло море. Тихо, раздумчиво Василий Евгеньевич произносит, немного вторгаясь в стихи поэта. Прощай же море, не забудем твоей торжественной красы и долго-долго помнить будем.

8. РОДНЫЕ

Два или три раза гостила у нас сестра Василия Евгеньевича Антонина Евгеньевна Гейн, тетя Тоня, как все мы ее называли. Это была крупная женщина с карими глазами, зачесанными назад и собранными в пучок темными волосами. Спокойная, расторопная, смешливая, она была любима всеми нами. С ее приездом дом оживлялся еще больше. С Матильдой Федоровной они вполголоса пели немецкие песни, часто смеялись.

Однажды летом по ее приглашению Василий Евгеньевич отвез меня с маленькой Таней в поселок Юг Молотовской (ныне Пермской) области, где тетя Тоня жила в небольшом домике, построенном ее сыновьями, Эвальдом, старшим, и Эдиком. Сыновья работали столярами в поселке. Около дома – небольшой огородик с двумя-тремя грядками и несколькими кустами черной смородины. Недалеко от дома – мелководная речушка, очень украшающая пейзаж.

В это лето ночами гремели сильные грозы и полыхали зарницы. Днем во всю сияло солнце. Таня с большой гуттаперчевой куклой тянулась к реке. Меня же больше привлекал дом. Дело в том, что тетя Тоня – отличный мастер по пошиву брюк – день за днем обучала меня кроить и шить брюки, последовательно показывая одну операцию за другой. За месяц под ее руководством я по всем правилам сшила две пары брюк.

Выкройки и описание последовательности операций я увезла с собой в Ижевск. Но с ними приключилась беда. В один из приездов Василия Евгеньевича из длительной командировки он с благой целью облегчить мне жизнь в мое отсутствие сжег в колонке ванной все, лежавшее в беспорядке у меня в ящике комода. Не избежала этой участи и заветная тетрадь. Увидев совершенное, я возмущалась и горько плакала. Василий Евгеньевич как мог утешал меня. «А если бы ты, вернувшись из поездки, увидел пустой широкий ящик своего стола?» – сквозь слезы сказала я. «А вот этого никак и никогда нельзя делать, – строго и твердо сказал он. – И прости меня, пожалуйста».

К счастью, я хорошо запомнила все то, чему научила меня тетя Тоня, и очень благодарна ей, так как впоследствии мне пришлось много возиться с брюками: шить, перешивать, переделывать купленные.

Сын тети Тони Эдик по своей инициативе сделал к моей ручной машине очень легкий красивый и удобный стол, педаль, то есть сделал машину ножной. А Эвальд, провожавший нас с Таней в Ижевск, привез все это, и моя швейная машина – а это была самая первая вещь, купленная нами в молодости и верно служащая нам с Таней и теперь, – самостоительно стояла на ногах.

Эвальд жил с тетей Тоней, а у Эдика и его жены Розы был отдельный малюсенький домик в одну комнатку шириной в кровать, построенный братьями. Внутренность домика поражала необыкновенной чистотой и белизной. В качалке спала их маленькая дочь Фрида, больная туберкулезом. Вскоре после нашего отъезда с Юга ее не стало.

Знакомые немцы, переселенные в войну с Украины в город Джамбул, писали оттуда тете Тоне, что там жизнь легче, по крайней мере, тепло. Семья уехала туда.

Долгое время Василий Евгеньевич переписывался с ними, потом письма перестали приходить. Приведу его последнее письмо в Джамбул. Оно написано Эдуарду и его жене Розе. Василий Евгеньевич рассказывает о своей семье и как бы подводит итог жизни.

11.02.84.

Здравствуйте, Эдуард и Роза! Наконец-то получил письмо от Эдуарда. Спасибо. Правда, о том, что Ты обиделся на меня, узнал я впервые. Однако лучше поздно, чем никогда.

Письмо было направлено тобой по адресу, по которому мы не живем уже 8 лет. Совершенно случайно узнал, что пришло оно.

Хотя прошло уже 10 лет, что умерла твоя мама и моя сестра, я все еще помню, как нас всех потрясла ее смерть. Мне всегда казалось, что она еще молодая, что ей суждено прожить не меньше нашей мамы, твоей бабушки, а ей было 76 лет, когда ее не стало. Твоя мама тогда тоже не могла приехать на похороны, о чем мы все жалели. Наши ребята очень любили свою бабушку. И сейчас, хотя уже прошло 22 года после ее кончины, они вспоминают ее добрым словом. Она была добра, справедлива и многому научила ребят.

И свою тетю Тоню они любили и вспоминают. Если я не был еще у Вас, на это имеется много причин. Однако ни одна не связана с какой-либо обидой. То, что я не успел на похороны, случайность. Рейс самолета, в котором я уже сидел, был отменен. Приехать после не имело смысла. Мой приезд не мог бы что-нибудь изменить, а показаться белой вороной не привлекало. Если я этим нанес обиду, прошу простить меня.

В последовавшие после этого годы мое здоровье не было настолько хорошим, чтобы поехать в такую даль, где температурные условия резко отличаются от наших. Надо выбрать благоприятное время, а когда оно бывает таким, непредсказуемо. Но если удастся, приеду.

Два года тому назад я был в местах, где Вы жили в Юге и куда мы приезжали к вам. Я вспоминал Фриду, но не знал, где ее могила. Было лето. Так густо росли и цвели травы. Мне это место нравилось. Тогда и в Кунгуре посетил пещеры. Мы были вдвоем с моим внуком Робертом, сыном Валерия.

Долго не мог привыкнуть, что меня уже зовут дедушкой, а теперь у меня уже 7 внуков, 4 мальчика и 3 девочки.

Я очень рад, что Эдуард написал о делах ваших. Дети растут, подрастают внуки, а мы стареем. Жаль, конечно, что мало прожили. Но такова жизнь – одни рождаются, развиваются, растут, расцветают, а другие стареют, слабеют, болеют и уходят.

И все же жизнь хороша. Всегда что-то впереди, чего-то ждешь, на что-то надеешься, и сейчас кажется, что впереди еще много хорошего, радостного, приятного, доброго. Очень хочется посмотреть на то, что у вас делается, как вы там живете. Удастся, обязательно навещу.

Всем Вашим, Эдуард и Роза, шлю от себя и всех нас большой привет. Всем желаем доброго здоровья, счастья, успехов.

Всего доброго.

Ваш В. Майер

А вот это небольшое панно напоминает мне о трех сестрах – Эльзе, Ире и Марии – дочерях Оскара, старшего брата Василия Евгеньевича.

На темно-зеленом фоне сатина гладью и стебельчатый швом вышита идиллическая картина. Поваленное дерево. На нем сидит молоденькая пастушка в тирольском костюме и благосклонно слушает игру на дудочке. Пастушка в соломенной шляпе с огромными полями.

Три сестры... Они приезжали к нам со своей мамой. В начале войны они были вывезены с Украины в Башкирию. Подростками работали на строительстве железной дороги. Выросли. Каждая нашла свое место в жизни. Спокойные, жизнерадостные, трудолюбивые, они охотно рассказывали о себе.

Пели с Матильдой Федоровной немецкие песни, расспрашивали о нашем житье-бытье... Очень сожалею, что мало общалась с ними в их короткий приезд: очень была занята по работе. Хорошую память оставили они о себе.

В квартиру на улице Ленина (ныне Вадима Сивкова) к нам приехал из Сибири Альберт – старший сын Василия Евгеньевича. Ему было лет двадцать, но в сельской школе поселка Петровский он окончил только 6 классов. Василий Евгеньевич пригласил его, чтобы дать возможность продолжить образование. Алик стал учиться в седьмом классе школы рабочей молодежи, окончил восьмилетку и работал на заводе.

Альберт был спокойный, уравновешенный человек, доброжелательный и отзывчивый. С Вилей и младшими детьми он дружил. Алик и

Виля помогали по хозяйству, кололи и пилили дрова, младшие складывали их в поленницу. Отопление было печное и требовало большой заготовки дров.

Виля и Алик состояли членами добровольной народной дружины (ДНД), ходили вместе со своими товарищами патрулировать улицы. Василий Евгеньевич им обоим из Москвы привез бывшие тогда в моде вельветовые костюмы болгарского производства, очень хорошо пошитые. И братья стали ходить в механический институт на танцы.

А когда у Тани заболели ушки и врач в детской консультации «долечила» ее почти до потери слуха, Алик ежедневно в течение месяца водил Таню в специализированную клинику к известному врачу Н.И. Кузнецовой на лечение и уколы. Ушки у Тани вылечили, заодно убрали аденоиды у Алика.

За два года Альберт совсем освоился в городе. Но, получив из Сибири письмо от своей мамы, сообщавшей, что в поселке есть молодая женщина, которая могла бы стать женой Алика, если они друг другу понравятся, Алик уехал.

Алик и Рая создали дружную семью, вырастили троих детей: Сережу, Иру, Лену. Сейчас у детей уже свои семьи. Алик работал в совхозе механизатором, Рая – поваром.

Рая приезжала к нам три раза. Первый – в квартиру на Советской. На звонок Василий Евгеньевич открыл дверь. Вошла невысокая, плотная, круглолицая женщина и, поздоровавшись, с ходу: «Василий Евгеньевич, я приехала, Рая, жена Алика, но у меня нет денег на обратный путь». – «Найдем, – сказал он. – Проходите». Так началось наше знакомство и длительная переписка с Раей, воспитанницей детдома, милой, хозяйственной женщиной.

Василий Евгеньевич подолгу беседовал с ней, входя во все стороны жизни ее и Алика. Она нередко спрашивала совета, как ей поступить в том или ином случае. Особенно ее огорчало, что ее сын Сережа не всегда был справедлив к Алику. Этот вопрос рассматривался ими тщательно и, как сейчас говорят, были приняты конструктивные решения.

Второй раз Рая приезжала уже с младшей дочкой ее и Альберта, девятиклассницей Ириной, высокой красивой девушкой. Тогда мы поняли, насколько отличаются продукты, купленные нами в магазине, – положение со снабжением было в тот период хорошее – от натуральных продуктов своего деревенского хозяйства. Ира, с трудом преодолевая отвращение, ела наших кур, творог, сметану, воду водопроводную, хлорированную, совсем не могла пить. При этом она не была девушкой избалованной. Мы, чем могли, старались облегчить ее пребывание в нашем доме.

Как и с другими внуками, с Леной и Ириной Василий Евгеньевич регулярно переписывался. Они сначала присылали тетрадные листки с обведенными карандашом своими ладошками с растопыренными пальчиками, постепенно в письмах ладошки все более увеличивались, потом

появлялись палочки, каракули, первые печатные буквы и, наконец, слова.

Я храню их, как и детские, подростковые и взрослые письма Роберта и Роста и «трудовую книжку» одиннадцатилетнего Роста, оформленную во время его каникулярного пребывания у нас в Ижевске.

Василий Евгеньевич посылал в Сибирь из Москвы игрушки, карандаши, фломастеры, детские книжки. Для Раи ситец, штапель, фланель, которые в поселке купить было невозможно. И очень сожалел, что так и не смог приобрести для Альберта бензопилу, в которой тот очень нуждался.

Тепло и заботливо относился Василий Евгеньевич к Рае, как впрочем, и ко всем невесткам.

В третий раз Рая приезжала с Альбертом, мамой Ек. Фр. и ее мужем на свадьбу дочери Вилли и Нины. Рая и Алик останавливались у нас. Позднее, очень трогательно Рая вспоминала о Василии Евгеньевиче и о том, как она претворяла в жизнь его советы.

Из письма Раи 1985 года.

...О Василии Евгеньевиче хочется сказать много хорошего. У него были хорошие качества, такие, как доброта, ласка. Он был гостеприимным. Я помню такой случай. Мы с Альбертом поженились. Я не знала Василия Евгеньевича в лицо, еще не встречалась с ним, но мы уже переписывались с ним как будто бы когда-то встречались. Он писал нам такие добрые письма. И когда я у него спрашивала какой либо совет, он всегда с доброй душой мне отвечал и советовал. Всегда спрашивал в письмах, как растут наши дети. Переписка у нас была теплая. А когда я приехала к Вам в гости, он встретил меня с большой душой, многим интересовался. Мы со своей дочерью Ириной часто вспоминаем, как были у Вас в гостях. О Василии Евгеньевиче можно говорить много хорошего.

Рая, Альберт.

9. ВАМ БУДЕТ ТРУДНО БЕЗ МЕНЯ

Однажды Василий Евгеньевич пришел с работы домой необычайно взволнованный.

- Стучилось что? – внутренне насторожилась я.

- Мне предложили докторантуру в Москве... на два года.

От сердца отлегло. И я, зная, какое счастье для него быть в Москве, в университете, в Ленинской библиотеке, сказала спокойно:

- Поезжай...

- Повтори... Я не ослышался?

Я повторила.

- А как же вы тут без меня выдержите?

- Выдержим как-нибудь.

Вопрос о том, кому выпадет счастье два года работать в Москве, обсуждался в кулуарах кафедр. Ректор выдвигал кандидатуры достойных ученых с кафедр математики, философии, истории СССР. Все они отказались по тем или иным уважительным причинам.

А я в свой адрес слышала:

- Молодец! Вот это жена!

- Ну, и глупая же ты! Ты думаешь он к тебе вернется?

Я не реагировала на эти реплики.

Договорились обо всем, и Василий Евгеньевич уехал. Нам действительно было очень трудно, но мы выдержали. И выдержали – это я совершенно осознанно пишу – в основном благодаря ежедневной, постоянной, заинтересованной и действенной поддержке Василия Евгеньевича. Он умел издалека быть рядом, быть опорой семьи во всем.

Было трудно, но это была наша жизнь, и я пишу сейчас об этом лишь для того, чтобы показать, как Василий Евгеньевич, сам очень занятый наукой, помогал нам, семье, в непростых ситуациях, часто без моей просьбы по своей инициативе.

С отъездом Василия Евгеньевича стало значительно труднее жить материально. Зарплата его уменьшилась почти вдвое: он получал не ставку доцента, а старшего научного сотрудника.

Я в это же время перешла на работу в институт на должность ассистента с окладом 105 рублей, что тоже существенно уменьшило мою зарплату по сравнению со школой, где я уже получала надбавки за стаж работы и за звание «Заслуженный учитель школы РСФСР».

Кроме того, нам пришлось жить на три семьи: Василий Евгеньевич в Москве, Матильда Федоровна, я, Толя и Таня в Ижевске, Валерик в Сарапуле: учился в электромеханическом техникуме, куда поступил после 7-го класса школы №22. За время пребывания Василия Евгеньевича в Москве Валерик сдал экзамены в МГУ и по ряду обстоятельств был зачислен на первый курс заочно. Вилли был еще в армии, но вернулся за год до окончания Василием Евгеньевичем докторантуры.

Приходилось основательно считать деньги, разумно распределять их от и до зарплаты, что для меня было сложно, так как до отъезда в Москву этим занимался Василий Евгеньевич. Кажется, тяжелее всех приходилось Валерику в Сарапуле. Василий Евгеньевич оставил мне свою сберкнижку, куда ему перечисляли зарплату. Я боялась с нее много брать, зная, что должна высылать ему деньги на проживание, на печатание статей и т.д. Василий Евгеньевич очень быстро почувствовал это и писал мне из Москвы.

23.06.62.

...Мне кажется, что ты боишься брать из сберкассы деньги. Ведь это же моя зарплата! Мы ее всегда тоже тратили на всякие де-

ла. И ее надо тратить, зачем ее беречь? Во всяком случае, надо делать так, чтобы все были сыты и одеты.

03.09.63.

...Относительно перерасхода денег не может быть и речи: сколько нужно и сколько имеется денег расходуй и не спрашивай.

С продуктами в это время было очень непросто: в магазинах огромные очереди (а стоять в них когда?) и купить почти нечего. За двухлетнее пребывание в Москве Василий Евгеньевич часто спрашивал в письмах: «Есть ли у вас что-нибудь в магазинах? Что нужно купить, помимо продуктов, которых у вас нет, то есть крупы, муки? Напиши подробно».

22.12.63.

...Очень благодарен тебе за то, что ты регулярно пишешь. Да, деньги мне уже нужны. На днях должны знакомые поехать в Ижевск. Они обещали меня предупредить. Если они поедут, я постараюсь кое-что послать. Встречайте, пожалуйста, Новый год дома. Ставьте елку, украшайте ее, все же будет веселее и по-домашнему. Я позвоню от Володи, чтобы поздравить.

Себе Василий Евгеньевич не позволял ничего лишнего. Нам же почти каждый месяц посылал сумку с продуктами: масло, крупы, утка, курица и т.д. и обязательно какое-нибудь лакомство, хоть немножко.

Купив и упаковав продукты, он подходил к поезду Москва-Ижевск пассажира прямого вагона просил присмотреть за сумкой и передать ее в Ижевске тому, кто за ней придет. Терактов не боялись. Приходил кто-то из детей и доставлял ее домой.

Эти посылки, конечно, не решали проблемы с продуктами, но были существенной поддержкой и всегда всех нас радовали. Радовало внимание и забота.

В 1962 году Матильда Федоровна сильно болела: сердце не давало ей покоя, особенно по ночам. Приходилось почти каждую ночь вызывать «Скорую». Сделают укол, а на утро Матильда Федоровна старается мне помочь. Ночью же – опять «Скорая». Я хронически не высыпалась...

Матильда Федоровна умирала тяжело ночью в присутствии врачей скорой помощи. Их уколы уже не приносили облегчения. 76 лет – это кое-что да значит для человеческой жизни, перенесшей неоднократные исторические катаклизмы (революция, гражданская война, Петлюра, арест сына-учителя, высокого, красивого интеллигентного человека, Отечественная война, Сибирь) и бытовые трагедии. ...Мой звонок в Москву – и Василий Евгеньевич уже в Ижевске. Простился с «дорогой моей любимой мамой», как написано им на одной из фотографий, подаренной ей.

Хоронили Матильду Федоровну – доброго гения, опору нашей семьи, к которой я, заваленная работой, временами была так несправедлива, – всем домом.

Вот на кладбище у могилы Матильды Федоровны Плющевские, Соловьевы, Зелепухины, Коротаевы, коллеги Василия Евгеньевича по работе, студенты...

Василий Евгеньевич любил свою маму. Трогательно по простоте и сдержанности его письмо жене и дочерям своего брата Оскара, вывезенным в начале войны с Украины в Башкирию.

Здравствуйте, дорогие Эльза, Ирина, Эльзхен и Лилли! Мы Вам благодарны за соболезнование, которое Вы нам выразили по поводу смерти нашей и Вашей всеми любимой мамы, бабушки и прабабушки. Мы сожалеем, что никто из Вас не мог быть на похоронах. Не было никого от Тони и ее родни.

Мама чувствовала себя в эту осень лучше, чем в осеннее время прежних лет, когда она обычно хворала и даже иногда месяцами лежала в постели. Она давно страдала от сердечных болей, которые повторялись время от времени. Но несмотря на это, она никогда не щадила себя в труде. Ей всегда надо было чем-то заниматься, что-то делать. Даже за два дня до смерти она вдруг задумала стирать свою рубашку, хотя в этом и не было никакой необходимости.

В день смерти она выходила на улицу, разговаривала по пути с соседями, с Бориславой, нашими детьми. Вечером часов в 7 проверяла, достаточно ли красиво пишет Танечка. Потом все сели ужинать и около 9 часов легли спать.

Борислава только успела заснуть, как Толя ее разбудил словами: «Бабушка что-то застонала». Борислава встала, позвала соседку, тоже сердечницу. Приняли первые в таких случаях необходимые меры, но так как ей легче не стало, вызвали неотложную помощь. Врач с ассистентом ставили уколы, хотели пустить кровь, но не находили вену или не успели ее найти. Около 11 часов вечера 22.11 мамы уже не стало.

Раньше она иногда говорила о смерти, но в день смерти даже не думала умереть. Все произошло неожиданно для нее и для нас. Я был в отъезде, но уже в половине первого ночи узнал по телефону эту печальную для всех нас весть.

На самолете добрался к 15-40 23 ноября домой. Для всех мое появление было неожиданным, т.к. в этот день все небо оказалось в облаках. Сам удивляюсь, как мы прорвались через эту толщу густых облаков и тумана. В следующий день погода вообще была нелетной.

Мы ждали, что кто-нибудь придет, но к вечеру 24 ноября уже от всех получили ответные телеграммы, в которых извещалось, что приехать на похороны не могут.

Похороны состоялись 25 ноября, на 8 лет и один месяц после похорон папы. Был солнечный, по-осеннему светлый день. Земля едва была покрыта снегом. Мы выполнили все ее просьбы: одели ее в одежду, которую она себе давно приготовила и о чем знала только Танечка. Похоронили мы ее рядом с папой, с которым она прожила 48 лет. На похоронах было много народу и венков, но разве это облегчает печаль?

Спасибо друзьям и товарищам, женщинам и старухам, с которыми она дружила, за то, что они нам помогли, а то сами мы, конечно, не справились бы.

Надеемся, что Вы нас не забудете, приедете к нам еще, и мы с Вами посадим цветы на могиле наших дорогих родителей.

Вилли

Дом опустел. Из него как бы ушла живая душа, всегда знавшая, кому что надо, где что лежит, куда кто ушел и когда вернется... Пишу и плачу.

Со смертью Матильды Федоровны на меня легла еще обязанность следить за всеми мелочами в доме и, главное, из скудных запасов готовить еду на семью, чего я раньше не делала. Купили судки и частенько стали брать обеды в ближайшей столовой. Поддерживала и гречневая каша в брикетах, которую регулярно посылал Василий Евгеньевич.

Второй раз за два года Василий Евгеньевич приезжал, когда нам дали новую квартиру на улице Красноармейской недалеко от рынка. Он быстро перекинул нас туда: вещи, меня, детей – и снова уехал в Москву.

Квартира – трехкомнатная «хрущевка», со всеми окнами на проезжую часть улицы. Много существенных недоделок: балконная дверь не закрывается до конца, в большую щель снег надувает до середины комнаты. Горячей воды нет, в ванной комнате колонка, а самой ванны тоже нет. Василий Евгеньевич умудрился купить в Москве ванну и послать ее нам.

10.10.63.

...Сегодня я купил ванну. Вообще, конечно, это была моя давнишняя мечта. Ванна венгерская. Чудная, если бы только дошла целехонькой. При мне покупал такую же ванну болгарин с тем, чтобы отправить ее в Болгарию! У него имелось специальное разрешение на вывоз ее. Итак, одна ванна кочует из Венгрии в Москву, а оттуда в Болгарию. Две из Сарапула покупали. Ежедневно продают на вывоз из Москвы только 10 вещей из сантехники (газовые плиты, унитазы, ванны и т.д.). Можешь себе представить, как мне повезло: одна женщина ждала момента, когда примут железнодорожный груз с лета, а я приехал к открытию магазина и сразу купил и получил разрешение на отправку. Завтра все оформлю. Ванна стоит 42 рубля, говорят, от-

правка 25 рублей. Все это, следовательно, 67 рублей... Эту ванну Вилли сам установит, посмотрев, как это сделано у Шершевского.

11.01.64.

...Рад, что пришла ванна. Если Вилли не может установить ее, то обратись в жилуправление и требуй, чтобы ее немедленно установили, неужели вы будете ждать это до меня? Мыться надо и до меня. Тебе не надо всегда во всем сомневаться. Это стоит многого: расстройства нервов в первую очередь.

Мы с Вилей, он вернулся из армии, ездили на вокзал, привезли домой и с трудом втащили ванну в квартиру. Чтобы установить ее на место, пришлось пробивать стену: не входила. Но все это мы сделали.

В кухне маленькой-премаленькой еще была кирпичная плита, которую пришлось разобрать, чтобы было куда втиснуть холодильник.

Но все это мелочи, сложнее было другое: шум с улицы с четырех утра до двенадцати ночи. Ни свет ни заря под окнами со страшным треском гоняли на мотоциклах допризывники из находящегося рядом ДОСААФа; с шести утра до шести вечера бесконечные надрывные потуги грузовиков, везущих с полигона в гору тяжелые панели и другие материалы для строящегося Буммаша. Весь день газовали нескончаемые автобусы с автостанции, расположенной рядом. До двенадцати ночи гвалт зрителей, покидающих цирк, стоящий почти напротив нашего дома. А с двенадцати – часу ночи до четырех – пьяные скандалы и драки в квартире, соседней с нашей спальней. Слышимость ужасная. Оказалось, строители не заложили кирпичом дыру в стене между квартирами в смежном подъезде. Дыру они использовали, как кратчайший переход из квартиры в квартиру.

Таня пошла в первый класс. Ее надо было водить в школу и хотя бы изредка заглядывать в ее тетради. Успевала она хорошо. Тане страстно захотелось учиться музыке, и Ирина Владимировна предложила научить ее играть на фортепьяно. Своего инструмента у нас еще не было, и я водила ее – надо было пересекать две улицы с интенсивным движением – к Ирине Владимировне и в пионерскую комнату школы № 22, где был иногда свободен инструмент. Очень помогла жившая по соседству моя ученица Таня Медведева (ныне Т.Н. Ефремова – профессор УдГУ), предложив Тане Майер разучивать урок у нее дома.

«Ходит ли Таня заниматься к Ирине Владимировне?» – частый вопрос в письмах Василия Евгеньевича из докторантуры.

17.09.63.

...Рад, что Таня возобновила занятия музыкой. Не надо это забрасывать даже из-за осени. Кто-нибудь из ребят сможет с нею ходить к Плющевским.

Не забывал Василий Евгеньевич, что у него есть маленькая дочь. Он умел исподволь влиять на нее, побуждая к определенным действиям.

Очень часто посылал Тане письма-рисунки. На листке форматом в открытку Василий Евгеньевич рисовал одно животное. Делал подпись к нему на русском и немецком языках. На обратной стороне рисунка небольшое письмо. Таня до сих пор хранит стопку этих рисунков.

21.04.62.

Гусь. Die gans. Таня! Это гусь. Он умывается, засунув свой клюв в мягкий пух, растущий на его груди. По-немецки он называется ди ганс. Как он тебе нравится? Твой папа.

17.12.62.

Der Paragaei. Попугай. Попробуй срисовать мои рисунки. Я их рисую тогда, когда устаю от основной работы. А ты их перерисуй вечером, когда у тебя все уроки уже будут выполнены.

09.02.63.

Спасибо, Таня, за твои рисунки. Я узнал себя и тебя в лодке, а Толю и Валерия в воде. Твои елочки мне тоже нравятся. Пришли еще рисунки.

Твой папа

21.10.62

...Главное слабое место – это Толя. Его учеба меня несколько не удовлетворяет. Ему надо вырабатывать в себе усидчивость и настойчивость, а он балаболит.

22.02.64.

...Я считаю его не хуже других, только с ним надо заниматься, а мы этого не делали. Приеду, я, конечно, возьму его в оборот, но с ним необходимо и сейчас каждый день заниматься.

16.10.64.

...Сегодня Толе 15 лет. Интересно, дошло ли все то, что я послал ко дню его рождения?

Прежде чем посадить Толю, семиклассника, за уроки, его надо было извлечь из недр милиции, где он, «юный друг милиции», – было такое объединение детей – пропадал все свободное от уроков время. Да еще в школе у его учительницы узнать, как решаются задачи, заданные на дом. Конечно, я старалась это делать, но не всегда все хорошо удавалось, были и крики, и слезы, и ссоры.

Василий Евгеньевич и Толя аккуратно переписывались, но содержание их переписки здесь не привожу, так как буду использовать письма Василия Евгеньевича Толе в армию.

По окончании докторантуры Василий Евгеньевич интенсивно занимался с Толей 8, 9 и 10-й классы. Вместе решали математические задачи, учили химию, физику. Занятия с сыном на целый год отодвинули защиту докторской.

Но труднее всех в это время приходилось Валерию. Он трижды за весну-лето сдавал серьезные экзамены: переводные за второй курс в электромеханическом техникуме, на аттестат зрелости за среднюю школу экстерном, чтобы можно было поступать в вуз, и вступительные в МГУ. Письма Василия Евгеньевича этого времени проникнуты беспокойством и заботой о Валерии.

26.05.63.

...Из отчета Валерика видно, что до 17.05 у него все шло хорошо, а дальше мне еще не известно. Ездит ли кто-нибудь к нему в Сарапул?

Боренька, у меня убедительная просьба к тебе: узнай, когда он должен писать сочинение, поезжай к нему на два-три дня, забрось все, проконсультируй его. Дай ему направление, но вселяй в него уверенность. Ни в коем случае не говори, что он не справится. Сделай это! Ведь все равно он поставил себе цель. К ней он идет, трудно это или нет. Отговорить нам не удалось, да и не к чему. Давай ему максимальную помощь. Узнай, пожалуйста, когда он будет сдавать на аттестат, потому что в это время его надо особенно поддерживать материально. Я уверен, что он плохо и нерегулярно питается. Может быть, на это время договориться с его хозяйкой, чтобы она ему готовила хотя бы завтраки. Ведь пропадет парень при таком напряженном труде. Необходимо также выяснить, как у него с денежными ресурсами: один рубль в день – это очень мало. Я бы не мог на такие средства жить, я трачу 2 рубля в день.

Сделаю небольшое отступление.

В 2006-ом году Валерий попросил меня разобрать его архив. Я отложила в сторону переписку с его учёными, в другую – с издательствами, в третью – с выпускниками физического факультета ГГПИ и читателями его статей. Внимание привлекла переписка Валерия (студента электромеханического техникума, Сарапул) и Василия Евгеньевича (докторантура, Москва).

Прочитанная мною спустя почти полвека после её появления, она поразила меня не только частотой переписки, но искренностью, открытостью, обоюдной потребностью в ней. Сколько проблем обсуждалось ими! Я увидела, как шло становление подростка, как Василий Евгеньевич, будучи далеко от Сарапула, помогал сыну тактично, ненавязчиво.

В качестве примера одно письмо

Москва 23.10.62

Здравствуй, Валерий!

Не знаю, приходилось ли тебе читать что-либо у Шиллера, но я его очень рано познал и серьезно полюбил. Думаю, что я знаком со всеми его пьесами, а если нет, то только за незначительным исключением. На днях, сильно уставши, я был во МХАТе, и смотрел там его пьесу «Мария Стюарт». Это пьеса историческая, средневековая и уже поэтому я смотрел ее с большим удовольствием. Ты, возможно, читал роман Цвейга «Мария Стюарт», он у меня дома стоит на полке. Если да, то ты себе представляешь, кто такие Мария Стюарт и Елизавета Тюдор. Но все же ни одна книга не может дать такое наглядное представление об эпохе и людях, как театр. Особенно если в нем такие прекрасные артисты и замечательная декорация, как во МХАТе. Марию играла А.К. Тарасова. Ее талант к трагическим ролям тронул сердце публики и были моменты. Когда зал живо реагировал на то, что происходило на сцене. Сцены в тюрьме и парке возле тюрьмы, в тронном зале и во время казни были превосходны. Да, Ф. Шиллер глубочайший знаток человеческой души. На всю жизнь врезалась в память непокорная узница Мария Стюарт, ее твердость, стойкость, внешняя красота и внутреннее обаяние и рядом с ней рыжая, рысьеглазая и коварная английская королева Елизавета Тюдор, ее придворные: жестокий и мужественный Берли, мягкий, но дальновидный Тальбот, сердцеед двух королей и предатель граф Лестер, безумно храбрый и справедливый юноша Мортильер и многие еще. Шиллер писал пылко, страстно, как сама молодость. Кстати, ему было 18 лет, когда он написал своих «Разбойников».

Вчера мне явно повезло; я встретился с умнейшим представителем старейшего поколения наших медиевистов – Александром Иосифовичем Неусыхиним, а потом с умнейшим представителем молодого поколения медиевистов – Михаилом Абрамовичем Баргом. С первым я беседовал довольно долго. Он как опытный педагог проверял мои знания и, как мне казалось, мои способности, давая мне самые различные вопросы и преграды при решении их. Я чувствовал себя в этот раз почему-то необыкновенно спокойно. Мне кажется, что я его во многом убедил. И он одобрил тему, над которой я работаю. С Михаилом Абрамовичем я впервые разговаривал, я знал его книги, но ни разу с глазу на глаз не разговаривал. Правда, мы беседовали буквально несколько минут, но за это время я еще раз убедился, что он широко эрудированный человек, который горячо заинтересовался моим делом. Похвалил две мои статьи и обещал читать одну из тех, которых много сейчас написано, далее попросил, чтобы я его знакомил со всеми своими новыми работами. Для меня это было чрезвычайно интересно и полезно, то есть оно меня вдохновляет на многое.

Если тебе что-нибудь нужно, чтобы я привез, то пиши. Желаю всего наилучшего.

Твой папа.

А теперь письмо Валерия Василию Евгеньевичу.

Здравствуй, папа!

Вчера написал тебе письмо, а сегодня хочу продолжить. Я уцепился за твои последние слова, что наша переписка напоминает переписку между друзьями. Этого, по-моему, нельзя сказать. Это будет неверно. Я бы никогда не писал подобное кому-либо из моих друзей. Почему стала возможна такая переписка. Потому что она полностью заменила мне дневник. И я его бросил уже с прошлой весны. Правда, в дневнике я писал в большей степени об опытах, чем здесь. Но теперь для этого у меня есть лабораторный журнал. Я пишу всё это тебе потому, что почувствовал, что это можно писать. А можно писать потому, что мы достаточно близки для этого; и в то же время достаточно далеки, чтобы ты мог непосредственно указывать на весь мой идеализм и т.д.

Я бы, возможно, и никогда и не сказал бы тебе того, что пишу. Это из-за какого-то смущения или ещё чего-то. А через дневник или, что в данном случае одно и то же, через письма ты знаешь почти что всё.

Трудно сказать, что побудило меня писать тебе. Вообще, наши письма довольно сильно отличаются. Я идеалист (в этих вопросах) и пишу в основном про себя. О других или ещё о чём-либо я не научился писать. Ты же о себе пишешь значительно меньше, в основном о работе, о природе, о других. Вероятно, это по той же причине, по которой я не стал бы писать о себе своему однокласснику или человеку младше меня.

Тогда всё ясно. Это не переписка между друзьями, а это переписка между отцом и сыном, которая такой и должна быть. Другая, более неоткровенная переписка, переписка между друзьями. Я не хочу отрицать, что подобная переписка может быть и между друзьями, но это, очевидно, случается редко. Вот и всё, что я хотел написать.

Валерий.

Валерий сдал экзамены в МГУ. Из-за отсутствия какой-то справки его зачислили на первый курс на заочное отделение, обещая на второй курс перевести на стационар. Валерий живет с нами в Ижевске. По-прежнему много занимается, выполняет присылаемые заочникам задания, ставит опыты. Василий Евгеньевич пишет домой.

24.08.63.

...После приезда я сразу был на мехмате. Сходил к декану и справился о делах Валерия. У декана было хорошее настроение и к Валерию очень расположенное. Но он ведь не делает погоды... В то же время я принял твердое решение, больше туда не ходить... Позвонил Маше. Она узнала, что на факультете Валерия запомнили по его хорошим знаниям и отзываются о нем хорошо. Меня это сразу успокоило. Сказали, что ему надо было добиваться зачисления на стационар. Напутали они сами. Я, вообще, подозреваю, почему.

В 11-м часу вечера я узнал, что Валерия зачислили. Сразу подал телеграмму. Послал сегодня Валерию книги на немецком языке, пусть занимается.

27.08.63.

...Спасибо Валерию и Толе за их приписки к твоему письму. Я обрадовался, но все же рассчитывал, что они напишут мне отдельно и так, чтобы их письма отсылались не в один день и не тогда, когда ты отошлешь свое. Тогда я тоже буду получать письма чаще. Ты знаешь мою дурацкую привычку скучать, от которой я не только не отвикаю, но, кажется, все больше прилипаю к ней или она ко мне.

19.10.63.

...Валерий тоже не выходит у меня из головы. Однако не надо, как мне кажется, из-за этого слишком переживать. Он меня просил, чтобы я в МГУ не ходил. Он, очевидно, сам хочет все наладить. Думаю, что он с этим справится лучше, чем я...

А как относительно пальто Валерию? Думаю, что его надо шить сейчас, потом он может и не успеть, а зимой в чем-то надо ехать. «Московка» уже не годится.

24.10.63.

...Послал Валерию теплые ботинки. Если они хороши, то я могу и Вилли, и Анатолию такие послать. Обдумай это дело.

Никак не выходит из головы бледный вид Валерия. Все же ему необходимо больше есть, меньше заниматься, больше бывать на улице и нормально спать. Давай ему деньги, чтобы он мог кушать в столовой.

25.10.63.

...Ты опять просишь, чтобы я сходил в МГУ. Это совершенно ни к чему. Он мне писал, что дела идут у него нормально. Мне кажется, ты сама напрасно волнуешься. Заочное отделение МГУ начало работать 01.10. Прошло 25 дней, они еще не развернулись. Все еще будет сделано. Не нужно равнодушно относиться к этому, то есть время от времени им надо писать, их запрашивать, но и бояться нечего.

Валерий сделал все правильно. Меня он просил, чтобы я не вмешивался, и я не буду вмешиваться. У меня и без этого дел по горло, и ты об этом, пожалуйста, больше не пиши.

11.01.64.

...Думаю, что если ты пришлешь деньги, то я куплю Валерию, когда он придет, костюм. Главное, его найти. Следи, чтобы у него имелась сменная пара белья, носовые платки, сменные носки. Обеспечь его питанием на дорогу. Кстати, теперь имеется в нашем поезде вагон-ресторан. Копеек за 80 я там основательно пообедал. Кухня московская. Валерий должен быть чисто одет и пострижен. Напомни ему, что он должен взять с собой книги, ручку, все необходимые документы и т.д.

17.01.64.

...Не вмешивайся в учебу Валерия. Он парень взрослый. Сам стал студентом МГУ. Сам решает задачи, которые нам с тобой не по плечу. Ему нужно давать жизненные советы, но что касается учебы, то он разберется сам. Не допустят к экзаменам, так и скажут ему. Если ему покажется нужным добиться, чтобы его допустили, добьется. Нет – так плюнет, и на том хорошо.

02.02.64.

...Зачет и экзамены Валерий сдал, как ты знаешь, нормально. Думаю, и дальше у него все будет хорошо...

Вилли.

Валерику Василий Евгеньевич покупал и высылал заказанные им книги по длинным спискам. Вот один из них. Купленные книги отмечены точками, рукой Василия Евгеньевича.

- 1.* Декарт. Избранные произведения. 1950.
2. Делоне. Аналитическая геометрия. 1948.
- 3.*Бахер. Введение в высшую алгебру. 1933.
- 4.* Виноградов. Основания теории. Детерминанты.
- 5.* Болтянский. Огибающие.
- 6.* Демидович. Сборник задач по матанализу.
- 7.* Гондмахер. Теория матриц. 1953.
8. Запорожец. Руководство к решению задач.
- 9.* Левин. Методы математической физики.
- 10.*Люстерник Л.А. Кратчайшие линии. Вариационные задачи.
- 11.* Левин. Дифференциальные уравнения математической физики.
- 12.* Коган. Начала тензорного и векторного исчисления.
- 13.* Клейн. Неэвклидова геометрия.

14. А.П. Норден. *Элементарное введение в геометрию Лобачевского*.
- 15.* Мальцев. *Основы линейной алгебры*, 1956.
- 16.* Пономарев. *Составление и решение дифференциальных уравнений*.
- 17.* Розенфельд. *Неэвклидовы геометрии*, 1955.
- 18.* Шилов. *Введение в теорию линейных пространств*. 1956.
- 19.* Шреер. *Теория матриц*. 1936.
- 20.* Шреер. *Введение в линейную алгебру*. 1934.
- 21.* Шапиро. *Высшая алгебра*. 1940.
22. Джон В. Юнг. *Проективная геометрия*.
23. Яблом А.М. *Неэлементарные задачи в элементарном изложении*. 1954.

Эти книги еще надо было найти в магазинах. Список изрядно потрепан на сгибах, видно, не раз извлекался из кармана. Из писем Василия Евгеньевича домой.

09.06.63.

... Получил от Вилли письмо. Он сейчас тоже сидит на курсах. Написал сочинение на тему: «Почему я люблю поэзию В. Маяковского?» За последний год он им серьезно занимался и его полюбил. За содержание получил 5 за грамматику 4, сдал математику на 5. Таким образом, вполне возможно, что он тоже нынче пойдет в вуз.

...Алик писал, что у него идет работа нормально. Заказы выполняет хорошо, так как теперь знает все детали трактора. Сообщаю адрес Алика. Напишите ему, не забывайте его. Он, очевидно, нынче женится...

Дети всегда радовались, когда лично им приходили письма от Василия Евгеньевича.

Пройдет время. Дети вырастут. Сыновья отслужат в армии. Виля 3 года танкистом в Белоруссии, Толя – в ракетных войсках, Валерий – 1 год (после Вуза) в войсках связи. Таня после школы отработает, по тогдашнему положению, два года монтажницей на заводе. Будут работать, учиться. Создадут свои семьи. Мы с Василием Евгеньевичем будем радоваться встречам с ними, их успехам, огорчаться их неудачам и промахам с нетерпением ожидать приезда внуков. Но это уже другая история. Я уже рассказываю о Василии Евгеньевиче.

Летом 1964 года Василий Евгеньевич совершил авантюру: снял комнату на Воложке, увез меня туда с Таней и пригласил Володю с Калей и грудной Ирой в гости.

Ну и досталось же нам с Калей тогда: москвичи, привыкшие к полным магазинам, оказались в голодном Ижевске, да еще в поселке без ларька в часе езды до города на катере, да в жилье абсолютно без вся-

ких удобств, да с грудным ребенком, да с хозяйским ребенком, щедро покрытым зеленкой. Ужас! Еду готовили в огороде хозяйки на таганке. Я моталась между очередями в магазинах и подготовкой кандидатского по философии... Каля стоически все перенесла. Скрашивало положение дружеское общение, живописная природа: пруд, лес, луга.

«Ну и ну! – сказала я Василию Евгеньевичу при встрече. – Бросил нас, цивилизованных, на необитаемый остров. Живи, как хочешь, а сам уехал!» – «А разве вам там плохо было?» – наивно спросил Василий Евгеньевич.

Три раза в лучшие времена гостили у нас москвичи. И однажды – десятилетняя Ира, одна прилетевшая в Ижевск на самолете.

Помимо материальных, бытовых, у меня возникли и чисто профессиональные затруднения. В год отъезда Василия Евгеньевича я переходила на работу из школы в пединститут и очень колебалась. Василий Евгеньевич, анализируя ситуацию, помог мне взвесить все за и против перехода.

В школе мне оставили один класс, седьмой, чтобы, как тогда говорили, преподаватели педвуза не отрывались от школы, и чтобы я могла водить к себе в класс студентов на практические занятия. Это занимало много времени на подготовку и ходьбу.

Переход с русского языка и литературы в школе на педагогику с ее спецификой, общение со студентами, взаимоотношения с коллегами – все это требовало внутренней перестройки, все приходилось начинать с нуля, осваивать заново.

В вузе же мне, ассистенту, сразу дали лекционный курс, как и моим товарищам Л.А. Розенберг и Э.А. Мальцевой, пришедшим на кафедру педагогики одновременно со мной. Педагогику в те годы громили в печати: учебники для вуза устарели, были оторваны от жизни. Материал для лекций приходилось добывать с трудом. Выручали мой семнадцатилетний опыт работы в школе, дружба и взаимная поддержка моих коллег-учителей, членов кафедры, очень дружной.

Душой кафедры была А.М. Горфункель, кандидат психологических наук, обаятельная, отзывчивая, душевная. Многим, в том числе и мне, она не однажды помогала в решении сложных проблем не только советом, но и действием.

Меня испугал спецсеминар на четвертом курсе филфака по педагогическому наследию А.С. Макаренко. Поделилась своими страхами в письмах Василию Евгеньевичу, и он неожиданно для меня сделал царский подарок: прислал полное собрание сочинений Макаренко А.С., семитомник с великолепным научным аппаратом, сделанным Е. Гмурманом. Да еще планы спецсеминара этого же автора с перечнем основных вопросов и указанием литературы, напечатанные в приложении к журналу «Народное образование».

В вузе же сразу стали требовать сдачи кандидатских экзаменов. Я начала готовить немецкий. Василий Евгеньевич купил в Москве два экземпляра книги на немецком языке, не переведенной на русский, немецкого генерала Петерсхагена, сдавшего во время Великой Отечественной войны нашим войскам без боя немецкий город Грейсвальд.

Одну он послал мне, другую оставил у себя и предложил методику работы: я в Ижевске ежедневно читаю и перевожу одну страницу книги. Он делает это в Москве и посылает мне перевод, чтобы я сверила его со своим, уточнила свой. Двести страниц книги надо было перевести, и двести страниц-переводов я получила.

Из писем Василия Евгеньевича.

25.09.63.

...Мои переводы делаются наспех. Если они тебя не удовлетворяют по каким-либо причинам, пиши.

27.09.63.

...Ты молодчина, что закончила перевод. Сейчас в сентябре можно между делом еще два раза пройти текст, выучить рассказ, проконсультироваться и сдавать в конце октября или в начале ноября. Твои опасения напрасны: после третьего прочтения все ляжет на свои места. В целом не спеши со сдачей.

Кандидатский сдала на «хорошо». Василий Евгеньевич поздравил меня и сразу поставил новые задачи.

21.10.63.

...Поздравляю тебя со сдачей минимума. Необходимо достать программу по философии. Надо поговорить относительно сдачи спецвопросов или экзамена по педагогике. Но это успеется, так как, мне кажется, что раньше следующего года ты сдавать их не будешь, а философию ты сможешь сдать к концу мая.

10.12.63.

...Относительно философии ты чудишь. Так я никогда бы не написал кандидатскую. Надо одно сочетать с другим: готовить философию и тему утверждать. Последнее легче, чем первое.

Конечно же, не все за эти два года было безоблачно. Иногда у меня опускались руки. В какой-то момент была близка к отчаянью. Именно тогда и получила это письмо.

Москва, 01.03.64.

... Здравствуй, дорогая Боренька!

Письмо я пишу только Тебе, можешь его ребятам не показывать. Мне кажется, я должен тебе высказать ряд своих мыслей, которые мучают меня.

В последнее время ты чем-то недовольна, хотя в письмах ты об этом и не говоришь. Я сужу по ряду фактов. Пишешь мне исключительно нерегулярно. Написав письмо, его не отправляешь. Когда я с тобой разговариваю по телефону, то чувствуется по твоему голосу, что ты чем-то недовольна.

Конечно, есть чем быть недовольной. Главное, я уже два года скитаюсь. И хотя мы об этом договорились заранее, все же жизнь выдвигает непредвиденные трудности: смерть бабушки, которая была хранительницей очага, благодаря чему мы регулярно питались; плохое снабжение в этом году, которое сказывается вдвойне: никто не хочет стоять в очереди, некому варить. Много еще имеется мелких преград. Кажется, заранее мы предвидели, что у нас в конце этих двух лет не будет лишней копейки, и теперь нас это нервирует. Все это исключительно плохо, я это понимаю. Я даже не знаю, все ли сразу изменится, когда я приеду домой.

Как бы там ни было, мы с тобой, Боря, должны стоять выше этих ежедневных невзгод. Мы не имеем права опускать руки, нервничать, ждать чего-то, чего сами не знаем. Мы с тобой должны принимать обстоятельства таковыми, каковы они есть. Мы должны их встретить дружно, поддерживая друг друга. И эта поддержка должна быть сознательной. Мы должны в первую очередь думать не о себе, а друг о друге. Только наша сплоченность, наша любовь, наши взаимные радости, которые мы можем приносить друг другу, выручат нас из любого затруднения.

В конце этого месяца исполняется уже 18 лет, что мы женаты. Неужели мы за это время недостаточно изучили друг друга? Кажется, каждый из нас знает другого не хуже себя. Тебе трудно, Тебе очень трудно. Но знай, я не могу сейчас бросить все и приехать к тебе. То, что я делаю, я рассматриваю не столько как личное мое и Твое, а как общественное. Моя мечта – дать максимально много на почве просвещения. Настоящая работа – это пополнение знаний для осуществления этой мечты. Но я бы никогда не полез в эту упряжку, если бы не знал, что от этого получит пользу то общество, где буду применять свои силы. Прежде всего институт.

Боренька! Я люблю тебя. Ты это знаешь. Может быть, когда я далек от тебя, ты об этом забываешь. Может быть, тебя охватывают чувства безразличия, сомнения, разочарования. Гони их от себя. Надо быть инициативной, жизнерадостной, настойчивой, не склонять голову перед трудностями и душевными недомоганиями. Эту инициативу и силу должны ощущать окружающие. Больше бодрости, больше уверенности и веры в будущее, хорошее, прекрасное и то, что теперь кажется трудным, будет преодолеваться быстрее, легче,

полнее. Ты у меня всегда была умной, будь же и сейчас сильной разумом. До скорого свидания, целую тебя крепко.

Твой Вилли.

Прочитав письмо первый раз, я обиделась чуть ли не до слез: надо же, верчусь как пресловутая белка, а мне такое... Мне стало так жалко себя.

Вторичное чтение успокоило. Все правильно, и нечего меня жалеть, а то совсем рассироплюсь. После третьего дошло... Строгое и честное, суровое и очень доброе письмо как бы выпрямило меня, мобилизовало какие-то скрытые внутренние резервы. Как всегда, очень чуткий, Василий Евгеньевич издали уловил, что я нахожусь на грани срыва, и спокойно, строго, убедительно без единого оскорбительного слова помог мне преодолеть назревавший кризис.

10. СЕЙЧАС РАБОТАЮ НАД ОЧЕНЬ СЛОЖНОЙ ПРОБЛЕМОЙ

Василий Евгеньевич работал в Москве в библиотеке имени Ленина вдумчиво, напряженно. Часто я получала заказные бандероли с его статьей, или частью статьи, или главой диссертации с просьбой как можно быстрее проверить их, сделать замечания, высказать свое мнение. Писал он для меня красивым понятным мелким почерком, чтобы ничто не затрудняло чтение, так же и машинисткам. Получив очередную бандероль, я бросала даже самые срочные дела и садилась за чтение. На другой день, редко на третий, статья вновь совершала свой путь, но уже в Москву. И так два года.

Пусть у Вас не возникнет недоумения по поводу просьбы Василия Евгеньевича ко мне, простой учительнице, «просмотреть», «быстрее проверить» его статьи и «высказать свои соображения». Еще в пору чисто товарищеских отношений у нас появилась потребность знать мнение друг друга о качестве наших наиболее ответственных выступлений, лекций, статей. Мы очень критически подходили к оценке наших работ, советовались, как улучшить их. Эта потребность стала привычной и сохранилась на всю жизнь.

Из писем Василия Евгеньевича

03.06.62.

...Живу в общежитии в трехместной комнате. Пока я один. Возможно, за лето никого не будет. Два письменных стола, один круглый, книжный и платяной шкафы, две тумбочки. Первые две ночи я спал с открытым окном. Теперь из-за дождя даже днем держу его закрытым. Четвертый этаж. До института 10 минут ходьбы... М.М. Смирин живет через улицу. До библиотеки 25-30 минут...

Главное, я сейчас высыпаюсь и могу писать, когда хочу. За эти несколько дней оформил одну рецензию в плане диссертационной темы на восемнадцать машинописных страниц. Во вторник сдам ее М.М. Смирину, чтобы продвинуть в печать.

07.06.62.

...Сегодня я был у М.М. Смирин. Доложил ему, что сделал за это время. Разговаривали часа два. Он одобрил, что сделано. Считает, что у меня оригинальные мысли, что стою на правильном пути, что дела пойдут. Сдал ему небольшую статью. Я ее на днях вышлю, чтобы ты ее могла сдать на кафедру. Я, конечно, кое-что успел сделать, но впереди еще так много, что трудно сейчас сказать, что все идет прекрасно. Цель будет достигнута. Работаю нормально, особенно теперь, когда в общежитии.

23.06.62.

...Сейчас работаю над очень сложной проблемой, по которой у нас еще никто не писал. Не знаю, что выйдет. Посмотрим. Здесь можно достать всю необходимую литературу. Но на это уходит много организационных моментов.

27.08.62.

...Вплотную занялся крупными арендаторами. Теперь, черт возьми, могу сказать: у меня вырисовывается общая картина, и я могу назвать свою работу либо «Судьбы крестьян Германии XIV-XVI веков», либо «Прогрессивные тенденции в развитии аграрных отношений Германии XIV-XVI веков» (в будущем монография «Деревня и город Германии в XIV-XVI вв.» – Б.С.).

13.05.63.

...Работаю эти дни над оформлением тезисов и подбором новых материалов, поэтому не смог сразу написать. Тезисы необходимо немедленно проверить и сдать Евгении Дмитриевне (машинистке. – Б.С.). Она их перепечатает за один день. После этого следует ввести иностранные слова. Мне кажется, ты смогла бы это сама сделать. Если же ты испугаешься, то зайди в кабинет иностранных языков – попроси Р. Пусть только не изменяет ни одного слова, как бы нелепо это ни звучало. Я совершенно точно скопировал их с источника. Тогда не было еще какой-либо грамматики, все слова писались с маленькой начальной буквы. Если Р. не сможет, тогда попроси любую студентку, но предупреди, чтобы она соблюдала мою просьбу. Потом сдашь два экземпляра готового текста машинистке, один экземпляр вышлешь мне.

24.05.63.

...За письмо, которое я получил вчера, и за тезисы, прибывшие сегодня, спасибо. Ты, очевидно, их уже сдала машинистке. Зайди, пожалуйста, к ней и исправляй... Остальное верно, спасибо за твои немецкие вставки.

Сейчас изучаю взаимоотношения города и деревни в XIV-XVI веках. Никак не могу заставить себя отказаться от дальнейшего исследования документов. Надо уже писать и писать, иначе могу не успеть.

09.06.63.

... Несколько дней ничего в голову не лезло, да и сейчас, сказать, чтобы все было в порядке, нельзя. Почему-то образовалась какая-то глухая боль, как после гриппа. Но я, кажется, не болел... Хорошо было бы сейчас отдохнуть... В то же время кажется, что не успею. На самом деле трудно сказать, что будет все сделано в срок. Хотелось бы, но вряд ли выйдет. Так много еще осталось делать, что удивляешься, как можно было решиться на такое!...

24.09.63.

... Направляю тебе еще одну часть моей работы. Я ее целиком сделал за это время, что приехал, то есть с 15.08. На мой взгляд, это достаточно. Если бы все оставшееся время я за каждый такой промежуток времени сделал бы столько же, то считал, что я близко подхожу к концу моей монографии. Написал З., В. и Б., но ни звука. Хотелось бы все же знать, что они собираются издавать. Мне нужно публиковаться. Эта работа пойдет в Пермь. Я ее обязан представить к 15.11 сего года, поэтому спешу сразу проверить, чтобы я ее успел отпечатать на машинке, отдать на рецензию и послать туда. Даю на просмотр один вечер. Мне также нужно знать твое мнение как по частям, так и в целом. Желаю всего наилучшего, только просматривай все основательно.

03.10.63.

... Получил бандероль, спасибо большое. Пока статья каталась туда и обратно, я многое продумал и переделал. Ее сразу читал, она мне впервые понравилась и композиционно и по содержанию, а по стилю редакторы всегда еще находят различные придирки, даже когда, казалось бы, и нечего придраться.

Сейчас вновь вернулся к моей первой статье, которую я уже много раз переделывал. Последний раз приложу к ней руку. Если она и тогда не пойдет, я поступлю по методу Валерия: пошлю всех к бюрократической чертовой матери...

Разве Б. нет на месте? Я ему написал письмо, но ни слова. Просил у него отношение в библиотеку, он не высылает. Вообще, не по-

нимаю: писал по делу З. – молчит, писал по делу В. – молчит, писал по делу Б. – молчит. Что за люди?! Может быть, они мне завидуют? Так я сам себе не завидую.

Время катастрофически быстро подходит к концу намеченного срока.

15.10.63

... Статью для Перми я уже перепечатал и получил один отзыв. Второй получу, возможно, завтра. Тогда ее смогу отослать. ... Работую сейчас над виноградарством. Это очень интересная тема. Не знаю, сумею ли я ее как следует оформить. Возможно, что в связи с этим я приеду еще не 25 сего месяца, а значительно позже. Знаешь, работы много, а уже опять стоит вопрос об общежитии. Через каждые несколько месяцев мне вновь приходится клянчить. Это уже надоело...

21.10.63.

...Мои дела продвигаются по мере сил. Мою работу по издольной аренде читали трое, им нравится. Теперь ее взял читать профессор А.Я. Гуревич из Калинина (пишу о виноградарстве).

Мою статью о пустошах отредактировали. Кажется, это была самая трудная, так как почти никто теоретическими вопросами не занимается.

29.10.63.

... Утеплили ли вы окна? Я жалею, что не мог из-за занятости статьей уделить этому делу внимание.

Просматриваю вновь все свои записи. Хотелось бы спокойнее писать, но вряд ли удастся.

11.01.64.

... Статья о виноградарстве понравилась членам редколлегии. Во вторник решат вопрос о ее приеме к изданию.

17.01.64.

... Два дня тому назад заседала редколлегия. Мое виноградарство включили в план, только надо немного сократить. Одновременно включили статью о Паннахе, которую я им сдал уже больше года тому назад.

...Время движется катастрофически быстро к концу, а мне еще делать так много!

23.01.64.

Копаясь в огородах и садах, выращиваю вайду и хмель. Ничего, дела идут, несмотря на плохую погоду.

02.02.64.

... Мои дела идут неважно: времени мало, а дел много.

22.02.64.

... Я в срок, как известно, не уложусь. Все же это мне чертовски надоело. Из Перми уже были гранки, проверил и вернул им. На днях пошлю тебе рукопись, просмотри ее только сразу, так как мне уже 15.04 надо выступить с докладом, а до этого необходимо его отпечатать.

16.03.64.

... Дел у меня много, живу, торопясь за событиями.

24.03.64.

... Доклад прошел, как мне говорят, великолепно. Обсуждение меня страшно вдохновило на новый ратный подвиг по завершению своего опуса. Сказать в письме то, что было сказано на заседании, значит, предаваться саморекламе. Лучше потом передам все устно на ушко.

Сиротенко издал мою издольную аренду. Если без меня придет пакет из Перми по наложенному платежу, то выкупите его, пожалуйста. Это оттиски моей статьи, 40 экземпляров. Это будет стоить 10 рублей. Здесь печатаются другие мои статьи. К одной я написал резюме на немецком языке. Потратил на это дело несколько часов. Кажется, получилось.

21.08.64.

... Направляю тебе то, что я успел сделать за столь короткое время.

У меня сейчас нет времени, чтобы еще и еще раз просматривать текст. Цифры я отработал достаточно. Как всегда, я отправляю тебе все статьи для просмотра. Чем больше будет замечаний, тем лучше. Прошу только проявить максимальную быстроту с тем, чтобы я числа 28-29 этого месяца получил бандероль обратно. Мне ее еще необходимо перепечатать, сдать редакции и, по возможности, хотя бы от одного члена услышать мнение. За время путешествия бандероли я постараюсь отработать выводы, которые мне не особо нравятся...

Я работаю каждый день зверски, можешь судить по статье. В гостинице уже сменилось несколько моих напарников. В комнате вместе со мной трое. Ухожу в 8 утра, прихожу в 9-10 вечера. Работаю опять в ФБОНе, где можно быстро достать все новинки по истории. Чертовски обидно, что немцы печатают быстрее, чем мы. То, что мы говорим, всегда опаздывает.

...Есть еще одна просьба: зайди, пожалуйста, в библиотеку имени Ленина в отдел МБА (это внизу слева по коридору) и попроси, чтобы мне две те книги, которые у меня в столе, еще оставили на месяц, то есть пусть они мне продолжат срок. Они знают, как это делать. Скажи, что я недавно уехал в Москву и не сумел к ним зайти... Еду в библиотеку, чтобы писать, писать и писать.

Так работал Василий Евгеньевич в докторантуре. Комментарии, как говорится, излишни.

Вы можете подумать, обратив внимание на несоразмерность частей, посвященных заботам о семье и о науке, что Василий Евгеньевич в творческом отпуске только и занимался семьей. Это не так. Он настойчиво и неуклонно преследовал именно научные цели, отдавая их достижению все основное время. Нашими же делами занимался, как правило, попутно, во время отдыха, давая себе передышку, так необходимую при интенсивной интеллектуальной деятельности.

Кроме того, в письмах ко мне Василий Евгеньевич не раскрывает содержательную, если можно так выразиться, сторону своей работы – она была мне ясна из рукописей его статей и глав диссертации, которые он мне присылал, – а больше пишет об организационной стороне дела: написал, проверил, отредактировал выводы, переделал основательно, внес некоторые изменения и т.д.

Добавить что-то от себя я не вправе, как только сказать, что главы о виноградарстве, пустошах, вайде и другие мне очень нравились.

Из докторантуры Василий Евгеньевич вернулся усталый, осунувшийся, но веселый и очень довольный: «Знаешь, какую огромную работу я проделал! Ну, как вы тут без меня?» – «Мне кажется, что ты все время был с нами. Ну не ты, так твои письма, посылки, рисунки, рукописи...»

Работу над диссертацией Василий Евгеньевич продолжал еще три года, снимая комнату в поселке Костина мельница, а потом у нас в огороде.

Октябрь 1968 года. Я училась на курсах повышения квалификации в Москве. Занятия проходили в здании Академии педнаук СССР, а самостоятельно работала в библиотеке имени Ушинского в Лаврушинском переулке рядом с Третьяковкой. Жила в Горках Ленинских в бывшей школе-интернате. Вечером автобус от «Ушинки» отвозил нас, слушателей курсов, в Горки, а утром доставлял туда, где должно было проходить занятие. Как-то под вечер я работала в уютном читальном зале. Отвлеклась от книги, и мне на мгновение представилось, что Василий Евгеньевич здесь. Скрипнула дверь, я невольно оглянулась – от двери ко мне шел Василий Евгеньевич с букетом астр в руках, как выяснилось, из нашего сада. Радости не было границ! Какие уж тут занятия! Мы говорили в холле о новостях из дома, в кафе Третьяковки выпили кофе, съели бутерброды с икрой и пирожные. Я любила это кафе, небольшое,

элегантное, народу мало. Посидели в зале русской иконы и в 8 часов со всеми слушателями курсов поехали в Горки.

Оказалось, он приехал на защиту докторской, ему передвинули срок защиты немного вперед. Комендант общежития выделил Василию Евгеньевичу небольшую комнату, и мы там жили.

Не помню, в каком здании проходила защита, но зал был большой, народу много. Из членов комиссии помню Ю. Бессмертного, Н. Семенова, Е. Гутнову. Как всегда, внешне спокойно, но я чувствовала, что стоит за этим спокойствием, Василий Евгеньевич изложил суть, выступили оппоненты с положительными отзывами, он ответил на вопросы, возникшие у них, завязалась дискуссия... Проголосовали «за» единогласно. Все поздравляли Василия Евгеньевича с проделанной большой и серьезной работой.

Вечером в ресторане Василий Евгеньевич с коллегами отмечал событие. Было тепло по-домашнему и радостно, что успешно завершена большая труд.

По дороге в Горки он купил торт, фрукты, и там с подругами по комнате еще раз отметили успех Василия Евгеньевича. Шампанского здесь не было, так как денег не хватило: только за этот год Василий Евгеньевич 10 раз летал в Москву по диссертационным делам, а нередко и для того, чтобы взять отзыв и диссертацию у одного оппонента и передать ее другому. Мое пребывание на четырехмесячных курсах тоже чего-то стоило.

Довольный и счастливый он улетел в Ижевск, я осталась на курсах ФПК.

В октябре 1968 года Василий Евгеньевич защитился, а через 4 месяца получил открытку с коротким, но очень важным для него текстом.

Москва, 19.01.69.

Глубокоуважаемый Василий Евгеньевич! Могу Вам сообщить приятное известие. Ваша диссертация прошла и секцию, и пленум ВАКа. Теперь дело осталось за технической процедурой – выписка документа и получение оного. Поздравляю с завершением «тернистого пути» и шлю лучшие пожелания.

Чистозвонов

И еще радость – книга «К истории раннего капитализма в Германских землях» (М.: Наука, 1969) с надписью на форзаце: «Дорогому В.Е. Майеру с лучшими дружескими чувствами от автора. 25 декабря 1969 г. М. Смирин».

А это письмо я прочитала только сейчас, более чем через 30 лет после его написания, разбирая архив Василия Евгеньевича.

Москва, 10.03.69.

Дорогой Василий Евгеньевич! От души поздравляю Вас с утверждением высокой ученой степени. К моему поздравлению присоединяется Хася Борисовна, которая к тому же благодарит Вас и Бориславу Петровну за поздравление к 8-му марта! Как Вы себя чувствуете в новом качестве? Вы имеете все основания чувствовать себя хорошо и вполне удовлетворенным не только самим присуждением степени доктора, не только тем, что присуждение последовало в рекордно короткий срок, свидетельствующий о бесспорности вопроса, но главным образом тем, что эта высокая степень заслужена Вами длительным упорным трудом, тем что результатом Вашего многолетнего труда является великолепное исследование, общепризнанный ценный вклад в науку. В том, что Ваше исследование должно быть безотлагательно напечатано, заинтересованы все наши медиевисты и вообще все наши историки. В Ваших планах на ближайшее время первое место, несомненно, займет дело опубликования Вашей диссертации. Каковы Ваши планы в дальнейшем? Прежде всего, конечно, надо отдохнуть... Еще раз примите Вы с Бориславой Петровной сердечные поздравления и привет.

Ваш М. Смирин.

Казахстан, 07.01.69.

Глубокоуважаемый Василий Евгеньевич! Позвольте Вас поздравить с успешной защитой докторской диссертации. Ваш успех вдохновляет нас, медиевистов, работающих в провинциальных институтах. Ведь в большинстве случаев наши доктора «обитают» в Москве. У нас, в Казахстане, вероятно, в ближайшее время будет свой доктор Я.Д. Серовайский. (Автор советуется с Василием Евгеньевичем по своим научным делам. – Б.С.).

О. Гришина, доцент.

Сейчас с высоты своего возраста пытаюсь, но не могу понять, как Василию Евгеньевичу, углубившемуся в проблемы десятков, сотен конкретных немецких крестьян XIV-XVI веков и нащупывающему путем изучения бесчисленного количества документов той эпохи тенденции и закономерности исторического развития, удавалось держать в поле зрения всю нашу большую семью, разбросанную в эти годы от Белоруссии до Сибири. Жестко установив регулярную (частую) переписку с каждым в отдельности, он знал о делах, мыслях, проблемах каждого: состоянии здоровья Матильды Федоровны; мои сомнения и трудности в овладении новой специальностью; предсвадебные раздумья Алика; освоение военной специальности, подготовительные курсы в вуз, размышления о смысле жизни Вилли; проблемы с учением Толи; первый класс, музыка Тани; трижды за весну серьезные экзамены Валерия. И он не только был в курсе жизни каждого, но и действительно влиял на каждого, помогая

рассказом, просьбой, требованием, советом, иронией, похвалой, убеждением, сомнением – но никогда унижением, угрозой – находить правильный выход из создавшей ситуации. И сам соперничал: радовался, грустил, негодовал, восхищался. А еще действовал: посылал продукты, одежду, обувь, ванну (!) и книги, книги, книги всем и каждому. Да... А ведь еще постоянно активно переписывался со многими медиевистами Союза.

11. ПОСЛУШАЙ КАК ПЧЕЛЫ ГУДЯТ

Когда давали землю всем работникам вуза, Василий Евгеньевич тоже взял участок. Нарезали по четыре сотки, но к нам примкнул кусок от изгиба дороги, и получилось 5,3 соток. Бывшее картофельное поле. Место низкое, грунтовые воды близко.

Мы с Василием Евгеньевичем первый раз приехали туда в начале августа. После дождей до одной трети нашего участка было под водой. Но нас это не смутило.

В августе ездили почти каждый день. Василий Евгеньевич садился на ящик, на колени клал дощечку, на нее – листы бумаги и заканчивал докторскую. До этого он уезжал в близлежащую деревушку, снимал там комнату и писал, так как в новой квартире на Красноармейской из-за постоянного сильного шума нельзя было сосредоточиться.

В дождь мы скрывались под могучей елью, забравшись под плащ-палатку. Для отдыха имели раскладушку, которую, уходя, прятали в кусты, прикрыв той же палаткой. Василий Евгеньевич писал, я вязала, читала, иногда совершали прогулки по окрестности. Мне и в голову не приходило, что за это время можно перекопать участок, вырыть ямы для посадок и т.д.

В сентябре на массиве появились огородники. Василий Евгеньевич пригласил знакомого агронома, и он помог нам распланировать участок, сообщив попутно, что яблони, вишни и сливы здесь расти не будут. Пренебрегая его советом отказаться от растений, не переносящих близкого стояния грунтовых вод, Василий Евгеньевич посадил двенадцать стволовых вишен, шесть яблонь и одну сливу. Яблони росли, плодоносили год-два и, несмотря на хороший уход со стороны Василия Евгеньевича, засыхали. Он очень переживал их гибель. Сажал снова и снова. Добился успеха, когда насыпал земляные холмы и на них укоренил саженцы. До сих пор из тех посадок у нас растет и плодоносит Уральская наливная, однажды разломившаяся пополам от обильного урожая. Мы с Валерием Ш. почистили, продезинфицировали разлом, замазали цементом с песком, морозобоины варом.

Вишни и сливу пришлось вырубить. Но зато черноплодка сразу принесла неслыханный урожай. Василий Евгеньевич ел ее по столовой ложке в день для снятия давления. Отлично прижилась черная сморо-

дина «Победа», дававшая весомый урожай и крупные ягоды. В один год Василий Евгеньевич собрал более 20 эмалированных ведер. У нас было 5-10 кустов.

Из записной книжки Василия Евгеньевича 1976 года.

Вчера трудился в саду, обрезал смородину и попутно собирал оставшиеся ягоды. Вдруг я почувствовал присутствие еще кого-то. Это была маленькая желторотая птичка. Она прибежала, как мне казалось, на звук падавших из моих рук смородиновых ягод. Для нашего уха этот звук совершенно не заметен, а под смородиной он, очевидно, далеко распространяется. Птичка эта, или похожая, прибежала и раньше, когда я собирал смородину. На этот раз она крутилась у моих ног и подходила вплотную к руке. Я мог бы ее спокойно поймать, но мне было интересно наблюдать за ней. Упавшие ягоды она брала в клюв, но обратно исторгала. Когда же попадались червяки, она их проворно проглатывала. Иногда с любопытством смотрела на меня, наклоняя свою головку на бок, как это часто делают и взрослые птицы. На мои слова и свист она не реагировала. Когда я уходил по делам, она тщательно обследовала мое место, где я сидел до этого. Мне кажется, это зырянка или малиновка. Она была еще желторотая, и я не знаю, умела ли она уже летать.

Из кустарников особенно радовал крыжовник Варшевича. Пятнадцать тоненьких прутиков, купленных Василием Евгеньевичем, выросли в раскидистые красавцы-кусты, с небольшим количеством шипов и продолговатыми красноватыми ягодами, которые он собирал прямо горстью, ведя рукой от основания ветки к ее верхушке. Но что особенно ценили мы в крыжовнике, – он не болел мучнистой росой, с чем так долго и бесплодно боролись огородники нашего массива. Многим хотелось иметь такой крыжовник, и Василий Евгеньевич щедро делился отводками. С этих кустов, правда, уже омоложенных, Ваня и Маша собирают неплохой урожай, а я ежегодно старательно за ними ухаживаю.

Очень хорошо росла виктория, розетки и усы которой дали нам Базуевы. Не помню сорта ее – то ли Зенга Зенгана, то ли Редгонтлит, то ли Талисман, – но она был поздняя с красивыми темными ягодами, вкусными и транспортабельными. Мы собирали ее по 20-22 больших эмалированных ведра за сезон.

Помню, приехал к нам Валерий с четырехлетним Робертом. Я только привезла два ведра отличной виктории. Валерий лежал на диване, поклевывая ягоды, и читал с наслаждением «Обломова», а я беседовала с Робертом, уплетавшим отборные ягоды за обе щеки. Теперь у нас виктории нет, плохо растет почему-то.

Василию Евгеньевичу хотелось посадить что-то особенное. Наряду с обычной черемухой – она выросла в стройное белоснежное душистое деревце, но взрослую ее пришлось убрать, так как очень затеняла уча-

сток соседей, – он посадил Вергинскую (красную), калины, чтобы пересадить их во двор.

Из Москвы привез черенки модной тогда облепихи. По его словам, в магазине он объяснял стоящим в очереди людям, как правильно выбрать по почкам женские черенки и не спутать их с мужскими, которых надо одно растение на четыре женских.

Мы посадили все пять, а когда через два-три года появились первые ягоды, обнаружили, что у нас четыре облепихи – мужчины, а одна – женщина. Подшутила продавщица над Василием Евгеньевичем или он сам обманулся, осталось загадкой.

Из овощей Василий Евгеньевич любил ухаживать за огурчиками, как он их любовно называл, и часто просил сделать гуркен-салат: нарезанные огурцы с простоквашей и луком.

Огуречную рассаду выращивали дома: первого мая сеяли в яичные скорлупки, ставили их в кассеты и подвешивали к окну. Девятого мая в кассетах везли в огород. Василий Евгеньевич делал глубокие лунки, высаживал в них рассаду с одним-двумя настоящими листьями, ставил низкие дуги и накрывал пленкой. Огурцы ели с конца июня. Сейчас у меня так не получается, несмотря на большой опыт.

Нравилось ему ухаживать и за помидорами. Из Москвы привез семена мало кому известного тогда сорта де-Барао с подробнейшей инструкцией, и теперь этот сорт не покидает наш огород.

Выходец из деревни, Василий Евгеньевич знал много народных примет, обращал внимание на фазы Луны, но я тогда не прислушивалась к тому, что он говорил о Луне и посевах.

На участке не росло много цветов, хотя Василий Евгеньевич привозил саженцы роз и клематисов, и мелкие луковичные с трудными названиями. Не было времени для ухода за ними. Но что всегда украшало сад, что ему нравилось, были красные огромные тюльпаны Лондон, Большой театр, Оксфорд и более поздние Дарвина.

Летом радовали флоксы, разных оттенков, турецкая гвоздика, а с августа и весь сентябрь – астры. Рассаду астр выращивали сами. Однажды Валерий, разговаривая по телефону, машинально «прополоснул» астры в плошке, оставив сорняки.

Особую слабость питал Василий Евгеньевич к полевым цветам. Поселились самосевом и росли у домика и посередине одной гряды купальницы-италмас – золотые головки-бубенчики на изящно изогнутых стеблях с красивыми резными листьями. Большой мощный куст пижмы, желтые звездочки зверобоя, ароматные соцветия душицы всегда радовали его.

В первый же год выхода журнала «Приусадебное хозяйство» (1981) Василий Евгеньевич выписал его, внимательно и заинтересованно читал, что-то старался применить у себя и часто успешно.

И вот уже более двадцати лет мы не расстаемся с этим интереснейшим журналом.

Наверное, через год приступили к постройке домика. Василий Евгеньевич сделал очень мудро. Он поехал в Игру и заказал там сборный домик из брусков на шипах. Ему некогда было заниматься большим строительством. Собрали они с Валерием этот домик за неделю. Крышу помог крыть Виля. Но, неопытные в строительстве, под шифер не положили рубероид и шифер крепили гвоздями, забивая их в ложбинки волны, в результате чего крыша в некоторых местах немного протекала.

Домик был небольшой, 3х4 метра с двумя огромными окнами, через которые мы свободно попадали внутрь, когда забывали ключи. Теперь такие большие окна опасны, я их чем-нибудь заставляю.

К домику с севера примыкает застекленная веранда. Через несколько лет внутренние стороны домика Василий Евгеньевич оббил прессованным картоном, чтобы больше сохранить тепло, потом оклеил приятными зеленоватыми обоями. Пол тоже застелил по доскам прессованным картоном и покрасил масляной светло-коричневой краской. То же сделали и на веранде. В домике было светло и уютно.

Через год пристроили маленькую кладовочку, куда, не заходя в домик, можно было поставить садовый инвентарь и положить удобрения на полки. Однажды, возвратившись из Москвы, я открыла дверцу кладовки и замерла: прямо передо мной на полке лежало гнездо со спящими птенцами. Свет разбудил их, они открыли клювики и запищали. Трясогузки, отец и мать, ринулись к гнезду. Я отошла. Пока птенцы не встали на крыло и не покинули гнездо, мы хранили лопаты и вилы в домике.

А будучи еще в Москве, получила письмо от Василия Евгеньевича.

Ижевск, 05.06.73.

...Только приехал из сада, но не о нем я хочу тебе поведать, а о двух квартирантах, которых мы с Таней пустили в наш домик.

Один – Воробейкин – поселился со всем своим многочисленным семейством под самой крышей со стороны малинника в том углу, где прикреплен номер. Это шумная ватага. Родители едва успевают принести им есть. Воробейкины встречают своих родителей восторженно. Иногда сам Воробейкин садится на крышу и наблюдает за нами. Он отмечает каждое наше движение какими-то гортанными звуками: «Смотри, как пыхтят! Это, наверное, от того, что по два ведра сразу таскают. Лучше бы им по одному. А теперь еще и миской достают из ведра воду и выливают. Наверное, кряхтят потому, что нагибаются и разгибаются. А выливают-то куда, прямо на землю. Нет, чтобы на листья огурцов или помидоров. Вот, дурни... А огурцы-то растут. И почему они прячут их под пленку? А это желтое, что? Неужели цветок? Да не один. Надо проверить». И вот он уже на яблоньке, такой любопытный, страсть!

Пить водичку можно было бы из бочки, но она только что покрашена. Лучше из цинкового ведра. Вода там прозрачнее и приятнее.

Другой квартирант – Трясогуз. Он со своей супругой, прежде чем поселиться, изучал нас (Василия Евгеньевича и Таню. – Б.С.) всесторонне. Он и перед нами на уровне глаз так тряс крылышками, что казалось: он стоит на одном месте, стоит только протянуть руку – и он наш.

Но мы ему спокойно давали выпендриваться. Потом он стал бить свою супругу. Он ее даже загнал под дощечки стола. И она кричала. Казалось, что Зевс наказывает Геру. То они вдвоем налетали на нас, будто хотели нам снести голову. Но мы не поддавались провокациям.

И вот результат. В прошлое воскресенье Таня обратила внимание, что супруги Трясогузы куда-то что-то тащат в своих клювах. А я проследил, что путь их лежит в нашу кладовку, где мы держим инструменты. Когда я туда заглянул, я даже опешил: прямо на нижней полке между мешочками квартира оборудована. Мебель мягчайшая, но никто еще не живет. Когда же я пришел в среду, там оказалось три яичка светло-голубого цвета. Значит, они считают дни нашего отсутствия. А в субботу было уже шесть. Когда в воскресенье Таня туда заглянула, там уже сидела супруга Трясогуза. И сегодня она там сидела. А он меня встречал и танцевал вокруг, как будто отвлекал от нее. Осталось еще 12 дней, когда будут маленькие желторотенькие детки просить у супругов Трясогузов есть.

Всего доброго.

Вилли

Однажды в огород пришла ежиха с тремя ежатами и на некоторое время обосновалась у нас. Дети поили их из блюдечка молоком. Ежи сначала боялись подходить к еде, но потом осмелели. К осени они покинули нас.

В огороде жила большая умная бездомная собака Бама. Все ее подкармливали. Она заходила и на наш участок. Умела давать лапу, ложиться по приказу. Василий Евгеньевич специально для нее приносил из дома лапшу, крупы, готовил ей на огороде. Она ела из легкой полиэтиленовой миски. Благодарно помахав хвостом, уходила. У нее появились щенята в другом конце огорода. И однажды, поев и получив добавку, она не стала ее поглощать, а взяла полиэтиленовую миску в зубы и аккуратно понесла щенятам. «Бама! Ты хоть посуду возвращай обратно!» – крикнул ей вслед Василий Евгеньевич. Но за посудой ему пришлось ходить самому. А через некоторое время Бама привела к нам своих детей – шесть очаровательных пушистых комочков. Первую миску похлебки она уступила щенятам, доедала остатки и добавку.

Мы еще жили на улице Ленина на втором этаже, когда Василий Евгеньевич принес молодую галку, которую гоняли собаки, и которая почему-то не могла летать. Она жила у нас. Василий Евгеньевич и дети кормили ее рубленным мясом. Галка подросла, стала вылетать в окно во

двор на деревья. Крикнешь: «Галка! Галка!» – она отзывается. Все лето жила у нас.

Муравьи на грядке завалили землей почти доверху куст виктории. Кто-то из соседей в присутствии Василия Евгеньевича советует мне облить их кипятком из чайника. «Не делай этого. Пусть живут», – говорит он, и я никогда не поднимала руку ни на муравьев, ни на другую живность.

Осы слепили большое гнездо на веранде, прямо над обеденным столом. Летают вокруг. Суется. Внук уже идет с палкой, чтобы сбить гнездо. «Не делай этого. Пусть живут. Только не маши руками и не говори громко», – это опять Василий Евгеньевич. И мы мирно сосуществовали с осами лето и осень.

Беру лопату копать гряду. Василий Евгеньевич: «Возьми лучше вилы». – «Легче?» – спрашиваю. – «Не знаю, но дождевым червям безопаснее».

Василий Евгеньевич бережно относился к братьям меньшим нашим, любил наблюдать за ними и всегда был готов помочь им в беде.

Лет через 18 домик поднимали. Он стоял на бетонных монолитах, которые со временем заглубились в землю. Но новый ленточный фундамент для наших мест, где земля «ходит», оказался не лучшим вариантом: он при Василии Евгеньевиче растрескался, и какие-то звуки очень беспокоили его. Он думал, что это ломаются шипы, которыми скреплены бруски. Сейчас цементные глыбы фундамента во многих местах развалились, и углы домика повисли в воздухе. У меня иногда такое ощущение, что когда-нибудь проснусь под обломками. Но чур-чур меня!

Одновременно с заменой фундамента перекрывали по правилам крышу и возводили пристрой нанятые Василием Евгеньевичем двое мужчин. Пристрой получился неудобный, на следующий же год отошел снизу от домика на 20 сантиметров, и с его пологой крыши надо каждую весну сбрасывать снег, что привело к поломке шифера. Пристрой протекает. Я его использую сейчас в качестве кладовочки.

Чуть раньше пристроя (он сооружался зимой) осенью была поставлена Василием Евгеньевичем, мной, Валерой Шадриним и Толей Глазовская большая сборная железная теплица, куда и были выставлены из домика во время его подъема комод, кровати, шифоньер и др.

С теплицей приключилась беда: под давлением снега-льда восьми-десяти сантиметровой толщины крыша ее провалилась вовнутрь: кронштейны, державшие крышу, были сделаны глазовскими «умельцами» из такого тонкого железа, что подобные теплицы рушились у всех, кто их покупал.

Когда мы пришли второго января в огород (через неделю, в выходной), меня охватил ужас. Ведь Василий Евгеньевич хотел накануне сбросить с теплицы снег, а я замерзла, и мы пошли домой. Я чувствовала себя прямой виновницей случившегося, но он ни разу не упрекнул

меня. Долго я переживала за теплицу, а потом успокоила себя тем, что: во-первых, это должно было неизбежно случиться в любой другой день, когда мы по той или иной причине не пришли сбросить снег с крыши; во-вторых, это случилось у всех, купивших глазовские теплицы. Стекло у нас было в запасе, укрепили крышу, снова все застеклили. Но сколько же его было побито! Сколько осколков пришлось мне вынимать из земли пинцетом! Мысленно разбив землю на небольшие квадраты, я работала в каждом из них.

Впоследствии много лет зимой каждую неделю я ездила с Василием Евгеньевичем, а потом одна кормить птиц и сбрасывать снег с теплицы, пока лавина снега, съехавшая с крыши, не опрокинула меня в канаву на меже, откуда я едва выбралась в свои 75 лет.

Первый колодец Василий Евгеньевич с детьми выкопал почти сразу после постройки домика в двух метрах от него. Он простоял бы значительно дольше, если бы Василий Евгеньевич не поддался на уговоры соседа, который выпросил у него сосновые доски для сруба в обмен на липовые (в земле, де, не видно будет, что они обшарпанные). Но они быстро сгнили, сруб пришлось ремонтировать. И Василий Евгеньевич решил сделать капитальный колодец, поставив вместо сруба бетонную трубу диаметром почти в метр и длиной в четыре метра. Место для первого и второго колодцев определял сам, сорвав ольховую веточку с развилкой и особым образом держа ее в руках. Так он находил воду для других огородников, которые просили его об этом. Бетонный колодец глубокий – 4 метра. Вода чистая, но достать ее можно только насосом. А так как дежурство у нас начнется с июня, то я весь май сижу без воды: насос в колодце оставлять опасно: «сбежит». Первый же колодец засыпали кое-как, я через него по доскам хожу в теплицу.

Уже после смерти Василия Евгеньевича Валерий Шадрин с братом Сашей построили баню, присоединив к ней сарайчик и туалет. Все сделали капитально и аккуратно.

Вспоминая сейчас о строительных работах на огороде, прихожу к выводу: мало что удавалось сделать нормально. У Василия Евгеньевича не было времени контролировать людей, не особенно добросовестных, и опыта не хватало.

Наш огород был местом работы, отдыха и большим подспорьем к бюджету. В разные годы урожаи были разные, но всегда что-либо выросло.

Ягоды и плоды носили домой в больших эмалированных ведрах (10 кг), каждый по два ведра. Это довольно тяжело, если учесть, что надо было дойти до СХВ – бывшей сельскохозяйственной выставки, – умудриться сесть в переполненный автобус, который ходил с большими интервалами. Иногда приходилось от СХВ идти пешком по пыльному тракту до города, что не близко. Чтобы сократить путь, Василий Евгеньевич нередко вел меня лесом сразу на Школьную по каким-то ему знакомым, а иногда незнакомым тропам.

Последние годы Василий Евгеньевич в дороге часто останавливался, у него болела левая рука. Я предполагала, что это сердце, но он никак не хотел идти к врачу, как не хотел отдать мне ведро с овощами-ягодами. («Где это видано, чтобы женщина несла, а мужчина шел рядом порожняком?»)

Деньги на машину у нас к этому времени уже были, и он спрашивал, нужна ли мне она. Я ответила отрицательно, так как знала, что водить ее некому будет: Василий Евгеньевич не имеет времени часами лежать под машиной, как наш сосед, что-то ковыряя в ее брюхе.

Но так как у Василия Евгеньевича было разрешение на машину, он купил ее Вилли на его же деньги. И Вилли до смерти Василия Евгеньевича ездил по доверенности, частенько подвозя нас.

Немало времени занимала переработка урожая. Я этим занималась много и охотно, и почти всегда помогал Василий Евгеньевич. Он солил огурцы, помидоры, квасил капусту, и это ему отлично удавалось. Хватало на всю зиму с излишком. Купил соковарку, делал сок из черной смородины. Когда я отсутствовала, варил варенье, закатывал компоты, пользуюсь моими точно и кратко записанными инструкциями.

Вообще, он хорошо умел готовить. Дети безошибочно определяли, когда, скажем, суп варила я, а когда – он. «В чем же отличие? – иногда обижалась я. – Я все так же делаю». – «А папа с душой варит!» – был мне ответ.

Из сказанного выше можно подумать, что огород мы любили только за его овощи, фрукты и ягоды, за возможность поработать на свежем воздухе. Нет и нет. Он доставлял нам большое удовольствие и в нравственном и в чисто эстетическом плане.

Огород был местом общения Василия Евгеньевича с коллегами, с детьми, внуками, с живой природой. Там в неформальной обстановке он встречался с товарищами по университету: Э.М. Ситниковым, Н.И. Санниковым, И.П. Тукаевым, А.И. Сухановым, В.И. Рябенко, В.И. Холкиным, А.М. Касихиным и другими, их участки были на нашем массиве.

Обсуждали огородные дела, порой университетские, обменивались опытом по выращиванию садовых и огородных культур, приемами борьбы с вредителями, помогали друг другу в строительстве и в других делах. Василий Евгеньевич прислушивался к советам товарищей, но и сам любил поделиться своими огородными находками.

В предпоследний год своей жизни Василий Евгеньевич каждое воскресенье вместе с профессором В.П. Голевым ходили пешком в наш сад. Возвращался он посвежевший, отдохнувший, очень довольный общением со своим спутником.

Дети же уже выросли, в огороде бывали реже, но бывали. Чаще всех – Таня. Ей больше всего нравилось полоть, рыхлить, присыпать торфом малину за домиком и снимать с нее урожай.

Не были обделены вниманием деда и внуки Роберт и Ростислав, которые почти каждое лето гостили у нас. Василий Евгеньевич испод-

воль вникал во все стороны их детской жизни и находил в этом большое удовольствие: читал, мастерил с ними, рассказывал, ходил в лес и на пруд. В тихом тенистом сыром месте строил с Ростом «жабатник» – жилище для жаб – и успешно. Несколько особей их, разных возрастов, помогали нам бороться со слизнями. С Робертом сбил скворечник, поместив его под крышей домика. И скворцы долгое время жили там. Теперь это гнездовье каждое лето снимают стрижи и выводят маленьких.

Василий Евгеньевич не был сентиментально восторженным человеком, замирающим перед открывающейся красотой. Трезвый реалист, он умел видеть необыкновенное в обыкновенном, будничном. Воспринимая прекрасное, понимал его, умел беречь. Всегда стремился поделиться радостью открытия с близкими.

Не случайно я часто слышала: «Посмотри, послушай, потрогай, понюхай, попробуй», – будто хотел, чтобы я ненароком не пропустила что-то стоящее внимания.

В небольшой тепличке, сооруженной им на одно лето, плети огурцов тянутся вверх по веревкам. «Боренька, посмотри вот на это растение!» Из пазух каждого листа свешиваются, как сережки, один-три удлинённых изящных огурчика, и чем «выше, тем они все мельче, а вверху – желтые цветки». Подумаешь, огурец. Но такое красивое растение мне впервые показал он.

Или Василий Евгеньевич мне: «Зайди в малинник. Постой тихонько. Послушай, как гудят пчелы. Ни с чем не сравнимая музыка... Бархатная!»

Или зовет: «Иди сюда, посмотри какой дивный узор». Это крокусы белые, желтые, фиолетовые образовали сплошной ковер, причудливым рисунком покрывший землю под яблоней...

В другой раз. «Ты только взгляни, какие красивые, – и подает мне действительно хорошо выполненные ягоды викитории, добавляя. – На вкус они так же хороши, как и их форма. Попробуй!»

Весна. Пора сеять. Выбираю грядку для моркови. Василий Евгеньевич: «А не лучше ли здесь? – показывает на другую грядку. – Пощупай руками землю там и здесь. Где приятнее рукам, там и сей».

...Застаю его за теплицей в глухом уголке сада, куда солнце заглядывает только утром и вечером. Он на коленях. Тыльной стороной рук раздвинул траву, а ладони как бы охватили небольшую куртинку ландышей – белых восковых колокольчиков на тонких стебельках-былинках. «Наклонись пониже. Чувствуешь? Я не знал, что они здесь растут. Тонкий аромат заставил меня наклониться. Откуда они?» – «От Петровских».

А когда цветут яблони, Василий Евгеньевич минуту – три, а то и больше стоит, устремив взгляд на свою любимую Уральскую наливную, всю в бело-розовом наряде. Любуется. Но не забывает во время цветения поставить на ночь по периметру кроны четыре ведра с водой, чтобы заморозок не побил цвет.

...Еще рано-рано. Василий Евгеньевич вошел в домик и позвал меня: «Посмотри, какая большая. И форма безукоризненная!» В руке у него слегка подрагивает листик манжетки с крупной серебристой каплей росы у основания листовой пластинки. Солнечный луч упал на каплю, и она, как живая, вспыхнула, зажглась разноцветными огоньками, заискрилась. Ожили и засверкали мельчайшие капельки росы на опушении по контуру листа. «Божественно!» – не удержалась я. «А ты бы видела всю полянку! Глаз не оторвешь!»

Этот листок манжетки с каплей росы он бережно сорвал за оградой сада и осторожно донес до домика («Шел и не дышал»), чтобы показать мне.

...В тихую летнюю ночь в саду Василий Евгеньевич позвал: «Пойдем, посидим на крылечке». Я предусмотрительно захватила одеяло: ночью свежо. Он, одной рукой обняв меня за плечо, притянул к себе. И мы, безмолвные, просидели до рассвета, слушая безмолвие летней ночи. «В небесах торжественно и чудно! Спит земля в сиянье голубом...» На душе у меня покой, умиротворение и какое-то блаженство...

На востоке посветлело. Василий Евгеньевич медленно, раздумчиво произнес первые за всю ночь слова: «Сегодня 22-е июня 1971 года... 30 лет прошло...». Я, кажется, поняла, какие мысли посетили его в ту ночь.

12. НЕСУЩЕСТВУЮЩИЕ СТРАНЫ

В 1969 году было организовано Удмуртское отделение общества СССР – ГДР, и с тех пор его бессменным председателем является член президиума Удмуртского республиканского комитета защиты мира, доктор исторических наук, профессор университета В.Е. Майер.

Постоянно растет число коллективных членов и активистов, которые участвуют в конференциях и слетах, организуемых обществом, посещают ГДР, ведут воспитательную работу с молодежью в клубах интернациональной дружбы...

Участник Великой Отечественной войны В.Е. Майер продолжает активную деятельность по укреплению дружбы народов СССР – ГДР.

Комитет защиты мира

В правлении общества в разные годы вместе с Василием Евгеньевичем рука об руку работали хорошо известные в республике люди: В.Е. Владыкин – этнограф, проф. УдГУ, Ф.И. Васильев – поэт, А.И. Орлова – проф. УдГУ, Э.В. Кутыкина – секретарь Октябрьского райкома ВЛКСМ г. Ижевска и др. (назвала лишь имена людей, о которых слышала от Василия Евгеньевича).

Основы дружбы с ГДР начали закладываться нашей страной уже в конце войны и после ее окончания (в том числе и работа Василия Евгеньевича в лагере для военнопленных немцев; с немцами, привезенными из Германии в конце Великой Отечественной войны для работы на заводах Ижевска). Не интересуясь специально содержанием этой работы, я косвенно соприкасалась с ней.

Общества дружбы двух стран работали в тесном контакте.

«...Длительное время на строительстве и производстве Ижевского автозавода работали высококвалифицированные специалисты из Эрфурта. За это время отделение систематически проводило встречи в школах, заводских молодежных коллективах, со студентами высших и средних специальных заведений, в самых разных учреждениях» (из выступления Василия Евгеньевича на отчетно-выборном собрании общества в 1979 году. – Б.С.).

Сохранился план мероприятий Ижевского отделения общества на сентябрь-декабрь 1969 года для немецких рабочих. Назову только часть намеченные мероприятия без сроков и ответственных.

- *Посещение немецкими специалистами Татарского театра оперы и балета в Ижевске.*

- *Встреча преподавателей кафедры обработки металлов давлением Ижевского механического института с немецкими специалистами.*

- *Посещение кинотеатра.*

- *Автобусная прогулка по городу Ижевску и лекция об Ижевске.*

- *Встреча с работниками радио, печати и телевидения Удмуртии.*

- *Экскурсия в Краеведческий музей.*

- *Посещение детского учреждения.*

- *Вечер дружбы СССР – ГДР в УГПИ.*

- *Прогулка по Каме.*

- *Встреча с ведущими специалистами автомобильного производства.*

- *Поездка в совхоз или на опытную станцию.*

- *Встреча со студентами ИМИ.*

- *Лыжная прогулка.*

- *Встреча немецких специалистов с учащимися старших классов спецшколы №22.*

- *Беседа на тему «52 годовщина Великой Октябрьской социалистической революции».*

- *Показ демонстрации в Ижевске.*

- *Посещение квартир передовиков производства.*

- *Беседа о Советской конституции и конституции УАССР.*
- *Встреча с коллекционерами Ижевска.*
- *Поход в Ижевский цирк.*

Не берусь оценивать, но, на мой взгляд, план довольно насыщенный, мероприятия разнообразны.

В свою очередь немецкие специалисты приглашали правление Отделения на свои мероприятия. Так, коллектив монтажников фирмы VEB Erfurt приглашал в числе других Василия Евгеньевича и меня на вечер дружбы в кафе «Березка» 16 мая 1970 года.

Длинные столы, накрытые по-праздничному, цветы, конфетти. Приветствия двух дружественных сторон, короткие отчеты-сообщения о проделанной работе. Запомнилось, как немецкие молодые рабочие слаженно пели за столом, положив руки на плечи друг другу и раскачиваясь из стороны в сторону. Танцы. Смех. Веселье.

У нас сохранились сувениры, которые дарили Василию Евгеньевичу гости из ГДР. Кукла – Земной шар. Голова-глобус, на голове синий полубархатный цилиндр, такой же темно-синий костюм на ладной фигурке. Во рту – трубка мира. Если немного надавить куклу в области живота, из трубки кольцами выходит дым.

Другой сувенир – «книжка» – коробка с двумя отделениями внутри: откроешь обложку – и невиданные ранее у нас красивые пакетики с семенами различных цветов из Эрфурта радуют глаз.

Мы сеяли цветы на огороде, удивляя соседей непривычными для нашей местности растениями. Но часть не успели посеять, и книжка-коробочка хранится у нас с пустыми и наполненными пакетиками.

Общество дружбы ГДР – СССР регулярно высылало в адрес Ижевского отделения важнейшие издания популярной и партийной литературы, пропагандистские брошюры, художественную литературу, наглядные пособия, магнитофонные записи песен, рассказов, диафильмы, учебные фильмы на немецком языке, выставочные плакаты, фотовитрины.

Эти материалы появлялись у нас дома и передавались на инфак университета, в спецшколы, рассылались по районам Удмуртии в сельские школы, в клубы интернациональной дружбы.

Удмуртское отделение общества работало с разными группами населения.

Василий Евгеньевич лично и члены общества СССР-ГДР имели связи с клубами интернациональной дружбы, которых немало в Удмуртии.

Отрывок из письма в сарапульскую газету «Красное Прикамье» (Сарапул, 13.11.79) членов клуба КИД Сигаевской средней школы.

...В октябре прошлого года мы установили тесную связь с профессором Василием Евгеньевичем Майером – руководителем обще-

ства дружбы СССР – ГДР в нашей республике. С ним мы поделились планами, рассказали о своей работе. Василий Евгеньевич всегда находит время для нашего КИДа, регулярно пишет нам и высылает богатый наглядный материал.

От него мы получили отличный набор цветных фотографий для фотовитрины «XI конгресс Общества германо-советской дружбы» и выпустили фотостенд «Дружба-фройндшафт». Получили также набор фотографий-портретов «Немецкие коммунисты на стороне Советского Союза», который всегда используется в наших беседах.

Интересно прошло открытое заседание нашего клуба, посвященное пионерской республике имени Вильгельма Пика. Для его проведения очень пригодились цветные слайды, полученные от В.Е. Майера, и много другого интересного и полезного материала, который стараемся как можно активнее применять.

Через профессора В.Е. Майера мы пытаемся установить переписку с выдающейся прогрессивной немецкой писательницей А. Зегерс. Мы написали ей письмо и сейчас с волнением ждем ответа...

*Руководитель КИДа Сигаевской средней школы Т. Врачева
Президент клуба Н. Бурых*

Ижевское отделение общества было тесно связано со школами, где имеются КИДы имени Рихарда Зорге – героя Советского Союза. 6 января 1979 года при самом непосредственном участии отделения состоялся в Ижевске Всесоюзный слет клубов интернациональной дружбы, носящих имя Зорге.

На большой фотографии участники этого слета: пионеры, комсомольцы, ветераны Великой Отечественной войны и Василий Евгеньевич

А спустя некоторое время он получил письмо от зоргинцев из Казахстана, вернувшихся на родину с VII Всесоюзного слета.

Алма-Атинская, Каскеленский, Алмалыбак 6/26.

Здравствуйте, многоуважаемый Василий Евгеньевич! У нас у всех Удмуртия, Ижевск и Вы перед глазами.

...В Ижевске мы провели пять замечательных дней. Здесь и шефы нашей делегации учащиеся 10 класса школы №63, и руководители школы, и все люди вокруг доброжелательны. И вот открытие VII Всесоюзного слета зоргинцев. Великолепный Дворец металлургов сказочно украшен. Все до мелочей продумано, организовано. Идет слет. Много говорят о герое Советского Союза легендарном советском разведчике Рихарде Зорге, о традициях, выработанных юными зоргинцами. А затем замечательный незабываемый концерт заслуженного ансамбля «Италмас». Все было хорошо: и экскурсия по городу, и вечер в школе №63, и чудесная поездка по сказочному зимнему лесу в города Воткинск и Чайковский. Мы многому научились, приобрели много новых друзей и очень благодарны вашим зоргинцам.

...Когда мы узнали, что VII слет будет в Удмуртии, мы удивились: вот еще... где-то какой-то Ижевск... А с какой любовью, с какой гордостью мы рассказывали своим товарищам на заседании КИДа об Ижевске, обо всем, что слышали и видели. На родину доехали благополучно... Попали в один вагон с уральской делегацией слета. Тут и родилась песня... Не знаем, куда ее в Удмуртию послать, чтобы все наши друзья могли ее прочитать. Поэтому решили послать ее и заметку Вам и попросить передать ее по Вашему усмотрению. Мы провели у себя в школе заседание КИДа по итогам поездки на VII слет. Оформили фотовитрину «По Удмуртии», выставку сувениров и спели нашу песню. Приезжал корреспондент из республиканского радиовещания, записал выступления четверых делегатов слета и нашу песню «Зоргинцы-79». Вечером немецкое радио Алма-Аты передавало эту запись. О нашей поездке была статья в районной газете и скоро будет в «Neues Leben».

... Я по радио упомянула и о Вас, и даже цитировала из Вашего выступления на открытии слета. На стенде Ижевск и газета от Вас...

Президент КИД Ризен М.Р.

И песню, и заметку Василий Евгеньевич, скорее всего, передал по назначению. В бумагах их не оказалось.

Большая работа проводилась членами Президиума общества и в высших учебных заведениях, и на заводах. Только один пример.

...В УдГУ на факультете романо-германской филологии ведется работа под руководством А.И. Орловой, А.Н. Утехиной, О.И. Толстых.

Там состоялось заседание КИДа о культуре переписки, беседы на эту тему прошли в группах разных факультетов.

На конференции по теме «Немецкие художники-антифашисты» студенты 2-х-3-х курсов ознакомились с творчеством Кэтэ Кольвиц и супругов Грундигов.

«Впечатления о ГДР» – такие беседы проводились заведующим кафедрой В.В. Поздеевым, преподавателем О.И. Толстых, студентами, стажировавшимися в ГДР, не только на инфаке, но и на истфаке, в мед- и сельхозинститутах, перед рабочими и служащими на заводе пластмасс и на Буммаше.

В апреле 1981 года в общежитии №1 студентами 3-го курса проведен вечер, посвященный 95-летию со дня рождения Э. Тельмана, в марте 1981 г. – конференция к 100-летию со дня рождения Г. Манна, где студенты 4-го курса проанализировали произведения «Верноподанный» и «Юность Генриха IV». С докладом на немецком языке выступили студенты на конференции, посвященной Ф. Энгельсу.

Доцент А.И. Орлова читала лекции о Г.В. Гегеле, столетие со дня смерти которого отмечалось в ряде вузов Ижевска.

Систематически проводятся вечера о живописи ГДР, о творчестве выдающихся музыкантов, драматургов, кинорежиссеров. Особенно с большим успехом прошел вечер немецкой политической песни (из отчета Василия Евгеньевича, 1981 г. – Б.С.).

За работу с молодежью Василий Евгеньевич был награжден Почетной грамотой ЦК ВЛКСМ.

Василий Евгеньевич состоял в переписке с некоторыми учеными УАССР по вопросам интернационального воспитания. Так, доцент Глазовского пединститута К.В. Любимов, поздравляя его с Новым годом, пишет:

25.12.1979.

Уважаемый Василий Евгеньевич!

... Кончается очень удачный для меня 1979 год – год нашего повторного знакомства, и у меня появилась потребность послать Вам письмо, немного напоминающее и отчет, и план на ближайшее время. В 1979 году я оказался одним из призеров конкурса «Учительской газеты» в честь 30-летия ГДР.

...Посильное участие в работе Ижевского отделения Общества советско-германской дружбы входит в мои планы:

- я, безусловно, продолжу свою работу в реферативном журнале ВИНТИ Физика и буду писать рефераты на статьи методистов-физиков из ГДР;

- я надеюсь поддержать личные контакты с некоторыми КИДами Удмуртской АССР...;

- я буду рад получать от Вас материалы о ГДР (печатные издания, возможно, записи на пленке и т.д.), которые по своему усмотрению передавал бы на кафедру иностранных языков ГГПИ или в школы и т.п.

В научном плане я продолжу изучение учебников физики для школ соцстран. По последним сведениям новые учебники для 6-8-х классов школ ГДР начнут выпускать в 1983 году...

Всего доброго!

Ваш К.В. Любимов

В отчетном докладе Василий Евгеньевич за период 76-81 гг. говорится об установлении контактов с научными работниками и научными учреждениями ГДР.

Научные связи УдГУ с Берлинским, Лейпцигским, Иенским университетами стали традиционными. Мы постоянно получаем оригинальные научные издания, нас приглашают присылать свои научные труды для публикации. Члены Ижевского правления В.Е. Майер и

В.Е. Владыкин печатались в ряде научных изданий на немецком языке в ГДР и по международной линии.

В октябре этого года они участвовали в двустороннем коллоквиуме ученых СССР и ГДР по истории. Майер В.Е. выступал с докладом, принимал участие в прениях и произнес речь при закрытии коллоквиума. Коллоквиум проходил в Доме Дружбы народов в Москве и принес большую пользу и нам, и немецким коллегам из Центрального института истории АН ГДР, университета Гумбольдта, Лейпцигского университета.

...Ученые нашего города стажировались во многих городах ГДР. Там они не только сами учатся, но и читают лекции, проводят семинарские занятия. Некоторые учатся в аспирантуре и защищают диссертации в ГДР. Наши рецензии на книги немецких товарищей печатаются в центральных изданиях...

Сам Василий Евгеньевич состоял в переписке с некоторыми учеными ГДР, публиковался там. Он рецензировал работу немецкого ученого В. Мэгдефрау «Тюрингский союз городов в средние века» (Веймар, 1976 г.) Рецензия была опубликована в ГДР.

В письме ко мне сообщает: «...Получил отзыв на мою рецензию на книгу Мэгдефрау. Ю.Л. Бессмертному очень понравилась рецензия. Он считает ее творческой удачей. Там я высказываю довольно решительно свое мнение».

В. Мэгдефрау А.Н. Чистозвонову

Иена, 26.06.76.

...Теперь я могу Вам сообщить, что перевод статьи профессора д.и.н В.Е. Майера будет опубликован в следующем году в научном журнале Педагогического института Магдебурга и Иенского университета. Я весьма признателен Вам за Ваше дружеское согласие на это от 03.03.75.

Я могу также Вас информировать, что наша секция хочет пригласить д-ра В.Е. Майера в 14-дневную научную командировку в Иену в июне 1977 года. Я был бы Вам очень благодарен, если бы Вы поддержали наше намерение...

С выражением самого высокого уважения и лучшими пожеланиями.

Ваш Вернер Мэгдефрау.

Иена, 30.06.1976.

Глубокоуважаемый профессор доктор В.Е. Майер! Сегодня я хочу Вам сообщить, что опубликование Вашей статьи о производстве и торговле вайдой в немецком переводе состоится в следующем году, а именно в научном сборнике Магдебургского педагогического института Иенского университета. За Ваше дружественное согласие на

это в письме от 26 февраля 1975 года очень Вам благодарен. Одновременно я хочу Вас от имени нашей секции пригласить посетить Иену с целью обмена опытом в течение 14 дней в июне 1977 года. Ответьте мне, пожалуйста, скорее, когда Вы сможете приехать, чтобы мы могли продолжить наше социалистическое сотрудничество и в дальнейшем. С выражением глубокого уважения и приветом

Ваш В. Мэгдефрау.

P.S. Мы предлагаем срок с 6 по 20 июня 1977 г.

*Начальнику Управления кадров
МВ и ССО РСФСР тов. Попкову К.Д.*

Просим Вас разрешить командирование в г. Иену ГДР для участия в конференции по истории Германии XIV—XVII вв. и научной работы заведующему кафедрой всеобщей истории Удмуртского госуниверситета, д.и.н. профессору Майеру В.Е. с 6 по 20 июня 1977 года. Профессор В.Е. Майер получил приглашение принять участие в конференции истории Иенского университета доктора исторических наук, профессора Вернера Мэгдефрау.

Проректор по научной работе А. Тронин

Поездка в Иену не состоялась. Василий Евгеньевич пишет мне:

06.10.1976.

...Мои москвичи из сектора в отъезде в ГДР. Главное, поехали по моей проблематике. Но такие вояжи полностью монополизированы москвичами, а жаль. Думаю, что я принес бы большую пользу при решении подобных дел.

В декабре 1976 года Василию Евгеньевичу был вручен мандат делегата и приглашение Посла ГДР в СССР.

МАНДАТ №153

выдан тов. Майеру В.Е. делегату IV Всесоюзной конференции Советского общества дружбы с ГДР, избранному от Ижевского отделения СОДГ с правом решающего голоса. Центральное правление Советского общества дружбы с ГДР.

Чрезвычайный и Полномочный Посол Германской Демократической Республики в СССР имеет честь просить тов. В.Е. Майера пожаловать на коктейль по случаю IV-ой Всесоюзной конференции Советского общества дружбы с ГДР в среду 22 декабря 1976 года в 17.30 в Посольство по адресу: ул. Станиславского, 10.

Василий Евгеньевич был делегирован и на V конференцию.

В периодической печати он рассказывал о работе общества, о жизни ГДР, о совместной работе двух народов по укреплению дружбы:

«ГДР – первое немецкое государство рабочих и крестьян», «Крепнет дружба», «Крепить дружбу народов» и др.

Посол ГДР в Москве неоднократно посылал приветствия-поздравления к различным знаменательным датам. Одно из них:

*Сердечные поздравления и наилучшие пожелания в Новом году!
Хорст Биттнер, Посол ГДР в СССР.*

Я рассказала о некоторых направлениях деятельности Василия Евгеньевича в обществе – работа с немецкими специалистами, клубами интернациональной дружбы школ и вузов, со студенчеством, связь с учеными ГДР – разрозненные материалы которых были в бумагах Василия Евгеньевича.

Толстую папку с делами Правления общества передала В.Е. Владыкину, активному члену Правления, возглавившему его после ухода Василия Евгеньевича из жизни.

Когда же позднее обнаружила отчет Василия Евгеньевича за 1976-81 годы (черновик), была удивлена объему и многообразию работы по претворению в жизнь планов Правления общества, проводимой сотнями инициативных (подчеркиваю: инициативных) исполнителей, начиная от крупных ученых и кончая учащимися городских и сельских школ.

Шестнадцатилетняя работа Василия Евгеньевича председателем Правления получила высокую оценку со стороны партийных и советских организаций: Удмуртского Комитета Защиты мира, Ижевского горкома КПСС, Советского Комитета Защиты мира.

Уважаемый Василий Евгеньевич! Примите в день Вашего рождения самые сердечные поздравления и пожелания Вам крепкого здоровья, успехов в общественном движении сторонников мира.

*Председатель Удмуртского КЗМ М.Ф. Муравьев
Ответственный секретарь Е.А. Никифорова*

Уважаемый товарищ Майер Василий Евгеньевич! Благодарим Вас за активное участие в работе Правления отделения Общества дружбы СССР-ГДР, большую работу по интернациональному воспитанию трудящихся города. Желаем Вам доброго здоровья, творческих успехов в труде и общественной работе.

6.12.78. Отдел пропаганды и агитации Ижевского ГК КПСС

ПОЧЕТНАЯ ГРАМОТА № 1

Москва, 16 февраля 1973 года

Майер Василий Евгеньевич награждается Почетной грамотой Советского Комитета Защиты мира за активную деятельность по укреплению мира между народами.

Председатель Советского комитета защиты мира (подпись)

13. МОЙ ДЕДУШКА ВАСЯ

В квартире на Красноармейской из-за шума невозможно было работать, и город выделил Василию Евгеньевичу жилье на улице Советской в старом доме на четвертом этаже, опять без горячей воды. Хотя все окна выходили на север на проезжую часть дороги с большим движением, здесь было гораздо спокойнее и тише. Правда, вечером по двору, заставленному ящиками, бочками и другой тарой от магазина «Чулок» (мы жили над ним), ходить было страшно. Да и подъезд – угловой – был очень глухим и неприятным.

Квартира произвела на меня, не слишком привередливую, не самое лучшее впечатление. Но ректор УГПИ, по словам Василия Евгеньевича, обещал отремонтировать ее так, как я захочу. Институту было выгодно получить дополнительную площадь от города.

Я абсолютно не вмешивалась в ремонт, но две женщины от института, маляры, две подруги, сделали все очень хорошо. Стены и пол оклеили марлей, чтобы избежать шероховатостей. Комнаты покрасили по тогдашней моде в разные цвета: спальню – в светло-вишневый, гостиную – в светло-изумрудный, большую комнату для детей – в светло-лимонный. Очень приятные пастельные тона. Пол светло-коричневый и очень гладкий. И стены, и пол меня радовали, но сильно огорчало отсутствие горячей воды: стирать приходилось много, а охлажденные еще в войну суставы рук сильно давали о себе знать.

Из довольно обширного коридора попадаем в гостиную: одно окно, диван, на котором спит Таня, пианино, телевизор, раздвижной стол, за ним занимаюсь я; большие настенные часы с боем, подаренные Василию Евгеньевичу. Комната проходная. Дверь налево ведет в спальню-кабинет Василия Евгеньевича. Здесь его письменный стол, первый за все время. Раньше он занимался за общим столом с детьми, что было неудобно. Там же два книжных шкафа, стеллажи для книг большого формата, шифоньер и кровать. Здесь тихо, если не считать, что ночами наверху дерутся слепые подвыпившие муж и жена и рядом в квартире одинокой женщины временами шумно гуляет скопище пьяных.

Третья комната, лимонная, большая изолированная с окнами на север и на восток. Здесь же малюсенький балкончик: два человека не вместятся. Стенка с книгами Тани и Толи, столы для занятий детей; диван-кровать Толи и шифоньер.

Кухня сравнительно большая: широкий стеллаж для посуды, большой квадратный раздвижной стол, мойка, газ, буфет. Солнечная, приятная кухня.

Помню, как я во время отсутствия Василия Евгеньевича запарилась с большим количеством огурцов. Неожиданно приехали Лариса с Робертом, и вмиг все огурцы были вымыты, уложены в большие каст-

рюли и засолены. Это так меня обрадовало! А Роберт похрустывал свежими огурчиками.

Теперь мы жили недалеко от вуза. Перейдешь Советскую – и тебя на улице Гоголя встречает молодая кленовая аллея свежей зеленью весной, тяжелым золотом листьев осенью, сверкающим серебром инея зимой. Пройдешь по ней – и настроение поднимается.

А там и рукой подать – знакомое четырехэтажное здание, где на втором этаже находится литфак, а на четвертом – истфак. Мы любили пройти по этой аллее и в утренние часы, и вечером, когда возвращались с работы.

Сюда, в эту квартиру, к нам приезжали родные: Рая, Каля, Володя. Мы познакомили их с городом, показывали памятные места. Особенно их восхищал пруд, к которому от площади ведет широкая лестница, монумент «Дружбы» у ее основания и голубой простор, открывающийся взгляду.

Часто ездили в огород. Работа и отдых там доставляли большое удовольствие. Почти еженедельно в квартиру на четвертом этаже приезжал Толя. Он, окончивший исторический факультет, работал учителем в сельской школе.

Здесь у нас часто бывали друзья, коллеги Василия Евгеньевича. 1 мая, 7 ноября на улице под окнами шумела, смеялась, пела колонна преподавателей и студентов УдГУ в ожидании команды, чтобы двинуться на площадь к правительственной трибуне.

Василий Евгеньевич, а с ним четыре-пять человек коллег поднимались на четвертый этаж, чтобы согреться стаканом чая или пропустить стопочку. Жареные пирожки всегда ожидали их. Уходили одни, поднимались другие, веселые, нарядные, праздничные.

Забегала стайка студентов-историков, товарищей Тани. Располагались в средней комнате на полу (привычка археологов?). Из нескольких видов варенья к чаю предпочитали то, исходный продукт которого я держала в тайне.

Праздничная суета. Шумно. Весело. Радостно.

В этой квартире у нас часто гостили глазовские внуки Роберт и Ростислав.

После смерти Василия Евгеньевича в письме к Роберту в армию я просила его написать, что помнит он о своем деду. Его воспоминания связаны с пребыванием у нас именно в этой квартире.

Дедушку, бабушку и всех остальных Майеров я помню со времени, когда они жили в большом П-образном доме по улице Советской. С одной стороны дома был магазин. С другой – арка с выходом на трамвайную остановку. Я часто выходил гулять во двор.

Бывало, бабушка возила меня в сад-огород и просто по городу.

Гулял со мной и дедушка. Мы с ним всегда о чем-нибудь говорили; он показывал мне Ижевск, памятники культуры, церковь. Рассказывал разные истории.

Одну из них я помню до сих пор.

...Очень давно жили древние люди. Когда они умирали, их закапывали в землю вместе с орудиями труда. Причем перед захоронением цепочка людей проходила мимо могилы, и каждый посыпал умершего каким-то красным порошком. Только после этого могила заваливалась землей.

Прошло много лет. Ученые, производя раскопки, наткнулись на кости, лежащие вместе с оружием и другими предметами. Они были красного цвета.

Я был тогда достаточно мал. И этот рассказ произвел большое впечатление. Он меня скорее напугал, чем заинтересовал: везде мерещились красные скелеты и, видно, поэтому я так хорошо его запомнил.

Позже, в классе шестом-седьмом, когда мы с дедушкой ездили в археологическую экспедицию, я собственными глазами видел, как ведутся раскопки. Студенты УдГУ раскапывали могилы, находили кости животных, скелеты людей. Потом преподаватель показывал, как по скелету определить мужчина это или женщина.

Там, в экспедиции, я начал вести свой первый дневник, ежедневно записывал туда события дня. Дедушка говорил, что это очень поможет научиться думать, правильно оценивать себя и других.

Мы побывали в Кунгурской пещере, посетили собор в Перми, где была картинная галерея. Дедушка показывал картины, рассказывал, что и как надо понимать.

В Ижевске мы ходили в музей университета, краеведческий музей, где я узнал историю города и республики.

Надо сказать, что дедушка заботился о моем развитии. Книги, рекомендованные для чтения и просто подаренные, занятия по английскому языку, экскурсия по лабораториям университета, наконец, археологическая экспедиция - все это делалось для того, чтобы я был немножко умнее, правильно выбрал свой путь.

Дедушка ничего не жалел для нас с Ростом: понравился какой-нибудь конструктор – пойдем купим, нужна книга – бери, только поставь на место, хочешь что-нибудь узнать – пожалуйста.

Как-то мне понадобилось научиться конспектировать. И я обратился к дедушке. Он сказал: «Добре!» – и на следующий день мы конспектировали «Задачи союзов молодежи» В.И. Ленина.

Что мне еще нравится в дедушке, так это то, что он со всеми был в ладах, на всех действовал успокаивающе.

Он часто помогал бабушке по хозяйству, иногда готовил обед. Особенно любил сад-огород, где частыми гостями бывали и мы.

Однажды после работы в саду за чаем в домике дедушка начал рассказывать про свою родню и вообще, откуда пошла наша фамилия. Дедушка гордился ею, наверное, поэтому он часто обращался к нам по фамилии: «Как дела, Майер?» Сам он сделал так, чтобы фамилия Майер стала фамилией крупного ученого, автора многих статей и книг.

Дедушка искренне радовался нашим успехам: будь то работа в кружке, победа на олимпиаде, хороший доклад – и, я уверен, хотел, чтобы мы тоже «держали марку», не опозорили Майеров.

В этой же квартире, развернув утром «Удмуртскую правду», прочла:

Указ Президиума Верховного Совета Удмуртской АССР о присвоении почетного звания Заслуженного деятеля науки Удмуртской АССР

За заслуги в области науки присвоить почетное звание заслуженного деятеля науки Удмуртской АССР.

1. Майеру Вильгельму Евгеньевичу – доктору исторических наук, заведующему кафедрой всеобщей истории Удмуртского государственного педагогического института...

Председатель Президиума Верховного Совета Удмуртской АССР

П. Сысоев

Секретарь Президиума Верховного Совета Удмуртской АССР

Е. Никифорова

Ижевск 23 октября 1970 г.

Василий Евгеньевич открыл шампанское. Я поздравила его. А потом он несколько дней принимал звонки и открытки с поздравлениями друзей, коллег, студентов. Вот одно из них:

Дорогой Василий Евгеньевич!

Поздравляем Вас с 50-летием Удмуртии и разделяем радость и гордость с присвоением Вам почетного звания Заслуженного деятеля науки УАССР.

Пусть и впредь Ваш ум, душевная сила будят в студентах тягу к знаниям, любовь к искусству быть педагогом, Человеком на Земле.

Супруги Колесниковы.

Василий Евгеньевич умел слушать людей внимательно, заинтересованно, так что ему хотелось рассказывать.

Когда кто-либо из детей-дошкольников прибежал со двора в слезах, спокойно выслушивал его, не перебивал, давая выговориться. А когда сын успокаивался, вместе с ним разбирался в сущности конфликта, ста-

ва вопросы так, что сыну невольно приходилось признавать, что и он виновен в возникшем недоразумении. И вместе думали, как же быть дальше. В редких случаях он принимал сторону нашего ребенка, и я не помню, чтобы он когда-либо обвинил соседских детей, хотя и отмечал, что тот или иной их поступок был неправильный.

Не отмахивался от вопросов ребят, когда они уже стали школьниками и конфликты случались серьезнее. Если что советовал детям, то не «в лоб», а как-то незаметно подводил разговор так, что сын будто сам доходил до этой мысли.

Порой обсуждал с ними темы их докладов, а иногда и сочинений.

Чтобы не быть голословной, сошлюсь на следующий пример. Дочь-восьмиклассница писала сочинение-миниатюру на тему: «Почему Гоголь дал помещице имя Коробочка?» (что-то в этом роде).

Домашние высказывали ряд предположений:

- Для нее характерна ограниченность, замкнутость на своем хозяйстве.

- Она свое добро держит в бесчисленных мешочках, коробочках и т.д.

- А учитывает ли кто из вас, что Гоголь был историком? – интригующе спросил Василий Евгеньевич. Да, припомнили. Но дальше не пошли.

- А что он хорошо должен был знать мифы Древней Греции? Возник ряд предположений, но... увы.

- Может, еще Пандору вспомните?

Ну конечно же! Любопытная Пандора открыла запретную коробку, и все зло: сплетни, наговоры – вышло наружу.

Не кто иной, как Коробочка, продав Чичикову души усопших и боясь, что продешевила, поехала в город узнать, почему там ходят мертвые души. Тем самым она выпустила на свет авантюру Чичикова, тщательно им скрываемую.

Не помню, приняла ли учительница такое толкование, но нас оно удивило, казалось бы, несоединимыми понятиями: коробочка в руках Пандоры и Коробочка – помещица, хотя сущность, пожалуй, была одна.

Я тоже не всегда могла удержаться, чтобы не рассказать о превратностях и непредсказуемости школьной жизни.

«Запиши, – говорил Василий Евгеньевич, выслушав меня. – Возьми ручку, запиши так, как ты мне это рассказала»... – «Вот еще! - смеялась я. – Время тратить».

Итак, я и дети делились с Василием Евгеньевичем своими неудачами и радостями, часто получали дельный совет. Но и он испытывал потребность рассказать, обычно за ужином или вечерним чаем, как прошел день, об интересных встречах, событиях. Особенно любили слушать его рассказы, когда он возвращался из поездок в Москву, Ленинград, по Удмуртии. Он выделял события, которые, с его точки зре-

ния, были интересны нам, рассказывал о сложных ситуациях и поисках выхода из них, о пережитом и прочитанном.

Поэтому его деятельность не была скрыта от нас семью печатями. Такое общение создавало атмосферу теплоты, взаимопонимания. Нам нравились эти спокойные вечера, и мы их ждали.

Но об университетских делах рассказывал мало и скупое. О неприятностях, трениях, иногда ЧП – они время от времени случаются в большом коллективе – умалчивал, не сетовал на людей, не занимался бесплодной критикой.

И когда однажды, услышав на стороне о чем-то нехорошем в УдГУ, я спросила об этом Василия Евгеньевича, он кратко рассказал, но сразу же спросил: «Теперь ты знаешь? И что тебе это дает? Ничего, кроме волнения. Больше не спрашивай. Что надо – сам расскажу». Он не хотел вносить негатив в семью.

Но о хорошем сообщать любил. Чаще всего одной фразой, в подробности вдавался редко. Я порой слышала высказывания, подобные этим:

- Как удачно провел семинарское занятие А.
- Открытая лекция Б. была глубока по содержанию и своеобразна по форме.
- Студентка В. так тщательно продумала урок, что не прибавить, не убавить.
- Д. опубликовал статью. Основательная.

Произносил он эти и подобные фразы как бы сам для себя, с чувством глубокого удовлетворения: он умел радоваться успехам коллег, как своим собственным.

Откуда бы и когда ни возвращался Василий Евгеньевич – из длительной командировки, с совета университета, с лекции и т.д., – домой он приносил всегда хорошее настроение.

Приходил разным: то озабоченным, то веселым, то спокойным, то сосредоточенным, – но никогда недовольным, раздраженным, тем более злым. А большей частью – с улыбкой, теплой и ласковой: «Приветствую... Ну, как вы тут?» Покой и радость вносил он своим появлением в нашу довольно сложную семью.

14. ЛЕКТОР ОБЩЕСТВА «ЗНАНИЕ»

После ухода Василия Евгеньевича из жизни, разбирая его бумаги отложила в сторону Почетные грамоты, которыми общество «Знание» награждало его.

Выписала названия многих наград и даты их вручения и задумалась. Неожиданно представился весь тот длинный путь, который прошел Василий Евгеньевич как лектор общества «Знание», работающий с разными категориями людей. Его слушали колхозники на полевых станах;

учителя школ в ИИУ№ и партийные работники в университете марксизма-ленинизма, школьники НОУ – научное общество учащихся – во Дворце пионеров; солдаты в воинских частях Удмуртии; ученые Ижевских вузов (медицинского твердого тела в их «альма-матер»); работники народного образования, директора школ; городских и сельских, выезжал он на Уву, в Сарапул, Глазов, Воткинск, Селты; слушали немецкие рабочие из Эрфурта, возводящие объекты в столице Удмуртии, заключенные в тюрьме; врачи в поликлинике № 76 (г. Ижевск); рабочие завода в Венгрии...

Тематика его лекций довольно обширна. Это и международная обстановка, и положение внутри страны, знаменательные даты, и искусство, и проблемы воспитания и образования. В середине 70-ых годов Василию Евгеньевичу поручили руководство секцией научного атеизма в обществе «Знание». Эта область деятельности мне меньше знакома, но, сталкиваясь с ней, я обогатилась многими знаниями.

А сколько волнений перед встречей с незнакомой аудиторией! Сумеешь ли донести материал до ума и сердца слушателей, сумеешь ли удовлетворить их запросы и ожидания. И радость, когда аудитория приняла тебя, главное то, о чем ты говоришь.

Кто читал публичные лекции, знает, как сложна бывает разработка новой темы, обдумывание ее, подбор, изучение литературы, определение композиции.

Нередко лекцию на новую тему начинал готовить исподволь, за много дней до момента чтения. Сначала на листе появлялось название темы. Время от времени в течение ряда дней записывалось то отдельное слово, то целые абзацы: мысли, возникающие по теме в ходе других дел. Потом набрасывались наметки плана и т.д. Я как-то поинтересовалась, есть ли материал по его теме и использует ли он его. «Да, есть и обширный. Но я хочу сначала все выудить из своей головы, чтобы не обрести покорно за другой, более осведомленной. Хочу иметь свою точку зрения, свой подход, чтобы можно было с радостью соглашаться с уважаемыми авторами или спорить с ними». «Выудив» все мысли по теме из своей головы, принимался за литературу.

Иногда я слышала: «Ага, и он так же думает. Добре. А вот здесь я с Вами уважаемый, не согласен». В мысленных диалогах рождалась содержательная и оригинальная по композиции лекция.

Передавая свои знания людям, Василий Евгеньевич постоянно учился сам. Две полки книжного шкафа в его кабинете занимали книги, связанные с проблемами христианства. Это и специальная литература, и художественные произведения, и брошюры, изданные обществом «Знание».

Здесь же Библия, Коран. Вдумчиво читал их Василий Евгеньевич, чтобы аргументировано отвечать на вопросы слушателей. Некоторые места зачитывал мне.

Много лет выписывал журналы «Наука и жизнь», «Наука и религия», журналы содержательные и хорошо иллюстрированные. Вся семья с интересом читала их.

Большой школой для Василия Евгеньевича как лектора было посещение музеев, так или иначе связанных с проблемой религии.

В Ленинграде несколько дней работал в залах Казанского собора, тщательно изучая материалы о религиозных средневековых течениях и их борьбе.

А залы Эрмитажа мы осматривали несколько раз выборочно. Василий Евгеньевич заранее говорил, полотна живописцев будем смотреть сегодня, и по пути рассказывал мне библейскую легенду, лежащую в основе сюжета картины, с которой нам предстоит встретиться. Я рада, что мы не бродили до отупения по бесчисленным залам музея, а заранее знали на встречу с каким художником идем. Я даже сейчас в свои 77 лет живо представляю знакомое расположение картин, их сюжеты и то впечатление, которое они произвели на меня.

В Третьяковской галерее живописное полотно Иванова «Явления Христа народу» поняла и приняла только после того, как посмотрела его вместе с Василием Евгеньевичем. Он ненавязчиво, но ярко и убедительно раскрыл ее смысл. И я – уже без Василия Евгеньевича – подолгу простаивала перед ней.

Были мы с Василием Евгеньевичем и в Третьяковской галерее и в залах старинной иконы. Его интересовала не только сюжетная сторона иконы, но и техника ее написания. Ни в одном музее он не задавал экскурсоводу столько вопросов, сколько в этих залах. И несколько раз разговор Василия Евгеньевича и экскурсовода превращался в заинтересованную беседу двух людей, от специфических терминов от которых мне становилось скучновато. Но они переходили от иконы к иконе в разных местах зала, вновь возвращаясь к уже рассмотренным, и говорили, забыв о времени. А потом жали друг другу руки и горячо благодарили друг друга.

Архангельскому собору в Кремле мы тоже отдали немало времени. Экскурсоводом для меня был сам Василий Евгеньевич. Он рассказывал и обращал внимание на различные предметы церковного обихода, великолепно выполненные и расписанные искусными мастерами, говорил об их назначении. Иногда не мог отвести восхищенного взгляда от вещей, украшенных тончайшей резьбой, от икон, написанных известнейшими художниками. Все это его интересовало и как предметы культа, с которыми он как атеист-пропагандист должен быть знаком, и в большей степени как изумительные произведения искусства.

Большое впечатление на Василия Евгеньевича произвели древнерусские города Вологда и Загорск, где ему посчастливилось побывать. Ниже два письма Василия Евгеньевича из тех мест.

Вологда 13.10.71.

Добрый день, Борислава, Толя и Таня!

Мы (Василий Евгеньевич и Н.И. Санников – Б.С.) в Вологде, и я не могу не поделиться своим большим впечатлением, какое на меня произвела русская старина. Вологда – ровесница Москвы. Ее заложили в 1147 г. на несколько месяцев раньше Москвы. Иван IV хотел основать здесь новую столицу. При нем был построен Кремль, который отлично сохранился. На высоком берегу реки Вологда белокаменный сравнительно небольшой Кремль, с прекрасными церквями, собором св. Софии и часовнями. Внутри красивый двор. Кремль, как и вся Вологда, на ровном месте – на ладони. Тут много особняков дворянских и купеческих. В городе много новых зданий, строится прекрасный почтамт, скверы заложены в стиле классическом.

Мы приезжали первыми. Сегодня мы ходили на экскурсию в кремль на выставку икон. Могли бы в другой раз, но уезжает лучший знаток иконографии Ирина Александровна Пятницкая. Не жалею. Она отлично знает свое дело.

Вначале она нас постепенно ввела в понятия иконографического характера. Висит икона св. Петра XIX в. Написана сусалью, как сотни и тысячи подобных. Внимание исследователей привлекло то, что она написана на доске, обработанной топором, т.е. доска древнее написанной иконы.

Глазам не видно, что доска обработана сделана топором. Определяют наощупь. Кроме того, она состоит из двух досок, соединённых шпонкой (это поперечные сцепляющие перекладки) сзади, чтобы «не была слаба на расселины» и, действительно, доски нигде не расходятся.

Чтобы на дереве не были трещинки, доски томилась, т.е. их сушили при разных температурных условиях, клали на мороз, в жару, в тень и солнце, соблюдали определённые закономерности томления. Вокруг иконы оставляли выступающую из доски рамку, т.е. её ковчезничали и лузговали, т.е. рамку с внутренней стороны специально обрабатывали, чтобы она не завела трещины. Доска имеет форму удлиненной доски, а не квадратную. Все это не характерно для XIX в. Поэтому было подозрение, что под иконописью имеется более древний иконографический текст.

Оказалось, что и 2-ой слой после обработки 1-ого и снятия его скальпелем не был первым. Только 7-ой слой был окончательным.

Оказывается, икона эта была сделана в XVI в. Ей около 500 лет! Сюжет совершенно иной. Реставраторы сняли пробу: на левом углу иконы сняли 6 слоев и докопались до основы.

Выяснилось, что икона была написана на тему успения Марии. Она многоликая, сюжетная. Писали её темперой, земляными красками, разведённым экстрактом яичного желтка. Темпера светится прекрасными красками, но вскоре жухнет. Её поновляют олифой. По-

том заново уже другой художник через десятки лет её возобновляет по просьбе владельцев. Он принадлежит к другой школе, к иной эпохе. Ему само произведение претит по духу, он невольно делает хуже, чем оригинал.

Всё начинается сызнова: икона жухнет, её поновляют и т.д. Наконец, она уже не удовлетворяет самих владельцев. Тогда пишут на ней новый сюжет. Не пропадать же томлёной доске! Кто-то окрестил в прошлом иконопись - живопись великого молчания. Экскурсовод говорит, что Гегеля привела в неопикуемый восторг – русская икона, выставленная в Ватикане. Он запросил русскую академию наук, кто автор. По поручению. Ему ответил Карамзин! Он перерыл все об иконах и вынужден был признать, что авторы безызвестны. Были Рублев, но потом все неизвестны.

Дальше. Последовал рассказ о различных школах в 4х планах: философском, эстетическом, историческом и мастерстве. Останавливались на 3-х школах – Московской, Новгородской (вскользь) и Вологодской (отлично!). В Москве Николай был угодником. Так его толковали и новгородцы, а в Вологде – «Никола, давай помоги!» Он многосторонний помощник, специалист. Экскурсовод говорит, что когда она пыталась с переводчиком объяснить это одному ГДР-овскому немцу, тот после долгого непонимания воскликнул: «А, партайгеноссе!»

Богоматерь у всех русских изумительна. Показала она официальную богоматерь с младенцем. Суровая. Каноническая. Она давалась воину для вдохновения. Обычно по краям её писали сюжеты на тему акафистов; восхваления: «Славься богоматерь Вологодская, защитница всерусская!» А вологодские иконографы часто писали совершенно не дружеские сюжеты. Это целая история.

В музее сидит деревянный Иисус. Оригинальная работа. Такой знакомый облик мужика-заморыша: огромные ступни, мощные кисти рук, маленькое туловище, узкое лицо, обросшее легко усами и бородой. На голове терновый венок. Всё изумительно.

«Идущий на казнь разбойник» – вообще неповторимая икона. В портках, с крестом на плечах и нимбом на голове рвётся на казнь (вместе с Иисусом) разбойник. На голое тело портки, внизу вышитые штанины. Такие штаны-портки, держащиеся на гашнике, называются попыхами. Отсюда наше выражение «впопыхах» (в портках выскочил на люди). Думаю, такой иконы вообще нигде не найти.

Некоторые иконы «Архангела Михаила» написаны в стиле барокко! Есть иконы, подписанные несколькими авторами. Их искусство говорит о том, что они знали западноевропейские школы голландскую, итальянскую и др. Эта икона относится к XVII в., может быть, до XIX века.

До XVIII иконы – это лучшее отображение действительности России, её истории, философии, духа народного.

В воскресенье едем в Кирилло-Белозёрский Ферапонтов монастырь за 140 км. Приеду во вторник. Тут всё интересно.

Возле Кремля ров. Говорят, там разбили поляков в XVII веке перед Мининым и Пожарским.

Иван IV отказался от идеи построить здесь столицу, потому что на него упал камень при осмотре строительства.

Во дворе сидит каменная баба из Коми АССР и некоторые природные образования, напоминающие облик людей. На любой выставке они сошли бы за модернизм.

Пока всё. Не выбрасывайте это письмо. Всего доброго.

Ваш папа.

Удмуртское отделение общества «Знание», как поощрение, время от времени предоставляло лекторам путевки на юг в пансионат Геленджика. Как он отдыхал там в июле 1971 года Василий Евгеньевич рассказывает в письмах домой. Вот три из них.

Геленджик.

Добрый день, дорогая Боренька! Здравствуйте, ребята. В пансионат прибыл к вечеру. От моря веяло прохладой. Над горами и прибрежной полосой висел легкий туман. Не было и особенно жарко эти два дня, что я здесь. Погода самая подходящая для акклиматизации.

Наш пансионат стоит в 150 шагах от моря. До него приходится добираться через железнодорожное полотно. Через каждые несколько минут мимо громяхают пассажирские поезда: все они идут либо из Москвы в Адлер, Гагры, Сухуми, Тбилиси, либо наоборот, оттуда в Москву. Сочи от нас тоже в сторону Москвы. Находимся между Адлером (туда 15 минут езды на автобусе) и Сочи (1 час 32 минуты езды)

Ближайшие пансионаты от нас находятся на расстоянии около 700 м слева и права, тоже в таком же расположении к морю. Все это семи-восьмиэтажные корпуса. В нашем 227 комнат. Я живу в 26 на седьмом этаже. Воздух здесь чистый. С вечера до утра свежий. На первых этажах мне не понравилось. Там, кажется, воздух затхлый. Комната небольшая, с современным санузлом и душем. Вода приятная, можно пить некипяченую. Есть две тумбочки, два стула, кресло, столик, шкаф в стене.

Со мной живет товарищ из Тулы. Днем к нему приходит сыночек, который находится где-то на частной квартире. Горы у нас тоже недалеко, через шоссейную дорогу в другую сторону от моря. Они кажутся не особенно высокими. Все они покрыты растительностью. Между пансионатами в долине тянутся улицы местных жителей. Их домики утопают в зелени. Перед каждым домиком под тенью виноградных лоз и гирлянд роз стоят весы, точно такие, как у нас дома, рядом лежат фрукты: сливы, груши, абрикосы, яблоки – и на бумажках указаны цены. Подходи, взвешивай себе, сколько надо, заплати и заби-

рай свою попку. (Василий Евгеньевич зовет меня приехать к нему и подробно пишет, как все это устроить. – Б.С.).

Геленджик, 20.06.71.

Здравствуйте, мои дорогие! Остались считанные дни. Все же отдыхать так долго одному скучно, несмотря на шутки, анекдоты, кино, концерты, прогулки на катере, морские купания, хождения по набережной.

С первых минут думаешь, а что дома, как живут, что делают, не болеют ли, не ссорятся, все ли на работе в порядке?

Второй день идет дождь, но тепло. Сегодня до обеда мы катались на лодке. С самого начала я вошел в коллектив отдыхающих как равный с равными. Даже своему напарнику я только два дня тому назад сказал, что профессор. Остальные же и не подозревают этого. Быть просто отдыхающим весьма приятно. Это ни к чему тебя не обязывает, поэтому можешь, когда хочешь, поддержать беседу или молчать, никто не посмотрит на тебя с упреком или в ожидании. У всех душа нараспашку, все хотят быть знакомыми с тобой, давать советы, что-нибудь рассказывать. Мой напарник – большой весельчак, знает множество стихов и может их цитировать на всякие случаи жизни. С новыми людьми знакомлюсь первым я. Он же вносит оживление, смех, таинственность. Он на год моложе Вилли, поэтому мы постоянно общаемся с молодежью студенческого возраста. Иногда я смеюсь до слез от их рассуждений об учителях школы, о преподавателях, доцентах и профессорах вузов. Все вспоминают самые пикантные случаи из своего малого жизненного опыта. Все же среди нас много людей со всякими самыми глупыми странностями, если молодежь так много отрицательного видит. В то же время об отдельных отзывах весьма тепло, а это особенно приятно.

Желаю Вам всего наилучшего.

Ваш папа.

Здравствуйте, Борислава и Таня! Вчера ездил на озеро Рица и получил огромное удовольствие. Много, конечно, зависело от замечательного экскурсовода. В начале казалось, что рот недостаточно широко открывает, но это вскоре было опровергнуто. Он постоянно комментировал все, встречаемое на дороге, которая длилась до озера 3,5 часа. Главное, он рассказывал многопланово о природе, строениях, истории, обычаях народа, их легендах. Жаль, не все запомнилось. Он был остроумен, что немаловажно в пути.

Мы из Сочинского района ехали в Адлеровский, а оттуда в Абхазию, где и находится озеро. Пришлось подняться на высоту 920 м. Но горы вокруг озера значительно выше. Их вершины покрыты снегом, который как бы сползает с них. Высоко в горах находятся альпийские пастбища, где пасется скот. Еще выше надальпийские пастбища,

там водятся дикие животные. Вода в озере удивительно синяя, что говорит об ее чистоте. Всем ресторанам, расположенным там, я предпочел абхазскую кухню. Это сооружение из плетеных прутьев, крыша с довольно значительным отверстием. Внутри, прямо на полу, горит огромный костер из сосновых поленьев, каждое из которых имеет 25-30 см в толщину и в длину не менее метра. Над костром на железных крюках висят длинные куски мяса. Так готовится шашлык. Продавец снимает сразу весь кусок и спрашивает: «Вам сколько?» Сам же он показывает ножом, сколько ему хотелось бы, чтобы у него взяли. Потом отрезает кусок, взвешивает его и, разрубив на мелкие ломтики, кладет на тарелку. Затем наливает в другую тарелку мамалыгу, а в блюде – соус. Поверх мамалыги он кладет сыр. Кроме того, по желанию наливает стакан вина. Вилки и ложки нет. Поэтому все это берешь на один из столов, сооруженных из досок тут же под деревьями, и, помыв руки под краном, ешь. Обед острый. Мне особенно понравился шашлык. Он пропах сосновым дымом. Казалось, он копченый, а он жареный. Снаружи немного жесткая шкурочка, а внутри исключительно мякоть.

С Рицы мы отправились в Пицунду. Кроме знаменитой рощи из знаменитых пицундских сосен, мы видели церковь X века и были в музее. Из Пицунды поехали катером. Вначале держали курс на юг, чтобы осмотреть новый курортный городок, сооруженный для себя ГДР и ЧССР. Когда мы возле него сделали круг и легли на обратный курс, нас сопровождали дельфины, которые подходили весьма близко к катеру.

На обратном пути делали остановку в Гаграх, где побывали в крепости и осмотрели сад.

В конце концов дорога оказалась утомительной. Выехали в 7.30 утра и вернулись в 7.30 вечера. Есть экскурсии и более длительные, по три дня, но я не ездил. Это весьма утомительно.

До этого ездил в Сочи, где посетил музей Н.А. Островского. Он, как нам известно, жил здесь в домике, который ему был подарен правительством. Здесь он писал свой второй роман «Рожденный бурей». В домике сохранилось все, как было: кровать, портфель, транспаранты и т.д. Рядом с его рабочей комнатой крошечная комнатка секретаря. Там же книги – «Энциклопедический словарь» Брокгауза и т.д. Впритык к этому домику построен музей. В нем немного вещей, зато вряд ли где-нибудь в подобном учреждении встретишь такое обилие благородных мыслей о Родине, героизме, любви, гуманизме.

Был в дендрарии, но там, в отличие от Никитского ботанического сада, все свежо и в сохранности. Субтропик.

Желаю Вам всего доброго. Сегодня Таня пишет сочинение, я особенно желаю успеха. Целую

Ваш папа.

Мы давно хотели съездить в Загорск посмотреть старину, но все как-то не удавалось. В 1974 году Василий Евгеньевич был на ФПК в МГУ, он посетил этот старинный русский город и подробно обрисовал виденное в письме, я получила такое яркое представление, как будто все это видела своими глазами.

Москва, 23.11.77.

Здравствуй, дорогая Боренька! ...Был сегодня в Загорске на экскурсии. Это лавра, то есть мужской монастырь, основанный в XIV веке Сергием Радонежским. Помнишь, я рассказывал, что это выдающийся деятель, который имел огромное влияние на весь Северо-запад. Кирилло-Белозерский и Ферапонтов монастыри тесно связаны с его именем. В Загорск мы ехали на экскурсионном автобусе. Было всего двадцать человек. По дороге в Ярославль в основном была ровная местность, но вдруг начались холмы, а за ними сразу и был Загорск. Сейчас это городок в 150 тыс. жителей.

В лавре – духовная академия. Поэтому было весьма много обучающихся. Все они в зимних черных платьях, но головные уборы были разные, главным образом, клобуки, но и шапки, а иногда и ничего, только длинные волосы. Довольно большие группы шли через двор лавры из общежития (кельи) в учебное заведение. В двух местах служили: в Трапезной и в Троицкой слободе. Это было такое же представление с разноголосьем, как в молельне. Был народ русский с разных мест. Удивительно много было мужчин. Женщины худые, как жердочки, от постов, наверное. Стояли и на коленях, били поклоны, много пели. Пели все. Все было как красиво заученное. Только нищие казались откуда-то из другого мира. Вообще странно, что все проводится так публично. Ну а здания и внутренняя обстановка — все это знакомо. Из действующих на меня большое впечатление произвела трапезная 1683-1692 гг. в стиле русского барокко. Это здание с алтарем и иконостасом. К ней пристроена двухэтажная церковь Сергия Радонежского и рядом для контраста Михеевская церковь 1734 г., которая выглядит по сравнению с Трапезной, как оторванная от пальто красивая пуговица. С наружной стороны Трапезной меня поразила открытая лоджия. В Трапезной потчевали и царей. Дважды в Лавре укрывался Петр I.

Наиболее древнее здание – Троицкий собор 1422-1423 гг., где тоже служили, когда мы заходили туда.

Меня больше поражали люди. Кажется, все это милые старушки, и в то же время между нами целая пропасть.

В музее собрали удивительные по красоте и изяществу вещи Центральной Руси и Поволжья – деревянные резные украшения фронтонов изб, коньки и уточки от крыш, всякие обереги, крестьянская скульптура, прялки, валики, рубели, люльки, коробка, ткани, набойки, одежда женская, кокошники и вообще головные уборы и т.д.

В Ризнице – это бывшая кладовая лавры – собраны вещи, которые относились к лавре. Главным образом, это вышитые плащаницы, покрывала и множество вышитых портретов Сергия Радонежского. Все они подарены членами царских семей, боярынями и боярышнями. Каждая вещь имеет свою историю, среди которых есть больше печальных и отвратительных, чем нормальных, не говоря о радостных.

Немало имеется золотых вещей: кубки, кресты, митры, украшенные перламутром, жемчугом, рубином, изумрудом и прочими безделушками, – из-за которых люди проливали немало крови; всякие чашки, кувшины, накладки, скамьи, украшенные евангелиями, детали икон и т.д. Всего даже не запомнить.

Большое впечатление на меня произвели подлинные произведения А. Рублева и С. Ушакова. Предположим, Рублева мы все знаем как иконописца, но он, оказывается, еще и чеканщик. Я впервые видел вещи из золота, украшенные камнями, которые, судя по надписи, принадлежат ему. Но тут я могу и ошибиться, так как никто это не подтвердил словесно, хотя нам повезло. Экскурсовод, хотя и некрасивая, оказалась очень умной и обаятельной.

У Семена Ушакова меня поразила его Тайная Вечеря. Композиционно – это тесная и спаянная группа интеллектуально привлекательных мужчин, сидящих вокруг стола. Фигуры по-византийски вытянуты, но удивительно динамичны и душевно индивидуально охарактеризованы. Иуда сидит на переднем плане с традиционным кошельком и будто со сцены обращается к публике: «И подумать только!» Семен Ушаков, как видно, хорошо знал историю живописи на западе. Его краски значительно более колоритны, чем на иконах.

15. ДУХОВНОЕ РОДСТВО

Василий Евгеньевич поступил в Московский государственный университет в 1937 году, окончил его в 1945 уже после войны.

Е.А. Никифорова, министр просвещения УАССР, умная, принципиальная, пронцательная женщина, отпуская его из Увинского педучилища на сдачу госэкзаменов, взяла с него слово, что он вернется в Удмуртию. Василий Евгеньевич сдержал слово. Впоследствии он много лет работал под началом Елены Александровны в Правлении Комитета защиты мира.

По окончании университета Василию Евгеньевичу присвоили квалификацию научного работника в области истории, преподавателя ВУЗа и ВТУЗа и звание учителя средней школы.

ВКЛАДЫШ К ДИПЛОМУ

14.09.45.

Тов. Майер В.Е. за время пребывания на историческом факультете Московского ордена Ленина Государственного Университета им. М.В. Ломоносова сдал следующие дисциплины:

1. Доклассовое общество	отлично
2. Древний Восток	удовлетворительно
3. Древняя Греция и Рим	отлично
4. История СССР ч. 1, 2, 3	отлично
5. Введение в языкознание	отлично
6. Немецкий язык	отлично
7. Латинский язык	хорошо
8. Французский язык	отлично
9. Археология	хорошо
10. Новая история ч. 1, 2, 3	хорошо
11. История средних веков	отлично
12. История зависимых колониальных стран	хорошо
13. Основы марксизма-ленинизма	отлично
14. Политэкономия	отлично
15. Педагогика	отлично
16. Диалектика и истмат	отлично
17. Источниковедение	отлично
18. История Восточного средневековья	отлично
19. Спецкурс 1	отлично
20. Этнография	зачет
21. Французский язык	зачет
22. Педпрактика	зачет
23. Дипломная работа	отлично

Государственные экзамены

1. Основы марксизма-ленинизма	хорошо
2. Новая история	отлично

(Подпись, печать)

Заключительные строки из отзыва на дипломную работу, посвященную актуальной проблеме истории современной Германии – путчу Канна-Лютвица, студента V курса МГУ В.Е. Майера:

...Работа в целом показывает умение автора изучать историческую литературу и источники, делать в результате этого изучения правильные выводы и оформлять эти выводы литературно. Тов. Майер показывает определенные способности к исследовательской работе, и было бы желательно принять его в аспирантуру, хотя бы заочную.

Работу считать отличной.

Профессор Л. Зубов.

Сразу же после госэкзаменов Василий Евгеньевич начал готовить кандидатский минимум. Консультантом его был крупный ученый-медиевист М.М. Смирин, с которым его связывала впоследствии многолетняя дружба.

Успешно защитив кандидатскую диссертацию при кафедре средних веков МГУ, Василий Евгеньевич не порывал связи с университетом всю жизнь: переписывался с учеными, ездил консультироваться, принимал участие в заседаниях кафедры, работал на ФПК, встречался с однокашниками.

В начале 50-х годов я в первый раз приехала с ним в Москву. И он, прежде всего, показал мне Московский университет, старое здание на Моховой с памятником М.В. Ломоносову перед фасадом. Василий Евгеньевич провел меня по аудиториям, залам, коридорам, вспоминая при этом различные случаи из студенческой жизни, связанные с обозреваемыми местами. Такая теплота была в его голосе! Пообедали в студенческой столовой, обошли улицы, прилегающие к университету, так хорошо знакомые ему, посидели на скамейке в сквере.

Потом мне нередко доводилось бывать здесь, и память непроизвольно воскрешала рассказы Василия Евгеньевича.

Тогда же он познакомил меня со своей однокурсницей С.И. Антоновой, позднее профессором МГУ. Она пригласила нас к себе в гости. Это была их первая встреча после войны. Казалось, конца не будет воспоминаниям! Я слушала и начинала постигать, как полна, насыщена, разнообразна и богата событиями была жизнь студентов МГУ.

Серафима Ивановна подарила ему свою книгу «Влияние столыпинской аграрной реформы на изменения в составе рабочего класса», 1951 г. с автографом: «В. Майеру на добрую память. С. Антонова. 06.03.1952 г.»

Позднее, когда на Ленинских горах взметнулись величественные корпуса нового здания МГУ и прекрасный лесопарк с ухоженными цветниками и аллеями окружил учебные корпуса, мы часто бывали там с Василием Евгеньевичем, любясь с высоты панорамой Москвы.

В 1977 году Василий Евгеньевич, будучи на ФПК (факультет повышения квалификации), жил в высотном здании университета. По утрам гулял один или с товарищами теперь уже в почти настоящем лесу.

Строки из его письма домой.

20.11.77.

...Сегодня воскресенье, и я отдыхал. Утром ходил гулять, куда обычно хожу, но немного позже. Было уже светло. И впечатление светлого усилилось от того, что выпал снег, и ветер гнал мокрый снег в одну сторону так, что он залепил один бок деревьев от земли до макушки. Идешь по аллее и смотришь в одну сторону, там весь лес белый: земля, стволы, ветви; смотришь в другую, – а там, на белом фоне голые серые деревья. Получается изумительно сказочно.

В лесу мужчина кормил белок и птичек. Берет несколько кедровых орешков, протягивает их в сторону ствола дерева, а к ним спускается белка. Держась задними лапками за ствол, она старается передними дотянуться до рук. Когда ей это удается, она берет мордочкой орешки и возвращается на дерево, чтобы там щелкать их. За ней другая делает то же. Иногда они дерутся между собой. Такие смешные, мягкие, быстрые, зоркие, а на лапах у них длинные пальчики.

Птиц он кормил также из рук, но засушенным и раскрошенным творогом, смешанным с мукой. Синички налетали смело и даже задерживались на руке. Менее смелыми казались мне московки. Это такие же синички, но без желтой груди. У них темнее и головка.

Впервые я видел поползней. Они не намного больше синичек, имеют коротенький хвост и крупный клюв. На деревьях они ползают и держатся часто вниз головой и стучат клювом по стволу. Все это роднит их с дятлами. Однако они мельче их и не обладают таким красивым оперением. Я стоял рядом и разговаривал с мужчиной. Меня интересовало, прилетают ли воробьи. На это он отвечал, что они очень осторожны. И действительно, при мне прилетали два. Они отважились подлететь очень близко к руке. Оставалось расстояние между ними и рукой не более 10 см, им очень хотелось полакомиться, но все же они не отважились сесть на руку.

Еще прибежала большая черная собака. Она заметила, что я к ней хорошо расположен, радостно подпрыгивала, но спереди ко мне не подошла. Когда я стоял и разговаривал, она подходила сзади и внимательно меня всего обнюхала, а затем она на других бросалась, а меня не трогала.

Вороне кто-то бросил черствый кусок хлеба, так она его схватила и отлетела к луже, в которую она его бросила, но от него не отходила. Наверное, ждала, пока он размокнет...

Прошли годы...Продавец в магазине, взвешивая Тане семечки, заметила: «Как много вы их едите». – «Это не мы, это птицы», – ответила Таня, еще больше удивив продавца.

Да, наши дети, уже взрослые, – Таня, Нина, Виля, Валерий в Глазове – кормят синичек зимой. Я и сейчас каждое утро вижу, как радуется Таня, когда к нашей стайке примыкают и другие птицы. Часто наведываются снегири и малиновки в красных шапочках, свиристели с хохолком на голове и вороны время от времени поклевывают семечки и сало. Воробьев не счесть! А повелось это с давних времен, когда мальчики (а теперь они дедушки) были малы. Василий Евгеньевич мастерил с ними кормушки различных конструкций, крепил их у форточки, на деревьях во дворе и регулярно насыпал корм. Появился у нас огород – и мы с Василием Евгеньевичем (а позднее я одна) зимой каждую субботу или воскресенье ходили туда не только для прогулки или расчистки снега, но, главное, чтобы покормить птиц, насыпать корм на неделю. И летом у нас

селились многие пернатые. Совсем не случайно беседовал Василий Евгеньевич с незнакомым мужчиной, у которого синички брали корм с рук. Но это небольшое отступление.

С некоторыми однокурсниками у Василия Евгеньевича завязалась переписка: сообщали друг другу о себе, работе, своих близких, при нужде старались помочь друг другу.

01.11.60.

Здравствуйте, дорогой Вилли! Очень была рада Вашему письму. Сразу же приняла меры, чтобы найти нужных людей и получить необходимые для Вас сведения... (К. о себе. – Б.С.) ...Вилли, ополченская дивизия Киевского района Красной Армии имела номер двадцать первый. Затем она была преобразована в 173 стрелковую дивизию. Сведения дала Мария Васильевна Мунина, служившая в этой дивизии и сейчас работающая у нас в институте зав. кадрами. Так это точно. В батальоне были не рабочие, а бойцы. Вы, стало быть, были бойцом (название по существующей тогда форме). Крепко жму Вашу руку, жду ответа.

С искренним дружеским приветом

Ваша Р.И. Конюшая

В связи с 30-ой годовщиной победы (1975 г.) секция ветеранов исторического факультета МГУ собирала материалы об участии истфаковцев в войне.

Если у Вас сохранились письма, дневники, воспоминания, фотографии, которые помогут восстановить историю нашего факультета в предвоенные и военные годы, мы просим обращаться в секцию ветеранов исторического факультета МГУ... 6 мая в 10 часов у здания гуманитарных факультетов (Ленинские горы) – открытие памятника студентам и преподавателям МГУ, погибшим на фронте. Приглашаем.

Совет ветеранов МГУ, истфак.

Василий Евгеньевич не раз ездил на эти встречи. После них начиналась или оживлялась переписка с однокурсниками.

26.12.76.

Дорогой Вилли! ...В мае был в Москве и видел некоторых однокашников. С.И. Антонова читала твои воспоминания о товарищах. Как хорошо сохранил ты все светлое и хорошее...

Твой Володя (подпись неразборчива. – Б.С.)

Киев, 07.07.81.

Дорогой Василий! Я очень сожалею, что на встрече 29-го мая я так и не успел о чем-либо тебя расспросить, о чем-либо более или

менее серьезном поговорить. Правда, на вечере на это рассчитывать особенно не приходилось. Много было эмоций, междометий, и обстановка меньше всего располагала к серьезным разговорам... Но я надеюсь, что в Киев ты все-таки приедешь, и мы встретимся в менее шептунной обстановке и на беседу будет больше времени, чем, например, на песни, чем я преимущественно занимался на вечере. Но я весьма рад, что эта встреча состоялась. Это впечатляет. 39 лет - это немало. Хотя все весьма разные, но и много общего, заложенного еще в молодые годы в университете. И это как-то приятно радует. Я рад, что все мы четверо из Запорожья, как поступили в 37 году, так и прибыли на встречу в целостности и сохранности (со скидкой на возраст). А лучше всех выглядел ты, Василий, и я очень рад за тебя. В общем, это еще раз подтверждает, что запорожцы на протяжении веков всегда отличались жизнестойкостью при всех невзгодах, какие на них наваливались! Вот так-то.

Фотографии я еще не получил... Обнимаю и жду.

(Подпись неразборчива. – Б.С.)

Ташкент, 6.12.82.

Дорогой Василий Евгеньевич! (Хотя ты для всех нас, однокурсников, навсегда «дорогой Вилли Майер», я с удовольствием называю тебя твоим взрослым именем). Спасибо тебе за память и за очень приятную статью в газете об университете, об учителях и дорогих сердцу местах студенческих дней. Знаю, от Симы о сборе материалов для переиздания книги «Университет в Великой Отечественной войне».... Все еще не создали музей МГУ, хотя и штат, и материалы, и необходимость в его открытии давно есть... Активное участие в его организации принимает М.А. Фанасова (Маша Рогачева. – Б.С.). Мне бы хотелось, чтобы музей этот был где-нибудь в одном из старых университетских зданий, где сами стены были бы музейными. Я таким его вижу, и хотелось бы, чтобы внуки наши и правнуки его видели такими же. ...Посылаю фотографии, которые были сделаны во время встречи. Ты везде, на многих снимках, получился очень хорошо. Жаль, что не удалось поговорить: очень уж короткой оказалась встреча... Если будет возможность и желание побывать в Средней Азии, мы будем рады принять тебя и твоих близких в Ташкенте, а также во Фрунзе. (Ирина подробно пишет о своей семье, работе, подруге - однокурснице. – Б.С.).

Ирина П.

От последней встречи 1984 года остались фотографии и записная книжка Василия Евгеньевича, где на первой странице: 1934-1984. Истфак – 37. 19.05.84.

На второй – автографы всех участников встречи. А дальше, на соответствующих алфавиту страницах, фамилии и имена однокурсников и

краткие записи – как опоры памяти, – по которым можно воссоздать целостную картину встречи.

Б. был с женой, произнес вдохновенную речь.

Г. «Как же ты сдал после последней встречи!»

Г. Оpozдал, но был. «У него было легко на душе».

М. На кафедре научного коммунизма в МГУ.

Н. Одолевает сильный склероз. Не мог рассказать по существу то, что задумал, а жаль.

П. Были не вместе. Коля в памяти ее.

С. На встрече впервые. Не помню его на курсе. Был на разной дипломатической службе за рубежом.

С. Какую замечательную песню он пропел в честь С.Ан.

С. Как-то мы виделись на атеистическом семинаре. Работает в Калининe в обществе «Знание».

С. «Вилли, я была в тебя влюблена!»

Х. Напомни, как сдавал первый экзамен.

Х. Был тамадой. Очень хорошо. Уравновешенный.

Ш. Говорил взволнованно. Служил во внутренних войсках, на фронте не был. Имеет награды. Но не приезжал на встречи, потому что стыдился. Будет теперь каждый раз.

Подобные краткие записи Василий Евгеньевич делал очень часто: на совете университета, на конференциях, на симпозиумах, встречах, в секторе истории при обсуждении научных работ. И нередко несколькими штрихами набрасывал портрет говорившего.

Возвращался Василий Евгеньевич оживленный, веселый, помолодевший. Сколько рассказов, воспоминаний об этой встрече слышала я от него. Неизменно с удовлетворением подчеркивал достижения однокурсников и отметил однажды, что их выпуск не подвел университетских профессоров.

Сохранилось начало статьи Василия Евгеньевича в газету МГУ о встрече.

О ТЕХ, КОГО НЕТ НА ФОТОГРАФИИ

Всмотритесь в фотографию. На ней идет переключка однокурсников. Это мой курс, мои однокашники. Все мы учились на истфаке в МГУ в 1937 году. Это нас застала война, когда мы заканчивали предпоследний курс.

Я мог бы перечислить всех поименно. Среди нас есть работники ЦК КПСС, партийные работники, член-корреспондент Академии наук, профессора, доценты, директора школ, учителя. Но нет ни одного, кто работал бы плохо или о котором можно было бы сказать, что он никудышный. Все пользуются авторитетом. Все мы гордимся друг

другом. Кто и почему стоит впереди? Почему все так сосредоточены? Одни смотрят внимательно на седовласого однорукого мужчину, другие заглядывают в бумажки в руках.

Это возле памятника погибшим в годы Великой Отечественной войны студентам Московского госуниверситета у нового здания гуманитарных факультетов идет переключка.

Наш курс свято чтит эту традицию. В мае мы ежегодно собираемся у памятника на переключку. Это вы видите и сейчас.

Наш парторг курса, с которым мы вступили в 1941 году в войну, Иван Шариков читает, наряду с прибывшими на встречу, имена погибших в годы Великой Отечественной войны. Их пока обнаружено до 40. Каждый раз, когда он произносит имя и фамилию отсутствующего, тот, кто был близок ему, отвечает: «Погиб смертью храбрых, отдав жизнь за нас, за будущее!» Или подобные слова...

Хотелось бы мне прочитать всю статью. Но...

Однокурсник Василия Евгеньевича А.И. Немировский, доктор исторических наук, профессор Воронежского университета, написал о нем очень теплые воспоминания, помещенные в межвузовском сборнике научных трудов «Проблемы германской истории (эпоха феодализма)». Ижевск, 1989, стр.143.

Получив от Л.В. Котовой, преподавателя кафедры всеобщей истории УдГУ, сборник со своей статьей, А.И. Немировский благодарит ее за присланный экземпляр и сообщает:

16.05.1990.

...Мне позвонил наш с В. Майером однокурсник Г. Санчук, знаток Германии и славянства, и когда я ему рассказал о Вашем отношении к В. Майеру, он мне сказал, что хочет написать о нем в ГДР. Возможно, будет наша общая заметка (статья), где ему будет принадлежать научная часть. Он очень высоко ценит В. Майера как ученого и человека. Я постараюсь ему переправить Ваш сборник.

С уважением, Немировский.

Любовно и трепетно относился Василий Евгеньевич к Московскому университету, дававшему отличную подготовку молодому студенту и открывшему ему путь в науку.

Статью «Носитель высокой культуры» (26.10.82 «Удмуртская правда») он посвятил любимому вузу.

НОСИТЕЛЬ ВЫСОКОЙ КУЛЬТУРЫ

Московский университет был основан в 1755 г. по замыслу и плану великого русского ученого М.В. Ломоносова, именем которого он и был назван в 1940 году. Это крупнейший вуз нашей страны. Ансамбль-

корпус университета, построенный в 1949-70 годы вместе с лесопарком, ботаническим садом и обсерваторией занимает площадь в 320 га. Шпиль его центрального здания высотой в 240 метров величественно возвышается на Ленинских горах. На проспекте Маркса и по улице Герцена сохранились здания университета и его библиотека, построенные в разное время после того, как в 90-х годах XVIII века университет был туда переведен с Красной площади, где первое его здание находилось на месте Исторического музея.

Каждому, кому посчастливилось быть студентом или побывать на ФПК, конференциях и симпозиумах, общаться с учеными и студенчеством МГУ, запоминается на всю жизнь та особая научная, учебная и общественная атмосфера, которая царит здесь повсюду – в аудиториях, актовых и конференц-залах, в лабораториях и библиотечных залах, в фойе и коридорах.

Более 40 лет назад восемнадцатилетним юношей я стал студентом истфака МГУ. На меня, приехавшего из далекой деревенской провинции, университет произвел ошеломляющее впечатление. Прежде всего поразил неподражаемый гуманизм тогда еще молодых, ныне всемирно известных профессоров М.В. Нечкиной, В.В. Сергеева, К.В. Базилевича, Н.М. Дружинина, М.А. Косвена, А.В. Арциховского, С.В. Бахрушина, Е.А. Косминского, С.Д. Сказкина, которые трудились на истфаке. С первой встречи с этими учеными сложилось впечатление, что они ни на минуту не сомневались в том, что ты способен освоить вершины науки, сдать достойно все зачеты и экзамены, выйти из стен университета ученым, а главное, они первыми вселили уверенность, что все получится, твои мечты сбудутся, ты сможешь и должен преодолеть все преграды, которые в изобилии встанут перед тобой. Они служили и служат нам примером лекторского мастерства, глубокой научности своих выводов, исключительного трудолюбия, высокой ответственности перед советским народом, социалистической отчизной.

Особенно меня тогда поражало, вдохновляло и подстегивало студенчество. Никто никогда никому не напоминал, что ты обязан учиться, читать столько-то, конспектировать то-то и сверх того.

Давались темы, планы и списки рекомендованной литературы. Но когда казалось, что времени еще очень много и до экзаменов еще далеко, ты вдруг в перерыве слышал, как кто-то с жаром рассказывал, что такой-то «зубрила» уже все законспектировал и теперь всгрызается в дебри неизвестных тебе теорий и концепций каких-то философов, политэкономов и историков. И в этот же день ты сам бежишь в библиотеку, где тебя поражает, как плотно сидят занимающиеся в читальном зале, где невероятно тихо и только изредка слышен шелест переворачиваемых страниц. И вот уже ты день за днем до самого закрытия сидишь так же за столом и перед тобой стопка интереснейших и порой очень трудных книг. Так, незаметно

для тебя начинается негласное соревнование с этой массой любителей студентов. Проходят годы учебы, мелькают годы труда, и тебя тянет сюда. И сегодня, когда через десятилетия направляешься в Ленинскую библиотеку, проходишь мимо фигуры сидящего перед зданием университетской библиотеки Ломоносова, здороваешься с ним и докладываешь: «Как видишь, жизнь продолжается в том же духе!»

Как нигде, в стенах МГУ ощущаешь великую силу интернационализма. Здесь совершенно невозможно проявление даже малейшей несправедливости представителю какой-либо, пусть самой малочисленной и малоизвестной национальности.

Еще в довоенные годы здесь учились рядом с представителями всех областей и республик нашей страны дети политэмигрантов из стран, где тогда свирепствовал фашизм – испанцы, немцы, чехи, итальянцы и другие.

Перед студентами истфака выступали представители революционного пролетариата Австрии, Франции, США, Англии, Германии, Японии, Венгрии и других стран. Среди них Морис Торез, Вильгельм Пик, Зденек Неядлы, Георгий Димитров. После войны национальный состав студентов истфака расширился по мере включения в революционное движение все новых стран и народов Азии, Африки, Америки. Здесь учатся представители капиталистических стран рядом со студентами всего социалистического содружества и студентами нашей страны. МГУ – самая великая школа ленинского интернационализма.

Особое воспитывающее влияние в МГУ оказывает то, что мы называем общественными и культурными мероприятиями. Это комсомольские и партийные собрания и конференции. На них господствует демократизм, подкрепляемый марксистско-ленинским учением. Здесь нет скуки и формализма. Всегда находится достаточно смелых, умных, политически подкованных людей, умеющих ярко, ясно и убедительно доносить и проводить в жизнь линию партии, дать отпор любым отклонениям от ее генеральной линии и проискам враждебных течений.

На вечерах самодеятельности ставятся студенческие спектакли на уровне профессионального мастерства. На сцене университетского клуба выступают лучшие силы самых прославленных театральных коллективов страны.

МГУ – это вдохновляющая и поощряющая сила для всех университетов страны. К его голосу прислушиваются во всем ученом мире. Выпускники его являются носителями высоких идеалов социалистического гуманизма, ленинского интернационализма, советского патриотизма и гражданственности.

16. ВСТРЕЧИ С ПРЕКРАСНЫМ

Летом 1975 года Василий Евгеньевич в составе советской делегации поехал в Ленинград на V Международный конгресс по экономической истории. К нему примкнули и мы с Таней.

В газете «Удмуртская правда» он писал, вернувшись с конгресса (фрагмент):

...Недавно в Ленинграде закончился V Международный конгресс по экономической истории. В нем участвовало 1059 делегатов из 34 стран. Это был самый представительный форум крупнейших специалистов-экономистов мира...

...Для меня особый интерес представляла дискуссия по проблемам эволюции феодальных форм собственности и крупной земельной собственности на позднем этапе феодализма.

Наиболее острая борьба развернулась по вопросам начального этапа развития феодализма у славян...

Конгресс работал три дня. Вечером, возвратившись с заседаний в гостиницу, Василий Евгеньевич рассказывал подробно, что было на конгрессе, какие проблемы и как рассматривались, что нового он узнал во время работы секции. Конгресс закончился большим, но довольно шумным и, на мой взгляд, бестолковым банкетом, куда Василий Евгеньевич пригласил и меня.

Жили в гостинице на Невском. Во время работы конгресса мы с Таней осматривали Ленинград, гуляли в Летнем саду.

Дом-музей Ф.М. Достоевского показался нам мрачноватым, и мы отправились в квартиру А.С. Пушкина на Мойке. Открытия ее ждали студенты из удмуртской группы УдГУ, в которой я работала. Мир тесен. Завязался оживленный разговор. Кто-то начал читать стихи, его поддерживали... Но вот открылись двери музея-квартиры – и мы попали в XIX век, начало которого украсил А.С. Пушкин.

В Ленинграде мы с Василием Евгеньевичем были несколько раз. Первый раз вдвоем в конце пятидесятых годов. После Москвы Ленинград поразил меня строгостью, сдержанностью, благородством. Мы осмотрели исторические места: Смольный, Аврору, Финский вокзал с памятником В.И. Ленину, Сенатскую площадь с Медным всадником, Исаакий, Эрмитаж и другие любимые многими места.

В окрестностях Ленинграда нам удалось побывать только в лицее Пушкина и то без экскурсовода. Видели Екатерининский дворец, весь в руинах – началось восстановление его.

Несмотря на страшные разрушения, произведенные фашистами, парк жил. Мы гуляли по его аллеям. Как-то незаметно и естественно к нам присоединился незнакомый мужчина, который, оказалось, прекрасно знал и любил эти места. Лучшего экскурсовода нам и не надо было:

так живо, образно описывал он все, что было связано с парком. Уместно цитировал Державина, Пушкина, Жуковского. Но слишком часто у него звучало слово «был», «было»: «Здесь был горбатый мостик», «Здесь была китайская беседка» и т.д. Как легко все разрушить! Ни он у нас, ни мы у него не спросили ни имени, ни звания, но сердечно поблагодарив его и выслушав в ответ, что нечасто встречаются такие восприимчивые слушатели, мы разошлись.

Второй раз были в Ленинграде с сыном шестиклассником. Мы показали ему почти все, что увидели ранее сами. Но для меня тогда все затмил Петродворец. В тихий солнечный воскресный день мы сразу отделились от экскурсии, направившейся ко дворцу. Василий Евгеньевич повел нас окольным довольно глухим путем и минут через 15-20 вывел на берег Финского залива. Бескрайняя гладь, сверкающая на солнце, и люди – далеко в заливе, но по колено в воде! Так полого дно залива уходит вдаль.

Отдохнув у залива, мы пошли, как я поняла, в обратный путь, но не по прежней дороге, а по лесопарку. Яркое солнце, яркая зелень, полянки среди групп деревьев и кустарников и отдыхающие семьями ленинградцы. Подкрепившись кофе, сосисками, булочками, двинулись вперед, внимательно разглядывая и фотографируя статуи, возникавшие так неожиданно перед нами: Сатир, Купидон ...

И вдруг необычное зрелище заставило остановиться: перед нами метрах в восьмистах на возвышении сверкал позолотой длинный величественный бело-голубой дворец, восстановленный реставраторами. А прямо от нас вел к центру здания довольно широкий канал, облицованный мрамором. Во всю его длину размещались один за другим украшенные различными скульптурными группами и позолотой фонтаны, бьющие вверх и рассыпающиеся тысячами сверкающих на солнце брызг. Через них, как нечто сказочное, воспринимается дворец на возвышении. Незабываемое зрелище: дворец и фонтаны в едином ансамбле, как драгоценный камень в окружении зелени.

Вот почему Василий Евгеньевич повел нас окольными путями! Когда это было возможно, он старался показать мне «нечто» с самой выгодной для «нечто» стороны. Мы медленно двигались вдоль канала, рассматривая фонтаны. Поднялись по мраморной лестнице к дворцу. В него не пускали: велись работы.

Отсюда, сверху, фонтаны тоже были великолепны, но как бы оторваны от дворца.

Петродворец – самое сильное впечатление от второй поездки. Василий Евгеньевич был явно доволен, позволив нам сначала полюбоваться заливом, отдельными статуями, а потом открыть забываемое.

Третий раз – во время конгресса с Таней мы посетили пригороды Ленинграда.

Мне тогда больше всего запомнился Павловск – прекрасный образец садово-паркового искусства. Дворец, построенный Камероном, воз-

рожденный после фашистского вандализма, стал музеем с первоклассными произведениями русской и зарубежной графики и скульптуры. Он расположен на холме над зеркалом реки Славянка.

Неповторимый пейзаж создает неторопливая река, холмистые берега с обелисками, мостиками, крепостью, напоминающей рыцарский замок, живописными группами деревьев и кустарников.

Не знаю, что произвело на меня большее впечатление – дворец или парк. Гуляли долго, хотя было прохладно, и мы не смогли все увидеть.

Впоследствии, отдыхая в пансионате Сестрорецка, в санатории «Северная Пальмира», мы часто ездили в Ленинград. Одним из любимых мест отдыха был Летний сад с его изысканной решеткой центрального входа, с античными статуями по главной аллее, с памятником И.А. Крылову, выполненному с большим художественным вкусом. И в шутку и всерьез Василий Евгеньевич сумел назвать всех героев басен, изображенных на барельефе постамента.

Любимым городом остался Ленинград в моей памяти, городом высокого искусства.

В жизни же Василия Евгеньевича искусство занимало значительное место. В молодости кино было наиболее доступно для нас. Мы любили многие фильмы, которые смотрело и любило наше поколение, начиная с историко-революционных и военных и кончая экранизацией художественных произведений и комедиями.

Оглядываясь назад, я с гордостью думаю, как широка была тематика нашего кино, насколько светлы и чисты фильмы даже трагедийного содержания, как оно обогащало нашу жизнь, заставляло задуматься над сложными проблемами, воспитывало.

По дороге домой мы обменивались впечатлениями о фильмах, и суждения Василия Евгеньевича иногда были настолько неожиданны для меня, что я не сразу их принимала, возражала. Он не навязывал своего мнения, а на конкретных примерах доказывал право своих оценок на существование.

Сейчас, спустя много лет, собирая по крупинке отдельные высказывания Василия Евгеньевича, пытаюсь осмыслить, что привлекало его в тех или иных группах фильмов.

Историко-революционные интересовали его главным образом с точки зрения достоверности фактов и событий, допустимой степени вымысла в них.

Поведение людей в критических ситуациях, мотивировка их действий – вот, пожалуй, главное, на что он обращал внимание в фильмах о войне.

В фильмах-монографиях о писателях, поэтах, художниках, композиторах, его больше занимала проблема становления творческой личности, истоки ее и сам процесс творчества.

Фильмы, представляющие собой экранизацию художественных произведений, наводили на размышления, насколько сохранил фильм замысел и дух художественного произведения, углубил или упростил его, дал ли новую трактовку событиям и героям. Нередко вслед за фильмом по горячим следам прочитывалось или перечитывалось художественное произведение.

Пристальным вниманием Василия Евгеньевича пользовались фильмы-спектакли и просто спектакли по пьесам А. Островского. Я как-то поинтересовалась, чем Островский так привлек его. «В своих исследованиях я касаюсь проблемы товарно-денежных отношений средневековой Германии. Хотелось бы понять, отразились ли и насколько эти отношения в России в произведениях такого знатока быта русского купечества как А. Островский. Страны разные, время разное, масса различий, но должно же быть и нечто общее. Каково оно? Что определяет это общее?» В такие дебри я уж не пыталась заходить.

Конечно же, произведенное мною разделение слишком условно. Рассуждения и суждения были потом, а во время просмотра фильм воспринимался целостно, как художественное произведение, доставляющее удовольствие, заставляющее сопереживать или оставляющее равнодушным.

Помню, как сильно взволновал нас фильм-опера «Евгений Онегин». Стихи Пушкина, музыка П. Чайковского, великолепная режиссура произвели такое впечатление, что, выйдя из кинотеатра, Василий Евгеньевич только произнес: «Давай не будем ни о чем говорить». Мы дошли до дома, не проронив ни слова, словно боясь расплескать те чувства, которые переполняли наши души.

Я бы могла назвать целую плеяду талантливых артистов, почитаемых Василием Евгеньевичем, многочисленные фильмы, любимые им, но думаю, его пристрастия во многих случаях совпали бы с пристрастиями и оценкой наших современников.

Не будучи завзятым театралом, он не обходил театр стороной. Многие спектакли нашего драмтеатра мы смотрели вместе с детьми. Впоследствии имели возможность увидеть лучшие работы театров Москвы: МХАТа, Советской Армии, Вахтангова, Станиславского и Немировича-Данченко и др.

Радовался он и оперетте. Не пропускал возможности послушать «Сильву». Любимыми его опереточными артистами были сдержанный и лиричный Георг Отс и обаятельная Татьяна Шмыга. Их репертуар был ему хорошо знаком.

Ни я, ни Василий Евгеньевич в детстве и молодости не получили сколько-нибудь приличного музыкального образования. С самого начала нашей совместной жизни регулярно раз в полгода в день получения зарплаты он покупал в грамзаписи одну оперу русских композиторов - это при нашей очень стесненной в средствах жизни. Уложив маленьких детей спать, предлагал: послушаем? И мы слушали. Иногда целиком

оперу, но чаще по частям, стараясь вникнуть в текст, вслушаться в музыку. Некоторые арии слушали подряд два-три раза. Иногда предварительно знакомились с либретто. Читали книги о композиторе, об истории создания произведения. Я обычно в это время что-либо чинила, шила-вышивала. Василий Евгеньевич просто слушал. Постепенно я уже не чувствовала себя полным профаном в этой области.

Одной из первых была опера Бородина «Князь Игорь». Василий Евгеньевич, казалось, весь погрузился в музыку. Зазвучал голос князя Игоря: «О дайте, дайте мне свободу...» Я услышала какой-то звук, похожий на сдерживаемое рыдание. Василий Евгеньевич быстро встал и отошел к окну. Я понимала: лишенный свободы передвижения даже в пределах Удмуртии почти на десятилетие, он внутренне глубоко переживал свое положение. Но этой стороны нашей жизни по молчаливому согласию мы старались не касаться, чтобы зря не беречь душу.

А потом у нас появились «Русалка», «Царская невеста», «Иван Сушанин», «Евгений Онегин», «Хованщина» и многие другие. И не по одному разу звучала музыка в нашем доме.

Слушать же оперу в Большом театре нам вместе довелось только два раза: «Евгений Онегин» Чайковского и «Так поступают все женщины» Моцарта.

Василий Евгеньевич сам водил наших маленьких детей в цирк и кукольный театр, «на кукол», как говорили дети. Мне этот вид искусства не доставлял удовольствия, пока... Пока однажды Василий Евгеньевич не подвел меня к большому зданию в Москве с какими-то странными часами на фронтоне. Через определенные промежутки времени открывалась дверца игрушечного домика и птица или зверушка сообщала, который час.

«Мы в кукольном театре С. Образцова,» – сказал он и, не дав мне опомниться, ввел в небольшой зрительный зал. «Одни взрослые», – удивилась я, приготовившись терпеливо перенести сценическое действие.

Конферансье хорошо поставленным голосом объявил: «Кантата о витаминах». Звуки торжественной музыки заполнили зал, открылся занавес, и хор кукол – каких кукол! – медленно и возвышенно запел «Покупайте витамины!» Контраст между музыкой и текстом был настолько силен, что зал сразу же взорвался аплодисментами. Комический эффект усиливался тем, что пели только одну фразу: «Покупайте витамины!», но на все возможные лады. А куклы! Это что-то вообще невообразимое: мимика, жесты, характеры!

А потом конферансье объявил: «Поэт Евгениальный читает свои стихи». Расслабленной походкой вышел бледный поэт с длинными волосами, капризно потребовал: «Мне стуло!» И, опершись на спинку стула, начал с завыванием читать стихи, сопровождая их своими комментариями. А потом кукла-цыганка трясла плечами и бусами, исполняя цыганские романсы. А потом... Но хватит. Зрители не имели ни минуты,

чтобы передохнуть от смеха. Концерт, а это был «Необыкновенный концерт», длился два часа, и два часа огромного удовольствия испытывали мы от высокого искусства. В конце на сцену вышел Сергей Образцов и поблагодарил зрителей. Зал стоя приветствовал его.

Значительно позднее я читала книгу С. Образцова «По ступенькам памяти», удивляясь и радуясь, что кукольный театр может достичь таких вершин искусства. Один раз я видела кукол Образцова, но это навсегда.

Я часто летала в Москву к Василию Евгеньевичу, особенно в последнюю треть нашей совместной жизни: 2-2,5 часа на самолете – и ты в Москве, без проблем. К моему появлению билеты в храм искусств были уже припасены. В каждый мой приезд он открывал для меня что-то новое в мире искусств: «Виртуозов Москвы» с В. Спиваковым в концертном зале консерватории имени Гнессиных – истинное наслаждение получила я в тот вечер. Мастеров Ленинградского балета в строгом концертном зале «Россия», мастеров искусств во Дворце Съездов, любимый балет Василия Евгеньевича «Лебединое озеро» П. Чайковского в Большом театре... И многое, многое другое... Сомневаюсь, что все это я могла бы увидеть и услышать без него.

Время от времени Василий Евгеньевич подкидывал мне идеи. Так однажды, увидев, что я набрасываю план работы литературного кружка в школе №22, заметил: «А почему бы вам не взять как одно из направлений знакомство с культурой удмуртского народа? Вы могли бы иметь дело не только с литературными текстами, но и с живыми носителями культуры, мастерами культуры».

Действительно, а почему бы и нет?

Идея шестиклассникам понравилась. Обсудили на занятии кружка и решили воплотить ее в жизнь, хотя и услышали реплику: «Да что у нас может быть тут интересного-то?»

Но интересного оказалось гораздо больше, чем мы могли бы ожидать. Василий Евгеньевич подал идею, я стала организатором, школьники и мастера культуры – исполнителями.

С самого начала взяли курс на то, чтобы ученики не были пассивными потребителями информации, которую дают участвующие во встрече поэты, художники, режиссеры, ученые, искусствоведы, артисты, а были активными участниками: готовили выставки работ гостей и своих, читали стихи удмуртских поэтов по школьному радио, читали наизусть стихи при встречах, инсценировали сказки, придумывали игры с пословицами и поговорками, посещали спектакли, выставки художников, писали на них отзывы, готовили и задавали на встрече массу вопросов приглашенным, создавали атмосферу дружеского общения, старались сделать для всех встречу интересной, приятной и запоминающейся.

Не вдаваясь в подробности, скажу лишь, как трудно было вначале найти просто фотографии поэтов, прозаиков Удмуртии, как любовно ребята перефотографировали их из книг, помещали под стекло, окантовывали и готовили выставку, как радовались каждому вновь вышедшему

сборнику стихов удмуртских поэтов. Истинным богатством стали для нас «Сто сказок удмуртского народа» и «Пословицы и поговорки удмуртского народа», подготовленные Н.П. Кралиной, доцентом УГПИ. Приглашенная в школу она увлекла и заворожила ребят красотой, поэтичностью и образностью удмуртского фольклора.

Умный и тонкий знаток живописи Т.А. Лебедева, доцент, искусствовед, на выставке «Живопись, скульптура и графика Удмуртии» раскрыла ребятам прелесть живописных полотен, посвященных природе, труду, быту удмуртов. Д.А. Яшин, удмуртский поэт, ввел в свою творческую лабораторию. Охотно откликались и щедро делились с ребятами своими знаниями мастера культуры Удмуртии.

Это направление вскоре стало ведущим. И мне, и учащимся оно показало, что большие произведения искусства могут рождаться и рождаются и в глубинке.

Мы лучше узнали и полюбили искусство Удмуртии, республики, где мы живем. Я лишь слегка коснулась этого направления в работе кружка, чтобы показать, как идея Василия Евгеньевича воплощалась в жизнь, но это была не первая и не последняя идея, подаренная им мне.

В связи с этим не могу не сказать об одном практическом занятии по этнографии, которое проводил В.Е. Владыкин, тогда еще доцент кафедры всеобщей истории УдГУ в деревне Малая Пурга в усадьбе одной студентки из группы. Мы с Василием Евгеньевичем были приглашены на него. Так естественно и непринужденно прошло оно, что, я думаю, у многих осталось в памяти.

Особенности устройства жилища удмуртов, назначение летнего дома, обстановка его, расположение и использование надворных построек, семейные отношения – эти вопросы на месте освещали 2-3 студентки, время от времени вступая в диалог между собой и отвечая по ходу на вопросы слушателей.

Большой интерес вызвал осмотр сельскохозяйственных орудий и рассказ об их применении.

В двух других домах мы видели ткацкие станки, разной степени сложности, и работу на одном из них по изготовлению холста.

В следующем доме хозяйка достала и разложила великолепные ковры, полотенца, покрывала, современные и старинные, а студентка рассказала об особенностях и символике традиционной удмуртской вышивки.

Вернулись в усадьбу. Гостеприимные хозяева пригласили к столу, накрытому в летнем доме. Отведали разнообразные национальные блюда и напитки, услышав, к каким дням они готовятся и как. Студентки в старинных национальных костюмах из бабушкиных сундуков рассказали об их изготовлении, о характерных деталях удмуртской одежды, прошлись в национальном танце.

В заключение все вместе пели удмуртские песни, негромко и задумчиво, сопровождая пение игрой на старинном инструменте. Пел по просьбе студентов и Владимир Емельянович.

Уезжали под вечер обогащенные новыми знаниями, согретые душевным теплом гостеприимных хозяев. «Насколько содержательно, наглядно, творчески и непринужденно проведено занятие. И заметь, участвовали все, – говорил по дороге Василий Евгеньевич. – А ты не хотела ехать». – Да, многое потеряла бы.

Прошло столько лет, а нет-нет да и всплывет в памяти это занятие, давшее возможность глубже и полнее понять народ, принявший и обогревший нас когда-то в 41-ом, выучивший и сделавший Удмуртию нашей второй родиной.

17. МЫ ВАС НЕ ЗАБУДЕМ НИКОГДА

Каким бы видом деятельности Василий Евгеньевич не занимался, предпочтение, на мой взгляд, отдавал педагогической.

Я далека от мысли, чтобы писать, как он обучал, тем более анализировать его методику преподавания. Сама за все годы ни разу не была на его лекциях, семинарах в студенческой аудитории. И если пишу об этом несколько строк, то сужу лишь по его словам, отдельным замечаниям, письмам, запискам, отзывам студентов и преподавателей.

Наиболее полно рассказали о Майере-педагоге его коллеги Н.Г. Шишкина и В.Е. Владыкин в статье «Научно-педагогическое наследие В.Е. Майера» («Вестник Удмуртского университета». Специальный выпуск. Очерки. Эссе. Воспоминания. – Ижевск, 2001). Привожу отрывок этой статьи:

...У В.Е. Майера счастливо сочетался талант крупного исследователя и педагога, научного руководителя. Круг научных интересов В.Е. Майера был столь же широк и многообразен, как и его педагогическая деятельность. Около 40 выпусков студентов-историков заинтересованно слушали лекции В.Е. Майера по истории средних веков, работали в его семинарах, проходили специализацию под его руководством. Большим успехом пользовались его лекции и на факультете романо-германской филологии.

Лекции были самой сильной стороной его педагогической деятельности. Они отличались глубиной, ясностью, безупречной мерой соединения академизма и популярности, страстностью, отточенностью речи. Любимым детищем В.Е. Майера был общий курс истории средних веков, который он читал для студентов второго курса. Кроме того, Вильгельм Евгеньевич читал курсы историографии, источниковедения западноевропейского средневековья, введения в специальность, специальные курсы на самые различные темы. В.Е. Майер

не раз подчеркивал, что лекция должна не только обогащать студента знаниями, но вести его дальше, учить мыслить, анализировать, обобщать.

Опыт его работы убедительно доказывает, что навыкам будущей самостоятельной работы в науке, в школе, в вузе необходимо учиться, учиться долго и учиться под руководством опытных преподавателей, и роль общих лекционных курсов, разумеется, хороших, при этом особенно велика. В лекциях он представал как ученый энциклопедических знаний, свободно оперирующий сложным фактическим материалом, как умелый стилист.

Сам В.Е. Майер обладал даром лектора и полемиста. Но каким бы опытным ни был преподаватель, ему всегда, постоянно необходима систематическая работа по обогащению теоретического и научного содержания лекционных курсов. Эти высокие требования к научному уровню лекций В.Е. Майер полностью относил в первую очередь к самому себе... Через живое устное слово ученый Майер, имеющий свой научный опыт, свой взгляд на различные проблемы данной науки, приобщал студентов к науке, непрерывно развивающейся, и поэтому включал в свои лекции не только решенные уже вопросы, но и такие, над которыми продолжали работать ученые-медиевисты. Те, кому посчастливилось слушать лекции В.Е. Майера, не могли не заметить удивительного явления: внешне эти лекции не отличались эффективностью, всякое украшательство было им чуждо, лектор читал ровным, спокойным голосом, которого никогда не повышал, – и тем не менее эти лекции увлекали, захватывали, заставляли мысль напряженно работать. Почему? Ответ может быть только один. Потому, что в самих лекциях непрерывно билась живая творческая мысль ученого, исследователь увлекал и вел за собой студентов. И бесспорно, что в этом плане лекции профессора Майера были средством профессиональной подготовки будущего учителя истории.

...Профессор-педагог В.Е. Майер был и непревзойденным руководителем семинаров по истории средних веков. Основной задачей семинаров он считал не только углубление знаний студентов о западноевропейском средневековье, но, главным образом, обучение методам исторического анализа, навыкам работы с источниками и умению видеть за строками документа живую жизнь ушедших веков. Он всегда подчеркивал, что в ходе семинарских занятий, проводимых на протяжении учебного года, преподаватель имеет возможность пользоваться многими средствами и приемами обучения студентов и в то же время проверить результативность проведенной работы. Василий Евгеньевич умело планировал эту работу, предлагал четко продуманную разработку всего практического курса и каждого занятия, рассматривая в основном вопросы курса, которые имеют теоретико-познавательное, методологическое и образовательно-воспитательное значение.

В.Е. Майер понимал, что семинарские занятия, насыщенные значительным материалом, требуют большой подготовки студентов, и обычно предвзял подобное занятие соответствующей лекцией, объяснял наиболее сложные аспекты той или иной проблемы.

Великолепный методист, В.Е. Майер на протяжении многих лет уделял особое внимание совершенствованию методики преподавания на историческом факультете, учебных планов и учебного процесса. Многие из коллег В.Е. Майера учились у него первоначальным навыкам педагогического мастерства.

Неудивительно, что занятия профессора В.Е. Майера пользовались громадным успехом у студентов. Многие надолго запомнили проблемные лекции по истории средних веков, прошли через майеровские семинары, коллоквиумы, словом, школу профессора В.Е. Майера. Действительно, большинство нынешних историков Удмуртии, какую бы научную проблему они ни разрабатывали, каким бы разделом истории они ни занимались, – это ученики В.Е. Майера, и они навсегда сохранят в благодарной памяти его занятия, беседы с ним, из которых каждый что-то почерпнул для себя.

Умудренный многолетним преподавательским опытом, он постоянно искал новые, еще более эффективные методы обучения, поддерживал деловые связи с коллегами из многих вузов, старался быть в курсе методологических и методических публикаций, обсуждений, дискуссий, где бы они не проходили».

Василий Евгеньевич любил исторический факультет, уважал и ценил коллег и студентов. Да и нельзя было иначе относиться к историкам: преподаватели и студенты жили общими интересами, увлеченные общей целью. Об этом пишут студентки Е. Белова и Т. Бабинцева в статье «В единой дружной семье» («Удмуртский университет»), отрывок из которой я привожу здесь.

«...Даже вместе с преподавателями нас, студентов-историков, едва ли наберется более трехсот. Друг друга мы знаем хорошо, живем – как единая дружная семья. В колхоз – все вместе, в археологическую экспедицию – тоже вместе, на соревнования – тем более. И так из года в год мы идем к своей заветной мечте – стать историками.

...Самое заветное для наших студентов – это участие в студенческих научных кружках. Это и есть необходимый для студентов трамплин в науку. Три доктора исторических наук – В.Е. Майер, Б.Г. Плющевский, А.А. Тронин – ведут за собой студентов, решивших посвятить себя истории. На нашем факультете ведется творческая работа научных студенческих кружков по археологии Урала, всеобщей истории, этнографии, истории СССР. Их участники выступали на зональных и всесоюзных студенческих конференциях...

Обучать и воспитывать студентов, будущих учителей и ученых, передавать им все, чем сам владеешь, чем дорожишь, что ценишь и любишь, было естественной потребностью, желанным делом Василия Евгеньевича.

В каждом он видел личность, мыслящую и чувствующую, и подходил к каждому, учитывая своеобразие его личности: кто-то получал от него дельный совет или напутствие, кого-то поддерживал, вдохновлял, кому-то подбрасывал оригинальную идею, с кем-то сотрудничал или спорил, о ком-то заботился.

Он мог помочь студенту разрешить самый сложный жизненный конфликт, честно ответить на непростые вопросы, строго, но справедливо потребовать.

Совместная работа: лекции, семинары, практические, коллоквиумы, консультации, педпрактика, курсовые, зачеты, экзамены, дипломные работы – сколько их было! Как тщательно они готовились! – приносили обоюдную радость и студентам и ему.

Маленький смешной, с точки зрения сегодняшнего богатейшего оснащения учебного процесса техническими средствами, штрих. В начале 50-х годов как-то случайно Г.В. Зелепухина, соседка по дому, показала Василию Евгеньевичу довольно большую по размерам детскую книжку-игрушку, хорошо оформленную: раскроешь ее – и поднимаются картонные со всем оснащением каравеллы Магеллана, бороздящие просторы океана. Василий Евгеньевич, рассматривая игрушку впервые, обрадовался (с наглядностью было катастрофически плохо в то время) и робко попросил у нее дать ему «Магеллана» показать студентам на лекции о великих географических открытиях. Он развернул и дома эту игрушку, поведал мне и детям о путешествиях Магеллана, раскрыл значение многих деталей в оснастке судна, но в руки никому не дал. А вернувшись с лекции, рассказывал, какой эффект произвело это незамысловатое «наглядное пособие» на аудиторию. Несколько раз пользовался Василий Евгеньевич этой «книжкой» и был очень рад, когда Г.В. Зелепухина подарила ее ему. В дальнейшем всеми доступными ему наглядными пособиями он сопровождал свои занятия.

А это несколько строк из письма Василия Евгеньевича ко мне в Москву, где сам он находился первый семестр на курсах ФПК в 1978 году.

11.04.78.

...У меня идут зачеты на втором курсе. Нынче это отнимает время, так как все я должен делать в течение полугодия: и прочитать курс годовой, и принять экзамены. В то же время рад, что не дал начало курса еще кому-нибудь читать. Второй курс мне очень нравится, хотя его так ругали. Все отлично трудятся. Кажется, главное, чтобы их загружали.

С экзаменов он приходил, как правило, усталый, но довольный: сдавали обычно хорошо.

Не удержусь и приведу часть наблюдений Василия Евгеньевича с его первого экзамена в пединституте в 1945 году. Замечу, что начинающий преподаватель с первых шагов старался воспринимать личность целостно, в совокупности познавательных процессов, духовного мира, внешнего облика.

Впечатления о моем первом экзамене в институте 11.01.1945.

Просыпаюсь довольно рано. Часов нет, и никак нельзя определить, сколько времени. Но скоро начало играть радио. Значит, не более семи часов. Голова трещит от предыдущего дня. Проверяю еще раз все вопросы, подготавливаю бумагу и немного закусываю. Отправляюсь в институт. Там – без четверти девять. Мне попалась навстречу Е. и за ней весь мой курс.

В кабинете девочками все было приготовлено, карты развешены. Я раздал три билета. На грех, ко мне пришла М. Своеобразная она. Посмотришь – кажется чем-то недовольна. Сидит, наклонясь, постоянно что-то рисует и пишет, смущая этим студентов.

Мои студенты решили при ней не отвечать. Целый час тянули, пока она не ушла. И молодцы!

Л. немного путалась, рассказывала обо всем, очень хорошо оценила эпоху.

Т. обладает, очевидно, конкретным мышлением. Как только она оторвется от карты, не в состоянии вскрыть с логической последовательностью действительность, как это ей свойственно, но вообще, молодец!

А.К. всегда спокойная. По-деревенски умная и скрытная. Она долго готовилась. Ответ был очень обстоятельный с подробностями и особенно умными и зрелыми выводами. Глаза веселые. Слегка покраснелась. Всем ответ очень понравился, и она получила самую высокую оценку от всего курса.

Н.К., в отличие от своей сестры, отвечает, волнуясь. Путается в отдельных случаях. Но она приятная. Какое-то у нее особенное детское личико, она свежа, бодра и с чистой душой. Она напоминает маковый цветок в 10-ом часу утра, когда он уже освободился от утренней росы, а дневная пыль еще не успела на него осесть.

К. Когда-то в первый раз я записал о ней, что у нее голос, будто крокодил проливает слезы. Так и на этот раз получилось. Вначале она стала бойко отвечать, потом замялась и что-то долго думала. У нее что-то не стало выходить. Мне казалось, что она скоро расплачется, но я ничего не сказал. Присутствующие ничего не заявляли, и я, конечно, поставил ей пса... К. заявила, что это первый у нее, и ей можно будет пересдать.

Л. отвечает дельно, но дрожит. Высокая, здоровая. Мне очки-стые импонируют. Кажется, что они что-то хоронят от мира и замыкаются больше в себе. На людей они смотрят глазами и очками, улыбаются многозначительно и умно. Кажется, за внешней рогатой скорлупой скрывается хорошее внутреннее содержание, отличная душа. Вообще, она оперирует фактами умно, но мыслит своеобразно. Основное: она никогда полностью не раскрывает свои карты и очень часто молчит. Однако я ее не раскусил, по всей вероятности.

А. Замечательно голубые глаза, круглые, как голубые цветы, на красном сатиновом платье. Это не заметно сразу. Только вблизи замечаешь. Лицо скуластое, круглое. Во всем облике противоречие. Грузная. Слова выговаривает как-то вкусно, но не все связно. Безмятежно спокойная, и это ей идет. Девушка медлительная.

П. Рыжая. С маленькими косичками. Косички будто колокольчики. И голос так звучит высоко и переливается как колокольчик. А умна, решительна, образованна!..

Согласитесь, большой теплотой веет от этих строк.

Одни учились, сдавали экзамены, заканчивали вуз, уходили в самостоятельную жизнь. Другие, юные, напористые, любознательные, заполняли студенческие аудитории. Получив дипломы учителей, не порывали связь с факультетом в течение многих лет.

К Василию Евгеньевичу шли от них письма. Десятки и десятки. Письма-размышления о разных сторонах жизни, воспоминания о студенческих годах, рассказы о себе и о работе, признания в любви, пожелания беречь здоровье. Душевные, доверительные, добрые. Спрашивали совета, хотели узнать его мнение по ряду жизненно важных для них вопросов, некоторые нуждались в поддержке и помощи. По письмам выпускников можно составить коллективный портрет молодого поколения страны 50-х – середины 80-х годов прошлого века, образованного, уверенного в завтрашнем дне, умеющего преодолевать трудности.

12.12.59.

Здравствуйте, Василий Евгеньевич. Поздравляю с Новым годом, с новым счастьем. Итак, прошло 5 лет учебы в институте под Вашим руководством. Мы, птички, разлетелись кто куда, покинули отцовское гнездо, пожалуй, навсегда. Да, Вы для некоторых, для меня в частности, действительно были вторым отцом. У Вас, наверное, новые питомцы. И этих выпустите. Но мы Вас не забудем никогда. Как сейчас вспоминаю I курс. Трудности. Помощь. Совместная работа. Порой разочарования. Ошибки, глупости. Но в целом веселая, интересная, с большой пользой проведенная студенческая жизнь не забудется никогда, где бы кем бы ни был. А теперь все работают в разных концах Союза, различные профессии. Пишут: нелегко работать, но все справляются. А я служу в морской авиации. Тоже нелегко. Но

справляюсь, стараюсь. Руковожу хором. Успехи пока неплохие. Вам, Василий Евгеньевич, за все, за все большое спасибо. Навсегда останетесь в памяти скромным, простым, но в то же время требовательным педагогом, отлично знающим и доступно преподносящим материал. Всего хорошего и успехов в Новом году.

Ваш питомец (ныне матрос)

Юра Зубков

С фотографии, вложенной в конверт, смотрит молодой человек в матросской форме, бескозырке, с надписью на ленточке «Тихоокеанский флот». Милое, немного скуластое серьезное лицо. Я хорошо помню его и его веселую свадьбу, гулять на которой довелось и нам по возвращении его из армии.

7.04.56.

Василий Евгеньевич, здравствуйте! Получил Ваше письмо и был рад от всей души, что мы с Вами установили переписку. Невозможно забыть институт, в котором проучился четыре года и который так много дал знаний для практической жизни. На всю жизнь сохранятся в памяти все преподаватели и студенты, с которыми учился. Вот почему установление связи с Вами для меня очень дорого. Василий Евгеньевич, спасибо за Ваш совет, очень вовремя подсказали... Книги и газеты стараюсь читать все свободные минуты... Служба идет отлично. Специальность, которую мы осваиваем, очень интересная и пригодится при работе в школе. Будем обеспечивать связь в авиации... Это наиболее грамотный состав войск, у нас все со средним и среднетехническим образованием. И только единицы – с 7-летним. С высшим образованием один я... Агитировали остаться в армии, но я ни в коем случае не променяю свою педагогическую деятельность на военную. Многие офицеры завидуют моей специальности... Много раз приходилось выступать с докладами на комсомольских собраниях... В работе очень помогает тот запас знаний, который я получил в институте. ...Вчера были стрелковые состязания из боевой винтовки, выбил 30 из 30 возможных, за что наградили благодарностью и портсигаром...

В письмах, содержательных, эмоциональных, Николай (Фамилия неразборчива. – Б.С.), проходивший службу в 200 километрах от Владивостока, описывает исторические места. («Недалеко сопка Волочаевская. На ее вершине стоит памятник героям гражданской войны – воин с обнаженной саблей»); восхищается Уссурийской тайгой («Но все же почему-то наша природа Урала кажется лучше...»); серьезно рассуждает о заселении Сибирских земель («...Сколько пустует доброй земли, все же еще мало заселена Сибирь даже в самых хороших местах...»); просит

передать приветы Л.Н. Заболоцкой, Г. Черновой, О.П. Кийко, другим преподавателям и всему 4-ому курсу.

Шаркан 09.04.66.

Здравствуйте, Василий Евгеньевич. Пишет Вам А.Егоров. Меня до сих пор не покидает мысль о поступлении в аспирантуру, хотя бы и заочно. Если Вам не трудно будет, то просил бы сообщить, есть ли нынче возможность осуществить эту мечту.

Шарканский район, Ляляшурская школа.

Братск, 20.12.67.

...Василий Евгеньевич, помните, на распределении я обещала Вам написать письмо. И вот пишу. Братск – город небольшой, меньше Ижевска... (подробно о Братске, его улицах, кинотеатре, прекрасном Дворце культуры, лесопромышленном комплексе, алюминиевом заводе, строящемся алмазном заводе, о плотине Братской ГЭС и т.д. – Б.С.)

...Каждый год открывают новые школы, но их все не хватает. Классы переполнены. Я работаю в 6-х и 9-х классах. Давать уроки в школе без методистов самостоятельно значительно труднее. Самой приходится разбираться в своих уроках. Нет наглядных пособий, карт... Опять и опять придется обращаться к Вашим лекциям, которые меня неоднократно выручали. Еще и еще раз благодарю за чудесные лекции...

Тамара.

УАССР, ст.Сюрек, 10.02.68.

Добрый день, Василий Евгеньевич! Извините за беспокойство, но уж очень мне хочется посоветоваться с Вами. Я неоднократно приходила в институт в надежде встретить Вас, но этого не случилось. Хотелось побеседовать лично. Коротко о себе: устроилась неплохо, веду 23 часа истории и 3 часа занимаюсь с группой немецким языком. Состав учителей неплохой. Уроки у меня проходят хорошо. Ребята любят историю. Стараюсь дать ребятишкам все, что знаю, да так, что после 6-го урока целый час сижу неподвижно: отдыхаю. Недавно у меня на уроке был завроно и инспектор министерства. Давала Гуситские войны. Урок прошел очень удачно, хотя быстрота речи была невероятная. Дали замечание. Ребят полюбила и, кажется, взаимно. Я секретарь комсомольской организации и лектор-международник (далее – очень личное: о семье, перспективах дальнейшей работы в школе при сокращении часов... – Б.С.)

...Очень хочется послушать Вашего совета. Я понимаю, Вы очень заняты, но я очень верю в Вашу человеческую доброту. Как готовиться, например, в аспирантуру и стоит ли. Этот вопрос для меня неясен, хотя я стараюсь и кое-что делаю. Одним словом, получи-

лось очень сбивчиво и нескладно, но Вы поймете: писать Вам нелегко. Очень надеюсь на ответ. Очень это будет важно для меня.

Богатырева М.И.

А переписка с Л. Аксеновой, Г. Кондратьевой, К. Корепановым и многими другими могла бы убедительно показать, как шло гражданское становление молодых людей, избравших нелегкий путь в учителя, в науку.

Закончу эту часть строками, которые через 40 лет после первого экзамена, принятого Василием Евгеньевичем в пединституте 11 января 1945 года, подарили ему студенты - заочники на выпускном вечере в январе 1985 года.

*Встреча с Вами, Василий Евгеньевич,
Воплощение нашей мечты.
Вы – пример человечности, мудрости,
Такта, воли и доброты.
Нам хотелось бы время общения
С Вами дольше продлить. Но когда?
Мы уходим. От нас пожелания:
Не болеть, не стареть никогда!*

В этом же году ушел навсегда и Василий Евгеньевич. Хочу верить, что его душа осталась в его делах, книгах, в детях, внуках и правнуках, в его учениках, помнящих своего учителя и продолжающих его дело.

Сам Василий Евгеньевич как ученый старался внести посильный вклад в развитие культуры и науки Удмуртии. Коллеги его лучше меня знают об этом. Я же только скажу, что сборники поэтов и прозаиков Удмуртии, труды ученых занимали не последнее место в его библиотеке. И что особенно дорого, многие из них с автографами и благодарными словами в его адрес.

Вот некоторые.

Глубокоуважаемому Василию Евгеньевичу с благодарностью за неоценимую помощь.

Фролова Г.Д. «История школы в Удмуртской АССР» Автореферат к.и.н., 1968 г.

Глубокоуважаемому Василию Евгеньевичу от благодарного ученика.

А. Тронин, к.и.н. «Формирование удмуртской социалистической нации» (в кн. «Семья народов», Изд-во Удмуртия, Ижевск, 1969). 16.10.69.

Василию Евгеньевичу Майеру с признательностью автор.

Зубарев С.П. «Борьба большевиков в Прикамье за республику Советов против буржуазного парламентаризма». 17.01.71.

Глубокоуважаемому Василию Евгеньевичу с признательностью и уважением от автора.

Санников Н.И. «НДП – первая нацистская партия Западной Германии» автореферат к.и.н., 17.04.71.

Профессору Майеру Василию Евгеньевичу!

Человеку большой души и партийного энтузиазма, отдающему все знания, силы и время для подготовки преподавателей истории.

Всегда помнящий Вас и Ваши лекции, семинары по средним векам, выпускник УдГУ М. Чупа. 29.12.1974. «Весна автозавода». Рассказ о комсомольской стройке. Изд-во Удмуртия, Ижевск, 1974.

Василию Евгеньевичу с глубоким уважением и признательностью. Автор.

Иванова М.Г. «Хозяйство северных удмуртов во второй половине IX - начале XIII вв.» автореферат к.и.н., 20.01.75.

Дорогому Василию Евгеньевичу с благодарностью за огромную помощь в написании сего труда.

Живаева Г.Т. «История северных удмуртов в XI-XV вв.» (автореферат к.и.н.), 1976.

Уважаемому Василию Евгеньевичу на добрую память от автора.

Гришкина М.В. «Крестьянство Удмуртии в XVIII веке» 3.10.78.

Дорогому Василию Евгеньевичу за понимание, поддержку и живое участие с благодарностью. Человеку, которому обязан появлением данной историкографической статьи, учителю, научившему многому.

Корепанов К. «К истории изучения звериного стиля Прикамья» 25.02.78.

Василий Евгеньевич с глубоким уважением, большой благодарностью за помощь и с самыми добрыми пожеланиями.

Сергеенкова И.Ф. «Фашизм и антифашистское сопротивление в освещении американской буржуазной историографии». 1978.

Василию Евгеньевичу Майеру с чувством сердечной признательности от редактора и автора.

Зубарев С.П. «Патриотический подвиг трудящихся Удмуртии в годы Великой Отечественной войны». 1981 г.

Глубокоуважаемому Василию Евгеньевичу – научному руководителю моей диссертации и учителю от ученицы.

Фролова Г.Д. «Удмуртская книга». 1982.

Василию Евгеньевичу Майеру с глубочайшим уважением и благодарностью.

Иванов В.В. «Содержание и характер памфлета «К общему собранию крестьянства». 7.12.82.

Василию Евгеньевичу Майеру – ведущему историку Удмуртии – с уважением и признательностью от автора.

Куликов К.И. «В боях за советскую Удмуртию». 1982.

Уважаемому В.Е. Майеру, первому учителю в науке, с благодарностью за помощь и поддержку в работе.

Наговицын Л.А. «Неолит бассейна реки Вятки» (автореферат к.и.н.), 1983 г.

Дорогому В.Е. Майеру – высококвалифицированному рецензенту этого издания – с огромным уважением и благодарностью.

Авторы Владыкин В., Христолюбова Л. «История этнографии удмуртов». 14.09.84.

Василию Евгеньевичу Майеру с благодарностью за помощь в исследовании деятельности Г.Е. Верещагина и вообще за совместную творческую работу.

Ванюшев В.М. «О творческом наследии Г.Е.Верещагина». 14.06.84.

Глубокоуважаемому учителю с искренней благодарностью и пожеланием доброго здоровья и творческих успехов.

Кабирова Т.Ф. «Великая Отечественная война СССР в новейших исследованиях английских буржуазных историков» (автореферат) 24.02.84.

Уважаемой Бориславе Петровне на добрую память от автора этой книги, в создании которой принял участие Василий Евгеньевич.

Соковиков Л.А. «Органы народовластия». 1985.

Глубокоуважаемому учителю и наставнику Василию Евгеньевичу Майеру от его ученика! На память о том, что сей ученик приносил не одни хлопоты и неудобства.

Чиркин В.А. «Историографические проблемы аграрной истории Германии в XV-XVI вв». 27.06.85.

Бориславе Петровне от автора в память о моем учителе.

Чиркин В.А. «Очерки по аграрной истории средней Германии 1460-1525 гг. (Исследования, документы)». Ижевск, Изд-во Удмуртского университета, 1992 г.

Глубокоуважаемой Бориславе Петровне со светлой памятью о человеке, благодаря которому стало возможным появление этой работы и который открыл мне путь в науку, 14/IV-87 г. В.Иванов.

Иванов В.В. Автореферат диссертации «Памфлеты и программы юго-западной Германии в 1523-1526 гг. и реформация Ульриха Цвингли». Ленинград, 1986.

Вы скажете, могла бы ограничиться двумя-тремя примерами. Без сомнения. Но мне приятно писать эти строки не только потому, что они посвящены Василию Евгеньевичу, но и потому, что за каждым автографом вижу знакомых мне уважаемых ученых, авторов статей, книг, диссертаций, радуюсь их успехам, восхищаюсь талантом исследователя и с удовольствием называю их работы, хранящиеся в библиотеке Василия Евгеньевича. Жаль, что невозможно назвать все.

Закончу эту часть словами выступления директора УдНИИ при Совете Министров УАССР К.И. Куликова, произнесенными на юбилее 60-летия Василия Евгеньевича.

Глубокоуважаемый Василий Евгеньевич! ...Трудно переоценить Ваш вклад в воспитание молодых педагогов и научных работников Удмуртии. Ваше дружеское внимание, советы и поддержка помогли многим начинающим исследователям войти в большую науку.

Будучи незаурядным ученым-организатором, Вы оказываете благотворное влияние на постановку научной работы в нашем институте, разработку актуальных проблем истории и культуры республики, повышение научно-теоретического уровня публикуемых трудов. От всей души желаем Вам доброго здоровья, творческих успехов и личного счастья.

Директор К.И.Куликов

Секретарь партбюро Л.С. Христоробова

Председатель местком С.П.Зубарев

(Текст приветствия на удмуртском и русском языках)

Газета «Удмуртский университет» регулярно публикует статьи преподавателей, студентов и тех, кто работает рядом с ними, о лаборантах, работниках различных служб университета, ассистентах, доцентах, профессорах. Н.Г. Шишкина, старший преподаватель кафедры всеобщей истории, (первая аспирантка профессора Майера, ныне зав. кафедрой истории древнего мира и средних веков) посвятила свою статью Ва-

силию Евгеньевичу («Удмуртский университет», 04.07.74), которая полностью приведена ниже.

ЧЕЛОВЕК БОЛЬШОЙ ДУШИ

Пожалуй, нет в нашей республике школы, где бы не работали выпускники исторического факультета, и каждый из них знает профессора университета Василия Евгеньевича Майера.

Ни для кого не секрет, что у студентов всегда бывают более или менее любимые преподаватели. В отношении Василия Евгеньевича мнение всегда единодушное: нет человека, знающего его, который не испытывал бы к нему чувства уважения, симпатии, признательности.

В Василии Евгеньевиче счастливо сочетаются простота, человечность, педагогический талант, такт в общении с людьми, доступность. Наверное, это и есть секрет того обаяния, которое привлекает к нему людей.

Почти тридцать лет назад, 20 сентября 1945 года молодой выпускник МГУ В.Е. Майер перешагнул порог УГПИ в качестве преподавателя.

Кажется, как давно и в то же время совсем недавно это было, но сколько событий вместились в сравнительно небольшой промежуток времени, сколько сделано, сколько пережито. Если взять только педагогическую деятельность – десять общих и специальных курсов разработано и прочитано Василием Евгеньевичем по различным эпохам и регионам отечественной и всеобщей истории. Но независимо от того, была ли это археология или история древнего мира, история средневековья или история восточных государств, методика преподавания истории и даже педагогика – курсы, которые читает В.Е. Майер, всегда привлекали слушателей, вызывали интерес, покоряли простотой и доступностью, поражали глубиной, высокой культурой. Те, кто учился у Василия Евгеньевича, сейчас уже сами преподаватели вузов, учителя школ, работники партийных и советских органов. Достаточно сказать, что среди бывших студентов Василия Евгеньевича нынешние преподаватели кафедр исторического факультета доценты А.А. Тронин, Н.И. Санников, преподаватели кафедр общественных наук, доценты В.В. Нарышкина, Э.М. Ситников, В.Е. Якубовский, министры просвещения УАССР Е.А. Никифорова, К.А. Пономарев и многие, многие другие. Но независимо от того, на каком посту трудятся сейчас выпускники профессора В.Е. Майера, они всегда с большой теплотой отзываются о своем учителе.

Вся жизнь, вся деятельность В.Е. Майера – это неустанный совершенствование, вечное стремление к идеалу. Об этом свидетельствует небольшая хронологическая таблица:

1955 г. – защищает кандидатскую диссертацию,

1957 г. – ему присваивают звание доцент,

1968 г. – защита диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук,

1968 г. – получает звание профессора.

Своими научными трудами В.Е. Майер завоевал большое уважение широкого круга ученых. Более 40 научных работ опубликовано им в Москве и Ленинграде, Перми и Свердловске, Вологде и Ижевске. Его исследовательская проблематика исключительно широка, но особое внимание профессор В.Е. Майер уделяет аграрной истории средневековой Германии, истории крестьянства и классовой борьбы в эту эпоху перехода от феодализма к капитализму. Василий Евгеньевич много и успешно занимается также проблемами атеизма и развития европейской культуры. Кроме того, с 1964 г. В.Е. Майер бессленно руководит кафедрой всеобщей истории, а с 1972 года возглавляет такой важный и ответственный участок работы университета, как научная деятельность. Свою педагогическую и научную работу Василий Евгеньевич удачно сочетает с большой общественной работой. Он - председатель научно-методического совета по атеизму в республиканском обществе «Знание», член правления этого общества и председатель республиканского отделения общества «СССР – ГДР».

В каждом человеке есть особые черты, присущие только ему, те, через которые проявляется его личность. В Василии Евгеньевиче это прежде всего – требовательность к себе и людям, доброта. Он всегда с людьми, к нему идут посоветоваться, поговорить, он с людьми и на кафедре, и в кабинете, и в пути. Профессор В.Е. Майер всегда в работе.

Н. Шишкина.

18. МОРЕ, ПЕСОК, СОСНЫ

Четыре года (1972–1976) Василий Евгеньевич был проректором по науке. Это очень почетно и очень ответственно. Первого он не добивался, второго не боялся. Я даже не пытаюсь описывать деятельность Василия Евгеньевича в этом направлении. Скажу лишь, что отдавался он этой работе с душой, как и всякой другой. А что сделал, говорить не мне; я знаю лишь немного: на разговоры и обсуждения дел времени у нас не было.

В «Удмуртской правде» он освещал некоторые стороны этой работы в статьях, которые я называла ранее. На годы проректорства Василия Евгеньевича пришлось преобразование пединститута в университет. Новые учебные планы, новые специальности, новое оборудование, новые люди...

Нагрузка его, как проректора, возросла во много раз, ни одна прежняя не была снята: он оставался заведующим кафедрой, выполнял в городе большую общественную работу, урывками занимался наукой. И

хотя я никого не расспрашивала о деятельности Василия Евгеньевича, знала, что стиль его работы, уважительный к людям и требовательный, с трудом вписывался в стиль ректора. Это создавало излишние трудности. Заканчиваю эту короткую часть на пессимистической ноте. Новый кабинет, только что отремонтированный, на северной стороне, сырой, холодный, продуваемый ветром, несмотря на принятые меры, не был удачным местом работы. Промерзший за день, Василий Евгеньевич долго не мог согреться дома. Ранее не болевший, он стал испытывать проблемы со здоровьем. Освободил его от этой должности инфаркт.

Уточню. Только в 2003 году прочла:

«...Правда, на этом ответственном посту у Василия Евгеньевича не обошлось без некоторых шероховатостей. Полностью отдавая себя творческой стороне дела, он совершенно упустил из вида бюрократическую составляющую деятельности проректора. Бумаги из вышестоящих органов, регулярно приходившие на имя Майера, так и не прочитанные, добросовестно складывались в ящик стола, потому что проректору по научной работе «некогда было заниматься ерундой». И когда писем из вышестоящих органов с требованием отчетности, текущих и перспективных планов скопилось несколько пачек, состоялся «разбор полетов». В результате руководство университета пришло к выводу, что идеальной средой обитания профессора является его родная кафедра всеобщей истории».

*Андрей Васильев – главный редактор
Виктор Любич – специальный корреспондент
Инфо-Панорама 04.12.03*

Друзья, коллеги, студенты не забывали его, поддерживали бодрость духа, писали в больницу.

...Дорогой Василий Евгеньевич... Что и говорить, пережито в жизни много Вами, а сердце одно. Не думайте ни о чем, берегите свое здоровье, работайте, как Вы всегда работали, честно и мудро. Знайте только об одном: как много на земле людей, которые с любовью нежно и бережно говорят о Вас! А сколько Вы делали в жизни хороших и умных дел – для людей!

Г. Кондратьева.

«...Что же это Вы надумали болеть? Нам так плохо и скучно без Вас. Выздоровливайте скорее, мы Вас очень ждем. Дела у нас идут, в общем-то, неплохо, народ мы почти самостоятельный, так что за нас не беспокойтесь. Лечитесь, отдыхайте, набирайтесь сил, ведь впереди весна, лето, отпуск...»

5 курс, заочники

«... посему необходимо взбодриться и сказать: «Скорее встать на ноги!» Нас ждут всякие весенние хобби. Самое лучшее в этом деле – положительные эмоции... Мы все Вас любим и желаем только хорошего... Итак, бодрости и хорошего настроения».

Петровская

Я иногда корю себя, что не встала насмерть на пути Василия Евгеньевича к проректорству, хотя никогда не мешала ему заниматься, тем он хочет, как и он мне.

Через три месяца после инфаркта Василий Евгеньевич получил горящую путевку в кардиосанаторий Юрмалы. Собирались наскоро. Я должна была довезти его до санатория и вернуться обратно.

И вот: самолет из Ижевска, шикарный поезд до Риги. От Риги до Юрмалы можно было спокойно за 20 минут доехать по железной дороге. Но, неопытные, мы сели в предложенное нам такси. И – о ужас! – по автобану понеслись со скоростью 120 км/час. Только ветер в ушах свистел. Я обмерла, думала: не довезу живого. Но Василий Евгеньевич сидел спокойно и по приезде в Юрмалу оформился в санаторий. К вечеру, отдохнув, нашел еще силы устроить меня на квартиру.

Вернуться домой сразу мне не удалось: вещи отдыхающих сдавались в камеру хранения. Надо было поднимать на полку два тяжелых чемодана, что Василию Евгеньевичу было запрещено. Пришлось остаться на всю смену, о чем я ничуть не пожалела, только вещей у меня не было: один спортивный костюм, в котором приехала.

Василия Евгеньевича поселился в комнате с двумя мужчинами – учителями истории – на втором этаже деревянного санаторного дома, а я – напротив в частном доме, в малюсенькой комнатухе с женами историков. Утром Василий Евгеньевич меня предупредил, чтобы я никому не говорила, что он профессор, что это создаст определенное неравенство. Но историки скоро признали его авторитет и высоко ценили его знания, хотя он ничуть не старался их афишировать. Общие интересы, проблемы не позволяли ему лукавить, и он аргументировал свою точку зрения уверенно, но с большим тактом.

Иногда, подходя к комнате Василия Евгеньевича, я слышала бурные дебаты. Ему повезло с соседями по палате. Люди образованные, очень деликатные, порядочные, они имели много общих тем для бесед с Василием Евгеньевичем.

О первых впечатлениях от курорта Василий Евгеньевич сообщает в письме к дочери.

Юрмала, 21.07.76.

Дорогая Таня! Лежим на берегу моря в сосновом лесу и наслаждаемся прелестями Латвии. Нам пока все нравится: деревянные двухэтажные домики со всякими пристроечками и верандами, высокими крышами и ажурным оформлением балконов с цветными стеклами;

тротуарчики, выложенные разноформатными плитками; отсутствие заборов; цветы, клумбы, кустарники, жасмин и серебристые ели, сосны и каштаны.

Особенно благотворно влияет воздух. Море и прибрежная полоса отличаются простором и отсутствием всяких бухт и бухточек. Волны пока весьма умеренные. Это объясняется, очевидно, тем, что берег полого уходит в море. Чтобы плавать, надо на полкилометра уйти от берега. Вышка, откуда прыгают в воду, в метрах семистах от того места, где мы расположились.

Юрмала – городок, который тянется вдоль рижского залива несколько километров. Он производит очень благоприятное впечатление своими строениями, магазинами, площадями.

Как я и предполагал, люди отличные, всякие там выдумки, что они могут не ответить, где магазин, в какую сторону идти - чепуха. Мы встречали только одно доброжелательство.

Только раз, когда на углу улицы появилась пьяная ватага, кто-то заявил: «А, Русь прибыла...» Нам даже стало стыдно за этих барбосов.

Ты не выполняешь наш уговор – не пишешь. Срамота. Желаю всего доброго. Привет от мамы.

Твой папа.

Сначала Василию Евгеньевичу разрешали ходить только недалеко от дома, отдыхая через 20 минут. Мы осматривали близлежащие места, восхищались красотой и ухоженностью парка, соснами, которые вставляли из крыши построенного вокруг них кафе (ствол был внутри помещения!), ходили к морю. Невдалеке в разных местах строились огромные современные корпуса санаториев. И жаль было двухэтажных деревянных старых домиков, украшенных резьбой, которые, видимо, доживали свой век.

Вскоре Василий Евгеньевич мог ходить больше. И мы уже постепенно отправлялись все дальше от санатория, неизменно возвращаясь к нему. Это напоминало нам Тимку, нашу кошку-подростка, впервые попавшую в наш сад-огород. Она сначала вертелась у ног Василия Евгеньевича, потом отходила шагов на 10-15 от него в разных направлениях и возвращалась к нему. С каждым разом расстояние увеличивала на 1-1,5 метра и так, пока не освоила весь огород. А потом смело проникала и за его пределы.

В полшестого утра Василий Евгеньевич был на берегу моря, плескался около берега. До завтрака мы вместе или он один совершали большую прогулку. На пляже почти никого.

Я уже несколько дней по утрам бегаю к морю. Вхожу по колени в воду и обдаюсь морской водой, потом быстро насухо вытираюсь, одеваюсь, совершаю прогулку в течение 30-60 минут. Делаю от 3 до 5 км.

Чувствую себя очень хорошо, но к вечеру мне почти всегда хуже. Боюсь, что тяжело от еды.

После завтрака и процедур Василий Евгеньевич предлагал пройти подальше, познакомиться с другими местами. Мы шли к Дзинтари, обошли по побережью все близлежащие санатории.

На электричке ездили в Кемери – это десятая остановка от Булдури, где мы живем. Отличная аптека, мы купили интенкордин и экстракт плаценты. Нам понравились кактусы в аптеке, розы на площади, цветочный магазин.

Это был месяц, когда мы просто отдыхали, откинув все заботы. Может быть, Василий Евгеньевич и думал про себя о своей работе, но вслух никогда об этом не заговаривал. Он рассказывал о прочитанном без меня, о своих студенческих товарищах, делился впечатлениями о виденном. Нередко просил меня почитать наизусть стихи. И я читала «Демона» Лермонтова, Есенина, «Евгения Онегина», Маяковского. С ним всегда была какая-нибудь книга. Отдыхая во время прогулок, он читал мне, я слушала и вязала, потом я читала, он слушал. Василий Евгеньевич и сам знал много стихотворений наизусть и читал их во время прогулок. Предпочитал короткие – не более 5-6 строк.

Первым, услышанным мною еще в середине 40-х годов, было Некрасовское:

*Вчерашним днем часу в шестом
Зашел я на Сенную.
Там били женщину кнутом
Крестьянку молодую.
Ни звука из ее груди...*

И впоследствии время от времени слышала эти строки. Я никогда не видела, как он заучивает тексты. Точнее, видела много раз, но не обращала внимания, не понимала, что происходит. Только после смерти Василия Евгеньевича осознала.

Нередко, когда случалось «бросовое время» – в очереди, на остановке транспорта и т.д. – он как бы невзначай извлекал из нагрудного кармана пиджака небольшой клочок бумаги, крутил в руках, от нечего делать, расправлял, просматривал и небрежно запихивал в кармашек. После ухода Василия Евгеньевича из жизни, убирая его коричневый костюм (он всегда чистил одежду сам, и я в карманы не заглядывала), обнаружила в верхнем карманчике помятую газетную вырезку со стихотворением. И все поняла. Листок не выбросила. Прогладила горячим утюгом, позднее вклеила в альбом со статьями Василия Евгеньевича. Это было последнее стихотворение, услышанное мною от него. Василий Евгеньевич уже взялся за ручку двери, собираясь идти на работу, но оста-

новился, поколебавшись мгновение, сказал: «Послушай». И прочитал наизусть эти строки (автора не знаю):

*Цвет рассады рисовой так зелен,
Мягко, ласков – глаз не оторвешь.
Если б во Вьетнаме был Есенин,
Он воспел бы рис, как нашу рожь.*

*Словно кареглазые опята,
Женщины под конусами шляп.
Он бы их любил любовью брата,
Будто бы рязанских наших баб.*

*Не забыв российские печали,
Но поняв печаль вьетнамских сел,
Он бы черных буйволов мычанье
На язык буренок перевел.*

*К иностранцам девушки так строги.
Но Есенин, как в любой стране,
Среди вас, такие недотроги,
Все-таки нашел бы Шагане.*

*А когда бы он увидел бомбы
И услышал крыш предсмертный хруст,
То заплакал о Вьетнаме он бы,
Будто это жгут родную Русь.*

*И взорвался бы от потрясенья
В лирике гражданский динамит.
Если б во Вьетнаме был Есенин,
Стал бы Маяковским хоть на миг!*

Первое стихотворение – и последнее. А сколько было между ними русских и удмуртских, (Р. Гамзатов), украинских, немецких...

В записной книжке Василия Евгеньевича и словарные зарисовки-наблюдения за растениями, насекомыми, птицами, животными, сделанные в разные дни во время прогулок. Описывая какой-либо маленький эпизод, Василий Евгеньевич стремился к простоте, точности и наглядности, за внешним эффектом не гнался.

Самая большая достопримечательность Юрмалы – сосна. Деревьям по полторы-три сотни лет. Очень молодых сосен нет. Растут они не особенно близко друг к другу. Преобладают темно-коричневые стволы с чешуйчатобразной корой, но есть и такие, у

которых вся верхняя и даже средняя части ствола гладкие желтой окраски (желто-красной, охристой). На втором месте липа и ель. Парки и скверы украшены туей и вереском. Местами растут каштаны, грецкий орех. Много кустарниковых растений. Нам особенно нравятся различные сорта жасмина. Весной, должно быть, красиво цветет сирень. Везде цветы, много роз, гладиолусов, гиацинтов, бегоний.

В Юрмале есть и наши березы, и клены, и рябины, но не такие пышные. В одном месте мы встретили акацию, но крона у нее была сухая. На бузине большими гроздьями висят красные ягоды.

Здесь тротуары и дорожки выложены плитками без того, чтобы вырубать деревья. Поэтому на тротуаре стоят сосны, березы, которые приходится обходить. Такая оригинальность нам очень нравится.

Через дорогу в корпус, выложенную плитами, муравьи проложили себе тропу. Мы с Борей наблюдали, как группа муравьев тащила огромную зеленую гусеницу, продвигались они довольно быстро. Мы пошли в том направлении, куда они тащили гусеницу, обнаружили под сосной огромный муравейник.

04.08.76.

Иногда у берега моря, на песке, засунув клюв под крыло, сидят чайки сизые, с черной головкой и черными перышками в крыльях. Но есть и пестрые. На груди у них коричневые перья разбросаны среди белых, как будто они рябые. Крылья почти совсем коричневые, на голове тоже преобладает коричневый цвет.

На деревьях и на вершинах высоких кустарников встречаются гнезда формы вытянутого шара. Они меньше вороньих гнезд, но больше привычных для глаза. Кажется, что это гнезда черных дроздов.

Дрозды чернее и крупнее скворцов и свистят громче и красивее их. Они быстрее скворцов бегают по земле. Возможно, это певчие дрозды. В нескольких местах я видел выводки их птенцов. По четыре взрослых птенца сидели на земле под деревом и ожидали, чтобы родители их кормили.

Утром направился, как обычно, к морю. На дороге, прямо на бетонной плите, сидели два птенца. Они подпустили меня совсем близко. Я с ними заговорил, и они меня, казалось, слушали. Вообще они казались беспомощными, привыкшими к определенной позе. У них даже не было еще хвоста, вокруг клюва виднелась желтизна, тело покрыто редкими длинными пушинками. Вначале я думал, что это воробушки. Но когда из лесу услышал предупреждающее короткое цоканье старой птицы, понял, что это не воробьи. Стал внимательно рассматривать их. Оказалось, они не совсем серые. Крылья были темнее, а грудки обнаружили желтизну. Я обошел их, приговаривая при этом. Они внимательно следили за мной, поворачивая свои головки мне вслед.

Глаза их казались небольшими и смысленными. А из кустов все тревожнее цокала их мамаша. Наверное, это были малиновки или мухоловки. Возможно, также, что это были и синички.

Рано утром, когда я, как обычно, ходил на море, мне пришлось наблюдать следующую картину. У ствола сосны сидела кошка. Она выглядела испуганной. А с сосны задом спускалась другая, но она почему-то все рвалась вверх и громко урчала. Я думал, что там, наверное, еще и третья кошка. Но на стволе никого не было. Вдруг полетела шишка сверху, потом другая. Я посмотрел выше и увидел в ветвях белку. Это она кидала шишки. Обе кошки были вынуждены уйти из-под дерева: одна с испугом во всем теле, другая – урча, недовольная. Ушли к дому.

Вчера мы с Б. сидели на скамейке в сосновом лесу. Вдруг я заметил, что с соседнего дерева что-то сыплется через неравные промежутки времени. Вскоре на суку, откуда что-то сыпалось, обнаружил белку. Она что-то срывала и, держа в передних лапах, грызла. Когда я собрал то, что падало, это оказалось чешуйками от зеленых шишек. Белка, очевидно, вынимала из шишек зерна, а чешуйки при этом падали на землю.

А сегодня утром Б. таким же образом обнаружила белку на сосне.

На днях видели совсем маленькую белочку. Она даже шлепнулась с дерева на землю с высоты около метра.

Мне казалось, что белка вообще не издает какие-либо звуки, но сегодня утром, когда я отправился на море, с вершины сосны мне слышался знакомый звук в виде челканья. Вскоре на том месте, где мне казалось, кто-то издавал эти звуки, увидел белочку, которая затем перескакивала с ветки на ветку, с дерева на дерево и постепенно начала спускаться ко мне. Мне казалось, что белочка голодна и просила что-нибудь поест. Я пытался с ней поговорить, чтобы объяснить, что у меня ничего съестного с собой нет, но она убежала.

Василий Евгеньевич всегда любил наблюдать за жизнью птиц и животных.

Еще одно любимое занятие, неожиданно возникшее, украсило досуг Василия Евгеньевича. Где-то в начале смены учитель истории Сергей Иванович купил книгу-альбом по западноевропейской живописи средних веков на французском языке и очень сожалел, что не может прочитать текст и описание иллюстраций. Мы сидели на скамье в парке и рассматривали книгу. Василий Евгеньевич обратил внимание на одну репродукцию. Он рассказал, какой библейский сюжет лежит в основе картины, как он соприкасается с мировоззрением художника, общественно-политической обстановкой, каковы особенности композиции, как художник использовал свет, цветовую гамму для раскрытия своего замысла и т.д. «Подождите! Я буду записывать!» – вскричал Сергей Иванович. Он попросил рассказать о других репродукциях. Беседы продол-

жались более двух недель сразу после завтрака и процедур. Наша скамейка в парке обрастала слушателями.

Василий Евгеньевич охотно отвечал на вопросы, возникающие у отдыхающих. А смуглая девушка с длинной черной косой, одна из первых остановившаяся у нашей скамейки, принесла альбом «Русский музей» и спросила Василия Евгеньевича, не может ли он рассказать о скульптуре, выставленной там. И здесь он не ударил в грязь лицом. Слушатели своеобразного лектория, уходя, благодарили Василия Евгеньевича, многие стали здороваться с ним при встречах.

Василий Евгеньевич оказался в своей стихии. Я же с интересом слушала и наблюдала за реакцией людей.

Не пропускали мы новые фильмы, концерты. В Дзинтари отличная эстрада, и Эдуард Хиль вместе с концертной бригадой доставили Василию Евгеньевичу большое удовольствие.

В конце смены мы дважды ездили на поезде в Ригу, гуляли по ее старинным улицам. Василий Евгеньевич полностью ориентировался по карте. Видели памятник Свободе, Домский собор, церковь Святого Петра. Были в музее истории...

Город красивый, но не величественный, улицы узкие, кривые. Удивляло обилие цветов, чистота. Второй раз – рижский рынок – четыре огромных здания: рыба, молочные продукты, мясо, овощи. Невиданное богатство и разнообразие! Особенно продуктов моря. Малосольная осетрина – это что-то!

Из Юрмалы, помимо подарков детям, мы привезли луковицы тюльпанов. Необыкновенно крупные цветы их удивляли наших огородников, долго радовали нас; но однажды, выкопав 50 штук и оставив просушиться в тени, не подумала, что появившееся солнце сожжет их до волдырей: погибли тюльпаны.

Люди говорили, что прибалты не любят русских. Мы не почувствовали за все время пребывания в Юрмале не только враждебного, но и просто невежливого отношения. Василий Евгеньевич умел тактично разговаривать с людьми и в ответ получал уважительное отношение. За исключением одного случая.

Уже перед отъездом в Ижевск Василий Евгеньевич задумал навесить своего дальнего родственника в Гульбене.

На поезде подъехали мы к городу, когда солнце уже садилось. Маленькие деревянные домики, подсолнухи и флоксы в палисадниках под окнами, деревянные тротуары, по обочинам трава. Язык довел нас до центра с несколькими двухэтажными каменными домами. А теперь слово Василию Евгеньевичу (из записной книжки).

В Гульбене одни дубы по аллеям посажены, а живые изгороди – из подрезанных лип, туй, орешников и раkit. Городок весьма маленький.

Начинается скучнейшая история. Лет 8 тому назад мой двоюродный брат А.М. прислал мне адрес своего брата Гуго М. Я Гуго хо-

рошо помню. Он был сыном родной сестры моей матери Христины. Когда мы жили на Днепрострое, он неоднократно приезжал к нам вместе с женой. Мама и папа всегда радушно его принимали. Находясь сейчас в Юрмале на отдыхе, я решил их навестить. Ехали мы вместе с женой. Но нас постигла полная неудача. Гуго умер, как сказала его соседка, года полтора тому назад, а вдова его нам дверь не открыла. Очевидно, она психически неуравновешенная. Ей мерещатся голоса, как сказала соседка-врач. Все получилось печально и смешно. Дом и квартиру мы нашли легко. Остановились у входа, чтобы отдышаться. Потом поднялись на второй этаж. Позвонили. Залаяла собака. Подошла с той стороны двери женщина, спросила: «Кого надо?» Я ответил: «Мельм Гуго Ив.!» Там повторили: «Мельм...» Шаги удалились в другую комнату. Голос: «Из-за собаки ничего не слышно». Затем было некоторое время тихо. Мне казалось, что голос, раздавшийся вначале, с кем-то разговаривает. Но это могло быть и с собакой. Потом вдруг раздалось: «А он умер. Тут никого их не осталось. Все уехали в Ригу». Потом мы ничего больше не добились. Она отказывалась с нами разговаривать. Мы обратились к соседке, которая живет в квартире 17, так как в квартире 15 нам не отвечали. Это была врач, которая там живет 4 года. Она подтвердила, что старик умер. А вдова живет совершенно одна. Она странная, боится. Жили они тихо, никто у них не бывал, хотя до всего этого нам дела нет. Мы пытались с соседкой вместе побудить вдову вступить с нами в разговор. Она сказала, что переночевать она никого не пустит. Но мы не только не просились, но даже заявляли, что мы сегодня же уедем. Было около 9 часов вечера, а поезд уходит в 1.40 ночи.

После всего этого мы вышли и сели возле дома через улицу. Это был народный суд. Все обдумали. Боря думала, что я волнуюсь. Но это было не так. Хотелось только вдове сказать пару теплых слов. Но ведь не станешь их кричать через дверь! Мы решили дотемна дойти до станции. Так и сделали. Сейчас, после ужина в ресторане, я сижу на диване, а на моих коленях спят с одной стороны Б., с другой – приبلудный котенок. Идиллия. Так закончили 30-е июля.

31.07.

Но приключения продолжались. Около двух часов подполз, наверное, дореволюционный поезд. В плацкартном вагоне мест не было, и мы присели на лавку в последнем «купе», где находились «солдат» в накинутом на плечи кителе и очень красивая девушка. Вскоре мы поняли, что разговор между ними походил на блатной. Когда он достиг очень высокого накала, Василий Евгеньевич спокойно сделал «солдату» замечание. «А ты кто такой?» – вскинулся солдат. – «Генерал», – спокойно ответил Василий Евгеньевич. Реакция парня была быстрой и неожиданной и для меня, и для Василия Евгеньевича: «Сволочи! Оккупанты! Скоро мы всех вас здесь перевешаем!» Дальше следовали угрозы, пересы-

панные матом. Что происходило в душе Василия Евгеньевича не знаю, но он спокойно и твердо смотрел в глаза «солдату». Ни один мускул не дрогнул на его лице.

Выплеснув свистящим шепотом злобу, пара удалилась в другой вагон. Пассажиры спали. Я прошла в середину вагона, увидела два боковых свободных места и чуть не силой потащила туда Василия Евгеньевича. Мы сели за столик, положили руки на стол, на руки головы и заснули. Внезапно проснувшись, я открыла глаза и увидела, что «солдат» стоит в нашем «купе», подняв руки к верхней полке. В этот момент раздался крик: «Ой, люди добрые, грабят!» «Солдат» метнулся к выходу. Сразу запричитали в разных местах вагона: «Последнее унес...» и т.д. Люди проснулись, заговорили... Оказалось, настоящий солдат беспечно оставил свой китель с документами в последнем купе. Бандит воспользовался кителем, как прикрытием. Ограбив людей, подхватив чемодан и китель, он на ходу спрыгнул с поезда и был таков. Девушка сошла раньше. Таков вонючий ковш дегтя в бочке ароматнейшего меда.

10.08.76.

Сегодня едем домой. Итог отличный, за исключением двух дней. Я каждое утро обдавался морской водой и, вытершись насухо, совершал прогулки по самому берегу моря. Обычно это было за последнее время 6 км до завтрака. На последнем осмотре врач сказала: «На вашей кардиограмме рубец не обнаружен... Когда у Вас был инфаркт?»

Когда я сказал, что в марте этого года, она прибавила: «Ну, знаете, это зависит от того, кто смотрит кардиограмму, насколько он специалист».

Как сели в вагон, наша соседка сразу заявила: «Прибалты негостеприимны. Нас здесь не любят. Сколько ни спрашиваешь их, не отвечают. В магазине своих обслуживают... А ведь они все знают русский язык. У них он преподается с первого класса. Просто ненавидят нас».

Ну мы ей в ответ: «А нам понравилось здесь... Никто не отказывался нам отвечать на наши вопросы. Правда, дважды мы столкнулись с такими фактами. Первый раз я спросил у женщины, как дойти по адресу. Она пыталась нам объяснить. При этом нам казалось, что она хорошо говорит по-русски. Во всяком случае предложения строились правильно. И вдруг она заявляет: «Я по-русски не могу точно сказать». И тем не менее по ее описанию мы нашли совершенно незнакомый нам адрес.

Другой раз я покупал крыжовник у мужчины преклонного возраста. До этого мне говорили, что сорт крыжовника называется «Тукумский». Но я хотел проверить, правильно ли мне сказали. Когда я спросил старика, он развел руками, будто он меня не понимает. Но я продолжал спрашивать: «Сорт? Какой сорт?» Девушка, лет шестнадцати, стоявшая недалеко, пыталась прийти на помощь. «Крыжов-

ник», – говорила она. Но я продолжал добиваться: «А сорт какой? Я знаю, что это крыжовник, но бывают сорта Варшевича, Десертный...» Но мои усилия ни к чему не привели.

Разве на этом основании можно говорить, что они не хотят отвечать на наши вопросы?

Еще случай. Нам понравился Тукумский крыжовник, очень нежный на вкус, довольно крупный, красноватого цвета и красивой формы. Его иногда называют «Дамские пальчики». В Риге продают самые различные растения. Мы спрашивали, нет ли тукумского крыжовника. Везде нам отвечали, что теперь рано его сажать, сезон наступит только в сентябре. Мы договорились с одной женщиной, что она нам прикопает и привезет 10 ростков 10 августа к нашему отъезду домой.

Потом, когда мы вернулись в санаторий, сами над собой смеялись: «Какая фантазия, договориться по такому пустяку за 20 дней». Но каково же было удивление Бори, когда я 10 августа разыскал на базаре ту женщину и купил у нее три ростка крыжовника. Она принесла 10, а у меня не было столько денег!»

Все это мы рассказывали в вагоне. На это та женщина ответила: «Да, видно, вы нашли с ними общий язык».

Удивительно, но мы зачастую способны быстрее делать отрицательные, порочащие выводы.

Та же женщина считала, что латышский язык похож на немецкий. Видите, она преподавала немецкий язык, а в латышском встречаются такие слова, как «я, я», «ин, ин». Кстати, я значительно больше встречал немецких корней в латышском языке, но не усмотрел особой близости латышского и немецкого. Столько же имеется слов, родственных русским словам!

Поездка была отличная. Василий Евгеньевич чувствовал себя значительно лучше. Ижевск встретил нас дымом заводских труб, закрывающим полнеба.

19. ТА ЗИМА БЫЛА... – ЛЮТОЙ

Переворачиваю следующую страницу записной книжки Василия Евгеньевича на отдельном развороте листа четким красивым почерком, с соблюдением построчной разбивки стиха («лесенкой») записано стихотворение Роберта Рождественского.

23.08.76.

*Та зима была,
будто война –
лютой.
Пробуравлена,*

прокалена ветром.
Снег лежал,
    навалясь на январь
        грудой.
И кряхтели дома
    под его весом.
По щербатому полу
    мороз крался.
Кашлял новый учитель
    Сергей Саныч,
Застывали чернила
    у нас в классе,
И контрольный диктант
    отменил завуч.
Я считал:
    не случайно
        болит горло.
Не случайно
    холодным бельмом – солнце.
Запрещается
    смена времен года,
Потому что
    зима и война –
        сестры!
И хлестала пурга
    по земле крупно.
И дрожала река
    в ледяном гуле.
И продышины в окнах
    цвели кругло,
Будто в каждое
    кто-то всадил
        пулю!
И надела соседка
    платок вдовий.
И стонала она
    допоздна – поздно...
Та зима была,
    будто война,
        долгой,
Вспоминаю
    и даже сейчас
        мерзну.

Записано в августе 1976 года в Ижевске. Сразу, после заметок в Юрмале.

Почему оно здесь? Василий Евгеньевич никогда мне его не читал, хотя Некрасова, Есенина – частенько.

Не потому ли, что оказалось до боли созвучным с переживаниями и мыслями зимы 41-42-43 годов, о чем Василий Евгеньевич не любил рассказывать. Что ему напомнили эти стихи? Что ему виделось? Как он, будучи студентом МГУ, добровольцем пошел в народное ополчение, был бойцом в стройбате, сражался под Малоярославцем, а потом, как немец, отчислен из армии и чуть ли не весь путь прошел пешком в лютые морозы в шинельке и обмотках от Подмосковья до Удмуртии? Можете вы себе это представить?

Я могу. Хотя бы по аналогии.

...Вязьма. 30-го сентября 41 года, вернулась туда после работ на оборонительных рубежах – строили противотанковые рвы под Смоленском, переходившим из рук в руки.

Город постоянно бомбили. В ночь на 7-е октября налеты вражеской авиации были такие частые, разрывы бомб такие сильные, что нам, укрывшимся в щелях и уже привыкшим к постоянным ночным налетам, казалось: от города ничего не осталось.

Утром комендант сообщил, что скоро прибудет колонна автомашин и мы должны немедленно покинуть город.

У почты, куда поспешили мы с мамой, Володей и тетей Маней, сестрой мамы, было очень много народу с узлами и котомками. На машины прибывшей колонны мы не смогли забраться. Народ брал их штурмом. Наша и еще одна семья остались на тротуаре. Володя обрадовался: «Пойду в партизаны!»

Но неожиданно появилась еще одна колонна из 80 пустых грузовиков. С нами в кузове оказались две женщины, два раненых солдата и лейтенант. Колонна немедленно двинулась, долго шла по обочине, так как шоссе Москва-Минск было забито идущими по нему машинами. Река преградила путь. Тогда лейтенант, размахивая пистолетом, занял место шофера и направил машину на шоссе перпендикулярно ему. Задние притормозили, и мы смогли продолжать путь уже по шоссе. По дороге колонну несколько раз бомбили. Она останавливалась при сигнале «Воздух!» – мы выпрыгивали и бежали подальше от шоссе. Некоторые оставались лежать неподвижными.

В Гжатске (ныне Гагарин) уже затемно нас погрузили в эшелон из товарных вагонов, и мы двинулись к Москве. Два раза основательно бомбили. Вторая бомбежка разворотила железнодорожный путь. Нам повезло: впереди шел эшелон с саперами. Они быстро восстановили разрушенное. Как я потом узнала, в одном из этих налетов погибла моя бабушка, а ее дочь, двадцатичетырехлетняя Наташа потеряла ногу. Они ехали в нашем эшелоне.

За Москвой налетов стало меньше, но быстро наступили холода. Вагон же нагревался лишь нашим дыханием. Ехали больше месяца, так как пропускали идущие на Запад из Сибири военные эшелоны с сибиряками-солдатами и техникой.

« Та зима была будто война – лютой».

На станции Ува нас пересадили на поджидавший эвакуированных санный обоз. Маму, меня, Володю и тетю Маню закутали в тулупы и повезли вместе со всеми в Селты, там распределяли по деревням. Нашу семью направили в удмуртскую деревню Вутно. Эта дорога мне хорошо запомнилась: яркое солнце, сильнейший мороз, скрип снега, лошадь в инее. К сумеркам нас привезли в Вутно. Каким долгим, мучительным казался этот путь, несмотря на проявленную со стороны властей заботу. И как долго, одиноко, тоскливо было добираться одному человеку (Василию Евгеньевичу) с обидой в душе на несправедливое снятие с фронта, в неизвестность, до Увы, леспромхоза, лютой зимой «пробуравленной и прокаленной ветром».

Нам же в деревне отвели летнюю часть дома с печкой, но довольно холодную. Колхозники приходили смотреть на нас, «выковыренных»: станут гурьбой у порога – и молчат.

Мама болела, на работу не ходила. Я в летних туфельках на гумне вместе с другими веяла зерно, которое потом потихоньку колхозники разбирали в узкие глубокие карманы, спрятанные под одеждой. Было очень холодно.

12 января 1942 года я уехала учиться в Мултан (подтолкнул колхозник-удмурт). Там жила на квартире с Нюрой (дочерью хозяйки дома в Вутно). Хозяин мултанской квартиры, учитель истории Леонтьев, говорят, очень хороший учитель, был на фронте. Дома оставалась жена с двумя маленькими детьми. Моя задача была пилить и колоть дрова. Коряги привозили – будь здоров! А я, восьмиклассница, никогда, кроме лопаты (строительство противотанковых рвов, дотов, дзотов, волчьих ям под Вязьмой), никакого инструмента в руках не держала. Помогали студенты-однокурсники: вечерами распиловка шла под смех и шутки. Холодно. Грелась на пиле, как я сейчас греюсь в огороде то на лопате, то на топорике.

За третью четверть я окончила первый курс, за четвертую – второй. Заниматься приходилось много.

Отнимали время и еженедельные посещения Вутно. Я скучала по маме и Володе. Да и, пожалуй, главное: надо было принести «продуктов» на неделю. Мне могли выделить по две картофелины на день. За этими 14-ю картофелинами я еженедельно ходила 15 км до деревни и 15 обратно. Ходила не одна: сначала с Нюрой, а с третьей четверти с Толей Арафаиловым, парнем из соседней деревни, не доходя до нашей 2 км, погибшем впоследствии на фронте.

Но были дни, когда приходилось идти одной. Выходила обычно после занятий в 2-3 часа и шла всю дорогу в темноте. Мороз. Только лапти поскрипывают. Иду быстро: боюсь волков, а еще больше беглых солдат, которые, сказывают, скрываются в лесах. Когда мороз очень донимал, бежала, опять шла, опять бежала.

*«Снег лежал, навалясь на январь, грудой,
И кряхтели дома под его весом.
И продышины в окнах цвели кругло,
Будто в каждое кто-то всадил пулю!»*

Деревня в сугробах, на крышах высокие снежные шапки.

Дороги нет, только узкая тропинка – двоим не разойтись – от дома к дому. Чуть оступился – провалился по пояс. И барахтаешься в снегу, выкарабкиваясь.

В субботу вечером пришел, а утром в воскресенье уже надо идти назад, почти всегда в одиночку.

Одной 15 км кажутся длинными-предлинными, особенно если пронзительный ветер и заносы на дорогах, а одежка ветхая.

Помогал А.С. Пушкин. Роман «Евгений Онегин» я еще с восьмого класса знала наизусть от первой строки до последней. И теперь в пути мысленно прокручивала его в голове, строфу за строфой, главу за главой. И странно: дорога становилась вдвое короче.

Позднее читала, что Александр Сергеевич сильно помог и Герману Титову, дублеру космонавта № 1, пройти серьезное испытание барокамерой. Но это к слову.

Иногда выбивалась из сил (хотя была сильная), ложилась на дорогу на спину, не снимая котомки с завернутой в ветошь картошкой, отдыхала. Но недолго: «мороз крался под одежду».

Для чего это пишу? Снятому с фронта Василию Евгеньевичу в холодном снежном лесу с 400 гр. хлеба в день и тяжелой работой было не легче. Но я об этом периоде жизни Василия Евгеньевича почти ничего не знаю. Правда, была заметка в газете, где женщина, работавшая с ним в Увинском леспромхозе, писала подробно о нем и о той жизни, но газета куда-то затерялась.

На 3-м курсе к нам в педучилище пришел новый учитель истории. О нем говорили, что он немец. Мы, патриоты, приготовились соответственно его встретить.

Но вошел молодой человек, чуть смущенный, неспешно прошел к столу. Внимательные серые глаза из-под густых черных бровей пристально оглядели класс. Светлые волосы двумя прядями падали на лоб. Суконная защитная гимнастерка и... лыжные темно-серые брюки, прожженные внизу (из запасов педучилища). В руках ничего, кроме классного журнала.

Поздоровавшись, спокойно, не торопясь, стал рассказывать о начале 2-ой мировой войны. Сразу установилась деловая обстановка без каких-либо усилий с его стороны. И в дальнейшем мы занимались историей основательно и с интересом.

Здесь же замечу: никаких сомнительного характера песен и частушек студенты о нем не сочиняли, как это было о некоторых других. Не слышала я также о нем ни одной сплетни, чем богата бывает деревенская жизнь.

Кроме истории, Майер вел у нас методику рисования. На первом же уроке он вызвал меня к доске и попросил нарисовать кошку. Не знаю, что он ожидал.

Но я нарисовала сначала один большой овал – туловище, круг – голову и стала прорисовывать детали. Он шел по рядам и смотрел работы студентов. За это время я успела, помимо кошки идущей, нарисовать сидящую и лежащую.

- Кто тебя научил так рисовать? – спросил он.

- Отец.

- Отлично. Садись.

И стал объяснять дальше, как учить детей рисовать.

Кроме уроков, я Майера видела очень редко, да и не нуждалась в этом.

Однажды директор послал К. и меня к нему в общежитие подписать какую-то бумагу, врученную К.

Второе студенческое общежитие – одноэтажный деревянный дом – находилось за логом, где я никогда не бывала. Мы добрались туда к вечеру. На приглашение войти К. прошла в комнату, я осталась у порога. Свет небольшой керосиновой лампы выхватил из темноты часть бревенчатой стены, ничем не покрытый стол с книгами и тетрадями, и человека в серой армейской шапке-ушанке и надетой шинели. Пар шел при дыхании. Он подписал бумаги, и мы ушли.

*«По щербатому полу мороз крался.
Кашлял новый учитель Сергей Саныч».*

...Но стоило мне открыть дверь в другую комнату по коридору, где жили девушки, как я в испуге закричала: «Девочки! Ведь вы сгорите!» «Не бойсь!» – был мне в ответ дружный смех.

Оказывается, уже неделю они сидели без керосина. От скуки пели песни. И одна из них: «...гори, догорай, моя лучинушка, догорю с тобой и я» – надоумила. Нащипав длинные, до метра, тонкие сосновые лучины, они приспособили их к потолку и при колеблющемся свете стали учить уроки. Внизу под горящей лучиной стояла бадейка с водой, по обе стороны от нее два стола, за которыми и занимались студенты.

Другой раз я видела Василия Евгеньевича у Рогачевых. С Любой я дружила, часто бывала у них. Василий Евгеньевич тоже бывал часто,

так как готовил Машу, сестру Любы, учившуюся в средней школе, к поступлению в МГУ по немецкому языку и еще по каким-то предметам. Кстати, умная и находчивая, острая на язык Маша отлично выдержала вступительные и выпускные экзамены в МГУ, осталась работать там в библиотеке университета, помогала Василию Евгеньевичу, выполняя его просьбы, когда он в этом нуждался. Позднее М.А. Рогачева-Фанасова стала одним из активнейших организаторов музея в МГУ, о чем я уже писала.

Но у Рогачевых я видела Майера только один раз. Вся большая семья подруги села за стол обедать. Меня, когда я у них случалась, приглашали всегда. Открылась дверь – и в парах холодного воздуха показались Василий Евгеньевич и Маша. Сбросив шинель, Василий Евгеньевич подошел к теплой печке и всем телом прильнул к ней, и руками, и щекой. По приглашению сел за стол так, что я его не видела, и все мы ели похлебку деревянными ложками из одной большой деревянной миски.

И еще одна встреча. Я уже училась в Ижевске. Получив заработанную летом в колхозе муку, вышла спокойным зимним утром из Мултана. До Увы, где должна была сесть на поезд «Ува-Ижевск», 25 км пути. Все ходили пешком. Я хорошо знала эту дорогу, так как меряла ее не один раз. Постепенно погода стала меняться: повалил снег, ветер задувал дорогу и, встречный, мешал смотреть. За деревней Уль-Моль, последней перед Увой (до Увы оставалось 14 км), мне пришлось закрывать глаза и шагов 5-7 делать вслепую. Когда я в очередной раз открыла глаза, увидела человека, идущего мне навстречу. Это был наш учитель истории. Он, весь залепленный снегом, шел в Мултан. Остановились. Перебросились двумя-тремя словами, видно, незначащими, так как я их не запомнила. Но что запомнила навсегда – его неожиданный жест. Он снял варежку, чуть отогнул длинное ухо моей меховой эскимосской шапки и осторожно погладил меня по щеке. Пожелав друг другу счастливого пути, мы разошлись. Я долго размышляла по дороге, что значила эта нечаянная ласка, сократившая мне дорогу и согревавшая в пути.

Решила: просто пожалел девчонку, которой еще топать и топать с тяжелым рюкзаком за плечами по темной заснеженной дороге и обледенелым шпалам узкоколейки, одной, в эту зимнюю круговерть. На Уву я пришла затемно.

Надо же! Никого не встретила за всю дорогу, кроме одного человека. И этот один был Майер в своей неизменной ушанке, легкой шинели и в обмотках.

В молодости я встречала Василия Евгеньевича почему-то всегда зимой, в холод. Может быть, потому, что, по словам Р.Рождественского,

*«Запрещается смена времен года,
Потому что зима и война – сестры».*

В Удмуртском пединституте Василий Евгеньевич начал работать с 20 сентября 1945 года. Но я его не встречала там и не знала, что он в Ижевске. Правда, слышала, что есть у историков новый преподаватель, на которого поглядывают студентки инфака. Время было напряженное. Сентябрь, часть октября работали в колхозе. Потом преподаватели на-верстывали упущенное, давая нам много самостоятельной работы. По-мимо учения, всякие другие дела. Привезут дрова, бревна тяжеленные, на пристань – надо разгружать и снова грузить на машины для отопле-ния института. От института часть этих бревен мы тащили на себе, что-бы хоть как-то согреться в общежитии на Верхнем (рядом с Северным кладбищем). В комнате вокруг стола с маленькой коптилкой посередине – пять-шесть человек. Учимся.

Придет эшелон с ранеными – комсорг: «Девчонки, раненых разгру-жать с вокзала на носилках до трамвая». Иногда было так тяжело – но-силки не поднимешь, а надо аккуратно! Все это повторялось настолько часто, что в холодные дни мы оставались ночевать прямо в институте на столах, в 21 аудитории, второго нынешнего корпуса, самой теплой, что находилась над кухней. Спали одетые до нового приглашения комсорга Зины Кальсиной на какие-нибудь работы. В остальных аудиториях мороз правил бал. На лекциях чернильницы держали в руках, чтобы чернила не превратились в ледяшки. Но лекции, семинары нам не отменяли. И ленинградские преподаватели не снижали планки, сочувствовали нам, но и требовали по полной программе. Я была Пушкинской стипендиат-кой. По всем предметам, кроме немецкого, отлично.

После лекций физрук или военрук: «Ну, девчата, разогреемся! На тренировку. Через две недели лыжный пробег на 10 км, часть пути в противогазах».

И бежали, задыхаясь, 10 км в покрывшихся изнутри потом противо-газах. А еще два раза в неделю – спортивная школа, далеко, на Берего-вой, в здании совпартшколы. Назад в общежитие – в двенадцатом часу ночи. А еще научные конференции, комсомольские собрания, смотры самодеятельности концерты в госпиталях. Я выступала со струнным ан-самблем УГПИ. Акробатические этюды – мой номер.

Не до нового преподавателя было. В новогодний вечер на маска-раде, одетая в форму лейтенанта, я и глазам своим не поверила, когда ко мне подошел настоящий Майер (откуда?) и несказанно обрадовалась (почему?), когда он пригласил меня на вальс.

31 декабря 1945 года на новогоднем вечере ко мне неожиданно подошел Майер: – «Ну, здравствуй», – сказал он и пригласил на вальс. В этот новогодний вечер мы не пропустили почти ни один танец. Во время последнего Василий Евгеньевич предложил: «Давай будем дружить. Но с одним условием, – быстро добавил он. – Целоваться не будем». – «Как хорошо! – искренне обрадовалась я. – Я так не люблю целоваться». В этот же вечер он провожал меня в общежитие. И мы долго сидели у нас

в комнате вчетвером: Василий Евгеньевич, я, Зина Кальсина и Ира Суслопарова.

И мы стали дружить в прямом смысле этого слова, без всякого подтекста. Дружба заключалась в помощи, моральной поддержке, в многочисленных развлечениях. Мы делились то картошкой, то тушенкой, когда карточку удавалось отovarить; иногда обедали вместе в институтской столовой – суп с двумя-тремя лапшинками, которые еще надо было поймать в тарелке; кусок хлеба, если сумели выкупить, овощи тушеные с институтского подсобного, где мы работали. Иногда Василий Евгеньевич заходил в литкабинет за мной. Там я чаще всего занималась под экзотической, одной на весь институт, пальмой. А иногда, поймав где-нибудь в коридоре, сбежавшей с лекции, доводил до двери кабинета, вталкивал туда и еще дверь придерживал, чтобы снова не сбежала. Я же, когда это ему было срочно нужно, делала необходимые выписки из книг, занимала очередь в библиотеку и т.д.

Василий Евгеньевич помогал мне готовить доклад к научной конференции о поэзии молодого Маркса. Он посоветовал обратиться к литературе, которую выписал из Ленинской библиотеки Москвы. Доклад был воспринят очень хорошо слушателями.

А при подготовке курсовой работы по «Сценам из рыцарских времен» Василий Евгеньевич настолько зримо ввел меня в средневековье, что почти за каждой фразой Пушкина мне открывались такие глубины, до которых я сама не поднялась бы. И я очень хорошо поняла, насколько лаконичен и глубок Пушкин. Работа была высоко оценена. Конечно, основные консультации давала руководитель, наш любимый лектор Л.И. Кулакова. Оценивая работу, она сказала, что это готовый реферат для поступления в аспирантуру. Но у меня попросили его на выставку студенческих работ. Я отдала, не оставив себе черновика. Доклад не вернули: потеряли.

Василий Евгеньевич хотел, чтобы я знала немецкий язык. Он принес мне произведения А.П. Чехова, «Бурю» И. Эренбурга на немецком языке. И я читала их, имея рядом тексты на русском. Это позволяло переводить, не теряя много времени на работу со словарем. Иногда мы разговаривали по-немецки, но я упустила эту возможность и не овладела языком серьезно.

Во время учебы в институте я с третьего курса работала в вечерней школе, вела русский язык и литературу. В описываемый период это была вечерняя школа № 31 за рынком, за Сенной, красное кирпичное здание. Возвращаться домой приходилось в 11.30 вечера, идти до общежития почти в другой конец города, через базар по пустынным затемненным улицам было страшновато. Вдобавок ходили слухи о бандитской «Черной кошке», разъезжавшей с какой-то трупной цирка по всей стране. Теперь же она будто обосновалась в Ижевске.

Василий Евгеньевич приходил в школу к концу занятий встречать меня. Он провожал до общежития. Иногда, когда очень замерзал, захо-

дил погреться и шел обратно к себе на улицу Ленина (это на полпути между школой и моим общежитием).

Холодно... На градуснике -37°С, но вечерняя школа работает.

*«...застывали чернила у нас в классе,
и контрольный диктант отменил завуч».*

Не отменил. «Возьмите карандаши (принес из учительской) и пишите». И ученики, простояв день у станков, писали замерзшими пальцами контрольную работу. Я несла стопку этих листков из старых исписанных тетрадей и газет на проверку. Ветер ледяной сыпал острым колющим снегом в лицо, буквально сбивал с ног. Василий Евгеньевич поднял воротник шинели, но насколько он мог согреть?

Пурга «хлестала по земле крупно».

Добрались до жилья Василия Евгеньевича. Он сказал: «Зайдем погреться». Видя его почти окоченевшего, да и у меня самой зуб на зуб не попадал, я не могла не согласиться.

В комнате у него было так же холодно, но тихо, без ветра. Василий Евгеньевич вышел во двор, оторвал от старого сарая, стоявшего посередине двора, несколько небольших досок от внутренней обшивки, разломал и затопил маленькую печку-плиту. Пахнуло теплом. Он вскипятил воду в банке из-под американской тушенки, разлил по кружкам – небольшим консервным банкам. Мы стали согреваться. Тепло разморило. Страшно было снова идти в ночь, в пургу. «Оставайся и ничего не бойся», – сказал Василий Евгеньевич. И я осталась. Проверила контрольные. Он сел заниматься. «А ты ложись. Завтра вставать рано». Я легла на жесткую кровать с тонким тюфяком под тонкое суконное солдатское одеяло. Сквозь сон слышала, как Василий Евгеньевич накрыл меня шинелью, а спустя какое-то время, осторожно подвинув меня, лег сам.

Утром, чуть согрев оставшуюся кипяченую воду, мы попили ее – как и вечером, никакой еды у нас не было, – и я пошла в институт.

Еще три или четыре раза я ночевала у Василия Евгеньевича, когда мороз был нестерпим. Подруги по комнате вопросительно поглядывали на меня. Я отмалчивалась, предоставляя им предполагать, что угодно. Но мы с Василием Евгеньевичем были верны уговору. Я знала, что у него есть жена и дети, он знал, что я переписываюсь с парнем на фронте.

Стихи Рождественского, записанные в 1976 году четким красивым почерком, – вот на какие воспоминания натолкнули они меня.

*«Та зима была будто война – долгой.
Вспоминаю – и даже сейчас мерзну».*

Весна. Март 1946. Рано утром Василий Евгеньевич пришел в общежитие чем-то взволнованный. Я была в комнате одна. И без предисловий:

- Боренька, я люблю тебя. Выходи за меня замуж, – с ходу сказал он.

- А как же жена, дети?

- С женой я давно уже не живу и жить не буду. Выйдешь ли ты за меня или нет, все равно не буду. А детей мы возьмем к себе.

К этому времени я уже привыкла безоговорочно верить ему. Я молчала, не зная, что сказать.

- Что же ты молчишь?

- Хорошо, я спрошу у Любовь Ивановны. Как она скажет, так и будет.

- Пойдем сейчас.

И мы отправились ранним утром к Любви Ивановне Кулаковой.

Я была вхожа к ней в дом, как и некоторые другие студенты. Любовь Ивановну мы боготворили за прекрасные лекции, душевность и искренность.

На мой вопрос Любовь Ивановна ответила, как часто она это делала, афористично:

- Любишь – выходи.

- Но он же немец (Вот аргумент! Да?).

- Это не имеет значения, – и еще раз повторила.

- Любишь – выходи.

Не помню, поблагодарила ли я Любовь Ивановну, решившую мою судьбу.

Василий Евгеньевич на скамейке ждал ответ. Я мысленно спросила себя: люблю ли? Ведь об этом раньше никогда не шла речь, я видела в нем старшего друга, умного, скромного, знающего жизнь, не тянущегося к рюмке, деликатного.

Люблю ли? Я точно знала, что очень-очень уважаю его, верю каждому его слову, полностью доверяю. Чувствую признательность, благодарность за заботу. Жду его с нетерпением, радуюсь встрече, ласковой улыбке, доброму свету внимательных серых глаз. Очень импонирует искренность, полное отсутствие фальши и еще что-то такое, что не выразить словами, в чем сама себе не смела признаться. Люблю ли? Ну конечно же, люблю и даже очень.

30 марта мы расписались в ЗАГСе, а вечером праздновали свадьбу. В институте был вечер филфака. Зина пригласила нас в комнату комитета комсомола. Принесла с кухни большое блюдо с винегретом. Ира сумела где-то раздобыть хлеб, морковный несладкий чай. Пришли еще две-три близкие подруги. Поздравления. Горько! Пили чай, а потом пошли в зал танцевать со всеми.

Утром я перенесла свои скромные пожитки к Василию Евгеньевичу в уже знакомую мне комнату на улице Ленина.

20. С НИМ ЛЕГКО БЫЛО РАБОТАТЬ

Передо мною на столе увлекательная книга доктора исторических наук, профессора Р.Д. Голдиной «Силуэты растаявших веков». Она посвящена: «Всем, кто участвовал в течение многих лет в работах Камско-Вятской археологической экспедиции Удмуртского государственного университета и кто способствовал своей деятельностью ее результатам...»

Свою книгу Р.Д. Голдина подарила 16.01.97 года «Дорогим Валерию Александровичу и Татьяне Васильевне на память об археологической юности». Книга нам очень дорога тем, что сохраняет в памяти облик замечательных людей – самого автора, преподавателей и студентов, участвовавших в экспедициях, и тем, что Римма Дмитриевна написала такие теплые слова в адрес Василия Евгеньевича. Сожалею, что он не успел прочитать ее. Два небольших отрывка (стр.36 и 46).

«... открыла дверь второго корпуса педагогического института, где на 4-ом этаже расположился исторический факультет. Корпус мне понравился – большое, светлое здание стояло на небольшой возвышенности, отчего казалось весьма значительным. Красивая липовая рощица подчеркивала интеллигентность здания. Поднимаюсь на 4-ый этаж, напротив лестницы – дверь с надписью «Кафедра всеобщей истории». Вот она мне и нужна.

Дело в том, что заведовал этой кафедрой хороший знакомый В.Ф. Генинга профессор Василий Евгеньевич Майер. Именно с ним Владимир Федорович договаривался о моем приезде. Открываю дверь, вижу небольшое помещение, несколько столов, за одним из которых несколько полноватый, довольно высокий мужчина. Меня поразили пронзительный взгляд его серо-голубых глаз. Это был человек редкого обаяния, очень высокой культуры, широкой эрудиции. В моей судьбе он сыграл огромную роль. Фактически эта первая встреча решила мою судьбу и определила ее на последующие двадцать с лишним лет. Несмотря на то, что мы не были с ним знакомы раньше, он говорил со мной, как старый добрый знакомый, и все сложные вопросы: как встретиться с людьми, где и когда с ними поговорить – были решены очень быстро. Мы договорились, что, как только у студентов закончится сессия, они приедут в Нырғынду и там мы сделаем все для того, чтобы практика прошла успешно.

...Работа на памятниках Удмуртского Прикамья со студентами Ижевского пединститута, встреча с В.Е. Майером резко изменили мою жизнь. Дело в том, что в 1972 г. пединститут был преобразован в Удмуртский государственный университет, появилась возможность расширить штат и пригласить специалиста-археолога. Василий Евгеньевич написал мне письмо с предложением принять участие в конкурсе. Поскольку к этому времени я защитила кандидатскую диссер-

тацию и мне хотелось работать более самостоятельно, я с удовольствием приняла это приглашение. Осенью 1972 г. я приехала в Ижевск уже навсегда. Василий Евгеньевич сделал очень многое для моего становления в Ижевске как преподавателя и начальника экспедиции. Я не помню ни единого случая, чтобы он отказал мне в помощи. Некоторое время он работал проректором по научной работе, и именно с ним мне приходилось решать многие организационные вопросы: по созданию экспедиции в Ижевске, организации экспедиционной работы, покупке оборудования, заключению хоздоговоров, аренде машины. Я всегда находила полную поддержку со стороны Василия Евгеньевича и начальника научно-исследовательского сектора университета, ныне председателя комитета по науке и высшему образованию Удмуртской Республики, С.М. Решетникова, а также ректора университета, профессора Б.Н. Шульги. Думаю, что в конечном счете успехи нашей экспедиции – результат нашей совместной работы.

...Василий Евгеньевич Майер был человеком очень любознательным. Несмотря на то, что в это время он уже занимал высокий пост в университете и был, конечно, очень занят, несколько раз приезжал в археологическую экспедицию. В первый раз он приехал, когда мы работали в Кировской области в Кильмезском районе в деревне Моторки. Мы копали там поселение эпохи неолита, и Василий Евгеньевич с удовольствием наблюдал, как это делается. Второй раз он приехал в деревню Броды Кунгурского района Пермской области на раскопки Бродовского могильника IV-VI вв. Около недели жил нашей походной и трудовой жизнью. И, наконец, в третий раз он приехал очень далеко - на самый север Пермской области: Гайнский район, деревня Агафоново. Туда он добрался на машине вместе со своим коллегой профессором юридического факультета Василием Васильевичем Овсиенко. Это была очень долгая и трудная дорога, в некоторой части грунтовая, не всегда проходимая. К тому же вел машину профессор В.В. Овсиенко, командовавший в Отечественную войну взводом и потерявший там ногу. Но энтузиазм и любознательность этих людей были так велики, что никакие расстояния их не могли остановить.

Наши дети согласно учебному плану ездили в экспедиции, ходили в разведку.

Из письма Вилли.

...Живем на могильнике, близ реки, в палатках. Могильник довольно богатый, но у костей плохая сохранность. Копаем III-V века новой эры. Все вещи, кроме ножей, медные. Нагрудные бляхи сделаны из серебра. Нашли два жертвенника...

Из воспоминаний Толи.

На третьем курсе университета я работал в составе Камско-Вятской археологической экспедиции. Копали интересный могильник Агафоново 11 в. в Коми-Пермяцком национальном округе. Мне пришлось дважды ходить в разведку по поиску новых археологических памятников в составе опытных в этих делах археологов.

Так продолжалась школа отца по пешим походам, по работе в поле, по общению с различными людьми, встретившимися на пути.

Неожиданно на раскоп приехал отец на автомашине с одним из сотрудников университета. Обрато из экспедиции возвращались вчетвером: хозяин машины с сыном и мы с отцом. Уже подъезжая к нашей республике, отец сказал, что разработанный в детстве маршрут от Перми до Ижевска на лодке по Каме и Ижу он совершил с младшим сыном (автором воспоминаний), но только на автомашине.

Вспоминая Вятско-Камскую археологическую экспедицию, работавшую в тот сезон на раскопках могильника, хочется отметить еще один урок отца, данный нам там в экспедиции прямо в раскопе на работе. Отец приехал вечером, в конце рабочего дня. Но уже утром по сигналу подъема он был вместе с нами на раскопе, вместе со студентами спустился в квадрат, взял щетку и нож и начал работать наравне со всеми. Тут нас, студентов, поразило знание «кабинетного» ученого-историка методики ведения раскопок, умение обращаться с обнаруженными предметами и, самое главное, умение безошибочно определять класс археологической культуры, к которому относились находки. Так нам, студентам, был преподан еще один незапланированный урок.

По договоренности Василия Евгеньевича Толе посчастливилось участвовать и в раскопках в Новгороде, где ученые находили берестяные грамоты.

Из письма Василия Евгеньевича дочери.

Ижевск, 04.07.71.

Дорогая Таня! Сознаюсь, что твоим решением остаться еще на один срок смущен... Главное – не в тягость ли ты там? Приехали дядя Володя, тетя Каля, Ирина, наши Валерий и Роберт... В целом у нас весело, если учесть, что здесь и Оля Мальцева (дочь моей мултанской подруги Наташи Павлецово, сдавала экзамены в УГПИ. – Б.С.), и Толя ходит из угла в угол, работу ищет... (о домашних делах. – Б.С.)

Что копаете? Долго ли еще будете копать?... Моетесь ли Вы там или совсем одичали? Привет всем знакомым, особенно Римме Дмитриевне, Лиле, Оле. В случае, если будет Владимир Федорович Генинг, ему привет. Желая тебе всего и всего наилучшего.

Твой папа.

Хотелось Василию Евгеньевичу и внуков приобщить к нелегкому труду и романтике жизни археологов. С собой в экспедицию он брал пятиклассника Роберта. А когда тот закончил 9-й класс, Василий Евгеньевич договорился, чтобы его взяли в экспедицию со студентами копать могильник. Отлично организованный труд, особая тщательность в работе, строгая, но ненавязчивая дисциплина, прелести походной жизни, песни под гитару у костра, студенческая изобретательность и выдумки очень понравились Роберту. Возвратившись домой, рассказывал о буднях и праздниках в экспедиции, пел, аккомпанируя себе на гитаре, студенческие песни и даже инсценировал с бабушкой «Маню».

Небольшой отрывок из письма Роберта Василию Евгеньевичу о посвящении новичков в археологи.

Я живу нормально. Неделю назад у нас было открытие лагеря. Перед линейкой был поднят флаг. Завхоз Юра произнес торжественную речь, закончив ее словами: «Теперь от торжественной части переходим к более торжественной – ужину». На ужин нам дали картошку с салатом и торт. Все было тут же уничтожено.

Через три часа после отбоя был объявлен подъем. Доблестный завхоз повел нас в лес и водил зигзагами. Из-под каждого куста выскакивали студенты с дикими криками.

Наконец мы пришли к белой палатке. Туда запускали по одному. Там и производилось посвящение в археологи. Я добросовестно прополз пять метров. Мне пытались завязать глаза, но завязали лоб и впустили в палатку. Слева сидел завхоз, справа – Олег. Он мне сунул под нос лопату, и я приложился. После этого меня повернули семь раз и посадили в таз с водой. На этом посвящение было закончено.

Хочу договориться съездить в экспедицию еще на месяц.

Роберт.

Андрею, другому внуку, по договоренности Василия Евгеньевича удалось побывать со студентами Харьковского университета на раскопках в Крыму. Ю. Голубкин, кандидат исторических наук, начальник экспедиции прислал две фотокарточки, где Андрей – на берегу Черного моря с внушительной акулой в руках. Андрей приглашен в экспедицию и на следующий год.

В день 60-летия Василия Евгеньевича археологи УдГУ подарили ему прекрасный альбом «Василий Евгеньевич Майер и Камско-Вятская археологическая экспедиция», где запечатлены эпизоды из жизни археологов.

Назову лишь несколько кадров.

- Неброские, но полные прелести пейзажи. Река, изящно изогнувшаяся в крутом повороте с елями-подростками на маленьких островках. На высоком обрывистом берегу – сосна с притулившейся к ней березкой и группа студентов. Молоденькие сосенки сбегают вниз к реке.

- У живописной опушки леса – ровные ряды белых палаток.

- Студенты на утренней линейке. Впереди В.А. Кананин.

- Походная кухня: большая толстая железная решетка на опорах, под ней огонь. На решетке – кастрюли с супом, кашей, чаем. От ветра очаг загорожен щитом, покрытым разноцветными наклейками от продуктовых упаковок. Вверху большой плакат: «Приятно жрать!»

- Рядом – столы под открытым небом. Студенты за обедом. Здесь и Василий Евгеньевич несет ложку ко рту.

- Обед окончен. Дежурные Лиля Владимировна, Наташа Ситникова, Таня Майер за мытьем посуды. Ополоснув, складывают кружки на дощатый стол и весело смеются.

- Но главное – работа. На опушке леса студенты размечают колышками четкие квадраты, будущие места раскопок.

- Каждый в своем квадрате аккуратно снимает лопатой верхний слой земли.

- Вот уже углубились по пояс – выступает древний очаг. А в соседнем – девушка осторожно ножом и кисточкой освобождает от грунта показавшийся скелет.

- В одном из квадратов на земле бусы, бляшки, цепочки, нагрудные украшения, извлеченные из глубины веков.

- Отдых: бьются в волейбол, сражаются в шахматы, слушают, расположившись в живописных позах, музыку.

- А что это? На заднем плане фото какое-то чудище (а может, языческое божество?) с перьями на голове и огромными ушами. Руки-палки раскинуты в стороны. Ожерелье на шее. Ближе к зрителям – группа студентов в ветровках. На их фоне, на переднем плане, две полуобнаженные девушки, прекрасные, как богини, держат над головами двух парней в плавках, лежащих у их ног, огромное колесо, похоже от большой телеги. Ритуал какой-то?

- Вечер в УдГУ. На эстраде возвратившиеся из экспедиции студенты воспроизводят сцены из жизни археологов.

- Научная конференция. Василий Евгеньевич беседует с группой участников...

Это лишь малая часть фотоснимков. На многих – Римма Дмитриевна, Василий Евгеньевич, много знакомых студентов. Иногда среди них мелькают лица наших детей.

А сейчас – странички из дневника Василия Евгеньевича, который он вел во время поездки с внуком в археологическую экспедицию УдГУ в июле 1979 года.

Будучи проректором по науке, Василий Евгеньевич хотел своими глазами видеть, как организованы быт и работа студентов в полевых условиях. В поездку прихватил с собой семиклассника Роберта.

Восемь дней поездки нашли отражение в дневниковых записях Василия Евгеньевича.

Здесь и описание дороги, впервые увиденных мест: лес на Спасской горе, Городище, реликтовая роща, Кунгурские пещеры, Кама, зоопарк, музей, картинная галерея в Перми. Здесь и люди, с которыми встречался – люди всегда были интересны Василию Евгеньевичу – начальник экспедиции Р.Д. Голдина, ее помощники Водолаго, Галя Мерзлякова, антрополог из Казани, шофер и, главное, студенты, весь коллектив, дружный и работоспособный.

Здесь и рассуждения о недостатках археологических исследований, и о положении учителя в советской школе... Здесь и по приезде в Ижевск «Плач о Тиме», безвременно погибшей кошке, любимицы нашей семьи. Но, думаю, прочтете сами.

РЫНОК В ПЕРМИ. В КУНГУР С ЭКСКУРСОВОДОМ.

12.07.79.

Вылетели в 8-53 из Ижевска, через час были в Перми. Роберт отлично ведет себя в воздухе.

Были в Перми на рынке. Рынок богатый, есть фрукты – яблоки, сливы, абрикосы, груши. Немало грецких и обычных орехов, но все привозное. Есть помидоры и огурцы. Все дорого, но покупают активно. У ворот рынка цыганки гадают. Вообще, их много, одеты в городскую одежду. Есть загорелые, как кочевники, но есть и с городской белизной, я бы сказал, интеллигентные. Ведут себя обычно: подбегают к прохожим женщинам и предлагают гадать.

В 14.38 по местному времени выехали на автобусе в Кунгур. Дорога в 100 км. Нам повезло: с нами был экскурсовод, который почти всю дорогу объяснял, что встречается влево, что встречается вправо. Хотя и плохо было слышно, я понял, что есть отличные конесовхозы. Разводят орловских рысаков. Одного рысака после выставки в Брюсселе продали за 80000 золотых рублей! Не верится!

По пути встречалось много татарских деревень. Татары проникли в этот край до русских. После разгрома Казанского ханства Иваном IV весь этот край отошел к Московскому царству. В настоящее время мало сохранилось мечетей. Но встречается по пути немало мусульманских кладбищ. Они все в рощах, так как по мере их роста там сажают деревья.

Экскурсовод рассказывала курьезный случай: житель Леринг поймал зайчонка, воспитал его в домашних условиях, но когда тот начал грызть мебель, пришлось его выпустить. Леринг отвез его в район татарской деревни Балы и отпустил. Зимой, когда он здесь охотился, к нему подбежал матерый заяц, и лег у его ног. Это был его заяц, который узнал хозяина.

В Кунгуре остановились у гостиницы «Ирень», которая так называется по реке, протекающей рядом.

Здесь нас встретила Зоя Иванова (III к) и Сергей Жуйланов (II к), которые были высланы навстречу Риммой Дмитриевной (Р.Д.). Кричевский Миша (II к) уже искал для нас транспорт.

Еще в Перми на автовокзале мы встретились с Ал. Вас. Прокоповым. Он возвращался из деревни, куда увез дочерей Катю и Лену. Из Перми он выехал раньше нас, но так как мы договорились, что нас встретят у гостиницы Ирень, он нас там уже ожидал.

Мы на такси отправились в Плеханов, возле которого находится археологическая экспедиция.

Мы сразу направились на раскоп, а наши вещи З. Ив. отвезла в расположение экспедиции. На раскоп мы приехали в 17.00, нас встретили шумно. В лагерь пришли после 20 часов. Поселились в отдельной палатке. Все отлично. Палатки польские «Варта-4». Есть и другие «Гдыня». Поужинали. Суп, каша и чай. Превосходно. Потом сидели до 23.00 у костра. Пели песни, играли на гитаре. Да, когда мы ужинали, пришел в лагерь Королев Влад. Мих. с рюкзаком за плечами, тяжело нагруженным. Его задержали в университете, так как парткому надо было проверить работу ССО. Он ездил в Алнаши, где работает В. Шадрин. Отзывался хорошо. Отчитался он перед С.Н. Соловьевым и сразу отчалил сюда.

Весь день прошел восторженно. Романтика увлекла Роберта. На Р. Дм. он произвел отличное впечатление. Я ему давал возможность окунуться в холодные, быстрые потоки реки. Сам дрожал от возможных последствий. Но все было прекрасно. Он спал сном праведника и не кашлял! Ни разу! Тьфу! Тьфу! Тьфу!

Мы привезли с Робертом в лагерь по килограмму грецких и обычных орехов и конфет. На 50 человек это, конечно, было мало. Но если бы мы привезли овощи, то это было бы еще меньше на душу населения.

Раскоп курганного могильника Бродовский произвел на нас отличное впечатление. Здесь копали уже в прошлом году. Могилы к нашему приезду были разрыты до уровня скелетов, но ни одного скелета не было еще видно. Зато уже имелась раскопанная керамика, отщепы и некоторые фрагменты других предметов.

РОБЕРТ НА РАСКОПЕ.

13.07.79.

Поднялись до 7.00, когда был подъем. Меня больше всего радовало, что Роберт не кашлял ночью.

Уже накануне Роберт спрашивал Р. Дм.:

- А я буду копать?

Она ему обещала: «Будешь!»

Поэтому мы сразу утром отправились на раскоп. Роберта поставили расчищать скелет. С ним работали Сергей и Галя. Вначале он немного торопился. Все ему хотелось скорей откопать кость. Но

постепенно он вошел в курс и стал снимать землю стружками. Работал он скальпелем, как и другие. Работал увлеченно.

Меня тоже хотели поставить на раскоп, но я боялся жары. Было около +30°. Поэтому отпросился и все утро потратил на поход по Спасской горе. Там любовался природой и собирал землянику. Природа изумительная: здесь масса реликтовых растений. Ал. Вас. говорил, что нашли несколько сот растений реликтового происхождения. Завтра мы пойдем на городище.

К обеду вернулся на раскоп. Несмотря на то, что находился почти все время в лесу, у меня явно перегрелась шея и спина. Наверное, кожа слезет. По совету ребят, натерся подсолнечным маслом.

На раскопе к обеду показалось несколько скелетов. Все они были когда-то захоронены в гробовницах. Сделаны они были из бревен толщиной в 12-15 см., верху тоже имелась крышка, возможно, и снизу. Но точно гробовище сохранилось только в одном захоронении. Скелеты сильно разрушены. Поражало, что черепа раздавлены. Под тяжестью земли после разрушения крышек. Некоторые черепа оказались расплюснутыми и даже отодвинутыми в сторону. Только некоторые скелеты сохранились хорошо. Должен приехать антрополог из Казани. Это большое дело, так как обычно приходится кости отвозить на анализ в Казань или в Москву.

Удивительно то, что в некоторых могилах сохранились настолько мелкие фрагменты от скелетов, что кажется кто-то просто подкрасил глину в известковый цвет.

Кальцинированные кости лучше сохранились. Кальцинирование костей происходит по двум причинам: либо когда обжигались, либо они пропитались солями.

Помаленьку начинаю узнавать второкурсников, с которыми придется работать в этом году. Меня в начале учебного года нередко сбивает организация учебного процесса, идущая сверху. Я теряю из-за нее 2-3 недели для практических занятий. Но нынче этого не будет. Надо сразу проявить инициативу.

СОВЕЩАНИЕ САХЕМЧИКОВ

13.07.79.

Совещание сахемчиков под руководством Водолаго под наблюдением начальника археологической экспедиции Р.Д. Голдиной.

Присутствовали: Королев В.М., Ткаченко В.; III курс – Алексеева Валя, Сергеева Галя, Буторина Саша; II курс – Иванов Саша, Черепанова, Ладыгина и работник Сарапульского музея Решетников Коля.

Деловая обстановка. Отчитываются по порядку сахимчики, которые вычерчивают каждый раскоп в отдельности и составляют общий план.

Первая отчитывается Буторина. Ее отчет комментируют и уточняют остальные. Окончательное решение выносит Водолаго и

Р.Дм. Голдина. Вторая – Алексеева, третья ... Все вновь и вновь все уточняют. Вырабатываются общие требования. Согласовываются знаки, определяются ориентиры. К плану погребений необходимо иметь рисунки вещей и описания. Только тогда считается работа законченной. И ее следует сдать Р.Д. Описания делаются по стандартным планам – «План описания погребений», «План описания кургана». По возможности кости не трогают до прихода антрополога.

Обсуждаются вопросы общей организации. Все демократично: «У кого что есть?»

Водолаго призывает сахемчиков быть более инициативными, больше показывать, руководить.

Р.Д.: «Сейчас мы перейдем к новому распорядку. Приехал Королев. Будет работать с нами».

На работу вышли в 17.00 и находились до 21.00. Роберт был безотрывно там. Я тоже находился там, но ожоги меня тревожили. Королев начал новый раскоп. Все отлично организовано.

После ужина играли в шахматы с Робертом. Он раз у меня выиграл. Вообще, он стремится наступать, хотя еще слабо играет. Сегодня он купался уже основательно. Ребята переправили его через реку на матрасе. Обратного его вдвоем привезли на себе. Плавать не умеет.

НА ГОРОДИЩЕ. МИНУСЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ.

Спали так крепко, что проснулись в 7.15, то есть после подъема, но сразу же пошли на речку мыться. Во время завтрака Р.Дм сказала, что она нас поведет на городище. Поэтому мы не отправились на раскоп.

Во время завтрака прибыл Фаттахов Г.М., антрополог, тоже с большим рюкзаком. Р.Дм. разместила его в пустой палатке.

И вот мы идем втроем на городище. Р.Дм. впереди, мы с Робертом – позади. Идем по широкой долине возле крутых спусков Спасской горы (лучше бы сказать, гор). По пути встречаются небольшие озера. В одном мы видели ондатру, которая плыла в нашу сторону, высунув морду из воды. Там находилась ее хатка. Во всяком случае там была куча хвороста.

До городища было не меньше 2-2,5 км. Поднялись по крутому склону со стороны реки Сылавы. Наша стоянка находится на берегу реки Шаква. «Ва» – так называется вода у древних пермских племен. Подъем высокий, возможно, 100-150 м. но мне было легко. Сказывается, что я уже третий день из дома. Все в движении. Все на воздухе.

Городище на высоте 80-100 м. над уровнем речной поверхности. Река хорошо просматривается. Со стороны подъема был высокий вал. С другой стороны ров и вал. Площадь городища солидная. Мне кажется, ширина основания трапеции не менее 200-250 м., а высота

100-120 м. Верхняя сторона трапеции – 25-30 м, то есть площадь примерно 11.500 м², возможно, я преувеличиваю. За городищем мы видели разрушенный курган. Но какая растительность кругом! Я ничего подобного не видел. Здесь ромашки гигантские! Здесь горох, дикая чечевица, душица, всякие другие редкие растения. Всего свыше 70 редких степных трав. Собирал землянику.

По пути туда и обратно говорили о науке в УдГУ. Мы встревожены тем, что страшно отстаем. Экспедиция ведется только в рамках археологической. Копают, регистрируют, обобщают археологическими методами. Недостает специалистов, которые могли бы внести ясность в ряд проблем. Нет антропологов, химиков, ботаников, математиков. Археологический материал очень интересен, но по нему можно установить пол, возраст, предметы украшения, оружие, некоторые орудия, утварь. По аналогии – время захоронения и некоторые другие стороны. Все ведется здесь на высоком научном уровне.

Но где же хозяйство людей, захороненных здесь? Хотелось бы знать, как они жили, чем питались, как болели, чем лечились. Только комплексные исследования могут дать ответы на все новые вопросы, возникающие ежедневно.

Сегодня суббота, поэтому работают только с 8.00 до 13.00. Мы пришли на раскоп за 2 часа до окончания работы.

Познакомились с Рафаилом Мансуровичем. Это молодой татарин низкого роста, тело сложено пропорционально, мелкие черты лица, небольшие усики. Весь он миниатюрный. Это впечатление усиливается еще тем, что он перед нами стоял в одних плавках.

Вначале Р.М., стоя в могиле, на примере скелета объяснял мне некоторые премудрости антропологии. Затем, по просьбе Р.Дм., он в другой могиле, стоя над другим скелетом, объяснял это же студентам. Антропология занимается изучением вопросов, связанных с развитием человечества. В связи с этим Р.М. интересуется большой район по Волге, Каме и Уралу.

Конкретно он показал, как можно определить пол и возраст захороненного (учитывая полевые условия). Оказывается, есть признаки на черепе: крутой лоб, острые перья глазницы, строение нижней челюсти, – по которым можно узнать пол. Далее бедренные кости, верхняя голень тоже хранят признаки пола. Возраст определяют по черепной крышке и зубам.

Но были, конечно, и такие погребения, в которых был слишком фрагментарный материал от скелета, чтобы судить обо всем этом. Кроме того, чтобы уверенно обо всем говорить, необходим массовый материал. Удивительно, что за день до приезда Р.М. я пытался определить пол и возраст одного хорошо сохранившегося скелета, именно того, над которым колдовал Р.М. И должен сказать, что я попал в точку. Это была женщина в возрасте около 35 лет, но крупная. Разумеется, у меня не было научной аргументации.

О климатических условиях, когда образовывался в этом районе этот растительный покров, который дошел до нас в виде реликтовых растений степной полосы. Сейчас здесь лесная полоса. Но 1,5 тысячи лет назад был климат теплее. И здесь существовала степная полоса, откуда и редкие степные травы. Считают, что в прошлом имелись две полосы ксеротермического потепления. Люди эпохи бронзы использовали ксеротермическое время, широко расселились, осваивали эти пространства. Тогда занимались скотоводством и земледелием.

Считают, в период ксеротермии растения степной полосы сами распространялись к северу. С этим можно согласиться. Но большую роль могли и должны были сыграть в этом процессе люди и те животные и птицы, которые жили вместе с ними. Следовало бы искать, не имеются ли в нашем регионе такие одичавшие культурные растения, которыми в свое время пользовались люди. Такими могли быть горох, чечевица, укроп, разные огородные специи, но и злаки – ячмень, овес, просо.

Меня поразило, что в районе Спасской горы – сейчас это заповедник, в котором имеется несколько сот редких для этой зоны растений – встречаются дикое растение, напоминающие наш горох, чечевицу и укроп, (последнее название дал одному растению Роберт, настолько оно походило на огородное).

«ВИЖУ... ВОСПИТАТЕЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЭКСПЕДИЦИИ».

15.07.79.

Вчера Роберт, когда я ему зачитывал отрывки, сказал: «Эх, мне бы такой дневничок». Затем постоянно спрашивал: «О чем ты пишешь?». Я стал писать, громко повторяя написанное. Тогда он заявил: «Почему ты пишешь все? Я бы меньше, но основное записывал». Но пока за дневник так и не взялся.

Вечером вчера приехали еще. Вначале приехала Поздеева из Яра, где она работает нотариусом. Она окончила университет лет 5 тому назад, когда девушки курили. И сейчас она вошла в коллектив с папирсой, которую она держала весьма изящно оттопыренными пальчиками. Позже приехали Галя Анонова и ее муж Клюев, О. Вотякова (все они работают в кабинете археологии) и Баженова (выпуск 1976). Она писала у меня диплом, который был очень дельный, но я в это время болел, и за него поставили только 4. Кстати, в экспедиции уже находился ее брат, но он после школы.

Думаю и вижу, что археологическая экспедиция производит не только неизгладимое впечатление на молодые души, но и имеет огромное воспитывающее значение.

Здесь каждый индивидуален и в то же время член большого, очень спаянного коллектива с традициями, передающимися молодым членам. Дисциплина строжайшая. Распорядок твердый. Никаких отлу-

чек. Никакого повышения голоса. Требовательность беспрекословная. Товарищество сверху донизу. От начальника лагеря и экспедиции до учеников школы. Никто не выделяется. Беседы за круглым столом, у костра, у очага под крышей во время дождя – все пропаганда традиций, нравов, обычаев. Нет ничего наставительного, морализующего, унижающего. А сколько внимания, любознательности, готовности поддержать.

Конечно, работа трудная. Утром – 4 часа (с 8 до 12), после обеда еще 3-4 часа (с 5 до 9). Снять верхний слой, когда много камней и нужно оттаскивать землю на 10-15 метров, трудно. Затем, какая ювелирная работа требуется, когда лопатой по миллиметру снимаешь слой за слоем. А работа со скальпелем, щеткой и потом под скелетом, фрагментами костей и керамикой. Я, хотя мне предлагали, не рискнул взяться за участок. Не хотелось опозориться.

Многие работают с большим энтузиазмом, хотя Р. Дм. и немного недовольна некоторыми.

Лагерь хорошо оформлен.

Сегодня воскресенье. Все еще спят, и я могу спокойно об этом писать. Лагерь расположен на живописной поляне, продолговатой, эллипсовидной формы. С одной стороны извилистая быстротекущая речка Шаква, в которой спасаются ребята в жаркое обеденное время.купаются даже вечером и даже утром до завтрака. С другой стороны – дугой растет кустарник. Палатки расположены эллипсовидной дугой, наподобие вытянутой подковы. В центре флажок с поднятым флагом. Рядом табличка: «По клумбам не ходить!» Там растет высокая трава, много самых причудливых полевых цветов.

Вход в лагерь с севера. Справа у входа очаг. (48 кирпичей, по 24 с каждой стороны). Сверху несколько железных полос, на которые ставятся котлы. Над очагом – крыша, покрытая толем. Под деревьями бидоны с водой, квасом, рукомойник для кухонных работников.

На кухне кашеварит Наталья Эдуардовна Ситникова и Ольга Знаева. Варят отлично. Утром, в обед и в ужин они ставят перед собой на землю котлы и чайник. Сами садятся на стульчики и черпаками наливают и насыпают в чашки и в кружки по очереди подходящим то, что ими приготовлено. Всегда вкусно.

Сидят они в трусах и лифчиках без головного убора. Со стороны они – два изваяния: одно – бледно-розовое, другое – медно-бронзовое. У меня невольно вырвалось: «Не хватает Мухиной, чтобы увековечить ваши позы!» Их фигуры напоминают те, что сидят у парадного входа в МГУ.

Палатка Р. Дм. находится в противоположном конце входа. Она по несколько раз за день и вечер вынуждена пройти по лагерю: мыться, купаться, кушать и т.д. Всегда она решает деловые вопросы попутно. Справа от нее палатка Николая Васильевича Водолаги - ее помощника. Это очень деловой студент, перешедший на 4 курс.

Работает он самоотверженно, руководит дельно. На раскопе он вездесущ и всегда в работе. На совещаниях его слово звучит весомо. Свое звание сахема он оправдывает. В лагере его сестричка – химичка – Наташа, которая окончила 1 курс БХФ. Училась у М.Ф. Канунникова и Инны Тимофеевны Конаровцевой. Далека еще от специализации. Пока еще не задумалась о связи химии с археологической наукой.

Столбы навеса над очагом украшены бумажными разноцветными гирляндами. На карнизе навеса надпись: «Харчевня – николкин бычок» и рядом нарисована бычья голова с раздувающимися ноздрями и красными глазками. Это сделал Анатолий Иванович Лыков. Он – выпускник – художника. Вид у него женский. Маленького роста, изящного хрупкого телосложения, усики и длинные волосы. Кажется, он неравнодушен к Буториной, студентке сейчас 3-го курса, не отходит от нее. Она тоже низкого роста, но плотная. Мне не приходилось видеть, чтобы они разговаривали.

Камеральную обработку пока ведет Валя Ткаченко. Она окончила литфак, работает у себя в Тульской области в школе, разочаровалась и приехала в археологическую экспедицию. Курит, держится непонятно. Курит, вставляет неожиданно реплики в разные разговоры. В них чувствуется скепсис и разочарование, но всегда уверенность в том, что ее мнение сложилось в результате длительного опыта. На вид она большая, страдающая, но вообще я ее знаю умной.

Вчера у очага и позавчера у костра в центре был Королев Владимир Михайлович. Он играет на гитаре. Поет много и речитативом. Голос не певческий, но слушают: репертуар многогранный. Рассказы об археологической жизни. В центре – воспоминания. Колоритные фигуры – Кананин Владимир Алексеевич, Останин. События смешные. Как Кананина стриженного подозревали в том, что он беглый и т.д. даже несколько раз проверяли его документы. Много еще интересного.

Мы три дня в лагере. Не было ни одного грубого слова, не говоря о более колоритных выражениях.

Есть девушки, которых вообще не слышно. Чазова, например, которая вообще только показывается, но не проявляется в обществе, хотя она не производит впечатления гордой и замкнутой. Она умеет улыбаться, в раскопе она сосредоточена. Вообще, сосредоточенность – ее главное выражение.

Наша палатка, в которой мы живем с Робертом, рядом с палаткой сахема. У нас два раскладных стульчика, столик, который стоит возле входа в предспальню. Спальная палатка, спальные мешки. Под ними толстый поролон. Тепло и сухо. Свежий воздух. Мама может только жалеть, что отказалась с нами поехать.

Второй день я знаком с физиком Владимиром Павловичем Подшиваловым (окончил наш физмат).

Сегодня поедem в пещеры Кунгура...

Были в пещере. Все оказалось обыденным, так как часть пещеры с весны закрыта и туда не пускают. Видели грот Бриллиантовый, грот Полярный, Крестовый, Колизей, Большой, Смелых и др.

Смотрели фильм «Калина красная».

Здесь палатки и «Верта-2», и «Верта-3», и «Верта-4» (в такой живем мы с Робертом), и «Гдыня» (в ней живет Р.Дм. и А.В.), и «Варе» на одного человека. В ней живет Водолаго.

За наше отсутствие сегодня оборудовали под руководством А. В. волейбольную площадку. Играют под дождем. Был страшный ливень. Мы даже не вылезли из машины. Наше возвращение из кино было отмечено сильнейшим ливнем, грозой с градом. Все это время мы с шофером сидели в кабине.

За ужином к очагу прибежала ондатра небольшого размера. Она была ранена и, возможно, искала помощи.

Роберт начал вести дневник!

На Спасской горе на меня произвели огромное впечатление карстовые воронки. Поражала их форма и огромные размеры. Диаметр они доходили до 15-20 метров. Это были углубления совершенно правильных углубленных конусов.

ГРОТЫ КУНГУРСКИХ ПЕЩЕР. ГАЛЯ МЕРЗЛЯКОВА

16.07.79.

Сегодня встал в 4 часа. Птицы только начали свое пение. На небе редкие тучи. Убывающая луна. Слышен шумящий голос поезда. Пролетела ворона. Совсем не узнаю птиц по голосам. В палатке темновато. Не вижу. Не вижу написанного. Стрекогут кузнечики. Кажется, день будет хороший. Тепло. Вечером было холоднее.

Вчера Роберт начал свой первый дневник. Правда, подсматривает у меня.

В Шакве поднялась вода на 35- 50 см., судя по мосткам, где мы вчера мылись. Сейчас они под водой на 35 см., а вчера они были немного выше воды. По воде плывут стволы деревьев.

Марсель видел утром ондатру возле наших мостков. Казалось, это была вчерашняя. Когда мы позавчера ходили на Спасскую гору, мы заметили, очевидно, в озере не ондатру, а рыжую реликтовую крысу, которая только там водится и охраняется законом. Об этом сказал кто-то во время нашей поездки в пещеру. Передо мной сейчас план Кунгурской пещеры. И я вижу, что мы прошли по малому кругу. Гроты: Бриллиантовый, Крестовый, Полярный, Данте, Руины, Морское дно, Скульптурный, Коралловый, Колизей, Смелых, Западный, Полярный. Побывавшие там в другое время ребята говорят, что более интересными являются гроты Эфирный, Большое озеро, Романтиков и др. Там много сталактитов и сталагмитов. Нам же их попало мало. В пещере жили отшельники, у которых имелись каменные дома, но нам их уже показывали.

С утра была удивительно хорошая погода, но только вышли на работу, как начался дождь. Он то усиливался, то ослабевал. Так, очевидно, будет до 10 часов.

Нас с Робертом оставили дома. Роберт ушел сушить свои кеды и штаны, которые со вчерашнего дня еще не просохли. У очага есть веревка, на которую он намеревался повесить свои вещи. Сам бегаёт в шортах. Вообще, прохладно. Надо иметь сменную одежду. Начался сильный дождь в 8.45.

Надо сказать несколько слов о завхозе археологической экспедиции. Это о Гале Мерзляковой. На истфаке она секретарь комсомольского бюро. Меня всегда поражала ее активность, она прекрасна в своей увлеченности трудом, в настойчивости и общительности. Даже не замечаешь, когда она получает задания от Р.Дм., а может быть, она вообще их не получает. Забота у нее огромная: она должна обеспечить продуктами весь лагерь, более 50 человек. Кроме того, она снабжает всех газетами, привозит почту. И справляется она со всем хорошо. В школе она увлекалась парашютным спортом. Она очень старательна во всем.

Дождь перестал около 5 часов. Пойду на раскоп. Нет, не пойду, так как нет сапог, а ведь можно было взять с собой. Ведь люди работают, а мы сидим и играем в шахматы. Роберт выиграл белыми, потом я – белыми, и еще раз белыми. Вот так! И это в день отъезда.

Весьма важным становится вопрос об учителях. По существу. С учителем перестали считаться, когда речь идет о вознаграждении его труда и весьма учитывают его при исполнении общественного долга. Школа сейчас стала для учеников второй семьей. И это особенно верно еще потому, что родители от своих детей стараются отдохнуть и в субботу. Для учеников в школах существует «продленный день», когда они остаются там и после занятий. В связи с этим ложится на плечи учителя огромная ответственность за воспитание детей. Учитель работает не только на уроке, но еще вдвойне больше после уроков. По существу огромное количество времени остается неучтенным, то есть учитель работает бесплатно на благо общества. И это не только в деревне, где это наблюдалось давно, но и в городе. Нет и прежнего почта в обществе. Нет той сравнительно хорошей обеспеченности, которая еще наблюдалась 20-30 лет тому назад. Учитель преимущественно женщина, на плечах которой висит и муж, и семья. Зачастую муж – механизатор в деревне, рабочий в городе. Интересы их разные. Круг товарищей, компании, язык – все это их рознит. Учитель бежит из школы. Нет заботы со стороны властей на местах. Не дают квартиры или дают в последнюю очередь. Не дают путевок, талонов на ковры и так далее. Учитель – рабочая лошадка и без 13-ой зарплаты. Все это говорят те, кто бежал из школы. Поздеева получила направление в Глазов. Но там она была без квартиры. И никто не обещал дать ее ей. Она любит

детей. Работала в школе успешно, хочет в школу, но работает нотариусом в поселке Яр, где живут родители.

ДОМОЙ. ШОФЕР ГРИША.

17.07.79.

Роберт говорит: «Скоро каникулы кончатся». Он серьезно увлекся дневником, чертит схемы и планы лагеря и раскопа. Я вижу отцовскую увлеченность и настойчивость, любознательность и рационализм.

Вчера выехали из лагеря в 12.15. В последний момент студентам пришлось вытаскивать машину из болота. Прощались. Приглашали еще приезжать. Передо мной лица здоровые, бодрые, улыбающиеся, довольные, гордые, скромные и уверенные. Такие экспедиции не проходят даром.

Нас провожала Галя Мерзлякова. Она ехала в кузове вместе с Робертом, а я сидел в кабине рядом с шофером Гришей. Он татарин лет 34-х, обликом смахивающий на артиста Любшина: та же игра мускулов губ и носа, то же узкое, интеллигентное лицо и те же острые глазки. Имеет жену и дочку. Участвовал в ликвидации чехословацких безобразий. Считает, что жить становится труднее, так как хозяйство ведется все хуже. Очевидно, речь идет о сельском хозяйстве, животноводстве. Татары любят мясо.

Галя купила нам билеты и посадила нас в вагон. Молодец! Оставалась до последней минуты с нами, хотя я просил ее идти. У нас было полно дел.

Кунгур мы видели только проездом. Есть гостиный двор, много церквей и особняков купеческого происхождения. Городок насчитывает 80-100 тысяч жителей. Есть хорошие кинотеатры. Лучший – «Мечта».

В Пермь приехали на электричке в 16.30. Мы сели на такси и уже через 20 минут были в аэропорту. Но в понедельник самолета в Ижевск не было. Поговорили по телефону с Бориславой Петровной. Она сообщила нам, что Валерий с Ростом поехали в Осу, а оттуда они намереваются заехать к нам домой. Мы решили тоже использовать речной путь. Поехали на речной вокзал. Узнали все и решили переночевать, чтобы осмотреть достопримечательности Перми до отъезда. Часов в 20.00 устроились в гостинице «Турист». У нас отдельный номер. Мы помылись под душем. И душе стало легче.

Роберт спросил: «Дедушка, сколько ты заплатил за нашу квартиру?» Он постоянно интересуется расходами.

ПЕРМЬ. ЗООСАД. МУЗЕЙ. КАРТИННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

18.07.79.

В 8.00 купили билеты на катер до Чайковского, который отправляется в 14.00. Сейчас находимся в зоосаде. Здесь все обычно:

звери в клетках. Лев имеет болезненный вид, рычит, рысь спит, черная пантера, слон, белый медведь, медведи разные, пони, зебры. Осел, верблюд, олень, лось, бизон, песец, лисица, волк, норка, барсук, куница, собака Динго, белки, змеи, черепахи, павлины, зебра, тюлень, орлы, ястребы, утки, гуси, лебеди, цесарки, пеликан мерзляк, совы, филины, белые филины, дикобраз, вороны, сорока, тигры, обезьяны, макаки.

С 11.00 до 13.00 находились в Пермском краеведческом музее и в Пермской картинной галерее. Музей содержит подлинники и муляжи и картины, отражающие историю Пермской области с древнейших времен. Особо сильно впечатляют выставка ананьинской культуры и все, что относится к развитию промышленности Урала – Строгановские и Демидовские предприятия, Каслинское производство – все это бесподобно. Впервые видел деревянные пушки. Но Каслинское литье представлено особенно широко.

Роберта заинтересовало все, что относится к минералам. Особенно его заинтересовали два остатка метеорита. Он особенно увлекся фауной как древней, так и современной. Как мало мы знаем наш край.

Попытался писать на катере «Метеор», но это ненадежная опора, она все скачет и дрожит.

Огромное впечатление произвела картинная галерея. Оказывается, богатые промышленники и купцы были большими любителями изящного. Здесь собраны Верещагин, Ге, Шишкин, Савицкий, Репин и много более близких к нам и Кустодиев, Петров-Водкин.

Есть и иностранные художники. Хорошо представлена живопись советского периода. В целом, здесь можно организовать музейную практику.

Огромное впечатление произвело искусство XVI в., особенно Симон Ушаков. Выделяется так называемая Строгановская школа.

А деревянная скульптура! Все эти Иисусы на распятии и следящие с терновым венком на голове! А наивные предстоящие бабы! Их благоговейные улыбки неповторимы, но жизненны.

Из Перми до Чайковского ехали 6 часов на «Метеоре». Это около 500 км. Почти не останавливались, то есть только высаживали и принимали пассажиров.

Природные условия по Каме чудесные. Больше всего по берегам встречались сосны. Они выделялись своей стройностью и казались специально посаженными.

Кама заселена теплоходами, баржами, катерами, плотами и т.д. Мы ни на минуту не теряли из виду какой-нибудь вид транспорта. Кажется, Кама – это большая и широкая дорога, по которой в обе стороны катаются люди на машинах.

В Чайковском мы уже не застали автобус, было около 9 часов попермски. Поэтому мы были вынуждены поехать на такси. Четвертый

наш спутник ехал до Воткинска, поэтому мы поехали туда. Приехали домой после 10 часов вечера по-нашему. Было уже темно.

Узнали чудовищную новость: на следующий день после нашего отъезда погибла кошка Тимка, которую все мы любили и которая всех нас любила. Так печально кончилась наша поездка, которая так нам понравилась и которую мы провели с пользой. Роберт повзрослел за это время.

24.07.79.

Мама звала Тиму «Рыжебородка», а Рост – «Рыжий дядька с хвостом». Но все дело в том, что у нее под подбородком росла белая шерсть и она была женщиной, а не мужчиной. Все это, очевидно, связано с определенными ассоциациями.

Зимой вечерами я брал Тиму на руки и мы гуляли вокруг дома и по двору. Очень любила во время этих прогулок взбираться на деревья. Обычно она вначале царапала дерево – «точила свои когти», а затем поднималась к самой вершине. Иногда казалось, что под ее тяжестью должна сломаться ветка, но всякий раз такие похождения заканчивались удачным спуском. Часто при этом она собиралась меня обмануть, чтобы прыгнуть и уйти. Прицеливалась с ветки на ветку прыгнуть. И ей это удавалось бы, потому что дома она прыгала со шкафа на шкаф через двухметровый коридор.

Ближе к весне она во время наших прогулок пыталась вырваться из моих рук. При этом она рычала на меня и даже старалась кусать мои руки.

Однажды к нам подбежала собака и встала на задние лапы. Тиму это удивило, и она стала на нее угрожающе рычать.

Тима была удивительно любопытна. Однажды во время прогулки я звонил домой из телефонной будки, держа Тиму на руках. Когда по телефону Таня начала звать: «Тима! Тима!», она вдруг начала искать Таню в трубке, за ней и смотрела ищущим взглядом на пол. Часто, когда дома звонил телефон, она подбегала к нему. Иногда во время разговора она прямо лезла в трубку.

Записи о поездке в археологическую экспедицию были сделаны Василием Евгеньевичем в обычной ученической тетради не всегда в подходящих условиях. Не редактировались им. Я прочла их, спустя 27 лет после написания и сохранила в неприкосновенности особенности стиля и языка Василия Евгеньевича, не исправляла недочеты, неизбежные в первом варианте рукописи. А это первый и единственный экземпляр.

21. НЕ ЗАХОЧЕШЬ – ОТКАЖЕМСЯ

В конце марта 1977 года Василий Евгеньевич сообщил, что нам дают новую квартиру. Я, вместо того чтобы обрадоваться, сказала, что переезжать надоело и я больше никуда не поеду. Разговор не возобновлялся.

Но как-то под вечер Василий Евгеньевич пригласил прогуляться по Пушкинской. Мы поднялись в гору до сотовой аптеки, спустились вниз к магазину «Урал», пересекли улицу Кирова, миновали научно-исследовательский институт. Я не раз пыталась повернуть его назад, но безуспешно.

Уже смеркалось, когда мы вошли во двор. Я остановилась в изумлении: «Ух ты! Как океанский лайнер! И лоджии, как палубы!» Запрокинув голову, я смотрела на девятиэтажный дом, в некоторых окнах которого уже горел свет.

«Зайдем, посмотрим. Не захочешь – откажемся», – предложил Василий Евгеньевич, отпирая ключом дверь на втором этаже.

Мы вошли в квартиру. Большой коридор разделяет комнаты на южные и северные. Все четыре изолированы. Ванная комната довольно вместительная: ванна, раковина, биде. Есть место для стиральной машины. Кухня приличная. Туалет с раковиной. С южной стороны комнат лоджия в десять метров длиной. Василий Евгеньевич хотел застеклить ее, но не успел (это отлично сделал Валера Шадрин) с выходами на нее из двух комнат. Из кухни выход на небольшой балкон. Вода горячая!!! Газ не привозной! Ну кто устоит перед такими соблазнами! «Нравится?» – «Очень! Когда переезжаем?»

Это был тот самый дом, о котором Ю.Елисеев, бывший студент Василия Евгеньевича, часто приходивший к нам и живущий по соседству со стройкой, рассказывал с таким восхищением года полтора назад. От него мы узнали, что дом строился для обкомовских работников. Но возмущенные рабочие написали письмо в ЦК, и дом заселили очередниками. В нашем подъезде были четырех – и пятикомнатные квартиры. Их получили семьи рабочих, ученых УдГУ, мединститута, сельхозинститута, механического, института твердого тела и другие. Все они стали нашими добрыми соседями. И нередко у подъезда возникали краткие стихийные дискуссии по интересующим их актуальным проблемам. Этот дом в народе называли «вторым дворянским гнездом». Но для нас он стал первой и последней настоящей квартирой.

Переехали быстро. Массу книг помогли перекинуть студенты. Василий Евгеньевич выбрал себе уютную комнату – «кабинет» – в конце квартиры на южной стороне с окнами во двор. Детские голоса во дворе ему не мешали, он мог спокойно работать.

Обставил кабинет очень скромно: письменный стол, восемь книжных шкафов от пола до потолка – по четыре с двух противоположных стен; столик для микрофота и печатных машинок с русским и латинским

шрифтами. Теперь он уже не отдавал рукописи машинисткам, а печатал сам. Диван, кресло, стул. Здесь я часто видела его, склонившегося над рукописью или печатающего на машинке.

Таня – в комнате напротив. Толя и я – в гостиной.

Сначала в квартире было пусто. Но постепенно Василий Евгеньевич купил для гостиной болгарский гарнитур: стенка, диван, два кресла, журнальный столик. Приобрели еще кое-какие необходимые вещи: второй холодильник, новую стиральную машину и т.д. Стали жить нормально.

Рассказывая о покупке вещей Василием Евгеньевичем, я вовсе не хочу сказать, что он страдал вещизмом. Нет и нет. Покупали почти всю жизнь только самое необходимое, но не от скарденности: на излишества просто не было средств.

В начале нашей совместной жизни деньгами распоряжалась я. На обеспечение двух-трех человек семьи рассчитывать все до зарплаты было не так сложно. Но когда семья достигла восьми человек, а зарплата Василия Евгеньевича и моя была не ахти, я попросила его взять бразды правления в свои руки. И он с этим хорошо справлялся. Старался доходы распределять так, чтобы не было нужды брать займы. Но иногда без этого не обходилось, и тогда нас выручали Плющевские. Василий Евгеньевич, как правило, возвращал долг в срок. Но, помню, в далекие пятидесятые был случай, когда он не мог это сделать и сильно переживал. По этому поводу его мама Матильда Федоровна рассказала слышанный ею еще в детстве анекдот о человеке, который не мог заснуть, так как завтра должен был отдать долг соседу. «А ты постучи ему в стенку и скажи, что завтра не отдашь, пускай он не спит», – посоветовала жена. Василий Евгеньевич горько усмехнулся.

Несмотря на скудость нашей жизни в первые годы, Василий Евгеньевич старался по возможности не отказывать членам семьи в их запросах. Любила я рисовать на стекле, на холсте – и у меня были беличьи кисточки, наборы масляных красок, растворители. После войны почти повальное увлечение вышивкой – и у меня нитки мулине разных цветов не переводились, хотя покупал мне их Василий Евгеньевич по спекулятивной цене у одинокой женщины, которая этим зарабатывала на хлеб. И прикрывали нашу убогость вышитые мною скатерти с виноградными гроздьями или букетами цветов, покрывала с необыкновенным рисунком, шторы.

В 50-е годы мои школьники увлекались фотографированием, и я с ними. И у меня был фотоаппарат, пленки, все химикаты и принадлежности для проявления и печатания фото вплоть до фотоувеличителя.

Еще позднее я покупала все то, что нужно для работы в школе: наборы открыток, пластинки с записью отрывков из художественных произведений в исполнении мастеров художественного слова, диафильмы, диапроектор, проигрыватель, лампочки для эпидиаскопа и т.д. Василий Евгеньевич в этом плане всегда шел мне навстречу.

Пошло увлечение вязанием, и я не сидела без пряжи. Почти всегда он привозил шерсть нашу, французскую, югославскую. И даже будучи в Венгрии, не забыл о ней, хотя я об этом и не просила.

Возвращаясь домой из командировок, всем привозил подарки: маме своей шерстяные кофты, репейное масло, детям игрушки, книги, конфеты. Однажды в снежном феврале вернулся из Москвы, открыл чемодан, – а он полон свежих зеленых красивых огурчиков. Вот здорово было! Конечно, привозил и продукты, когда с ними было нелегко в Ижевске.

Я не гонялась за безделушками и почти не носила украшения, хотя могла по достоинству оценить их. В Выборге, в магазине – это уже в 70-е годы – Василий Евгеньевич ушел к дальнему прилавку, а я засмотрелась на статуэтку куницы, линии и грация которой были совершенны, с какой стороны ни посмотри. Рядом слышу голос Василия Евгеньевича: «Продавец, будьте добры, дайте куницу», – и протягивает – ему чек. Я вовсе не собиралась ее покупать, но он увидел в выражении лица, во взгляде что-то такое, что предоставил мне возможность посмотреть на куницу и в комнате санатория, и дома в Ижевске.

Но больше всего Василий Евгеньевич любил дарить часы и мне, и детям.

Закончу эту часть тем, с чего начала. Стены гостиной оставались пустыми. Предложение Василия Евгеньевича купить ковер встретила довольно прохладно: вряд ли ковер – обычно красный – будет гармонировать с паласом и шторами. «Нет, так нет», – он не настаивал.

Спустя какое-то время возвращаемся вместе с работы. Просто так зашли в магазин «Весна», поглазели бесцельно на витрины. В последнем отделе продавец стал перелистывать стопу ковров, как страницы книги. Я равнодушно смотрела: красный, красный, темно-бордовый, красный... И вдруг... «Голубой! И рисунок какой изящный!» – неожиданно вырвалось у меня. «Выпишите», – сказал Василий Евгеньевич продавцу.

Я время от времени вспоминаю эту покупку. Ковер своим цветом, узором много лет радует меня. Не купи тогда его Василий Евгеньевич – мы бы уже никогда не смогли этого сделать.

Бесконечно добрым он был не только по отношению ко мне, но и ко всем членам семьи: велосипеды (сколько их было разных у детей!), фотоаппараты, магнитофон, печатные машинки и многое другое.

Я же, в свою очередь, никогда не контролировала Василия Евгеньевича, не ограничивала его расходы и не спрашивала о них.

22. ФПК – 1977 ГОД.

Четыре месяца 1977 года (сентябрь-декабрь) – это время работы Василия Евгеньевича на ФПК (факультет повышения квалификации) в

Москве. Перечитывая сейчас письма этого периода, пытаюсь кратко восстановить его жизнь и работу.

Наука – главное, чем занимался он все это время.

Василий Евгеньевич был связан с учеными-медиевистами разных научных учреждений, но в первую очередь – с учеными МГУ. Он принимал участие в заседаниях кафедры истории средних веков, выступал по первой главе докторской диссертации Ю. Некрасова, докладывал о своей книге.

Виднейшие ученые, члены кафедры, профессора А.И. Данилов, министр просвещения РСФСР заведующий кафедрой истории средних веков, Ю.М. Сапрыкин, А.Р. Корсунский, Е.В. Гутнова, А.А. Кириллова, А.А. Котельникова, Н.Л. Хачатурян и др. принимали живое участие в обсуждении его доклада. С ними Василий Евгеньевич часто общался, был в курсе их научных дел.

Постоянную связь поддерживал он и с сектором истории средних веков Института всеобщей истории АН СССР. Он сдал в сектор рукопись своей книги и своевременно получил положительную рецензию; проверил и сдал статью о марке, которая шла в 42-ой сборник «Средние века», издаваемый АН СССР. Участвовал в заседании сектора, где профессор А.И. Чистозвонов докладывал о конференции в Прадо (Италия); присутствовал на лекции Чистозвонова, часто встречался и беседовал с ним по разным вопросам.

Профессор Ю.Л. Бессмертный до последних дней Василия Евгеньевича состоял с ним в деловой и дружеской переписке. Он написал рецензию на статью Василия Евгеньевича о книге Мэгдефрау «Тюрингский союз городов».

Виделся и советовался Василий Евгеньевич с профессором М.А. Баргом, опубликовавшем впоследствии обстоятельную рецензию на его книгу «Деревня и город Германии в XIV-XVI веках» (рабочее название «Прогрессивные тенденции...»).

И в Московский областной педагогический институт Василий Евгеньевич не забыл дорогу. Там у него установились давние научные и дружеские связи с профессором Н.Ф. Колесницким, заведующим кафедрой истории средних веков. Профессор дал хороший отзыв на книгу Василия Евгеньевича «Прогрессивные тенденции...». Василий Евгеньевич редактировал сборник кафедры, читал верстку статьи Колесницкого.

Кроме того, Василий Евгеньевич во время поездки в Саратов установил контакты с учеными Саратова и Ленинграда, сделал доклад на симпозиуме в Саратове, оформил тезисы доклада и сдал их.

Отредактировал и отправил в Ижевск рукопись сборника ученых Удмуртии, написал отзыв на статью Ю. Некрасова, но главным образом работал над своей рукописью в плане сокращения ее.

Самым трудным для него в эти месяцы было добиться включения книги в план издательства Ленинградского университета и – как это ни странно – получить письмо от проректора УдГУ в Госкомиздат, необхо-

димое для издания книги. Но лучше я предоставлю слово самому Василию Евгеньевичу, поместив ниже фрагменты из его писем ко мне.

Москва 07.09.77.

Добрый день, дорогая Боренька! Долетел удачно. На Казанском вокзале оставил в автоматической камере хранения чемодан и плащ и с одним портфелем отправился устраивать свои дела. Оформление документов закончилось в четыре с чем-то. Поселили меня в главном корпусе МГУ на четвертом этаже в 413 комнате, где два отделения (боксы). Я живу в левом боксе. Чисто, но не ново и не свежо, прокурено. За два дня не успел еще избавиться от запаха.

До сегодняшнего обеда работал над версткой Н.Ф. Колесниченко, а затем отнес ее. Формальные официальные встречи с начальством ФПК прошли. В целом учебная нагрузка не будет тяжелой, так как по средним векам все свои, которые дадут мне позаниматься самостоятельно. Заниматься буду в Ленинской библиотеке...

Твой Вилли.

Москва, 10.09.77.

...Завтра утром вылетаю на симпозиум в Саратов. Мысли доклада не совсем еще отшлифованы, но мое выступление состоится 13-го, поэтому в моем распоряжении еще имеется необходимое время для завершения этого дела.

Кажется, у меня сложился московский ритм. Вчера и сегодня уже гулял утром и вечером. Здесь, рядом с университетом, совершенно ровные дорожки-аллеи через приличный лес, где довольно много занимающихся хождением, бегом и вообще спортом.

На улице встретились с Пономаревым К.А. и Майоровым Н.И., которые тоже живут в МГУ, только на девятом этаже. Они занимаются в ИПК...

Очень прошу тебя выслать рукопись моей книги. Она лежит...

Москва 16.09.77.

...Спасибо за письмо. Вернулся из Саратова. Симпозиум прошел хорошо. Мое выступление было принято. Мне были высказаны одобрения как в индивидуальном порядке, так и с трибуны, причем неоднократно.

А.Н. Чистозвонов, правда, при этом делал и критическое замечание, но оно было беспочвенным, так как он не уловил вопроса, когда я выступал.

Установлено множество контактов, из которых, как мне кажется, наиболее плодотворными могут быть ленинградские и саратовские. Н.Г. Шишкина выступила удачно, но очень волновалась. Выступал мой подопечный Ю.К. Некрасов. У него было удачное выступление в полном смысле этого слова.

На симпозиуме присутствовали из Саратова, Москвы, Ленинграда, Киева, Одессы, Донецка, Калинина, Владимира, Пензы, Красноярска, Челябинска, Ставрополя, Куйбышева, Ярославля, Риги, Свердловска, Омска, Алма-Аты, Калуги. Как видишь, география довольно обширная.

В целом господствовала атмосфера доброжелательности. Для меня главное заключалось в том, что я установил связи по изданию различных статей. Думаю, это главное на данном этапе.

В Москве буду преимущественно работать над своими научными проблемами, которых много. Конечно, необходимо также отстаивать некоторые свои позиции перед различными коллективами, поэтому придется два-три раза выступить в разных местах. Занятий у меня пока нет...

Москва, 20.09.77.

...У меня серьезные затруднения с изданием рукописи в Ленинграде. Они постоянно откладывают включение ее в план, а здесь, в Министерстве высшего образования, сидит такая персона, которая имеет задачу «не пущать!» В начале я думал, что все можно здесь решить, но теперь ясно, что без Ленинграда не обойтись, а на это у меня уже нет денег. Поэтому очень прошу: вышли, пожалуйста, деньги...

Отправил ли Толя мою рукопись?

Дел у меня много. Главное, хотелось что-нибудь продвинуть по науке, но, не добившись включения книги в издательский план, невозможно что-либо путное делать. Все же мне надо было еще в мае поехать в Москву, чтобы добиться включения книги в план. Но на этот раз не отстану от них до тех пор, пока вопрос не решится положительно. Вообще, свинство огромное. Все возбужденно спрашивают: «Где ваша книга? Мы ее ждем!» Другие: «Мы работаем по вашим статьям, дайте книгу. Вы единственный специалист по аграрной истории Германии» и т.д., а дело стоит на месте. Вот в чем беда...

Москва, 20.09.77.

В университете обещали в субботу написать письмо в Госкомиздат РСФСР, и тоже ничего еще нет. Вообще, странно, когда ждешь, как у моря погоды.

Конечно, дел у меня полно. Как в научном, так и в организационном плане все движется медленно. Главное, везде нужны бумажки. Одна бумажка рождает другую. Если один напишет, то и другой следует за ним. Но написать первую бумажку трудно... Путного еще ничего не читал, а уже две недели, как я из дома...

Москва, 21.09.77.

...У меня затруднения по издательским делам. В связи с этим мне нужна переписка с Ленинградом и Госкомиздатом. Прошу тебя,

где-то я даже подобрал эту переписку, но, может быть, все разбросано среди пачек писем в двух ящиках моего стола, широком и узком.

Итак, речь идет об открытке из Ленинграда, написанной от руки и подписанной Н.А. Захаровой. В ней она сообщает, что издательство не включает мою книгу, и они высылают мою рукопись. Далее, речь идет об одном письме из Госкомиздата, где они сообщают тираж книги.

Очень прошу сразу выслать обе вещи. И извини мою оплошность. Сама не волнуйся. Все равно издадут, но крутят, как это почти со всеми бывает. Очевидно, придется ехать в Ленинград.

Москва, 22.09.77.

...Я тебе уже писал, что мне нужны документы переписки по поводу издания. Можешь все это отослать.

...Вчера был на заседании сектора истории средних веков института Всеобщей истории. Докладывал Чистозвонов об участии в конференции в Праго (Италия) и Варшаве. Он всегда говорит дельно и красиво. После заседания мы долго беседовали с ним по различным проблемам.

В основном сижу над новыми материалами. Все идет медленно, но все же движется...

Москва, 24.09.77.

...Еще на прошлой неделе просил в университете отправить мне письмо, но до сих пор его нет. Тезисы своего доклада на симпозиуме я оформил, мне их перепечатали, и я их отправил в Саратов. Они напечатают их в сборнике, кроме того, по этой теме можно написать статью.

Теперь я особо чувствую, насколько мне мешало проректорство. У меня масса заделов, но мало что доведено до завершения. Главное – это книга. Ее надо закончить, иначе не будет никакого толка. Мыслей много. Нет, не перегружусь, не бойся...

Москва, 28.09.77.

...Два дня не было писем, а сейчас вечером получил сразу два. Удивительно, что они оба, судя по штампу, вчера были еще в Ижевске, а сегодня я их уже получил. А письмо из университета так и не пришло. Очень прошу тебя, сходи на работу, пусть напишут еще раз такое письмо, возьми его и сама отправь мне. Копия того письма должна сохраниться в канцелярии. Письмо было адресовано Заместителю председателя Госкомиздата РСФСР тов. Звягину В.Н. Там была просьба разрешить тираж в 1000-1100 экземпляров на издаваемую издательством Ленинградского госуниверситета книгу профессора Майера В.Е. «Прогрессивные тенденции в развитии производитель-

ных сил и аграрных отношений Германии XIV-XVI вв.» («Деревня и город Германии в XIV-XVI вв.» – Б.С.) Остальное он сам сочинит...

Рукопись получил. Работаю над ней, чтобы сократить. Жаль, но вряд ли иначе что-нибудь выйдет.

...Дела мои продвигаются, если не считать издательские...

Москва, 30.09.77.

...Завтра я должен выступить на заседании кафедры истории средних веков МГУ по работе Ю.К. Некрасова. Работа написана поделовому. Чувствуется, он серьезно поработал. И в Саратове он тоже хорошо выступил. Думаю, что докторскую он напишет и защитит. Остальные дела идут нормально. Занимаюсь в библиотеке. Слежу за нагрузкой. Кажется, пока не перегрузился. По дому скучаю. Но очень рад, что вырвался на длительное время, которое необходимо для серьезной работы. Если бы удавалось каждый год один месяц здесь в таких условиях прожить, можно было бы еще порядочно сделать...

Москва, 01.10.77.

...Сентябрь позади. Он пролетел для меня почти незаметно, хотя сделано значительно больше, чем в прошлые годы.

В Саратове выступил с докладом. Здесь сегодня выступил по первой главе диссертации Ю.К. Некрасова. Тут присутствовала публика серьезная – министр просвещения РСФСР А.И. Данилов председательствовал, так как заведует кафедрой истории средних веков в МГУ; были профессора Ю.М. Сапрыкин, А.Р. Корсунский, Е.В. Гутнова, А.А. Кириллова.

Кроме того, присутствовала вся кафедра, представители из разных вузов, приехавшие на ФПК. Некрасов изложил свой доклад удачно, потом выступили А. Кириллова, я, Е. Гутнова, Ю. Сапрыкин и в заключение А. Данилов. Все выглядело на высоте.

...Сегодня мне сообщили, что мою отредактированную статью уже перепечатали и чтобы в понедельник я ее проверил. Речь идет о марке и общинных традициях.

Москва, 04.10.77.

...Вчера утром пришло извещение о посылке. Я его получил по пути в институт Всеобщей истории, где я должен быть в 9.30, чтобы проверить готовящуюся в 42-ой сборник «Средние века» статью о марке. В целом она получилась неплохо, хотя в общей сложности за счет примеров она сократилась на страниц 2,5-3 (из 43-х). В институте виделся мимоходом с некоторыми моими однокурсниками, работающими там, а также с профессорами А.Н. Чистозвоновым и М.А. Баргом. Они интересовались обсуждением доклада Ю.К. Некрасова и вообще состоянием его работы над диссертацией. Поскольку

меня считают самым крупным специалистом в изучаемой Некрасовым области, с моим мнением считаются. Разумеется, я дал положительную оценку, так как работа этого и заслуживает. При этом я знал весьма нелестное мнение о работах Некрасова Чистозвонова. Кажется, я убедил его в обратном. Одним словом, мне казалось, что ледяной панцирь начал таять, что имеет большое значение для Некрасова.

Москва, 05.10.77.

...Твои письма идут довольно быстро... Как обстоит дело с письмом? Вести от Ленинградского издательства прямо-таки неважные. Все крутят и стараются со мной ругаться. Но дудки. Не выйдет, я буду держаться до крайней точки. Разумеется, тебе тоже не надо волноваться.

Москва, 07.10.77.

...15-го мне выступить в МГУ. Тут всегда заседания по субботам проводятся, через каждые две недели. По диссертации Ю.К. Некрасова я выступил нормально...

...Сегодня сдал рукопись машинистке. Обещала сделать ее быстро. Хотелось бы до праздников получить отзыв и продвинуть ее. Вообще, обещают помочь. Научные дела идут нормально. Только надо все время ездить. В Москве расстояния велики, а это утомляет...

Москва, 16.10.77.

...Сегодня ездил к Н.Ф. Колесницкому на кафедру. Он работает в Московском областном пединституте заведующим кафедрой. Он мне приготовил отзыв, тоже очень хороший. Теперь, когда придет выписка из протокола, я все отправлю в Ленинград. Да, еще нужно мне написать «Авторскую справку». Это пара пустяков.

Москва, 24.10.77.

...Написал заключение. Машинистка, очевидно, закончит печатать завтра или послезавтра. За доклад, который ты читала, вновь еще не брался. Все другие дела...

Москва, 26.10.77.

...Был в секторе, сдал рукопись книги на отзыв. Взяли две главы. Достал оставшиеся главы от машинистки. Теперь она должна еще печатать заключение. Статью (доклад), который ты читала, тоже допечатывают.

Москва, 29.10.77.

...Спешу с самого утра отправить тебе письмо. Текст книги у меня перепечатали, но, когда я сунулся дать мне отзыв, вдруг выяс-

нилось, что необходимо официально обратиться к начальству. Поэтому, я очень прошу тебя, чтобы не прозевать перед праздником, зайти к проректору и попроси, чтобы он написал два письма по образцу, который я прилагаю. Надеюсь, письмо дойдет за два-три дня. Ты сразу это сделаешь, но письма пусть отдадут тебе, чтобы я их сам отвез сразу после праздника. Дело это надо сделать сразу, так как на праздник все машинки опечатываются. Вчера был в университете, где лекцию на тему моей книги читала д.и.н. А.А. Котельникова. Еще раз убедился, что книга нужна. Затем отвез текст в Институт истории и сдал его в сектор. Часть рукописи (две главы) уже читают. В издательство должны сдать ее до 14.11.77.

P.S. Отзыв будет подготовлен к моменту, когда я вручу письма.

Ленинград, 10.11.77.

...Утром направился в Институт истории.

Все время переживал, как будет организовано обсуждение моей рукописи, успею ли я увезти ее в Ленинград. Но все оказалось лучше, чем можно было даже при самом большом оптимизме предположить - отзыв был отпечатан, подписан и подпись заверена.

Оказывается, еще 09.11.77 заседал сектор по этому поводу. Отзыв и экземпляры моей рукописи я схватил и прямо галопом направился в аэропорт Шереметьево. Туда я прибыл около 13.00, сразу купил билет, правда, только на 16.20. Однако мне удалось упросить женщину, которая отправляла рейс в 14.25, и она меня посадила последним. В 16.00 я был уже в издательстве, где начались первые мои мучения после вчерашнего дня. Заболела редактор, которая принимает рукопись, а ответственный редактор находилась у директора издательства. Только в шестом часу она, наконец, явилась; кажется, мы с нею договорились, что завтра примут рукопись и отзыв на нее.

Вот и жду здесь в гостинице «Речной» завтрашнее утро, чтобы начать все заново...

Москва, 11.11.77.

...Утром сегодня я по пути в издательство купил себе билет обратно в Москву на 16.20. Встреча состоялась почти точно, даже немного раньше. Рукопись и отзыв приняли. Обещали все сделать. Но так было и в прошлый раз, поэтому особой веры, разумеется, нет. Не хочется ругаться с ними, а можно было. Вообще, удивляюсь, как я не взорвался. Просто приходилось все время убеждать себя: «Ты не должен...» Кругом виноваты, а оправдываться горазды.

Из издательства вышел в 12-ом часу. Домой отправил другую рукопись в двух бандеролях на имя Толи. Пусть он получит и положит мне на стол. Может даже не распечатывать.

Сразу после этого отправился в аэропорт и уже в 13.25 вылетел обратно. Вся поездка в Ленинград прошла благополучно и, как видишь, быстро. Результатом пока доволен.

Из аэропорта Шереметьево добрался обычным путем на экспрессе до метро, а оттуда – сама знаешь.

Спешил, чтобы не опоздать на лекцию А.Н. Чистозвонова, но опоздал все же на 5 минут. Он метал грозные взгляды. Когда кончилась лекция (в 18 часов вечера), он сразу набросился: «Почему не звонили, мы вам все приготовили» и т.д.

Но когда я ему все рассказал, успокоился и обрадовался, что я все так оперативно провернул. За день чертовски проголодался, был готов съесть быка, но ограничился ножкой курицы.

Вот уже опять 10 часов вечера. Газеты читаю лежа, а затем спать и спать. Всего доброго.

Москва, 18.11.77.

...Вчера слушал лекцию А.Н. Чистозвонова. Им всем хорошо. Читают одну-две лекции по теме, которую они сами разрабатывают. Некоторые сидят на одной теме по несколько лет. Все стараются к тому же оригинальничать. На это есть большие возможности, поскольку каждый специалист в своей области. Всегда можно говорить: «А у нас не так». Лекция Чистозвонова людям понравилась, судя по тому, как они реагировали. (Василий Евгеньевич дает довольно подробный анализ лекции, отмечая много положительных сторон и некоторые, на его взгляд, недостатки. – Б.С.). ...Методика чтения мне не понравилась. И в то же время он эрудирован. Лучше поэтому выглядело то, что он говорил между строками, делая экскурсы в разные конкретные области. Вообще, у него богатейший язык. Всегда чувствуется какая-то меткость и острота.

Ты думаешь, что это я так разошелся? Очень просто – 26-го мой доклад на кафедре средних веков в МГУ. Надо же настроиться. Тут и опасения, как получится, и зависть, что другим легче, и сознание, что ты должен делать все хорошо.

Пустяковое дело – лекция обычная в знакомой аудитории, а тут, что ни возьми, аussy будут: председательствует А.И. Данилов – академик, уже читает мой доклад профессор Е.В. Гутнова, будет профессор Ю.М. Сапрыкин, А.Р. Корсунский и многие еще. Пока волноваться не буду...

Москва, 20.11.77.

...Я продвигаюсь довольно медленно. Как всегда, работаю над несколькими проблемами одновременно, а это дает возможность видеть результаты значительно позднее.

Очень бы хотелось подготовить пособие для студентов, чтобы попробовать издать его здесь или, в крайнем случае, еще где-нибудь.

Материалов у меня достаточно для этого. Их, однако, надо переводить и систематизировать. Но делают же люди. Конечно, было бы интереснее всего по этому вопросу кооперироваться с МГУ, но это не так-то легко.

Москва, 26.11.77.

...Доклад сделал – как гора с плеч. Все прошло очень удачно. На кафедре присутствовало немало народа. Кроме членов кафедры, были наши слушатели из сектора средних веков и удивительно много аспирантов и незнакомых.

Обстановка такая рабочая – сидишь за столом, который стоит рядом со столом председателя и говоришь себе. Была удивительная тишина. Я говорил более 50 минут, но никто не прерывал. Обычно говорят меньше. Но, очевидно, тут сказалось гостеприимство.

Было задано много вопросов, более 16. Я обстоятельно ответил. Затем выступали Ю.К. Некрасов, Е.В. Гутнова, Н.А. Хачатурян. Много было лестных слов сказано. Замечания были дельные. Кафедра приняла решение: рекомендовать к печати. После многие еще подходили и говорили теплые слова. Вообще, поздравляли. Было приятно.

Но, к сожалению, не было А.И. Данилова. Он читал доклад и до последней минуты обещался придти. Изменилась погода, и он вдруг плохо себя почувствовал. Но Н.А. Хачатурян, которая вместо него председательствовала, сказала, что он обязательно побеседует со мной. Ну, и на том спасибо...

В Ленинград я сейчас все отправил. Теперь возникает вопрос, как дошло. Из Ленинграда получил письмо от профессора Г.Л. Курбатова. Он, как председатель секции истории средних веков в Координационном совете по истории, предлагает мне провести в Ижевске симпозиум по аграрной истории. Вообще, я склонен согласиться и просить разрешение у обкома, но с условием, что он, Курбатов, постарается напечатать мою книгу. Он познакомился там, в Ленинграде, с текстом и написал мне, что «в вашей монографии мы все нуждаемся».

Как видишь, дела идут не особо плохо. Главное, не перегружаться, да и погода нынче паршивая.

Москва, 30.11.77.

...Напрасно ты так волнуешься относительно моей перегрузки. Все нормально. Пока не перерабатываю. А доклад, как я уже писал, был на высоком уровне.

...Утром должен был ко мне зайти посланник из Ижевска за рукописью сборника, который я редактировал. Но пришел он не до 10 часов, как мы договорились, а уже после 12-и...

Москва, 04.12.77.

...Ко мне заходил Ю.К. Некрасов, которому я написал отзыв на статью.

Москва, 08.12.77.

...Рецензию на книгу Мэгдефрау дописываю только сейчас. Тезисы, посланные в Саратов, приняты и отредактированы. Из Ленинграда пока новых известий не поступило.

Москва, 10.12.77.

...Сегодня конец недели. В этот день, через каждые 14 дней, мы заседаем на кафедре истории средних веков.

Вот и сегодня мы обсуждаем методические проблемы. Говорили - у них это первое заседание за всю жизнь существования кафедры! Выступал каждый и рассказывал, как он строит свой курс и как читает его, как проводит семинарские и просеминарские занятия. Нового по существу нет, но все они напечатают, и это будет эталоном, так как создано здесь. В какой-то мере обидно и смешно. Один я на кафедре делаю методически больше, чем все члены кафедры вместе взятые, но это не будет напечатано. Все, что они делают, бесспорно, хорошо для МГУ, для подготовки научных работников. Но они ничего не учитывают в плане подготовки учителя, то есть их не интересует наша работа.

...Заслушивали дипломников. На кафедре в пять человек имеется пять дипломников, и то на одного приглашен руководителем А.Н. Чистозвонов! На два руководителя – один дипломник! А у нас на одного ассистента три дипломника! Нет, меня это не взволновало. Просто – так мир устроен. Мы делаем огромную работу. Ее, к сожалению, никто не заметит.

P.S. Никто не приглашает (о попытке напечатать методические работы в МГУ. – Б.С.). Валерий прав, когда печатает все свои методические работы.

К слову сказать, свою последнюю методичку «Методические разработки по истории средних веков для студентов 2-го курса исторического факультета» (Ижевск, 1984) Василий Евгеньевич подарил мне, подписав: «Любимой Бориславе Петровне – моему первому читателю и дорогому критику. 21.05.84. В. Майер».

Москва, 15.12.77.

...Вчера был у Колесницкого. Но они там не спешат еще заплатить за редактирование. Мы с Николаем Филипповичем совершили экскурсию в Царицыно – это недалеко от него, мы туда шли пешком... У меня еще много дел. Кое-что микрофильмирую ради сокращения работы.

Москва, 20.12.77.

...В последние два дня сижу в библиотеке, но особенно не перегружаюсь. Вообще, ничего перспективного не начинал еще. Все то, что я делаю, это отрывки, которые, возможно, потом только смогут лечь в основу большого дела. Но пока все написано на воде.

Встретил М.М. Фрейденберга из Калинина. Он вновь приглашает читать лекции в пединституте и хочет меня на следующий год запланировать. Я не стал возражать, хоть посмотрю на Калинин, а то в прошлый раз я его так и не увидел.

Москва, 23.12.77.

...Получил письмо от В.Т. Сиротенко из Днепропетровска. Он там обосновался прочно и очень доволен. Чисто в своем амплуа он уже собрал сборник по истории Германии, главным редактором которого он является.

В Саратов я отправил свои отредактированные тезисы.

В обед приходил ко мне в библиотеку имени Ленина А.Н. Чистозвонов. Мы вместе ходили обедать. Прошли вдоль всего Нового Арбата, чтобы попасть в какое-нибудь кафе или ресторан, но везде были очереди, и попасть туда можно было бы через много страданий. Потом мы перешли на другую сторону проспекта, зашли в кафе кинотеатра «Октябрь», где было абсолютно пусто. Даже было непонятно – почему? И мы спокойно поели. Правда, я в Москве за все время не позволял себе так роскошно поесть. Но тут мы заказывали табака. Было вкусно. Ты бы не отказалась...

Время в Москве идет к концу. С одной стороны, соскучился и хочется домой, с другой – жаль расстаться с библиотекой, где все же получаешь огромное удовольствие.

Всего доброго.

Вилли.

В Удостоверении № 16624, полученном Василием Евгеньевичем по окончании курсов, говорится, что он в качестве слушателя факультета повышения квалификации преподавателей высших учебных заведений

Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова с 7 сентября 1977 г. по 7 января 1978 г. прослушал и получил зачет по следующим дисциплинам специальности «История средних веков»:

- *Актуальные проблемы методологии, историографии и истории западного средневековья.*
- *Проблемы методологии и истории средних веков стран Западной Европы.*
- *Актуальные вопросы современной буржуазной историографии.*
- *Проблема генезиса феодальных отношений и раннефеодального государства в Западной Европе.*

- Основные вопросы социально-экономической и политической истории западного средневековья.
- Проблема первоначального накопления и генезиса капитализма в странах Западной Европы. Реформационное движение.
- Вопросы идеологии и культуры средневекового общества.
- Сравнительная история западного, восточного и отечественного средневековья.
- Методика преподавания истории средних веков в университете.
- Программа и принципы построения специальных дисциплин.
- Обсуждение текста лекций по истории средних веков, подготовленных слушателями ФПК.
- Психолого-педагогические основы обучения в высшей школе.
- Введение в информатику.
- Философские проблемы современности.
- Применение технических средств в учебном процессе.
- Работа в архивах по индивидуальному плану.

Подписал удостоверение декан исторического факультета МГУ профессор Ю.С. Кукушкин.

Помимо науки, встреч с профессорами-коллегами, Василий Евгеньевич общался со многими людьми. На курсах ФПК обучались ижевчане К.А. Пономарев и Н.И. Майоров. Оба производили на Василия Евгеньевича «очень хорошее впечатление, хотя были во всем разные». Они жили в том же здании МГУ, но на девятом этаже. Гуляли частенько вместе в парке, трогательно заботились друг о друге.

Время от времени Василий Евгеньевич наведывался в театр. Не пропускал возможности посетить с экскурсией музеи и другие достопримечательности столицы, ее окрестностей. «Оказалось, я самый активный участник экскурсий», – сообщает он. Описывает и случайные, и во все неожиданные встречи, и прогулки по Москве с приезжавшей к нему дочерью.

Москва, 30.09.77.

...По утрам я хожу на дальнее расстояние в лес. Там даже белки прыгают. Обычно мы гуляем с Н.И. Майоровым. Но и один я хожу. Теперь трава уже все чаще покрыта инеем. Вчера утром было - 3°C.

Москва, 04.10.77.

Я забыл о всяком времени и засиделся в библиотеке необычайно долго. Домой приехал около 10-ти вечера. Сразу поднялся (на лифте, разумеется) на девятый этаж к Майорову, чтобы ему рассказать, где я был, так как он всегда волнуется, когда не видит меня на прогулке. Его не было дома, и я решил смотреть телевизор. Шла в новой редакции картина «Человек с ружьем». Только начал восхищаться игрой

Гриценко (Иван Шадрин), как пришел Майоров. Оказывается, он уже дважды в этот вечер стучался ко мне и особенно настойчиво. Кто-то из нас не выключил радио, и ему казалось, что мы с соседом могли его не услышать.

Посидели, поговорили, вспомнили сады свои. Он в связи с наступающей эпидемией гриппа дал мне головку купленного им чеснока. И я отправился на свой этаж.

Москва, 05.10.77.

...Только вернулся с прогулки. На улице свежо и немного ветрено. За последние два-три дня в лесу все быстро меняется: рядом с зелеными елками стоят, совсем одевшись в золотой наряд, русские клены, березы производят более пестрое впечатление – не все листья на них желтые, есть зеленые и буро-грязного цвета. Даже лиственница, и та приобрела бледно-желтую окраску. Удивительно, как все северные породы деревьев в одно время чувствуют наступление зимы. А вот южные деревья – акация, вишня – еще зеленые. По пути домой решил набрать тебе листья – как видишь, акация еще совсем зеленая, а клен, береза, липа, каштан – желтые, совсем бурой стала рябина. Деревья уже сбрасывают листья, образовался плотный слой, как мягкое одеяло.

Москва, 20.10.77.

...Раньше я обычно первым замечал людей, теперь меня быстрее замечают. В столовой или в коридоре университета, в очереди или еще где-нибудь вдруг подходят наши ижевцы и на тебе: «Ба, вы ли это, Василий Евгеньевич! Какими судьбами?.. А что дает ФПК профессору?» И так тары-бары. Вчера в очереди совершенно неожиданно встретил одну нашу работницу библиотеки...

Я вернулся вечером домой из библиотеки. Тут меня очень удивило, что какой-то чернокожий внимательно, даже необычно внимательно рассматривает меня. И, несмотря на то, что он мне казался симпатичным и меня его взгляд озадачил, я не придавал этому особого значения, поскольку у меня не должно быть знакомых среди таких людей.

Но вскоре после того, как я зашел в свою комнату, ко мне постучали, и когда я открыл дверь, передо мной стоял этот человек. Я взглядел его очень привлекательные черты лица: маленькие усы, живые глаза и красивый лоб. Мне всегда бросается в глаза лоб человека. Я его пригласил и, усаживаясь за стол, мы разговорились. Теперь он не казался мне особо черным, более того, я уловил черты лица европейца, а кожа казалась теперь просто темная. Мой гость отлично говорил по-русски.

Оказывается, он из Индии и зашел к нам, чтобы повидаться с моим соседом, у которого он учился русскому языку. Мой сосед Б.В. из Каменец-Подольска, где он преподает русский язык в пединституте...

Так вот Б.В., оказывается, преподавал русский язык в Дели, где у него учился мой гость. Сейчас он в аспирантуре МГУ по русскому языку. Б.В. назначил ему свидание, но почему-то оказался не на месте...

Мы с гостем вели разговор на тему «кто есть кто», но он недолго задержался, было действительно уже поздно.

Москва, 20.11.77.

...Ходил на дневной спектакль в театр Маяковского. Шла комедия «Родственники». Нахохотался досыта. Главную роль играл В. Самойлов. Но в фойе висел и портрет Евгения Самойлова.

Москва, 26.11.77.

...В театр Ермоловой, где смотрел «Не в свои сани не садись», ходил вчера. Было интересно видеть времена Островского. Это было полное отключение, хотя мне именно эта пьеса не особенно нравится.

Москва, 04.12.77.

...Таня приехала вчера... Она была у меня до 9-ти часов вечера. Мы поели и ходили в главную часть МГУ. Затем я проводил ее до остановки Гришина, оттуда она поехала к Володе. Приняли ее хорошо.

Днем сегодня мы ходили с ней в театр «Современник», где смотрели детский спектакль «Принцесса и дровосек». Потом гуляли по Москве. Правда, погода не особо баловала. Но прошли мы вдоль Кремля со стороны Москвы-реки, поднялись с берега до Спасских ворот и задумали экскурсию в собор Василия Блаженного.

Там было интересно, хотя не все привлекательно. Хорошая экспозиция о средневековой архитектуре Москвы и соборов в особенности развешена на страшно изуродованных стенах – кирпич грязный, с царапинами. Все это производит отвратительное впечатление. Реставрированные иконостасы за решетчатыми дверьми – как заключенные. Вообще, много мрачного. И все это в храме, к светлым наружным краскам которого привыкли во всем мире. Можно делать лучше. Все равно это все предназначено туризму. Ведь не одни же археологи туда ходят.

Потом прошлись по Красной площади, комментируя знаменитые и дорогие всем места.

Зашел спор: я утверждал, что выражение «кричать во всю Ивановскую» происходит от того, что в конце Исторического проезда в средние века пороли людей, которые кричали на всю улицу Ивановскую, как раньше назывался этот проезд.

А Таня говорит, что из храма на Ивановскую площадь, которая в Кремле перед колокольней Ивана IV выходил священник или дьяк, который громко обращался ко всем стоящим на Ивановской площади. Но, думаю, я прав. Когда говорят «кричать во всю Ивановскую» имеют в виду не целенаправленный крик, а напрасный крик, в смысле крика поросенка, дурацкого оранья.

Были мы и на улице Горького, где посетили знаменитый магазин «Сыр» и, разумеется, купили «Рокфор», правда, 300 г и только для Тани. Но Зелепухиных вспомнили. И вот только с Центрального телеграфа я подал телеграмму, что встретил Таню. Затем в кафе съели по бутерброду и кольцу, выпили по стакану кофе. Оттуда по улице Белинского через Герцена и по улице Грановского дошли до станции метро «Библиотека имени Ленина», где и расстались.

Москва, 12.12.77.

...Сегодня был на экскурсии по Замоскворечью в «темном царстве» Островского. С нами ездил экскурсоводом А.Ч. Кончаловский. Это большой знаток Москвы и несравненный говорун. Читает лекции по красноречию. Поэтому было интересно. Довольно умело он провел нас по задворкам и подворотням. Что я узнал нового? Оказывается, название реки Якиманка происходит от двух имен Иокима и Анны. Так звали родителей Марии. Посмотри картину Джотто «Встреча Иокима и Анны», далее пять башен на церкви означают большая Иисус и четыре маленькие – четыре апостола. Если три башни, значит, Троица. Девять башен – утроенная Троица. Были мы возле библиотеки имени Ушинского, где ты занималась. Оказывается, это здание построено по проекту не то Казакова, не то Баженова (сейчас это точно нельзя установить), а ажурные ворота сделаны на заводах Демидова. Первоначально дом был Сологубовский, а затем Демидовых.

На улице Осипенко мы видели храм Георгия Яндоре (XVII века), затем ходили к храму Воскресенья в Кондашах. Его строил Турганинов.

Были на Ордынке, где видели Скорбященский храм... Он строился с одного конца Баженовым, а с другого – Бовэ, главным архитектором Москвы после пожара 1812 года. Огромное впечатление на меня произвели два храма: первый Климентовский храм, построенный Евлатовым по типу дворца. Действительно, отними купола – и останется обширнейший дворец. Второй – Марфо-Марьянская обитель, построенная в 1912 году Щусевым (тем самым, который построил Мавзолей и Чугунный мост через Москва-реку). Марфа и Мария сестры. У них любил бывать Иисус. Он обычно сидел за столом. Марья у его ног, а Марфа хлопотала по хозяйству. Я почему-то этого не знал, хотя видел картину Веласкеса «Иисус у Марфы», причем Веласкес, верный своему реалистическому принципу, дает эту сцену в кухне.

В обители сейчас сосредоточено огромное количество самых ценных церковных вещей, и туда не пускают вообще.

Были мы еще возле храма Николы-угодника на Берсеневской набережной... «Москву» выводят теперь не из финского, а слово «кремль» от «кромы», «закромы», «кромина». Все это означает укрываться за оградой. Вообще, такое объяснение я встречаю впервые. Может быть, я плохо расслышал. Надо найти что-нибудь по этому поводу...

...Завтра мы едем в Горки Ленинские, а это и воспоминания о нашей совместной поездке 10 лет тому назад.

Москва, 16.12.77.

...Сегодня мы, слушатели ФПК, посетили квартиру-музей В.И. Ленина в Кремле. Мне посчастливилось быть там уже в четвертый раз. Там все так, как было в предыдущий раз, и тем не менее меня охватил такой же душевный подъем, как и раньше. Все же Ленин неповторим. Это самоограничение – максимально делать все самому, не загружать своей персоной других. Скромная кухня, простейшая утварь (вплоть до деревянных ложек); комната-спальня и рабочий кабинет Крупской до самой ее кончины 1939 года; маленькая комната с кроватью за ширмой – весь домашний и рабочий быт Марии Ильиничны; небольшая комната-приемная, где была Клара Цеткин и другие умы европейского масштаба, комнатка, о которой во время посещения Галлахер (руководитель компартии Англии) сказал: «Вот в этом месте я расстался с «детской болезнью» в коммунизме». На стенах почти ничего нет. Только в комнатке Марии Ильиничны висят портреты матери, Марии Александровны, сестры Анны Ильиничны, Владимира Ильича. Причем, замечательные портреты матери и Владимира Ильича, написанные Евстифеевой, которая даже не была художницей по профессии.

Интересно, в рабочем кабинете В.И. Ленина, который отделен от квартиры залом заседания Совнаркома, висит чудный портрет Маркса, выполненный петроградским рабочим. Я нигде еще не видел, чтобы у Маркса были такие живые и умные глаза. Везде его пишут добрым, зажиточным бюргером. Даже на лучших наших портретах он выглядит самодовольным. А здесь у него взгляд пронизывающий и любопытствующий, он как бы с сарказмом спрашивает: «А что ты сделал для общего дела?» Мне кажется, этот рабочий бесконечно глубже понимает Маркса, чем наши художники, все вместе взятые.

В зале заседаний Совнаркома находится скульптура Андреева: «Ленин – государственный деятель». Великолепно. Такая экспрессия в камне, что невольно представляешь себе Ленина сильным, решительным, непреклонным. Ничего похожего на скульптуру Манизера в саду, где Ленин сидит: мол, устал, поэтому присел. Но в фигуре нет мысли. Действительно – дедушка. Но практически это было не так.

Вообще, сомневаюсь, чтобы надо было показывать Ленина, бегающим вокруг елки. Все же, он вождь, и если он был «прост, как правда», то правда – это что-то серьезное, это что-то суровое, веселое, могущественное, а не слабость человеческая, усталость, замкнутость, одиночество...

Огромное впечатление произвела на меня библиотека, многочисленные карты на стене и в шкафах.

Вилли.

Работа, отдых и письма ко мне. Сорок четыре за четыре месяца пребывания Василия Евгеньевича на курсах.

Забегая вперед, В 1979 году увидела свет Книга Василия Евгеньевича «Деревня и город в Германии XIV-XVI вв.», над которой он долго и увлеченно работал. Она была доброжелательно встречена учеными-медиевистами. Появилась большая положительная рецензия профессора М.А. Барга в сборнике «Средние века», которую с удовлетворением показал мне Василий Евгеньевич.

А вот отзывы историков из других городов страны, которым Василий Евгеньевич послал свое детище в подарок, были для меня открытием: я прочитала их, спустя почти четверть века после написания, теперь, когда открыла архив Василия Евгеньевича.

Москва, 15.05.79.

...Большое спасибо за присланную Вами мне Вашу книгу. Мне было очень приятно ее получить, тем более, что за последние годы это единственная у нас книга по аграрной истории Германии... Книга – это всегда приятно...

Профессор МГУ Е.В. Гутнова.

Донецк, 17.05.79.

...От всей души поздравляю Вас с выходом в свет Вашей отличной книги! Всем нам, медиевистам, она очень нужна. Благодарю Вас за такой ценный для меня подарок. Ваша книга уже пошла в «дело», ее широко использует мой студент, пишущий дипломную работу...

Доцент М.А. Молдавская.

Свердловск

...Очень и очень благодарен Вам за Ваш солидный труд «Деревня и город в Германии в XIV-XVI вв.», который дает полную картину аграрной системы германского развитого феодализма (западного – в основном). Полная связь с марксистско-ленинским методом исследования аграрного строя! К сожалению, не могу я похвалиться такой монографией – у меня только статьи... Очень рад за Вас. Сердечно поздравляю с успехом Вашей монографии.

д.и.н. М.Я. Сюзюмов.

Киев, 9.02.79.

...Большое Вам спасибо за книгу, это был большой сюрприз. Вашу книгу нигде нельзя у нас купить, нет возможности и заказать. Как только мы получили Вашу монографию, сразу же передали ее студентам для подготовки к семинарам по Германии XVI в. Книга очень ценная, нужная. Благодарим...

Доцент Т. Брянцева.

Москва, 20.03.79.

... Из издательства ЛГУ нет известий: не стала ли Ваша книга сразу библиографической редкостью.

Профессор Ю.Л. Бессмертный.

Алма-Ата

...Был в отъезде. Вчера, придя домой, получил Ваш подарок, Вашу монографию «Деревня и город Германии в XIV-XVI вв». Очень интересная, дельная, доказательная, хорошо написанная книга. Поздравляю Вас с научным успехом. Ждем новых книг.

Доцент К. Г. Жумагулов.

Саратов, 08.03.79.

...Большое спасибо за подарок. Рад поздравить Вас с выходом в свет Вашей монографии, путь которой к читателю был таким долгим, но теперь, наконец, завершился полным успехом. Советские медиевисты давно ждали этой книги... Сразу видно, что работа очень интересная. Серьезные выводы против теории пресловутого «упадка» XIV-XVI веков. Целый ряд верных наблюдений и выводов. Но самое главное, на мой взгляд: убедительно показана борьба противоположных тенденций в аграрном развитии Германии этого периода и что средняя равнодействующая этой борьбы вела не к упадку хозяйства вообще (как это изображается в буржуазной литературе), а к распаду феодализма. Еще раз – от души поздравляю...

Ваш С.М. Стам, профессор.

Москва

Дорогой Василий Евгеньевич! Не судите строго за мое долгое молчание и запоздалую благодарность за посланную Вами книгу. Прочитала с большим удовольствием и пользой. В ней равно интересны и фактическая сторона анализа, особенно в той части, где речь идет о характеристике производительных сил, и теоретическая разработка проблемы развития товарно-денежных и капиталистических отношений в деревне. Поздравляю от души. Кстати, как обстоят дела с Вашими планами относительно издания источников в качестве пособия для студентов?..

Ваша Н.А. Хачатурян, профессор.

Воронеж 13.08.79.

Глубокоуважаемый Василий Евгеньевич! Примите от меня великую благодарность за щедрый подарок – я получила от Вас сразу три экземпляра Вашей книги «Деревня и город Германии в XV-XVI вв.» Теперь мои занятия со специализирующейся группой средневековым городом вполне обеспечена...

Я посмела просить только один экземпляр и, так как была немного смущена, попыталась «обосновать» просьбу реальными обстоятельствами ... Надеюсь, что Вы, учитывая мои извинения, не составите обо мне плохого мнения.

А книги Ваши нам на кафедре действительно нужны и будут использоваться по прямому назначению – в работе со студентами, еще раз большое спасибо...

... Ваша монография очень интересна, и главное, как мне кажется, вовремя вносит необходимое звено в разработку проблемы мелкого товарного производства. Я нигде не встречала такой отчетливой картины развития деревни в период разложения феодализма.

Спасибо Вам, и желаю Вам хорошего здоровья и дальнейших творческих успехов.

С уважением к.и.н. Н.П. Мананчикова

Ижевск, 18.04.79. Удмуртский государственный университет
имени 50-летия СССР В ректорат университета

Глубокоуважаемые товарищи!

Не могу не выразить своего глубокого удовлетворения, что при Вашем содействии и помощи увидела свет работа В.Е. Майера «Деревня и город Германии в XIV-XVI вв.» (изданная Ленинградским университетом в 1979 г.).

Самое положительное впечатление оставляет прежде всего основательнейшее исследование большого количества источников и специальной литературы с правильных марксистско-ленинских методологических позиций. Именно это и обеспечило автору возможность сказать новое слово по избранной теме, – осветить период в истории Германии, непосредственно предшествовавший таким значительным событиям, как Реформация и Великая Крестьянская война.

Должна быть также отмечена целеустремленность автора в исследовании, о чем свидетельствуют публикации его научных статей, освещающих со все большей глубиной различные стороны проблемы. Виден труд ученого на протяжении многих лет сосредоточенного, исключительно добросовестного поиска исторической истины.

Только такой работой и такими трудами двигается вперед наша историческая наука.

Сердечное спасибо Вам за поддержку самоотверженного труженика в науке! Прошу передать Вильгельму Евгеньевичу Майеру копию

настоящего оттиска на его ценную исследовательскую монографию. С самым искренним уважением.

Доктор исторических наук Р. Конюшая

От себя сказать ничего не могу, кроме того, что была тогда и теперь очень рада за Василия Евгеньевича.

23. В НАШЕМ САДУ ПРОБУДИЛИСЬ ТЮЛЬПАНЫ

Василий Евгеньевич вернулся с ФПК в начале января 1978 года, а через месяц я уехала в Москву тоже на четырехмесячные курсы ФПК при АПН. И снова письма. Но уже из Ижевска в Москву. В них – рассказы о домашних делах. Дети, животные и растения – все это было близко и дорого Василию Евгеньевичу, вызывало заботу с его стороны.

Ижевск, 09.04.78.

Сегодня я был в саду. Думал взять с собой Тимку. Для этого даже приспособил корзиночку. Но ей явно еще хотелось побыть дома, чтобы понежиться в теплых местах.

Снега нет. Только в лесу между деревьями и кустарниками виднеются плотные снежные массы, принявшие вид многолетних лишайников. Земля в седьмом часу утра была крепко замерзшей. Но птички уже пели. Особенно громко вели себя скворцы возле скворечников, а те, которые сидели на проводах, молчали.

В нашем саду пробудились тюльпаны. Несмотря на мерзлую землю, они показали свои острые красноватые листья. Кажется они уже поднялись на 4 см от земли. Это, очевидно, они успели во время теплых дней. Панкратыч сказал, что в прошлое воскресенье земля была оттаявшая и можно было бы даже копать, если бы не вода.

Позеленели почки у смородины. Все остальное еще беспробудно спит. Трудно сказать, что сохранилось после такой малоснежной зимы. Хочется, чтобы все было нормально.

Я прибрался в домике. Над кладовочкой лопнул шифер и отвалился большой угол. Теперь надо найти, чем прикрыть ее. Чувствовал себя превосходно и там, и во время ходьбы. Освежился. Вспомнил тебя и пожалел, что мы не вместе.

У всех соседей были зимой крысы. У многих прогрызли пол и переворошили все в домике. У нас я не обнаружил их следов.

Подкормил удобрением всю смородину, малину за домиком и крыжовник. В 10 часов отправился домой. Когда я пришел на остановку, там не было автобуса. Перерыв. Тогда купил колбасу в магазинчике и, поскольку была чудная погода, решил дойти до первой остановки. Но так как автобус не прибыл, шел дальше. Так я добрался до больницы. Дышалось легко. В желудке было пусто, ничего не давило изнутри.

Кругом пели птицы. Синицы, как по заказу, садились на кустарник возле самой обочины дороги и громко пели, призывая меня обратить на них внимание. Когда я уделял им несколько ласковых слов, они мне отвечали еще более громкими и чудесными трелями. Солнце сильно грело. Кругом шумела вода, а в канаву, которую еще осенью вырыли вдоль всей дороги, постоянно падали оттаявшие комья глины. Мне иногда казалось, что там плещутся ребятишки (их везде было немало), и я переходил через дорогу, чтобы ближе посмотреть, нет ли утопающих. Но все обошлось, только глина громко и беспрерывно шлепалась в мутную весеннюю воду.

Машины и мотики сновали довольно быстро в одну и другую сторону, но их было мало.

По пути видел знакомых. Все устремлялись в сады.

Тима меня встретила первая. Мне ее было жаль. Судя по тому, как она ко мне ластилась и обнюхивала землю на моих ботинках, она тоже жалела, что поленилась идти со мной.

Ижевск, 12.04.78.

...Тима начала меня церемонно встречать. Залезет на столик, встанет на задние лапы и дотрагивается до моих щек, иногда лизнет подбородок, затем забирается ко мне на плечи и ложится вокруг затылка. При этом все что-то мурлычет. После хорошего обеда просит поиграть с нею. В последние дни я достал старого тряпичного медвежонка (кажется, он у нас от Анюты), чтобы дразнить им Тиму. Что она только ни выделывает: обнимает, кусает, старается его разодрать, подпрыгивает, устраивает засады, принимает самые различные позы: то выгибает спину, то боком наступают с приподнятым хвостом, то ложится, чтобы на нее нападали. После игры она устраивается с медвежонком спать; иногда она лежит рядом, иногда только голову кладет на него, но бывает, что его всего под себя подомнет. А чаще они спят в обнимку, как влюбленные Родена. Каждый день она через форточку выбирается на балкон.

Ижевск, 04.05.78.

Когда я вернулся из Москвы, Тимка встретила меня чрезвычайно любезно: обняла, лизнула, обнюхала каждую мою вещь и смотрела умнейшими глазами на меня, надеясь, что совершится чудо – и я ей что-то дам. Она не ошиблась – мяско было приготовлено еще в буфете аэропорта. Каждый день она выкидывает новые талантливые фокусы. Особенно она добирается до ванны. Она, кажется, поняла, что там избавляются от зуда. Залезая туда, она катается, долго смотрит на шланг и в отверстие, куда мы спускаем воду.

Ижевск, 08.05.78.

...Вчера было воскресенье. Обычно я встаю в 6 часов, готовлю все, бужу детей. Во всем меня сопровождает Тима. Если она голодна, то удивленно смотрит на меня, стараясь увидеть мои глаза. Когда я не смотрю, она начинает что-то говорить, а иногда прыгает на мое плечо или на спину.

А тут в честь воскресенья решил поспать до 7. Проснулся я, как обычно, в 6, но лежал тихо и безмятежно. Вдруг она резко вскочила, будто проспала. Сразу побежала из комнаты. Затем вернулась, увидев меня, забралась на мой бок и прошлась, топча меня. Но я не подал вида. Тогда она вновь побежала в коридор, начала там шуметь, вернулась и стала ходить взад-вперед, не находя себе места. Прыгнула на окно, оттуда – на меня. Наконец, догадалась: с размаху бросилась на веревочку у бра – и лампочка включилась. Я сразу подал голос и стал ее хвалить, а она приняла это как должное.

В начале 80-х годов Тима трагически погибла, о чем я уже писала.

Спустя некоторое время нам подарили молодую кошечку Лисси, в просторечии Лиза. А через год появился маленький рыжий котенок Семен (Леопольд, Казимир, Аспид, Дядька с рыжим хвостом, позднее Ветеран – называли его по-разному в зависимости от настроения). Кошка-мать отказалась его кормить. Ему грозила гибель.

«Возьмем?» – спросила я Василия Евгеньевича, совершенно не надеясь на его согласие. – «Возьмем», – ответил он (нет, не думайте, он не был кошатником!). И рыженький поселился у нас. У Лисси, еще не имевшей своих котят, появилось молоко, когда малыш стал сосать ее. Она нежно обращалась с приемышем. Окрепнув, Сеня подползал к краю лоджии, интересуясь, что там, внизу. Лисси за шкуру оттаскивала его в безопасное место. А когда он подрос и у Лисси не хватало сил справиться с ним, она бежала в кабинет, громко мяукая. И Василий Евгеньевич знал, что Сенька в опасности, и устранял ее.

...Лисси долго мучилась, рожая своего первого котенка. Сеня не отходил от нее ни на шаг. Вылизывал ее от кончика хвоста до макушки. Брал в свои лапы ее лапочку, вылизывал каждый пальчик, говоря при этом: «Мур-мур, мур-мур!» Все любили Семена за добрый нрав: и взрослые, и дети, не говоря уже о Лисси.

Недаром о нем писали рассказы и шестидесятилетний Василий Евгеньевич и девятилетний внук Ростик.

Глазов, 15.10.83.

Здравствуй, бабушка!

...У нас уже вышел 8-ой выпуск журнала «Жит и быт» (домашний детский рукописный журнал. Издавался в семье Майеров, пока дети не стали взрослыми. Редактор Роберт. – Б.С.). Пишите в наш журнал.

Очень интересной была статья В.Е. Майера о коте Леопольде (Сеньке). Пусть присылает еще, пожалуйста!

Ростик.

Рассказ Василия Евгеньевича, опубликованный в журнале «Жит и быт».

КОГДА ДАЖЕ ХРАБРЫЙ СЕНЯ СТРУСИЛ

Сеня – наш годовалый кот, рыжей масти. Он храбрее Лисси.

Когда входная дверь в квартиру открывается, он выбегает на лестничную клетку и даже отваживается гулять на улице.

В потасовках и драках с Лисси неизменно побеждает. Хотя он и любит нападать на нее из засады, настоящую драку ведет с фронта, ударяя лапами по мордочке Лисси. Любит он кусать ее и нередко мертвой хваткой зубами впивается в ее шею. Бедная Лисси с трудом и в большом страхе вырывается из-под крепко сложенной фигуры Сенича, как мы его любовно называем.

Но вот случай, вошедший позорной страницей в биографию Сени.

Как-то наш знакомый занес к нам маленького с ладонь сиамского котенка. Мы его поставили на палас в большой комнате, так сказать, ради обозрения и знакомства. Он еще слабо держался на ногах и мяукал. Вид у него был смешной и вызывал сочувствие.

Откуда-то принесли Сению и поставили перед маленьким заморышем. Прибежала и села в стороне Лисси. Сеня, как увидел котенка, от страха присел на задние лапы, как жалкий побитый пес, пополз на четвереньках и спрятался за дверь в комнату. Сколько мы его ни подбадривали, он больше в комнату не зашел. А когда кто-нибудь брал его на руки, чтобы нести туда, он царапался, кричал и вырывался из рук. Лисси, которая все это видела, продолжала сидеть на прежнем месте. В большом страхе смотрела она на маленькое существо, которого так испугался Семен.

В. Майер

Письмо Ростислава (10 лет)

Глазов

Здравствуйте, дорогая бабушка!

Как вы себя чувствуете? Я живу хорошо, сейчас делаю в кружке новую машину на электромоторе. 6 марта у нас вышел журнал «Жит и быт». Поздравляю вас с днем 8 марта. Желаю всего наилучшего.

Как чувствует себя дедушка? Передаю ему привет. В новый выпуск журнала я написал рассказ «Как было дело с Сеничем».

I. Я с дедушкой уехал на огород. Около 9 вечера мы пришли домой. Но почему-то Лиси нас встречала.

II. Утром дедушка спросил, куда девались кошки. Мы нашли только Лиси. Сенича – не было! Мы с бабушкой закрыли квартиру и пошли его искать во дворе. Но и там его тоже не было.

III. Сеня пропал!!! Мы (я и бабушка, а дедушка побежал в институт) везде искали. Но кота мы не нашли! Бабушка говорила, что Сеня и Лиси вчера очень сильно носились с лоджии на балкон. И есть предположение, что Сенич вывалился.

IV. И вот к концу дня я услышал басовитое громкое мяуканье в бойлерной за бочкой. И, короче, мы его нашли.

Рост

Прожил Семен 21 год. Он был все такой же ласковый и добрый. Но силы убавились: с трудом влезал на табуретку.

Уезжая из дома, Василий Евгеньевич считал своим долгом в письмах напоминать мне, когда у кого из наших пятерых детей день рождения, хотя я об этом и сама помнила. Он посылал им поздравления и подарки. Иногда подарки были отправлены заранее, чтобы я вручила их в нужный момент.

Строки из писем разных лет.

-В посылке книги на немецком языке Тане ко дню рождения.

- Сегодня послал Толе торт и галстук ко дню рождения. Передай ему мои лучшие пожелания.

- Напоминаю: у Алика скоро день рождения. Наилучшие пожелания от меня и посылочка.

- На твой адрес послал Вилли бандероль. Поздравьте его с днем рождения.

- Как написал сочинение Валерий? 20-го июня ему исполняется 16 лет. Поздравьте его, а то вдруг забудете. Надо, чтобы он сразу получил паспорт.

- Дорогая Боренька! Через несколько дней будет твой день рождения. Может, ты забыла? Поздравляю тебя с твоим днем рождения, желаю тебе самого лучшего, в первую очередь, здоровья, успехов в труде и учебе, а также счастья. Сегодня отправил тебе посылку. Напиши, как все понравилось и угадал ли я твои габариты?

Но вот, будучи на курсах ФПК в Москве, получаю из дома от Василия Евгеньевича письмо о злой шутке, которую сыграла с ним судьба и чем он очень был смущен.

...История! Я забыл сегодня утром, что у Тани день рождения, и только в университете мне об этом напомнили студенты.

Все случилось закономерно: ночью вставал и занимался, утром разбудил Таню, готовил завтрак. За завтраком она мне говорила: «Не хочешь ли выпить шампанского?» Я, конечно, отказался. Потом она спросила, не хочу ли я приготовить утку. Я тоже отказался. И действительно, четверг у меня самый загруженный день – шесть часов занятий. Сегодня еще было совместное заседание кафедр, где я выступал по поездке Л.И. Брежнева, освещающая внешнюю политику СССР. Все получилось хорошо, а в перерыв узнаю, что я прозевал день рождения дочери.

Уже на занятии (у меня на их курсе семинары) я ее поздравил, а отмечать будем вечером. На этот случай я купил торт, и там осталось еще шампанское. А дарить нечего...

Закончила эту часть. Немного о детях и внуках, немного об огороде и кошках, а в целом – о Василии Евгеньевиче.

24. ЭТОТ ДЕНЬ СОВЕРШЕННО ОСОБЕННЫЙ

За работой, наукой, семьей, огородом незаметно подкралась 60 лет. Юбилей, своеобразное подведение итогов.

В большой аудитории амфитеатром на торжественное заседание Ученого совета УдГУ собираются коллеги Василия Евгеньевича. Я сижу в зале рядом с В.В. Нарышкиной, кандидатом исторических наук. В прошлом студентка Василия Евгеньевича, она что-то быстро пишет в блокноте, вырывает листок и подает мне. Читаю: В.Е. Майеру в день юбилея:

*Этот день совершенно особенный,
Прибавляющий в жизни сил.
Мы желаем Вам полной радости,
Чтобы каждый день приносил.
Не одни трудовые заботы,
Кафедральных волнений удел,
Чтобы были Вы вечно молоды,
Рядом с Вами любой молодец!*

Заседание открывает ректор УдГУ.

Чтобы воскресить в памяти прошлое, в первый раз с 1978 года снимаю с полки в красных, тисненых золотом корочках грамоты, поздравления, врученные Василию Евгеньевичу в тот день.

Как живые проходят перед моим мысленным взором друзья, коллеги Василия Евгеньевича, его бывшие ученики, представители общественных, партийных организаций, правительства Удмуртии...

Думаю над дилеммой: пересказать содержание приветствий (это будет короче, но утратится стиль выступавших) или привести их полно-

стью, сохранив для внуков атмосферу времени. Иду на компромисс. И пусть мне дети, внуки и правнуки скажут, что я не умру от скромности. Но я пишу не о себе, а о Василии Евгеньевиче, и мне самой очень интересно читать, что говорили о нем люди.

На трибуне А.И. Суханов, парторг истфака.

Многоуважаемый Василий Евгеньевич!

Коллектив преподавателей, сотрудников, выпускников и студентов исторического факультета Удмуртского государственного университета поздравляет Вас с главным юбилеем – шестидесятилетием со дня Вашего рождения.

В Вашем лице мы приветствуем большого ученого, крупного специалиста в области медиевистики, внесшего значительный вклад в изучение истории средневековой Германии, много и плодотворно работающего на благо и процветание советской исторической науки.

Диапазон Ваших научных интересов широк и многообразен как в региональном, так и в проблемно-хронологическом планах: источниковедение и историография западноевропейского феодализма, Великая Крестьянская война и Реформация, генезис и типология феодальных отношений, история Удмуртии, теория и практика атеизма, история западноевропейской культуры, проблемы педагогики высшей школы.

С особым удовлетворением мы сегодня отмечаем Ваш большой вклад в дело воспитания и обучения молодого поколения. Вот уже свыше 30 лет Вы неустанно трудитесь на этом благородном поприще.

За время работы на историческом факультете Вами прочитаны почти все основные курсы зарубежной истории, разработаны оригинальные спецкурсы, неизменно пользующиеся большим интересом у студенчества.

Партийная принципиальность, широкая эрудиция, глубинное исследование проблем, образность и яркость изложения, высокое лекторское мастерство, культура общения, обаяние личности - все это снискало Вам заслуженную популярность. Вас по праву называют одним из любимых преподавателей университета! Почти во всех школах Удмуртии и далеко за ее пределами, во многих отраслях народного хозяйства успешно трудятся Ваши ученики, всегда с большой благодарностью и любовью вспоминаящие своего Учителя!

Дорогой Василий Евгеньевич! В этот торжественный праздничный день примите от нас Ваших друзей, коллег и учеников, сердечную признательность и земной поклон благодарности!

Желаем Вам на долгие годы сохранить здоровье, бодрость, душевную молодость и оптимистическое настроение. Спасибо Вам за труд, направленный на благо советского народа.

Ваши друзья, коллеги и ученики истфаковцы.

Звучат приветствия факультетов УдГУ. Я почти явственно слышу голоса коллег из далеких 70-х годов.

В.И. Петровский (филологический):

«...Вы не только историк по профессии и жизненным научным целям, но втайне и явно филолог, тонкий знаток прекрасного.

И родственность наших душ, Ваш высокий научный и личностный авторитет для нас мы еще раз подтвердим в эти дни.

Вы всегда для нас пример чуткого и бережного отношения к людям...»

Г.П. Штернова (факультет романо-германской филологии):

«...Мы считаем Вас членом нашего факультета. Вы много лет обучали студентов ФРГФ немецкому языку, вели лекционные и практические занятия на самом высоком научном и теоретическом уровне. Будучи деканом нашего факультета, Вы всегда были примером принципиальности, делового и творческого отношения к делу и людям. И в настоящее время студенты и преподаватели самым высоким образом отзываются о качестве Ваших лекций по истории Германии.

Мы беспредельно благодарны Вам за постоянную помощь в деле организации и проведения научной, учебной и воспитательной работы на нашем факультете...»

Т.А. Лебедева (художественно-графический):

«...Нас всегда привлекала Ваша высокая культура, интеллигентность, широкая научная эрудиция, Ваша скромность и человечность являются прекрасным образцом для всех преподавателей нашего факультета. Глубоко уважающие и горячо любящие Вас преподаватели ХГФ».

Б. Родионов (заведующий кафедрой философии):

«...Мы знаем Вас как умудренного опытом преподавателя, яркого лектора, доброжелательного наставника студенческой молодежи. Коллектив кафедры имеет счастливую возможность общения с Вами и в качестве председателя комиссии по приему кандидатского минимума по философии. Здесь Вы показали себя философом-профессионалом, опытным педагогом, прекрасным товарищем...»

Слово берут преподаватели других вузов: сельскохозяйственного, механического, научно-исследовательского института при Совмине, где трудятся выпускники исторического факультета.

Особенно взволнованно прозвучало приветствие 12 преподавателей сельхозинститута, учеников Василия Евгеньевича разных лет обучения (начиная с пятидесятих годов и кончая семидесятыми). Некоторые из них мои сверстники, другие – моложе. Я всех их хорошо знаю, и приятно вновь прочитать их благодарные слова в адрес Василия Евгеньевича.

Дорогой Василий Евгеньевич!

Мы, преподаватели кафедр общественных наук Ижевского сельскохозяйственного института, горячо и сердечно поздравляем Вас со славным юбилеем в Вашей жизни – 60-летием со дня рождения.

... Являясь Вашими учениками, мы знаем Вас как одного из лучших и ведущих преподавателей Удмуртского государственного университета имени 50-летия СССР.

За годы учебы мы воспитывались на Ваших замечательных качествах человека, педагога, ученого: исключительной простоте и человечности, высокой научной эрудиции, выдающемся трудолюбии и истинно бескорыстном подвижничестве в науке.

Вы, Василий Евгеньевич, завоевали не только наши сердца, но и всех работников педагогического фронта республики как прекрасный лектор и методист, историк и атеист. Каждое Ваше выступление в аудитории – событие в жизни научной и пропагандистской ответственности Удмуртской АССР.

Многоуважаемый Василий Евгеньевич! В день Вашего 60-летия желаем Вам доброго здоровья, новых научных свершений, дальнейших успехов в деле народного просвещения и большого личного счастья!

В. Мищихин, А. Сергеев, Г. Фролова, Я. Рендла, К. Пономарев, Т. Щипакина, Ю. Ивонин, Ю. Мухин, Н. Сандалов, Т. Никулина, В. Борисов, Л. Варгин.

С приветственными словами к Василию Евгеньевичу обратились Президиум Удмуртского комитета защиты мира, редакция газеты «Удмуртская правда», работники краеведческого музея, индустриальный райком КПСС.

И.П. Тукаев, министр просвещения УАССР, вручает ему Почетную грамоту от Министерства просвещения. Награждает Василия Евгеньевича Почетной грамотой и Президиум Верховного Совета УАССР Указом от 22.11.68 г. «За заслуги в деле подготовки научных кадров, активное участие в общественной жизни и в связи с 60-летием со дня рождения».

Секретарь парткома А.И. Суханов передал «Свидетельство» о занесении В.Е. Майера, д.и.н., заведующего кафедрой всеобщей истории «...за многолетнюю и безупречную работу» в Книгу Почета УдГУ.

В конце выступил Василий Евгеньевич. Несколько смущенный таким вниманием, он искренне поблагодарил всех, выразивших ему теплые пожелания, не забыв и обо мне.

М.В. Гришкина, в прошлом студентка Василия Евгеньевича, ныне крупный ученый, присутствовавшая в зале, передала записку со словами Василия Евгеньевича, которые мне очень дороги.

На торжественном заседании Ученого Совета УдГУ, посвященном 60-летию Василия Евгеньевича, завершая свое выступление, он сказал: «Здесь в зале, сидит мой самый добрый советчик и мой самый строгий и первый судья – Борислава Петровна. Прежде всего ей я обязан очень многим из того, о чем говорилось сегодня. Вот и сейчас я смотрю на нее и волнуюсь, знаю, что дома она мне скажет. ...Вот тут ты не так сказал, не так сделал...»

А дальше – банкет, тосты, поздравления, улыбки, цветы, танцы. На Совете присутствовали и наши дети.

Дома в узком кругу мы еще раз поздравили Василия Евгеньевича, пожелали ему здоровья, успехов во всех делах. Рассматривали сувениры, подаренные ему: книги, картины, шкатулки, прекрасный кофейный сервиз от кафедры. Живописное полотно от художника, воссоздающее уголок удмуртской избы с прялкой, веретеном, мотком пряжи, полотенцем с национальным узором, берестяным коробом, украшает нашу гостиную. Выдержанная в коричневых тонах картина напоминает нам о мултанской юности и юбилее.

Газета «Удмуртский университет» под рубрикой «Наш юбиляр» постоянно публикует материалы о старейших работниках университета, рассказывая об их жизни и деятельности молодым преподавателям и студентам.

На следующий после юбилея день в газете под общим заголовком «Пройти по земле не напрасно» были помещены статьи коллег Василия Евгеньевича.

МАЙЕР – НЕ КАБИНЕТНЫЙ УЧЕНЫЙ

Одному из ведущих ученых и педагогов нашего университета Василию Евгеньевичу Майеру исполнилось 60 лет. Вся его жизнь и деятельность являются примером для молодежи, избравшей сложный и нелегкий путь преподавателя высшей школы.

Василий Евгеньевич вступил на этот путь в 1945 году и с тех пор не менял избранной дороги. Его глубокие исследования по истории крестьянства средневековой Германии выдвинули В.Е. Майера в число ведущих специалистов страны по этой проблематике. На этой основе им были написаны и защищены кандидатская, а затем докторская диссертации в МГУ.

В.Е. Майер не кабинетный ученый, ушедший вглубь средневековья, хотя эти вопросы и остаются главными в его научной деятельности. Он активно участвует в изучении истории Удмуртии, постоянно ведет лекторскую и пропагандистскую работу в системе политического просвещения и среди учительской публики.

Заведуя кафедрой всеобщей истории университета, Василий Евгеньевич терпеливо и доброжелательно готовит научную смену. Молодые преподаватели кафедры, а их сейчас большинство, учатся у него не только вести исследования, но и умению преподавать, воспитывать специалистов, наконец, просто жить.

А. Тронин, проректор по научной работе.

ДОСТОЙНЫ ПОДРАЖАНИЯ ТАКИЕ ЕГО ЧЕРТЫ, КАК...

Профессор В.Е. Майер – прежде всего крупный ученый, обладающий удивительной эрудицией, глубочайшей философской подготовкой, большими познаниями в разделах всемирной истории. Как ученого, его отличают повседневный поиск, целеустремленность, напористость. Прибавьте к этому блестящую педагогическую и методическую подготовку, умение увлечь студента и собеседника, передать ему заряд творческого искания.

Его расположенность к людям, стремление придти на помощь, без резкости поправить, своевременно и мягко посоветовать хорошо известны его ученикам и коллегам. Но более других достойны подражания такие его черты, как огромная внутренняя самодисциплина и исключительная обязательность.

Не удивительно, что имя В.Е. Майера, человека большого внутреннего обаяния, известно очень многим и не только в нашей республике или стране. Мы же, историки, вдвойне рады, что рядом с нами живет и трудится столь интересный человек и мудрый наставник.

Н. Санников, декан истфака.

БЫТЬ УЧИТЕЛЕМ

Я была первой аспиранткой В.Е. Майера, со мной первой он делился всем своим богатым опытом, накопленным за долгие годы работы в пединституте. Как педагог, Василий Евгеньевич оказал на меня решающее влияние.

Его повседневная деятельность – лекции, семинары, работа со студентами, общение с коллегами, огромная работа по самообразованию (а мы видели лишь небольшую ее часть) – эта деятельность была ярким воплощением его педагогических принципов. Каждая встреча с ним убеждала, что учеников можно увлечь только отличным знанием предмета и высокой эрудицией.

Василий Евгеньевич доказал своей практикой, что нельзя входить в аудиторию просто лектором – надо быть Учителем. Каждая его лекция была прекрасной школой, школой знаний, школой жизни. Постановка проблем на лекциях, их идейная направленность – всему этому мы учились у него. Жизнь каждого человека должна быть творчеством, поэтому главная цель педагога – воспитание творческих

людей. Отсюда один из основных методических принципов – учить студентов творчески, критически мыслить.

Наконец, своей жизнью Василий Евгеньевич не раз доказывал, что чем щедрее педагог делится с учениками своим опытом, знаниями, идеями, тем быстрее идет вперед сам.

Н. Шишкина, преподаватель ИФ

САМЫЙ ВЫСОКИЙ ТИТУЛ

Говорить коротко о человеке – всегда трудно, ведь каждый человек – это целый мир. Тем более такой человек, как В.Е. Майер. У него много разных титулов, но, наверное, самый высокий из них – Человек, Личность!

Проведите маленькую экспресс-анкету среди преподавателей и студентов университета – все в один голос скажут: «Василий Евгеньевич - это человек!» – и обязательно добавят: «Мудрый, добрый, честный!»

Поражают и восхищают в Василии Евгеньевиче его эрудиция, основательность, ответственность, оптимизм, самостоятельность мыслей и суждений, удивительное обаяние и такт. Он всегда неуспокоенный, но и не суетный.

И еще – с ним всегда интересно. Многие, даже не будучи учениками Василия Евгеньевича, учатся у него высокому искусству быть человеком.

В.Е. Майер – человек завидной и счастливой судьбы, но эту судьбу он выбрал и построил сам. Нам очень повезло, что у нас есть Василий Евгеньевич, потому что это целый мир, мир добрый и поучительный.

В. Владыкин, доцент кафедры всеобщей истории

РАБОТА ПОД ЕГО РУКОВОДСТВОМ – РАДОСТЬ

Историкам повезло – у них есть Василий Евгеньевич Майер. Скажите студентам, что Майер будет читать им лекцию, пусть даже неплановую, дополнительную, – они с восторгом встретят это известие. И пусть лекция будет читаться хоть в восемь часов утра, хоть в шесть часов вечера, все равно аудитория будет полна.

Сейчас нельзя представить себе факультет без Василия Евгеньевича Майера. Для нас он прежде всего учитель, большой ученый, старший друг. Многие поколения учеников Василия Евгеньевича покинули стены вуза, разъехались по всей стране. Годы идут, но лекции, встречи с Василием Евгеньевичем не забываются. И мы, сегодняшние ученики, никогда не забудем дни творческой, адски трудной, кропотливой работы, которую ведет со своими учениками профессор Майер. К каждому у него свой подход, из каждого он воспитывает прежде все-

го личность – личность целеустремленную, думающую, ищущую. Со всеми ровен, строг и требователен. Перед разговором с ним волнуешься, к нему готовишься. Работа под его руководством – это радость, радость творческого труда, всегда тяжелого, порой даже мучительного. Как мне кажется, в такую работу нужно окунуться каждому студенту с первых лет учебы.

Дипломница Е. Белова

Два вопроса юбиляру.

- Какие качества более всего Вы цените в человеке?

- Преданность делу относится к тем качествам, которые я ценю в человеке. Преданность делу позволяет человеку отдавать свою жизнь целиком избранной профессии и науке, придерживаться высоких нравственных принципов, верно служить обществу.

Человек, обладающий достаточно сильной волей, в состоянии преодолеть все субъективные и объективные преграды на пути к достижению цели, он всегда проявит энергию и настойчивость, инициативу и трудолюбие, никогда не станет зазнаваться и смотреть на все и всех свысока, его всегда будут характеризовать скромность и отвага.

В соединении эти два качества позволяют неотступно идти по избранному пути, верно служить обществу.

- Каким бы Вы хотели видеть своего ученика?

- Лучшим качеством ученика, которым может гордиться учитель, является стремление превзойти своего учителя. Поэтому хотелось бы видеть не только исполнительного, но и самостоятельно работающего, ищущего, творящего ученика. Эти качества были бы наиболее убедительным свидетельством понимания своих задач перед обществом как учителем, так и учеником.

Прошел юбилей, наступили рабочие будни, а поздравления продолжали поступать.

Ижевск. УдГУ, кафедра всеобщей истории.

Профессору Майеру Василию Евгеньевичу.

Глубокоуважаемый Василий Евгеньевич связи славным юбилеем шестидесятилетием дня рождения сорокалетием трудовой научной педагогической деятельности просим принять наши самые искренние поздравления пожелания крепкого здоровья новых творческих свершений приносим извинение опоздание объективным обстоятельством узнали поздно юбилей – коллектив сектора средних веков Институт Всеобщей Истории АН СССР

Москва, 12.01.79.

Дорогой Василий Евгеньевич! Очень жалею, что не знал своевременно о Вашем юбилее. Был бы очень рад присоединиться к хору Ваших поздравителей. Я прочел Вашу газету «Удмуртский университет» и должен заметить, что все авторы статей о Вас удивительно единодушны, отмечая наряду с Вашими научными достоинствами, достоинства нравственные – столь драгоценные в наше время и столь дорогие моему сердцу.

Позвольте и мне со всей искренностью поздравить Вас - самоотверженного ученого и прекрасного человека... Благодарю Вас, Василий Евгеньевич, за приглашение участвовать в Вашем симпозиуме.

Институт всеобщей истории АН СССР, д.и.н. Ю. Бессмертный.

УАССР, с. Шаркан

От всей души и чистого сердца выражаю благодарность за неутомимый бескорыстный труд в деле обучения и воспитания целой плеяды инженеров человеческих душ.

Мы никогда не уроним чести высокого звания советского педагога. Василий Евгеньевич, Вы для нас не только доктор исторических наук, но и доктор человеческих душ. Оставайтесь таким же до конца своей жизни! Вы, как маленькое солнышко, умеете обогреть своим душевным теплом окружающих Вас людей. Пусть жар Вашей души не угаснет никогда.

С горячим приветом и низким поклоном выпускница УГПИ 1946 года, ныне Заслуженный учитель школы УАССР

Л.Т. Аксенова.

Почти 40 лет назад в 1953 году Василий Евгеньевич в письме к главе правительства писал, что он не имеет никаких заслуг перед советским правительством, но что он с самого детства готовился быть достойным членом общества.

И это были не пустые слова молодого человека, ищущего справедливости у сильных мира сего, а четко продуманная программа действий, в контурах намеченная еще в деревенском детстве и целенаправленно осуществляемая в течение всей жизни, получившая признание общества.

Перечитала – и ужаснулась: ну и дифирамб я пропела Василию Евгеньевичу. И хотела убрать. Потом успокоилась, пересмотрела в домашнем архиве грамоты, поздравления, все, что связано с юбилеем, и успокоилась.

Во-первых, потому, что использовала лишь малую толику из того, что было сказано. Во-вторых, это говорят коллеги, проработавшие с ним бок о бок не один десяток лет. И сомневаться в их искренности я не могу. В-третьих, это же юбилей, а не профсоюзное (или другое) собрание, где мы, порой, так тузим друг друга, что впору клочкам по закоулочкам.

Это юбилей, когда подводятся итоги жизни и принято подводить положительные итоги, достижения. И здесь не грех сказать доброе слово. А оно – как утверждает народная мудрость – три зимы греет.

Меня – уж, точно, греет на половине моего девятого десятка. Подумала так – и оставила эту главу в книге. Да еще включила статьи коллег Василия Евгеньевича из университетской газеты.

25. ВСЕСОЮЗНЫЙ СИМПОЗИУМ В ИЖЕВСКЕ

Будучи на курсах ФПК, Василий Евгеньевич летал в Ленинград по поводу издания своей книги «Деревня и город в XIV-XVI вв.» Там член Головного координационного совета по истории средних веков Г.Л. Курбатов предложил ему подготовить и провести в Ижевске симпозиум по проблемам аграрной истории развитого феодализма. Василий Евгеньевич согласился, если дадут «Добро» Удмуртский обком партии и ректор университета. Разрешение было получено. И подготовка, занявшая почти полтора года, началась. Это было время, сложное для Василия Евгеньевича: сентябрь-декабрь 77 года он в Москве на ФПК напряженно работал над своей книгой. Вернувшись в УдГУ, читал за семестр годовой курс истории средних веков. Заправлял домом, т.к. я почти сразу после его возвращения (февраль-май 78) уехала на ФПК. Намечался юбилей Василия Евгеньевича в декабре и связанные с ним хлопоты... Нагрузка немалая. Я в это время тоже была завалена работой сверх головы. Виделись урывками. На разговоры и обсуждения времени не было. По отдельным репликам Василия Евгеньевича чувствовала, что все члены кафедры ведут огромную подготовительную работу, но конкретно о ней почти ничего не знала. Сожалею, что не была ни на одном заседании симпозиума. Правда, принимала с Василием Евгеньевичем близких ему ученых дома. Сейчас, разбирая переписку с учеными других городов, испытываю почти шок от той объемной, многогранной, кропотливой работы, которую провела кафедра и Василий Евгеньевич.

Но я напишу только о Василии Евгеньевиче, приводя отрывки из писем к нему ученых из разных городов. Огромную помощь в организации симпозиума оказал профессор ЛГУ Г.Л. Курбатов. «Все, чем могу помочь, постараюсь сделать», – обещал он в одном из писем и слово свое сдержал. Его письма приходили часто, содержали конкретные практические советы, позволяли предусмотреть не только «мелочи» и «подводные камни», но и добиться весомых результатов симпозиума. Советовал без нажима. Многие предоставлял на усмотрение Василия Евгеньевича. Г.Л. Курбатов знакомил Василия Евгеньевича и с сомнениями некоторых ученых Москвы по поводу проведения встречи в Ижевске, договаривался по ряду вопросов в Головном Совете. Включу два отрывка из его писем: одно – в начале раздела, другое – в конце.

Ленинград, 1978.

Дорогой и многоуважаемый Василий Евгеньевич! По моим данным с Вашей монографией все движется нормально. («Деревня и город в XIV-XVI вв.» – Б.С.). При обсуждении и утверждении планов работы секций я предложил на 1979 год III-й симпозиум провести по проблемам аграрной истории развитого феодализма. Головной совет утвердил, одобрил, в том числе в качестве места проведения Ваш университет. Соответственно, если Вы согласны, нужно будет подать заявку с обоснованием в Головной совет – актуальность проведения симпозиума по данным проблемам, основные темы (в том числе деревня и город, историография и т.д.), т.е. примерный план, примерный состав участников (по университетам, институтам), из расчета, сколько человек Вы собираетесь пригласить. Все это нужно будет согласовать с Вашим университетским начальством. Но пока Вы в Москве, стоило бы провентилировать саму идею, тему и программу, ее состав с потенциальными участниками – москвичами. Имейте в виду, что Вы можете не проводить так широко, как Саратов – по возможностям и отношению Вашего университета.

Затем Головной совет примет окончательное решение (желательно указать и сроки проведения уже сейчас, чтобы Головной совет провел все это через Министерство заблаговременно – в феврале-марте, т.е. за полтора года до симпозиума). По вопросам практического осуществления посоветуйтесь со Стамом. Он последний в курсе дела и даст Вам необходимые практические советы. Всяческих Вам успехов.

Искренне Ваш Г.Л. Курбатов.

В ходе подготовки Василий Евгеньевич писал и получал десятки писем от ученых из разных вузов страны. Небольшой отрывок только из одного письма.

Донецк

...Программу и приглашение я получила давно... Симпозиум, видно, будет весьма представительный. Догадываюсь, каких трудов Вам это стоило, сколько времени... И ведь это не конец... Такие встречи – действенная форма ФПК...

М.А. Молдавская.

Симпозиум по аграрной проблематике (1979 г.), проводимый кафедрой и получивший большой резонанс в среде медиевистов, освещен Василием Евгеньевичем в одноименной статье в «Удмуртской правде» от 11.10.79.

Наш университет все чаще становится местом встреч какой-либо области науки: русского языка, химии, физики, математики и т.д.

С 23 по 26 сентября состоялась такая встреча и по истории. Ученые Москвы, Ленинграда, Киева, Алма-Аты, Караганды, Одессы, Томска, Свердловска, Ярославля, Сыктывкара, Калининна, Ивано-Франковска, Горького, Донецка и Ижевска встретились на конференции, посвященной проблемам аграрной истории развитого феодализма.

Активное участие в конференции принимал заведующий сектором истории средних веков Института Всеобщей истории АН СССР, доктор исторических наук А.Н. Чистозвонов. Его критические замечания и обобщения соответствовали высокому научно-теоретическому уровню конференции...

Оба заседания первого дня были посвящены аграрной истории Англии. Полемике открыла профессор МГУ Е.В. Гутнова своим докладом о нерешенных проблемах английского аграрного средневековья. В этот день успешно выступили профессор Ленинградского пединститута К.Д. Авдеева, доцент Одесского университета И.В. Завьялова, Сыктывкарского университета А.Н. Иванов, Челябинского пединститута И.В. Семенов и Донецкого университета Э.С. Острась.

На заседании следующего дня рассматривались вопросы аграрной истории Франции и Германии.

Особенно живой интерес вызвал доклад корифея советской медиевистики, д.и.н., профессора А.Д. Люблинской, изложившей весьма четко и со свойственным ей педагогическим мастерством совершенно новую проблему – подготовительный этап в процессе разложения феодального строя. И хотя сообщение делалось на французском материале, оно имеет общеевропейское историческое значение.

Внимание конференции было обращено и на доклады доцентов Т.М. Червонной (Горьковский университет), М.А. Молдавской (Донецкий университет) и на сообщение доцента Ярославского университета О.В. Трофимовой.

По аграрной тематике Германии выступала прежде всего наша кафедра. Был заслушан доклад об общине автора этих строк, сообщение старшего преподавателя Н.Г. Шишкиной по историографии ГДР о классовой борьбе и ассистента В.А. Чиркина по источникам экономической аграрной истории.

На конференции также рассматривались проблемы аграрной истории Польши, Испании, Сицилии, Италии. Примечательным был факт участия и успешного выступления молодых ученых, что свидетельствует о преемственности в нашей науке.

Ученые, принимавшие участие во встрече, постоянно подчеркивали ее значение для развития советской исторической науки, отме-

чали рост научных центров на периферии, ратовали за более тесный контакт с нашим университетом.

В свободное время участники конференции побывали на автозаводе, в доме-музее П.И. Чайковского, на Воткинской ГЭС. В один из перерывов перед ними с большим успехом выступил студенческий фольклорный ансамбль «Чипчирган».

Участники конференции просили меня, как одного из организаторов, выразить благодарность и признательность ректору Б.Н. Шульге за поддержку инициативы Головного совета по истории и проявление заботы.

В маленькой заметке нельзя рассказать о конкретных научных результатах. Мы надеемся материалы конференции собрать и издать в межвузовском сборнике.

Профессор В.Е. Майер

Участники симпозиума разъехались по своим вузам, приступили к работе. В Ижевск к Василию Евгеньевичу шли от них письма о прошедшей встрече с благодарностью кафедре за хорошую организацию и теплый прием.

Москва, 25.12.79.

С удовольствием вспоминаю наше пребывание в Ижевске. Сделала сообщение об этом симпозиуме на кафедре ЛГУ, которое вызвало большой интерес...

д.и.н., профессор МГУ Е.В. Гутнова

Москва

Василий Евгеньевич! ...Позвольте мне еще раз поблагодарить всех преподавателей за сердечный прием, доброе, внимательное отношение и прекрасную организацию симпозиума. Особенно я хочу поблагодарить Вас за предоставленную мне возможность принять участие в симпозиуме, т.к. в Ижевске я смогла познакомиться со многими замечательными людьми и прекрасными учеными, и теперь я получаю очень полезные консультации и письма с советами от участников симпозиума. С благодарностью и уважением

Г.А. Ртищева

Саратов

...Мне очень досадно, что не удалось принять участие в Ижевском симпозиуме. По некоторым дошедшим до меня отзывам, он был интересен и прошел хорошо. А чего стоил Вам – вполне могу представить. У меня это было полтора вырванных года. Да и сейчас еще немало хлопот с изданием всей той научной продукции, которую он породил...

д.и.н. С. Стам.

Киев

...Мы с В.А. выражаем Вам искреннюю благодарность за тот огромный труд, который Вы вложили в организацию и проведение симпозиума. Часто вспоминаем Ижевский университет, Вашу кафедру и ее чудесный коллектив. Конференция прошла очень организованно, хорошо продумана была программа, все предусмотрено. Большой научный интерес представляли доклады наших ведущих специалистов-медиевистов. Все это оставило большой след в сознании и дало положительные результаты в практической работе. Хочется использовать все новое, с чем познакомились на конференции. Во всей работе конференции чувствовалась Ваша огромная работа, а самое главное – отзывчивость, доброжелательность. Огромное Вам спасибо. Надеемся, на Вашу помощь и поддержку в организации будущей конференции, которая планируется в Киеве...

Доцент Брянцева

Донецк, 03.02.79.

...Как хорошо, что материалы нашего симпозиума будут печататься. Конечно, я пришлю свой материал к установленному сроку, к 1 февраля... С удовольствием вспоминаю дни, проведенные в Вашем городе. Симпозиум прошел чудесно. Представляю, как Вы устали от всего. Передайте, пожалуйста, мой привет и поздравления Вашим милым коллегам.

Доцент М.А. Молдавская

Ленинград, 16.10.79.

...От души поздравляю Вас с Грамотой. Я, как и все, до сих пор удивляюсь, как Вы смогли так организованно и ко всеобщему удовлетворению организовать и провести симпозиум. Что касается Головного совета, то я уже договорился, что все организуем в конце ноября – начале декабря. Вызов Вам будет послан дня на 3-4. Я постараюсь, чтобы одновременно стояли 2 вопроса: 1. Об итогах симпозиума. 2. Утверждение и рекомендация состава сборника по симпозиуму...

Кстати, было бы неплохо, если бы Вы могли дать какую-либо информацию об освещении симпозиума в печати («Вопросы истории»). В любом случае надо дать краткий материал в «Хронику» «Вопросов истории».

Ваш Г.Л. Курбатов.

Свердловск, 05.01.84.

Дорогой Василий Евгеньевич, поздравляю Вас с выходом в свет Вашего сборника («Аграрная история эпохи феодализма», Сб. научных трудов. Ижевск, 83. – Б.С.), которому Вы отдали немало сил! Это большая радость для всех участников Ижевского симпозиума. Прошу

выслать наложенным платежом на мой домашний адрес 20 экземпляров – это пригодилось бы для спецкурса.

к.и.н. В.А. Сметанин

Харьков

...Я говорил с работниками нашей библиотеки. Они обещали послать заявку на 10 экземпляров Вашего сборника по аграрной истории. Для себя я посылаю заявку на два экземпляра. – («Аграрная история эпохи феодализма», Сб. научных трудов. Ижевск, 83.)

к.и.н. Ю. Голубкин

Это все, что я могла сообщить о симпозиуме.

26. В СЕВЕРНОЙ РИВЬЕРЕ

Лето 1980 года. Проснулась от какого-то непонятного шума... Да ведь это море шумит! Мы в санатории «Северная Ривьера», недалеко от Ленинграда у города Зеленограда. Выхожу на балкон 7-ого этажа красивого здания, построенного, как я потом узнала, финнами.

Почти у самых ног покачиваются вершины сосен, внизу, совсем рядом, шумит море. Морской воздух со смолистым ароматом сосен непередаваем.

Василий Евгеньевич с утра сразу к морю. Плещет на себя холодной водичкой. Правда, любимую процедуру ему пришлось скоро прекратить, так как сосед по столу, ленинградец, сказал, что вода в заливе сильно загрязнена промышленными отходами.

Санаторий прекрасен. Огромный жилой корпус соединен крытым переходом со светлой нарядной столовой. В палате прохладно и уютно.

Вокруг цветущие кустарники и оригинальные цветники с самыми разнообразными растениями. Много роз, еще больше бегоний. Они повсюду: красные, багровые, белые со множеством переходов одного цвета в другой. Василий Евгеньевич хочет, чтобы я назвала ему словами тончайшие оттенки. Пытаюсь, но не всегда получается.

После завтрака знакомимся с парком санатория, постепенно переходящим в лесопарк. Сколько здесь мест, где можно спокойно отдохнуть, уединившись: небольшие полянки, окруженные кустарником и деревьями, одна-две скамейки и ромашки, выросшие как бы сами собой где-то сбоку; другая полянка встречает россыпью анютиных глазок, будто стая разноцветных бабочек опустилась на отдых; в другом месте – турецкие гвоздики; дальше – низкорослые астры и т.д. Интересно! Мы каждый раз меняем полянки. И погода меняется каждый день и в день по несколько раз.

Василий Евгеньевич большей частью читает вслух уже знакомые произведения С. Щедрина. Читает со вкусом. Время от времени его сменяю я. Но больше гуляем.

Почти через день ездим в Ленинград. Возвращаемся к ужину. Обед для нас берут соседи по столу в палату, как и мы для них, когда они отсутствуют.

В Москве проходит Олимпиада и нарядный Ленинград тоже принимает гостей со всего света. Напоминает мне сейчас об этом немного смешная милая статуэтка Олимпийского Мишки, подаренная мне Василием Евгеньевичем.

Автобусная экскурсия по олимпийскому Ленинграду позволяет вновь посетить уже знакомые места: Смольный, Смольный монастырь, Литейный мост, набережную Невы, Васильевскую стрелку, Дворцовую площадь, Марсово поле, Петропавловскую крепость, где я заблудилась и Василий Евгеньевич с трудом нашел меня.

Несколько раз были в Эрмитаже, но как и прежде, не более 2-3 за-лов в день.

Русский музей я открыла для себя тоже впервые, и мраморная скульптура его, поражающая жизненностью и изяществом, остались в моей памяти, тем более, что и фотокарточки получились удачные.

Однажды за завтраком Василий Евгеньевич предложил: «Сегодня поедем на Пискаревское кладбище». Сказать по правде, я не любитель бродить среди могил, тревожа праздным любопытством дух усопших.

Но вспомнив, как ранее, в Москве, неохотно откликнулась на его предложение посетить Новодевичье кладбище, сразу же согласилась.

Новодевичье произвело на меня сильнейшее впечатление. Чистота, образцовый порядок, какой-то домашний уют, если можно так сказать о погосте, последнем приюте человека. Тишина. И светлая печаль разлита в воздухе. Разнообразные, со вкусом и любовью сделанные памятники, много еще дореволюционных, сердечные прощальные слова, выбитые на мраморе и граните. А сколько известных, дорогих русским людям имен артистов, писателей, художников, общественных деятелей, военных мы прочитали и мысленно поклонились им. Положили цветы к памятнику Валерия Чкалова, чьим гордым именем названы тысячи мальчиков в нашей стране, в том числе и наш старший сын. Время уходит, а все еще не хочется расставаться с этим спокойным, овеянным светлой грустью местом.

Второй раз я была на Новодевичьем одна – после сдачи кандидатского экзамена по педагогике в научно-исследовательском институте Теории и истории педагогики в Москве. Я приехала специально, чтобы положить цветы от себя и от моих коллег по кафедре педагогики, тоже сдавших экзамен на отлично Л.А. Розенберг и Э.А. Мальцевой на могилу любимого педагога и писателя А.С. Макаренко, покой которого охраняет строгая скульптурная группа из двух колонистов-горьковцев у знамени. Тишина. Покой. Светлая печаль.

Нечто подобное я ожидала увидеть и на Пискаревском, но была поражена контрастом. Огромное открытое пространство окружено по периметру высокими деревьями. Четкие ряды братских могил по обе стороны от центральной линии ведут к замыкающей марш величественной статуе Матери-Родины с выбитыми на постаменте суровыми словами Ольги Бергольц: «Никто не забыт, ничто не забыто...»

Строгость, лаконизм, простота оформления каким-то непостижимым образом дают почувствовать трагедию и мужество защитников Ленинграда, скорбь и гордость за них. У братских могил цветы, цветы, цветы. И наши легли рядом. Люди на кладбище спокойно-сдержанны, некоторые суровы. Здесь царят великая скорбь и торжество победителей.

Около кладбища – мемориальный музей. Он раскрывает бесстрашие, стойкость, мужество ленинградцев. Здесь же дневник маленькой девочки Тани Савичевой, день за днем записывающей время смерти родных.

С Пискаревского кладбища – прямо в санаторий: больше ничего не хочется видеть, ни о чем говорить.

Не привыкшие словесно излить друг другу душу, мы и в санатории занялись каждый своим делом, про себя переживая увиденное и услышанное. Скорбь, мужество, величие – вот основной лейтмотив, звучавший в моей душе после посещения Пискаревского.

Автобусная экскурсия «Дорога жизни» очень заинтересовала Василия Евгеньевича, хотя мы много читали, видели фильмы о беспримерном мужестве ленинградцев, обеспечивших связь с Большой землей, вывоз раненых из Ленинграда, доставку продовольствия в город по льду Ладожского озера.

На третьем километре пятнадцатиметровый памятник «Цветок жизни», посвященный детям блокадного Ленинграда, впечатляет. Десятиметровый стебель увенчан цветком. На одном лепестке его – улыбающееся детское лицо. На остальных четырех, словно рукой ребенка, вырезаны слова: «Пусть всегда будет солнце».

Вокруг «Цветка жизни» насажена березовая роща. Среди нее на высокой стеле краткая фраза: «Здесь 900 берез, их столько, сколько дней суровых было».

Мы проехали по всей сухопутной «Дороге жизни», рассматривая встречающиеся памятники, и оказались у Ладожского озера, где она начиналась. На самой береговой кромке на стыке сухопутной и ледяной дорог воздвигнут монумент «Разорванное кольцо» – две мощные железобетонные полу-дуги, направленные навстречу друг другу, – символ прорыва блокады.

На бетонной площадке, ведущей к озеру, вдавлены следы покрышек автомашин. Это напоминание о тех, кто уходил в рискованный путь по льду озера. Здесь два отличных музея и военная техника того времени. Сдержанный по интонации, насыщенный фактами рассказ экскурсовода не забывается. Пискаревское кладбище и «Дорога жизни» вернули

нас в «сороковые-роковые», напомнив, что надо уметь дорожить каждой минутой мирной жизни.

Выборг, куда мы ездили с Василием Евгеньевичем, не оставил у меня ярких воспоминаний, может, потому, что в центре не были. Зайдя в универмаг у вокзала, мы сразу купили Василию Евгеньевичу три хорошо пошитых костюма, а мне сапоги. С покупками ходить по городу ... ну, сами понимаете.

Василий Евгеньевич обратил внимание на аллею, как нам сказал прохожий, столетних вязов, кряжистых, горбулистых, с наплывами и наростами на стволах. Впервые я видела вязы...

Двадцать четыре дня отдыха. Жара. Листва молодых рябин и акаций высохла зеленой и звенит как металлическая. Но у моря свежо. От воды уходить не хочется. И все-таки мы, верные себе, много гуляем.

Недалеко от Сестрорецка нас поразило удивительно интересный по архитектуре дом – дом-музей И.Е. Репина «Пенаты». Мы дважды побывали там. Своеобразные комнаты и веранды, оригинальные предметы быта (чего стоит молот, которым гости ударяют в металлический диск, чтобы сообщить хозяевам о своем появлении); круглый обеденный стол с «самоубирающейся» использованной посудой; резные стулья и т.д.

Интересна мастерская художника с ее реквизитом, живописные полотна на станке и стенах, многочисленные эскизы к будущим картинам, палитры и кисти художника.

Экскурсовода не было. Но мы и сами достаточно хорошо знали Репина и смогли увидеть и понять то, что нам хотелось видеть.

Думали весь день провести в саду у дома Ильи Ефимовича, но внезапно обрушившийся проливной дождь, которого так ждала природа, заставил нас снова вернуться в музей, где вместе с другими посетителями мы прослушали в грамзаписи рассказ экскурсовода. Узнали, что в доме и парке И.Е. Репина бывали почти все выдающиеся деятели искусства и науки того времени.

В другой раз мы внимательнейшим образом осмотрели неповторимый по своей планировке тенистый сад и гуляли там по «Аллее Пушкина», посаженной художником, видели ажурную башенку «Шехерезада», «Храм Озириса и Изиды». Даже не верилось, что оккупанты на месте усадьбы оставили один фундамент.

Поздно вечером, уставшие, но полные незабываемых впечатлений, вернулись мы в санаторий.

Значительно ранее, в конце 70-х годов, Василий Евгеньевич в ответ на мои письма из Тулы с подробнейшим описанием Ясной Поляны, где я была с экскурсией, сообщал мне в Москву:

...Получил твои письма – одно из Тулы, другое – после Тулы. Завидую, мне много раз хотелось вместе с тобой побывать в местах, где жили и творили русские писатели, но пока почему-то нам не удалось вместе куда-то поехать.

Была у нас мечта – встретиться с Пушкиным в Михайловском, побывать в Тригорском, на Святых горах. Кстати, рождением этой мечты мы обязаны моей ученице в школе и в пединституте, учительнице русского языка и литературы Л.А. Степашкиной, любителю и тонкому знатоку поэзии А.С. Пушкина. Почти каждый свой учительский отпуск она проводила в Михайловском, хорошо знала легендарного С. Гейченко – хранителя Михайловского – дружила с ним. Ее восторженные рассказы о пребывании в Пушкинских местах нельзя было слушать равнодушно и не проникнуться желанием все увидеть своими глазами и прочувствовать сердцем.

Василий Евгеньевич уже приобрел экскурсионные путевки, билеты на самолет, но непредвиденные обстоятельства оставили неосуществленной эту мечту. В доме-музее А.С. Пушкина на Мойке мы побывали не по одному разу.

Посещая литературные музеи, я преследовала определенную цель – ощутить атмосферу дома писателя, взять на заметку, запомнить, сфотографировать все, что помогло бы мне сделать уроки литературы интересными и полезными для школьников. Ученики же мои, в свою очередь, привозили удивительные материалы из музеев, которые мне не пришлось видеть. Василий Евгеньевич испытывал чисто эстетическое наслаждение.

Мы неоднократно бывали в музее-усадьбе Л. Толстого в Хамовиках, где прекраснейший экскурсовод, как бы заново открывал людям Л. Толстого, в доме музее Ф.М. Достоевского в Ленинграде и других. Это речь идет о музеях, где жили и творили русские писатели.

Из литературных музеев (в залах оформлены экспозиции о жизни и деятельности писателей, но они не жили там) в Москве и Ленинграде я не могу назвать ни одного, где бы мы не были. Многие из них великолепны, но оставляли у нас меньшее впечатление, чем дома-музеи.

В конце смены архитектор из Ленинграда, хорошо знавший окрестные места, рассказал нам о Черной речке – месте гибели А.С. Пушкина – и Петровской корабельной роще, находившихся «неподалеку» от санатория.

На Черной речке мы побывать не успели: вышли после обеда и, пока шли, солнце стало садиться. Только издали с высоты крутого песчаного холма мы увидели далеко внизу узкую сверкающую на солнце полосу реки среди ровных зеленых берегов.

На следующее утро после завтрака мы уже ехали на электричке посмотреть рощу, посаженную по приказу Петра I давным-давно. Примерно минут через 40 сошли на незнакомой остановке и по проселочной дороге стали углубляться в лес дальше и дальше. Солнце палило немилосердно. Наконец попалась небольшая деревушка, но встретившиеся немногочисленные жители не могли нам помочь: они не слышали о Петровской роще. Я была полна решимости повернуть назад, но Василий Евгеньевич упорно шел вперед, говоря, что она где-то здесь должна

быть. Еще два-три километра – и мы увидели щит, советовавший нам свернуть с проселочной дороги налево. Пройдя немного, мы остановились у длинной узкой скамейки: впереди – в стороне от дороги – внушительная в человеческий рост муравьиная куча, аккуратно, по-деревенски огороженная легкими жердями и полосой на земле, запрещающей подходить ближе. Справа, в стороне, – небольшая площадка для автобусов. Но экскурсанты, видно, приезжают редко: трава не попорчена. А впереди – высоченные красавицы-сосны, верхушки где-то вблизи облаков. Но что нас поразило – сосновая кора. Толстые – не обхватишь! – стволы аккуратнейшим образом, как черепица на крышах, выложены безукоризненно точными по размеру и форме плитками коры, создавая неповторимый ритмичный узор, уходящий вверх по стволу. Долго мы рассматривали это чудо, сотворенное природой за столетия. Роща небольшая, трогать сосны, бродить между ними нельзя. Только узкая тропинка, усыпанная толстым слоем хвои, позволяет тебе пройти мимо деревьев, подняться на взгорье, где они растут, и по желанию спуститься вниз, к неширокой спокойной реке, с камышами по берегам.

Отдохнув здесь, у реки, на скамейке, такой же узкой и длинной, как и первая, мы стали потихоньку подниматься вверх, в рощу. Кроме разноголосого пения птиц, – ни звука. Мне было жутковато. Простившись с рощей и пожелав ей быть здоровой, мы пошли к электричке. На первой увиденной нами скамейке сидел интеллигентный мужчина, читал газету, лакомился черешнями, косточки складывая в крышку от фляжки.

Петровская роща! Я иногда вспоминаю ее тишину, покой и величественные сосны. Подарил же мне ее, как и многое другое, Василий Евгеньевич.

В санатории Василий Евгеньевич с удовольствием отдыхал, читал, ездил, находил время и для работы, но как бы не придавал ей большого значения: три-четыре странички в день – не более. Ведь это был первый наш совместный отдых по путевкам, выданным профкомом УдГУ. И последний совместный отдых вообще.

Василий Евгеньевич завершал работу над последней своей книгой «Крестьянство Германии в эпоху позднего феодализма», вышедшей в 1985 году в московском издательстве «Высшая школа» уже после его смерти.

27. ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ О ВЕНГРИИ

Удалось побывать Василию Евгеньевичу и за границей. Общество «Знание» в числе других ученых направило его в Венгрию для чтения лекций. Он добросовестно готовился к выступлениям, приобрел сувениры для венгерских товарищей.

Поездка удалась. Как всегда, вечером, когда он вернулся, мы слушали подробнейший рассказ о дружественной встрече, о деловой части

поездки, о приеме в советском посольстве, о том, как была воспринята лекция, как понравилась Венгрия.

Разложив на столе карту, Василий Евгеньевич показывал по ней, в какие места их возили, что он видел. Его удивляло и восхищало использование каждого клочка земли, даже возле дорог, сохранность великолепных старинных замков, красота озера Балатон.

Из поездки привез четыре больших книги-альбома по зарубежному искусству. Но цена книг – «ну, очень дорогие» по сравнению с нашими – смущала. И мне, и детям подарил сувениры. И не раз он обращался к рассказам о Венгрии, показывая привезенные буклеты, открытки, путеводители.

Впечатлениями о поездке Василий Евгеньевич делился и со студентами, используя привезенный наглядный материал, читал лекции по линии общества «Знание». Выступал на открытом заседании политического клуба «Глобус» по теме «Венгрия сегодня».

Свои наблюдения во время поездки он, как всегда, кратко заносил в записную книжку. Она сохранилась, но не все записи оказались мне доступны. Примерно с середины они сделаны голубым карандашом, бледным и плохо заточенным. Много исторических дат, названий городов, трудночитаемых. Ниже часть записей, которые я смогла понять.

17.03.81.

1. Список группы. 14 чел.

Задачи: 1) проведение информационной деятельности; 2) встреча за круглым столом; 3) посещение городов. В каждом городе – деловые встречи.

18.03. Дунауйварош возле Будапешта.

19.03. Автобус Печ до 21.03. Ознакомительная экскурсия. Посещение сельскохозяйственных объектов.

21.03. В г. Шиофок до 23.03.

Сомбатхей 25.03.

25.03. Секешфехервар.

26.03. Будапешт. Музей прикладного искусства.

28.03. СУ-132. Питание трехразовое, заказное, стол накрыт обильно... (идет запись об общем положении в Венгрии. – Б.С.)

18.03.81.

Холодно, что в нашей одежде очень кстати. После всяких проверок и получения багажа нас встретил представитель посольства.

У меня взяли текст доклада и сказали, что выступить надо 27.03 в посольстве. Кроме меня, имеются еще два докладчика.

Переставляем часы на два часа. В 11 часов автобус остановился в центре Будапешта. Мы в той стороне, где расположен Пешт.

Нас поражает теснота улиц, отсутствие такой массы людей, как мы привыкли видеть у нас.

До того, как руководитель поменяет наши деньги, мы на два часа предоставлены себе. Бродим по улицам Будапешта и заглядываем в каждый магазин. Мы гуляем с А.Д. Идем по главной улице до ресторана «Астория», то есть до перекрестка. Какие здесь книги по искусству, а у меня только наша мелочь в кармане.

Много антикварных магазинов и магазинов по искусству.

Цены нам кажутся баснословными. Никто ничего не покупает, то есть очередей нет. Изъясняюсь по-немецки и по-английски, получается.

Мы ходим в шапках. Как медведи выглядим. Видели много: гора Геллерт, памятники епископу Геллерту, памятник-мемориал советским освободителям, памятник Ш. Петефи.

А какая архитектура! Какие скульптурные украшения - в нишах и на зданиях!

Церквей полно. Все действуют. Но в церквях никого нет. Очевидно, ходят по праздникам. Есть магазин русской книги.

Везде удивительная тишина. Наконец, в 2.15 мы идем обедать. Обедаем в старинном замке. Стены расписаны историческими картинами. Грибной суп, на второе мясо, на третье мороженое. Много перца!

Едем в Дунауйварош – 70 км. Наш гид рассказывает историю Венгрии. Удивительно слушать то, что ты сам рассказываешь...

Здесь и короли иначе выглядят. А сколько народных героев!

Дорога отличная. Поля, сады, дворики – все ухожено, величайший порядок везде! Везде трудятся люди. Работают машины. Венгрия начинает нравиться. Только много курят, особенно женщины.

Устроились в гостинице. Мы вместе с А.Д.

Идем в филиал машиностроительного института. Нас приглашает дирекция института – директор, зам, парторг, комсорг, представители преподавательского состава, общество «Дружба Венгрия-СССР».

Институт хорошо оснащен ЭВМ, имеется учебное телевидение, кодоскопы, прекрасные доски. Чистота! Учатся три года. Всего 500 студентов стационара, плюс 600 заочного обучения. Но площадей достаточно.

19.03.81.

Дунауйварош - первый социалистический город (описание города и металлургического комбината – Б.С.).

Наш гид – мастер у мартеновской печи. За 25 лет получила «Золотое кольцо», которое носит на четвертом пальце правой руки. Двенадцать дней отпуска, каждый год прибавляют один день до 24.

После завода мы на берегу Дуная. Здесь разгружают руду Кривого Рога. Художники оформляют берег... Здесь были римляне, они оставили немало памятников.

...В 10.00 выезжаем в Печ – 140 км. По дороге Эржебет, гид, рассказывала о сельском хозяйстве.

Печ – древнейший город. Здесь в 1367 г. был основан первый Венгерский университет, три факультета: медицинский, юридический и теологический.

Мы остановились в гостинице «Паннония». На месте Печа было римское поселение... Сюда приезжал Клавдий... Он покровительствовал этому населенному пункту. Здесь было два амфитеатра...

Проезжали через канал Шио длиной 78-79 км, соединяющий Дунай с озером Балатон, построенный еще рабами Рима...

Сегодня были в кафедральном соборе. По пути прошел мимо памятника святого Антония, кормящего голубей. Кафедральный собор огромен... Алтарь имеет величественную конструкцию. Колонны круглые и после капители соединены аркой. Чувствуется влияние римлян и турок. К собору примыкает справа часовня Тела Иисуса, слева – сердца Иисуса и Девы Марии. Справа – венчальная церковь и часовня. В подвальном помещении находится церковь в совершенно Мавританском стиле.

Стены собора и всех часовен расписаны на сюжеты Старого и Нового Завета. Меня удивляет, что любая сцена содержит элементы, связанные с острой конфликтной борьбой. У венгров исключительно действующие церкви.

В стране есть несколько гимназий, в которых преподают только священники. В школе родители могут найти учителя Закона Божия.

Несколько раз уже слышал рассказ о том, что Бела IV дал обет: если татары будут изгнаны, он единственную свою дочь Маргарет пожертвует богу. Он ее и поместил в монастырь на острове З., который теперь и носит ее имя.

Посетили Копцум. Там очень много дефицитного, однако нет очередей. Покупают. Поражает спокойствие и вежливость в обращении. Недалеко от нашей гостиницы сохранился старый заезжий двор...

20.03.81.

(Запись венгерских слов, наиболее употребительных, с переводом на русский. – Б.С.).

Приехали из Печа в курортное местечко в 15 км. от границы с Югославией. Посетили крепость Шиялош. Осмотрели выставку картин. Крепость с тюрьмой и помещениями для пыток... Обедали в зале, где тяжелые низкие своды, на стенах развешены черепа оленей и баранов с рогами.

13 соцгородов. Едем мимо колхозов. Какой порядок! На центральной площади памятник святой Троице в честь спасения от чумы 1751 г. Посетили гору Меччек, на склонах которой расположен Печ.

Поднялись на 70 м по телевизионной вышке, оттуда рассматривали просторы, раскинувшиеся вокруг горы. Был на удивление ясный солнечный день. Предшествующие дни были пасмурны и холодны.

Прогулялись с А.Д. по городу. Заходили во множество магазинов. Товаров полно. Очень многое пригодились бы, но далеко от нас. По ряду товаров цены совпадают, а некоторые в 1,3-1,5 раз дороже. Главное, нет очередей. Участок, обслуживаемый продавцом, небольшой. На покупателя обращают внимание, как только он заходит в магазин или подходит к продавцу. Между покупателем и продавцом происходит интимный разговор. Никто никого не дергает. Все чрезвычайно корректны, совершенно ненавязчивы. В целом мы здесь не только не слышали грубого слова, но и вообще громкого разговора. Все заняты делом. Создается впечатление рассудительности. Обычно на улице идут двое-трое рядом, ведут деловую беседу.

Народ ниже среднего роста в подавляющем большинстве, фигуры изящные, хотя любят много острого и мясного. Внешне имеют общие черты со знакомыми мне удмуртами только тогда, когда находятся на расстоянии. Очевидно это рост, манера движения, внешнее очертание лица, которые их роднят.

Вблизи они иные. Есть женщины, у которых голос кажется знакомым, как будто они из Дебес или Бодьи. В общей массе люди мне нравятся.

В Шилоше посетили курортную зону, где видели купальню, в которой барахталась масса людей, в основном это были старые люди. Среди них много югославов, которые приезжают сюда запросто.

Массовое купание в лягушатнике на многих из нас произвело впечатление не особо вдохновляющее.

21.03.81.

Едем в Шиофок, где родился Имре Кальман. В Дамбоваре остановились, чтобы посетить универмаг. Купили две книги по искусству, туфли и перчатки... Город расположен на берегу озера Балатон.

В ресторане «Чардаш» чудесное оформление. На стенах висят картины-силуэты из жизни животных, за которыми горят лампочки, поэтому силуэты красиво выделяются. На углах имеются вставки, сделанные из кирпича, в них стоят вазы. Скатерти вышиты. Оркестр: скрипка, флейта, виолончель, цимбал – играют хорошо. На стенах полочки, на полочках – кувшины, и на стенах развешаны кувшины. (Несколько страниц написаны плохим карандашом; они выпущены. – Б.С.).

Я выступал на заводе реставрации тепловозов и вагонов, оговорил о международной политике Советского Союза. Был переводчик.

Смотрели музей и выставку животных. Это произведения самих рабочих. Разговаривали с главным инженером и руководителем производства. Пили традиционное вино, уж очень похожее на нашу кумышку. Вечером собрались в гостинице и пели. Это традиционно делают венгры.

Дальнейшие записи разобрать не смогла. Хорошее впечатление оставила у Василия Евгеньевича страна, с которой у Удмуртии до сих пор тесные научные и культурные связи.

28. АКТИВНО РАБОТАЮ НАД ГЛАВОЙ ДЛЯ «ИСТОРИИ КРЕСТЬЯНСТВА В ЕВРОПЕ»

В 1983 году Василий Евгеньевич снова в Москве на четырехмесячном факультете повышения квалификации при МГУ.

Он работает над пятой главой «Крестьянство в немецких землях к западу от Эльбы и в Австрии в XVI-середине XIX вв.» для третьего тома коллективного труда «История крестьянства в Европе» (М.: Наука, 1986).

Василий Евгеньевич отправился в путь, «полный самых противоречивых ожиданий». Опасался, что в связи с гонениями на «нерадивых» могут ставить препятствия самостоятельной работе.

Он поселился в главном здании МГУ, в 6-ом корпусе Б, на втором этаже, очень спокойном, где живут одни профессора и заведующие кафедрами.

В этом году большое внимание уделяли посещению лекций, особенно педагогики, что толкало Василия Евгеньевича попроситься с ФПК на стажировку, хотя на нее отводилось только три месяца.

Но все утряслось: ему разрешили работать по индивидуальному плану и свободно посещать занятия.

О некоторых лекциях, особенно понравившихся ему и, по его мнению, интересных для меня, он пишет в письмах подробно, останавливаясь даже на приводимых лектором примерах.

Так, в двух письмах излагает содержание четырехчасовой лекции о красноречии А.Ч. Косаржевского, профессора, преподающего греческий язык. Думаю, Василий Евгеньевич делал это не только для меня, но и сам хотел закрепить в сознании этот материал. По ходу изложения подробно анализирует содержание и заключает: «Как видишь, многое мы и сами знали... Говорит грамотно, страшно верно, но много ворчливого, борьбы с ветряными мельницами».

Из писем Василия Евгеньевича я хорошо знала, как ему работает-ся.

18.02.83.

... Мои дела таковы. Больше всего работаю в библиотеке, там я что-нибудь новое изучаю и пишу свое пособие... Вечером немного гуляю на улице, затем занимаюсь дома.

Встретился с Ю.Л. Бессмертным. Он проверил пока только главу XI-XIII вв. (гл.8 «Немецкое крестьянство в XI-XIII вв.» – Б.С.). Теперь я внес все исправления, и ее печатают на машинке.

10.04.83.

Свой реферат я сдал раньше всех и боюсь, что это может произвести плохое впечатление: проверят и напишут: «Спешил – людей насмешил»... Работаю в библиотеке. Дел много. Что-то мне с трудом дается V глава.

13.04.83.

...9-10-11-го я усиленно занимался в библиотеке. Но 12-го (вчера) пришлось сидеть на занятии, а сегодня с утра – тоже, затем встретился с Ю.Л. Бессмертным. Он вернул мою главу V, которая идет вместе с М.М. Смириним, чтобы я ее окончательно оформил для обсуждения, которое состоится 29-го апреля.

Во второй половине дня плотно сидел над ней. Ее завтра отдам машинистке, она перепечатает, затем на ксероксе размножат, раздадут членам редколлегии, которая и будет ее обсуждать.

Точно так же все было организовано и с предыдущей главой. И остается еще одна глава, которая пойдет в III том. Но она у меня уже давно в хорошем состоянии.

17.04.83.

Посылаю тебе V главу. Как всегда, ты мой первый читатель, но после тебя рукопись пойдет сразу к машинистке, а не ко мне. Поэтому на тебя возлагается ответственность за все поправки. Я разрешаю тебе сразу их внести. Надеюсь, что все разборчиво и понятно. Но где тебе покажется, что машинистка не разберет, обведи мои каракули четким почерком своим.

Над главой сидел дольше, чем предполагал. Раньше было все ясно, а теперь по общине много напутано, а по немецкой общине XVII-XVIII вв. вообще у нас никто не писал.

А. пишет об индийской общине. В связи с этим рассматривается и теория, относительно позиции Энгельса он выражается настолько неопределенно, что к нему доверия особого нет. Разумеется, в книге не требуется, чтобы этот вопрос заново решался, но и нельзя не сказать ничего нового...

...Еще в понедельник отправил V-ю главу. В последнее время почта работает нормально, хотелось бы, чтобы она на этот раз сделала все своевременно.

Вчера был в издательстве и сказал, что рукопись главы представлю 15-20 мая. На это они согласились, что меня успокоило.

Мой план таков. Если до отъезда Валеры Ш. успею написать главу, пошлю ее с ним. Машинистка успеет ее перепечатать до твоего отъезда (в Москву), и ты мне привезешь ее перепечатанную. К этому времени здесь в печатают иностранный текст в предыдущие главы. Если успеет машинистка, то она сделает и последнюю главу до поездки в Вологду...

...Не обижайся, что не всегда сразу пишу. Я люблю тебя.

29.04.83.

...Я не писал тебе несколько дней потому, что был занят главой. Теперь остались введение, заключение, несколько страниц к 2-ой главе, которую я не закончил.

Боренька! Проверь внимательно, я совершенно не читал последний раздел о классовой борьбе, хотя сидел с 3-х часов до утра, переписывая и исправляя на ходу.

Пусть машинистка перепечатает, а ты привези эту главу вместе с предшествующей.

Все поручения Василия Евгеньевича я выполняла исключительно добросовестно и в срок, отложив свои даже крайне необходимые дела.

В Москву к нему приехал Толя, и они одновременно работали в Ленинской библиотеке, о чем подробно пишет мне в Ижевск Василий Евгеньевич.

09.02.83.

Вчера приехал в Москву наш Толя. В назначенный час мы не встретились в Ленинской библиотеке. Тогда он позвонил в Ижевск, узнал мой адрес, но я его в это время продолжал ждать в библиотеке. В 8 часов вечера я проверил, не записался ли он в библиотеку. Оказалось, нет. В голове мелькнула мысль: «Не может быть, чтобы он меня не нашел». Приехав к себе, я узнал, что он был с трех до шести часов, оставил записку и уехал к Володе. Мы созвонились и сегодня утром встретились в библиотеке.

Я помог ему оформить в третий зал, который рядом с первым, где занимаюсь я. Затем я ему показал, как пользоваться предметным и систематическим каталогами. Он удивительно быстро сориентировался до того, как мне необходимо было идти на собрание. Около 5 часов я заходил к нему. Он сидел и так занимался, что меня не сразу заметил. Перед уходом он заглядывал ко мне в читальный зал. Ему надо было с кем-то из колокольников встретиться...

Сердце мое ликовало, когда я видел его в библиотеке. Он нашел необходимые книги, а если сфотографируемся, ему дадут постоянный билет. Кажется, он чувствует себя на седьмом небе.

11.02.83.

...Толя каждый день в библиотеке. Мы вместе кушаем в столовой. Я иногда выписываю книги, которые ему не дают по каким-либо причинам. К нему приходят его колокольники, и они долго обсуждают свои дела. Сегодня мы были в фотоателье...

Толя шагает в два раза быстрее, чем я. На то у него и ноги длиннее, и ботинки на 4 номера больше. Он сидит долго в библиотеке и работает настойчиво. Мне все же жаль, что мы ему дали меньше, чем могли. Если бы мы с ним своевременно занимались, он мог бы украшать более образованное общество.

Порядок работы Василия Евгеньевича в Москве описывает Толя в своих воспоминаниях.

Они характеризуют Василия Евгеньевича не только как ученого, создавшего свой стиль работы, но и как заботливого воспитателя, который не голословно, а своим наглядным примером учит приемам и способам интеллектуальной работы сына, студентов, аспирантов, занимающихся в библиотеке.

Из воспоминаний А. Майера (март 1988 г.)

Отец учил меня правильно излагать мысли. Правда, в школе я писал сочинения так, как это требовалось программой.

Во время учения в университете много приходилось работать с первоисточниками, архивными документами, писать курсовые работы. Василий Евгеньевич учил анализировать, сопоставлять факты, делать выводы по тому или иному историческому событию.

Помню свою работу над курсовой «Программы крестьянских восстаний У. Тайлера, Жанны д'Арк, Яна Жижки. Социальный вопрос в их программах». Василий Евгеньевич отвергал мои варианты очередной главы: чего-то не хватало, самое главное я излагал не историческим языком.

Работа была у каждого своя, писали в разных комнатах дома.

Меня уже потом, после защиты курсовой, поразило, как мог Василий Евгеньевич из своего тщательно продуманного распорядка дня находить минуты для объяснения всех секретов написания курсовой.

Спустя много времени после окончания университета и работы в школе, мы встретились с Василием Евгеньевичем в Москве зимой 1983 года. Мне пришлось зайти в учебно-жилой корпус аспирантов и профессоров МГУ.

Поразило жилье, в котором жил и работал Василий Евгеньевич и многие другие научные работники. Маленькая, рассчитанная на одного человека комната: стол, диван, шкаф – чисто спартанское жилье, чем-то напоминающее комнаты пушкинского лицея.

Утром следующего дня мы встретились у главного подъезда библиотеки имени Ленина, где каждому предстояло работать по материалам своей темы. Меня интересовали русские колокола и их производство.

Воспитанный в очень интересной семье, я много посещал музеев, выставок, исторических мест нашей страны.

Но вот такой экскурсии по всему громадному храму знаний – Ленинской библиотеке, – которую провел мне Василий Евгеньевич, я не получал ни разу.

Экскурсия была с научной направленностью, с рассказом и пояснением всего, что есть в библиотеке, начиная с залов с каталогами и кончая процессом заказа и получения отобранной литературы. Только после досконального знакомства со множеством примеров практического поиска книг в каталоге и знакомства с читальными залами я смог самостоятельно находить нужную литературу.

Уже работая в читальном зале, старался уложиться в регламент, установленный Василием Евгеньевичем: три часа упорного труда – чашечка чая или кофе, потом опять три часа работы – и плотный обед. И так до конца дня. И все это, не выходя из здания библиотеки.

Василий Евгеньевич работал в профессорском зале. Туда я мог зайти и посоветоваться по разным вопросам не более трех раз в течение дня. Профессорский зал представлял собой помещение с десятью столами. Каждый стол рассчитан на одного человека. На столе две настольные лампы, в зале полумрак. Разговаривать можно только шепотом.

В перерыве, через три часа, мы встречались в переходе между читальными залами. Обходили весь второй этаж, и я отчитывался перед Василием Евгеньевичем о проделанной работе с источниками. Так, обходя всю территорию второго этажа, мы советовались. Иногда Василий Евгеньевич подходил к ящикам каталога, безошибочно выдвигал их и заставлял меня найти нужную книгу.

Окончив собеседование, мы спускались вниз и шли в буфет или столовую.

Так работали всю неделю. Один раз сходили на кукол С. Образцова. Очень часто вечера заканчивались пешими прогулками по Москве: Василий Евгеньевич показывал мне научную и историческую Москву.

Была еще запланирована одна совместная поездка в Москву и работа в библиотеке, а в ходе ее знакомство с научным миром исторического факультета МГУ. Но мы не успели...

Работая потом самостоятельно в библиотеке имени Ленина, я всегда повторял маршрут собеседования и наш регламент работы. Всегда получал наслаждение от этой работы, и объем выполненного был большой.

Частенько в библиотеке встречал выпускников истфака УдГУ, которые рассказывали мне о маршруте собеседования и регламенте работы, установленным для них их научным руководителем В.Е. Майером.

29. МУДРЫЕ СПУТНИКИ ЖИЗНИ

Когда мы поженились, у Василия Евгеньевича было немного книг – хватило бы на одну полку, но они лежали стопочкой на столе.

В комнате с окнами у земли уже был неширокий стеллаж, который смастерил он сам. Позднее – несколько красивых, но очень неудобных шкафов, сделанных знакомым столяром.

И вот теперь для новой большой квартиры Василий Евгеньевич заказал специально по своим чертежам шкафы от пола до потолка с полками в одну книгу и с задвигающимися стеклами.

Два таких же для детей, один в своем кабинете выделил мне.

Василий Евгеньевич специально не гонялся за книгами, не обращал внимания на красоту обложки. Книги в основном покупались для работы и были расставлены на полках не по размеру, а по темам. Те книги, которые чаще использовались, находились под рукой: повернись немного от стола, протяни руку – и возьми.

Большое место в библиотеке Василия Евгеньевича занимали собрания сочинений В.И. Ленина, К. Маркса, Ф. Энгельса. Рядом литература о Ленине: воспоминания, встречи, статьи и т.д. Василий Евгеньевич часто обращался к этим произведениям, хорошо знал работы В.И. Ленина, использовал материалы этих полок для подготовки лекций населению, статей в газету.

У этих полок с раскрытым ленинским томом в руках неожиданно для Василия Евгеньевича запечатлел его на фото сын. А несколько позже студент истфака Замараев уже специально сфотографировал его в этой же позе для газеты «Удмуртский университет», посвященной 60-летию Василия Евгеньевича.

Отдельно на полках литература по истории древнего мира. Сочинения Платона, Сократа, Плутарха и др. Среди них – любимые мифы Древней Греции Куна. Эта книга редко скучала на полке, чаще коротала время с кем-либо из детей или внуков, рассказывая им о героях Греции.

Василий Евгеньевич в молодости читал курс античной истории. И события давно минувших дней врывались в нашу семью вместе с гекзаметрами Гомера. Неторопливо и негромко звучала «Одиссея» в чтении Василия Евгеньевича, и мне казалось, что он сам улавливает «умолкнущий звук божественной эллинской речи, старца великого тень» видит «смущенной душой» (А. Пушкин).

Как много незнакомого, интересного открылось мне, прослушавшей и сдавшей прилично экзамен по античной литературе, прочитавшей

многие произведения по списку, но не проникнувшейся духом Эллады, в повседневном общении с Василием Евгеньевичем, как ненавязчиво давал он возможность соприкоснуться с высокой культурой античности, ставшей любимой и близкой.

Один из шкафов содержал литературу по истории средних веков: учебники для вузов, школ, монографии, сборники статей с автографами. Книги о Германии, Франции, Англии и др.

Ниже на полках устроились большие по формату голубовато-серые сборники АН СССР «Средние века». Еще при жизни Василия Евгеньевича они стали издаваться в более удобном меньшем формате с приятной коричневой обложкой. Нередко, когда я ездила в Москву, Василий Евгеньевич просил меня купить для него те или иные выпуски этих сборников с его статьями о виноградарстве, возделывании вайды и др. и со статьями его коллег.

В 49 и 51 выпусках этого сборника были опубликованы уже по-смертно список его работ и статья Ю. Бессмертного «Памяти В.Е. Майера».

Литература по новой и новейшей истории, по истории Востока занимала отдельное место. Ею в последние годы Василий Евгеньевич пользовался реже.

Несколько полок с книгами по истории и культуре Удмуртии. Это научная литература: монографии, сборники статей научных работников УдНИИ, вузов. Авторы многих из них учились у Василия Евгеньевича. Ряд сборников он редактировал.

Здесь же поэзия и проза удмуртских литераторов: Ашальчи Оки, Ф. Васильева, В. Романова, В. Владыкина, Д. Яшина и др.

Изобразительное искусство Удмуртии нашло отражение в богато иллюстрированных альбомах. Прикладное искусство – в книгах об удмуртском ткачестве, оригинальнейших вышивках, резьбе по дереву.

Василий Евгеньевич высоко ценил трудолюбие и талант удмуртского народа.

Справочная литература. Сколько ее! Василий Евгеньевич сидит на диване. Справа и слева от него, на стуле, на полу открыты том «Большой советской энциклопедии», «Краткий энциклопедический словарь», «Словарь синонимов», «Толковый словарь русского языка», «Русско-немецкий словарь», «Немецко-русский» и др.

«Что ищешь?» – спрашиваю, ненароком заглянув в кабинет. – «Да вот, заэльбские крестьяне делали так...» И объясняет, как и что они делали. «На их диалекте это звучит так... А как по-русски? Может, можешь?» Иногда, очень редко, меня, городскую, осеняло, и он говорил: «Да-да, это так. Спасибо». Но большей частью советовался со словарями, обнаруживал сходные корни и был безмерно счастлив, когда находил нужное слово или объяснение его.

«Историческая энциклопедия», «Энциклопедия для школьников», «Das drose Bilderlexikon der Mode» L.Kubalova («Большой иллюстриро-

ванный словарь моды» (репродукции, карикатуры, рисунки). Все это было востребовано.

На видном месте – сборники документов «Вайстюмы», которые с использовали в работе Л.В. Котова, В.А. Чиркин, аспиранты Василия Евгеньевича.

Целый шкаф – восемь полок – занимает русская классика, собрания сочинений по подписке к «Огоньку». В магазине их было почти невозможно купить.

Нет смысла перечислять произведения, начиная от И.А. Крылова, кончая А.М. Горьким, В.В. Маяковским, М.А. Шолоховым. Они не заставались за стеклом, просто украшая кабинет. То одна, то другая книга, а то и несколько сразу покидали привычное место, чтобы быть прочитанными на отдыхе или вечером перед сном вслух для меня.

Они были друзьями и наших детей, а теперь их с удовольствием читает второе поколение внуков. Из всех имеющихся у нас произведений русских классиков я не могу назвать ни одного, с которым не был бы знаком Василий Евгеньевич.

Но любимым у него был Некрасов, многие произведения которого он знал наизусть. Зарубежная литература также широко представлена и читаема. Стивенсон, Голсуорси, Бальзак, Гюго, Шиллер и Гете на немецком языке...

Шекспир... Странно: только два его произведения на полках. Но как много значило это имя для нас с Василием Евгеньевичем

Я прочитала все его прекрасно изданные произведения в изумительном переводе Б. Пастернака в Мултане летом между вторым и третьим курсами педучилища. Лето и поэзия Шекспира – что может быть прекраснее этого, когда идет война и так голодно...

Позднее, когда я уже встретила с Василием Евгеньевичем в институте, неожиданно выяснилось, что и он безумно (его слово!) любит Шекспира. И мы стали перечитывать его вдвоем вслух друг другу с первого его произведения и до последнего.

Вот тут я постигла настоящего Шекспира. Комментарии Василия Евгеньевича к историческим событиям, отраженным в произведениях, ложились на подготовленную почву. Я воспринимала события и героев как бы заново, ярче, полнее, глубже.

Какое-то время (в конце сороковых – начале пятидесятих годов) мы буквально жили Шекспиром. Это было замечательно!

Я – вот дерзость! – дома называла Василия Евгеньевича Шекспиром – простого смертного великим именем. Он меня – Принц Роберт Уэльский, чаще просто Принц или Роберт. И даже в конце жизни иногда проскальзывало это обращение.

Отголоски нашего увлечения Шекспиром каким-то образом дошли до подрастающих детей.

Валерий, уже имевший свою семью, подарил Василию Евгеньевичу ко дню рождения искусно вырезанный им по дереву портрет великого

английского драматурга в черно-белом исполнении, сопроводив подарок коротким письмом.

Дорогой папа! Посылаю тебе Шекспира. Его я вырезал к твоему дню рождения, но собрался послать только сейчас. Не знаю, достоин ли он, чтобы висеть на стене, т.к. вырезал первый раз. Желаю тебе всего наилучшего.

В. Майер.

Портрет и сейчас украшает нашу гостиную и напоминает о нашем большом увлечении.

Выше полки с книгами из серии «Жизнь замечательных людей». Шлиман... – любимая многими из семьи – уже своим внешним видом говорит о том, что не одно поколение Майеров и не по одному разу держало ее в руках.

Долго хранили книжные полки подборки по годам журналов «Огонек», «Наука и религия», «Наука и жизнь», «Партийная жизнь», роман-газету и многое другое. «Пионерскую правду» за несколько лет Василий Евгеньевич переплетал. И сейчас хранится одна книга-газета за 1967 год. Периодическую печать все выписывали тогда в большом количестве.

Василий Евгеньевич собрал неплохую библиотеку по изобразительному искусству различных народов и эпох. Здесь и монографии, и сборники статей, многие с автографами. Он хорошо понимал не только живопись, графику, скульптуру, он старался постичь особенности и разобраться в эстетике парковых ансамблей разных стилей: классицизма, барокко и т.д.

Помню, как я удивлялась в молодости, когда Василий Евгеньевич читал Бальзака, Гюго, имея рядом раскрытую очень старую книгу с картами Парижа, отдельных его районов, королевских резиденций.

На мой вопрос, зачем он при чтении заглядывает в карты, ответил шутя: «Чтобы не заблудиться в Париже». Это было тогда, когда и по Удмуртии ездил только с разрешения. Чтение с картой позволяло ему выработать четкие пространственные представления, соединить исторические события с конкретным местом.

На пяти нижних полках, больших по высоте, альбомы репродукций по русскому и зарубежному искусству, начиная от «Эгейского искусства», «Искусства Крита», до художников-передвижников, до Б. Пророкова, Х. Бидструпа, А. Шилова. И как радовался Василий Евгеньевич, когда Таня подарила ему в день рождения Франца Хальса.

Рядом наборы открыток с репродукциями художников.

Вот Василий Евгеньевич, уместившись у краешка стола, вставляет открытку-репродукцию картины Рембрандта в прорези листа плотной бумаги, чтобы легче было вводить в эпидиаскоп для проецирования на экран.

Он готовится к спецкурсу по «Истории западноевропейской культуры в XIV-XVII вв.», программу которого разработал сам.

Она отличается от курса истории искусств, так как «...на первый план выдвигается все то, что связано с историей и имеет значение для формирования специалиста по истории».

Донателло и Боттичелли, Рафаэль и Тициан, Дюрер и Рубенс, Ван Дейк и Манэ и многие, многие другие стали знакомы студентам не как отдельно взятые живописцы, а «в общем движении исторического развития общества на протяжении XIV-XVII вв».

*Рыцарей тяжелые доспехи –
Дам пленительных утех,
Крестьянские восстания,
Системы мироздания...
Да, наука нелегка –
Эти средние века.
Полюбили всех художников
С сотворенья света.
Вам, Василий Евгеньевич,
Благодарны за это.*

Историки. V курс, 1973 г.

*Мир прекрасного искусства
Вы открыли перед нами.
По музеям всей Европы
Путешествовали с Вами.
Реформацию «зубрили».
Знаний массу получили.
Экзаменов много держали.
На все вопросы отвечали.
Приедем, может, в гости к Вам.
За все, за все спасибо Вам!*

писали в поздравлении студенты-историки в 1980 году, расставаясь со спецкурсом.

Особо на полке – печатные труды сына, Валерия Майера, подаренные нам. На одной из них: «Папе на память. Первая моя статья в журнале Академии наук. – 26.08.72. Валерий Майер». («Простая демонстрация стоячей ультразвуковой волны в жидкости». – Успехи физических наук. – Т. 107. – Вып. 2, июль 1972 г.). Сейчас эта полка заставлена до отказа. 256 научных публикаций Валерия стали на ней плотным строем. И среди них – автореферат на соискание ученой степени доктора педагогических наук «Элементы учебной физики как основа организации процесса научного познания в современной системе физического обра-

зования» с автографом «Дорогой маме на добрую память и с наилучшими пожеланиями. 02.05.2002. В. Майер».

Две-три полки – конспекты лекций Василия Евгеньевича для студентов, для населения, планы семинаров, программы научных конференций за несколько лет.

Около них – внушительная стопа почетных грамот, отмечающих труд Василия Евгеньевича и мой, самодельные альбомы с фотографиями, вклеенными по годам.

Рядом – рукописи Василия Евгеньевича, разобранные мною уже после его ухода, и неопубликованные при жизни рецензии на работы коллег по сектору истории средних веков АН СССР.

Статью о Герготе просмотрел, отредактировал и опубликовал его аспирант, ныне кандидат исторических наук В.В. Иванов, посмертно.

На одной из нижних полок дело всей жизни Василия Евгеньевича – кандидатская диссертация «Уставы (Weistümer) как источник по изучению положения крестьян Германии в конце XV-начале XVI веков» и докторская «Развитие производительных сил в сельском хозяйстве и аграрные отношения в Германии в XIV-XVI вв.»

Чтобы можно было работать в Ижевске по проблемам средневековой Германии, приходилось в Москве в Ленинской библиотеке делать десятки, сотни, тысячи выписок из документов. На полках и сейчас плотно друг к другу (я их не трогаю) стоят ряды тонких ученических тетрадей, где бисерным почерком, не пропуская клеточки, сделаны многочисленные записи. Это заготовки к кандидатской диссертации на русском и немецком языках.

В другой комнате и на других полках они находились в 50-х годах. И все время были в работе.

Я и сейчас некоторые из них мысленно вижу на большом обеденном столе раскрытые, с закладками.

Василий Евгеньевич пишет статью. Он заглядывает то в одну тетрадь, то в другую, ворошит пятерней тогда еще густую шевелюру, подходит к полке, берет еще тетрадь.

Начинает писать на листах для печатной машинки. Вот один лист отброшен в сторону, вслед за ним – второй: начало не дается. Обойдемся и без него пока. И вот вижу: пошло. Строка ложится за строкой, исписанные листы аккуратно откладываются в сторону.

Иногда он встает, но не меряет шагами комнату – она мала, – а выполняет какое-либо домашнее дело, не требующее много времени и ума. И опять за стол. После работы тетради обязательно возвращаются на свои места.

Черновики тщательно проверяет. Нередко приглашает меня послушать и сказать, все ли ясно изложено, доступно, убедительно. Его интересовало, как воспринимает текст не очень подготовленный человек.

Потом он тщательно, четким понятным почерком переписывает черновик, внося изменения и исправления на ходу, и просит меня прочитать уже беловик. Он не позволял себе дать мне или машинистке небрежно или неразборчиво написанный текст.

Теперь эти постаревшие и пожелтевшие тетради-ветераны пылятся на верхних полках, и никто не нарушает заслуженный ими отдых.

А вот ниже – тетради другого поколения – 60-х годов. Это толстые «общие» тетради, в красных, зеленых, желтых, черных обложках. На каждой сверху справа приклеен квадратик белой бумаги с порядковым номером тетради: ...№50... №68...

Открываю уже сейчас – раньше мне это и в голову не приходило, да и некогда было – первую попавшуюся тетрадь в красных корочках №67 – 200 стр. Тот же мелкий бегущий почерк, записи в каждую клеточку на русском и немецком языках. Библиотечные шифры. Конспекты прочитанных книг, тщательно обработанные с различными пометками на полях: вертикальные линии, одна, две, три; горизонтальные, волнистые, пунктир; цифры в скобках, кружочках. Одинаковые знаки различаются и цветом, много замечаний на полях.

Эти тетради отличаются от тонких более глубокой обработкой материала, судя даже по внешней стороне записей. Это более высокий этап, стартовая площадка для докторской. Эти тетради тоже служили долго и верно.

На последних страницах – ксерокопии каких книг надо заказать, названия книг, необходимых для аспирантов Василия Евгеньевича («обязательно заказать»), отдельные замечания, листочки требований.

В углу одной из полок выстроились небольшие картонные коробочки с микрофильмами ценных книг, сделанные по заказу в Ленинской библиотеке Москвы.

Вот он неспешно берет коробочку, достает пленку и, подойдя к окну, просматривает ее начало на свет: «Да, этот». Вставляет его в микрофот, стоящий рядом на столике, закрывает шторы, включает аппарат и, наклонившись немного вперед, углубляется в чтение, делая время от времени записи в лежащей перед ним тетради. Микрофот очень облегчал работу, давая возможность дома пользоваться книгами, не высылаемыми «Ленинкой». Правда, работал Василий Евгеньевич с ним всего 2-3 года.

Часть неиспользованных микрофильмов пригодилась членам кафедры, работающим по проблемам германистики.

Время от времени маленький столик занимали печатные машинки с русским и латинским шрифтами. Теперь уже Василий Евгеньевич печатал сам.

Почти одновременно с приобретением машинок себе Василий Евгеньевич подарил Валерию купленную в Москве «Оптиму». Теперь старушки без дела: компьютеры заполонили все. На моем веку техника

шагнула от диапроектора и эпидиаскопа к телевизору, видеомагнитофону, компьютеру, интернету.

Я прошла слегка по полкам библиотеки Василия Евгеньевича. Многое осталось за кадром. Но не могу не упомянуть об основном рабочем месте – его письменном столе, где большей частью проходило общение Василия Евгеньевича с книгами и тетрадями.

Ему не нравилось, когда что-либо лежало на подоконниках, шкафах, холодильнике. В гостиницах, где мы останавливались, он строго следил, чтобы ничего не было разбросано. Горничная даже сказала ему, что в нашем номере ей, кроме влажной уборки пола, делать нечего. И дома Василий Евгеньевич следил за своими вещами.

Но на письменном столе – с моей точки зрения, отнюдь не педанта – временами царил страшнейший беспорядок: стопы бумаги, рукописей, писем, книг, газет грозили упасть на пол. Мои попытки два-три раза за всю жизнь прибраться, хотя бы выровнять стопки бумаг, всегда кончались недовольством Василия Евгеньевича: «Боренька, прошу тебя не трогай ничего у меня на столе. После тебя я трачу много времени на поиски нужного».

Но кончался цейтнот – а он редко кончался, – и на столе, кроме того, с чем он сейчас работает ничего не было.

Часть библиотеки Василия Евгеньевича, а именно, исторические книги и его работы, мы с Таней решили отдать в университет в кабинет всеобщей истории. Я сказала об этом Н.И. Санникову, заведующему кафедрой.

Сразу руки не поднимались все разобрать, потом ждали, когда будет для этого свободное время. Короче, благодаря моей безалаберности и привычке откладывать дело в долгий ящик, время ушло, возвращаться к этому вопросу было неудобно. Я звонила членам кафедры, приглашая их прийти к нам и выбрать для себя, если им надо, книги Василия Евгеньевича. Некоторые коллеги его откликнулись и получили все, что им нужно было для работы. В.В. Иванову я вынесла книги с одной полки, предложив выбрать желаемое. Он просмотрел книги, обнял их обеими руками и, виновато глядя на меня, сказал смущенно, что забрал бы их все с радостью. Я не стала лишать его этой радости.

В 2008 году исторический факультет готовился отметить 90-летие со дня рождения Василия Евгеньевича. И я решилась, наконец, расстаться с его архивом. Он нашел себе новые места обитания.

Книги, рукописи об Удмуртии, альбом со статьями Василия Евгеньевича, в периодической печати, фотографии из домашнего альбома, отобранные Т.И. Останиной, доктором исторических наук, пришлись по душе Республиканскому музею имени К. Герда. Там была оформлена выставка о жизни Василия Евгеньевича. С ее посещения учеными и студентами открылась научно-практическая конференция «Историк и его дело: судьбы ученых и научных школ».

Вторую часть архива Н.Г. Шишкина, заведующая кафедрой истории древнего мира и средних веков, разместила в кабинете всеобщей истории УдГУ, в новых очень удобных шкафах.

Это книги и сборники статей ученых с их автографами, подаренные авторами Василию Евгеньевичу. Историки украсили их кокетливым штампом: «Из книг профессора В.Е. Майера».

Это общие тетради с конспектами лекций Василия Евгеньевича и книг, изученных им.

Это часть рукописей, неопубликованных статей и т.д.

Третья часть архива обрела последнее пристанище в Республиканском архиве, а точнее в «Центре документации новейшей истории Удмуртской Республики».

Здесь и научные работы Василия Евгеньевича, и его рецензии, его книги, и газеты со статьями, планы занятий по истории средних веков, и переводы средневековых уставов, и тезисы докладов и многие другие документы.

Опись передачи документов заверили: директор ГУ ЦДНИ УР Е.М. Ушакова и зам. директора О.М. Безносова. Очень бережно они отнеслись к документам Василия Евгеньевича. Спасибо.

Мне же заходить в кабинет Василия Евгеньевича дома не хочется: удручают пустые полки.

30. ВСТРЕЧИ С ДАЛЕКОЙ ЮНОСТЬЮ

В первом шкафу на верхней полке – архив Василия Евгеньевича: письма самых разных людей к нему и часть его писем.

Я забыла о них. Думала: сожгла после ухода Василия Евгеньевича. Но нет. Уничтожила только конверты, о чем жалею: помогли бы установить некоторых корреспондентов. Письма же, не заглядывая в них, в развернутом виде в беспорядке сложила в папки и отправила на верхнюю полку, куда добраться трудно. Я и при Василии Евгеньевиче не читала их, довольствовалась выдержками, которые он иногда озвучивал, или кратким сообщением, о чем пишет тот или иной автор, или кто пишет.

Теперь же несколько вечеров перечитывала. И чтение ошеломило меня множеством проблем, которые вставали перед ним, количеством людей, с которыми он общался.

В архиве более 1032 писем, помимо тех, что адресованы мне, детям, внукам, родным – каждому в отдельности – и от всех нас – Василию Евгеньевичу.

Для удобства разложила по стопкам: от незнакомых ему людей с разными просьбами, одноклассников запорожской средней школы, однокурсников МГУ, выпускников исторического факультета УГПИ – УдГУ, школьников из клубов интернациональной дружбы (КИДов), ученых-

медиевистов из ГДР и разных городов Союза – особо здесь переписка с М.М. Смирным, руководителем кандидатской и консультантом докторской Василия Евгеньевича. О ней разговор будет подробнее.

Письма от незнакомых Василия Евгеньевича людей всегда содержат какие-либо не совсем легко выполнимые просьбы.

Заслуженная учительница школы УАССР, орденосец, огорчена, что ее внучка, сдавшая экзамены без троек, не прошла по конкурсу на истфак. Не поможет ли Василий Евгеньевич зачислить ее хотя бы кандидатом – девочка серьезная – или посоветует, как действовать дальше: курсы по подготовке в вуз или еще что.

Участник Великой Отечественной войны, учитель сельской школы Удмуртии, отец большого и дружного семейства доверительно и подробно рассказывает о себе, своих дочерях, их учебе и интересах. Он просит Василия Евгеньевича выслать для одной из них список литературы и книги, по которым она сможет успешно подготовиться к экзаменам в МГУ на будущий год: нынче она уже опоздала.

А письмо на десяти страницах учительницы литературы О.А., с детства страстно полюбившей историю («и эта страсть сопутствовала всей моей жизни»), хотелось бы привести полностью. Но...

Умное, логичное, обнаруживающее глубокое знание истории XII-XV вв., написанное превосходным литературным языком, оно содержит в себе 14(!) вопросов о запутанных «семейных делах» Фридриха II. Причем, ставя вопрос, автор письма кратко сообщает, что она уже знает из всей доступной ей литературы и что хотела бы узнать у Василия Евгеньевича. Высказывает свою точку зрения, очень аргументировано, на роль Фридриха II в истории, отличную от официальной, и хочет знать мнение Василия Евгеньевича. Да-а-а! Ну и вопросыки... Василий Евгеньевич, как правило, отвечал на все письма. Интересно, выдержала ли его эрудиция этот экзамен? История умалчивает... Не буду затруднять читающих дальнейшими примерами, их немало.

Другая стопочка писем, написанных четким, убористым почерком, заинтересовала с первого прочитанного.

Чимкент

Уважаемый Вильгельм Евгеньевич! ...выражаю свою благодарность за дорогой мне подарок – Ваш труд. «Деревня и город», который нашел широкое распространение, наверное, не только среди специалистов, но и учителей, интересующихся вопросами истории, как я... Выражаю глубокую благодарность за столь большое внимание ко мне.

Дальше о себе, сыновьях, внуках, занятиях... Кому же, если не ученому-медиевисту, посылал Василий Евгеньевич сугубо научную книгу? Подпись неразборчива, а конверта нет. Вот еще таким же почерком о

жизни в Чимкенте, но ни слова о науке. И вдруг в одном – подпись В. Классен.

Бог ты мой! Да это же классный руководитель 10 класса – Запорожской школы № 11, которую закончил Василий Евгеньевич перед войной.

Чимкент, 27.01.77.

...Я из почтового ящика взял письмо с незнакомым мне почерком, отправленное из города, откуда я до сих пор не предполагал получать письма. Представьте мою радость, когда я ознакомился с его содержанием, с теми теплыми от души высказанными словами, воскресившими хорошие воспоминания о счастливом прошлом, о молодости, о всем том хорошем, что было 40 с лишним лет тому назад. Жена мне помогла разыскать фотографию с Вашим выпуском. Она сохранилась и вот лежит передо мной. И я вспоминаю, где же среди всех красивых, сильных, жизнерадостных юношей и девушек Майер В. Вспомнил, что большая группа Вашего выпуска поступила в Саратовский институт. Среди них, если мне память не изменила, Лерке, Фот (а между ними Вы на снимке), а по краям Петерс и Тиссен (я не ошибся?). В верхнем ряду... (В. Классен вспоминает всех на фотографии, которая теперь лежит и передо мной. – Б.С.).

Здесь у меня были выпуски более 100 человек, но никто с такими теплыми словами не вспомнил...

Далее большой текст на немецком языке...

Продолжаю разбирать письма. Вот еще странное – одно, другое, третье, еще и еще. Размашистый женский почерк, обращение на ты...

В/Язьва, 25.12.76.

Здравствуй, дорогой Вилли! Какая радость — твое письмо! Огромное тебе спасибо. Не думала, что ответишь... Для меня всегда в памяти ты будешь только Willi Maier... Хотела так много рассказать и написать тебе о многом – не получается...

(письмо на 6 страниц. – Б.С.).

Мария.

Совсем незнакомое имя. Я, никогда в жизни ни к кому не ревновавшая Василия Евгеньевича (не было повода, верила в его порядочность), почувствовала какой-то острый неприятный укол. Не хватало еще! А письма от Марии, пространные, откровенные, ложились на стол одно за другим. И наконец подпись: Мария Шмидт! Да это же Мария Григорьевна Шмидт! Микки – как называл ее всегда Василий Евгеньевич – одноклассница его в Запорожской школе. Он не раз читал мне ее письма или отрывки из них. В начале войны немцев Украины вывезли в разные места Советского Союза: в Казахстан, на Урал, в Пермскую область, се-

мью Василия Евгеньевича в Сибирь, он же должен был жить в Удмуртии.

29.02.76.

Добрый день, дорогой Вилли! Большое тебе спасибо за письмо и, конечно, за письмо от Классен. Ты прав, именно он из всех учителей чаще вспоминается. Но, наверно, не только потому, что он был нашим классным руководителем, а потому, что он был каким-то душевным, близким и добрым к нам. Может быть, потому, что сам много пережил в детстве... Конечно, я ему написала... Какое было чудесное время!...

Выпускники 11-ой школы Запорожья, разбросанные войной по стране, искали друг друга. Марию – Микки в 1943 году мобилизовали в трудармию на Урал. После войны она осталась жить в селе В/Язьва Пермской области. 20 лет проработала заведующей сельской больницей, награждена медалью «За трудовую доблесть» и званием «Заслуженного медицинского работника». Ездил она к школьной подруге Маргарет Дик в Казахстан.

«...Вилли, ты представить себе не можешь, какие радостные встречи со своими одноклассниками, кажется, самые родные, близкие люди! Так хочется видеть тебя, поговорить...»

Василий Евгеньевич предлагает встретиться.
Мария:

«Ну и как ты планируешь эту встречу? Где и когда? Как ты думаешь, если бы поехали к нашему учителю Классен В.П.? Мне кажется, это можно сделать. Очень уж хочется его видеть. Очень уважаю я его...»

Инфаркт Василия Евгеньевича сорвал намечавшуюся поездку.

Двадцать одно письмо о школьных годах, о детях, внуках, подругах, которых она разыскала, о разбитой фашистами Запорожской школе, о радостях и невзгодах – о жизни, трудной и прекрасной, написала Мария. Предлагала помощь, узнав, что Василий Евгеньевич болен:

«Может, лекарства какие нужны? Может, чем-то могу быть полезна тебе? Обязательно напиши... А еще я приглашаю Вас всей семьей к нам в гости.

Урал я полюбила. Огромные леса, природа прекрасная, рыбалка, грибы, ягоды... А воздух!..»

С легкой руки Марии Григорьевны Василий Евгеньевич получал письма и фотографии от других одноклассниц, вступивших в шестое десятилетие пенсионеров, навсегда оставшихся в памяти друг друга Олей, Микки, Гнессой, Эльхой, Маргарет и «дорогим Вилли».

Переписка с одноклассницами и их классным руководителем - еще один штрих к портрету Василия Евгеньевича.

Письма однокурсников УГПИ – УдГУ, КИДовцев, ученых ГДР, медиэвистов Союза в сторону: часть из них приводила ранее. Особо выделила переписку с М.М. Смирным.

31. ВЕТЕРАН СТРОЙИЗДАТА

Особняком в книжном шкафу Василия Евгеньевича стоят три книги: «Памятники архитектуры Ленинграда», 1976 г.; «История градостроительного искусства», 2 тома; «Эрмитаж. История строительства и архитектура зданий», 1991 г.

Эти книги подарил ему Володя, мой младший брат. Каждая из них удостоена самой престижной награды у полиграфистов – Диплома имени Ивана Федорова.

Мы с Василием Евгеньевичем, бывая в Москве в семье Калерии Андреевны и Володи, часто наблюдали процесс его труда по созданию книги. Расположив материал на столе в проходной комнате двухкомнатной квартиры, он тщательно и скрупулезно работал над каждой страницей будущей книги, уточняя расположение текста, фотографий, рисунков, схем, подписей к ним, примечаний так, чтобы читателю легче и удобнее было воспринимать материал. Это была кропотливая, но творческая работа.

Пролетели годы. Володе – Владимиру Петровичу – 70.

19 июня 2001 года. №24-К

Приказ

О 70-летию со дня рождения Сысоева В.П.

19 июня 2001 года исполняется 70 лет со дня рождения ветерана Стройиздата Сысоева Владимира Петровича.

Поступив в 1948 году в художественно-ремесленное училище и получив специальность живописца по фарфору, Владимир Петрович всю свою дальнейшую жизнь посвятил служению искусству. Без отрыва от производства Владимир Петрович окончил с отличием Издательско-полиграфический техникум имени Ивана Федорова, а затем Московский полиграфический институт.

За 30 лет работы в Стройиздате Владимир Петрович прошел путь от художественного редактора до главного художника издательства. Талант и художественный профессионализм Владимира

Петровича отмечены высшими наградами на конкурсах «Искусство книги», им оформлено более 200 уникальных книг Стройиздата, он единственный в стране художник книги, обладающий тремя высшими дипломами имени Ивана Федорова, имеет Почетные дипломы международных книжных выставок ИБА-77 и ИБА-82 в г. Лейпциге.

За производственные заслуги награжден значком «Отличник печати», Большой золотой, серебряной и бронзовой медалями ВДНХ СССР, медалью «Ветеран стройиздата». В 1996 году Владимиру Петровичу присвоено Почетное звание «Заслуженный работник культуры Российской Федерации».

Мы знаем Владимира Петровича как человека огромной скромности и такта, который пользовался уважением в коллективе издательства.

Отмечая значительное событие в жизни Владимира Петровича, приказываю:

За 30-летнюю плодотворную работу в издательстве, за личный вклад в разработку художественного облика уникальных изданий стройиздата и в связи с 70-летием со дня рождения Сысоеву Владимиру Петровичу объявить благодарность и выдать денежную премию в размере одной тысячи рублей (из фонда материального поощрения).

*Директор Л.Я. Санкина
Печать*

Неужели это все о нем, о моем брате – 10-летнем мальчишке, которого с трудом в октябре 1941 года увезли в эвакуацию из прифронтовой Вязьмы?

Пишу и думаю, как же зародилась у него любовь к книге, оформлению ее.

Память услужливо извлекла из каких-то своих тайников и высветила эпизод, хранившийся там примерно с 32-го года, когда мне было около 7 лет. (Время поисков и просчетов в педагогической науке).

Вдоль длинного коридора городской Вяземской Центральной библиотеки лежат на полу стопки книг. Мама перевязывает их шпагатом.

- Переезжаете? – спросила я.

- Нет, эти книги увезут. Они изъяты.

И увидев, что последнее слово мне непонятно, пояснила: «Уничтожат или просто сожгут».

Мой взгляд упал на стопку народных сказок в красивых глянцевых обложках. Не заметила, как слезы поползли по щекам.

- А почему глаза на мокром месте? – спросила вышедшая в коридор заведующая библиотекой В.И. Батенина, тетя Валя.

Услышав объяснение мамы, она взяла из стопки 6 сказок, протянула их мне: «Держи, они твои, – и строго добавила. – Никому не говори и не показывай».

Я была безмерно счастлива, получив в свое распоряжение чудесные, форматом и толщиной в ученическую тетрадь народные русские сказки – как сейчас знаю – издания Сытина. Красивые, гладкие, со вкусом сделанные обложки. Хороший шрифт на левой странице и удивительно простой и привлекательный, в цвете, рисунок во всю правую.

Милая Крошечка-Хаврошечка, с русой косой до пояса, в длинном крестьянском платье, обнимая любимую корову, что-то шепчет ей на ухо. Отличные иллюстрации, уважающие читателя, без каких бы то ни было уродств, как это часто делается в настоящее время бездарными художниками, запечатлелись в моей памяти до сих пор.

Хорошо запомнив слова тети Вали, я никому не показывала книжки, кроме Володи. Когда он плакал и невозможно было его успокоить, я доставала любимую сказку, показывала яркие картинки, что-то рассказывала, давала недолго подержать книжку в руках, бдительно следя, чтобы он не потащил ее в рот. Странно, но он утихал и, казалось, чему-то радовался... Помнит ли он их? Вряд ли. Но какие-то ощущения могли застыть ему в душу. И может, все и начинается с Сытина, с изданных им «вредных сказок»?.. И продолжается...

Мама наша Анастасия Семеновна, сирота, до революции окончила 4 класса церковно-приходской школы, а при советской власти – курсы библиотекарей. Работала в читальном зале городской библиотеки Вязьмы, пользовалась уважением читателей. Библиотека занимала всего три больших комнаты на втором этаже какого-то в прошлом купеческого здания: читальный зал, детская библиотека и третья комната – библиотека для взрослых. Шесть человек сотрудников работали и жили дружно.

Мы с Володей могли подходить к любой полке во всех трех комнатах, когда народу было мало, и брать любую книгу с одним условием: ставить ее на то же место. С раннего детства Володя рос среди хороших, прекрасно изданных книг.

Он не любил садик, и мама часто брала его с собой на работу. Как сейчас вижу: за барьером с подшивками газет, отделяющим читальный зал от книжных полок, под большим фикусом на низенькой скамеечке сидит тихонько, как мышонок, мальчик с книгой в руках. Он уже немного читает, но больше смотрит. В зале тихо. Только время от времени шелестят страницы. К маме обращаются шепотом.

Дни, недели, месяцы проводил Володя в общении с книгой. Что осталось в его сознании?

Маме разрешалось после работы приносить домой всю почту, которая приходила в этот день в читальный зал с тем, чтобы утром вернуть ее обратно. Мы жадно просматривали газеты, журналы, особенно нравился Володе издаваемый М. Горьким журнал, большого формата с прекрасными фотографиями «СССР на стройке».

Позднее, в эвакуации, когда мама с братом переехали из Вутно в Мултан, чтобы Володя мог учиться в средней школе, ей предложили работу библиотекаря в педучилище.

Это была отличная библиотека, куда мы с братом тоже имели свободный доступ и широко пользовались этим.

Очевидно, отцовский талант живописца и уважительная любовь мамы к книге счастливо соединились в призвании и деятельности Володи, с малых лет полюбившего книгу. Но главное, 14-летний подросток в военное лихолетье, оставшись без родителей, сумел выстоять и, вопреки всем невзгодам и соблазнам жизни, самостоятельно определить свой путь и идти по нему упорно и настойчиво, преодолевая все трудности. Страна бесплатно учила свою молодежь. И это было здорово!

Вот что написал Володя спустя 60 лет, о времени после возвращения из эвакуация:

«...1944 г. Мы в Вязьме, вернее, в том месте, где ранее жил и работал утопающий в зелени город.

Помню совсем разбитый вокзал. Нас погрузили на лошадей и повезли в деревню Бозня у окраины города. Только там остались не разрушенные дома. В каждый поселили по несколько семей. Выдали хлебные карточки. И я бегал на станцию за хлебом. Мама серьезно болела и почти не вставала.

Вязьма разбита и сожжена так, что на город, особенно на центр, страшно смотреть. На месте нашего дома – пожарище, груды мусора, битых кирпичей. От каменных домов коробки. Городской сад вырублен, не осталось ни одного дерева. От торговых рядов – развалины. Горсовет на Базарной площади, да и вся площадь – битый кирпич. Нижняя и верхняя часть ул. Ленина – сплошные завалы. Весь город превращен в руины. Фашисты очень постарались.

...Когда мама умерла, мне на работе дали гроб и лошадь, чтобы отвезти ее на кладбище...

...Жил я тогда в рабочем общежитии. Работал в свои 14 и столбярком, и жестянщиком и помощником кузнеца, и на пилораме.

В начале мая 1945 г. я с группой строителей Вяземского стройдвора прибыл в Москву, где формировался военизированный отряд рабочих для демонтажа немецких заводов в Померании

...Примерно 7-8 мая нам выдали обмундирование... Вечером слышим по радио: «Сегодня радиостанции Советского Союза будут работать всю ночь»

В два или три часа ночи: «...Безоговорочная капитуляция...Война окончена...Победа!»

Все выскочили на улицу. Народу полно. Москва радостно встречает это сообщение. Слышны возгласы: «Ура! Победа!» Народ идет

пешком в одну сторону к Красной площади. Так я встретил окончание войны.

9 мая 1945 г. нас посадили в вагоны и с Белорусского вокзала отправили на запад под залпы Салюта. Такого зрелища не забыть. Светло как днем. Вся Москва в праздничной иллюминации...

...После работы в Германии я вернулся в Вязьму на прежнее место, а затем уехал к сестре в Ижевск. Василий Евгеньевич помог мне определиться в ремесленное училище на специальность электрослесаря...

...В ФЗО вечерами делал наброски учащихся, перерисовывал с книг и журналов портреты, оформлял стенгазеты. Наш воспитатель настойчиво советовал мне поступить в художественное училище в системе трудовых резервов.

...В итоге меня зачислили с 1 сентября 48-го года по специальности «живописец по фарфору» в Дулевское художественное училище. Там прошли мои лучшие ученические годы.

...Окончил я училище 1 августа 1951 года и сразу был принят на работу в живописный цех Дулевского фарфорового завода... 1 декабря был призван в ряды Советской армии.

Демобилизовался в ноябре 55-го года. Приехал в Москву, жил у приятеля. Потом женился. Так я стал москвичом.

Москва 22.06.05.

В. Сысоев

Мы с Василием Евгеньевичем, потом наши дети, потом внуки встречают всегда теплый прием в гостеприимном и хлебосольном доме Сысоевых.

Упомяну о том, что Василий Евгеньевич был свидетелем при регистрации брака Володи и Калерии Андреевны.

К слову, несколько строк из письма Карелии Андреевны.

Москва, 12.05.03.

Василий Евгеньевич появился в нашей семье, когда я еще жила у будущего мужа, не будучи с ним расписанной. Василий Евгеньевич убедил Володю зарегистрировать брак. Это значит – он понял, что наши отношения не поверхностные и поверил мне, как человеку.

Ведь Василий Евгеньевич был для Володи как отец и всегда принимал участие в его судьбе. Жизнь показала, что он не ошибся. Мы всегда были рады его приезду к нам в Москву. Мы любили его, как самого родного человека.

Это был образованнейший, мудрый, добрый, улыбающийся приветливой улыбкой человек... Володя тепло и уважительно относился к Василию Евгеньевичу. Они часто беседовали на жизненные темы и научные проблемы не обходили стороной.

Калерия Андреевна.

Василий Евгеньевич и Володя, такие разные по характеру, имели много точек соприкосновения. Их связывали не только родственные отношения, но и духовные и профессиональные, и прежде всего - искусство и книга.

Василий Евгеньевич знал Володю семиклассником в Мултане, помог ему устроиться в ремесленное училище, когда он в 1945 году приехал в Ижевск, похоронив в Вязьме маму. Неоднократно писал Василий Евгеньевич командиру в часть, интересуясь службой молодого солдата. Володя во время учения в Дулево приезжал к нам, привозил на сохранение свои работы по фарфору. Мы мало чем могли тогда ему помочь.

Позднее они часто виделись, когда Василий Евгеньевич приезжал в Москву, был на курсах ФПК, работал в докторантуре. Теплота отношений, взаимная заинтересованность друг в друге отличали их. Они могли подолгу беседовать и дружно работать вместе. Несколько отрывков из писем, отправленных мне из Москвы Василием Евгеньевичем с ФПК.

02.03.83.

...В субботу был у Сысоевых. Все здоровы, и настроение тоже у всех хорошее. Володя и Калерия Андреевна перед нашим с Толей приездом вернулись с дачи, которая у них в Тучкове.

Строительство там у них развернулось фундаментальное. Володя рад, что он успел все сделать до подорожания леса. Дом уже стоит. Идет внутренняя отделка. Осенью они его сфотографировали. Производит впечатление потрясающее. Размеры 6х5, фундамент основательный в виде свай. Под крышей мансарда для Анюты. Такой дом и свыше 100 лет простоит...

У Сысоевых мылся. Я хотел уехать к себе, но меня не пустили. Утром и вечером нас кормили по-сысоевски.

09.03.83.

...Вчера было 8-е марта и мы с Володей ездили в Тучково. Сияло солнце, хотя был несильный и холодный ветер. Пели птицы, дорога хорошая, лучше, чем летом, когда мы там отдыхали. Дом под крышей. Но не вставлено окно, поэтому было темно. Володя включил свет и держал дверь открытой. Дуло. Неуютно. И мы решили вставить окно. Оконная рама со стеклом стояла тут же. Сложность заключалась в том, что надо было расширить коробку, в которую вставляется оконная рама. Закрыли дверь, сорвали фанеру, прибитую на оконном проеме, и начали трудиться над расширением оконной коробки.

Это заняло у нас немного времени. Затем вставили раму, и сразу стало светло, тепло и на жилье похоже. Но обнаружили, что знакомая женщина продала Володе явно бракованную раму. Одна половинка окна и форточка не открывались и не закрывались. Вот тут мы и

помучились, но вдвоем все же сделали. Однако на эти мучения ушел день.

Затем сварили наскоро суп, разогрели курицу и вскипятили чай. Все на замечательной двухконфорной плитке «Мечта-3» (Такую же купил Василий Евгеньевич для нашего сада-огорода. – Б.С.). Было особенно приятно хлебать горячий суп и после вкусной курицы выпить ароматный горячий чай. Мы, разумеется, оба сильно намаялись, но я отдохнул от всего. И сегодня чувствую себя хорошо...

09.04.83.

...Девятого апреля ездил к Володе и Калерии Андреевне. Накануне исполнилась 21-я годовщина со дня их свадьбы. Вспоминали, как все происходило. Я тогда у них был свидетелем. Лежал высоченный снег. Повсюду сугробы. Теперь же тепло. Трава зеленая, сирень распускается. Удивительно все переменялось...

Февральской ночью (10 февраля 1985 года) в трескучий мороз прилетел Володя из Москвы, чтобы сказать последнее «прощай» Василию Евгеньевичу и проводить его в последний путь.

32. ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ. ПАМЯТЬ

В этот день, открывая дверь Василию Евгеньевичу, возвратившемуся с заседания кафедры, и видя его покрасневшее, замерзшее лицо, спросила: «Очень замерз?» – «Да нет, но этот ветер меня доконает». – «Не говори так», – попросила я, привыкшая верить ему во всем.

Февраль стоял жутко холодный с пронизывающим ледяным ветром.

За обедом Василий Евгеньевич рассказал, что кафедра прошла хорошо, он очень доволен, но как всегда, в подробности не вдавался.

Отдохнул с полчаса, немного поговорил с котом и удалился в кабинет. Я знала, что он должен завершить статью для III тома «История крестьянства в Европе».

Около 7 часов вечера заглянула в кабинет. Пишет. Оторвался. Перекинулись двумя-тремя словами. «Успеешь кончить?» – спросила. – «Успею, если не помешают».

Я не спросила кто. Потом уже люди сказали, что Василия Евгеньевича вызывали в обком и, видимо, сделали внушение за то, что на возмущенные вопросы студентов, правильно ли переименовали Ижевск в Устинов, он ответил отрицательно. При всем уважении к Устинову он хотел, чтобы у Ижевска осталось его историческое имя.

Около 10 часов Василий Евгеньевич вышел в гостиную посмотреть по телевизору «Время». Недосмотрел: «Что-то голова кружится...»

«Инсульт», – произнес грозное слово приехавший врач «Скорой»... Таня и Валера, Виля и Нина всю ночь сменяют друг друга у постели Василия Евгеньевича, предупреждая каждое его желание. Из Глазова приехали Лариса и Валерий с детьми. Все хотят помочь Василию Евгеньевичу и поддержать меня.

А дальше – все события, люди, лица как в полусне. Очертания нечетки, размыты. Отдельные отрывочные воспоминания, как осколки разбитого зеркала, которые не соберешь, не позволяют восстановить полную картину. Да я и не пытаюсь это делать.

И только лежащая передо мной фотография четко останавливает мгновение: спортивный зал университета, где 40 лет назад мы с Василием Евгеньевичем кружились в первом вальсе, а теперь сгрудились большой семьей у его гроба в неизбывном горе. Е.А. Никифорова и В.И. Петровский, застывшие в почетном карауле, большой портрет Василия Евгеньевича с траурной лентой, преподаватели и студенты исторического факультета, инфака, кафедры педагогики и психологии и много-много людей, пришедших в безжалостный февральский мороз проститься с ним.

Гражданская панихида... Длинный скорбный путь к кладбищу... Последнее «прощай» у промерзшей могилы...

Поминальный обед в университетской столовой, берущие за душу слова коллег, студентов. Низкий поклон и самая искренняя благодарность студентам и преподавателям исторического факультета, которые в жестокий мороз взяли на себя все заботы и достойно проводили в последний путь своего Учителя.

Прощальный ужин дома... Прибывшие на похороны родные разошлись, разъехались, разлетелись.

В доме остался только Валера Шадрин. Сейчас он пойдет спать. Наступающая одинокая бессонная ночь пугала. Думала, горе раздавит...

Тихо вошел Валера. Сел в кресло. Помолчал... Заговорил негромко. Нет, это не были слова утешения, соболезнования. Что в них?

Неторопливо, негромко, спокойно он начал рассказывать – и я это хорошо помню – о своем деревенском детстве, об играх и шалостях с братом – медленно, тихо – о поле, о светлой речке с песчаными берегами, о рыбалке, об учении в сельской школе... Сходил к себе в комнату, принес два больших альбома о службе на подводной лодке, отлично оформленные...

Страница за страницей раскрывалась передо мной жизнь человека, который так незаметно, с врожденным тактом уводил меня от страшного дня. Лица товарищей, рассказы о них, грамоты, благодарности, флотские будни – служба, учеба, самодеятельность... Не торопливо, спокойно. Последняя страница была перевернута, когда зазвучали утренние сигналы радио.

Страшная ночь была отодвинута в небытие простым человеческим участием. Спасибо, Валера.

Новый день не дал замкнуться в своем горе. Почта принесла письмо от редколлегии III тома «Истории крестьянства в Европе».

11 февраля 1985 г.

Глубокоуважаемая Борислава Петровна.

Редколлегия III тома «Истории Европы» глубоко скорбит о кончине Василия Евгеньевича Майера – видного медиевиста, выдающегося ученого и педагога, прекрасного человека, и выражает Вам свое искреннее соболезнование.

Все мы много лет знали Василия Евгеньевича, сотрудничали с ним, бывали у него в Ижевске и хорошо понимаем, какая это большая потеря для науки.

Нам известно, что перед кончиной Василий Евгеньевич работал над разделом по социально-экономической истории Германии для нашего тома (XVI – первая половина XVII в.), эта работа была близка к завершению, и нам очень хотелось бы, чтобы его труд был опубликован в III томе «Истории Европы». Поэтому мы очень просим Вас выслать в наш адрес рукопись упомянутого раздела.

С глубоким уважением и искренним сочувствием к Вашему большому горю по поручению редколлегии III тома «Истории Европы».

Ю.Р. Ульянов

Надо было жить и действовать: отвечать на письма коллег Василия Евгеньевича из других городов, отсылать отзывы, написанные им на работы соискателей, высылать написанные им книги и т.д.

Спустя годы просматриваю хранящиеся у меня материалы, связанные с памятью о Василии Евгеньевиче: телеграммы, письма, статьи. Их много.

Выписываю строки из «Некролога», помещенного в «Удмуртской правде» 12.02.85 г. «группой товарищей».

...После окончания МГУ в 1945 году и до последних дней жизни В.Е. Майер работал в Удмуртском государственном университете. Здесь он проявил себя талантливым исследователем проблем истории. Его многочисленные работы, получившие высокую оценку, широко известны как в нашей стране, так и за рубежом.

В.Е. Майер был умелым организатором научной работы. В педагогической деятельности его отличала истинная партийность, страстная убежденность, глубокая научная и теоретическая эрудиция...

Перечитываю телеграммы, пришедшие в те далекие дни из разных городов страны, начиная от Ленинграда и кончая Петропавловском на Камчатке. Кафедра истории средних веков МГУ, сектор средних веков института Всеобщей истории АН СССР, кафедра истории древнего мира

и средних веков МГПИ им. Ленина, Казанский госуниверситет, Министерство просвещения Удмуртии, Институт усовершенствования учителей, крупнейшие ученые-медиевисты страны, коллеги, ученики Василия Евгеньевича, выражая соболезнование, говорят теплые слова об ушедшем, «человеке редкой доброты и душевного тепла» (Володарский, Брагина).

Многих из них я знала: одних – по их переписке с Василием Евгеньевичем, других – по их книгам, третьих – по рассказам Василия Евгеньевича, четвертых – по письмам Василия Евгеньевича ко мне. Участников симпозиума в Ижевске принимали у себя дома. С некоторыми учеными Василий Евгеньевич познакомил меня в Москве.

Приводя здесь несколько телеграмм, преследую одну цель: сохранить для детей, внуков и правнуков память о Василии Евгеньевиче.

Ленинград

кафедра истории средних веков глубоко скорбит преждевременной кончине одного из ведущих наших медиевистов исследователя средневековой истории Германии чудесного и отзывчивого коллеги и товарища Василия Евгеньевича Майера и выражает соболезнование коллегам и родственникам покойного – Курбатов, Немилов, Якубский, Лебедева, Сергеева, Копысов.

Москва

сотрудники сектора истории средних веков института всеобщей истории АН СССР глубоко скорбят о кончине видного историка медиевиста крупнейшего специалиста истории германии замечательного педагога и прекрасного человека профессора доктора исторических наук Василия Евгеньевича Майера постоянное участие в наших научных и учебных изданиях Василия Евгеньевича внесло большой вклад в развитие советской исторической науки светлая память о Василии Евгеньевиче Майере навсегда сохранится в наших сердцах выражаем наши глубокие соболезнования коллегам друзьям и близким покойного – сектор истории средних веков

Ленинград

поражен известием смерти дорогого Василия Евгеньевича Майера талантливого честного прекрасного человека прошу передать соболезнования родным и близким – профессор Немилов

Свердловск

свердловские медиевисты потрясены известием смерти Василия Евгеньевича Майера помним его крупным ученым человеком большой целеустремленности доброй души и щедрости соболезнуем вашему горю – профессор Поляновская

С болью и глубоким сожалением узнал о кончине уважаемого Василия Евгеньевича горько сознавать что с нами нет уже больше этого прекрасного и мудрого человека замечательного ученого подлинного друга и наставника многих поколений студенческой молодежи от лица всех его учеников и от себя лично прошу передать искренние соболезнования семье и близким и соратникам покойного – А.В. Хренов

В те дни я получила много писем от людей, с которыми сотрудничал Василий Евгеньевич.

Ю.Л. Бессмертный, профессор, – переписка его с Василием Евгеньевичем длилась годами – автор многих отзывов на работы Василия Евгеньевича, чьим мнением последний дорожил – стал автором биографического очерка «Памяти В.Е. Майера».

Москва, 30.03.85.

Многоуважаемая Борислава Петровна! С огромной горечью я узнал о безвременной кончине Вашего дорогого мужа. Хорошо представляю безмерность Вашего горя и невозполнимость утраты. Отчасти по этой причине я не решался писать Вам раньше, когда Ваша душевная рана была особенно болезненна. От Василия Евгеньевича Вы, возможно, знаете про мою нелюбовь к пустым словам. Поверьте, однако, что я самым искренним образом сочувствую Вам и сам испытываю сознание невозполнимой потери – потери научной и человеческой.

Мы ведь были знакомы с Василием Евгеньевичем лет 25-30. За эти годы я смог хорошо оценить и его подлинную доброту и душевность, его научную добросовестность и увлеченность.

Мне хотелось бы высказать эти и другие мысли и чувства не только в письме к Вам, но и публично. Я предварительно договорился с В.И. Уколовым о напечатании в «Средних веках» заметки памяти Василия Евгеньевича.

Если Вы не возражаете против этого, сообщите мне, пожалуйста, и пришлите, если можете, последний по времени список его трудов, а также какую-нибудь из его автобиографий...

Всегда готовый к услугам.

Ваш Бессмертный.

Обращаясь ко мне в другом письме, просил: «Положите, когда сможете, на могилу незабвенного Василия Евгеньевича от моего имени гвоздичку. Ваш Бессмертный. 10.3.85.»

Профессор М.М. Фрейденберг – Василий Евгеньевич по его приглашению читал лекции студентам-историкам в Калининском (Тверском) университете, гостил у него, приглашал профессора в Ижевск.

Калинин, 16.02.85.

Дорогая Борислава Петровна! Я узнал вчера о кончине Василия Евгеньевича. Искать нужных слов в этих случаях всегда трудно, но ведь в этом и нет необходимости... Позвольте Вам и Вашим детям передать самые глубокие и искренние соболезнования. К ним присоединяется и моя жена, которая знала и высоко ценила Василия Евгеньевича, милого, обаятельного человека. Вообще, по-моему, нет ни одного знакомого, ни одного историка, которого не поразила бы смерть Василия Евгеньевича, кто не вспоминал бы его самым добрым словом. Он ведь был таким сердечным и добрым, таким прекрасным человеком! В этом смысле он нам всем оставил навсегда замечательный образец! Все, кто знал его, сохраняют о нем самую светлую память.

Ваш М. Фрейденберг.

В другом письме: «...И вообще скажу Вам еще и еще раз: дай бог, каждому из нас, уходя, оставить по себе такую сердечную память, которую оставил Ваш муж. Многие в Москве говорили мне это. Ваш Фрейденберг. 03.10.85.»

03.03.85.

Милая Борислава Петровна! Примите от меня лично и от всей нашей дружной семьи самое глубокое соболезнование по поводу преждевременной кончины нашего дорогого, нашего мудрого учителя, наставника, замечательного Человека с распахнутой душой, человеческого Человека Василия Евгеньевича!

Ведь на всю Россию хочется крикнуть, что Нет! Не может быть! чтобы Василия Евгеньевича нет теперь в родном УдГУ. Так и слышу его родной голос, да разве можно такое забыть?!

Все шарканские мои коллеги, которым посчастливилось учиться жить и работать у Василия Евгеньевича, скорбят так же, как я. Я горжусь тем, что довелось встретить на своем жизненном пути такого доброго, сердечного Человека. Если мне очень рано было присвоено звание Заслуженного учителя школ УАССР, большая доля принадлежала Василию Евгеньевичу, потому что старалась хоть чуточку быть похожей на него как педагог, как воспитатель.

10 февраля я была в Ижевске и прошла мимо Вашего дома, глядя на Ваши окна и не посмела переступить порог Вашей квартиры, а почему-то так душа просилась к Вам. А вот не посмела... Вернуть бы мне этот день... Такая уж я робкая, а какая-то магическая сила тянула к Вам. Если представится возможность быть у Ниночки, я обязательно зайду к Вам, чтобы поговорить по душам.

С глубоким уважением.

Лида из Шаркана

Откликнулись на мое горе и мултанские подруги Наташа Павлецова, Люба и Маша Рогачевы. Приведу только отрывок из письма Маши Рогачевой (Марии Александровны Фанасовой) – ей когда-то Василий Евгеньевич помогал готовиться к экзамену в МГУ, а теперь она работает там:

05.03.85.

...Как хорошо, что Василий Евгеньевич воспитал прекрасную школу на своей кафедре, они, его воспитанники, утвердят память о Василии Евгеньевиче своими творческими делами. В январе прошлого года защитилась Ирина, моя дочь. В успехах Ирины тоже есть доля влияния и большой вклад Василия Евгеньевича...

...Друзья Василия Евгеньевича, его однокурсники обращаются к Вам с просьбой прислать фотокарточки и небольшую биографию Василия Евгеньевича. У нас создается музей истории университета, сейчас идет сбор материалов. В прошлом году была организована выставка к 50-летию исторического факультета. Василий Евгеньевич был на юбилее. Его просили дать материал об МГУ: фото в годы учебы и работы, на лекциях, семинарах, выступления на собраниях и т.д. Знаю, что Вам очень трудно заниматься выполнением этой просьбы, но это нужно сделать. Курс, на котором учился Василий Евгеньевич, очень интересный, много делает, чтобы память о товарищах сохранилась на факультете навсегда. Однокурсники несколько раз собирались, дата сбора 19-20 мая – день рождения Николая Майорова, поэта, товарища, погибшего в 1942 г...

Ряды их с каждым годом редют и собираться становится все труднее. Но энтузиасты делают все, чтобы такие встречи состоялись. Они очень нужны, поучительны для наших студентов.

С искренним уважением.

Маша.

И в заключение этой части – отрывок из статьи Ю.А. Пиявского «Памяти ветеранов Великой Отечественной войны» (28.2.85., «Удмуртский университет»).

...Недавно мы проводили в последний путь профессора В.Е. Майера. Это прежде всего был крупный ученый, обладающий удивительной эрудицией, глубочайшей философской подготовкой, большими познаниями в разделах всемирной истории. Поражали и восхищали такие его черты, как огромная внутренняя самодисциплина, исключительная обязательность. Многие, даже не будучи учениками Василия Евгеньевича учились у него высокому искусству быть человеком.

Рядовой В.Е. Майер участвовал в боях под Смоленском, а затем был политинструктором в лагерях для военнопленных. У него есть и

боевые, и трудовые награды. Свой долг гражданина и солдата он выполнил честно.

Глазов, 19.03.85.

Здравствуй, дорогая мама! ...Пишу, собственно, вот почему. Папы нет с нами, и временами делается так горько и обидно, что руки опускаются. Но мы должны жить. Чем дольше мы будем жить, тем дольше и он будет жить в нашей памяти, во всех наших делах. Надо пересилить этот страшный период и делать все, как при нем. Мне очень хочется, чтобы все твои дела и заботы о саде, о квартире, о детях, о внуках были бы такими же, как и раньше. Ты знаешь, я не умею и не люблю писать писем: на бумаге очень трудно выразить, что чувствуешь. Но сердцем я все время рядом с тобой и постоянно думаю, как ты там, что делаешь, как разговариваешь, что планируешь. У нас все нормально. 21-го (40-й день. – Б.С.) мы тоже посидим, послушаем запись папы, вспомним его таким, каким он был. Для всех нас, особенно для детей в младшие годы, он значил очень и очень многое, и мне не хотелось бы, чтобы они забывали об этом...

До свидания.

Твой В. Майер.

Письмо Валерия выражало не только сопереживания человека, потерявшего отца, не только намечало программу моей дальнейшей жизни, но и звало к действию. Не представляю, как бы я пережила это лето без Василия Евгеньевича, но приехал сын Валерия шестиклассник Рост. Чуткий по натуре, отзывчивый и изобретательный, он почти ни на минуту не оставлял меня наедине с горем. Большую часть времени работали в огороде, где Рост был верным помощником. Решусь привести один эпизод из нашей жизни.

Ода Росту

*Я верю в гений творческий Роста!
Увы! Не всех он осеняет, человеки.
Но рифмы так и просятся в уста,
Чтобы воспеть дела Роста навеки.*

*Вчера мы оставались без воды:
Колодец есть – насос не гонит влагу.
Металась бабушка туды-сюды:
«Все высохнет: ведь без воды ни шагу».*

*Причина в чем? Шланг короткий иль нет?
Воды ль в колодце оказалось мало?
Как истинный найти ответ?
Но руки опускать нам не пристало.*

*Решили: утром вытянуть насос,
Проверить все и устранить дефекты.
«Мы не спасаем, не повесим нос, –
Промолвил Рост. – Добьемся мы эффекта!»*

*Отвертку в руки – это не беда.
И вилка лучше новой заблестела.
«Включаю. Пуск!» И полилась вода
В бак, с вечера пустой, осиротелый.*

*Все, все в ажуре! Плещется вода.
Настойчиво, умело, терпеливо
Вершит наш рост садовые дела
Всем огородникам на диво!*

Вода полилась. И я – сама удивляюсь как: с юности не писала – вылила в один присест тут же, на огороде, «шедевр» – оду о высоких делах Роста низким «штилем». Не думайте, не свои «вирши» хочу сохранить – знаю им цену, а восхищение Ростом, его находчивостью, умением, смекалкой, что на много лет вперед запомнилось не только мне, но и соседям-огородникам.

Тогда же, летом, в перерывах между прополкой, поливом, рыхлением я читала очередную только что вышедшую книгу Валерия «Простые опыты со струями и звуками» и писала на нее рецензию с точки зрения развивающего и воспитывающего обучения. Рост записал меня на магнитофон, подаренный мне Ларисой и Валерием еще при жизни Василия Евгеньевича, чтобы я сохранила его голос. Что-то записывали, но все обыденное, незначительное. До серьезной записи, к огромному сожалению, руки не дошли... В июне, в день рождения, мы с Ростом преподнесли Валерию необычный подарок. Когда кончились поздравления, Рост включил магнитофон, и минут 10-15 звучал мой голос, анализирующий достоинства книги (недостатков я не увидела). Валерий, по моему, было доволен. «Ну, спасибо, мама», – сказал он. – «Мне это как раз ко времени».

Этот год, вместивший в себя так много горестного, уходя, одарил и большой радостью: у Тани и Валеры Шадрина родился сын Ваня, которого так ждали все, особенно Василий Евгеньевич.

...Прошло три года. Накануне дня Советской Армии, 22 февраля 1988 года В.Е. Владыкин, заведующий кафедрой истории древнего мира и средних веков УдГУ, пригласил меня на открытие к 70-летию со дня рождения «аудитории В.Е. Майера».

В коридоре, у двери в 411 аудиторию, перевязанной красной ленточкой, выстроились в два ряда студенты разных курсов исторического

факультета. Преподаватели – Н.Г. Шишкина, Л.В. Котова, Н.И. Санников, В.А. Чиркин, В.Е. Владыкин и другие – напротив.

Во вступительном слове Н.Г. Шишкина сообщила, что студенты II курса, последнего, который учил Василий Евгеньевич, в день его смерти решили сохранить память о любимом преподавателе, создав памятную комнату. Два года поисковой работы – и вот сегодня первый этап ее – открытие комнаты.

«Все мы страстно желали бы не этого открытия, а слушать живого Василия Евгеньевича. Но судьба так распорядилась. Студенты с большим желанием делали эту комнату», – эти слова Владимира Емельяновича запомнились надолго.

Меня попросили перерезать ленточку и передали на память кусок ее.

Комната произвела сильное впечатление. Заново отремонтированная, с удобной современной мебелью, оформленная со вкусом и чувством меры. С большого, хорошо выполненного портрета Василий Евгеньевич смотрит на входящих.

Студенты 5-го курса тепло рассказывали о Василии Евгеньевиче, его лекциях, семинарах, к которым они всегда готовились, так как стыдно было ударить лицом в грязь, хотя Василий Евгеньевич не давил и не наказывал. Говорили, как собирали материал для комнаты.

В заключение студентка 5-го курса сказала, что они последние, знавшие и слушавшие Василия Евгеньевича. Через четыре месяца кончают вуз и просят студентов последних курсов, собирать материалы, продолжать оформление комнаты. «Главное, – сказала она, – чтобы здесь жила научная студенческая мысль, творчество, поиск».

Имеющиеся фонды она передала комсоргу факультета, и тот обещал беречь память об ушедшем.

«Удмуртский университет», 04.03.88.

ПАМЯТИ УЧИТЕЛЯ

На историческом факультете произошло важное событие: состоялось открытие мемориальной комнаты профессора Вильгельма Евгеньевича Майера. Мемориальной стала одна из аудиторий, в которой он за сорок лет преподавания на ИФ прочитал сотни лекций. В создании комнаты принимали участие все студенты факультета, но все же большую часть работы проделали пятикурсники. Им повезло слушать увлекательные лекции профессора, вести под его руководством научную работу. И их труд в создании мемориальной комнаты стал данью уважения и преклонения перед любимым учителем, память о котором передается на факультете от старшекурсников новым поколениям студентов. На митинг, посвященный открытию мемориальной комнаты, собрались студенты, сотрудники и преподаватели исторического факультета. Большинство собравшихся – ученики Вильгельма Евгеньевича. Его лекции слушали многие

наши преподаватели, будучи когда-то сами студентами, они с большой теплотой вспоминали о своем учителе и коллеге.

Двери распахнулись, и мы – в комнате Майера. С первого взгляда чувствуется, что создавалась она руками равнодушных людей. На стендах помещен пусть пока еще не очень многочисленный, но дорогой для историков материал, рассказывающий о жизни и преподавательской деятельности профессора Майера. Этот и другой, пока еще находящийся в стадии подготовки, материал (ведь создание музея продолжается) был передан пятикурсниками младшекурсникам, тем, кто продолжит работу в музее.

Среди материалов, помещенных на стендах, документы, статьи, фотографии, книги, рассказывающие о научной и педагогической деятельности В.Е. Майера. Но для создания памяти о замечательном человеке важны не только и не столько документы, сколько живые воспоминания людей, знавших профессора, работавших с ним, учившихся у него... Поэтому, когда звучали слова о педагоге Майере, полные любви и признательности, показалось, что он с нами рядом, что сейчас, шагнув с портрета, начнет свою лекцию...

Память о Вильгельме Евгеньевиче Майере бережно сохраняется на факультете учениками профессора, ставшими теперь доцентами и профессорами. Но особенно важна она для нас, студентов, потому что В.Е. Майер был из тех замечательных людей, жизнь которых служит примером.

А. Васильев

33. ИЗ ПЕРЕПИСКИ С УЧИТЕЛЕМ И ДРУГОМ

Из писем ученых-медиевистов к Василию Евгеньевичу из Москвы, Ленинграда, Вологды, Саратова, Калининграда, Свердловска, Казани, Петропавловска-Камчатского, Киева, Харькова, Одессы и др. – столько разных вопросов обсуждалось ими! – выделяю переписку с руководителем кандидатской диссертации Василия Евгеньевича и консультантом докторской Моисеем Менделевичем Смириным (1895-1975), профессором Московского университета, лауреатом Сталинской премии.

Сохранились не только часть писем М.М. Смирин к Василию Евгеньевичу, но и Василия Евгеньевича к Моисею Менделевичу в черновиках. Моисей Менделевич был не только научным руководителем Василия Евгеньевича, но и другом. Письма позволяют проследить, как складывались взаимоотношения учителя и ученика, как шло становление молодого ученого. Не анализируя переписку в полном объеме, предлагаю некоторые выдержки, помогающие увидеть и понять сказанное выше. Опускаю часть деталей: приветствия и пожелания, сообщения о состоянии здоровья и семейных делах.

В переписке, длившейся более четверти века, можно выделить три периода.

1. 1950-55 гг.: подготовка и защита Василия Евгеньевича кандидатской диссертации – 24 письма: 19 писем Василия Евгеньевича и 5 – Моисея Менделевича.

2. 1955-69 гг.: работа Василия Евгеньевича над докторской диссертацией и ее защита – писем Василия Евгеньевича, даже в черновиках – 9, Моисея Менделевича – 32.

3. 1970-75 гг.: Василий Евгеньевич – проректор УдГУ (не до серьезного занятия наукой), Моисей Менделевич на должности консультанта в секторе истории, часто болеет, письма редки (12 от Моисея Менделевича).

Первый период.

Переписка началась с письма Василия Евгеньевича от 4.04.1951 г., где он сообщает М.М. Смирину, что сделал и предполагает сделать по теме диссертации; интересуется, сможет ли Моисей Менделевич быть его руководителем и посоветовать, в каком направлении следует работать. В дальнейшем он сожалеет о невозможности «прикомандироваться», сложном положении его в пединституте, о своих переводах «Уставов», памфлетов Гергота, статей Лютера. Сообщает о возвращении ему, спустя год, курсов древнего мира и истории средних веков на историческом факультете, благодарит за помощь в продвижении статей в печать.

Моисей Менделевич откликнулся письмом от 29.04.1951 г., где отмечает, что Василий Евгеньевич уже проделал значительную часть работы, выдвигает ряд вопросов для дальнейшего исследования, подробно инструктирует, как оформить «прикрепление» к кафедре истории средних веков МГУ. В последующих письмах замечает, что работа Василия Евгеньевича производит впечатление серьезного исследования, но нуждается в доработке.

Ижевск, 24.04.51.

Здравствуйте, Моисей Менделевич!

Последний раз я виделся с Вами 20/VIII-49. Тогда я думал, что мне удастся получить командировку для написания диссертации по теме «Weisthümer» как источник положения крестьянства Германии в конце XV-начале XVI вв...». Что мною уже сделано? Я подробнейшим образом прочитал 3 тома «Weisthümer» Гримма, сделал себе обильные выписки (600 тетрадных страниц мелким шрифтом в одну клетку), работаю теперь над 4-м томом «Weisthümer». Я выписывал все то, что может быть интересным по этой теме. Многие документы я полностью переписал. Специальную литературу я тоже читаю, делаю себе выписки. Многие документы и пункты из «Weisthümer» перевел. Чувствуется, однако, отсутствие Вашей помощи. Если бы не моя застенчивость, я бы Вам давно уже написал.

Моисей Менделевич! Меня интересует ряд вопросов. Будете ли Вы заинтересованы в работе со мной при вышеуказанных условиях? Не сможете ли Вы назвать минимум специальной литературы по этому вопросу? Наконец, не посоветуете ли Вы, в каком направлении мне работать, какие вопросы исследовать? Читая и делая выписки, я интересовался всеми разделами Гриммовских источников, за исключением Швейцарии. Но, даже не беря Швейцарию, я выписал большой материал по интересующей теме. Очень Вас прошу не давать аналогичной темы кому-либо. Если Вы согласны со мной работать, я в июне этого года приеду на 20-30 дней в Москву. В апреле – мае я сумею закончить 4-й и 5-й тома «Weisthümer». Если Вы сейчас сможете ответить на мои вопросы, я тогда составлю развернутый план диссертации, чтобы его утвердить на кафедре в МГУ. Необходимо ли разрешить вопрос о прикреплении меня к Вам для написания и защиты диссертации? Какие документы нужны для этого? Пединститут дает мне рекомендацию и характеристику. Вся беда в том, что некому за меня читать курсы по истории древнего мира и средних веков.

С уважением, В. Майер.

Москва, 29.04.51.

Многоуважаемый тов. Майер!

Извините меня великодушно за задержку ответа на Ваше письмо, которое мне передали около 2-х недель тому назад. Теперь так много всяких дел и забот, что я никак не мог собраться Вам ответить во время. ... Теперь к делу. Я был очень рад, когда узнал из Вашего письма, что Вы продолжаете работать по теме диссертации и что Вы уже значительную часть этой работы проделали. Не понимаю, почему Вы мне до сих пор не писали и совершенно исчезли из виду. Вы объясняете Вашей застенчивостью. Не ожидал я от Вас этого. Неужели я такой страшный или «важный»? Вопросы по существу Вашей темы надо разобрать в личной беседе, когда Вы будете в Москве. После этой беседы можно будет составить план диссертации. Основные вопросы – каким образом в «Weisthümer» отражаются процессы аграрного развития Германии в XV-XVI вв. Можно ли нащупать здесь моменты сеньориальной реакции? Достаточны ли данные этого источника? Какими источниками нужно еще пользоваться? Как пользовались этими источниками буржуазные ученые? И т.п. Я, как и кафедра МГУ, готовы оказать Вам помощь (по мере сил, конечно). Что же касается формальной стороны (а она необходима!), то рекомендации и характеристики пединститута – недостаточно. Вам необходимо ходатайство дирекции пединститута о прикреплении Вас к МГУ через Министерство Высшего образования. Это ходатайство должно быть поддержано Министерством Высшего образования РСФСР. Без направления Вас в МГУ для руководства работой над диссертацией Вы не можете считать себя оформленным. Направление

же может дать Министерство Высшего образования РСФСР по ходатайству Министерства образования РСФСР. Вот что я узнал об этом.

*P.S. Оформление лучше сделать лично, а не по почте.
Жду Ваших писем. С уважением и приветом.*

М. Смирин.

Ижевск, 31.03.52.

Дорогой и многоуважаемый Моисей Менделевич!

Год тому назад я надеялся, что мне удастся в 1951-1952 учебном году значительную часть времени работать под Вашим руководством в Москве. Но обстоятельства сложились настолько неблагоприятно, что эта возможность отпала. Приходится считаться с тем, что у нас здесь национальный удмуртский институт и, в первую очередь, дирекция заинтересована в командировке местных кадров для защиты диссертации... Весь этот год я упорно работал над темой. 14/VI.-51 я закончил выпуск из «Weisthümer» Гримма. Всего выпустил 1002 страницы. К этому времени я получил по межбиблиотечному абонементу часть необходимых книг и сразу приступил к работе над ними. С этого времени и до сих пор я продолжаю получать книги из Москвы и Ленинграда. Я сгруппировал весь материал из «Weisthümer» по отдельным вопросам. Результаты по тем проблемным вопросам, которые Вы выдвигаете в своих работах и в Вашем кратком письме ко мне, 29/IV/-51, настолько разительны, что я много раз восхищался Вашими советами и замечательным источником. Если бы даже не было ни одного источника, кроме «Weisthümer», и то можно было бы опровергнуть всю буржуазную чепуху по этому вопросу и дать богатейший материал, подтверждающий феодальную реакцию, ухудшение материального положения крестьян, борьбу за землю и т.д. и т.п.

После того, как я сгруппировал основной материал и написал основные выводы по этим вопросам, именно тогда, когда передо мной встала ясная картина будущей работы от начала до конца, я написал введение в первую главу: «Характер источника и исторической литературы». В этой главе 3 параграфа посвящаются «Weisthümer» Гримма. В первом параграфе я говорю о возникновении сборника и об оценке источника Гримом в предисловиях к разным томам и в Resk... (всего две страницы как они печатаются в диссертациях), во 2-м параграфе разбирается теория «Weisthümer», как его понимали составители документов в XIV-XVII вв. (1,5 страницы), в 3-м параграфе характеризуются типы «Weisthümer». В основу типизации я положил не территориальный признак, а то, что Вы уже указали, кем составлен документ. В какой-то мере я придерживался и второго Вашего указания, когда составлялся документ, после волнения крестьян или в иное время. Всего я выделил десять типов документов:

документы, составленные на сельском сходе свободными крестьянами;

документы, возникшие там же, но на сходе уже присутствовал феодал, входивший уже в общину, но не господствовавший над ней;

документы, составленные на сельском сходе выбранными деревенскими чиновниками и чиновниками господина;

документы, составленные наследственными крестьянами или чиновниками на гост. дворе;

документы, продиктованные церковными феодалами, крестьянам, присутствовавшим безгласными свидетелями;

документы, продиктованные феодалами;

документы, составленные шефенами по приказу феодалов;

документы, составленные по приказу феодалов, шефенами вместе с другими чиновниками;

документы, составленные крепостными крестьянами;

документы, указывающие на волнения крестьян, предшествовавшие составлению.

По количеству и яркости фактов преобладают документы 7,6 и 5 типов. Мало (сравнительно) документов 1, 8, 9 и 2 типов. Этот параграф занимает 18 страниц.

Пишу я очень сжато, более 250 раз отсылаю читателя к источникам.

Параграф 4 назван «Характер буржуазной литературы о положении немецких крестьян в XIV–XVI веках и о сборнике «Weisthümer». Здесь я разбираю источники, которые могут быть использованы против буржуазных фальсификаторов.

§ 5. Марксистско-ленинская и советская литература по вопросу.

§ 6. Выводы по 1-й главе.

Объемиста была работа по общей характеристике типов документов, сборника. Встречались трудности по критике Маурера, так как у меня нет ничего, кроме трудов самого Маурера и указаний Энгельса.

Вся 1-я глава вместе с введением занимает около 100 страниц.

На днях меня думают слушать у нас на кафедре. Мне очень хотелось бы, чтобы Вы просмотрели эту работу, дали бы свои замечания и указания.

...Центральным вопросом «Weisthümer», на мой взгляд, является борьба крестьян за уравнительное землепользование. Уже здесь выдвигается вопрос о «равенстве» мелких хозяев, то есть именно этот вопрос, который, по определению В.И. Ленина, наиболее полно отражает цели буржуазной революции в деревне – не только политические, но и экономические. «Равенство» было крупнейшим стимулом крестьян в борьбе против феодализма за расчистку пути к капитализму. Мне кажется, что вся работа должна показать, что «Artikelbrief», 12 тезисов, требование «божественного права» и другие про-

граммные документы Крестьянской войны возникли не случайно, что они жестко связаны с основными требованиями крестьян уравнительного землепользования.

...Сопоставляя документы с указаниями В.И. Ленина, я все больше убеждаюсь в своей правоте, но почему тогда никто из историков не поднимал этот вопрос? Ведь не обязательно, чтобы это было сделано на примерах Германии, это можно было с успехом показать на примерах Англии и Франции...

Неужели случайно удалось буржуазии объединить английских и французских крестьян под лозунгом «Свобода, равенство, братство»? Лозунг этот, очевидно, не только по-разному понимался буржуазией и крестьянством, но он их объединял против феодализма.

...Эти вопросы мучают меня уже дольше, чем я пишу свою работу, но здесь никто мне еще не ответил. У меня 1-я глава переписана. Если бы Вы, Моисей Менделевич, были настолько великодушны и просмотрели ее, дали бы мне соответствующие советы, я бы Вам был очень благодарен.

В прошлом году я мог бы использовать для поездки в Москву летние каникулы, но у меня в это время была замечательная литература, которую мен в другой раз вряд ли бы выслали. Если Вы согласитесь прочитать и дать свои замечания по первой главе, я Вам тотчас ее вышлю. Это две тетради, написанные от руки, немного разборчивее, чем я обычно пишу. Я, конечно, не ручаюсь, что написанное мною соответствует требованиям диссертации, но есть много интересного в нем. Я могу с полной уверенностью сказать, что ни один из аспирантов-очников не советовался с Вами столько раз с Вами, как я это делал мысленно, читая книги, особенно Ваши труды, в течение этого года...

С уважением, В. Майер.

Ижевск, 13.04.52.

Здравствуйтесь, многоуважаемый Моисей Менделевич!

...Я еще раз прошу разрешить мне выслать Вам то, что я считаю более или менее обработанным, а также дать свое согласие, если у Вас есть время, проверить все сделанное мною... Обращать такой материал, как «Weisthumer», конечно, ответственно, поэтому я серьезно беспокоюсь о важности первого раздела работы. С приветом и глубоким уважением.

В. Майер.

Два письма Василия Евгеньевича и Моисея Менделевича воссоздают одну из драматических страниц в жизни Василия Евгеньевича Он получил в Министерстве Высшего образования РСФСР разрешение «на прикомандирование» его к кафедре МГУ для завершения и защиты дис-

сертации. Ложный «сигнал» из УГПИ лишил его и «прикомандирования», и работы на истфаке УГПИ. Об этом я писала ранее.

Москва, 05.02.54.

Дорогой товарищ Майер В.Е.!

Вернувшись из Ленинграда, я застал на кафедре в Университете Ваше письмо. Я давно собирался Вам писать, но откладывал это до того времени, когда я смогу приступить к чтению Вашей работы. А этого я не смог сделать, пока тянулась отчетная кампания в Институте истории и в Университете. К концу года накопилось очень много долгов по всем направлениям, в том числе, и долг по отношению к Вам. Теперь я приступил к чтению Вашей работы. Она производит хорошее впечатление серьезного исследования, но я еще мало прочел (вернее просмотрел), чтобы высказать твердое мнение. Я уже начал читать внимательно и буду Вам сообщать по главам. Я не могу обещать сделать это очень быстро, потому что мне надо подготовиться к обсуждению, которое состоится в начале апреля редактируемый мною (в качестве ведущего редактора) IV том Всемирной истории. Но теперь буду заниматься Вашей работой более или менее регулярно. Она ляжет у меня на рабочем столе.

Что касается Вашего ходатайства, то дело заключается в том, что было бы хорошо, если бы Ваш институт обратился в деканат исторического факультета МГУ с просьбой помочь Вам консультацией в завершении Вашей диссертации и указать при этом нашу кафедру и меня в качестве консультанта.

Мне представляется, что лучше будет, если одновременно с этим будет направлено второе обращение непосредственно нашей кафедре истории средних веков, которая поручит мне это дело. Так будет лучше. Но я не буду брать этого поручения. Думаю, что через 2-3 недели я Вам напишу свой отзыв (в общем виде) на первую главу, а если потребуется, то и некоторые указания о необходимости доработок.

Напишите, как уладилось Ваше положение в институте. Остаетесь ли Вы еще только заочником? ... Вопрос о сроках минимума (прошел год, как Василий Евгеньевич сдал кандидатские экзамены. Документы могли устареть. – Б.С.), конечно, очень важный, но он не должен Вас волновать, так как кафедра сможет подтвердить вторично сданные Ваши экзамены. Я это выясню точнее у Н.Н. С приветом.

М. Смирин.

Ижевск, 17.02.54.

Здравствуйте, дорогой Моисей Менделевич!

Я очень рад, что Вы теперь сможете заняться моей работой. Дирекция моего института обещала написать ходатайство отно-

сительно выделения консультанта. Мое положение в институте немного улучшилось. Я опять читаю на стационаре историю древнего мира и средних веков, веду педагогическую практику. Последнее требуется, так как иначе не будет полной нагрузки.

...Недавно сдал в здешний институт усовершенствования доклад и статью для педагогических чтений, которые состоятся в марте этого года на тему: «Раскрытие понятия «народ – творец истории» на уроках истории средних веков в VI-VII классах». Вместе со списком литературы получилось больше одного печатного листа. В основу я положил те достижения по данному вопросу, которые имеются в I-м теме «Средних веков».

Я очень рад и поздравляю Вас с почетной работой редактора IV тома «Всемирной истории». Все же медиевисты идут впереди не только по времени, но и по свежести фактов и идейных сторон изложения материала. Жду с нетерпением Ваших замечаний, чтобы вновь окунуться в работу над диссертацией. Теперь я выполняю массу поручений не всегда по назначению: за последний месяц читал в пяти местах лекцию о трехсотлетию воссоединения Украины с Россией, делал доклад на городской секции историков о проекте новой программы по истории средних веков и древнего мира, участвую в предвыборной кампании, но все это отдых по сравнению с той работой, которая предстоит над диссертацией... С уважением и приветом.

В. Майер.

Москва, 07.04.54.

Многоуважаемый товарищ Майер!

Очень рад, что Ваше положение в институте улучшилось. Ходатайство Вашего института о выделении Вам консультанта я видел... Ваша диссертация, которую я читаю, правда, пока урывками, производит хорошее впечатление. Однако доработка потребуется. У меня уже набрались замечания и советы. Было бы лучше лично поговорить. Я хотел бы знать Ваши планы на ближайшее время. Если Вы в ближайшее время предполагаете быть в Москве, то было бы лучше поговорить лично. Если же нет такой возможности, то я изложу Вам письменно, хотя это при практическом осуществлении неудобно, так как всего не изложить письменно.

В основном я скажу, что, например, историографическую главу надо несколько перестроить: не следует так детально излагать построения буржуазных историков, а больше обобщать, указывая основные линии, по которым идут извращения ими действительности. Правда, в конце Вы даете характеристику по группам. Однако так вы ставите вопрос очень узко: признают или не признают факты ухудшения положения крестьян в XV-XVI вв. Но у Готэйна и других буржуазных историков выдвигаются иные мотивы: мотивы сословных противоречий, сословного обособления, политического или религиозного

характера. Было бы лучше не излагать историков хронологически одного за другим, а с самого начала рассматривать отдельные направления в объяснении исторических причин социального кризиса эпохи реформации. Конечно, надо дать конкретное представление о рассматриваемых концепциях, однако это надо делать с самого начала, группируя историков вокруг определенных проблем. Тогда очерк будет логически единым и целеустремленным.

Постановка вопроса во «Введении» слишком широкая: о Крестьянской войне в целом. Надо ставить задачи уже – о характере процесса аграрных отношений. Если ставить вопрос о характере всего этого первого акта буржуазной революции, то надо иметь в виду и проблему государственного единства в то время, вопрос о характере бюргерской оппозиции, о положении церкви в Германии и т.п.

Есть у меня замечания и по отдельным страницам, но прежде чем излагать их, я прошу Вас написать мне, когда Вы предполагаете быть в Москве.

Будете ли Вы летом работать в Москве? В зависимости от этого мы выработаем план консультаций.

Поскольку Ваша тема источниковедческая, то следовало бы и в историографической главе уделить больше внимания вопросам об источниках того или иного из рассматриваемых историков, о методах их исследования. Вы это делаете только там, где речь идет об исследовании «Weisthümer», но надо иметь в виду и всю базу источников буржуазных историков. (Это не значит, конечно, что Вы должны все эти источники изучать).

М. Смирин.

Ижевск, 21.04.54.

Здравствуйтесь, дорогой Моисей Менделевич!

Большое Вам спасибо за письмо от 7-го февраля. Я не сразу мог на него ответить, так как не знал, на какое время я смогу быть в Москве после согласования всех кафедральных вопросов. В начале июня я буду занят чтением лекций, практическими занятиями и экзаменами на I и II курсах.

Таким образом, я мог бы быть в Москве в июне месяце. Очевидно, удастся быть в Москве около двух недель, а может быть, и больше.

В июле у меня будет заочная сессия. Вновь я смогу быть в Москве в августе, когда у меня будет отпуск.

...Относительно Ваших замечаний по первой главе, то я тоже думаю, что необходимо писать так, чтобы проблемы выступали на первый план, чтобы не могло казаться, что я рассматриваю их только в хронологическом порядке. Вся беда в том, что когда пишешь в провинции на такую тему, то кажется, что необходимо побольше приводить примеров, говорящих о том, что ты именно читал и знаком с этими произведениями или концепцией. Много ошибок можно

было бы сразу исправить, если бы своевременно проконсультироваться...

...Я все немецкие журналы с 1953 г. просмотрел, но ничего по этому памфлету не нашел. Я все же боюсь, что открыл Америку, так как этот памфлет известен с 1878 года. Остается одно: Ваше заключение по моим соображениям, высказанным в статье «Об одном раннем произведении утопического коммунизма в Германии» (СВ., выпуск 20, 1961 г. – Б.С.). Памфлет я перевел. Если он Вас интересует, хотя бы для хрестоматии, готовящейся Вами, то я буду рад предоставить его Вам.

С приветом. В. Майер.

Ижевск, 09.02.55.

Здравствуйте, многоуважаемый Моисей Менделевич!

В первом полугодии я выполнял большую нагрузку в пединституте, у меня оставалось мало времени для подбора материалов из уставов и перевода их. Теперь же, в основном, закончена эта работа. Требуется еще, конечно, тщательная проверка. Есть ли необходимость выслать Вам эти материалы? Или, может, подождать до моего вызова по вопросам защиты? Я упорно надеялся, что меня вызовут до зимних каникул. Однако еще в начале января мне писала Е.А., что Александр Иосифович болеет. В.В. даст свой отзыв только в конце января, хотя уже прошел и этот срок, но от Е.А. еще ничего нет.

Моисей Менделевич, если при Вашем ограниченном времени Вас не особенно затруднит написать пару строк о том, какие процедуры мне еще предстоят до защиты и что еще от меня требуется, то я прошу, сделайте это, пожалуйста.

...Автореферат я уже написал, когда нужно Вам его показать?

С уважением. В.Майер.

В этот (первый) период я помню Василия Евгеньевича добросовестным учеником Моисея Менделевича, глубоко уважающим своего руководителя, учитывающим его советы. Но пришел он к М.М. Смирину не с пустыми руками, а выполнил значительную часть работы: собрал материал, сгруппировал и проанализировал его, сделал определенные выводы, написал первую главу и развернутый план все диссертации, имея свою точку зрения по исследуемой проблеме.

Второй период с 1956 по 1969 – годы работы Василия Евгеньевича над докторской диссертацией. Интенсивная работа Моисея Менделевича над своими проблемами и помощь Василию Евгеньевичу. Хотя писем Василия Евгеньевича и черновиков мало, из ответов Моисея Менделевича можно понять, пусть частично, чем занимался Василий Евгеньевич, каковы его научные интересы.

Письма Василия Евгеньевича и Моисея Менделевича содержат в этот период, на мой взгляд, три основные группы вопросов: 1) Василий

Евгеньевич и его докторская диссертация, 2) сотрудничество двух ученых, 3) крупные и не очень события в их жизни.

В это время, вполне самостоятельно исследуя источники, Василий Евгеньевич обращается за консультациями к Моисею Менделевичу, получает их, часто следует его советам. Так, Моисей Менделевич, радуясь продолжению научной работы Василия Евгеньевича, настойчиво рекомендует подготовить кандидатскую к печати, удовлетворен переводом Василия Евгеньевича в старшие научные сотрудники, согласен быть его консультантом. Вместе с Василием Евгеньевичем, по просьбе последнего, определяет круг вопросов для дальнейшего исследования, советует, каким должно быть заключение в диссертации. Содействует прикреплению Василия Евгеньевича к институту Всеобщей истории АН СССР, обсуждает вопрос об оппонентах и последовательных шагах продвижения диссертации к защите. Поздравляет, радуется и гордится своим успешно защитившимся подопечным.

Василий Евгеньевич пишет ряд статей, посылает их Моисею Менделевичу для рецензирования и продвижения в печать: «Уставы как источник положения крестьян в Германии в XV – начале XVI века» (Сб. «Средние века», выпуск 2), «Хозяйство, быт и нравы крестьянства Германии в XIV-XVI вв.» и др. Делает переводы «Уставов» и других документов для хрестоматии по истории средних веков, редактируемой Моисеем Менделевичем; переводит для него же на русский язык выступления Лютера, наконец, пишет отзыв на работу Моисея Менделевича о Лютере, так обрадовавший шефа; переводит на немецкий язык доклад Моисея Менделевича для научной конференции в ГДР; рецензирует второй том учебника «Средние века» и, по просьбе Моисея Менделевича, готовит для этого учебника материал о сельском хозяйстве Германии.

Моисей Менделевич соглашается быть редактором перевода и комментариев Василия Евгеньевича о Герготе при условии совместной работы, в дальнейшем дает отзыв на статьи Василия Евгеньевича; привлекает Василия Евгеньевича к написанию раздела о сельском хозяйстве Германии для коллективного труда о генезисе капитализма, сообщает о выходе своей книги «К истории раннего капитализма в Германских землях».

Моисей Менделевич живо интересуется жизнью, педагогической деятельностью Василия Евгеньевича в Ижевске, рассказывает о своей работе в архивах Венгрии и Германии, об экскурсии в ГДР по памятным местам, благодарит Василия Евгеньевича за колосья полбы, выращенные на опытном участке УдГУ профессором М.П. Прокофьевым и присланные в Москву Василием Евгеньевичем

Москва, 02.01.56.

Дорогой Василий Евгеньевич!

Очень Вам благодарен за Ваше поздравление к Новому году и еще больше за Ваше поздравление к моему 60-летию... Юбилей был

отмечен в институте истории АН СССР совместным заседанием ученого совета. Как всегда в таких случаях перехватили меру в похвальных речах, было много (более 70) телеграмм из разных вузов и научных учреждений Советского Союза и стран народной демократии. Таким образом, меня весьма торжественно объявили официально стариком!

Ваша статья в сборнике «Средние века» в основном уже принята для печати. Она только слишком велика. Придется ее несколько сократить – страниц на 10-15. я думаю сократить историографию, дав ее суммарно в одном абзаце... Меня очень радует Ваше желание продолжить научную работу, для которой у Вас имеются все данные. Советовать Вам тему очередного исследования очень трудно, тем более в письме. Это зависит от круга интересов и – прежде всего – от возможностей, которых в Ваших условиях не так уж много. Надо, по моему, прежде всего, готовить к печати всю работу, совершенствовать каждую главу. Важно постоянно и систематически работать. Что касается дальнейших исследований, то мне кажется, что Вам стоит подумать над вопросом о сравнительном значении «Weisthümer» и аналогичных источников по обычному праву других стран (например, Франции). Было бы также интересно заняться поиском других источников по аграрной истории Германии (того или иного периода).

Конечно, такую работу следует начать в Московской или ленинградской библиотеке. Продолжить можно и потом в Ижевске.

Ваши переводы («Германия в XII-XV вв. Аграрные отношения в XII-XV вв. Хрестоматия по истории средних веков, т. II. М., 1963 – Б.С.) я, как Вам уже говорил, использую: они войдут в сборник документов и материалов по истории Реформации и Великой крестьянской войны, который я готовлю для издания в МГУ. К сожалению, приходится откладывать сдачу этого сборника в печать вследствие моей занятости, но он значится в плане издательства и рано или поздно будет издан... Жду Ваших писем. Держите меня в курсе Ваших планов. Шлю Вам свои лучшие пожелания к Новому году.

М. Смирин.

Ижевск, 08.08.56.

Здравствуйте, дорогой Моисей Менделевич!

18 том Лютера прислали мне только в начале прошлого месяца, когда я был занят на заочном отделении. Прочитав текст на немецком языке, я понял, что к переводу смогу приступить только после окончания работы на заочном отделении. При переводе я смотрел русский отрывок в хрестоматии. Слово «morderisch» я перевел «кровавый», что, на мой взгляд, лучше соответствует смыслу, чем слово «грабительский». Остальные изменения, мне кажется, лучше передают содержание лютеровского текста. Конец труднее для пе-

ревода, чем начало. Я не считаю, что мой перевод совершенный. Хотелось бы, чтобы было лучше. Я буду очень рад, если Вам мой перевод пригодится. Прошу извинить, если опоздал с переводом.

В. Майер.

Ижевск, 16.08.56.

Дорогой Моисей Менделевич!

Переводы лютеровской статьи «Wider...» 1525 я, к сожалению, выслал Вам только 8/VIII.56 г. в сектор Истории средних веков Института истории. Если Вы ее случайно не получили, то напишите. Я Вам вышлю второй экземпляр... Книга Лютера была у меня недолго, но я сделал себе копии двух статей... Если Вам нужны будут переводы этих статей, я их сделаю. Вся беда, конечно, в том, что я далек от библиотек Москвы! Заказанную книгу я получаю только через 10-15 дней. Правда, в последнее время я заказывал только такие книги, шифр которых был мне известен, поэтому книги приходили быстрее.

...Моисей Менделевич! Если Вам понадобятся переводы других работ, то, пожалуйста, я всегда готов их выполнить. Если Вы когда-нибудь будете срочно нуждаться во мне, то сможете позвонить по телефону 27-86. Сообщите, пожалуйста, о переводе и о всех других делах.

В. Майер.

Москва, 12.10.56.

Дорогой товарищ Майер!

Извините меня великодушно за мою, мягко выражаясь, неаккуратность. Я получил в свое время Ваш перевод 2-го памфлета Лютера, за который я Вам очень и очень благодарен... Я очень благодарен Вам за аккуратное и добросовестное выполнение моей просьбы.

VIII сборник «Средние века», в котором идет Ваша статья, сдан в производство. Мне пришлось его еще раз отредактировать перед набором... Пишите мне о ходе Вашей педагогической и научной работы и не сердитесь, если я иногда задерживаю свой ответ.

Крепко жму Вашу руку.

Ваш М. Смирин.

Москва, 05.10.57

Дорогой Василий Евгеньевич!

Очень благодарен за Вашу поздравительную телеграмму. Желаю Вам больших успехов в научной и педагогической работе. Привет Вашей семье от меня и всех моих домочадцев.

М. Смирин

Ижевск, 17.03.57.

Дорогой Моисей Менделевич!

Оттиски моей статьи, опубликованной в VII томе сборника «Средние века» («Уставы как источник по изучению положения крестьян в Германии в XIV-XVI вв.» – Б.С.) я получил на днях. В том, что статья опубликована в этом сборнике, заслуга принадлежит, в первую очередь, Вам. Поэтому позвольте мне еще раз поблагодарить Вас за все то большое участие, которые Вы принимали и принимаете в моей научной работе... (В.Е. пишет, чем занимается сейчас)

В. Майер.

Ижевск, 05.09.57.

Здравствуйте, дорогой Моисей Менделевич!

Кажется, что с того времени, когда я Вам писал, особенно же с того времени, когда я от Вас получил последнее письмо, прошла целая вечность. Ваши письма всегда вдохновляют к новым делам... Будет у Вас время, напишите хотя бы пару строк. Хотя я и слежу регулярно за текущей литературой по истории, я знаю, что Вы делаете неизмеримо больше... Будете ли Вы издавать свою хрестоматию и пригодится ли Вам мой материал? В свое время я познакомил свою кафедру с переводом памфлета Лютера, и многие впервые поняли социальные стороны лютеранства. В данном памфлете имеется ряд таких моментов, которые ярко показывают роль Лютера в формировании идеологии господствующего класса в Германии и характера тупого немецкого чиновничества.

Начался учебный год. Обычно в сентябре меня направляют со студентами в колхоз. В этом году я остаюсь, так как читаю средние века пятому курсу...

С сердечным приветом.

В. Майер.

Москва, 20.10.57.

Дорогой Василий Евгеньевич!

Извините меня великодушно за то, что так долго Вам не писал. За это время было столько волнений и забот по поводу самых разнообразных вещей – в первую очередь по поводу IV-го тома Всемирной истории, который теперь печатается и находится в стадии завершения 2-й корректуры, а предстоят еще две самые ответственные корректуры...

Меня очень интересует Ваша работа сейчас. Конечно, в Ижевске можно работать только на основании собранного в Москве материала... Пишите о своей работе в институте и «для души». Привет Вашей семье.

М. Смирин.

Москва, 29.11.57

Дорогой Василий Евгеньевич!

Третьего дня я прилетел обратно в Москву из ГДР, где я провел более 5 недель. Я работал по истории XV – XVI вв. в архивах Дрездена и Веймара, а также в библиотеках Берлина и Фрайбергской горной академии. О каких-либо результатах говорить еще рано...

Жду Ваших писем.

М. Смирин.

Москва, 17 июля

Дорогой Василий Евгеньевич!

Только что получил Ваше письмо. То, что Вам писал Ю.Л. Бессмертный, это совсем не то, что я хочу издать. Мой сборник идет по линии университета. То же, что писал Бессмертный, идет по линии Соцэкгиза. Но, вероятно, что оба эти издания собираются для этой цели, то есть издадут общий сборник историков. Тогда туда пойдут те «Weisthumer», которые вы перевели и мен прислали. Можно дать и другие на пол-листа, если окажется, что речь идет о двух сборниках. Во всяком случае мы еще об этом спишемся и поговорим, когда Вы будете в Москве.

Приветствую Вас и жму Вашу руку.

М. Смирин.

Москва, 12.09.59

Дорогой Василий Евгеньевич!

Ваша статья («Вопросы аграрной истории Германии XIV – XVI вв. в освещении буржуазных историков ФРГ», «СВ», вып. 26, с 117-131. – Б.С.) мне очень понравилась. Считаю, что она должна быть напечатана. Когда соберется наша редколлегия (сб. «Средние века»), я предложу включить Вашу статью в «портфель» сборника. Конечно, надо будет дать прочитать и другим членам редколлегии и выяснить их мнение, но думаю, что они согласятся со мною. Однако статья требует некоторых небольших исправлений. Я свои замечания пометил на полях. Хотелось бы на этот счет с Вами лично поговорить, когда Вы будете в Москве. Если Вы этой зимой не собираетесь в Москву, то я Вам пришлю свои замечания на этот счет. Крепко жму Вашу руку.

Ваш М. Смирин.

Москва, 28.12.59

Дорогой Василий Евгеньевич!

...Вашу статью я сразу передал в редакцию «Средних веков». Уже имеется положительный отзыв Н.А. Сидоровой. Я этого отзыва еще не читал, но, по ее словам, ей статья понравилась, хотя и сделала некоторые замечания (не без этого же!). Теперь ее прочтут не-

которые другие члены редколлегии. Надеюсь, что статья пойдет в печать и рано или поздно увидит свет. Очевидно, она пойдет в один из очередных номеров, но ведь темпы издания наших сборников известны. Редактирование Вашей статьи будет поручено, вероятно, мне...

Крепко жму Вашу руку.

М.М. Смирин.

Ижевск, 29.04.60

Здравствуйте, многоуважаемый Моисей Менделевич!

Поздравляю Вас и Вашу семью с праздником 1-ое Мая. Желаю Вам новых успехов в работе и в жизни, особенно желаю наилучшего здоровья.

У нас в продолжении нескольких недель стояла чудная погода. Повсюду зазеленела трава и начали распускаться почки на деревьях. Вдруг сегодня ночью выпал снег. Мы боимся, что на первомайской демонстрации будет холодно, а возможно, и снег.

Оказывается, вышло новое издание «Weisthumer». Я написал в книжный магазин, чтобы мне выслали его наложенным платежом. Статью о Герготе я уже подписал к печати и отослал. Большое Вам, Моисей Менделевич, спасибо за огромную помощь, оказанную мне. («Об одном раннем произведении утопического коммунизма в Германии», «СВ», вып. 20, 1961 г. – Б.С.).

С сердечным приветом.

Ваш В. Майер.

Ижевск, 21.10.60

Многоуважаемый Моисей Менделевич!

В июле я был в Москве, заходил в сектор, видел там Сергея Даниловича и Н.В. Хотелось с Вами поговорить, но мы тогда спешили в Крым. Моя жена, Сысоева Борислава Петровна, была делегатом Всесоюзного Съезда учителей. Она к моему приезду в Москву уже все приготовила к поездке в Крым, и поэтому оставаться было невозможно. Тогда я надеялся, что на обратном пути я остановлюсь на длительный период в Москве. Однако случилось так, что мне не удалось использовать свой отпуск в начале сентября. Меня срочно вызвали на работу, и мы работали весь сентябрь. Уже много лет подряд мы в сентябре отправляли студентов в колхозы, а в этом году так не случилось. Хотелось написать Вам сразу, но так и не удалось этого сделать. Н.В. сообщила мне, что мая статья, как почти все остальные, отодвигается на один номер в связи с изданием юбилейного номера, посвященного С.Д. Сказкину. Она мне также сообщила, что Вы усердно работаете над хрестоматией по соцэкгизу. Завершили ли Вы эту работу, когда поступит в продажу хрестоматия и для кого она предназначена? Пригодился ли Вам тот материал, который я Вам в свое

время оставил?.. Конечно, расстояние, которое отделяет Ижевск от Москвы, играет определенную роль. Но я мог бы в любое время получить командировку на 10, 20 и 30 дней для завершения той или иной работы. При необходимости я мог бы получить командировку и на более длительный срок. Наш институт всегда проявляет определенный интерес к моей научной работе. Очень рад, что Сергей Данилович отмечен такой высокой наградой...

С глубоким уважением.

В. Майер.

Москва, 04.11.60

Дорогой Василий Евгеньевич!

...Как это всегда бывает с нашим сборником «Средние века», статьи передвигаются из номер в номер в связи с теми или иными кампаниями. Ваша статья, полностью отредактированная, была уже в составе сборника №20, но в связи с необходимостью печатания материалов XI Международного конгресса историков в Стокгольме она вместе с рядом других статей перенесена в подготовляемый 21 сборник. Я постараюсь, насколько это будет в моих силах, чтобы эта передвижка была последней. Как обстоит дело с хрестоматией соц-экзиза, я просто не в курсе дела... Я работаю не над хрестоматией, а над популярным очерком для Учпедгиза. Пишите, каковы Ваши научные планы на будущее время. С лучшим приветом.

М. Смирин.

Москва, 28.12.60

Дорогой Василий Евгеньевич!

...В качестве новогоднего подарка я шлю Вам извещение о том, что Ваша статья осталась в XX выпуске «Средних веков», который на днях сдается в издательство. Я уже боюсь гарантировать от всяких могущих возникнуть изменений, но пока дело обстоит вполне благополучно. Очевидно, что летом этот сборник появится. Вам будет интересно и то, что в обзоре советской медиевистики последних лет в журнале «Zeitschrift fur Geschichts» (ГДР) 1960 г., №7 дается информация о Вашей статье в очень благожелательном духе. Напишите о Вашей работе и планах.

М. Смирин.

Москва 29.04.61

Дорогой Василий Евгеньевич!

... 20-й выпуск «Средних веков» уже проходит последнюю корректуру и месяца через полтора выйдет из печати. Ваша статья идет в этом выпуске. Пишите еще. Как продвигается Ваша работа? Какие у Вас планы на лето? Привет от моей семьи.

М. Смирин.

Ижевск, 04.11.61

Уважаемый Моисей Менделевич!

...Историко-филологический факультет начинает расти количественно за счет исторического отделения. Если сейчас 300 студентов, то к 1970 г. должно быть 500 человек. Рост происходит в основном за счет исторического отделения. Раньше господствовала тенденция сокращения, теперь наблюдается новая эра расширения. Были годы, когда мы принимали только 25 человек на историко-филологический факультет с профилем русского языка, литературы и истории.

Теперь же мы принимает еще 25 человек по профилю история, русский язык и литература.

По этому профилю студенты всегда лучше занимаются, а для провинции это все еще проблема. До сих пор я читал древний мир и средние века, теперь, очевидно, наберется полная нагрузка по истории средних веков. К сожалению, у меня было мало времени, чтобы в октябре писать. Дело в том, что я уже четвертый год декан, и только в этом году обещали меня после 1.01.62 освободить от этой адской должности. Не думайте, что я не пишу, я пишу, но все могло бы идти быстрее...

В. Майер.

Ижевск, 18.11.61

Здравствуйтесь, дорогой Моисей Менделевич!

Не заболели ли Вы? Или, может быть, я Вас чем-то обидел? Становится грустно и не по себе, когда долго от Вас не бывает писем.

В институт пришел документ из Министерства просвещения о том, что с 1.01.62 институт может выделить подходящую кандидатуру для перевода в должность старшего научного сотрудника и освобождения его от учебной и прочей нагрузки с тем, чтобы он мог писать докторскую диссертацию. Среди других ректор института вызвал и меня. Я рассказал ему о проделанной работе. Материал по источникам XIV-XVI вв. у меня, в основном, собран, сделаны выписки, в какой-то мере материал сгруппирован, не все еще сделано по историографии. Я хотел бы попросить, чтобы меня на 2 года перевели в должность старшего научного сотрудника, чтобы оформить диссертацию на тему «Источники и источниковедение по истории немецкого крестьянства XIV – XVI вв.».

Второе, в документе Министерства просвещения сказано, что если в институте нет условий для написания диссертации, то можно попросить о прикомандировании к какому-нибудь другому институту. Я хотел бы попросить о прикомандировании к Институту истории при АН СССР и просить Вас быть моим руководителем. Желаю Вам и Вашей семье здоровья и наилучших успехов.

В. Майер.

Москва, 24.11.61

Дорогой Василий Евгеньевич!

Извините меня великодушно за столь долгое молчание. Я в свое время получил Ваше письмо с переводами и комментариями, но это было тогда, когда я работал усиленно над докладом для конференции по проблемам истории реформации, которая состоялась в октябре в Будапеште. Это подготовка, а затем и сама командировка в Венгрию оторвала меня на продолжительное время от привычной работы. Затем – конец года и необходимость наверстать упущенное и т.д. Таким образом, я еще не добрался до Ваших комментариев на памфлет Гергота. Боюсь, что не смогу взяться за него до января. Одним из моих недостатков является то, что я не могу в одно и то же время заниматься несколькими делами. Надеюсь, что Вы меня поймете правильно и извините за неаккуратность. Что касается Вашей темы и Ваших планов ее реализации, то я ее целиком одобряю... Автору докторской диссертации официально «руководителя» не требуется и не полагается. Речь может идти только о консультанте. Во всяком случае, Вы с моей стороны всегда можете рассчитывать на помощь и поддержку. Не сомневаюсь, что и наш сектор отнесется к Вам весьма сочувственно... Я надеюсь, что по существу Вашей темы мы еще успеем с Вами поговорить лично при Вашем ближайшем пребывании в Москве. ... В январе я обязательно посмотрю Ваши комментарии к Герготу, но Вы напишите мне раньше о Ваших планах. С лучшим приветом к Вам и Вашей семье.

Ваш М. Смирин.

Москва, 26.12.61

Дорогой Василий Евгеньевич!

...Как обстоит дело с Вашей статьей «Хозяйство, быт и нравы крестьянской Германии в XIV-XVI вв.»? Если она у Вас готова, то пришлите, пожалуйста, и мы постараемся ее поместить в одном из очередных сборников «Средние века». Конечно, чем скорее Вы это сделаете, тем лучше. Что же касается Ваших комментариев на Гергота, то я Вам напишу в январе.

В ожидании Вашего ответа (о Вашей статье). С лучшим приветом и пожеланиями от меня и Хаси Борисовны.

Ваш М. Смирин.

Москва, 28.01.62

Дорогой Василий Евгеньевич!

Наконец-то я взялся за Ваш перевод и комментарии. Это весьма сложная и серьезная работа, которая в «один вечер», как Вы пишете, не сделается. Я буду внимательно продолжать просмотр, но, очевидно, свое мнение по конкретным пунктам смогу Вам передать только лично, так как конкретных замечаний и вопросов соберется некото-

рое количество по комментариями и еще больше по самому переводу. Излагать все это письменно значило бы написать целый трактат. Кроме того, по многим вопросам – раньше, чем высказать мнение – необходимо с Вами поговорить, посоветоваться... когда Вы приедете в Москву поработать, вот тогда-то мы и разберем по пунктам Ваш перевод и Ваши комментарии. В принципе, я не возражаю против того, чтобы быть редактором перевода с комментариями, подготовленного Вами, но требуется большая работа редактора вместе с автором перевода и комментариев. Может быть, не очень большая, но такая, которая требует кропотливого и детализированного разбора каждого пункта, каждой страницы, абзаца. Прodelать эту работу надо, как говорится, «игра стоит свеч». Работа себя оправдывает. Но спешить с ней надо обдуманно, тем более, что вопрос о печати научных работ вообще чрезвычайно теперь осложняется. Издательство АН теперь резко сокращает печатание книг по истории. Пройти себе путь в это издательство сможет только энергичный человек после значительных хлопот по инстанциям. А ведь такая книга может быть по силам только такому солидном издательству, как издательство АН СССР.

Может быть, Вы знаете другие возможности печататься. Может быть, Ваш институт обладает для этого собственной издательской базой? Во всяком случае этот вопрос требует много хлопот и времени. А пока надо подготовить перевод и комментарии не спеша.

Я жду Вашего письма с сообщением, когда Вы будете в Москве. Если мы сможем просмотреть весь перевод и все комментарии, тогда я могу быть редактором этого издания... С приветом и лучшими пожеланиями.

Ваш М. Смирин.

Москва, 28.03.62

Дорогой Василий Евгеньевич!

...Особенно меня обрадовало утверждение Вас старшим научным сотрудником. Надеюсь, что Вы сумеете составить план научной работы, чтобы максимально использовать открывшуюся возможность и заложить серьезную основу докторской диссертации. Ваше письмо мне передали, когда я находился в больнице. Я болел три недели, теперь я уже работаю, но накопилось так много дел, что я не знаю, за что раньше взяться. Когда Вы будете в Москве, мы поговорим обо всем – о Ваших и всех других делах, которые нас интересуют. Тогда же мы и посмотрим Ваш перевод. Я Вам писал, что там еще придется поработать.

Я пишу мало, так как надеюсь Вас скоро увидеть. Будьте здоровы, привет Вашей семье.

Ваш М. Смирин.

Москва 19.10.62

Отзыв на статью «Имущественное положение крестьян в Германии на рубеже XIV-XV вв.». («Средние века», выпуск 23, стр. 95-118. – Б.С.).

Статья тов. Майера очень интересная. Вопрос ставится новый в нашей литературе по аграрной истории и при том – в полемически заостренном стиле. Выводы статьи имеют важное значение не только для аграрной истории, но и для вопроса о процессах первоначального накопления в Германии и судьбах раннего капитализма. Основным недостатком статьи является то, что, установив факты сгона крестьян в XIV – XVI вв., автор не останавливается специально на вопросе о том, как использовалась экспроприированная земля господами. Вряд ли можно утверждать, что здесь в начальной стадии имел место тот же процесс, что и в Англии. Намечалось ли и здесь исчезновение крестьянства? Или же здесь имела место перегруппировка в крестьянском населении? В части подробных трактовок мнений различных историков статью можно сократить. Критика эпидемиологов стр. 51 – 52 не аргументирована и вообще не имеет прямого отношения к рассматриваемому вопросу. Дело не в самой теории эпидемиологов, а в том, можно ли ее привлечь для объяснения проблемы «пустошей».

М. Смирин.

Москва 07.04.64

Дорогой Василий Евгеньевич!

Обсуждение II тома учебника состоится в университете (ист-фак) в субботу 18 апреля в 10 часов утра. Сегодня я говорил с директором о Вашем рецензировании. Есть надежда, что дорога будет Вам оплачена. Мы не сомневаемся, что Вы приедете вовремя. Тогда поговорим о Ваших делах.

С приветом.

Ваш М. Смирин.

Москва, 28.04.64

Дорогой Василий Евгеньевич!

... От редколлегии учебника к Вам просьба! По главе 1-й II-го тома Вы предлагали дать еще и другие примеры по развитию агрокультуры, кроме Нидерландов. Мы будем Вам очень благодарны, если Вы нам напишете несколько строк об этом из области аграрной истории Германии, которой Вы занимаетесь. О срочности этого дела Вам хорошо известно...

Ваш М. Смирин.

Ижевск, 64

Дорогой Моисей Менделевич!

Меня неожиданно вызывают, так как учебный год начинается 1-го сентября. Может быть, и поедут в колхозы работать, но к 1-му числу, очевидно, все должны быть на месте. Мне очень хотелось с Вами о многом поговорить. Время я использовал здесь удачно. Сделал много. Статью для 28-го выпуска написал. Мы с Юрием Львовичем договорились, что я ее отправлю в сектор. Хотел ее Вам лично оставить, чтобы Вы ее раньше других читали, но потом раздумал: зачем Вас раньше всех тревожить. Мысли, изложенные в статье, Вам известны, мы в этом плане с Вами беседовали. Правда, у меня еще не было подобранных фактов об имущественном положении крестьян. Одним словом, увидите. Получилось много – 28 страниц. Л. Ал. Предупреждала, чтобы было не более 25, но я не уложился в эти рамки. Кажется, материал стоящий, сокращать его нет смысла. Статью о вайде дам в другой раз, хотя она у меня и готова... С самыми лучшими пожеланиями.

P.S. Примите оттиск «Крупная издольная аренда».

Ваш В. Майер

Москва, 28.09.64

Дорогой Василий Евгеньевич!

Очень благодарен за письмо от 19/IX. Статья Ваша получена. Л.А. Котельникова показала мне рецензию на нее, полученную от Ермолаева. Он предлагает какие-то уточнения в заголовке и в тексте. Л.А. Котельникова, очевидно, пошлет Вам этот отзыв. Вы сможете его учесть, как обычно в таких случаях. Я Вам бесконечно благодарен за Ваше предложение перевести мой доклад (доклад М.М. на конференции в ГДР. – Б.С.). Я просто тронут этим предложением! У меня доклад еще в работе. Я прихожу в ужас, что он получается больше, чем полагается. Придется еще его сокращать, а на это потребуется время, которого уже не так много. Я рассчитываю его закончить в лучшем случае к 20-ому октября, а затем уже придется воспользоваться Вашим любезным предложением...

Ваш М. Смирин.

Москва, 21.10.64

Дорогой Василий Евгеньевич!

Итак, хотя я чувствую себя в отношении Ваших сил и Вашего времени «агрессором», мне все же придется прибегнуть к Вашей помощи на основании Вашего любезного предложения. Главное – в том, что перевод такой специальной статьи может быть сделан только историком-медиевистом, а не просто – человеком, знающим немецкий язык, как бы хорошо он его ни знал.

Буду Вам очень благодарен, если Вы напишете мне, что получили текст и когда приблизительно я могу ожидать получения перевода. У меня, правда, времени достаточно, так как конференция состоится не раньше начала декабря, но очевидно напечатание немецкого текста на машинке потребует некоторого времени, от меня независимого – очевидно, дней десять – не меньше. Как бы там ни было, я Вам бесконечно благодарен за то, что выручаете меня в таком важном деле. С лучшим приветом от меня и моей семьи.

Ваш М. Смирин.

Москва, 24.10.64

Дорогой Василий Евгеньевич!

Надеюсь, что мое письмо от 15-го числа, в котором я сообщил о получении с большой благодарностью моего перевода, Вы уже получили. Я работаю сейчас над освоением перевода, вношу в отдельных местах уточнения, но делаю это очень медленно, так как много работы по сектору (конец года), а здоровье таково, что быстро утомляет даже небольшая работа. Надеюсь все же, что хорошо обойдется. Перевод сделан Вами очень тщательно и хорошо. Как идет Ваша работа над завершением диссертации? Крепко жму Вашу руку.

Ваш М. Смирин.

Москва, 06.11.64

Дорогой Василий Евгеньевич!

Я и моя жена сердечно поздравляем Вас с праздником и желаем лучших успехов во всем, особенно в защите докторской диссертации, которая, как я убежден, явится важным событием не только в Вашей жизни, но и в нашей науке. Испытываю угрызения совести, что наградил Вас своим опусом, но надеюсь, что по существу эта работа Вас не очень затруднила. Сердечно жму Вашу руку.

Ваш М. Смирин.

Москва, 14.11.64

Дорогой Василий Евгеньевич!

С чувством большой благодарности я получил перевод, так тщательно сделанный Вами и поглотивший столько Вашего времени... Если понадобится, внесу поправки, о которых Вы пишете в Вашем письме.

Ваш М. Смирин.

Москва, 16.03.65

Дорогой Василий Евгеньевич!

... Давно не имел от Вас писем. Хотелось бы знать о Вашем здоровье и о состоянии Вашей работы над диссертацией. Когда Вы собираетесь в Москву? ...Институт мне поручил участие в коллек-

тивном труде по генезису капитализма. По Германии надо писать около трех листов – по промышленности, сельскому хозяйству и торговле. Я согласился только в том случае, если эта работа будет поручена нам обоим, то есть чтобы Вами был составлен раздел по сельскому хозяйству. Я надеюсь, что Вы не откажетесь. Эта работа должна быть выполнена к началу 1967 г. Пока они требуют проспект (к 10-му апреля). Отсюда – к Вам просьба – написать пару страниц этого проспекта – в той его части, которая относится к сельскому хозяйству.

Самый текст Вашего раздела (то есть по аграрной истории XV-XVI в), который должен быть представлен через два года (к началу 1967 г.), текст в объеме 1-1½ печатного листа. Для ориентации посылаю Вам план требуемого проспекта. К Вам относятся только те пункты, которые касаются раздела сельского хозяйства...

Ваш М. Смирин.

Москва, 12.11.65

Дорогой Василий Евгеньевич!

Большое Вам спасибо за Ваше письмо и за очень теплую приветственную, дружескую телеграмму к моему 70-летию.

Надеюсь, что Вы сможете вскоре выделить необходимое время для завершения Вашей монографии и ее постановки на защиту.

Прошу Вас передать мою сердечную благодарность Вашему институту – директору и сотрудникам за их поздравления и добрые пожелания.

Ваш М. Смирин.

Москва, 31.10.66

Дорогой Василий Евгеньевич!

(М.М. – о болезни своей и Хаси Борисовны. – Б.С.). ... Очень рад, что приближается окончание Вашей работы. Читать ее я смогу только после января (не раньше февраля). Не сомневаюсь, сектор ее примет к обсуждению и апробации. Принять же к защите сектор не может. О требуемых формальностях для дирекции и большого ученого совета я узнаю в ближайшие дни и напишу Вам. Тут еще будет вопрос очереди и т.п. Пока что – заканчивайте и напишите автореферат. Это требуется несомненно. Поздравляю Вас и Вашу семью с наступающим праздником.

М. Смирин.

Москва, 28.12.66

Дорогой Василий Евгеньевич!

... Я написал Вам уже давно о порядке передачи диссертации в институт. На какой стадии она у Вас теперь? У нас конец года очень напряженный – учебник, монографии и «страшные» сроки!

Жду Ваших писем. С лучшим приветом.

Ваш М. Смирин.

Москва, 23.04.67

Дорогой Василий Евгеньевич!

Ваше письмо от 15 апреля дошло до меня 20го числа и застала меня в постели...

Говорят, действительно, большая очередь на диссертационные защиты. Во всяком случае я в Ученый совет (большой) и в дирекционные палаты не очень-то вхож. Первое, что я сделал, получив Ваше письмо, это то, что постарался через другие инстанции (из-за отсутствия у него телефона) связаться с Ю.Л. Бессмертным... Третьего дня вечером он мне позвонил и сообщил, что дней пять тому назад он Вам написал, что обсуждение Вашей диссертации состоится в мае, как и предполагалось. Он сообщил мне также, что Вы решили защищать свою диссертацию не в Институте Истории. Мне Вы об этом не пишете, но если Вы приняли такое решение, то я его вполне понимаю...

Я уже неделю не был в секторе, а главное, не видел Юрия Львовича с начала его болезни. Я поэтому не вполне в курсе дела, кто, кроме Юрия Львовича, читает Вашу работу. Как всегда, все заняты, читать будут перед самым обсуждением. Что касается меня, то о моих делах теперь надо много писать, а лучше всего поговорить лично. Во всяком случае 1-2 главы я постараюсь прочесть в любых условиях, думаю, что и Любовь Александровна выступит. Планы Сергея Даниловича на этот счет мне совершенно неизвестны. Говорили ли Вы с ним во время Вашего пребывания в Москве? Говорили ли Вы с Александром Николаевичем?

Все те, кого Вы называете в качестве предполагаемых оппонентов, подошли бы. Можно еще поговорить с З.В. Удальцовой, которая никогда не отказывает нам. Если бы согласился Сюзюмов, было бы тоже неплохо.

Что касается Вашего вопроса о заключении, то, как мне представляется, в такой большой работе без него нельзя. Лучше, конечно, как итог работы, но это не исключает и высказывания (в порядке постановки вопросов, т.е. без дополнительного исследования) о перспективах дальнейшего изучения аграрных отношений в XVII в. и о вытекающем из данной работы порядке этого изучения, составляющего предмет особого исследования.

С лучшим приветом и уважением.

М. Смирин.

Москва, 19.05.67

Дорогой Василий Евгеньевич!

Неделю тому назад я получил от Вас письмо. Юрий Львович получил от Вас письмо одновременно. Он уехал (на две недели, кажется) в Ленинград и просил поставить обсуждение Вашей диссертации в середине июня. А.Н. Чистозвонов, если будет оппонентом, не сможет, очевидно, участвовать в обсуждении. При мне в секторе составлено было письмо с вопросами об оппонентах, о предполагаемом месте защиты. Вероятно, вы его получили и ответили на него.

Редакторы учебника очень интересуются вопросом, написали ли Вы уже рецензию на II том, заказанную Вам «Вопросами истории»? Это очень важно, так как от наличия рецензии зависит вопрос о включении в план издательства нового издания обоих томов учебника... Привет от Хаси Борисовны и всей моей семьи.

М. Смирин.

Москва, 15.10.67

Дорогой Василий Евгеньевич!

Очень прошу меня извинить за то, что не отвечал до сих пор на Ваше письмо и не подтвердил получение сборников «Ученых записок». Во-первых, я понял Ваше письмо так, что Вы собираетесь в сентябре быть в Москве, а во-вторых, последний месяц все у нас болели гриппом...

Большое спасибо за Ваши статьи и за образцы полбы. Часто приходится писать об этой культуре, которую я никогда не видел. По содержанию некоторых разделов Ваших статей очень хотел бы с Вами поговорить, когда Вы будете в Москве, но этот разговор в порядке личной беседы.

Очевидно, что по некоторым институтским делам Вам пришлось отложить Ваш приезд в Москву. Когда Вы теперь предполагаете приехать? Где думаете защитить свою диссертацию? Напишите, пожалуйста...

Еще раз спасибо за сборник. Желаю Вам дальнейших успехов и особенно благополучия и скорой защиты...

Жду Ваших писем.

Ваш М. Смирин.

Москва, 23.10.67

Дорогой Василий Евгеньевич!

...Хорошо, что время и место защиты Вашей диссертации, наконец, определилось. Хорошо и то, что В.Ф. Семенов согласился быть Вашим оппонентом. ...По вопросу о других оппонентах трудно сказать. Хорошо бы согласились Чистозвонов и Котельникова. Надо бы одного специалиста по аграрной истории германии, но где же его взять?!

С приветом.

Ваш М. Смирин.

Москва, 21.11.67

Дорогой Василий Евгеньевич!

В предыдущем письме я обещал выяснить интересующие Вас вопросы о порядке представления диссертации к защите.

Насколько мне удалось выяснить, дирекция начнет интересоваться Вашей диссертацией лишь после ее обсуждения и одобрения сектором. До этого нельзя говорить о включении ее в порядок дня Ученого Совета института и утверждении оппонентов.

Диссертацию представляют в Ученый Совет сектора. Следовательно, начать нужно с заявления в сектор о том, что Вы просите обсудить уже готовую диссертацию и представить ее к защите.

Вообще говоря, полагается, чтобы вместе с таким заявлением был прислан также экземпляр самой диссертации. Но Вас в секторе хорошо знают, поэтому, как я полагаю, Вы можете (формально или нет) письменно договориться с А.А. о том, когда Вы пришлете экземпляр диссертации, и попросить, чтобы наметили срок обсуждения, поговорили с предполагаемыми рецензентами. Однако надо иметь в виду, что до конца года все очень заняты своими планами. Практически, если работа близится к концу, лучше несколько подождать и прислать заявления вместе с экземпляром самой работы. Все равно раньше конца II квартала вряд ли удастся организовать обсуждение такой большой работы.

Насколько я понял из Вашего письма, Вы сможете прислать текст диссертации в январе. Тогда и следует поставить вопрос официально и практически.

Я уже советовал Вам. Если у Вас есть время, написать пока автореферат. Может быть, вы сможете его напечатать у Вас в Ижевске. Это было бы лучше, так как в Москве с этим делом много возни, которая возлагается целиком на самого диссертанта. Если бы Вы могли вместе с диссертацией и заявлением прислать также печатный экземпляр автореферата, было бы лучше всем.

Напишите мне, как у Вас теперь обстоит дело и каковы Ваши планы в этом. Я тогда свяжусь с руководством сектора и напишу Вам ответ по тем вопросам, которые я смогу выяснить.

У меня, как и у других товарищей по сектору очень напряженное состояние умов в связи с окончанием года и необходимостью представить законченные работы и заблаговременно пройти обсуждение на секторе и в Ученом Совете по Всеобщей истории.

Привет Вашей семье. Пишите.

М. Смирин.

Москва, 23.02.69

Дорогой Василий Евгеньевич!

Ваше последнее письмо меня очень обрадовало и даже вдохновило, вселило уверенность. Должен признаться, что мне самому эта

статья о Лютере нравится, что бывает, между прочим, не всегда. Уверенности же не было, потому что собственное мнение автора не имеет, конечно, решающего значения в таких случаях. Со стороны я не мог ожидать веского мнения: у нас ведь очень мало кто вникает в данную проблему и понимает ее. Я не мог ожидать авторитетного мнения, кроме как от Вас! Большое спасибо за письмо! Над Вашими критическими замечаниями я подумаю. Вероятно, здесь моя точка зрения нуждается в разъяснении и большей аргументации. Неделю тому назад вышла из печати моя книга «К истории раннего капитализма в германских землях» (М.М. кратко о содержании книги. – Б.С.). В ближайшие дни я вышлю Вам экземпляр книги и буду ждать Вашей критической оценки.

Напишите, как проходит (как прошло?) Ваше дело в ВАКе, как работаете в новом качестве?

Ваш М. Смирин.

Москва, 10.03.69

Дорогой Василий Евгеньевич!

От души поздравляю Вас с утверждением в высокой ученой степени. К моему поздравлению присоединяются Хася Борисовна, которая к тому же благодарит Вас и Бориславу Петровну за поздравление к 8-ому марта! Как Вы себя чувствуете в новом качестве? Вы имеете все основания чувствовать себя хорошо и вполне удовлетворенным не только самим присуждением степени доктора, не только тем, что присуждение последовало в рекордно короткий срок, свидетельствующий о бесспорности вопроса, но главным образом тем, что эта высокая степень заслужена Вам длительным упорным трудом, тем, что результатом Вашего многолетнего труда является великолепное исследование, общепризнанный ценный вклад в науку. В том, что Ваше исследование должно быть безотлагательно напечатано, заинтересованы все наши медиевисты и вообще все наши историки. В Ваших планах на ближайшее время первое место, несомненно, займет дело опубликования Вашей диссертации. Каковы Ваши планы в дальнейшем? Прежде всего, конечно, надо отдохнуть... Ваш М. Смирин.

Москва, 19.12.69

Дорогие Василий Евгеньевич и Борислава Петровна!

К приближающемуся дню Нового года я, Хася Борисовна и вся наша семья шлем Вам наше сердечное поздравление и лучшие пожелания здоровья, творческий успехов и полного благополучия во всех Ваших делах. Чтобы выразиться более конкретно: мы желаем Вам серьезного сдвига в деле продвижения в печать Вашей монографии.

Искренне Ваш М. Смирин

Этот период был наиболее плодотворный в деятельности двух ученых.

1970 – 75 гг. – третий период переписки. Моисей Менделевич теперь в должности консультанта в секторе истории АН СССР. Новый статус должен бы освободить, но не освободил от забот и лишней нагрузки. Проблемы со здоровьем. Василий Евгеньевич – проректор по науке. Работа, отнимающая немало времени. Нелады со здоровьем. Но оба, хотя и с трудом, находят немало времени для науки. Письма только Моисея Менделевича, но и они дают возможность понять, что волнует ученых, над чем они работают.

Москва, 15.11.70

Дорогой Василий Евгеньевич!

Очень Вам благодарен за дружеское поздравление к моему 75-летию. Правда, эта юбилейная дата не очень веселая и – главное – малоперспективная. Тем более приятно, что друзья помнят и не забывают.

Искренне Ваш М. Смирин.

Москва, 25.12.70

Дорогой Василий Евгеньевич!

... Нашу книгу «Энгельс и проблемы истории» Вы, конечно, уже имеете. По общему мнению, она хорошо оформлена. Что касается содержания, то читатели в основном еще не высказываются. Подождем рецензий – печатных и устных.

Если во время студенческих каникул Вы будете в Москве, то мы лично обсудим план и характер нашей общей главы по истории крестьянства. Было бы очень хорошо закончить эту работу до середины года. Напишите мне, пожалуйста, Ваши соображения на этот счет...

Ваш М. Смирин.

Москва, 13.01.71

Дорогой Василий Евгеньевич!

Спасибо за письмо от 5.01. и за полученную мною до этого копию рецензии на мою последнюю книгу. За внимательное изучение моего опуса и его обстоятельный разбор – особое спасибо.

В.Е. Малов одновременно с Вашей рецензией получил на ту же книгу обширную и тоже положительную рецензию от Ю.Н. Некрасова из Вологды. Редколлегия будет знакомиться с обеими рецензиями. В.Н. считает, что можно поместить обе рецензии, но дело в том, что это можно будет осуществить не скоро: больше одной книжки сборника в год пока не выходит, а редакционный «портфель» набит.

Главное, идут разговоры о превращении сборника в периодический журнал. Но когда и как эти разговоры будут завершены – нам неизвестно. Будем жить надеждой.

О нашей совместной статье по истории крестьянства поговорим, когда будете в Москве...

Ваш М. Смирин.

Москва, 29.05.71

Дорогой Василий Евгеньевич!

С большим опозданием отвечаю на Вашу любезную и дружескую телеграмму к Первомайскому празднику. Вначале я надеялся, что перевод в консультанты даст мне более спокойную жизнь, но получилось не совсем так. Правда, в известном смысле стало легче, но зато появились новые виды нагрузки, о которых я ранее не думал. Возглавляя созданную при научном Совете Отделение Истории комиссию по проблемам культуры Возрождения, я был занят около двух месяцев подготовкой научной конференции, посвященной 500-летию юбилея со дня рождения Альбрехта Дюрера.

Как водится в таких случаях, было много волнений, организаторской суеты и т.п.

Наконец, 25-го мая состоится эта конференция совместно с Институтом Истории искусств и я получил некоторую передышку и возможность вернуться к обычной нормально работе за своим столом и в библиотеке...

Я ждал также письма от Вас, так как хотелось узнать о главе по истории крестьянства. Редакторы третьего тома уже начинают интересоваться состоянием работы над этой главой, правда в очень вежливой, осторожной форме – спрашивают. Очень прошу написать мне об этом. Собираетесь ли и когда в Москву? Как Ваше здоровье?

Продвигается ли дело с печатаньем Вашей книги?..

М. Смирин.

04.09.71

Дорогой Василий Евгеньевич!

Я очень извиняюсь, что мне снова приходится обратиться к Вам по поводу главы III тома «Истории крестьянства». Мне очень не хотелось Вас беспокоить. Я надеялся получить рукопись в середине августа, как мы с Вами договорились во время Вашего пребывания в Москве в июне. Я жду ее каждый день и ждал бы еще. Но мне уже стали напоминать об этом в Москве и из Ленинграда – пока в вежливой форме – я получаю настоятельные напоминания о сроках, которые они все время переносят. Мне очень неприятно беспокоить Вас, но я просто не знаю, что отвечать на вопросы. Очень прошу написать реальный срок, который я мог бы назвать на все вопросы. Буду Вам очень благодарен за скорый ответ.

Ваш М. Смирин.

Москва, 03.11.71

Дорогой Василий Евгеньевич!

...Очень Вам благодарен за подробные сведения о Вологодском симпозиуме. Хотя Юрий Львович мне рассказывал о всех докладах, все же мне было интересно получить из Вашего письма более конкретное представление обо всем, что происходило на конференции, и о том, что предпринимается в дальнейшем. Очень отрадно и приятно, что имеющиеся на местах квалифицированные историки по собственной инициативе проявляют хорошую, плодотворную активность. Был бы я моложе, я с удовольствием включился бы в эту активность.

Я надеюсь, что Ваша глава для III тома «Истории крестьянства» близится к завершению. Мои замечания на полях Вам переданы Юрием Львовичем. Откладывать эту работу не следует. Мне кажется, лучше ее сделать, пока все свежо в памяти.

Буду ждать Ваших писем об этом и Вашей работе вообще.

Ваш М. Смирин.

Москва, 28.04.72

Дорогой Василий Евгеньевич!

...Давно не имел от Вас вестей. Как Ваши научные, литературные и всякие иные дела? Когда собираетесь быть в Москве?...

Ваш М. Смирин.

25.12.72

Дорогой Василий Евгеньевич!

...Мне уже говорили, что Вы теперь проректор по научной части Вашего Университета. Желая Вам и на этом участке больших успехов! Может быть Вы теперь получите возможность ускорить продвижение в печать Вашей большой монографии? Это было бы очень хорошо.

О моей исследовательской работе в настоящее время (точнее, в последние 2-3 года) я говорил Вам.

Сейчас я в основном закончил, посвященный гуманистическим идеям Эразма Роттердамского. В декабре я сделал в секторе два доклада: 1-ый – «Идеи свободной воли в ранних произведения Эразма Роттердамского», 2-ой – «Идея свободной воли в политическом учении Эразма». Когда они увидят свет, еще неизвестно.

В связи с Вашим новым положением Вам, наверное, придется часто бывать в Москве. Буду рад Вас видеть, или – когда Вам некогда будет заходить – поговорить с Вами по телефону.

С приветом. Ваш М. Смирин.

Москва, 06.05.73

Дорогой Василий Евгеньевич!

... Я очень жалею, что не удалось увидеться с Вами в апреле во время Вашего пребывания в Москве. Очень хотелось узнать о Вашей работе теперь и прежде всего о перспективах печатания Вашей монографии.

Хотелось бы также поговорить с Вами о своей работе, о своих двух докладах об Эразме в декабре прошлого года я Вам уже писал. На их основе я сделал две статьи. Обещают их напечатать.

Я подготовил также один общий доклад. О его применении еще не совсем ясно.

Хотелось бы мне поехать в Вологду на симпозиум. Но вряд ли я сумею это сделать... (М.М. о болезни своей и жены. – Б.С.). ...В общем «скучная история», как выражался А.П. Чехов.

Очень буду рад Вашему письму. Когда Вы предполагаете еще быть в Москве?

С приветом и наилучшими пожеланиями.

Ваш М. Смирин.

Москва, 06.09.73

Дорогой Василий Евгеньевич!

Большое спасибо за праздничное поздравление и за добрые пожелания!

Я уже давно Вас не видел и не знаю о Ваших делах. Думал, что увижу Вас в Москве и хотел было кое о чем проконсультироваться. Я еще не совсем развязался с крестьянскими главами (точнее – параграфами) для II тома «Истории крестьянства».

Вообще, я уже отошел от этих тем, особенно после того, как стал заниматься проблемами идеологии. По двум статьям об Эразме я жду сверки (2-ой корректуры). Теперь занимаюсь Себастьяном Франком – чертовски крепкий орех, требующий крепких зубов.

По поводу Вашей административной работы я Вам очень сочувствую: насколько я Вас знаю, Вам больше всего подходит научно-исследовательский труд. Как Ваша монография? Двигается ли дело с ее опубликованием?

Надеюсь, что все-таки соберетесь в Москву, тогда поговорим подробнее...

Будем рады Вашим письмам. Привет всем.

Ваш М. Смирин.

Москва, 28.12.73

Дорогой Василий Евгеньевич!

...Уже вышел из печати 37-ой выпуск «Средние века» с моей статьей, резюме которой переведено было Вами.

В начале года ожидается Выпуск 5-го выпуска «Ежегодника Германской истории» с моей другой статьей, являющейся по существу продолжением первой. Мне, таким образом, повезло тем, что раздел

моей будущей работы – напечатан одновременно, хотя и по частям в двух разных сборниках. Буду рад, если Вы, ознакомившись с этими статьями, напишите мне свое мнение и замечания.

Еще раз наши поздравления Вам и Вашей семье.

Ваш М. Смирин.

Москва, 18.11.74

Дорогой Василий Евгеньевич!

...Спасибо за подробные сведения о вашей жизни и работе. Я получил Ваше письмо после возвращения из ГДР, где принимал участие в Эрфуртской конференции, посвященной 450-летнему юбилею крестьянской войны. После конференции все ее участники совершили экскурсию в автобусе по Тюрингии, останавливались во всех местах, связанных с именем Томаса Мюнцера и его деятельностью. Было очень интересно, но для меня весьма утомительно.

Командирован я был туда вместе с А.Н. Чистозвоновым. Доклад, сделанный мною на заключительном пленарном заседании, был на тему «Передовые идеи народной реформации».

Отчет о конференции и сделанных на ней докладах будет напечатан в первых выпусках «Zeitschrift für Geschichte» за 1975 г. и в ближайшем выпуске нашего сборника «Средние века».

...В ГДР историки очень интересуются Вашей монографией и перспективой ее напечатания. Мы здесь также надеемся, что она скоро будет опубликована.

...Вероятно, Вы уже получили приглашение выступить оппонентом по диссертации моей ученицы Н.В. Савиной. Ее диссертация одобрена к защите нашим сектором. Она освещает разные стороны деятельности и характер магдебургских компаний, которые до сих пор не рассматривались.

Надеюсь, что этой зимой мы с Вами увидимся...

Искренне Ваш М. Смирин.

Москва, 03.05.1975

Дорогой Василий Евгеньевич!

...В мае мы, конечно, с Вами увидимся. Точно я не знаю даты, когда состоится защита диссертации Н.В. Савиной. Говорили о 14 или 21 мая. Перед праздником в секторе беспокоились по поводу задержки Вашего отзыва. В понедельник он, вероятно, уже будет у ученого секретаря института и тогда будет назначена защита. Одновременно защищает также ученица Е.В. Гутновой.

О своей работе я надеюсь поговорить с Вами лично, когда мы будем очень рады встретиться с Вами у нас дома.

С наилучшим приветом.

Ваш М. Смирин.

Это было последнее имеющееся у меня письмо. В начале ноября 1975 г. Василий Евгеньевич получил официальное письмо за подписью А.Н. Чистозвонова, который сообщал, что «сектор истории средних веков предполагает в конце ноября 1975 г. Совместно с кафедрой истории средних веков исторического факультета МГУ и с привлечением широкого круга медиевистов других учреждений заседание, посвященное памяти М. Смирин» (в ноябре ему бы исполнилось 80 лет).

03.11.75

Мы были бы очень признательны Вам, если бы Вы согласились сделать на этом заседании сообщение по социально-экономическим исследованиям М.М. Смирин... О Вашем решении прошу сообщить в возможно более сжатый срок...

*Заведующий сектором средних веков,
доктор исторических наук,
А.Н. Чистозвонов.*

В письме, полученном Василием Евгеньевичем от Н.В. Савиной (аспирантки Моисея Менделевича, оппонентом которой на защите был и Василий Евгеньевич) подробно сообщается о последних днях Моисея Менделевича. В письмо была вложена фотография.

...Стояла ужасная жара. Он почувствовал себя плохо (сердце, температура). Врачи ничего не обнаружили. Моисей Менделевич работал за столом, подходил к телефону, встречался с аспиранткой... За 20 минут до кончины у него был врач и тоже не нашел ничего опасного... Все произошло за письменным столом, когда Моисей Менделевич писал доверенность сыну. «Скорая» уже ничего не смогла сделать – острая сердечная недостаточность...

За рабочим столом настиг инсульт и Василия Евгеньевича.

После выхода книги «Деревня и город» Василий Евгеньевич отослал экземпляр Хасе Борисовне, жене М.М. Смирин, получил от нее ответ.

Москва, 17.05.79

...Я и вся наша семья сердечно Вас благодарим за Вашу книгу, за внимание. Это также говорит нам о той доброй памяти, которую Вы храните о Моисее Менделевиче. Большое Вам спасибо...

Х.Б. Смирин.

Светлая бескорыстная дружба, большое уважение, взаимная забота, помощь и поддержка, требовательность и честность, тщательность в исследовании научных фактов наполняли жизнь этих людей глубоким смыслом, радостью творческого труда.

Мы с Вилли Майером были однокурсниками, учились на истфаке МГУ с сентября 1937г. Он не принадлежал к числу моих близких друзей, ибо меня с ним связывали только история и стены нашей альма матер. Он не писал стихов, не посещал поэтического кружка, не был одновременно студентом Литинститута имени М. Горького. Но когда я вспоминаю годы нашей студенческой юности, неизменно в моей памяти всплывает широкое доброе лицо Вилли, его доброжелательная улыбка, характерный жест, когда он закидывал назад свои длинные прямые темно-соломенные волосы. Он был из числа тех немногих, кто вернулся после войны. И ни в чем не изменился. Мы встречались на факультете, в ленинской библиотеке, сначала в третьем, а затем и в первом зале. Он мне рассказывал о своем научном руководителе М.М. Смирине. В письме к С. Антоновой В. Майер называет его «постоянным консультантом, товарищем и другом». Из бесед с Вили я понял, что передо мной крупный ученый, который мог бы украсить столичную кафедру, стать достойным приемником своих учителей. Но случилось по-другому...

В жизни Майера, как и многих других наших однокурсников, роковую роль сыграла графа анкеты – национальность. И это тем более обидно, что никто из нас не придавал ей никакого значения. Я знал, что Вилли – немец. И мне нравилось, что он представитель великой нации, живой носитель языка, который я так любил и продолжаю любить. Перед началом войны в Москве появилось много немцев оттуда, откормленных, наглых. Я с отвращением и ненавистью смотрел на этих завоевателей Франции и всей Западной Европы и даже мысленно не мог назвать их немцами. Это были фашисты. А Вилли был немцем, настоящим немцем.

С 1 июля большинство истфаковцев, в том числе и я, копали противотанковые рвы под деревней со странным названием Снопоть в Смоленской области. Нам тогда доверили только лопату, а ему, в числе немногих, вручили оружие. Он находился в народном ополчении, служил рядовым в 21-й дивизии. Потом, когда вручили оружие всем нам, его обезоружили и отправили в тыл пешком. Почти босиком он проделал путь от Москвы до Удмуртии, где ему доверили топор. И это было высоким доверием. И с топором в руках Вилли оставался воином и патриотом.

Затем он стал учителем и не где-нибудь, а в Мултане. Мы все помнили о состряпанном царской полицией клеветническом мултанском деле, об обвинении крестьян-удмуртов в человеческих жертвоприношениях с целью разжигания национальной розни. Мы знали о героической борьбе лучших людей России (В.Г. Короленко и А.Ф. Кони) за освобождение невинно осужденных. Но никто из нас не был в Мултане и не имел

возможности, забыв личную обиду, проповедовать там вместе с историей советский интернационализм – величайшее достижение Октября.

Не пришлось В. Майеру встретиться в смертной схватке с немецкими захватчиками – носителями расистской идеологии. Но в той же Удмуртии он оказался лицом к лицу с военнопленными немцами, далеко еще не сломленными пленом и продолжавшими верить в победу Гитлера. С 20 июня 1943 года В. Майер был политинструктором в Увинском лагере №75. «Переубедить словом было очень трудно», – вспоминал он. Но вот гитлеровские войска потерпели поражение под Орлом и Курском, и угрюмо отмалчивавшиеся военнопленные стали вспоминать, что некогда были пионерами, комсомольцами, активными коммунистами. Когда же был освобожден Киев, военнопленные стали аплодировать успеху Советской Армии. Так, В. Майер в числе других политработников закладывал почву для будущей Свободной Германии.

В начале 1944 г. В. Майер переходит на преподавательскую работу сначала в педучилище, а затем в пединститут в Ижевске... Я смотрю на карту Удмуртии, республики, затерянной в приуральских лесах, на причудливые очертания ее границ, на линии пересекающих ее рек, вчитываюсь в названия незнакомых мне городков и поселков: Сарапул, Можга, Пудем, Шаркан, Кильмезь. Наверное, ты, Вилли, выезжал сюда с чтением лекций, принимал экзамены у заочников. И эти топонимы стали звучать для тебя как родные. Ты узнал Удмуртию, и Удмуртия узнала и любила тебя. В этих городах и поселках работают твои ученики, тысячи твоих учеников.

Вот этот кружок на карте Удмуртии – Ижевск – город, создающий станки, охотничьи ружья и мотоциклы. Марка «Иж» известна всей стране. Но многим ли известен Ижевск как центр медиевистики? Центр, созданный тобою, Вилли? А ведь эта марка, эта слава вечней и значимей охотничьих ружей и мотоциклов.

Здесь, в Ижевске, В. Майер, склонившись над книгами и ротапринтными оттисками, вслушивался в «подземный гул вулканических сил», который на родине его предков, в Германии, привел к грандиозному взрыву 1525 г. Слова о подземном гуле принадлежат Вильгельму Циммерманну, который за 100 лет до Вильгельма Майера работал над историей немецкого крестьянства и написал «Историю Крестьянской войны в Германии по летописям и рассказам очевидцев». Надо было обратиться к записям обычного права, к документам средневековой Германии, составлявшимся в ходе бурных обсуждений на общинных собраниях и крестьянских сходках, к тому, что называется «вайстюмер» и может быть переведено на русский словом «уставы». Этому объективному источнику, отражающему хозяйственную жизнь, социальные противоречия, правовые отношения и быт средневековой германской деревни, Майер посвятил ряд работ опубликованных в Ижевске и Москве. В едва различимом возмущенном гуле, он различил голоса тех, кто призывал к топору и советовал терпеть, барабанный бой и стоны убивае-

мых. Из анализа «уставов» и выросла и выросла докторская диссертация, а вслед за ней монография «Деревня и город в Германии XIV-XVI вв.».

В. Майер был сыном крестьянина и прожил большую часть сознательной жизни в Удмуртии, бывшей до Октября чисто крестьянским краем. Занимаясь историей германского крестьянства XIV-XVI вв., он подготовил себя к занятиям историей Удмуртии. Изучая дореволюционное удмуртское крестьянство по местным документам, он мог с большей глубиной подойти к пониманию событий пятивековой давности.

Личности Майера были свойственны устойчивость, целеустремленность, основательность. И те же черты в его научной деятельности. Он, не разбрасываясь, всю жизнь занимался одной темой. Разумеется, изучать историю германского крестьянства легче всего в Германии. Хуже, но все же терпимо в Москве и Ленинграде. Невозможно трудно было заниматься этим в Ижевске. Но В. Майер не спасовал. Он стал руководителем научной школы в глубокой провинции, лишней раз показав, что не место красит настоящего ученого, а ученый красит место.

М.М. ФРЕЙДЕНБЕРГ

(д-р ист. наук, профессор, Калининский университет)

Эти строки, я пишу, пытаюсь воссоздать в памяти облик моего доброго знакомого – Василия Евгеньевича Майера. Мы с Василием Евгеньевичем были людьми сравнительно разных научных интересов: он всю жизнь занимался историей средневековой немецкой деревни, а я был и остаюсь балканистом. А вот установилось же общение, скоро переросшее в доброе отношение...

Причина, как я понимаю сейчас, по прошествии стольких лет, была та, что мне были интересны его работы (мои, как я догадываюсь, он читал меньше), а нам обоим было интересно встречаться и беседовать. Наше многолетнее общение установилось и на взаимном уважении людей одного и того же военного поколения. Это стирало известную разницу в возрасте, хотя сам Василий Евгеньевич ее просто не замечал.

Инициатором контактов поначалу был я: мне нравились его статьи, опубликованные в «Средних веках» и посвященные «вайстюмер». Примерно с 1961 г. я занялся изучением сборников обычного средневекового права у хорватов, и мне было важно познакомиться с аналогичными местами и способами их обработки. Вскоре началась и переписка, которая длилась около 20 лет. Василий Евгеньевич не был охотником до длинных писем, но его открытки, написанные аккуратнейшим почерком, были всегда деловыми, содержательными и никогда не заставляли себя ждать. В этом отношении, как и во многих других, он был образцом для подражания...

Дважды я побывал в Ижевске. Первый раз в начале 70-х годов, когда я принял его предложение прочитать небольшой спецкурс по средневековой истории южных славян. От тех дней осталось приятное воспоминание о дружной семье Майеров и о теплом отношении к Василию Евгеньевичу со стороны его коллег по работе. Вместе с ним мы прошили по улицам Ижевска, он охотно рассказывал о городе, скупово говорил о себе. Запомнился рассказ о том, как, демобилизовавшись в 1946 г., он в солдатских обмотках первый раз приехал в этот город.

Памятна мне осень 1979 г. когда по инициативе Василия Евгеньевича в Ижевске была созвана представительная конференция медиэвистов-аграрников. Народу съехалось немало, по-моему, около 40 человек. Василий Евгеньевич предстал в новой роли гостеприимного хозяина и отличного организатора. Было множество докладов, интересные, оживленные обсуждения, поездки – все объединяла фигура хозяина. В эти дни она запомнилась, уверен, не мне одному.

Я вспоминаю пребывание Василия Евгеньевича в Калининне. Он принял мое приглашение прочесть несколько лекций для калининских студентов по аграрной истории Германии. Он воспользовался своим пребыванием в Москве на стажировке и согласился приехать на пятницу и субботу. Помню, что мы долго ждали его вечером в четверг, до одиннадцати, затем до двенадцати и в час ночи легли спать, уверенные, что гость уже ни за что не приедет. Во втором часу ночи раздался звонок в дверь: несколько смущенный поздним появлением, Василий Евгеньевич объяснил нам, что работал в Ленинке всего-навсего до ее закрытия и только потом пустился в трехчасовой путь до Калинина. Мы срочно принялись кормить уставшего гостя, а наш сын, насвистывая «Бей профессоров, они гадюки!», стал освобождать свою комнату.

Читал Василий Евгеньевич две лекции очень полемично, он разворачивал свою аргументацию спора с В. Абелем, ясно и неторопливо, несмотря на обилие материала. Я старался записать как можно больше, так как еще не было замечательной книги Василия Евгеньевича о немецкой деревне XIV-XVI вв., да и главы «Истории крестьянства в Европе», о которых впоследствии будут так высоко отзываться специалисты, еще только писались. Скромное поведение и свойственная ему неброская манера чтения лекций не позволили студентам в полной мере оценить, кто был перед ними, часть из них была откровенно невнимательна...

Впрочем, с таким отношением к приезжим лекторам приходилось встречаться и мне самому. Я искренне жалел потом, что записал не так уж много, а ведь сколько интересного знал наш гость! Вспоминаю, что после лекций, обедая у нас перед отъездом, он рассказал о том, как строили дома в деревнях в прошлом. Оказывается, чтобы в доме не появились муравьи, под домом было принято зарывать конский череп. Никогда ни до, ни после не слышал об этом обычае...

Место В.Е. Майера в истории нашей науки бесспорно, а его облик с присущими ему тактом, скромностью и неизменным доброжелательством останется в памяти его друзей как облик обаятельного и душевного человека.

А.Н. ВАХРУШЕВ

(канд. ист. наук, доцент УдГУ)

Слишком многогранна личность доктора исторических наук, профессора Василия Евгеньевича Майера, чтобы осветить все грани его многосложной работы.

Активная деятельность В.Е. Майера относится по времени к 50-70-м годам. Это время характеризуется пережитками сталинского террора, хрущевской оттепелью и затхлостью брежневского застоя. Вся эта политическая обстановка не могла не сказаться на активности как в научном, так и в общественно-политическом отношении.

С 1946 г. он работал на кафедре всеобщей истории Удмуртского пединститута, преобразованного позже в университет, которую возглавлял с 1964 г. до кончины.

В.Е. Майер получил фундаментальное историческое образование в Московском университете. С началом Отечественной войны он был призван в действующую армию (в действительности Василий Евгеньевич ушел на войну добровольцем в первые дни – Б.С.). Но с началом войны началось насильственное переселение малых народов на восток. В глубь страны, и ему тоже выразили недоверие, как немцу их «Херсонской колонии», сняли с фронта в рабочий батальон, который направили в Увинский район Удмуртии на лесозаготовительные работы. Заметив его незаурядные исторические знания, взяли на преподавательскую работу в Новомултанское педучилище, а затем в Удмуртский пединститут.

Естественно, до периода наступления «оттепели», после смерти Сталина, он высказал свои мысли осторожно, не проявляя особой инициативы, ограничиваясь добросовестным выполнением поручений кафедры и общественных организаций института. И даже работая над кандидатской диссертацией, широко не разглашал свою тему. Получив степень кандидата исторических наук, после разоблачения культа личности Сталина, он всесторонне раскрыл свои дарования в области науки и общественной деятельности. В это время одна за другой выходят его статьи и брошюры по проблемам средневековой Германии, по истории христианства и по важнейшим вопросам истории удмуртского народа. В 1968 г. В.Е. Майер получает степень доктора исторических наук. Его работы становятся известны не только медиевистам нашей страны, но и за ее пределами.

В 50-70е годы В.Е. Майер является одним из популярнейших лекторов общества «Знание», главным образом по атеистической пропа-

ганде. В эти годы он стал проявлять политическую и организаторскую активность, особенно с преобразованием пединститута в университет в 1971 г., не только в вузе, но и в городе и в республике, участвуя в руководящей работе различных добровольных обществ.

Его научные работы и научно-педагогическая деятельность отличались глубиной анализа исторических фактов и событий, установлением причинно-следственного ряда между ними в едином историческом процессе. Отвергая господствовавший длительное время в общественных науках нарочитый подбор фактов и явлений, он делал выводы из анализа фактов и их значения для дальнейшего исторического процесса, для выявления основополагающих закономерностей общественного развития.

Этому В.Е. Майер учил своих студентов и требовал от них самостоятельного осмысления исторической действительности. Читал он лекции в спокойно-повествовательном стиле, избегая декларативности, митинговости, делая логические ударения на главных местах, выписывая на доске основные даты, имена, географические названия. Не уважал тех, кто читал лекции абстрактно, без учета времени, пространства и социальной истории общества. Тех, кто этим правилом пренебрегал, называл «схоластами». Чтобы сделать свою лекцию доходчивой, он использовал массу наглядных пособий (карты, диаграммы, графики, схемы и т.п.), а также технические средства (эпидиаскоп, кино).

Он знал своих студентов поименно, их запросы, радости и беды. С первым курсом охотно ездил на полевые работы, объясняя эту необходимость тем, что в непринужденной обстановке легче узнать характеры слабые и сильные стороны, общеобразовательный, нравственный и эстетический уровни первокурсника. На семинарских занятиях и на экзаменах у него хватало терпения внимательно слушать ответы студентов, поправлять в спокойных, нераздражительных тонах их неверные ответы.

Так же, как чувствительные его руки с помощью ольховой ветки угадывали прилегающие грунтовые воды и указывали жителям Увинского района, где можно рыть колодец, его разум, сердце безошибочно распознавали истинность студентов. Он учил студентов своей методике работы и подготовил целую плеяду научных работников. В настоящее время на историческом факультете и на кафедрах общественных наук высших учебных заведений республики работают его ученики. Он помог десяткам студентов в защите кандидатских диссертаций.

Если бы все преподаватели общественных наук работали, как В.Е. Майер, следовали его примеру, то, что быть может, не понадобилось бы коренной перестройки, с точки зрения преподавания общественных дисциплин. Думаю, именно опыт таких работников и воспитателей обобщен в известном постановлении ЦК КПСС о реформе высшего образования, в частности в преподавании общественных наук.

Когда меня попросили написать воспоминания о В.Е. Майере, все во мне всколыхнулось. Казалось, что не так часто мы были рядом. А когда подумал – он оказывал влияние на меня всю мою жизнь, с тех пор, как я стал студентом пединститута. Да и сейчас я его ощущаю как реальность.

Я стал студентом Удмуртского пединститута в 1950 г. Среди многих преподавателей исторического факультета выделялся один – немец, Василий Евгеньевич Майер. Про него рассказывали, что он закончил исторический факультет МГУ, был на фронте, а потом его за что-то сослали в Удмуртию на торфоразработки. Но поскольку преподавателей в институте не хватало, то по просьбе ректора института М.П. Бабина ему разрешили у нас преподавать историю средних веков.

Первая моя реакция – неприязнь. Как это немцу (имейте в виду, что недавно закончилась война с фашизмом) разрешили учить нас!? Но вскоре все наносное рассеялось. Василий Евгеньевич в те годы был просто рядовым преподавателем, ученых званий и степеней не имел, но его глубокое знание предмета поражало. Читал лекции он свободно, с небольшим акцентом. В перерыве многие преподаватели уходили на кафедру, а Василий Евгеньевич обычно оставался со студентами, курил, беседовал. Кстати, о курении. Василий Евгеньевич, насколько я помню, курил довольно часто и много. Но вот стал подрастать сын. По рассказу Бориславы Петровны, супруги В.Е. Майера, Василий Евгеньевич заметил, что сын стал курить. Это его взволновало. Он решил провести серьезный разговор о вреде курения, на что сын резонно заметил: «Сам-то ты куришь». «С сегодняшнего дня бросаю курить», – ответил он. И действительно бросил. Но мучился. Как-то потом, уже лет через 15, рассказывал, что долго видел во сне, как курит. Этот эпизод свидетельствует о характере этого человека, его незаурядной воле.

В его поведении никогда не проскальзывало чувство превосходства, он всегда вел себя на равных, но и никогда и ни перед кем не заискивал. Особенно не уступал в принципиальных вопросах. В этом мы вскоре убедились.

В 1952 г. вышла в свет книга Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР». По всей стране шло изучение этого труда, обсуждался он и в нашем пединституте. Докладчик и выступавшие говорили о том, что Сталин первым в марксистской литературе четко и ясно сказал о базисе и надстройке общества. А В.Е. Майер обратил внимание на то, что учение о базисе и надстройке общества разработано в трудах основоположников марксизма К. Маркса и Ф. Энгельса, а Сталин является лишь популяризатором марксизма, что ряд идей Сталина, выдвинутых в книге спорны. Это произвело эффект разорвавшейся бомбы. Все после-

дующие стали критиковать какого-то Майера, осмелившегося взять под сомнение труд великого Сталина.

От Майера ждали, что он покается, откажется от сказанного, однако Василий Евгеньевич стоял на своем. Одни считали его чудачком, другие поспешили от него отвернуться. В те годы такое не могло пройти даром. Его лишили права преподавать историю и вообще преподавать на историческом факультете. Он был переведен на факультет иностранных языков преподавателем латыни. Конечно, Майер мог поплатиться за свое выступление и жизнью. Даже после смерти Сталина обстановка вокруг него изменилась далеко не сразу. Исключительно трудным было его материальное положение. Но и в этих условиях он, не падая духом, настойчиво работал над кандидатской диссертацией, защитил ее, а затем завершил работу над докторской. Его труды по медиевистике получили признание не только в стране, но и за рубежом.

Моя связь с В.Е. Майером возобновилась в 1956 г., когда я из Базельского РК ВЛКСМ был переведен заведующим лекторской группой ОК ВЛКСМ. Мы его приглашали в качестве консультанта молодых лекторов по атеизму. В этот же период он прорецензировал мою лекцию «Суэцкий канал». Рецензия В.Е. Майера очень помогла мне повысить ее качество. И в дальнейшем он неоднократно рецензировал мои лекции по международной проблематике. Рецензии В.Е. Майера всегда были доброжелательны и конструктивны. Отметив положительные стороны лекции, он тактично, но принципиально указывал на недостатки и обстоятельно разъяснял, что нужно сделать для улучшения работы. Такие же подробные рецензии он давал и на рукописи моих научных работ.

На личном опыте я знаю, как заинтересованно он следил за деятельностью своих учеников. В моей жизни были взлеты и падения. Я занимал большие посты и был рядовым преподавателем. И в любой момент отношение ко мне В.Е. Майера было ровным. Он искренне радовался моим успехам, но всегда предупреждал о том, чтобы я не бросал научную работу.

Более частыми наши встречи стали после того, как я был переведен в Удмуртский университет заведующим кафедрой истории КПСС. Я писал докторскую диссертацию и частенько получал от Василия Евгеньевича, уже прошедшего этот тернистый путь, казалось бы, незначительные советы. Никогда не перепоручать решение своих научных проблем кому-то. Будет обязательно что-то напутано, утеряно время. Все документы, все дела готовить лично самому. Купить машинку и учиться печатать. Это экономия и времени, и нервов. А главное – надежно. Сам он помогал очень много. Дважды читал черновые варианты диссертации, помогал переводить научную литературу с немецкого языка. А уже после представления диссертации к защите при встречах шутливо спрашивал: «Как дела профессор?». Я обижался. Он разъяснял, что работа добротная, пройдет обязательно. Но для меня это казалось делом еще далеким и нереальным. А он подбадривал: «Все будет хорошо!»

Прошло время. И чувствую, как не хватает В.Е. Майера в университете, на историческом факультете. Идешь по коридору четвертого этажа второго учебного корпуса и кажется, что вот-вот откроется дверь аудитории, выйдет Василий Евгеньевич и скажет: «Как дела, профессор? Не волнуйся, все будет хорошо!»

Т.С. ТОМШИЧ

*(канд. ист. наук, профессор
Института повышения квалификации
и переподготовки работников образования
Удмуртской Республики)*

НАСТОЯЩИЙ УНИВЕРСИТЕТСКИЙ ПРОФЕССОР

След, который оставляет ученый в истории науки определяется не только значительностью его исследований, но и масштабностью личности, образом, который сохраняется в памяти. О публикациях известного в России и за рубежом ученого-медиевиста В.Е. Майера еще много раз скажут и напишут его ученики и последователи. Мне бы хотелось вспомнить те черты его личности, которые восхищали меня, и по сей день позволяют считать его настоящим университетским профессором, одним из создателей Удмуртского государственного университета.

Когда в 1972 г. на базе педагогического института был открыт университет, В.Е. Майер оказался одним из тех людей, вокруг которых формировались университетские традиции. Сохраняя лучшее, свойственное прежнему вузу, надо было организовать учебный процесс, работу кафедр, научную деятельность на новом качественном уровне, соответствовавшем университетским требованиям. Являясь заведующим кафедрой всеобщей истории, затем проректором по научной работе, В.Е. Майер вместе с ректором Б.Н. Шульгой находили и приглашали в университет молодых и опытных ученых, преподавателей из вузов гг. Казани, Екатеринбург, Горького, Новосибирска и др.

В УдГУ я пришла почти сразу же после его открытия. Инициатором моего перехода в университет был именно В.Е. Майер, за что я ему глубоко благодарна – была зав. кафедрой, здесь получила аттестат профессора. Но главной своей удачей считаю тот опыт, который приобрела, работая в составе научно-методического совета при проректоре по науке УдГУ. Никогда ранее, да и после, я не встречала такого ответственного, мудрого, образованного, тактичного, неиграющего какую-то заданную роль, руководителя. Заседания НМС В.Е. Майеру удавалось превратить в основательный, профессиональный разговор, сопровождающийся часто интереснейшими дискуссиями. Думаю, что все, кто работал рядом с В.Е. Майером, получали огромный научный и жизненный опыт, расширяли диапазон педагога.

Не могу обойти вниманием вопрос об отношении В.Е. Майера к студентам, выпускникам факультета, аспирантам. Это была взаимная любовь, гордость ученого и педагога за успехи своих питомцев. Вспомню лишь один эпизод. За два года до открытия университета деканат исторического факультета предложил поработать председателем ГЭК. Выпуск этого года был особенно удачным. Сегодня среди выпускников 1970 г. два доктора наук, профессора, около десяти кандидатов наук, много талантливых и известных в республике учителей. Я очень старалась быть требовательным председателем, но и не могла скрыть радость, слушая ответы студентов. На государственных экзаменах и защите дипломов буквально блистали Н.Г. Васильева (Шишкина), Л.Ф. Шумилова (Бабкина), Л.Н. Головенкина (Порцева), Ф.Р. Санникова (Новикова) и др. Василий Евгеньевич не отвлекался ни на минуту, было видно, что выступления дипломников делали его счастливым. Вся блестящая педагогическая деятельность В.Е. Майера (его учебные курсы до сих пор считаются эталоном) была нацелена на приобщение студентов к серьезной научной деятельности. Высокий исследовательский уровень студенческих работ стал традицией кафедры, которую он возглавлял.

Р. Д. ГОЛДИНА

(д-р ист. наук, профессор УдГУ)

О ВАСИЛИИ ЕВГЕНЬЕВИЧЕ МАЙЕРЕ

*Не говори с тоской: их нет,
но с благодарностью: были*

В.А. Жуковский

Именно так – с благодарностью – мне всегда вспоминается Василий Евгеньевич Майер. О нем написано уже не мало, но никакие слова не могут восполнить тот долг, который жившие с ним рядом люди, в том числе и я, имеют перед этим удивительно цельным, многогранным, светлым человеком.

Я познакомилась с ним в июне 1969 г., приехав в Ижевск для того, чтобы договориться о проведении археологической практики студентов исторического факультета Ижевского педагогического института на базе памятников Каракулинского района Удмуртии, попадающих в зону затопления будущей Нижнекамской ГЭС. Эта работа была поручена Уральскому университету (г. Свердловск), где я тогда работала.

Поднявшись на четвертый этаж второго учебного корпуса, где располагался исторический факультет, нашла комнату с «табличкой» кафедры всеобщей истории, сейчас это аудитория 407. Несмотря на ранний час (мне пришлось прогулять всю ночь по Ижевску, так как не нашлось места в гостинице) Василий Евгеньевич был уже на работе. Он сразу произвел на меня большое впечатление своим обаянием, умени-

ем располагать к себе любого человека. Мы поговорили с ним, как старые добрые знакомцы, быстро решив все необходимые проблемы. И потом на протяжении трех лет я с удовольствием работала со студентами-историками из Ижевска. Это были веселые, любознательные ребята, выгодно отличающиеся трудолюбием от свердловских студентов. С Василием Евгеньевичем мы поддерживали отношения, переписываясь, и когда в 1972 г. на базе пединститута был создан университет, я получила предложение от него переехать в Ижевск и организовать здесь экспедицию и специализацию по археологии. Это приглашение кардинально изменило мою жизнь. К тому времени я уже имела значительный опыт работы на археологических памятниках разного времени и типов, прошла довольно жесткую школу аспирантуры и сотрудничества в коллективе под руководством одного из выдающихся российских археологов – Владимира Федоровича Генинга, защитила кандидатскую диссертацию, что и послужило той основой, на которой строился мой дальнейший профессиональный рост. Но практически реализовать свои возможности мне удалось только с помощью В.Е. Майера. Вскоре после моего приезда в Ижевск, он стал проректором по научной работе и без малейших колебаний стал моим главным помощником в проведении всех дел. В.Е. Майер был очень авторитетным человеком. Мне не раз приходилось наблюдать, как он проводил или участвовал в совещаниях, будучи проректором. Вспоминается одна встреча у ректора Б.Н. Шульги, где обсуждался довольно сложный и щекотливый вопрос. Было много эмоционально выступающих с разными, иногда противоположными точками зрения. В.Е. Майер сидел с закрытыми глазами, как будто отключившись от общей беседы. Но в конце дискуссии высказал настолько обстоятельно и аргументировано свое мнение, что все с ним были вынуждены согласиться.

Велики его заслуги в организации Камско-вятской археологической экспедиции. Только с помощью В.Е. Майера нам удалось в первый же год приобрести оборудование для экспедиции: спальные мешки, палатки, фотоаппараты, теодолиты и др. Причем это оборудование было высшего качества – палатки германского или польского производства с двумя покрытиями, спальные мешки различных модификаций – меховые, ватные, синтепоновые. Гости из других экспедиций, иногда навещавшие наши полевые лагеря, всегда удивлялись нашей роскошной материальной базе. В.Е. Майер лично договаривался со столовой университета об аренде кухонного оборудования для экспедиции, а с автобазами города – грузовых машин для нашей экспедиции.

Несмотря на доброжелательность, он был очень осторожным человеком. Всегда хотел все увидеть своими глазами и удостовериться, что все в порядке. Поэтому в первый же год он предпринял очень тяжелое путешествие в д. Агафоново, что на самом севере Коми-Пермяцкого округа Пермской области, там мы копали интереснейшие средневековые могильники. Дорога была трудной, так как мало того, что расстояние бы-

ло огромным (около 500 км), дорога была безобразной – почти вся без твердого покрытия, с множеством ям и колдобин, но и управлял машиной профессор В.В. Овсиенко, потерявший на фронте ногу. Но они все-таки доехали. Убедились – какой у нас симпатичный лагерь, как весело устроена трудовая и развлекательная жизнь, как организовано питание и быт, а, главное, какова результативность наших работ. Несмотря на свой серьезный статус профессора, проректора по научной работе, Василий Евгеньевич был очень компанейским человеком, любил веселую компанию, умел ее поддержать и в честь его приезда мы всегда устраивали небольшую ночную вылазку на уху или шашлыки, подальше от спящего студенчества. Он мог выпить за компанию рюмочку, но никогда не злоупотреблял. Пожив с В.В. Овсиенко несколько дней нашей суматошной жизнью, они уехали обратно в Ижевск на старенькой инвалидной машине.

В 1975 г. В.Е. Майер приезжал к нам на раскопки неолитического поселения Моторки II, расположенного в устье небольшой речки Идык на левобережье р. Валы в Кильмезском районе Кировской области. Дорога тоже была неблизкой, но это уже недалеко от границ Удмуртии, примерно напротив ст. Сюрек. От этого времени сохранилась фотография, где Василий Евгеньевич вместе со студентами сидит за простым обеденным дощатым столом, с удовольствием уплетая суп, сваренный нашим шеф-поваром Валерой Шляфером (сейчас зам. зав. управлением народного образования г. Ижевска). А рядом счастливый Валера в фартучке и платочке, очень довольный тем, что профессору нравится его фирменное блюдо. В ночь после отъезда Василия Евгеньевича природа, словно мстя за то, что мы его отпустили, устроила нам страшную бурю. Прямо в полночь разразилась жуткая гроза, лил прямо тропический ливень, в небе грохотало и сверкало, а порывы ветра срывали наши импортные палатки, как скорлупки, и тащили их прямо в низину, в реку. Устоял лишь угол единственной палатки, где спала моя девятилетняя дочь Катя, словно стихия пожалела ребенка. Все остальные, включая овчарку одного из студентов – Игоря Семенова вынуждены были до утра скрываться в кузове машины. Едва забрезжила заря, гроза прекратилась, а народ ринулся вылавливать из реки свой скарб: палатки, спальные мешки, одежду, фотоаппараты, радиоприемники, посуду и другую бытовую технику.

Приезжал Василий Евгеньевич и на раскопки Бродовского курганного могильника эпохи великого переселения народов в Кунгурский район Пермской области. Ему понравился и оригинальный памятник – курганы, обрадовали и своеобразные материалы, он впервые увидел много хорошо сохранившихся скелетов, живо расспрашивал нашего антрополога об исследовательских возможностях этого источника. С удовольствием сидел на ежедневных планерках, вникая во все тонкости нашего дела и стараясь своими вопросами, репликами помочь студентам освоению методик.

В 1974 г. мы провели в нашем университете IV Урало-Поволжскую археологическую студенческую конференцию. Приехало около 100 человек из 21 вуза России и Казахстана. Проблем множество: их размещение, питание, развлечения, организация работы секций, встреча и проводы делегатов. Именно тогда наш студенческий коллектив особенно сплотился для решения общего дела. Но за всем этим стоял В.Е. Майер. Он вникал во все мелочи и, как мог, помогал. Конференция прошла блестяще, многие ее участники до сих пор о ней вспоминают с большим теплом. Благодаря В.Е. Майеру удалось даже опубликовать тезисы докладов это собрания, хотя в те времена это было необычайно сложно. За редким исключением не публиковались даже тезисы конференций взрослых ученых, а тут – студенческая. А в работе конференции приняли участие ведущие уральские ученые: Э.А. Савельева, Л.Я. Крижевская, Г.И. Матвеева, И.Н. Сосновкин, В.С. Патрушев, Т.М. Потемкина и другие, и это придало ей особый вес. Василий Евгеньевич был очень доволен. Он написал даже небольшую заметку об этой конференции, опубликованную в журнале «Вестник высшей школы» № 9 за 1974 г. Мне кажется, после этой конференции он по-настоящему поверил в мои силы как руководителя.

В апреле 1980 г. мы вместе с Василием Евгеньевичем провели еще одно важное совещание – VII Уральское, посвященное памяти выдающегося российского ученого – Отто Николаевича Бадера. Приехало более 100 ученых из 24 городов: от Киева до Томска. Конференция была очень представительной, много было известных ученых: из Москвы д.и.н. М.Ф. Косарев, Д.А. Крайнов, В.М. Могильников, К.Ф. Смирнов, В.Ф. Старков, Н.Л. Членова, из Киева – В.Ф. Генинг, Казани – А.Х. Халиков, П.Н. Старостин, Е.П. Казаков, А.Г. Петренко и многие, многие другие. Конференция удалась, много было полезных дискуссий, на которых шлифовались качества тогда еще молодых, перспективных ученых: В.В. Иванова, Н.Л. Моргуновой, В.Т. Ковалевой, Г.Б. Здановича, Н.В. Федоровой и других.

К конференции наш коллектив подготовил и 23 февраля 1980 г. торжественно открыл музей «Древняя и средневековая история народов Камско-Вятского междуречья», в создании которого роль В.Е. Майера невозможно переоценить. Он занимался всем: и размещением заказа на изготовление витрин на Ижевской мебельной фабрике и добычей крупногабаритного стекла для витрин и помогал с покупкой достаточно дорогой ткани для фона витрин и размещением материала в витринах и многими другими большими и малыми делами. Во всяком случае участники VII Уральского совещания смогли оценить по достоинству накопленные к этому времени Удмуртским университетом новейшие археологические материалы.

Важнейшей задачей, которую решить без В.Е. Майера было бы значительно труднее, было развертывание хоздоговорных работ и на их основе организация хоздоговорной лаборатории. Уже в 1973 г. нам уда-

лось заключить несколько хозяйственных договоров на изучение археологических памятников в зонах строительства: в зоне строительства газопровода Пермь-Казань-Горький; в объектах мелиорации на территории Удмуртии и Кировской области; на разведочные работы в Удмуртии по поручению Удмуртского отделения Общества охраны памятников истории и культуры. И с каждым годом объем этих работ все более возрастал. Кадров для полевых работ катастрофически не хватало и опять же с помощью Василия Евгеньевича нам удалось без особых препятствий организовать специализацию по археологии для студентов-историков. В условиях молодого, провинциального вуза много хлопот доставляло приглашение и прием ведущих ученых из других центров страны, но и это помогал решать Василий Евгеньевич. В разное время лекции для студентов-археологов читали проф. В.Ф. Генинг (Киев), проф. Ю.Л. Щапова, В.В. Седов (Москва), проф. Л.Я. Крижевская (Ленинград), проф. В.А. Оборин (Пермь), проф. А.Х. Халиков, Т.А. Хлебникова (Казань) и другие.

По приезду в Ижевск я была классическим археологом-источниковедом и считала главной задачей анализ материалов раскопок. Поэтому первые дипломные работы, выполненные под моим руководством решали прежде всего источниковые проблемы. И это сразу же было отмечено В.Е. Майером, который мягко, но настойчиво указывал на необходимость усиления исторических экскурсов в археологических работах. И сейчас я уверена в справедливости этих требований. Наши дипломные работы теперь отличаются не только стремлением к историзму, но и более фундаментальной историографичностью и разнообразием методических и методологических подходов.

В.Е. Майер был одним из любимых преподавателей факультета не только потому, что он был высоко эрудированным специалистом, основателем научной школы, блестящим лектором, но и потому, что любил студентов, их жизнь, понимал их слабости, но и видел в них будущее. Он с удовольствием ходил на немилые преподавательскому сердцу обязательные дежурства в студенческих общежитиях, факультетские вечера, кроссы и лыжные соревнования, на субботники и демонстрации – всюду, где можно было запросто пообщаться со студентами. Его присутствие на этих мероприятиях придавало им значительность, а его оптимизм, дружеские шутки, мягкая улыбка как ничто создавало теплый доверительный семейный климат.

Вспоминается одно из партийных собраний факультета, где как всегда «ругали» нерадивых студентов и среди постоянных фамилий вдруг мелькнула одна относительно благополучного студента. Никто не обратил на это внимание, но только В.Е. Майер спросил: «А не случилось ли у него чего-нибудь дома? Может быть ему надо помочь?» На следующий день я увидела его в коридоре, внимательно беседующим с этим студентом. И дело выправилось. Позже этот студент стал научным работником, кандидатом исторических наук и сделал немало для изуче-

ния истории Удмуртии. Я многому научилась у В.Е. Майера, но в особенности уважительному отношению к студентам. Вряд ли я смогу достойно оценить всю мощь воздействия личности В.Е. Майера на мою жизнь, но глубоко благодарю судьбу, что она подарила мне радость общения с этим удивительным и ярким человеком.

Л.Д. МАКАРОВ

(д-р ист. наук, доцент УдГУ)

ПАМЯТИ В.Е. МАЙЕРА: УЧЕНОГО И ЧЕЛОВЕКА

Одним из главных профессиональных достоинств научного творчества В.Е. Майера являлось его уважительное, можно сказать – трепетное, отношение к историческим источникам, что наглядно зафиксировано в публикациях ученого. Не будучи археологом, Василий Евгеньевич, тем не менее, прекрасно понимал значимость вещественных источников, а как историк-медиевист стремился определить их место в средневековом пространстве и связать с письменными известиями. Хорошо помню его приезд в 1976 г. на раскопки поселения Моторки II (Кильмезский район Кировской области, левый берег р. Валы). Как и полагается в таких случаях, начальник Камско-Вятской экспедиции Римма Дмитриевна Голдина провела для гостей экскурсию на раскоп. Памятник оказался многослойным (энеолит, бронза, финал раннего железного века, раннее и позднее средневековье). Узнав, что верхний слой поселения был оставлен русскими в XVI-XVII вв., Василий Евгеньевич стал внимательно осматривать поверхность и время от времени подбирать и исследовать кусочки коры и бересты. Мне стало любопытно – что же, собственно говоря, ищет глубокоуважаемый профессор? И я, набравшись храбрости (ведь студентом еще был!) подошел и несмело спросил о предмете поиска. Оказалось, что мэтр пытался найти берестяные грамоты! Помню, что это меня страшно поразило и вообще стало откровением! Еще бы, ведь береста ассоциируется обычно с Великим Новгородом или другими центральными древнерусскими городами, а тут рядовое и довольно позднее поселение, да к тому же расположенное в глуши!

Лишь много позже я понял, что В.Е. Майер, пусть это и было несколько наивно и, конечно, простительно для неспециалиста, хотел расширить круг источников за счет археологических находок, несущих и письменную информацию, столь желанную для него.

Это стремление выйти за рамки своего круга источников и своего предмета исследования было характерно для Василия Евгеньевича и приводило порой к неожиданным результатам. Примером этого могут служить его экскурсии в историю удмуртской общины, а свежий взгляд знатока германской общины-марки высветил особое видение рассматриваемой проблемы.

В 1980 г. в Удмуртском университете проходило VII Уральское археологическое совещание с участием большого числа крупнейших археологов страны. Будучи проректором по научной работе, В.Е. Майер был не только одним из организаторов совещания, но и активным участником. Он выступил с необычным для уральских археологов докладом о германских крепостях-бургах, и это прозвучало невероятно свежо и актуально, вызвав оживленное обсуждение. Он интересовался научными проблемами коллег не только по историческому, но и по другим факультетам университета, проявляя порой весьма глубокие познания предметов, не появлявшихся и близко в поле его исследовательской области. Василий Евгеньевич мог запросто осведомиться у аспиранта или соискателя о состоянии работы над диссертацией. Как-то раз и я оказался в такой ситуации: В.Е. Майер остановил меня в коридоре и попросил рассказать о продвижении моей работы (а я в это время учился в аспирантуре в Ленинграде и в очередной раз приехал домой, чтобы обрабатывать источники по своей теме, посвященной истории русской колонизации Вятского края). Я честно поведал о затруднениях методологического характера и некоторых проблемах в использовании письменных источников. Профессор дал ряд дельных советов и по-доброму попрощался со мной. Я сейчас, конечно, уже не помню, о чем конкретно шел разговор, но само отношение Василия Евгеньевича к теме моего исследования, его благожелательность и стремление помочь молодому коллеге поразили меня и оставили в памяти яркий след. Уверен, что и в настоящее время В.Е. Майер является образцом для подражания и в жизни, и в науке, и в работе.

В.В. ИВАНОВ

*(канд. ист. наук, ст. научный сотрудник
исторического факультета УдГУ)*

**ПРОФЕССОР В.Е. МАЙЕР – УЧИТЕЛЬ, РОССИЙСКИЙ
ИНТЕЛЛИГЕНТ, ХАРИЗМАТИЧЕСКИЙ ЛИДЕР**

...Март 1979 г. профессор В.Е. Майер остановил в коридоре истфака меня, тогда зеленого первокурсника, и предложил заниматься научной работой под его руководством. Незадолго перед этим я выиграл факультетскую олимпиаду по истории (они проводились ежегодно, но первокурсник победил едва ли не впервые) и в результате обратил на себя внимание человека, который на факультете был фигурой культовой. Помню, поздравлял меня, чуть ли не весь курс. Последующие несколько лет общения и, позволю сказать, дружбы с Василием Евгеньевичем остались в памяти как лучшие годы жизни.

Уже довольно много написано о нем как об ученом. А вот чем он особенно запомнился как человек и учитель.

Василий Евгеньевич, будучи этническим немцем, обладал лучшими качествами российской интеллигенции, был носителем классических традиций Московского университета. Со всеми студентами, аспирантами, коллегами был всегда на «Вы», при входе во второй гуманитарный корпус и выходе из него неизменно здоровался и прощался с дежурными вахтерами, всегда снимал головной убор, едва войдя в корпус, и надевал его, лишь выйдя на улицу. Этим элементарным и естественным для него правилам поведения он старался обучить студентов и более молодых коллег, некоторые, увы, так и не усвоили эти уроки.

Но, разумеется, не только в этих проявлениях бытовой культуры заключались черты характера Василия Евгеньевича, свойственные российской интеллигенции. Его отличал удивительный, ненасытный интерес ко всему новому, необычному в жизни, науке, причем в областях, даже очень далеких от сферы его научных исследований. Помню, с каким увлечением он рассказывал мне о работе молодого ботаника, аспиранта профессора В.В. Туганаева, который пешком обошел почти всю Удмуртию в поисках растительных видов, неорганичных для республики, попавших сюда из других регионов. Или, немножко по-дилетантски, но с таким же азартом описывал изучение структуры металлов, которое проводили его соседи по дому – сотрудники Института физики металлов Уральского отделения Академии наук СССР.

Его традиционное для российской интеллигенции подвижничество состояло и в многогранной просветительской деятельности – бесконечных лекциях для учителей, деятельности по линии общества «Знание», работе в качестве председателя Ижевского отделения общества дружбы «СССР – ГДР» – последнее было для него еще и формой связи с родной его предков – Германией, где ему так и не суждено было побывать.

Отношение Василия Евгеньевича к ученикам, аспирантам было патриархально-отеческим. В 1984 г. я сдавал в (тогда еще) Ленинградском университете кандидатский экзамен по специальности. Самолет, на котором я возвращался, прилетал поздно, к тому же, еще и опоздал на два с половиной часа. Когда я часов в 12 ночи добрался домой, мои домашние рассказали, что за это время Василий Евгеньевич звонил четыре раза (!), спрашивая, вернулся ли я и как сдал экзамен.

В то время не было в ходу понятие «харизматик», но, по сути, Василий Евгеньевич был именно «харизматическим лидером», который своим магическим обаянием сразу же привлекал к себе множество людей, никогда прежде с ним не встречавшихся, иногда даже не читавших его работ, но попавших под непреодолимое воздействие его личности. Я сталкивался с этим неоднократно – видя, как в Москве, где он оппонировал на защите диссертации или в залах Ленинской библиотеки, пообщаться с ним буквально сбегались медиевисты из разных городов тогдашнего СССР; когда слушал комплименты в его адрес из уст московских и ленинградских аспирантов, профессоров немецких университетов.

И последнее, печальное воспоминание. ... 8 февраля 1985 г. – заседание кафедры всеобщей истории (на котором я, как аспирант, тоже присутствовал). Это было во время студенческих каникул, через несколько дней начинался второй семестр. Василий Евгеньевич был полон планов, которыми делился с коллегами. Стоял прекрасный солнечный день. После заседания я подошел к нему с одной статьей, имеющей отношение к теме моей будущей диссертации. Мы ее обсудили, и он сказал: «Я хотел бы, чтобы Вы вели большую научную работу». Это были последние слова, которые, как напутствие, я услышал от него. Затем сотрудники кафедры стали заниматься текущими делами – кто-то просматривал учебные планы на предстоящий семестр, кто-то рассказывал последние новости, кто-то листал журналы. В какой-то момент что-то будто ударило меня в грудь – я поднял голову от своей статьи и увидел Василия Евгеньевича. Он уже собрался уходить – стоял в дверях кафедры, в пальто, с шапкой и портфелем в руках и обводил всех взглядом... Еще немного постоял, и молча, даже не попрощавшись, повернулся и ушел – навсегда.

Н.Ю. СТАРКОВА

(канд. ист. наук, доцент УдГУ)

Хочу обратиться к памяти Василия Евгеньевича Майера как Педагога с большой буквы. Именно его лекции запомнились ярче других на фоне очень высокого уровня преподавания на историческом факультете в целом. Запомнились и живы в памяти до сих пор, несмотря на то, что с нашей студенческой поры минуло уже 20 лет. Кстати, среди моих пятидесяти однокурсников немало историков-профессионалов, 9 человек имеют ученые степени доктора и кандидата исторических наук, например Ольга Мельникова, Александр Иванов, Василий Иванов, Владимир Вагин и другие.

Профессор В.Е. Майер читал нам, студентам 2-го курса 1979 г. общий курс истории средних веков. Поражало его безукоризненное владение фактическим материалом, академичность построения лекций, умение организовать самостоятельную работу студентов на семинарах и коллоквиумах. Одним из главных достоинств Василия Евгеньевича как университетского преподавателя была его эмоциональность, а точнее даже сопереживание тем историческим персонажам, о которых он в данный момент так увлеченно рассказывал. Он буквально разворачивал перед слушателями грандиозное историческое полотно, на котором оживали Мария Стюарт, Вильгельм Оранский и весь драматизм Варфоломеевской ночи. Я уверена, что у Василия Евгеньевича присутствовал драматический дар актерства.

С 3-го курса все мы были поделены на две специализации – «отечественная история» и «всеобщая история», на которых нас оказалось

примерно поровну. В начале 1980-х годов, когда советское общество, наука и образование были насквозь пронизаны идеологическим духом, наша специализация по всеобщей истории оказалась глотком свежего воздуха. Здесь царил мир педагогов-интеллектуалов, а в проблематике спецкурсов и спецсеминаров безусловно доминировали вопросы культуры и искусства, которые во все времена представляют собой нормативные общечеловеческие ценности. А еще присутствовал культ изучения иностранных языков, в чем ярчайшим примером был сам Василий Евгеньевич Майер. В 1980 г. мы вместе с В. Ивановым участвовали в республиканском туре общесоюзной олимпиады по немецкому языку и заняли соответственно первое и третье призовые места.

Именно спецкурс профессора Майера об особенностях западноевропейского искусства стал для меня, без преувеличения, судьбоносным. Не увлечься лекциями о Микеланджело или «малых голландцах» было просто невозможно, так как Василий Евгеньевич давал весьма оригинальные, авторские трактовки полотен знаменитых художников прошлых эпох. На 5-м курсе нам было дано задание самостоятельно разобраться с творчеством ведущих мастеров живописи, скульптуры и архитектуры XX века и в течение академической лекции (!) ознакомить со своими выводами всех студентов специализации.

Моей темой стал Винсент Ван Гог. Этот весьма непростой для восприятия художник долгое время «не давался» мне так, чтобы можно было занять все необходимое для анализа время. И тогда я решилась отойти от принятой схемы – не творчество Ван Гога на фоне этапов его биографии, а личная драма Человека, воплощенная в его картинах. Сразу после этой лекции Василий Евгеньевич предложил мне остаться на кафедре всеобщей истории в качестве преподавателя и сделал все возможное и необходимое, чтобы это состоялось. Поэтому хочется еще раз выразить свою благодарность доктору исторических наук, профессору Василию Евгеньевичу Майеру и... Винсенту Ван Гогу.

Г.С. КОРОТАЕВА
(доцент УдГУ)

МОЙ СОСЕД ВАСИЛИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ МАЙЕР

Мои первые воспоминания о Василии Евгеньевиче Майере относятся к очень давнему времени – к весне 1946 года. Мы оказались соседями в доме, где жили преподаватели УГПИ. Василий Евгеньевич начал тогда работать в должности ассистента на историческом факультете, а я закончила в школе первый класс. Соседей в доме было много, но их всех мы, дети, выделили именно этого стройного, веселого сероглазого красавца. Когда он видел нас во дворе, то всегда шутил, улыбался,

иногда просто привлекал внимание каким-нибудь доброжелательным жестом. Мы видели, что это добрый и приветливый человек.

Наш дом и двор были местом особенным, со своим специфическим микроклиматом. После окончания войны здесь начался настоящий демографический бум: во дворе один за другим появилось девять представителей нового поколения, и семеро из них были мальчики. Первыми были мой брат Виктор и старший сын Майера – Валерий.

Я с удовольствием вспоминаю это время, хотя послевоенная жизнь была очень трудная и бедная у всех. Но надо отдать должное нашим родителям: они всегда находились в курсе наших детских событий и дети во дворе всегда были на глазах у взрослых. Более того, родители принимали участие в наших играх, и больше всех внимания к нам было со стороны именно Василия Евгеньевича. Он играл с нами в «прятки», в «ляпки», «штандер»; глядя на него, и другие отцы включались в этот процесс вместе директором УГПИ М.П. Габиним.

Семья Майеров была большая: его родители, жена, пятеро детей. Как-то очень естественно складывалось общение с этой семьей и с детьми, и со взрослыми. И всегда находились темы для захватывающе интересных разговоров.

Помню, как-то дома я прочитала рассказ одного советского писателя. Рассказ мне понравился, и при встрече во дворе я подробно передала его содержание. Василию Евгеньевичу. Он с огромным вниманием выслушал мое долгое повествование и, как теперь понимаю ситуацию, был заинтересован не столько фабулой рассказа, а моей интерпретацией. Иначе говоря, Василий Евгеньевич любил общаться с детьми, потому что ему был интересен их внутренний мир. Поэтому его внимание к детям было искренним и естественным. Хотя, казалось бы, какое может быть дело у взрослого серьезного человека до соседской девочки, когда у самого в буквальном смысле дома семеро по лавкам.

Масштаб личности Василия Евгеньевича в науке я осознала, когда начала учиться на историческом факультете Уральского университета в Свердловске в 1950-е гг. Историю средних веков нам удивительно читал профессор М.Я. Сюзюмов, ученый с дореволюционным образованием и с мировым именем. Он был знаком с Василием Евгеньевичем, они переписывались. Вот тогда я начала понимать значимость Василия Евгеньевича в медиэвистике. Хотя для меня он по-прежнему оставался соседом, хорошим, участливым человеком и удивительным семьянином.

После окончания УрГУ я стала работать в небольшом городке при медеплавильном комбинате на среднем Урале. Похвастаться богатством своих библиотечных фондов город не мог, и я не могла найти нужной литературы для сдачи кандидатского экзамена. Каково же было мое удивление и радость, когда совершенно неожиданно из Ижевска получила по почте нужный учебник по английскому языку с припиской Василия Евгеньевича, где он пожелал мне успеха.

В дальнейшем Василий Евгеньевич неоднократно помогал мне советами и моральной поддержкой. К нему я обратилась, когда мне предложили перейти на кафедру философии УГПИ. С этой кафедрой оказалась связана вся моя жизнь, а Василий Евгеньевич сказал мне в том 1965 году: «По призванию Вы педагог, переходите на эту должность». Помню множество наших разговоров, а также один спор, завершившийся моими горячими слезами из-за невозможности возразить Василию Евгеньевичу – настолько обоснованы были его аргументы.

Смерть Василия Евгеньевича была для меня событием ужасным. Во-первых, неожиданно; во-вторых, несправедливо, когда преждевременно уходят такие люди. В-третьих, я потеряла человека, в семье которого я фактически сформировалась в психологическом, моральном, социальном смысле. Для меня это невероятно тяжелая личная утрата до сих пор.

А сейчас я думаю о том, какой благодатной была для меня встреча с этой семьей. И еще о том, как чудесно, уникально сошлись в одном человеке черты глубокого исследователя в науке, скрупулезного методиста в преподавании, строгого, внимательного педагога и доброго, отзывчивого соседа.

А.А. ТРОНИН

(д-р ист. наук, профессор кафедры отечественной истории новейшего времени УдГУ, студент ИФ УГПИ 1949-1953 гг.)

В.Е. Майер читал нам (студентам-историкам приема 1949 г.) курс истории средних веков в 1950-51 учебном году, то есть на II курсе обучения в Удмуртском пединституте. Следует вспомнить, что тогда на наш факультет принимали только одну группу – 25 человек, поэтому все преподаватели, в том числе Василий Евгеньевич, знали нас не только по фамилиям, но и по именам, тем более, что в семинарских занятиях деления на подгруппы не было, как не было и специализации.

Как у всех студентов, так и у нас (имею в виду группу, в которой учился) были любимые и уважаемые преподаватели, а также менее любимые (с сегодняшних позиций могу заметить, что такое деление было весьма субъективным и не всегда справедливым). Тем не менее, мы всегда с удовольствием слушали лекции Елены Александровны Миллиор, Любви Николаевны Заболотской, Марии Михайловны Мартыновой, Василия Ивановича Петровского, Юрия Аркадьевича Пиявского и, конечно, Василия Евгеньевича Майера. Правда следует сказать, что для нас, второкурсников, было достаточно затруднительно воспринимать содержание лекций В.Майера, так как, во-первых, уровень нашей подготовки, уровень знаний по истории средних веков был очень низок и ограничивался школьными уроками; во-вторых, научный уровень лекций В.Майера был таков, что он был вынужден в ходе занятий объяснять

смысл некоторых элементарных понятий, таких как «реформация», «инквизиция» и тому подобное; в-третьих, форма изложения В.Майером отличались некоторой тяжеловесностью, что было обусловлено его немецким происхождением.

Взаимопониманию между мужской частью преподавателей и студентов содействовало также совместное курение папирос и беседы в перерывах (а они были 10 минут через каждые 50 минут занятий) на 2-м этаже II корпуса (где мы тогда учились), в чем участвовали В.Е. Майер и Б.Г. Плющевский (вот такая была простота нравов!).

Но больше всего я благодарен В.Е. Майеру за то, что после того, как Совет университета дал мне рекомендацию для поступления в аспирантуру, он сам предложил мне позаниматься немецким языком. Это было с его стороны для меня очень неожиданно и, одновременно, характеризовало его как душевно щедрого и бескорыстного человека. И вот в течение 4-х месяцев весной 1953 г. под его руководством я переводил и читал (вслух) книгу Ю.Кучинского «Положение рабочего класса Германии». И только благодаря этим занятиям я успешно сдал вступительный экзамен в аспирантуру, а затем и кандидатский минимум.

Так что светлая память о Василии Евгеньевиче и благодарность ему всегда присутствует в моей жизни.

М.Г. ИВАНОВА

(д-р ист. наук, профессор, ученый секретарь Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН, студентка ИФ УГПИ 1965-1969 гг.)

Мои впечатления о Василии Евгеньевиче Майере сохранились с далеких студенческих времен – с первых дней поступления на исторический факультет пединститута. Тогда я не могла знать, что он уже был очень известным ученым. Но удивительное обаяние, необыкновенная доброжелательность, проявляемый им интерес к каждому студенту не могли оставить равнодушным никого. Его лекции по истории средних веков у нас были на втором курсе, но, будучи заведующим кафедрой, он проявлял неподдельный интерес к первокурсникам, присутствовал на некоторых экзаменах. Уж не знаю, чем вызвала его интерес и доверие, но с первого курса я оказалась в сфере его внимания.

Экзамен по истории древнего мира мы сдавали в первом семестре очаровательной Валерии Николаевне Лоншаковой. Я готовилась весьма серьезно, но вопросы попались нелегкие. И Василий Евгеньевич, задавая вопросы, наталкивал на рассуждения, и мои ответы, видимо, показались здоровыми. Мне поставили отличную оценку, тем самым, возможно, предоставив возможность поверить в свои силы, и не оправдать его доверия я уже не могла. На старших курсах он поручал мне доклады на научных конференциях.

Перед окончанием пединститута Василий Евгеньевич остановил меня в коридоре, деликатно спросил о планах на будущее и предложил поступить в аспирантуру по специальности «археология». Чтобы развеять мои сомнения, он рекомендовал проконсультироваться с Г.Т. Кондратьевой, окончившей аспирантуру по археологии в Московском областном пединституте. Она была совершенно обескуражена таким поворотом дел, но все же осторожно посоветовала последовать рекомендациям профессора.

В те времена все было далеко не просто. Во-первых, в Республике тогда не было ни одного специалиста-археолога, систематические курсы лекций в пединституте не читались. Поэтому подготовленность моя к аспирантуре сводилась к минимуму, не говоря уже о заделе научных разработок. Василия Евгеньевича больше беспокоили мои знания по иностранному языку (немецкому). Он послушал мое чтение, небольшой перевод, успокоил, что на «хорошо» сдать я смогу. А по другим предметам он был уверен в моем потенциале.

Василий Евгеньевич оказался во всем прав, я, без особых проблем, поступила в аспирантуру в головной Институт археологии Академии наук СССР в Москве, подготовила диссертационную работу и успешно защитила ее в 1975 г., в 1996 – докторскую. И на протяжении всей жизни я чувствую, что он незримо ведет меня в научной работе.

И.Ф. СЕРГЕЕНКОВА

(канд. ист. наук, доцент кафедры новой и новейшей истории и международных отношений УдГУ, студентка ИФ УГПИ–УдГУ 1968-1973 гг.)

С Василием Евгеньевичем Майером, я встретилась в 1970 году, будучи студенткой II курса исторического факультета. Мы знали, что имя нашего преподавателя по истории средних веков хорошо известно как среди советских, так и германских историков. Это изначально вызывало у студентов чувство ответственности и в какой-то степени робости перед выдающимся ученым.

Однако, уже с первой лекции Василий Евгеньевич поразил простотой и доходчивостью изложения материала. Лекции он читал блистательно, и когда ввиду болезни приходилось пропускать занятия, я просила свою соседку по столу писать конспекты под копирку. Он говорил спокойно, без «взрывов эмоций», эффектов красноречия. Аудиторию увлекала стройная логика, убежденность, умение подвести слушателя к самостоятельным выводам и оценкам. К экзаменам и семинарским занятиям у Василия Евгеньевича готовились тщательно: отвечать ему плохо было стыдно.

Часто случается, что известные историки главным образом сосредоточены на изучении избранной проблемы и не обращают должного

внимания на работу со студентами. Василий Евгеньевич работал на преподавательском поприще увлеченно. Он был великолепным знатоком методики преподавания, и, когда я уже стала преподавателем кафедры, которую он возглавлял, поняла, как много времени он уделяет тому, чтобы научить нас – молодых преподавателей читать лекции так, чтобы они запоминались студенту, чтобы каждая лекция была творческой. Стандарты, установленные Василием Евгеньевичем были высокими.

Василий Евгеньевич внес огромный вклад в культурную и научную жизнь Удмуртской Республики, став одним из ее символов. Когда я приезжала в Московский государственный университет на курсы повышения квалификации, знакомясь с известными столичными учеными старшего поколения, часто слышала: «Ах, Вы из Ижевска... А как там поживает Василий Евгеньевич Майер? Передавайте ему привет...».

Для Василия Евгеньевича социальная история не была историей абстракций (рента, собственность, производство и т.д.), а историей людей, занятых производственной, общественной, религиозной и художественной деятельностью. Социальная история у него насыщалась человеческим содержанием. Он был глубоким знатоком истории религии, литературы, искусства. Историю – «служанку идеологии», он превращал в науку об общественном человеке в истории, его изменениях в историческом процессе, в котором он выступает одновременно и в роли актера, и в роли творца. Василий Евгеньевич опережал свое время.

В годы господства готовых материалистических схем и социалистического реализма он говорил о высоте человеческого духа, учил добру, истинной красоте и совершенству, читая курс лекций по истории Западноевропейской живописи. Он формировал в нас убеждение, что только доброта и красота могут противостоять агрессии и разрушению. Он не побоялся дать мне, студентке 3 курса, прочесть Библию, которая в те годы фактически была под запретом.

Майер – человек ... Среднего роста, плотный, на вид неторопливый, излучающий спокойствие, глаза добрые, умные, со смешинкой. Он был на редкость обаятелен.

Василий Евгеньевич был очень интересным собеседником, участвовал во всех диспутах, «круглых столах», политклубах – всех мероприятиях, проводимых на факультете.

Последняя наша встреча с ним была на кафедре. Занятия закончились, и он собирался домой, пожаловавшись на то, что, видимо, простудился. Он шёл по коридору своей неспешной походкой, а я подумала: «Как же нам повезло с Учителем»!

Т.П. ЕВСЕЕНКО

(д-р юрид. наук, профессор кафедры теории и истории государства и права УдГУ, студент ИФ УдГУ 1975-1980 гг.)

Любой преподаватель ВУЗа сам когда-то был студентом и в этом качестве он не может не помнить тех, кому он обязан своими первыми шагами на научном поприще. Не является исключением и автор этих строк.

Мне довелось быть студентом исторического факультета во второй половине 1970-х годов минувшего столетия. Признаюсь – мы страшно гордились, что нам посчастливилось посещать занятия таких мэтров, как Василий Евгеньевич Майер и Борис Григорьевич Плющевский. Помню, каких трудов стоило многим выбрать, у кого из них писать курсовую работу, особенно на младших курсах.

На 2-м курсе я сразу сделал свой выбор и явился к Василию Евгеньевичу с конкретным предложением. Наглости мне было не занимать, и я сообщил, что намерен писать «труд» под громким названием «Предкапиталистические элементы экономики ранней Византии в VI столетии». Василий Евгеньевич тактично выразил сомнение в обоснованности данной формулировки, но я был настойчив, утверждая, что немало начитал литературы по указанной эпохе, а, следовательно, смогу убедительно обосновать сделанные мною «открытия».

Авторитет профессора Майера для студентов того времени стоял на недостижимой высоте. Поэтому ему достаточно было указать на моё дремучее невежество, чтобы обуздать юного нахала. Но Василия Евгеньевича отличала, помимо всего прочего, особая лояльность к студенту. Он, очевидно, полагал, что толковый и работоспособный студент сам должен увидеть свои ошибки, считая, что и негативный опыт пойдёт впрок.

Действительно, на защите мой «всеобъемлющий» доклад вдребезги разнёс пятикурсник Витя Любич, указав на многочисленные фактические и методологические ошибки. Выглядел я довольно жалко, особенно когда мне сообщили, что и сам Маркс не оспаривал того факта, что вольнонаёмный труд много старше капиталистического экономического уклада, и не всегда первый является необходимостью для второго, посоветовав внимательно прочитать 24 главу «Капитала», где раскрывалась, в частности, тайна первоначального капиталистического накопления.

В этот момент «тонувшего» зазнайку спас Василий Евгеньевич. Он остановил ожесточённый спор, готовый уже перейти на лица, предложив выявить различия между организацией централизованной рабовладельческой и раннекапиталистической мануфактуры. Несколько минут спустя мы уже увлечённо обсуждали детали организации производственного процесса, позабыв об обидах. Затем несколько слов В.Е. Майера, оценившего работу, сделанную при написании «курсовика», спасли меня

от позорного провала, но излечили от излишней самоуверенности. Рекомендовав оценить защиту на «отлично», Василий Евгеньевич заметил, что если работа над собранным материалом станет стимулом для дальнейших исследований, то задача, которую он, в качестве научного руководителя, поставил перед студентом Евсеенко, будет выполнена. И хотя я больше никогда не возвращался к византийской тематике, но полагаю, что Василий Евгеньевич целиком оказался прав.

Годы спустя, занимаясь написанием кандидатской, а затем и докторской диссертации, я помнил мудрость моего Учителя, призывавшего не бояться признать свои ошибки, но, не закливаясь на них, исправлять то, что возможно и идти дальше, к поставленной цели.

Н.Ю. СТАРКОВА

(декан исторического факультета, канд. ист. наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков УдГУ, студентка ИФ УдГУ 1978-1983 гг.)

История проведения студенческих научных конференция на истфаке выстраивается в моей памяти как некий вектор, уходящий в те годы, когда ими лично руководил профессор Василий Евгеньевич Майер. Позже довелось принимать участие в заседаниях кафедры истории древнего мира и средних веков, ежегодно устраиваемых совместно со студентами второго курса ко дню рождения Василия Евгеньевича 6 декабря каждого года. В настоящее время по силе возможностей принимаю участие в организации и проведении традиционных Майеровских чтений.

Из студенческой жизни помню, как ярко выступали на чтениях мои коллеги, а в прошлом однокурсники В.В. Иванов и О.М. Мельникова. Обсуждение услышанного всегда вызывало неподдельный интерес, разворачивались дискуссии, которые профессионально и умело направлял из стихийного русла в научное Василий Евгеньевич.

На формирование моих научных интересов оказало важное влияние студенческое научное общество (СНО), в заседаниях которого принимал непосредственное участие сам Василий Евгеньевич. Помню одно из таких заседаний на выпускном курсе в 1983 г., то есть тогда, когда уже оформилась мечта о собственной научной деятельности, но неясно было – осуществится она или нет, так как в начале 1980-х гг. существовала довольно жесткая система распределения для выпускников вузов. Среди других участников СНО были Е.Г. Ренев, Т.П. Евсеенко, В.В. Иванов, то есть люди, которые пришли в науку не без влияния профессора В.Е. Майера. На том памятном заседании мы обсуждали только что появившийся в библиотеке двухтомник «Античная Греция». Он был действительно новым словом для тогдашней всеобщей истории, поскольку в полном объеме посвящен не традиционной социально-экономической

проблематике, и политической истории Греции и феномену полиса. Дополнительную актуальность изданию придавал спектр мнений ведущих антиковедов по обсуждаемой теме. Вижу некую символичность в том, что когда приступила к работе в качестве ассистента кафедры все в том же 1983 г., первым моим лекционным курсом стала именно история Древней Греции...

В.В. ИВАНОВ

(канд. ист. наук, ст. науч. сотрудник научно-учебной лаборатории по изучению конфессиональных проблем, студент ИФ УдГУ 1978-1983 гг.)

В конце 1978 г. я, будучи первокурсником истфака, победил на факультетской олимпиаде по истории и тем самым обратил на себя внимание профессора В.Е. Майера, предложившего мне заняться научной работой. Первоначально Василий Евгеньевич «зарезервировал» за мной средневековую историю Англии, поскольку я неплохо владел английским языком, а после окончания вуза собирался направить в аспирантуру в Москву, к известному специалисту профессору М.А. Баргу (позднее, при поддержке В.Е. Майера, аспирантом М.А. Барга стал мой однокурсник Евгений Ренев). Однако вскоре планы Василия Евгеньевича изменились, ему больше хотелось, чтобы я под его собственным руководством занялся историей Германии. Но для этого надо было освоить немецкий язык, и Василий Евгеньевич лично подобрал мне квалифицированного преподавателя для индивидуальных занятий. Сам он продуманно и поэтапно учил меня работе с оригинальными источниками: сначала давал для перевода уже переведенные им самим тексты (например, утопию Г. Гергotta «О новом преобразовании христианской жизни») и, сравнивая оба варианта, указывал на мои ошибки; затем предлагал поработать над еще не переведенным документом. Так, учась на III курсе, я впервые перевел памфлет «К собранию простого крестьянства» (до сих пор храню ксерокопию немецкого оригинала с карандашной пометкой Василия Евгеньевича на обложке: «Вот задача!»). Показательно, что Василий Евгеньевич неоднократно цитировал его в своих работах, но более подробное исследование предоставил ученику. Впоследствии анализ этого произведения стал основой моего диплома, главой в диссертации, а русский перевод (отредактированный В.Е. Майером) – приложением к ним. Василий Евгеньевич намеревался издать последний вместе со своим переводом сочинения Г. Гергота, но, увы, не успел – это пришлось сделать мне. Следует заметить, что Василий Евгеньевич всегда отводил первостепенную роль именно изучению источника, кропотливо обучая этому аспирантов. Например, придя к нему на консультацию, я зачитывал свой перевод, а он параллельно смотрел оригинал и сразу же вносил коррективы. Такая методика, конечно, отнимала массу времени,

но Василий Евгеньевич, очевидно, считал это основой профессиональной подготовки историка. Спустя много лет я наблюдал нечто подобное лишь в одном из университетов Германии, когда профессор требовал от учеников столь же тщательного прочтения разноязычных вариантов текста.

В.Е. Майер, сам являясь, прежде всего, аграрником, предоставил мне полную свободу в определении темы как диплома, так и диссертации. Меня же больше интересовали вопросы идеологии, религиозно-политические взгляды реформаторов т.п. Василий Евгеньевич поддержал мой выбор и оказывал всяческое содействие. Особенно запомнилось наше совместное пребывание в Москве в феврале 1983 г. Я приехал на преддипломную практику, а он – работать над книгой «Крестьянство Германии в эпоху позднего феодализма». Заранее, еще в Ижевске, мы договорились обсудить написание моего диплома, надеясь «пересечься» в какой-либо московской библиотеке. Позанимавшись в «Историчке», «Иностранке», ИНИОНе и не встретив там Василия Евгеньевича, я начал звонить в первый, «профессорский», зал знаменитой Ленинской библиотеки, где, как я знал, он предпочитал работать, но никак не мог дозвониться. Студентов же в то время в «Ленинку» вообще не пускали. Я был в растерянности; тем более выяснил, что одна очень нужная мне книга находится только там. И вдруг, через несколько дней, в огромной Москве мы неожиданно столкнулись с Василием Евгеньевичем... в «Новоарбатском» гастрономе на Калининском проспекте. Выслушав рассказ о моих мытарствах и искренне посочувствовав, он назначил встречу на следующее утро в фойе «Ленинки». Никогда не забуду, как он подвел меня к стойке регистрации и строго предъявил работнику библиотеки читательский билет профессора (с красными корочками, золотым тиснением и надписью «бессрочный»), сказав примерно следующее: «Это мой дипломник, ему необходимо поработать у вас». Оторопевшая регистраторша безропотно выписала мне временный читательский билет на десять дней. Так, благодаря Василию Евгеньевичу, я впервые оказался в главной библиотеке страны, которую он знал досконально и тут же провел меня по всем залам, каталогам, показал, как правильно заказывать книги и т.д. Последующие десять дней стали незабываемым временем ежедневного общения с Василием Евгеньевичем. Я обычно работал в зале микрофильмов; ближе к середине дня он заходил за мной («Ну что, пойдем в столовую?»), мы шли туда, затем стояли в довольно длинной очереди и – вели бесконечные разговоры обо всем: новациях в науке (не только исторической), политических событиях, любопытных культурных явлениях. По пути нас часто останавливали для беседы коллеги-историки из разных городов. С тех пор Ленинская библиотека ассоциировалась у меня именно с Василием Евгеньевичем. Позднее, бывая там один, я неизменно испытывал щемящее чувство – будто кого-то не хватало в этих огромных, заполненных людьми, залах...

Судьба распорядилась так, что я стал последним аспирантом профессора В.Е. Майера. Заканчивать аспирантуру и защищать диссертацию мне пришлось уже в Ленинградском университете под руководством другого выдающегося германиста – профессора А.Н. Немилова. В свое время, кстати, я познакомился с Александром Николаевичем по рекомендательному письму, которое написал опять же Василий Евгеньевич. Так в моей жизни символически соединились два этих незаурядных человека, но для меня первым и главным учителем навсегда остался Василий Евгеньевич Майер.

В.Р. ЗОЛОТЫХ

(канд. ист. наук, доцент кафедры новой и новейшей истории и международных отношений УдГУ, студент ИФ УдГУ 1980-1985 гг.)

Есть такая расхожая фраза – «Дай Бог, чтобы тебе в жизни встретился настоящий Учитель». Мне повезло. Такие Учителя у меня были и есть. И, пожалуй, первым из них был В.Е. Майер. И хотя на историческом факультете в начале 1980-х было много замечательных преподавателей, Василий Евгеньевич выделялся своей интеллигентностью, огромными знаниями, отношением к студентам. Его лекции отличались большой глубиной, оригинальностью и очень четкой структурированностью, они легко слушались и запоминались. Василий Евгеньевич открыл нам замечательный мир искусства. Его спецкурс мы слушали с большим интересом, картины художников, о которых он нам рассказывал, как будто оживали перед нами. Мы вместе с нашим преподавателем переносились в залы самых известных музеев мира, и хотя в своих руках он держал лишь репродукции знаменитых картин, мы воспринимали их как настоящие шедевры мировой живописи.

Свою педагогическую практику я проходил в школе № 9 г. Ижевска. Руководителем практики был В.Е. Майер. Я помню, как он подбадривал нас перед первым самостоятельным уроком, как восхищался нашим «мастерством» после урока. Сейчас я, конечно, понимаю насколько наивными «учителями» мы были, но вера нашего Учителя в нас, в наш талант придавала силы, окрыляла. С первого курса Василий Евгеньевич считал нас, студентов, своими «коллегами». Он уважал любое мнение, с ним можно было обсудить любые проблемы. Потом, уже позже, мы узнали о его нелёгком жизненном пути, о тех трудностях, которые пришлось ему преодолеть. Но никогда, ни своим видом, ни своими поступками он не жаловался на судьбу. Он сам, своим поведением, своими знаниями, придавал нам силы и уверенность в себе. Под руководством В.Е. Майера я писал курсовые работы по средневековой Германии и было чувство, что тебе невероятно повезло, потому что ты общаешься, разговариваешь и чувствуешь искреннее внимание со стороны известного ученого, великого и всеми уважаемого человека.

Первого сентября 1943 года я закончил обучение в РУ №3 города Ижевска по специальности электромонтер. Кроме этой профессии параллельно получил специальность киномеханика. Вместо ожидаемой путевки на Машзавод, я был направлен в управление кадров НКВД Удмуртской республики. Им как раз требовался киномеханик для работы в лагере военнопленных, находившемся в поселке торфопредприятия на железнодорожной станции Рябово Увинского района.

Лагерь для военнопленных №75 был создан в 1939 году для польских солдат и офицеров и располагался недалеко от Киева. Когда в самом начале Великой Отечественной войны лагерь эвакуировали с Украины в Удмуртию, польских военнопленных вскоре выпустили. Вместо них стали поступать солдаты германской армии и ее союзников: итальянцы, румыны и венгры. Сотрудники Управления лагеря, как военнослужащие, так и вольнонаемные, за небольшим исключением, также были эвакуированы со своими семьями с Украины. У меня остались воспоминания о них как о доброжелательных людях. В свободное время они собирались вместе и пели хором украинские народные песни. Хор был замечательный, с прекрасными голосами. Вероятно, пение до некоторой степени скрашивало трудности жизни в нашем жестоком климате с суровыми и длинными зимами.

В Рябове находился штаб управления лагеря № 75 и первое лагерное отделение с контингентом военнопленных немцев, румын и венгров около двух тысяч человек. Кроме того, в состав лагеря №75 входило еще второе отделение. Расположенное к северо-западу от поселка Ува на 17 км узкоколейной лесовозной железной дороги. В просторечии его так и называли – семнадцатый участок. На территории этого отделения размещались зона проживания военнопленных (порядка двух тысяч человек), гарнизон конвойных войск (одна рота), штаб лагерного отделения, общежитие внутренней охраны, продовольственный и вещевой склады, электростанция и жилые дома для вольнонаемных и военнослужащих сотрудников и их семей. В отличие от первого отделения на территории второго не проживал ни один человек, не имеющий отношения к лагерным службам.

Контингент военнопленных две тысячи человек составляли немецкие солдаты, которые занимались заготовкой леса на топливо для ТЭЦ-1 г. Ижевска и газовой станции металлургического завода для выработки мартеновского газа.

Назовем некоторые детали быта служащих лагеря.

Семейные служащие питались дома и прикупали на рынке недостающие к пайку, который получали на себя и членов своих семей. Все одинокие служащие питались в столовой, где три раза в день встречались и общались друг с другом.

Первое время, пока я никого не знал, просто здоровался с людьми и запоминал их по внешним данным. Я выделил молодого приятной внешности человека, к которому обращались с большим уважением и почтением, даже офицеры. Старше его по возрасту. Мой непосредственный начальник заведующий клубом Александр Филиппович Филиков относился ко мне доброжелательно, объяснял, с кем и как я должен вести себя. Однажды я спросил его, кто это такой, с кем так уважительно все здороваются и разговаривают. И получил ответ, что это «товарищ Майер» работает в лагере в оперативном отделе переводчиком и в политотделе, проводит политбеседы с военнопленными. Пользуется у них авторитетом. Они его называют «комиссар Майер». Он по профессии историк, окончил МГУ им. Ломоносова. Вскоре т. Майер зашел в библиотеку за какой-то книгой, и мы познакомились.

Все, что написано о лагере, людях, особенностях быта дает возможность лучше понять ту обстановку, в которой жил В.Е. Майер. Хочу обратить внимание на некоторые особенности обращения между служащими. К офицерам с сержантскому составу обращались: «тов. майор», «тов. старшина»; к лицам, занимающим офицерские должности, но не имеющим офицерских знаний, – «тов. Иванов», соответственно к В.Е. Майеру – «товарищ Майер». Я настолько привык к этому, что, когда через пять лет поступил в УГПИ на первый курс исторического факультета, деканом которого к тому времени был Василий Евгеньевич, то по-прежнему обращался к нему «тов. Майер».

В конце сентября 1943 года в лагерь поступила аппаратура для радиотрансляционного узла, состоящая из приемника 6-Н-1, усилителя на 25 ватт и полусотни новых репродукторов.

В первые дни начала ВОв было принято правительственное постановление, по которому всех владельцев радиоприемников обязали сдать их на хранение до конца войны в органы связи. Виновные в нарушении этого предписания отвечали в уголовном порядке. Им грозил большой срок тюремного заключения так же, как и тем, кто, обладая информацией, распространял ее.

Когда радиоаппаратура поступила в лагерь, мне было поручено разобраться в ее устройстве и организовать работу радиоузла. Решено было смонтировать радиоузел в помещении обеденного зала столовой, который служил и кинозалом, и залом для выступления самодеятельности. В углу отгородили небольшую площадь около 1,5 кв.м для установки и монтажа приемника и усилителя. Линию радиовещания проложили в бараки, где жили военнопленные, и в поселок служащих лагеря. Пока аппаратура не была установлена, она хранилась в кабинете заведующего клубом, где днем работала библиотека, а ночью спал я.

В лагере действовал порядок, согласно которому каждый день 18 часов вечера до 8 часов утра назначался «ответственный дежурный» из состава офицеров или лиц, занимающих офицерские должности. Они находились обычно в своем рабочем кабинете или в приемной началь-

ника лагеря. В один из дней дежурным по лагерю был назначен тов. Майер. Он выбрал для дежурства библиотеку, так как можно было просматривать и читать книги.

Мы посидели, поговорили, и вдруг я предложил послушать приемник. По всесоюзному радио часто транслировались музыкальные программы, а качество звучания радиоприемника было несравнимо с «черной тарелкой». Мы прослушали концерт Обуховой, сводку Совинформбюро, сообщавшую о тяжелых боях в районе г. Невеля, шедших с переменным успехом уже много дней. Наконец, я нашел германскую передачу на немецком языке. Немцы передавали, что объявили в этот день Рим «вольным городом», хотя американцы и англичане вели тяжелые бои на подступах к Риму. Василий Евгеньевич перевел мне эту сводку. На следующий день мы оба за завтраком рассказали о том, что слушали передачу из Германии.

В десятом часу к нам в библиотеку пришел начальник оперативного отдела капитан Голованов и спросил меня о вчерашнем прослушивании. Я все рассказал. Тогда он поинтересовался, что нужно сделать, чтобы приемник не мог принимать передачи. Я ответил, что надо просто вынуть некоторые радиолампы, а еще лучше – все шесть. Голованов потребовал, чтобы я вынул все лампы, забрал их и предупредил, чтобы я на эту тему больше ни с кем не говорил. Я понял, что руководству лагеря все известно: и о прослушивании, и о том, что мы передали информацию другим, т.е. нам с Василием Евгеньевичем полагается за нарушение законов военного времени несколько лет тюрьмы.

Не знаю почему, эта история не получила продолжения и к нам не были приняты соответствующие меры. В то время я по простоте душевной подумал, что хорошие люди не стали губить юную душу. Теперь же думаю, что, поставив в известность руководство НКВД Удмуртской Республики, они могли получить немало неприятностей и для себя. Подтвердить или опровергнуть это, к сожалению, уже некому. Из всех, кто мог помнить этот эпизод. В живых никого не осталось.

И еще одна догадка. Полагаю, что обаяние Василия Евгеньевича сыграло не последнюю роль. Начальник оперативного отдела капитан Голованов серьезно занимался своей работой. У него была большая семья, все члены которой с большим уважением и симпатией относились к Василию Евгеньевичу. Возможно, это и оказалось главным фактором при принятии решения.

Раз в неделю я ездил в Ижевск в кинопрокат за очередным кинофильмом. Как правило, всегда находились попутчики из служащих лагеря. В одну из таких поездок в начале ноября в купе оказались капитан Авербух, мл. лейтенант Власов – начальник второго лагерного отделения на 17 участке. Перед самым отходом поезда к нам присоединился офицер в звании майора, которого я видел впервые. Офицеры обсуждали какие-то проблемы, а я сидел слушал и ничего не понимал. Капитан Авербух вдруг посмотрел на меня и сказал Власову: «А не взять ли его

на 17-й?», Власов ответил: «Давай возьмем вместе с киноаппаратурой». Будучи неискушенным в жизни, я ничего не понял из их разговора, а спросить, просто не осмелился. В течение дня я получил кинофильм и в Рябово ехал один. Поездка была памятна тем, что в этот день освободили Киев и все были радостны и веселы. Это было 6 ноября 1943 года.

Майор, который ехал с нами в одном купе, оказался впоследствии начальником лагеря № 155. Звали его Федор Михайлович Максимов. В мае 1944 г. ему присвоили звание подполковника. За короткий срок он так организовал работу военнопленных по заготовке дров, что нарком лесной промышленности Салтыков вручил ему золотые часы, а все служащие штаба лагеря получили вещевые подарки. При переводе лагеря в Ижевск Федор Михайлович Максимов также сумел организовать высокопродуктивный труд военнопленных. При этом внимательно и заботливо относился к контингенту лагеря. Когда в 1947 г. часть военнопленных отправляли на родину, они взволнованно благодарили его, плакали и говорили, что отношение к ним в лагере превратило их в друзей России.

Прошло два месяца, как я проработал в лагере для военнопленных №75 в поселке Рябово. Я совершенно не догадывался, что в жизни лагеря произойдут изменения, обусловленные переломом в ходе Великой Отечественной войны, произошедшим в 1943 году.

Разгромив германскую армию под Сталинградом, наша армия наносила удар за ударом по немцам. Правда, были еще эпизоды отступления нашей армии, мы еще раз сдали Харьков, но это были последние победы немцев. Обе армии готовились к летнему сражению под Курском. На этом участке немцы второго и первого фронтов сосредоточили такие илы, каких не было ни в 1941, ни в 1942 годах: тысячи танков, в основном новые «тигры» и «пантеры», тысячи боевых самолетов. Но время было другое. Двухлетний опыт войны, наличие у нас танковых армий, квалифицированных и опытных командиров способствовало разгрому немцев под Курском. Все больше солдат германской армии, немцев, и армий союзников Германии – итальянцев, венгров и румын – попадало в плен. А стало быть, возникала необходимость в расширении сети лагерей, в которых бы их можно было поселить и загрузить нужно нам работой. В связи с этими событиями началась реорганизация и лагеря № 75. На базе первого лагерного отделения, обеспечивающего разработку торфа для ТЭЦ-1 города Ижевска, остался лагерь №75. А на базе второго лагерного отделения, расположенного на 17-м участке, организовали новый лагерь для в/п № 155, который обеспечивал заготовку дров для ТЭЦ-1 и газовой станции Ижевска для выработки мартеновского газа металлургическому заводу.

Разделение лагеря на два самостоятельных объекта было осуществлено по-умному. Два самых авторитетных старших офицера подполковник Ходас и майор Лаврентьев были отозваны в Москву, где им пору-

чили создать новые лагеря. Как хорошие организаторы, оба были повышены в звании.

В Рябове начальником лагеря стал майор Романовский, высококультурный человек. Все, кто приехал с лагерем из-под Киева, остались работать в Рябове, так как это были в основном семейные люди, обеспеченные жильем. А на 17-й участок перевели из первого отделения освободившихся ввиду сокращения штатов одиноких, которые не только ничего не теряли от переезда, а, наоборот, получив новую должность, приобрели еще и квартиры. Таким образом, руководство лагеря поступило с персоналом по-человечески.

Так тов. Майер и я оказались в одном лагере №155. Он, потому что был лучшим переводчиком и хорошим политработником, я при дележе имущества между лагерями был передан вместе с киноустановкой и радиоаппаратурой в собственность лагеря № 155.

С 1 декабря 1943 года мы начали работать в новом лагере. Я занялся монтажом радиоузла, который размещался в оперативном отделе, занимавшем два двухквартирных дома: в одном из них половину занимали службы оперативного отдела, а во втором жили оперативники и офицеры, в том числе и Майер.

Из-за отсутствия надежного электропитания, в целях экономии заряда аккумулятора мы включали радиоузел РП-10 только два раза в сутки – в 8 часов утра слушали утреннее сообщение Совинформбюро, в 20 часов вечера – вечернюю сводку. Заряда аккумулятора хватало на двое суток. На третий его надо было заряжать не менее 12 часов на Уве. Когда не было поезда. Приходилось 17 км идти пешком и нести аккумулятор на себе. Обычно я уходил с вечера, а на второй день к обеду возвращался на 17-й участок.

В силу обстоятельств, сложилась благоприятная обстановка для моего общения с Василием Евгеньевичем Майером. Радиоаппаратура РП-10 была установлена в помещении, где находилось рабочее место Василия Евгеньевича. Я ежедневно бывал там утром и вечером. Прослушав утреннюю сводку Совинформбюро, я шел на завтрак. После вечерней передачи был свободен. Василий Евгеньевич жил в том же доме, там был и его рабочий стол. Если мы оба бывали свободны, могли проговорить 2-3 часа на самые различные темы. Он рассказал о себе, своей семье, родителях и сыновьях, об учебе в МГУ. Василий Евгеньевич был интереснейшим собеседником, необычайно эрудированным, общаться с ним было легко и очень приятно. До сих пор я вспоминаю об этих встречах как о счастливых часах общения. Его рассказы не имели какой-то целенаправленности, темы возникали по ходу жизни. О многих явлениях я даже не имел представления, многое знал, но не понимал. Василий Евгеньевич всегда держался доброжелательно, никакого высокомерия, снобизма. В основном наши разговоры касались научно-политических интересов. В одну из поездок в Ижевск я купил второй-третий тома «Истории дипломатии», а в первый том был у Василия Евгеньевича. Мы чи-

тали с ним эти книги, с интересом обсуждали статьи. А лагерные сплетни, пересуды и интриги нас не интересовали и не волновали.

Считаю своим долгом рассказать об отдельных моментах жизни Василия Евгеньевича, о которых он посчитал нужным мне рассказать.

Он родился и рос на юге Украины, в районе, прилегающем к городу Запорожье, заселенном немецкими колонистами, переехавшими в Россию (Новороссию) из Германии по приглашению Екатерины II. Кроме немцев, в этом районе проживали голландцы, по соседству находилась большая колония менонитов, говоривших на средневековом немецком языке, который Василий Евгеньевич освоил еще будучи учеником средней школы. Его родители были интересными людьми. По инициативе его мамы семья уезжала на несколько лет в Канаду, но вернулась в Россию до начала первой мировой войны. Отец Василия Евгеньевича был столяром, когда началось строительство Днепрогэса, и пошел работать на стройку. Семья в эти годы проживала в Запорожье. Василий Евгеньевич учился в средней школе, где все преподавание велось на немецком языке. В 1937 году он окончил школу и поступил на исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. Жизнь студента, не имеющего родных и близких в Москве, без хорошей поддержки из дома была нелегка. Вопрос, как прокормиться и одеться, всегда оставался открытым.

Накануне Великой Отечественной войны родители Василия Евгеньевича жили в Запорожье. Будучи студентом он женился, и к моменту окончания МГУ у него росли два сына. Жена и дети жили вместе с его родителями. Хорошее знание немецкого языка (родного) позволило ему на последних курсах университета не только содержать себя, но и помогать своей семье и родителям.

А получилось это так. Не знаю, рассказывал он об этом кому-нибудь, но я об этом слышал только от него. В тридцатые годы в СССР был создан мощный научно-исследовательский институт Марка, Энгельса, Ленина, Сталина. После войны он стал называться Институтом марксизма-ленинизма. В середине 30-х годов главной работой которой занимался этот институт, был перевод произведений Маркса и Энгельса на русский язык. Все, кто читал подлинники Маркса, знают, насколько трудны и сложны его теоретические произведения. Кто-то, по-моему, из профессоров МГУ порекомендовал привлечь Василия Евгеньевича к работе переводчика. Его пригласили и дали переводить первый том «Капитала» буквально с первой страницы. Притом несколько человек работали параллельно над первым томом. Василий Евгеньевич рассказывал, что столкнулся с большими трудностями, за шесть рабочих часов он перевел только около десяти строк. Когда он закончил работу и пошел ее сдавать, чистосердечно признался руководителю о своих трудностях и сомнениях. Руководитель посмотрел результат и сказал, что редко кто за первый день справляется с двумя строками. Василий Евгеньевич, работая над переводом, имел успех или даже две страницы. Зарплата шла

со строки перевода порядка двух рублей за строчку, таким образом, он иногда за смену зарабатывал до двухсот рублей.

В июне 1941 года Василий Евгеньевич сдал два госэкзамена, оставалось еще два для получения диплома.

Нападение на Советский Союз фашисткой Германией оказалось страшной трагедией для людей нашей страны. Как для жителей Европы начало Второй мировой войны, так и для нашего населения начало Отечественной войны оказалось неожиданным. В июне 1941 года тысячи проблем возникли перед миллионами граждан.

Буквально с первых дней войны, хотя в сводках Совинформбюро были сообщения о тысячах немецких танков, якобы подбитых нашими войсками, как-то не возникло шапкозакидательского настроения, наоборот, стало понятно, что германская армия проводит успешное наступление, а мы оставили Минск и другие города не только в Белоруссии, но и в Прибалтике и на Украине. Начались суровые дни войны: эвакуация населения и промышленных предприятий из западных регионов страны, мобилизация в армию людей призывного возраста.

Накануне войны в МГУ обучалось большое число иностранных студентов. Это были дети коммунистов и демократов, деятелей международного коммунистического движения. Естественно, что эта молодежь воспитывалась на идеологии Коминтерна.

В первые тяжелые дни войны родилась идея (по аналогии с началом Отечественной войны 1812 года) создать ополчение, которое будет принимать непосредственное участие в обороне Москвы. В ополчение вступали москвичи пожилого и непризывного возрастов (т.е. старше 50 и моложе 18 лет): преподаватели и ученые московских вузов, патриотически настроенная интеллигенция и студенты. Одна из ополченческих дивизий формировалась в Киевском районе города Москвы. В ее состав вошли добровольцы МГУ, в их числе оказался и Василий Евгеньевич Майер. Из ополченческих дивизий сформировали воинские подразделения, которые проявили себя в боях за Москву и Смоленск. Многие бойцы-ополченцы погибли или получили ранения в ходе жестоких боев сентября-ноября 1941 года. Был ранен и Василий Евгеньевич Майер. Пуля разбила каблук сапога и не тяжело, но чувствительно ранила в пятку. Несмотря на ранения, Василий Евгеньевич остался в строю и продолжал воевать.

Обстановка на всем протяжении фронта от Мурманска до Одессы была тяжелой. Велись оборонительные бои, сопровождавшиеся окружением наших частей, прорывом немецких танковых колонн, выходом из окружения наших, засылкой к нам в тыл агентов разведки и диверсантов. Все это вынудило принять меры в целом в армии и в тылу. Как всегда в таких случаях были допущены ошибки, перегибы. В частности, бойцы ополчения некоторых национальностей прямо на линии фронта были построены, разоружены и пешим ходом отправлены в глубокий тыл. В распоряжение лесозаготовительных организаций Марийской рес-

публики. Под строгим контролем со стороны службы безопасности они прошагали около тысячи километров. За время этого перехода обмундирование бойцов и обувь пришли в полную негодность. Бойцов сняли с продовольственного снабжения по фронтовой норме и перевели на голодную тыловую. Но обиднее всего была несправедливость подозрений в возможности предательства.

О том, как Василий Евгеньевич попал из Марийской республики в Удмуртию, я никогда не спрашивал. Думаю, что по ведомственному подчинению Наркомата лесной промышленности, в ведении которого находились теперь бойцы трудового фронта.

В январе 1943 года Василия Евгеньевича из лесозаготовительной промышленности перевели на работу в народное образование. Он стал преподавателем Ново-Мултанского педучилища. Но Всесильный НКВД 20 июня 1943 года направил Василия Евгеньевича на работу в лагерь для военнопленных № 75 в поселке Рябово Увинского района. Здесь и в лагере № 155 Василий Евгеньевич работал переводчиком в оперативном отделе.

После увольнения из лагеря Василий Евгеньевич где-то в феврале вернулся на работу в Ново-Мултанское педучилище, которое в течение 1944-45 гг. передислоцировалось из Нового Мултана на Уву.

Летом 1945 года меня перевели на работу по специальности в Ижевск, где открылся новый лагерь № 371 на шесть тысяч военнопленных, начальником которого был назначен подполковник Максимов Федор Михайлович. Лагеря № 75 и 155 закрыли, а пленных из них перевели в новый лагерь в Ижевске. Летом 1945 г. перед отъездом я специально съездил на Уву, чтобы попрощаться с Василием Евгеньевичем. Он сообщил, что едет в Москву в МГУ, чтобы сдать оставшиеся экзамены. Получить диплом и распределение. Прощаясь, мы оба были уверены, что расстаемся навсегда.

Е.М. ГУЦА

(заслуженный учитель РФ)

ВСПОМИНАЯ УЧИТЕЛЯ. СЛОВО О В.Е. МАЙЕРЕ

В 1964 г. я поступила учиться на исторический факультет Удмуртского государственного педагогического института. И сразу от студентов старших курсов, мы первокурсники, услышали восторженно-уважительные отзывы о преподавателе Василии Евгеньевиче Майере, о его интересных лекциях и семинарах и, конечно, на II курсе уже ждали его занятий.

Блестящий преподаватель, влюбленный в историю, он каждой своей лекцией убеждал нас, что «ее страницы политые кровью нельзя любить бездумною любовью, и не любить без памяти нельзя». Опреде-

ленная волнительность Василия Евгеньевича во время лекций придавала напряженность его голосу и завораживала слушателей. Все, кто знал В.Е. Майера, отмечали эту особенность его лекторского мастерства. Конечно, было много преподавателей, которые любили свой предмет и достойно его преподавали. Василий Евгеньевич Майер любил Историю. Он ей служил. В деле преподавания и обучения студентов был бойцом. И именно он своим отношением к профессии, внешним обликом, душевным обаянием и интеллектом, помог многим стать учителем.

Годы общения с В.Е. Майером позволяют мне особо выделить два направления его деятельности, оказавшие на меня определяющее значение. Во-первых, глубокие знания по предметам, которые он преподавал; во-вторых, формирование и воспитание меня как учителя.

Второе направление пронизывало всю его практическую деятельность. Люди высокой духовности всегда озабочены проблемами воспитания будущих поколений. Не исключение и В.Е. Майер. Высокий уровень его подготовки к лекциям или семинарам демонстрировал нам, как надо готовиться к своим урокам, уже став учителем, а практические советы, рекомендации, формы и методы проведения семинарских занятий являлись наглядным примером методики преподавания истории. Кроме того, работая под его руководством над курсовыми работами, студенты, в частности я, получали практические навыки исследовательской поисковой работы, что очень пригодилось мне впоследствии при создании школьного музея и для обобщения собственного педагогического опыта. Наконец, на формирование всесторонне образованного учителя были направлены разработанные В.Е. Майером спецкурсы по культуре итальянского Возрождения и проблемам истории и культуры Германии. Данные курсы он вел на III курсе.

Тогда же В.Е. Майер предложил мне написать курсовую работу на тему «Памятники культуры, связанные с событиями Парижской Коммуны». Предупредил, что специальных статей или книг по этой теме нет, но есть большое количество литературы собственно о Парижской Коммуне, есть, где искать необходимый материал. Сразу объяснил, что нужно завести тетрадь и при чтении книг делать выписки, по ходу работы их дополнять. Вскоре, В.Е. Майер заинтересовался, как идет работа и попросил показать записи. Возвращая мне тетрадь, сначала похвалил, а затем долго в доброжелательной форме советовал:

- обращать внимание не только на крупные монографии ученых, но и на небольшие публикации в журналах;
- четко обозначать библиографию;
- грамотно делать сноски, ссылки на источники и т.д.;
- искать причинно-следственные связи, разные точки зрения по проблеме.

На заключительном этапе поставил задачу – сделать выводы, выделить дискуссионные проблемы, сгруппировать материал в соответст-

вии с планом и целью работы, подчеркнуть актуальность темы в связи с юбилейной датой.

К курсовой работе я подготовила альбом с иллюстрациями памятников, история которых была связана с темой курсовой работы. Когда работа была закончена, Василий Евгеньевич предложил выступить с ней на заседании кафедры всеобщей истории. Защита была успешной. Всю жизнь я благодарю профессора за эту индивидуальную работу со мной.

Самостоятельное исследование, поисковый характер работы, методически грамотное руководство очень помогли мне в работе школьного учителя. Полученные навыки я использовала для обучения старшеклассников написанию рефератов, исследований по краеведению, что позволило моим ученикам получать награды республиканского и общесоюзного уровня.

Выделяю еще один момент, подтверждающий, что профессор В.Е. Майер учил нас студентов учиться, чтобы мы научили в будущем учиться наших учеников. Он много внимания уделял методике конспектирования, так необходимой на лекциях и при подготовке к семинарским занятиям.

После моего выступления на семинаре по истории средних веков – взял мой конспект и вернул его со словами, что немножко над ним поработал. Он часто повторял: «конспект необходимо обработать, в зависимости от целей, темы, сути вопроса», т.е. подчеркнуть или другими знаками выделить главные мысли, особенно те, что необходимо цитировать – подчеркнуть цветным карандашом, сделать пометки на полях и т.д.

В последствие, когда я уже работала в школе, мне это очень пригодилось при написании конспектов поурочных планов. Большой помощью для учителей республики стала его статья, опубликованная в одном из научных сборников по методике составления конспектов. Он писал: «Конспект – его содержание и внешний вид – индивидуальное творение его составителя. Однако есть общие черты конспектирования, определенные навыки, правила и советы для начинающих». Умная статья! Она стала настольной для многих учителей. Много поколений своих учеников, особенно старшеклассников я из года в год учила по рекомендациям профессора Василия Евгеньевича, что помогало им при обучении в институте быть успешными студентами. Неоднократно слышала от них слова благодарности за умения и навыки, полученные на моих уроках по конспектированию. В эти минуты я всегда слова благодарности мысленно переадресовывала Василию Евгеньевичу.

В течение ряда лет В.Е. Майер был руководителем педагогической практики студентов в ижевской школе № 9, где я преподавала историю и обществоведение. Ежегодно перед началом практики, по просьбе Василия Евгеньевича, я проводила несколько открытых уроков по этим предметам, стараясь показать свои лучшие методические приемы ведения урока. После каждого урока проводился анализ. В обсуждении принимали участие все студенты. Процесс обсуждения, проведенных мной уро-

ков, а также тех уроков, которые проводили студенты-практиканты, превращался в педагогическую мастерскую, где мастерство Василия Евгеньевича как методиста раскрывалось во всем блеске. Даже в обычном уроке он мог найти и отметить положительные моменты, а все замечания учил нас высказывать в форме рекомендаций. Характер обсуждений уроков был доброжелательный, а процесс обсуждения продуктивным. Ученический класс в этот период превращался в лабораторию, где модулировался урок истории, рождались новые идеи, методы и приемы. В дискуссиях обсуждались варианты будущих уроков, хотелось, чтоб один урок не был похож на другой, думали о том, как поддерживать у учеников постоянный интерес к урокам истории.

Во время обсуждений проведенных уроков Василий Евгеньевич неоднократно подчеркивал важность каждого урока истории, отмечая его воспитывающие значения, особенно уроков по отечественной истории. Сам - как гражданин и патриот, он считал, что это главные качества, которые формируют уроки по общественным дисциплинам.

В конце практики студенты проводили зачетные уроки. У всех было много интересных задумок и вариантов. Их никто не ограничивал в творчестве. Благодаря позитивной атмосфере, царившей на педпрактике, уровень проводимых уроков был очень высоким. Иногда урок студента-практиканта заканчивался благодарными аплодисментами учеников класса.

Методическая деятельность Василия Евгеньевича среди студентов, оказывала большое влияние на совершенствование моего педагогического опыта. В результате его всестороннего анализа проводимых мною уроков для студентов, советов и рекомендаций сформировался мой собственный учительский почерк. С опытом пришло педагогическое мастерство, которому я обязана В.Е. Майеру. Считаю, что время общения с В.Е. Майером в период педпрактики студентов в школе, это была моя большая жизненная удача! Своим педагогическим успехом и высоким знанием, полученным за учительский труд я благодарна ученому и педагогу В.Е. Майеру

Со временем школа № 9 стала базовой для преподавателей истории ИУУ. Длительное время я проводила мастер классы для учителей республики, делилась своим опытом с учителями на всероссийских педагогических чтениях, широко распространяла методические идеи и практические приемы, полученные от наставника и Учителя В.Е. Майера. Последний раз под его руководством в школу на педпрактику пришли студенты осенью 1983 г. Запомнилось, что в группе (в сентябре) было много умных ребят, которые хорошо проводили уроки. Особенно выделялась колоритная фигура Василия Иванова (ныне Василий Васильевич Иванов, к.и.н., преподаватель УдГУ), который при распределении студентов по классам, очень настаивал, что будет преподавать только в 6 классе и только средние века. Василий Евгеньевич не возражал.

Первый урок для студентов я проводила в 10 классе, где работала классным руководителем, по теме «Начало Великой Отечественной войны». При анализе урока Василий Евгеньевич особо отметил выступление десятиклассника. Помню почти дословно. Он сказал, что «сообщение ученика Саши Сивкова о подвиге Николая Гастелло было очень продумано, подготовлено, но хочется отметить то, как он рассказывал о подвиге героя. В этот момент сам ученик как будто походил на Николая Гастелло».

В феврале 1985 г. я пришла в УдГУ уже проститая с Учителем. В спортивном зале УдГУ, где проходила гражданская панихида, в почетном карауле у гроба В.Е. Майера стоял студент исторического факультета Александр Сивков. Мой ученик, о котором Василий Евгеньевич когда-то сказал: «Так похожий на Гастелло».

Увлеченность и профессионализм, которые были характерны для Василия Евгеньевича, ярко проявлялись в работе руководителя педагогической практики студентов. Чувствовалось, что эта работа ему нравится не меньше, чем лекционная практика в аудитории.

Его методические «подсказки» студентам, глубокий анализ моих уроков, где умный методист такого уровня, как Василий Евгеньевич обозначал методические «находки», подсказывал, как развить лучшие педагогические приемы, а также его публикации ряда статей («Как формируется учитель», 1967 г.; «Научный поиск», 1975 г. и др. работы) свидетельствуют, что тема совершенствования методики преподавания истории в высшей и средней школе его глубоко интересовала и была частью научной школы, учителя, историка, педагога.

Все усилия Василия Евгеньевича были направлены на расширение кругозора, формирование культурологических знаний, расширения интеллекта будущего Учителя. Василий Евгеньевич неоднократно подчеркивал, что видит школьного учителя высокообразованным, всесторонне развитым и культурным человеком, особенно учителя истории, который исходя из преподаваемого материала чуть больше, чем учителя других предметов воспитывает гражданина и патриота. В его отзывах о хороших школьных учителях истории, бывших студентах факультета читались гордость и удовлетворение. Моя фамилия была среди его достойных учеников.

Некоторые положения своей научно-методической концепции он успел сформулировать в ряде опубликованных работ. На мой взгляд, можно с уверенностью утверждать, что его идеи совершенствования методики преподавания истории в средней школе являются составной частью научной школы ученого, историка и педагога В.Е. Майера и смею высказать предположение, что в будущем он планировал написать большую работу по методике обучения истории. Для этого у него был свой собственный опыт и опыт его лучших учеников.

Он просто не успел...

ВАСИЛИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ МАЙЕР: ИСТОРИК И ЕГО ДЕЛО¹

Василий Евгеньевич (именно так называли Вильгельма Евгеньевича) Майер – профессор кафедры всеобщей истории Удмуртского государственного университета. В.Е. Майер оставил в судьбе всех, кто его знал, настолько глубокий и яркий след, что и сегодня, хотя прошло уже 20 лет с того дня, как он ушел от нас, отношение к нему исполнено уважения и почтения. Вся его жизнь прекрасный пример для подражания: защитник Родины, талантливый ученый, изумительный педагог, воспитавший не одно поколение историков Удмуртии.

Вильгельм Евгеньевич Майер человек нелегкой и удивительной судьбы. Он родился 6 декабря 1918 г. в самый разгар гражданской войны, в семье крестьян – середняков Евгения и Матильды Майер в с. Высокополье Херсонской области. Закончив среднюю немецкую школу в Запорожье, в сентябре памятного 1937 г. он поступил на исторический факультет Московского Государственного университета, где занимался на кафедре новой истории. В годы репрессий в главном вузе страны молодому немцу приходилось несладко. Родителей выслали в Новосибирскую область, близкие оказались разбросанными по всей стране. Тем не менее, 20-летний целеустремленный студент был замечен и приглашен в институт Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК ВКП(б) на должность вспомогательного научного сотрудника для работы с рукописями К.Маркса. Василий Евгеньевич прекрасно знал тонкости немецкого языка и уже тогда зарекомендовал себя как способный исследователь - источниковедом.

Война заставила подвести черту под всей прежней жизнью. Не завершив пятого курса, 7 июля 1941 г. вместе с другими истфаковцами Василий Евгеньевич добровольцем ушел на фронт. Его однокурсник и друг профессор – антиковед А.И. Немировский вспоминал на юбилейной встрече выпускников МГУ, что их зачислили в стройбат Киевского районного комиссариата г. Москвы и срочно отправили рыть противотанковые рвы в Смоленскую область. Студентам, не привыкшим к военным условиям, доверили только лопаты, а Василию Евгеньевичу в числе немногих вручили оружие – трехлинейные винтовки из полусгнивших ящиков, на которых стоял штамп «Запечатано в 1922 г.».

Но вскоре все изменилось. Как этнический немец В.Е. Майер был отозван из рядов Красной Армии и отправлен практически пешком в глубокий тыл. Так, в январе 1942 г. 24-летний Василий Майер оказался в Удмуртии. В годы войны он работал то на Увинском лесопункте, то в ла-

---

¹ Впервые опубликовано: Шишкина Н.Г. Василий Евгеньевич Майер: историк и его дело // Средние века / Ин-т всеобщ. истории РАН. Вып. 67. М., 2006. С. 216-246.

герях военнопленных, был и грузчиком, и бригадиром, и начальником цеха, читал лекции в госпиталях, на заводе и везде находил общий язык с людьми, устанавливал с ними добрые отношения.

В начале 1943 г. его пригласили преподавать историю и конституцию в Новомултанском педучилище Увинского района. Именно здесь он встретился со своей будущей супругой – Бориславой Петровной Сысоевой. Она была тогда студенткой 3 курса, его ученицей, а в 1946 г., когда Борислава Петровна уже училась на литфаке Удмуртского государственного пединститута, они стали мужем и женой.

В июне победного 1945 г. Василий Евгеньевич возвращается в Москву для сдачи госэкзаменов и защиты диплома. Перед ним открывалась блестящая перспектива – учеба в аспирантуре МГУ, но 20 сентября Василий Евгеньевич переступил порог УГПИ (он обещал министру просвещения Е.А. Никифоровой вернуться в Ижевск). Так сложилось, что с этого дня, 20 сентября 1945 г., и до 10 февраля 1985 г. его жизнь была связана с нашим ВУЗом. Здесь он вырос в крупного медиевиста-германиста, ученого энциклопедических знаний, исследователя с европейским именем.

А тогда в 1945-56 гг. он сначала ассистент, а потом старшим преподавателем историко-филологического факультета Удмуртского госпединститута. Но выезд из Ижевска ему строго запрещен, а передвижения по городу ограничены: слишком много военных заводов, а он как бы на положении штрафника.

Каменные дома только в центре города, для промышленной элиты, деревянные тротуары утопают в грязи, а основной транспорт – деревянные же трамваи. Канализация, центральное отопление и водопровод считаются роскошью. И заводы, заводы, заводы... До науки, если она не связана с производством, никому нет дела, тем более до изучения крестьянства средневековой Германии. Стране были действительно нужны обычные сельские учителя. Да и база научных источников не просто скудна – ее нет вообще. А ведь молодому ученому всего 27 лет, но ему кажется, что жизнь заканчивается, не успев начаться. И тем не менее, он не сломался, не тот характер.

В.Е. Майеру приходилось добиваться разрешения – каждый раз как исключение – изредка выезжать в Москву для работы в архивах. Так проходят долгие десять лет. Наступает хрущевская «оттепель».

В 1955 г. В.Е. Майер защитил кандидатскую диссертацию «Уставы (Weistümer) как источник по изучению положения крестьян Германии конца XV-начала XVI вв.», а в 1967 – докторскую «Развитие производительных сил в сельском хозяйстве и аграрные отношения в Германии в XIV-XVI вв.». В следующем году ему было присвоено звание профессора. Василий Евгеньевич был первым доктором наук в Удмуртском пединституте, с ним во многом ассоциируется само понятие «университетская наука».

Наставником в науке В.Е. Майера был профессор Моисей Менделевич Смирин, под руководством которого проводилась глубокая разработка проблем аграрной истории Германии эпохи позднего средневековья. Огромное значение в своей работе В.Е. Майер придавал тщательному анализу источников. На основе их сравнительно - статистической обработки Василию Евгеньевичу удалось не только расширить представления о различных сторонах процесса начального становления капитализма в сельском хозяйстве Германии XIV-XVI вв., но и по новому поставить многие теоретические вопросы генезиса капитализма на европейском континенте.

Кандидатская и докторская диссертации В.Е. Майера по праву могут считаться образцами источниковедческого мастерства исследователя. Среди обширного корпуса источников главное место на протяжении всего научного пути В.Е. Майера отводил вайстюмам - документам юридического характера, регулировавшим отношения крестьянской общины и феодалов. Наибольшая заслуга в разработке этого вида источников в отечественной историографии советского периода принадлежит именно В.Е. Майеру. Он не только широко использовал фактический материал вайстюмов и полемизировал с преобладающей тогда в историографии «венской школой», он ставил теоретические вопросы и предлагал оригинальную их разработку.

Проблемы классификации источников интересовали его на протяжении всей жизни. В кандидатской диссертации В.Е. Майер подразделил вайстюмы на девять групп. К первой, самой наименьшей группе документов, автор отнес немногочисленные уставы, составленные на деревенских сходах, «напоминающих отсутствием на них господина или его чиновников народные собрания средневековья». Признаками таких собраний автор считает присутствие всех свободных земледельцев, которые решают вопросы с согласия всей общины. Цель составления подобных документов, по мнению автора, заключается в том, что крестьяне стараются как-то сохранить, «узаконить записью то, что неминуемо идет к своему концу. И в этих наиболее ранних документах уже выступает имущественная дифференциация внутри общины свободных». Ко второй группе им отнесены документы, связанные с проникновением феодалов в общину; группа этих вайстюмов также невелика. В документах следующих шести групп он констатирует «в той или иной мере господство феодалов в общине, безразлично, составлены эти документы членами городской общины, в которой имеется господский двор, выборными деревенскими чиновниками, шеффенами от имени господина, самим господином или крепостной общиной». К девятой группе автор отнес документы, содержащие прямое указание на классовую природу или на волнения крестьян.

Завершением работы над проблемой классификации является докторская диссертация В.Е. Майера. Общая оценка документов остается прежней, однако значительно дополняется. Характеризуется не толь-

ко издание Я. Гримма, но и издания Г. Лерша, К. Динклагге, В. Вейцзеккера. Составляется также таблица распространения вайстюмов по столетиям с учетом четырех перечисленных выше изданий, на основе чего делается вывод о том, что «волна оформления письменных вайстюмов поднялась наиболее высоко в XV-XVI вв.». Классификация документов уточняется, определяются ее принципы. В.Е. Майер писал: «целесообразно говорить о группах вайстюмов, в зависимости от того, какой социальной группой или представителями каких социальных слоев и категорий составлен тот или иной документ, каково его содержание, насколько верно он отражает события того времени, что является причиной его составления». Используя эти критерии, он уточняет свою предыдущую периодизацию, оставляя восемь групп документов, дает их краткую характеристику, которая в основных чертах не расходится с предыдущей.

Классифицируя изучаемые вайстюмы, В.Е. Майер выделял среди них «истинные» вайстюмы, определяя их как запись обычного права общин-марок средневековой Германии, Швейцарии, Австрии, что было также характерно для тех ученых, которые связывали их происхождение с крестьянскими массами.

В.Е. Майер сделал перевод на русский язык вайстюма общины Пфлаунлох, который переиздается и используется в вузовской практике и школьных учебниках и хрестоматиях до сих пор.

Признавая особую роль вайстюмов как исторических источников, ученый не был склонен к их абсолютизации, отмечая, что наиболее полную картину положения немецкой деревни эпохи позднего феодализма можно составить только используя весь спектр имеющихся источников. К их числу, помимо вайстюмов, исследователь относил: крестьянские жалобы, дипломы, грамоты (urkunden), их краткие описи - регесты, счетные книги, или урбарии, княжеское законодательство, трактаты

Среди наиболее массовых типов документов рассматриваемого периода В.Е. Майер выделял грамоты, которые фиксировали разнообразные сделки между светскими и духовными феодалами и городами. Он рассмотрел основные предпосылки появления данных документов, в том числе развитие денежных отношений, в условиях которых феодальная земельная собственность начинает приобретать черты товара, и установил, что заинтересованность феодалов в длительном сохранении документов способствовала появлению целых архивов таких грамот, сохранившихся до наших дней.

Поскольку Василий Евгеньевич работал уже с опубликованными источниками, он обращал внимание на время, место издания, авторство публикации, ее цель, возможности тенденциозности при подборе материала к изданию. Он многократно отмечал, что по одному сборнику источников нельзя составить достаточно полной картины исторического явления. Отдельный сборник не позволяет судить о том, насколько полно он охватывает документы, хранящиеся в соответствующем архиве. Так, при работе с грамотами были использованы сборники, изданные

И. Хмелем, Ф.В. Бартольдом, Э. Бернхеймом. Особое внимание ученый сосредоточил на сборнике грамот в издании Г. Вопфнера, поскольку оно раскрывает содержание новых форм хозяйствования, арендных отношений, касается положения крестьянства. Используя материалы довоенных изданий, ученый установил, что большая часть из них относится к истории городов Тюринго-Саксонского района. С начала 50-х годов публикуются грамоты западных областей Германии. Рассмотрев подробнейшим образом регесты-сборники грамот из архивов церковных учреждений, изданные Баварской краеведческой комиссией, ученый отметил их определенную тенденциозность: комиссия подбирала документы, сообщающие исключительно о благотворительной деятельности церкви. В то же время Василий Евгеньевич отметил ценность данной публикации, которая помогает выяснению общих закономерностей оформления самих грамот. В ходе работы с источниками ученый установил определенные черты сходства грамот и вайстюмов. В хронологическом плане, начало их составления приходится на XIV век, достигает своего пика в XV веке и идет на спад в середине XVI столетия. Другая отмеченная им общая черта касалась лингвистических особенностей источника: если до XIII века дипломы и вайстюмы писались исключительно на латыни, лишь с конца XIII в. появляются первые немецкие тексты, а с середины XIV века практически все грамоты составлялись на немецком языке.

Дополняя и уточняя с помощью других источников информацию, содержащуюся в сборниках «уркунден», В.Е. Майер сумел добиться осуществления источниковедческого синтеза, когда источник предстает перед историком не просто суммой фактов, а особой, целостной системой, имеющей свой собственный механизм развития, определенные закономерности, выявление которых позволяет ученому вести диалог с прошлым.

Проводя источниковедческий анализ, В.Е. Майер стремился рассмотреть источник не как застывший реликт прошлого, а как живое историческое свидетельство, которое на протяжении своего могло изменяться. Особенно ярко данное положение подтверждает анализ дипломов XIII-XIV веков, позволивший обнаружить определенные изменения, касающиеся содержательной стороны документа, связанные с детализацией условий сделки. Если в документах раннего периода упоминаются только продавец и покупатель, то с XIV века без наличия настоящего собственника (ленного господина или вотчинника) подобная сделка становилась невозможной. Среди новых черт грамот XIV столетия В.Е. Майер отметил и наличие в них ссылок на лиц, берущих на себя гарантийные обязательства по соблюдению сделки и лиц, выступавших в роли свидетелей. Динамику оформления источника он связывал с формированием нового типа собственности, когда горожане, приобретая землю или ренту, стремились наиболее прочно зафиксировать свои права в качестве собственников. Основное содержание грамот

В.Е. Майер определил как акт продажи имущества неплатежеспособным собственником. По своим информативным возможностям грамоты ставились историком на один уровень с вайстюмами. Критический анализ дипломов и их статистическая обработка позволили ученому выделить богатейший пласт информации о крестьянском хозяйстве, о купле и продаже земли, скота, мельниц, лесопилок, данные об арендных отношениях и сделках, совершавшихся неоднократно одними и теми же лицами. Результаты работы в этом направлении продемонстрировали многообразие форм социально-экономического развития Германии в XIV-XVI вв. Наиболее компактные группы источников относятся к районам Тюринго-Саксонии, Вюртенберга, Гессена, части Рейнской области, Вестфалии и Нижней Саксонии и отражают определенные уровни развития товарно-денежных отношений, характерные для начальной трансформации феодальной собственности. Сопоставляя данные из различных сборников дипломов, В.Е. Майер сделал ряд источниковедческих открытий: в частности, связав развитие источника с контекстом социально-экономических условий названных районов Германии, ученый получил возможность проследить процесс специализации в сфере садоводства, огородничества, виноградарства, вайдового производства и становления арендных отношений.

Говорят, человек сам выбирает жизненный путь. В.Е. Майер не только его выбрал, он выстроил его неустанным каждодневным трудом и честно шел по нему до последнего шага. Можно с полным основанием сказать, что он жил «в прекрасном и яростном мире». И это был нелегкий жизненный путь историка-коммуниста, подлинного интернационалиста.

Родившись в крестьянской семье, с детства познав тяжкие радости крестьянской работы, В.Е. Майер всю жизнь, по существу, не расставался с крестьянством, с этой едва ли не вечной темой истории, верно служа ей своим исследовательским талантом. Наверное, как раз отсюда, от крестьянских корней, проявился его кровный, сугубо личностный интерес к проблемам аграрной истории во всем их многообразии. Можно сказать, что крестьянство В.Е. Майер хорошо знал, понимал и умом, и сердцем, проверял цепкой памятью деревенского детства. Однако изучение именно этих проблем истории Германии определялось не просто личными интересами Василия Евгеньевича, но и необходимостью для науки как можно полнее раскрыть закономерности экономического развития феодального общества. И хотя научная деятельность В.Е. Майера проходила в нескольких направлениях, его наибольшее внимание постоянно привлекала социальная история позднесредневековой немецкой деревни. Исследования именно по этой тематике определили место В.Е. Майера в советской исторической науке.

Продолжая лучшие традиции российской/советской медиэвистической аграрной школы, шаг за шагом скрупулезно анализируя источники, исследователь прослеживал состояние немецкой деревни в XIV-XVI вв.

и выявил факты зарождения в сельском хозяйстве Германии новых черт: возрастания товарности хозяйства, разрушения патриархальной замкнутости немецкой деревни, уничтожения натуральности феодального производства, образования специализированных хозяйств и возникновения издольной аренды, при которой арендатор превращался в предпринимателя, наконец, широкого распространения наемного труда, перераспределения населения, вызванного экономическими сдвигами, формирования в деревне двух новых социальных групп: зажиточной крестьянской верхушки, выступающей в качестве эксплуататора обедневших соседей.

Исследование этих явлений дало В.Е. Майеру возможность подтвердить мысль о специфике процесса генезиса капитализма в германских землях и положительно оценить возможности капиталистического развития Германии. Пристальный анализ источников позволил ему доказать, что «к началу Реформации – этого первого акта буржуазной революции – социально-экономическое развитие немецкой деревни к западу от Эльбы достигает такого уровня, при котором положительный исход классовых боев против феодального строя мог бы открыть путь дальнейшему развитию ростков новых прогрессивных производительных сил и производственных отношений»¹. Наиболее рельефно, по мнению В.Е. Майера, элементы капиталистического уклада в Германии проявились в развитии овцеводства. В.Е. Майер показал процесс выделения овцеводства в особую отрасль сельскохозяйственного производства, находившуюся в товарно-денежных отношениях с городами и земледельческими районами, при широком использовании в ней наемного труда, зарождения в деревне нового социального противоречия, которое вело к более быстрому разорению крестьянства и появлению в деревне представителей предпринимательского капитала.

При анализе состояния сельского хозяйства Германии XIV-XVI вв. В.Е. Майер выделил две основные формы, в которых развивалась его специализация: во-первых, специализация мелких крестьянских хозяйств на производстве садовых, огородных и технических культур и, во-вторых, создание крупных специализированных зернопроизводящих хозяйств на бывших домениальных землях, организованных в форме издольной аренды.

В.Е. Майеру удалось доказать что появление мелких специализированных хозяйств в XIV-XVI вв. означало, с одной стороны, прогрессивное развитие сельского хозяйства, так как представляло собой более высокую ступень развития производительных сил, закономерный этап на пути преодоления натурального хозяйства и укрепления связей с рынком. С другой стороны, специализация мелких крестьянских хо-

---

¹ Майер В.Е. Деревня и город Германии в XIV-XVI вв. (развитие производительных сил). Л.: Изд-во ЛГУ, 1979. 168 с.

зяйств была одной из вынужденных мер, одним из способов их выживания в условиях все более массового разорения.

Однако, как отмечал В.Е. Майер, нельзя преувеличивать товарный характер этих хозяйств, поскольку товарные и натуральные черты в это время тесно переплетены: существует одна основная культура, предназначенная для рыночной продажи, и в то же время производятся все основные сельскохозяйственные продукты для собственного потребления.

Интересным явлением в Германии XIV-XVI вв. была специализация на производстве вайды – растения, из которого изготовлялся краситель, широко используемый в текстильном производстве. В.Е. Майер был практически единственным историком, привлечшим внимание к этой сфере. Статья «Социально-экономические сдвиги в районах производства и торговли вайдой» дает превосходный анализ состояния данной отрасли сельского хозяйства. В.Е. Майер установил основной центр вайдового производства – округу города Эрфурта в Тюрингии, реконструировал развитие производительных сил данного района, определил, что вайда выращивалась на лучших землях с использованием интенсивного удобрения и что данная культура, несомненно, требовала значительных агрономических познаний и тщательного ухода. Он рассчитал несколько производственных циклов, из которых последний осуществлялся в городах. Таким образом, деревня поставляла не сырье, а полуфабрикат, что было новым социально-экономическим явлением: разделение труда между городом и деревней сочеталось с внутрипроизводственным разделением труда. На этом основании В.Е. Майер заключил, что здесь уже рождается «мануфактурное по характеру производство». Он отметил такие факты эксплуатации деревни городом на данном этапе как сокрытие секретов последней стадии производства, тщательный учет посевов, обязательство поставлять полуфабрикат по установленной цене на специальный рынок, налогообложение и др.

Другой формой специализации в земледелии было появление в деревне на бывших домениальных землях после ликвидации барской запашки крупных арендаторских хозяйств, ориентированных на производство зерна на рынок. В.Е. Майер подробно проанализировал условия и способы возникновения подобной формы хозяйствования. Он изучил те изменения, которые происходили в агротехнике, те новые орудия труда, что появились в это время. Характерной формой крупного хозяйства была издольная аренда, при которой арендатор отдавал земельному собственнику одну треть урожая и вел хозяйство практически самостоятельно, или же испольщина, когда феодал, получая половину урожая, должен был принимать участие в хозяйственных расходах. В.Е. Майер считал появление крупной издольной аренды «выражением прогрессивного этапа развития феодального хозяйства». Данные, приводимые В.Е. Майером, позволили ему прийти к убедительному общему заключению, что специализация охватывала в XIV-XVI вв. все основные отрасли сельскохозяйственного производства: овцеводство, виноградар-

ство, огородничество, производство технических культур и зерновое хозяйство.

Всесторонняя статистическая обработка огромного количества источников, позволило В.Е. Майеру сделать вывод: специализация усилила процесс дифференциации в немецкой деревне (имущественная дифференциация стала приобретать характер социальной), усилила «социальное расслоение деревни на богатую верхушку и массу обездоленных, вынужденных трудиться по найму», причем «небольшая группа богатых крестьян начинает эксплуатировать большое число бедных»¹.

Анализируя развитие производительных сил и социальных отношений в немецкой деревне, В.Е. Майер одновременно дал убедительное объяснение и тем демографическим процессам, что происходили в Германии в то время, обосновывая выводы причинами социально-экономического характера. Итоги его исследований в этой области обобщены в книге «Деревня и город Германии в XIV-XVI вв. (развитие производительных сил)» (1979 г.).

Будучи человеком всестороннего образования и широких интересов, В.Е. Майер не мог ограничить сферу научных занятий изучением лишь одной, хотя и очень сложной и важной проблемы. Для него было естественным проявление углубленного интереса ко многим вопросам средневековой германской истории.

Ученый сумел проникнуть в суть проблемы германской сельской общины и изменений, происходивших в XIV-XVI вв. в устройстве вотчины, обнаружив подлинный смысл этих аграрно-социальных явлений. Что касается германской сельской общины, профессор В.Е. Майер сделал ряд выводов, касающихся ее хозяйственных и социальных функций. Во-первых, это определение соседской общины, сочетающей индивидуальное хозяйство с совместным использованием вспомогательных земельных угодий. По его мнению, необходимость в таких угодьях, объяснявшаяся тем, что «сочетание хлебопашества, огородничества, садоводства со скотоводством - явление неизбежное на уровне развития производительных сил того времени», была одной из главных причин возникновения соседской общины. Этот вывод он подтвердил тем, что вновь образовавшаяся дворовая община (гофмарка) обычно покупала разорившееся крестьянское хозяйство и превращала его в альменду, используемую совместно всеми членами общины.

В.Е. Майер доказал, что создание общин не было и не могло быть актом воли отдельного лица или государства, соседская община складывалась исторически, что подтверждается древностью общинных традиций и тем, что попытки создания новых общин успеха, как правило, не имели. Главным внутренним противоречием соседской общины В.Е. Майер считал противоречие «между индивидуальной, или частной, собственностью (соответственно – владельческим правом) на усадьбу и

---

¹ Майер В.Е. Деревня и город Германии... С. 162.

пашню и общинным владением, или общинной собственностью на угодья»,¹ и «чем больше развивались товарные отношения в сторону капитализма, тем сильнее становились частнособственнические стремления членов общины»². А по мере их усиления росли социальные противоречия внутри общины.

Разработка перечисленных выше проблем аграрной истории средневековой Германии была тесно связана с весьма важным для медиовистики вопросом о развитии тогда товарно-денежных отношений и роли городов в этом процессе. И ученый не мог обойти в своей работе и эту проблему. Им, например, дан довольно подробный анализ связей города и деревни в производстве вайды и вайдового красителя, выделены случаи приобретения горожанами земельных участков с целью ведения на них специализированных хозяйств: садов, огородов, виноградников, хмельников и т.д. – собственными силами либо с помощью наемного труда или сдачи хозяйств в аренду. Касаясь проблем истории городского ремесла, В.Е. Майер отмечал, что в XIV-XVI вв. могло иметь место расширение ремесленного производства вне городских стен, но этот вопрос носит в основном характер предположения и нуждается в дальнейшей разработке.

Некоторым малоисследованным вопросам истории средневекового города В.Е. Майер посвятил две статьи. Одна из них – «К истории взаимосвязи феодальной крепости и средневекового города Германии с X по XIV вв.» – поднимает вопрос, имеющий непосредственное отношение к возникновению городов, их борьбе с сеньорами и к эксплуатации крестьянства городами. В.Е. Майер дал определение крепости-бурга, выделил несколько типов таких крепостей и доказал, что с самого начала бург является «символом социального преимущества определенной категории людей»³, оплотом власти феодалов над крестьянами. С другой стороны, как отмечал В.Е. Майер, такой бург, особенно там, где он стоял на удобном месте – на перекрестке дорог или возле торговой дороги, – становился притягательной силой для торговцев и ремесленников, селившихся рядом с такими крепостями. Таким образом, как известно, возникли многие немецкие города. Однако по мере их развития между собственно горожанами и бургами стали возникать определенные противоречия. Вызванная ими так называемая борьба городов с сеньорами, выглядела «как противопоставление средневекового города и феодального бурга», что на самом деле не точно. Символом этой борьбы он считал уничтожение некоторых бургов – оплотов сеньориальной власти над городами. Одновременно В.Е. Майер касался фактов присвоения бургов городами: их захватывали или покупали, и они «служили городам сред-

---

¹ Майер В.Е. Крестьянство Германии в эпоху позднего феодализма. М., 1985. С.191.

² Там же.

³ Майер В.Е. К истории взаимосвязи феодальной крепости и средневекового города Германии с X по XVI вв. // Античная древность и средние века. Свердловск, 1981. С. 120-134.

ством демонстрации своей силы по отношению к деревне», будучи местопребыванием административной власти.

Другой аспект городской истории, изучаемый В.Е. Майером, – общинные владения городов и особенности городской общины. Этот комплекс проблем и сегодня недостаточно изучен в отечественной историографии. В.Е. Майер выделил несколько путей приобретения городами прав на общинные владения: возникновение города на общинной земле, переселение зависимых крестьян в города по воле сеньоров с сохранением их общинных прав и обязанностей, бегство крестьян в города, договоры городов с феодалами, покупка общинных земель городами, дарение земельных угодий городам территориальными князьями и императором. В.Е. Майер пришел к выводу, что города стремились к приобретению общинных владений или общинных прав практически со времени своего возникновения. При анализе особенностей городской общины, он отмечал, что если первоначально членами общины обычно являлись выходцы из той же общины или их потомки, то затем положение меняется: отдельные бюргеры могли быть членами многих общин и пользоваться их угодьями, иногда при помощи посаженных на купленную горожанином землю крестьян-арендаторов. Городская община, по его мнению, могла соседствовать с сельской в рамках одной марки, но при этом располагала иными правами.

В.Е. Майер также уделил внимание изучению того влияния, которое оказал рост городов на развитие сельскохозяйственного производства в германских землях. Он неоднократно подчеркивал, что растущие «города стимулировали процесс интенсификации и специализации в земледелии»¹. Города приняли и основной переселенческий поток разоряющегося крестьянства.

Наряду с экономическими значительное место в исследовательской тематике В.Е. Майера занимали проблемы политической и религиозной истории, в особенности те, что были связаны с предпосылками, ходом и результатами «раннебуржуазной революции» в Германии. Первоначально – это ряд специальных работ, спецкурсов, которые нашли обобщенное завершение в книге «Крестьянство Германии в эпоху позднего феодализма» (1985 г.). Крестьянские восстания до и во время Крестьянской войны 1525-1526 гг. в целом рассмотрены в работах М.М. Смириня, а так же В.А. Ермолаева, поэтому обращают на себя внимание дополнения, которые внес В.Е. Майер, и его интерпретация характера и сущности крестьянской борьбы.

Подробно исследовав выступления немецких крестьян XIV - середины XV вв., профессор В.Е. Майер отмечал несомненный антифеодальный характер движения армледеров, происходившего в 30-е гг. XIV столетия, несмотря на отсутствие сведений о программных требованиях крестьян. Для В.Е. Майера показателем антифеодальной направленно-

---

¹ Майер В.Е. Деревня и город... С.168.

сти борьбы служил факт объединения против крестьян князей и других феодалов, богатых бюргеров и императорской власти. Большое распространение на рубеже XIV-XV вв. получила так называемая «борьба пошвейцарски» – движение за создание независимых крестьянских государств по типу швейцарских кантонов. К этому времени В.Е. Майер относил появление свидетельств о крестьянских боевых союзах, сыгравших значительную роль в ходе Крестьянской войны. Тогда же имели место факты переговоров между крестьянами и феодалами, что является особенностью антифеодальной борьбы в Германии. Эту особенность он справедливо рассматривал в качестве показателя, с одной стороны, силы крестьянских выступлений, а с другой – незрелости восставших, ибо эти переговоры зачастую использовались феодалами для выигрыша во времени и для внесения раскола в ряды крестьянства. В.Е. Майер подтвердил сильное влияние гуситских войн 30-х гг. XV в. на изменение основных крестьянских требований: в них все чаще вносятся политические лозунги, все настоятельнее становятся попытки создать собственную «крестьянскую организацию, которая могла бы стать осевой для объединения разнородной политической оппозиции»¹.

Одним из закономерных этапов, подготовивших немецкое крестьянство к активному участию в Крестьянской войне, В.Е. Майер, как и специально изучавший этот вопрос М.М. Смирин, считал создание тайных объединений, организацию заговоров с целью возглавить борьбу против господ, захватить власть и предпринять намеченные программой социально-экономические и политические преобразования. В связи с этим подробно исследуется деятельность известных союзов «Башмак» и «Бедный Конрад».

Немало места в своих работах В.Е. Майер отводил изучению событий Великой Крестьянской войны, особо выделяя организацию военных формирований восставших. Принцип устройства крестьянского войска был «новым и действительно революционным», что выражалось, по его мнению, в выборности военного руководства и осуществлении постоянного контроля над его деятельностью со стороны специального крестьянского совета. Анализируя тактику восставших, В.Е. Майер писал о том, что крестьяне стремились привлекать на свою сторону города и населенные пункты, посылая им специальные предупреждения перед началом военных действий. Положительно оценивая факты создания крестьянского войска, его выступления против опорных феодальных пунктов – монастырей, замков, городов, остававшихся на стороне феодальных властей – В.Е. Майер тем не менее отмечал недостаточно наступательный и решительный характер крестьянских движений, а также недостаточную согласованность в действиях различных отрядов.

---

¹ Майер В.Е. Крестьянство Германии ... С.11-24.

Выделяя экономическую основу борьбы крестьян, В.Е. Майер подчеркивал, что крестьяне, в сущности, боролись не против строя, а за ограждение своего мелкого хозяйства от чрезмерных посягательств феодалов. При этом, считал он, в общественном сознании крестьян возникает ряд новых представлений и отдельных идей, и постепенно кристаллизуется сознание крестьян, противостоящее идеологии господствующего класса. Все более четко, как показал В.Е. Майер, вырисовываются представления о противоположности интересов и судеб крестьян и сеньоров, об уважении к крестьянскому труду как источнику жизни, о несправедливости деления общества на разные имущественные группы; оформляются идеи социального равенства и общности имущества. Как при анализе, так и в обобщениях подчеркивалось, что немецкое крестьянство с каждым новым этапом борьбы приобретает опыт и ведет более настойчиво и с большим размахом борьбу против феодалов; одновременно идет процесс формирования крестьянской идеологии, выразителями которой нередко становятся представители других социальных слоев. Если учесть неграмотность крестьян и оторванность многих из них от развивающихся городских центров, то в этом нет ничего удивительного. Главное заключается в силе обратного воздействия идеологии на крестьянство в целом и особенно на формы и методы его борьбы.

При всей скудости и специфически юридическом характере источников, преобладании документов экономического содержания, исследователю удалось собрать убедительный материал о формах и методах крестьянских выступлений, выявить динамику этих процессов и объяснить их специфику.

Одновременно с рассмотрением экономических причин выступлений крестьян ученый стремился выяснить и отношение крестьян к властям. Ему удалось выявить попытки крестьян создать свою власть. Наиболее ярким воплощением его интереса к этим вопросам является обращение к новым видам источников (крестьянские диалоги, памфлеты периода Реформации и Крестьянской войны и т.п.)

Впервые в отечественной науке он проанализировал содержание памфлета Г. Гергота «О новом преобразовании христианской жизни» и убедительно доказал, что в этом сочинении мечта простого человека о будущем идеальном государстве получила наиболее полное воплощение. Майер обратил внимание на возможность знакомства Гергота с немецким переводом «Утопии», вышедшем в Базеле в 1524 г. (прямых упоминаний о Т. Море в памфлете нет). Он отметил сходство некоторых идей обоих утопистов: в идеальном обществе нет постоянного войска, священников выбирают, носят «одинаковую, скромную и даже бедную одежду». Принципиальное различие их позиций советский исследователь видел в том, что Мор «даже не ставил вопроса» о революционном переходе к новому строю, тогда как Гергот рассчитывал на «восстание простого народа». В конечном счете В.Е. Майер видел в сочинении Гер-

гота важное свидетельство влияния мюнцеровских идей «на оформление революционного анабаптизма». Он сделал вывод, что «памфлет в известной мере может быть назван революционно-анабаптистским» и может быть отнесен к произведениям раннего утопического коммунизма. Определяя в целом характер власти, которую стремились установить восставшие крестьяне в ходе Крестьянской войны, В.Е. Майер считал ее революционной, антифеодальной, действовавшей от имени крестьян и простого народа. Максимально полно, по мнению В.Е. Майера, отражает крестьянское представление о власти обращение «К собранию простого крестьянства», поскольку многое из того, о чем пишет автор осуществилось на деле.

Еще одним направлением исследовательских интересов профессора В.Е. Майера была история Заэльбья. Постоянный интерес ученого к данному региону объясняется выраженной спецификой аграрного строя этой области в XVI-XVIII вв. На обильном материале он дал яркую характеристику экономического и политического положения Заэльбья, показал причины медленного его развития, объяснил, почему крестьянство этого района почти не участвовало в Крестьянской войне и почему там запоздала Реформация, а также доказал, что с XVI до начала XIX вв. Заэльбье было оплотом феодализма в Германии.

Нельзя не остановиться подробнее и на историографических студиях В.Е. Майера. Его принципы анализа и обобщения взглядов историков отразили определенный этап развития советской историографии – длительный период непререкаемого господства советского марксизма, или, как было принято говорить, марксизма-ленинизма. Принципы марксистско-ленинского подхода, которые он строго соблюдал, не были для него шорами, не могли исказить поиск объективной истины. Он стремился дать точную и убедительную критику исторических исследований прошлого и настоящего, подчеркивая важность методологических принципов при оценке взглядов любого историка или целого направления. При этом В.Е. Майер выявлял положительные результаты работы каждой группы историков и отдельных авторов, выделял рациональное зерно в их исследованиях и указывал объективные и субъективные причины тех или иных недостатков, отстаивая очевидные достижения советской историографии.

Перу В.Е. Майера принадлежит ряд рецензий на крупные этапные работы советских медиевистов (например, на монографии М.М. Смиринна, на оба издания учебника «История средних веков» в двух томах).

Как известно, аграрная и социально-экономическая проблематика XIV-XVI вв. разрабатывалась несколькими поколениями немецких историков. Немало написано ими об экономическом, социальном и особенно юридическом положении средневековых крестьян, исследован ход крупных крестьянских восстаний. Объектом критического анализа, предпринятого В.Е. Майером, стала проблема обезлюдения сельских мест в XIV-XVI вв., поставленная еще в конце прошлого века К. Лампрехтом,

К.Т. Инама-Штернегом, А. Грундом. В острополюемическом духе написаны историографические разделы его монографий, в которых Василий Евгеньевич опровергает неомальтузианские установки представителей исторической науки ФРГ В. Абеля, Ф. Лютге, Э. Кельтера, Г. Франца.

Вместе с тем В.Е. Майер отмечал, что с середины 70-х гг. XX в. под влиянием марксистской исторической науки молодые ученые ФРГ вынуждены пересматривать те положения, которые были разработаны их непосредственными предшественниками и учителями. Оценивая исследования Х. Бусцелло, Р. Вольфейля, Р. Эндреса, П. Бликле, В.Е. Майер констатирует, что они, занимаясь социально-экономическими вопросами, ищут причинно-следственные связи в экономике и социальных отношениях, вынуждены признавать революционный характер Реформации и Крестьянской войны, уделять внимание истории «простого народа», куда они включают и крестьянство.

Изучая труды историков ГДР по аграрной истории средневековой Германии и истории немецкого крестьянства, В.Е. Майер подчеркивает заслуги медиевистов ГДР в создании концепции Крестьянской войны и Реформации в Германии как раннебуржуазной революции.

Благодаря его обстоятельным реферативным обзорам трудов зарубежных ученых широкие круги историков нашей страны имеют возможность составить представление об основных направлениях исторической науки ФРГ и ГДР. Рецензии, рефераты, написанные В.Е. Майером, превращались часто в историографические статьи, в которых излагались взгляды Вильгельма Евгеньевича на ту или иную проблему.

Как уже отмечалось, В.Е. Майер приехал в Удмуртию еще совсем молодым человеком в начале 1942 г. Занятия наукой он продолжил, когда закончилась война, после госэкзаменов в МГУ, и вернулся в Удмуртию, на свою, по существу, вторую малую родину (на Херсонщине он родился, в Москве пролетела его довоенная студенческая юность, в Удмуртии прошло его возмужание, становление личности, обретение высоты профессии) на этот раз дипломированным историком в Удмуртский пединститут.

Конечно же, в Удмуртии В.Е. Майер не был первым и тем более единственным историком. Наряду с ним здесь плодотворно трудились известные исследователи: А.И. Вахрушев, М.А. Садаков, Г.И. Шибанов, Б.Г. Плющевский, Н.П. Павлов, М.В. Гришкина. В целом, их темой была аграрная история, история абсолютно преобладавшей части населения Удмуртии – крестьянства, – во всех его проявлениях, на различных этапах исторического развития. Естественно, что большинство названных ученых – аграрники, поскольку аграрная тематика – традиционное и наиболее успешно разрабатываемое направление в исторических исследованиях ученых Удмуртии, да и в отечественной науке советского периода в целом. Однако не будет преувеличением сказать, что именно В.Е. Майер поднял исторические исследования в республике на уровень требований самой современной науки, тем самым став постепенно при-

знанным лидером историков Удмуртии. Тем более, что, как уже отмечалось выше, это был тот счастливый случай, когда собственные научные интересы В.Е. Майера тесно соприкасались с основным направлением научных изысканий удмуртских историков. Можно сказать, что у В.Е. Майера появился и особый профессиональный интерес к истории удмуртского народа, поскольку была реальная возможность соотнесения знания истории так называемого классического западноевропейского средневекового крестьянства с анализом проблем местной региональной истории на богатейшем местном источниковом материале. И это было весьма убедительно осуществлено В.Е. Майером в его работах по аграрной истории Удмуртии. Однако, думается, обращение В.Е. Майера к истории края было продиктовано не только и не столько узко цеховым интересом, но в целом стало возможным благодаря его позиции ученого, обладавшего широкой эрудицией и необычайно развитым чувством познания нового, с его открытостью личности, готовой к восприятию и усвоению информации совершенно другого проблемно-типологического, языкового и социокультурного уровня.

Знакомство с Удмуртией и познание ее как абсолютно нового края для В.Е. Майера прошло, условно говоря, несколько этапов. Первый был, наверное, самый важный и самый трудный. После того, как военнослужашие немецкой национальности были отозваны из рядов действующей армии, В.Е. Майер, уроженец солнечной благодатной Украины, совсем неожиданно для себя оказавшись в суровой зимней Удмуртии, с ее тогда еще необъятными увинскими лесами, конечно, не мог не быть потрясенным резким поворотом судьбы и, наверное, тем более обостренно воспринимал свое новое, совсем непривычное географическое и этнокультурное окружение.

Как вспоминал он позднее, в то самое трудное лихолетье начала войны и неоднозначности его тогдашнего положения В.Е. Майеру помогли выжить и не потерять себя люди, действовавшие не по глухим инструкциям и параграфам, а по живому сердечному влечению. Он всегда находился в тесном общении с самыми разными людьми, с большим трудом и желанием постигал жизнь удмуртского края. Его очень привлекли красивая северная природа, взаимодействие человека с нею, типы поселений, особенности быта и хозяйства, материальная и духовная культура удмуртов. Причем, когда было возможно, он не ограничивался визуальными наблюдениями, а много расспрашивал, записывал, делал зарисовки. (Кстати, эти своеобразные полевые записи В.Е. Майер продолжал и позднее, во время поездок со студентами на сельскохозяйственные работы, во время различных путешествий по Удмуртии.)

Его информаторами были простые люди, часто крестьяне из окрестных удмуртских селений. Нередко они приглашали его в гости, делились скудными припасами военного времени, иногда даже трогательно просили быть крестным отцом детей. Со многими из увинцев – его первых удмуртских друзей – у В.Е. Майера сохранились сердечные отноше-

ния на протяжении последующих 40 лет его жизни на удмуртской земле. И неудивительно, ведь именно здесь, «на Уве», начался поворотный этап его жизненного пути, который привел его к творческому совершенствованию, здесь он навсегда породнился с этим краем, здесь он впервые для себя открыл удмуртский народ, познакомился с его мироощущением и миропониманием, с системой его этических, эстетических и этнических ценностей, причем, что очень важно, не опосредованно, через книги, а непосредственно через жизнь. Можно сказать, что основой его удмуртоведения было само бытие. Впоследствии, когда у него появилась возможность работать в библиотеках, архивах, музеях, жизненные впечатления, наблюдения В.Е. Майер дополнил специальными научными сведениями об Удмуртии, ее народе, стал подлинным знатоком местной истории и культуры, что позволило ему активно включиться в разработку сложных проблем удмуртской истории.

Его первая «удмуртская» публикация датируется 1961 г., и с этого времени он практически ежегодно имеет в своем активе интересные труды по Удмуртии. Естественно, вначале В.Е. Майер обратился к истокам – отсюда его работа по древнему периоду истории края и далекому прошлому удмуртского народа. Он весьма профессионально интересуется археологией, этнографией, участвует в раскопках, экспедиционных поездках. Активно содействует созданию первой хрестоматии по истории Удмуртии, и она выходит под его научной редакцией. Признанием его высокой квалификации как историка является то, что многие исследователи отдавали ему труды на научное редактирование. В.Е. Майер редактирует и рецензирует многие монографии, сборники, среди них: «Материальная и духовная культура финно-угров Приуралья», «IV Уральская научная студенческая археологическая конференция», «Материалы по этногенезу удмуртов», «Вопросы социально-экономического и культурного развития Удмуртии в XVII – первой половине XIX в.», «Семейный и общественный быт удмуртов в XVIII-XX вв.», «Культурная революция в Удмуртской АССР». Даже этот далеко не полный перечень позволяет наглядно представить диапазон научных интересов ученого в совсем не магистральном для него направлении исследовательской деятельности.

Из работ, посвященных проблемам удмуртоведения, на наш взгляд, выделяются два его наиболее оригинальных исследования. Это солидные статьи «Исторические и культурные предпосылки написания первой грамматики удмуртского языка» (1975 г.) и «Важный источник по истории крестьянской общины в Удмуртии» (1981 г.). В первой он скрупулезно проанализировал состояние удмуртского общества на основных его структурных уровнях во второй половине XVIII в. и убедительно доказал его внутреннюю готовность к выработке и усвоению качественно нового вида информации - письменности, аргументировано показал исторические и культурные предпосылки написания первой грамматики

удмуртского языка, выявил социокультурную необходимость и закономерность этого явления в жизни удмуртского народа.

Вторая работа посвящена исследованию совершенно не изученного комплекса проблем удмуртской общины – бускель. К тому времени практически имелась только одна работа первого удмуртского этнографа Г.Е. Верещагина «Общинное землевладение у вотяков Сарапульского уезда», опубликованная еще в 1895 г. Именно она и послужила формальным поводом для обращения В.Е. Майера к теме общины удмуртов. Однако причина, думается, была глубже. Ему прежде всего хотелось привлечь научное внимание к этой проблеме, а для этого под огромную совокупность фактического эмпирического материала, содержащегося в верещагинской работе, подвести прочный методологический фундамент, рассмотреть феномен удмуртской общины – бускель с позиций современной исторической науки, с учетом достижений в области чрезвычайно сложной теории общины (здесь особенно важным было определение типологии общественной организации), проанализировать удмуртские общинные институты в едином контексте западноевропейской социальной системой. Иными словами, В.Е. Майер спроецировал общефилософскую проблему общего и особенного на обширный конкретный материал по удмуртской общине – бускель. И его сложная исследовательская задача увенчалась блестящим успехом. Работа В.Е. Майера стала эталоном исторического исследования (особое восхищение вызывает филигранный источниковедческий анализ), своеобразным предметным уроком для молодых удмуртских коллег и в значительной степени стимулировала исследовательскую мысль в этом направлении. Очевидно, не случайно вскоре после публикации В.Е. Майера появился ряд интересных работ по удмуртской общине.

Огромное место в жизни В.Е. Майера с молодых лет занимала педагогическая деятельность. Открытый и всегда готовый к общению человек, он много сил и энергии отдавал пропаганде исторических знаний, активно занимался методикой преподавания истории в высшей и средней школе.

Подлинная педагогическая деятельность, приносящая удовольствие учителю и ученикам, невозможна без самоотдачи, без доброжелательного отношения педагога к своим подопечным. Василий Евгеньевич именно такой человек. Он был предельно внимательным к каждому, он был чутким, мудрым и лояльным человеком, ни в коем случае ничего никому не навязывая, он умел находить общий язык и со студентами, и с коллегами и с руководством университета. Коллеги и ученика Василия Евгеньевича единомышленны в том, что он, не только знал и любил свой предмет, но мог заинтересовать им. Он много раз говорил, что педагог – самая благородная, самая прекрасная профессия на свете. Именно таким прекрасным педагогом был профессор В.Е. Майер. Ему пришлось освоить и прочитать на историческом факультете практически все основные курсы от древности до современности. Не хватало специали-

стов, а его прекрасная университетская подготовка, глубокие знания предмета, отличные способности, наличие научной интуиции, умение сформулировать проблему, высокая работоспособность, позволяли «выручать» кафедру и факультет в самых затруднительных ситуациях.

Общение со студентами было для него самым важным и живым, ненадождающим занятием, хотя и продолжалось более 40 лет. Действительно, много поколений студентов – историков заинтересованно слушали лекции Василия Евгеньевича, работали в его семинарах, писали курсовые и дипломные работы, проходили под его руководством специализацию по истории средних веков. Большим успехом пользовались его лекции и на факультете романо-германской филологии.

Лекции были сильной стороной его педагогической деятельности. Они отличались глубиной, ясностью, безупречной мерой соединения академизма и популярности, страстностью, отточенностью речи.

Василий Евгеньевич Майер не раз подчеркивал, что лекция должна не только обогащать студента знаниями, но вести его дальше, учить мыслить, анализировать, обобщать. Но мало кто знает, с каким трудом давалась Василию Евгеньевичу глубина и эмоциональность его публичных выступлений. В письме сыну он пишет: «Всю жизнь меня преследует... боязнь начать какое-нибудь дело. Перед каждой лекцией я страшно волнуюсь... Встреча с большой аудиторией для меня мучение. Как выхожу из этого положения? Тщательно готовлюсь. Говорят, в Оксфорде лектора за 15-20 минут до начала занятия запирают в отдельное помещение и охраняют его, чтобы не сбежал. Мне тоже каждый раз хочется бежать».

Те, кому посчастливилось слушать лекции В.Е. Майера, не могли не заметить удивительного явления: внешне эти лекции не отличались эффектностью, Василий Евгеньевич читал ровным, спокойным голосом, никогда не повышал его и, тем не менее, эти лекции увлекали, захватывали, заставляли мысль напряженно работать. Почему? Потому, что в самих лекциях непрерывно билась живая творческая мысль ученого, исследователь увлекал и вел за собой студентов. И бесспорно, в этом плане лекции профессора Майера были средством профессиональной подготовки будущего учителя истории

Любимым детищем В.Е. Майера был общий курс истории средних веков, который он читал для студентов второго курса. Кроме того, Вильгельм Евгеньевич читал курсы историографии, источниковедения западноевропейского средневековья, введения в специальность, специальные курсы на самые различные темы. В.Е. Майер не раз подчеркивал, что лекция должна не только обогащать студента знаниями, но вести его дальше, учить мыслить, анализировать, обобщать. Свою задачу он видел в том, чтобы максимально активизировать этот метод обучения.

Опыт его работы убедительно доказывает, что навыкам будущей самостоятельной работы в науке, в школе, в вузе необходимо учиться, учиться долго и учиться под руководством опытных преподавателей, и

роль общих лекционных курсов, разумеется, хороших, при этом особенно велика. В лекциях он представал как ученый энциклопедических знаний, свободно оперирующий сложным фактическим материалом, как умелый стилист.

Сам В.Е. Майер обладал даром лектора и полемиста. Но каким бы опытным ни был преподаватель, ему всегда, постоянно необходима систематическая работа по обогащению теоретического и научного содержания лекционных курсов. Эти высокие требования к научному уровню лекций В.Е. Майер полностью относил в первую очередь к самому себе. А поскольку цели университетского образования едины, эти требования в равной степени он предъявлял и к своим коллегам по кафедре. Один из путей выполнения этих требований в педагогической деятельности преподавателя В.Е. Майер видел в том, что лекция должна быть насыщена активной творческой, научной мыслью. Через живое устное слово ученый Майер, имеющий свой научный опыт, свой взгляд на различные проблемы данной науки, приобщал студентов к науке, непрерывно развивающейся, и поэтому включал в свои лекции не только решенные уже вопросы, но и такие, над которыми продолжали работать ученые-медиевисты.

Какое же построение лекционного курса по истории средних веков Василий Евгеньевич представлял наиболее рациональным? Многолетний опыт чтения им лекций на очном и заочном отделениях убеждает в том, что наилучшим он считал проблемное построение общего курса. Действительно, именно такое построение курса способствует активизации всего учебного процесса, здесь уже не может идти речь о переложении учебника, а студент должен при этом работать самостоятельно и после лекции. К тому же, плодотворное чтение проблемного курса лекций по истории средних веков позволяет яркую мозаику конкретного исторического материала уложить в рамки узловых проблем эпохи. При этом у студентов складывалось представление о единстве и последовательности исторического процесса, ими усваивались основные черты средневековой цивилизации.

В лекциях В.Е. Майер стремился реализовать принцип активности в обучении и профессионального самоопределения. Например, его опыт проведения занятий по спецкурсу «История западноевропейской культуры XIV-XVII вв.» – метод имитации профессиональной деятельности учителя истории – свидетельствует о явных преимуществах такого метода: повышается интерес студентов к обучению, их эмоциональный настрой, обостряется чувство ответственности за уровень своих знаний и умений, формируется необходимый минимум профессионально-педагогических навыков.

Профессор-педагог В.Е. Майер был и непревзойденным руководителем семинаров по истории средних веков. Основной задачей семинаров он считал не только углубление знаний студентов о западноевропейском средневековье, но, главным образом, обучение методам исто-

рического анализа, навыкам работы с источниками и умению видеть за строками документа живую жизнь ушедших веков. Он всегда подчеркивал, что в ходе семинарских занятий, проводимых на протяжении учебного года, преподаватель имеет возможность пользоваться многими средствами и приемами обучения студентов и в то же время проверить результативность проведенной работы. Василий Евгеньевич умело планировал эту работу, предлагал четко продуманную разработку всего практического курса и каждого занятия, рассматривая в основном вопросы курса, которые имеют теоретико-познавательное, методологическое и образовательно-воспитательное значение.

К такой проблематике он относил следующие разделы курса: общественный строй варваров, развитие социальных отношений во Франкском государстве, особенности византийского феодализма, средневековый город, крестовые походы, восстание крестьян и городов в Европе в XIV в., генезис капитализма, Реформация и Крестьянская война в Германии, раннебуржуазная революция в Нидерландах. Все эти вопросы имеют богатую источниковую основу, широко отражены в советской медиевистике и имеют большое значение в школьной практике.

В.Е. Майер понимал, что семинарские занятия, насыщенные значительным материалом, требуют соответствующей подготовки студентов, и обычно предварял семинарское занятие соответствующей лекцией, объяснял наиболее сложные аспекты той или иной проблемы. Естественно, это обстоятельство значительно облегчало самостоятельную работу студентов и работу на самом семинарском занятии. Успех семинарских занятий, подчеркивал Василий Евгеньевич, зависит от продуманной и педагогически обоснованной системы их проведения. И прежде всего они должны быть организованы по принципу все возрастающего их усложнения. И в этом у В.Е. Майера всегда было чувство меры, выработанное многолетним опытом. Усложнение задания обычно ни опережало, ни отставало от реальных возможностей определенной студенческой группы. Он проводил занятия так, что каждое последующее занятие было чем-то непохожим на предыдущее и становилось новой ступенью в знаниях и работе студентов. В своей практике он обычно уделял значительное время вступительному слову к той или иной теме, выделяя наиболее сложные вопросы, проблемы и подчеркивал, что не следует дублировать те сведения, которые студенты получили на лекции. Далее он обращал внимание на методику работ студентов по выполнению задания, на анализ рекомендованной литературы и методы ее изучения, на вероятные трудности и способы их преодоления, указывал главные, первостепенные вопросы. Он умело направлял обсуждения проблемы, всегда требовал обоснованных и достаточно аргументированных суждений, поддерживал полемику, но не перебивал и вмешивался лишь в том случае, когда допускались серьезные ошибки.

Большое значение придавал В.Е. Майер своему заключительному слову, завершающему каждый вопрос или занятие в целом, в котором

прежде всего анализировал и оценивал работу студентов, обращал внимание на усвоение историографической части, выделяя активных участников обсуждения. Он называл также и недостатки, упущения, неточности, неверные утверждения в оценке исторических явлений.

В.Е. Майер всегда интересовался записями студентов, оценивал их доброкачественность и подчеркивал много раз, что анализ именно этой части работы студентов особенно важен, т.к. делая записи студенты приучаются к культуре научной работы. Умение внимательно и вдумчиво определить интересы и способности студентов, развить их, довести до реальных результатов – одно из редких качеств В.Е. Майера, реализовавшееся в научных студенческих докладах, курсовых и дипломных работах.

Великолепный методист, В.Е. Майер на протяжении многих лет уделял особое внимание совершенствованию методики преподавания на историческом факультете, разработке учебных планов и программ. Коллеги В.Е. Майера учились у него многим навыкам педагогического мастерства.

Неудивительно, что занятия профессора В.Е. Майера пользовались громадным успехом у студентов. Многие надолго запомнили проблемные лекции по истории средних веков, прошли через майеровские семинары, коллоквиумы, словом, через школу профессора. Наверное нет в Удмуртии школы, техникума, ВУЗа, где не работали бы ученики Василия Евгеньевича – учителя, директора школ, заведующие РОНО, ГОРОНО, кандидаты и доктора наук. Немало среди учеников Василия Евгеньевича было комсомольских, партийных и советских работников, журналистов, предпринимателей, военных, милицейских чинов и чекистов. Большинство нынешних ученых историков Удмуртии, какую бы научную проблему они ни разрабатывали, каким бы разделом истории не занимались, – это тоже ученики В.Е. Майера, и они навсегда сохранят в благодарной памяти его занятия, беседы с ним, из которых каждый что-то почерпнул для себя. Умудренный многолетним преподавательским опытом, он постоянно искал новые, еще более эффективные методы обучения, поддерживал деловые связи с коллегами из многих вузов, старался быть в курсе методологических и методических публикаций, обсуждений, дискуссий, где бы они ни проходили.

Одной из главных забот профессора В.Е. Майера в качестве заведующего кафедрой всеобщей истории стало создание коллектива единомышленников, ученых-педагогов. В конце 60-х гг. по его инициативе на кафедре начали работать выпускница Пермского университета, ученица Л.Е. Кермана В.П. Коротова – специалист по истории Англии, выпускница Казанского университета Н.С. Талашова, занимавшаяся проблемами античной истории под руководством А.С. Шофмана, из аспирантуры МГУ вернулся выпускник УГПИ Н.И. Санников, защитивший диссертацию по проблемам германского неонацизма. В 1972 г. профессор В.Е. Майер пригласил в только что созданный на базе педагогического

института Удмуртский госуниверситет кандидата исторических наук, этнографа В.Е. Владыкина. Именно он в 1987 г. возглавил кафедру после безвременного ухода нашего Учителя. Так же, как В.Е. Майер, будучи выпускником блестящей исторической школы МГУ (неслучайно их так многое духовно роднило), Владимир Емельянович высокопрофессионально (формально не являясь ни антиковедом, ни медиевистом), продолжил и во многом развил основные направления работы и жизни кафедры, заложенные В.Е. Майером.

В 1973 г. на кафедре была открыта собственная аспирантура. У В.Е. Майера нашлись единомышленники, и на историческом факультете складывается научное направление, тесно связанное с изучением средневековой германской истории. Непосредственно аграрной проблематикой занимались В.А. Чиркин и Л.В. Котова, изучением историографии проблемы коллегами из ГДР увлеклась Н.Г. Шишкина, чему и посвятила свою диссертацию, а В.В. Иванов считает приоритетными темы, связанные с идеологией, в том числе с эпохой Реформации в Германии и Швейцарии. Кроме того, учениками В.Е. Майера защищены кандидатские и докторские диссертации в разных областях исторической науки, (антиковедении, этнографии, археологии и др.).

К концу 70-х гг. кафедра под руководством В.Е. Майера становится одним из известных в стране центров по изучению позднесредневековой истории Германии.

Свидетельством признания научных заслуг профессора В.Е. Майера и возглавляемой им кафедры было проведение в 1979г. в г. Ижевске очень представительного всесоюзного симпозиума по проблемам аграрной истории эпохи феодализма, в котором приняли участие многие известные историки-медиевисты страны: Е.В. Гутнова, Л.Д. Люблинская, А.Н. Чистозвонов, К.Д. Авдеева, Т.М. Червонная, О.В. Трофимова, Я.Д. Серовайский, М.М. Фрейденберг и др. Симпозиум прошел на высоком научно-теоретическом уровне и имел большой научный резонанс, его итогам был посвящен специальный сборник по проблемам аграрного строя и аграрных отношений в эпоху развитого феодализма в Европе, изданный в 1983 г. в Ижевске под редакцией В.Е. Майера. Этот симпозиум особенно наглядно показал, что профессор В.Е. Майер - видный советский медиевист-аграрник, руководитель научного направления, успешно развивающегося в Удмуртии. Впрочем, вообще Ижевск, Удмуртия в кругах историков уже традиционно ассоциировалась главным образом с именем В.Е. Майера.

Необходимо хотя бы кратко остановиться на роли В.Е. Майера в организации исторических исследований в Удмуртии, здесь его вклад в изучение удмуртского народа был особенно значителен и весом. В частности, когда В.Е. Майер был проректором УдГУ по научной работе, непосредственно по его инициативе и неизменном содействии развернулись широкомасштабные археологические работы. Он помогал во всем: в создании экспедиции, покупке оборудования, организации и проведе-

нии студенческой конференции, создании кабинета археологии и библиотеки при нем, музея археологии на историческом факультете. Многие студенты исторического факультета помнят о том, что В.Е. Майер был частым гостем в археологической экспедиции. Нередкими его выступления были и на многочисленных археологических научных конференциях, проводимых в УдГУ.

Научно-педагогическая деятельность В.Е. Майера была всегда неотделима от его многогранной и интенсивной общественной работы. Большой популярностью в республике пользовались его лекции по вопросам атеизма, текущей внутренней и внешней политики, теории и практики марксизма-ленинизма. Он часто выступал по республиканскому радио и телевидению, его основательные статьи в печати неизменно привлекали внимание. Значительное место в его жизни занимала работа в Обществе дружбы СССР и ГДР, Ижевское отделение которого он возглавлял с момента учреждения. В.Е. Майер руководил атеистическим советом республиканского общества «Знание», являлся членом президиума Удмуртского комитета защиты мира.

Заслуги профессора В.Е. Майера были по достоинству оценены правительством Удмуртии: ему было присвоено звание «Заслуженный деятель науки Удмуртской АССР». В его личном деле хранятся десятки благодарностей и почетных грамот за многолетний труд ученого, педагога, руководителя.

Многое можно было бы еще сказать о В.Е. Майере – ученом-педагоге, и несомненно это будет сделано, поскольку вклад, внесенный его научными исследованиями и педагогической деятельностью в развитие отечественной медиевистики достаточно весом. Очень подробно писал о Василии Евгеньевиче Ю.Л. Бессмертный «Незаурядные научные способности сочетались у В.Е. Майера с редкими личными достоинствами. Это был человек добрейшей души, всегда готовый откликнуться на просьбу о помощи, скромнейший труженик, лишенный и тени тщеславия, самоотверженный исследователь, излучавший доброжелательность ко всем честным людям».¹ Бесконечное обаяние Василия Евгеньевича, внимание к окружающим, стремление поделиться своими знаниями и методами своей работы с учениками и молодыми коллегами, умение деликатно и ненавязчиво направлять работу студентов и аспирантов, искренняя заинтересованность в их успехах, их движение вперед отмечали все, кто соприкасался с ним. Глубочайшая духовная культура, подлинная интеллигентность делали его незаменимым руководителем. Его преданность и любовь к истории передавались всем, и не случайно он был любим своими учениками.

В январе 1985 г. на выпускном вечере студенты – заочники посвятили профессору Майеру стихотворение:

---

¹ Бессмертный Ю.Л. Памяти В.Е. Майера (1918-1895) / Ю.Л. Бессмертный // Средние века. 1986. вып. 49. С.332-333.

*Встреча с Вами, Василий Евгеньевич,
Воплощение нашей мечты.
Вы – пример человечности, мудрости,
Такта, воли и доброты.*

*Нам хотелось бы время общения
С Вами дольше продлить,
Но когда?
Мы уходим. От нас пожелания:
Не болеть, не стареть никогда.*

По иронии судьбы через месяц Василия Евгеньевича Майера не стало.

Восьмого февраля состоялось заседание кафедры. Скоро должны были закончиться каникулы у студентов. Василий Евгеньевич был полон планов. Уходя, он остановился в дверях родной кафедры, в пальто, с шапкой и портфелем в руках, обвел всех взглядом. Чуть постоял и молча, даже не попрощавшись, повернулся и ушел. Навсегда.

Несмотря на солнечный день, домой он вернулся сильно замерзшим, сказав встретившей его жене: «Этот ветер меня доконает». Как обычно, закрылся у себя в кабинете, чтобы закончить очередную статью. А под вечер зашел в гостиную посмотреть информационную программу «Время». Здесь его и настиг инсульт, перед которым врачи оказались бессильны. Через два дня, 10 февраля, В.Е. Майер скончался.

К сожалению, время быстротечно. За двадцать лет прошедших со дня смерти В.Е. Майера многое изменилось в нашей стране и исторической науке. Как бы воспринял это Василий Евгеньевич? Увы, этого уже не узнать никогда. Добрую память о В.Е. Майере коллектив исторического факультета сохраняет с трепетом, продолжая и развивая многие заложенные им традиции и принципы научно-педагогической деятельности. На факультете, согласно давно заведенной традиции проходят ежегодные Майеровские чтения. Они приурочены ко дню рождения В.Е. Майера (6 декабря). Обычно чтения проводятся силами преподавателей и студентов факультета, а в 2003 г. состоялась Всероссийская научная конференция «Историк и его дело», посвященная 85-летию со дня рождения В.Е. Майера.

В конференции приняли участие аспиранты, преподаватели, ученые из вузов Астрахани, Вологды, Глазова, Екатеринбурга, Ижевска, Йошкар-Олы, Липецка, Москвы, Н. Новгорода, Тюмени. Материалы конференции опубликованы в виде специального межвузовского сборника научных трудов в рамках регулярного кафедрального издания «Историк и его дело. Серия памяти профессора В.Е. Майера», тираж которого уже стал библиографической редкостью. В серии «Научная библиотека УдГУ» вышел библиографический указатель «Майер Василий (Вильгельм) Евгеньевич. К 85-летию со дня рождения», где даны анализ твор-

ческого наследия ученого и педагога, полный, уточненный список всех научных трудов, имеющаяся к настоящему времени литература о В.Е. Майере, а также воспоминания о нем супруги, коллег, учеников. Важным событием в жизни факультета стала реставрация и торжественное открытие мемориальной аудитории В.Е. Майера, ведущей свою историю с 1988 г., но пострадавшей от пожара несколько лет назад.

В 2004 г. благодаря инициативе и активному участию Республиканского центра российских немцев «Wiedergeburt» («Возрождение»), конференция получила новый статус и социальное значение. Коллектив исторического факультета решил выйти за рамки традиционной проблематики. Учитывая ставшие более тесными в последнее время международные связи наших стран и объявленный год Германии в России, а также плодотворные разносторонние контакты между УдГУ и германскими партнерами, акцент был сделан на обращении к феномену немецкой диаспоры в историческом контексте и на современном этапе.

Эта статья не только простое человеческое желание сохранить добрую память о Василии Евгеньевиче Майере, а следование одной из лучших традиций российской интеллигенции – выражение благодарности своим Учителям.

Д.А. ЧЕРНИЕНКО

*ИСТОРИК И ВРЕМЯ (ИЗ НАУЧНОЙ ПЕРЕПИСКИ
ПРОФЕССОРА В.Е. МАЙЕРА)¹.*

С развитием микроисторических подходов личностно-ориентированные исследования становятся все более актуальными и востребованными, поскольку проблемы самоидентификации, стимулы профессиональной деятельности, мотивы принятия решения в той или иной ситуации являются не всегда очевидными, они часто «прочитываются» по контексту, порой по мимолетным репликам и редко обнаруживаются в специальных текстах.

В публикациях последних лет присутствует тезис о том, что сегодня есть все основания говорить о складывании особого направления – «персональной», или «биографической истории».² При этом реконструкция личной жизни, судеб людей, изучение формирования и развития их внутреннего мира, эмоционально-духовной сферы, различных следов

---

¹ Впервые опубликовано: Черниенко Д.А. Историк и время (из научной переписки профессора В.Е. Майера) // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 28. М., 2009. С. 166-175.

² Репина Л.П. Персональные тексты и «новая биографическая история»: от индивидуального опыта к социальной памяти // Сотворение истории. Человек. Память. Текст / Отв. ред. Е.А.Вишленкова. Казань, 2001. С.344-345.

деятельности одновременно является и средством познания социума, в котором они жили и работали.

Персональная история в качестве источников использует самые обширные материалы. Высокая познавательная ценность источников личного происхождения в исторической науке давно известна. Со временем на помощь истории пришли данные лингвистических исследований и психология. В результате письма стали рассматриваться не просто как источники информации, но и как своеобразный коммуникативный акт. Первостепенное внимание предлагается уделять не только целям, условиям, обстоятельствам написания письма, признанию получил и не менее важный фактор адресата. Появилась возможность воспринимать эпистолярный текст как письменную форму межличностного общения («эпистолярную речь»). Сама тяга к общению в определенной ситуации может быть более значимым мотивом письма, нежели решение каких-то конкретных вопросов. Можно вспомнить, что один из известных отечественных исследователей частных писем Н.Л. Степанов еще в 1920-х гг. заметил, что дружеское письмо редко строится на однообразном материале, в его структуре обычно обнаруживается мозаика, пестрота разных тем, пластов материала и стиля, беспорядок и неожиданное столкновение которых мотивировано именно разговорностью. Ни конструкция, ни стиль письма не развиваются в пределах какого-то одного ряда, поэтому единого жанра письма нет, есть отдельные группы писем, которые должны и рассматриваться отдельно¹.

В 2008 г. исполнилось 90 лет со дня рождения Василия (Вильгельма) Евгеньевича Майера (1918-1985) – известного ученого-медиевиста, доктора исторических наук, профессора, многолетнего заведующего кафедрой всеобщей истории (1964-1985), одного из крупнейших специалистов советского периода по истории и культуре Германии XIV-XVI вв.², автора более 60 научных работ по проблемам аграрных отношений, источникам, немецкой историографии. Исследования именно этой тематики определили заметную роль В.Е. Майера в отечественной исторической науке 1960-80-х гг.³

Более 40 лет жизнь В.Е. Майера была неразрывно связана с Удмуртским государственным университетом (до 1972 г. – Удмуртским государственным педагогическим институтом (УГПИ)). Однако научно-педагогическая деятельность В.Е. Майера выходила далеко за рамки Ижевска и Удмуртии. Он участвовал в крупных научных форумах (кон-

---

¹ Степанов Н.Л. Дружеское письмо начала XIX в. // Русская проза / Под ред. Б.Н. Эйхенбаума, Ю.Н. Тынянова. Л., 1926. С. 74-101.

² См.: Майер В.Е. Уставы (Weistümer) как источник по изучению положения крестьян Германии в конце XV – начале XVI вв.: Дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 1955; Он же. Развитие производительных сил в сельском хозяйстве и аграрные отношения в Германии в XIV-XVI вв.: Дис. ... д-ра ист. наук. Ижевск, 1967.

³ Шишкина Н.Г. Василий Евгеньевич Майер: историк и его дело // Средние века / Ин-т всеобщ. истории РАН. Вып. 67. М., 2006. С. 216-245.

ференциях, симпозиумах, семинарах), солидных издательских проектах (например, «Хрестоматия по истории средних веков» (1963), «Проблемы генезиса капитализма (1979), «История крестьянства в Европе» (1986), «Средние века», неоднократно присутствовал на защитах диссертаций в качестве оппонента, писал рецензии на монографии и статьи, отзывы на авторефераты и т.д. Но, не имея в силу известных обстоятельств¹ возможностей для достаточно мобильного образа жизни, главной формой его социальной активности и общения с внешним миром оставалась переписка, которую сложно определить как исключительно научную, ее содержание гораздо шире и раскрывает различные стороны не только профессиональной деятельности, но и повседневной жизни.

Некоторое время назад семья В.Е. Майера передала в распоряжение кафедры истории древнего мира и средних веков УдГУ часть его личного архива, важным разделом которого (наряду с текущими рабочими документами) являются письма². В.Е. Майер вел активную переписку с учеными Москвы, Ленинграда, Вологды, Казани, Саратова, Свердловска, а также Киева, Харькова, Одессы и др.

В нашем распоряжении имеется переписка с ведущими отечественными медиевистами: Ю.Л. Бессмертным (Москва), А.Д. Люблинской (Москва), Л.Т. Мильской (Москва), А.И. Неусыхиным (Москва), С.М. Станом (Саратов), с коллегами-германистами М.М. Смириним (Москва), Ю.К. Некрасовым (Вологда), В.А. Ермолаевым (Саратов), а также Л.А. Дебровым (Саратов) и М.М. Ябровой (Саратов).

Важно принять во внимание, что, во-первых, переписка не является полной, и не все периоды жизни В.Е. Майера освещены равномерно; во-вторых, из двусторонней переписки сохранились либо собственноручные письма профессора, либо обращенные к нему, поэтому содержание недостающих звеньев можно лишь предполагать и реконструировать; в-третьих, часть писем сохранилась только в черновиках, поэтому вполне можно допустить, что они отличались от окончательных вариантов.

Большую часть архива представляет переписка В.Е. Майера со своим учителем, научным руководителем и многолетним консультантом М.М. Смириним, профессором МГУ, научным сотрудником Института всеобщей истории АН СССР, специалистом по истории позднесредневековой Германии, Крестьянской войны и Реформации, ставшего в ходе длительного сотрудничества другом и, в какой-то степени, покровителем

---

¹ 7 июля 1941 г., студентом исторического факультета МГУ В.Е. Майер добровольцем ушел на фронт, но в январе 1942 г. как этнический немец и, следовательно, потенциально неблагонадежный «элемент», был отозван из Красной Армии и отправлен в Удмуртию, на Увинский лесопункт, в лагерь № 75 для немецких военнопленных в качестве переводчика и политинструктора. Именно здесь в Увинском педучилище он начал педагогическую работу и после окончания МГУ вернулся в Удмуртию, но до конца жизни оставался «невыездным»

² В настоящей статье использованы материалы 32 писем.

В.Е. Майера в столичных научных кругах. Переписка длилась более 25 лет (1951-1975 гг.) и позволяет проследить, как складывались отношения учителя и ученика, что их волновало, над чем они работали¹. В этих письмах раскрывается не только процесс становления В.Е. Майера как медиевиста-германиста, но и особенности времени, те далеко не «тепличные условия, в которых шла серьезная научная работа. Например, в письме от 17.02.1954 г. на вопрос М.М. Смириня о его положении в институте В.Е. Майер ответил: «Теперь я выполняю массу поручений не всегда по назначению: за последний месяц читал в пяти местах лекцию о 300-летию воссоединения Украины с Россией, делал доклад на городской секции историков о проекте новой программы, участвую в предвыборной кампании, но все это отдых по сравнению с той работой, которая предстоит над диссертацией...».

В.Е. Майер переживал, по-видимому, определенный душевный разлад, вызванный, с одной стороны, желанием ставить и достигать новые высокие цели, чувствуя уверенность в собственных силах, а с другой стороны, понимая невозможность реализовать все задуманное в реальности (среди наиболее болезненных для него проблем чаще всего отмечаются удаленность от центральных библиотек, длительное ожидание заказанных книг, большая педагогическая нагрузка и недостаток времени для исследовательской работы, сложности в получении командировок, необходимость улаживать массу бюрократических формальностей для прикрепления к московским кафедрам). В письмах присутствует очевидная тяжесть личных и организационных проблем, но они оставляют все же очень светлые впечатления. Даже став доктором наук, профессором В.Е. Майер оставался добросовестным учеником М.М. Смириня, уважающим своего руководителя, учитывающим все его советы.

В научной переписке с другими коллегами главными также были вопросы, связанные с научной специализацией В.Е. Майера – социально-экономической историей средневековой Германии, в том числе понимание противоречивости тенденций в аграрной сфере, дискуссии по поводу восприятия бюргерства как «класса» феодального общества, целесообразность использования для анализа материалов в широких хронологических рамках, обсуждение изданий источников и т.д. К Майеру, учитывая его доскональное знание языка не только изучаемой страны, но и изучаемой эпохи, нередко обращались за разъяснениями немецких научных терминов, понятий в источниках, за толкованием содержания вайстюмов.²

---

¹ Полная подборка писем В.Е. Майера и М.М. Смириня с комментариями опубликована: Научное наследие В.Е. Майера. Из переписки с учителем и другом // Историк и его дело. Серия памяти профессора В.Е. Майера. Вып. 6. Ижевск: УдГУ, 2007. С. 172-202.

² Вайстюмы (уставы) – записи обычного права общин-марок Германии, Швейцарии, Австрии, составлявшиеся на крестьянских собраниях. Приобрели массовый харак-

Переписка ясно демонстрирует те принципы организации научных исследований, на которых стояли В.Е.Майер и его коллеги.

Во-первых, желание преодолеть узкие границы научной специализации, что проявлялось в интересном сотрудничестве «аграрников» и «урбанистов», а также исследователей истории разных стран. Например, в письме от 14.01.1985 к В.Е. Майеру обратился С.М. Стам с предложением дать отзыв на докторскую диссертацию М.М. Ябровой¹: «Хоть Вы и не британист, но вопросы истории средневекового города и проблема раннекапиталистического развития Вам не чужды, и Ваше слово в этой области весьма весомо».

Во-вторых, обязательное знакомство с зарубежным опытом (через рецензирование книг, статей), понимание важности его распространения среди советских историков. В 1977 г. В.Е. Майер готовил рецензию на книгу медиевиста из ГДР В. Мэгдефрау о средневековых городах Тюрингии. Саратовские коллеги горячо поддержали эту инициативу². По этому поводу С.М. Стам, обращаясь 21.11.1977 к В.Е. Майеру, так сформулировал свое отношение к дискуссионной теме: «Естественно, можно соглашаться или не соглашаться с пониманием бюргерства как класса феодального общества. Можно сказать, что вопрос этот, с Вашей точки зрения, еще требует дальнейшего исследования и осмысления, что едва ли то или иное его решение в настоящее время можно считать вполне бесспорным. Но – хорошо ли аргументировать тем, что у нас господствует иное воззрение? Ведь научные споры не решаются большинством голосов, и даже Коперник когда-то был в абсолютном меньшинстве. И, кто его знает, может быть у нас нет причин кичиться «состоянием дела у нас». Может быть, историки ГДР в чем-то ошибаются, но они немало сказали и думали по этим вопросам. Мы же – только начинаем думать».

Конечно, в переписке речь шла не только о сугубо научных делах. Повседневные сюжеты также присутствуют в явном виде – в предельной вежливости и чуткости обращений, в постоянной заботе о здоровье друг друга, о делах семьи, о бытовых радостях, как например новоселье В.Е. Майера в 1977 г., в теплых дружеских поздравлениях сл всеми праздниками, в обмене приятными открытками, в рассказах о работе университетах и институтах.

тер в XV- XVIвв. Отражают различные стороны деревенской жизни: структура хозяйства, права и обязанности, виды деятельности, торговля, промыслы, социальные отношения, быт, коллективные представления и т.д.

¹ Диссертация защищена по книге: Яброва М.М. Зарождение раннекапиталистических отношений в английском городе (Лондон XIV- начала XVI вв.). Саратов, 1983. 230 с.

² Майер В.Е. [Рец. На кн.: Mägdefrau W. Der Thüringer Städtebund im Mittelalter. Weimar, 1976] // Историографический сборник: Межвуз. сб. науч. тр. / Ред. Г.Д. Бурдей и др. Саратов, 1981. Вып. 6(9). С. 140-157.

Важно заметить, что университетская тема проходит сквозной нитью через все эпистолярное наследие. В.Е. Майер нередко извинялся, что не может работать более интенсивно, поскольку не позволяют административные обязанности (имеется в виду помимо заведования кафедрой его многолетнее пребывание в должности декана и проректора по научной работе в 1960-70-х годах). В письме к М.М. Смирину от 04.11.1961 г. В.Е. Майер прямо признался: «К сожалению, у меня было мало времени, чтобы писать. Дело в том, что я уже четвертый год декан, и только в этом году меня обещали освободить от этой адской должности. Так что не думайте, что я не пишу, я пишу, но все могло бы идти быстрее...». На что тот отреагировал так: «По поводу Вашей административной работы я Вам очень сочувствую. Насколько я вас знаю, Вам больше подходит научно-исследовательский труд». Позднее, узнав о сложении Майером обязанностей проректора, в марте 1977 г. Л.Т. Мильская откровенно поздравила профессора: «Я не знала, что Вы уже стали свободным человеком. Рада за Вас. Мои административные обязанности не идут ни в какое сравнение с вашими, но и они делают собственно научную работу почти невозможной».

Общими проблемами, которые были хорошо понятны и заботили коллег-ученых из разных городов, являлись:

1) как правило, медленный выход печатной продукции, обусловленный неторопливостью работы издательства или типографии, либо даже нередким отсутствием бумаги;

2) излишний бюрократизм в научно-образовательной сфере. Показателен в этом отношении один случай. Речь шла о подготовке крупного научного симпозиума по аграрной истории в Ижевске¹. На плечи В.Е. Майера как главного инициатора его проведения легла вся тяжесть административной работы, чем он и поделился с С.М. Стамом, сетуя на некие инструкции министерства, требовавшие, как можно понять из письма, предоставить программу симпозиума в окончательном виде задолго до его начала, что было на практике не осуществимо. Стам согласился с этим: «Да, признаться, я не уверен, что живое научное дело можно вписать в строгий распорядок инструкции... Чрезмерная регламентация может только затруднить вашу работу и обеднить содержание симпозиума» (29.04.1978), и впоследствии просил выслать официальное приглашение на симпозиум в Ижевск как можно раньше, поскольку «бумага от ректора до истфака может идти и две недели»;

3) исследователей из провинции, возможно, тревожило и некоторое чувство дистанцированности. 21.04.1954 г. Майер отве-

---

¹ Научный симпозиум по проблемам аграрной истории развитого феодализма. Ижевск, 23-26 сентября 1979 г.. См. его материалы: Аграрная история эпохи феодализма: Сб. науч. тр. / Редкол.: В.Е. Майер и др. Ижевск, 1983. 180 с.

чал Смирину на его замечание об излишней детализации историографических обзоров во вводной части кандидатской диссертации: «Вся беда в том, что когда пишешь в провинции на такую тему, то кажется, что необходимо побольше приводить примеров, говорящих о том, что ты именно читал и знаком с этими произведениями и концепциями. Много ошибок можно было бы сразу исправить, если бы своевременно консультироваться... Я все же боюсь, что открыл Америку, остается только ждать Вашего заключения по моим соображениям». Не случайно подобные настроения разделял и его саратовский коллега В.А. Ермолаев: «Мне в моей работе над Гейльбронской программой приходится полемизировать и с западными историками... и с весьма модернизаторскими стремлениями историков ГДР. И не с кем посоветоваться. Если бы был жив Моисей Менделевич, то он, несомненно, отнесся бы с интересом к моей работе, хотя, может быть, и не все одобрил бы. Вы – далеко, Стам, хоть и близко, но он не германист и он очень занят, чтобы вникать в мою тему. Вот и приходится «вариться в собственном соку» (15.03.1979).

В этой связи, обращает на себя внимание неутолимое желание В.Е. Майера быть в курсе процессов и тенденций в среде историков ГДР. И московские коллеги, как могли, поддерживали это стремление, по возможности сообщая о своих поездках, интересных книгах, сборниках, проектах сотрудничества, докладах немецких ученых в Москве. «...Я получил ваше письмо после возвращения из ГДР, где принимал участие в Эрфуртской конференции, посвященной 450-летию крестьянской войны. После конференции все участники совершили экскурсию в автобусе по Тюрингии, останавливаясь во всех местах, связанных с именем Томаса Мюнцера и его деятельностью. Было очень интересно... Доклад, сделанный мною на заключительном пленарном заседании, был на тему «Передовые идеи народной реформации». Отчет о конференции и сделанных на ней докладах будет напечатан в первых выпусках «Zeitschrift für Geschichte» за 1975 г. И в ближайшем выпуске нашего сборника «Средние века»... В ГДР историки очень интересуются Вашей монографией¹ и перспективой ее напечатания...», - делился своими новостями М.М. Смирин в письме 18.11.1974 г.

В научной переписке перед нами раскрывается особое интеллектуальное пространство сотворчества, поиска, внецензурной свободы слова. Любопытен факт для неформального общения историков марксистской, материалистической закалки: в небольшом письме из саратовского университета 10.11.1978 г. речь шла о задержке с выходом очередного выпуска «Историографического сборника». Посетовав на крайне медленную работу типографии и другие причины Л.А. Дебров высказы-

---

¹ Имеется в виду монография: Майер В.Е. Деревня и город Германии в XIV-XVI вв. (развитие производительных сил). Л., 1979. 168 с.

вает надежду, что сборник будет выпущен не иначе как «с божьей помощью» и призывает В.Е. Майер набраться «ангельского терпения».

Обращает на себя внимание такое качество как отсутствие боязни собственных ошибок, и даже потребность признания в них перед своими коллегами. В письме от 15.09.1979 г. В.А. Ермолаев сокрушался: «Дела мои идут (вернее - тащатся) очень медленно. Только я выработал довольно стройную схему происхождения Гейльбронской программы и сопровождающих ее документов, как «begriffen» ее разбило. У меня была робкая надежда, что «begriffen» не есть «verfallen», но Майер и Гримм¹ ее тоже разбило. Теперь надо иначе все объяснять. Благодарю. Вас за доскональное исследование этого слова. У меня было бы к Вам много вопросов, но я не хочу Вас затруднять и буду надеяться на личную встречу, когда я Вас заброшу вопросами. Вы сами прекрасно знаете язык, а длительное изучение Weistümer сделало Вас знатоком Mittelhochdeutsch».

Нельзя не отметить чрезвычайно нарядный график работы ученых, большой объем обязательств перед студентами, издательствами, организаторами конференций. Такой интенсивный ритм жизни, а главное постоянное переживание за результаты, за качество работы действительно подтачивали здоровье и преждевременно обрывали судьбы ученых: «Дорогой М.М. Не заболели ли Вы?.. Становится грустно и не по себе, когда долго от Вас не бывает писем», – переживал В.Е. Майер в письме от 18.11.1961 г. Сам Майер активно работал до последних дней жизни, последняя корреспонденция к нему датирована январем 1985 г. (за месяц до кончины); в ней строятся новые планы, намечены перспективные исследования, желательные публикации. Наверное, символично, что оба ученых ушли из жизни практически за письменным столом.

Знакомство с перепиской приводит к пониманию того, что для В.Е. Майера было очень важно чувствовать востребованным, постоянно получать информацию, знать, что коллеги искренне интересуются его планами, новыми исследовательскими задумками, предстоящими публикациями. Репутация Майера в советском научном обществе была действительно высока. Из множества комплиментов в его адрес, пожалуй, чаще всего речь идет о его отзывчивости на любые просьбы о помощи и сотрудничестве, а также пунктуальность (что можно, по-видимому, считать национальной чертой).

Предварительный обзор эпистолярного наследия профессора В.Е. Майера раскрывает перед нами сложный, многогранный мир в самом лучшем смысле этого слова «советской научной творческой интеллигенции», лишенной пресловутой ортодоксии, глубоко порядочной по от-

---

¹ Имеется в виду Якоб Гримм (1785-1863), один из двух знаменитых братьев-писателей, филологов, фольклористов. Я.Гримм собрал и опубликовал четыре тома вайстюмов. После его смерти вышло еще два тома и один том справочных указателей. В.Е. Майер работал с репринтным изданием этих текстов: Grimm J. Weistümer. Berlin, 1957. Bd. 1-7.

ношению к коллегам даже в конфликтных ситуациях, трудных спорах, с постоянной готовностью к помощи¹, с неподдельным интересом к успехам друг друга (выход книг, удачных статей и т.п.), фантастически работоспособной, увлеченной, преданной своему делу, ищущей, стремившейся достойно преодолевать возникавшие трудности. Как представляется, это те ценности, которые должны быть навечно вписаны в кодекс чести ученого и могут оставаться нравственным ориентиром для будущих поколений.

Нельзя не согласиться с супругой В.Е. Майера Б.П. Сысоевой-Майер: «Светлая бескорыстная дружба, большое уважение, взаимная забота, помощь и поддержка, требовательность и честность, тщательность в исследовании научных фактов наполняли жизнь этих людей глубоким смыслом, радостью творческого труда»².

Обращение к сложным, глубоким, противоречивым, но чрезвычайно ценным и уникальным текстам личного происхождения и есть тот самый «диалог со временем», к которому, наверное, стремится каждый настоящий историк.

---

¹ Л.Т. Мильская как член редколлегии «Средних веков» много работала с материалами В.Е. Майера, которые требовали частых перепечаток, так как содержали вписанные позднее немецкие термины и обильные сноски. Чаще всего эту работу выполняло, как и полагается, «машбюро». Но в особенно экстренных ситуациях или в случаях «капризов» секретарей Мильская перепечатывала статью Майер собственноручно.

² Научное наследие В.Е. Майера... С. 202.

Научное издание

**ПРОФЕССОР ВАСИЛИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ МАЙЕР
В ВОСПОМИНАНИЯХ И ПИСЬМАХ**

Составитель **Б.П. Сысоева**

Авторская редакция

Компьютерная верстка и техническая редакция Е.В. Леонтьева,
Л.Б. Ляпунова, А.Л. Туркевич, Д.А. Черниенко

Подписано в печать _____ 2012 г.
Формат 60x84 1/16. Печать офсетная. Усл. печ. л.
Тираж 200 экз. Заказ № _____

Издательство «Удмуртский университет»
426034, Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 4.
Тел./факс: +7(3412) 500-295 E-mail: editorial@udsu.ru